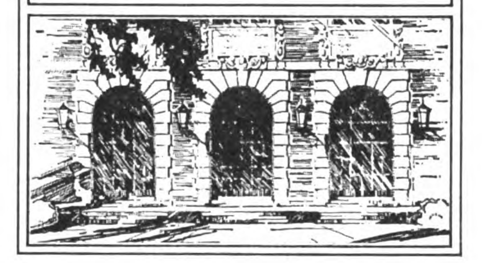

Адресъ редакціи и конторы: Баскова ул., 9. Телефонъ № 20-83.

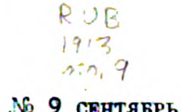
СЕНТЯБРЬ. 1913.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

№ 9.

СОДЕРЖАНІЕ:

057
RUB
1913
no. 9

СЕНТЯБРЬ. **1913.**

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 9.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія СПБ. Акц. Общ. „СЛОВО", ул. Жуковскаго, 21.
1913.

СОДЕРЖАНІЕ:

МУТЬ.

Повѣсть.

(Окончаніе).

XXIX.

И вотъ опять тѣ же душныя, аптечнымъ запахомъ пропитанныя комнаты, зеленые столы, водка, закуска, висячіе усы аптекаря, сонная женщина съ лѣнивымъ вопросомъ: „вамъ чего, водки или чаю?"... И въ табачномъ дыму, среди разноголосаго шума и раскатовъ хохота, продолговатое, смугло-блѣдное лицо, на которомъ тускло блестятъ большіе темные глаза и ярко пунцовѣетъ влажный пламенный ротъ. Это она... Раиса Сергѣевна... Она сегодня удивительная въ черномъ японскомъ халатикѣ, съ краснымъ шарфомъ на головѣ, огненной паутиной опутывающемъ черные пышные волосы. Какъ случилось, что они вдвоемъ очутились за столикомъ у раствореннаго окна,—Вася и самъ хорошенько не знаетъ, но это все равно. Она—удивительная! И такъ пріятно шумитъ въ головѣ отъ выпитаго вина, и кажется, что они знакомы уже сто лѣтъ и будто бы Вася давнымъ-давно зналъ, что живетъ она здѣсь ради больного отца, что была два раза замужемъ, и первый ея мужъ, офицеръ, застрѣлился, растративъ казенныя деньги, а отъ второго она ушла сама. Почему?.. Ахъ, это неинтересно, почему. Просто, были у нихъ разные вкусы, разные характеры; онъ любилъ вкусную ѣду, дорогія вещи, покой, порядокъ, а ее тянула жизнь богемы, она скучала среди его положительныхъ и серьезныхъ знакомыхъ, и вотъ однажды въ Парижѣ, когда онъ ушелъ на дѣловое свиданіе по какимъ-то своимъ коммиссіоннымъ дѣламъ, она отправилась на Сѣверный вокзалъ, взяла билетъ III класса и уѣхала въ Россію... Странная женщина, и не разберешь, кто она такая: маленькая, злая дьяволица... или больная, кѣмъ-то глубоко и больно обиженная дѣвочка? Все равно! У нея чудесный вибрирующій голосъ и измѣнчивое, то злымъ смѣхомъ, то тихою печалью

озаряемое лицо. И какъ жутко, какъ таинственно блестятъ огромные глаза изъ-подъ нѣжной ткани шарфа...

— Ну, давайте же чокнемся!—говорила она, протягивая Васѣ свой стаканъ.—За забвеніе прошлаго... да?

— Хорошо... Но и за будущее также. За свѣтлое, красивое будущее!

Раиса Сергѣевна отрицательно покачала головой.

— Нѣтъ, это не для меня. Вы—счастливый, у васъ есть будущее, а я... я вся въ прошломъ!

— Въ двадцать три года? Что вы, Раиса Сергѣевна!

— При чемъ тутъ года? Можно мало прожить, но много пережить... а вы знаете теперь, сколько я пережила. Ахъ, мнѣ кажется иногда, что я ужасно-ужасно стара!..

Она облокотилась на столъ и, еще ближе склонившись къ Васѣ, пристально глядя ему въ глаза, продолжала:

— А какъ это странно... Вѣдь мы съ вами совсѣмъ не знаемъ другъ друга, а вотъ я сижу и разсказываю вамъ всю свою подноготную. Странно, неправда ли?

— Нѣтъ. Очень хорошо! Я думаю, такъ и нужно. Просто, совсѣмъ просто и... по человѣчески!

— Да... но вѣдь не со всѣми такъ просто! Съ другими даже вовсе нельзя... языкъ не повернется. Или не поймутъ, или... А вотъ я смотрю на васъ,—и мнѣ нисколько не страшно! Можетъ быть, это оттого, что вы такой юный и потомъ... не здѣшній! Это какъ на желѣзной дорогѣ... съ вами случалось? Вдругъ совсѣмъ незнакомому человѣку возьмешь—и все-все-все разскажешь! А потомъ онъ въ одну сторону, ты въ другую—и разъѣдешься, чтобы никогда больше не встрѣчаться!

— Ну, зачѣмъ же такъ? я бы не хотѣлъ этого... разъѣзжаться-то! Такъ мало встрѣчается интересныхъ людей... а вы... ну, я тоже буду просто говорить... вы—интересный человѣкъ, Раиса Сергѣевна!

— Ну, это только такъ кажется... при первомъ знакомствѣ! А узнаете поближе—ничего интереснаго! Настоящіе интересные люди или умерли, или... гдѣ-нибудь умираютъ. А мы всѣ—мы самые обыкновенные, сѣренькіе людишки! Вотъ утѣшаемся виномъ и картами, грыземся, какъ пауки въ банкѣ.

Въ сосѣдней комнатѣ, за карточными столами вспыхнула ссора. Кто-то грубо и настойчиво заявлялъ, что порядочные люди такъ не дѣлаютъ; визгливый женскій голосъ старался его перекричать:

— Вы лжете, лжете! Это вы сами заглядывали въ прикупку!

— Я заглядывалъ? Господа! заткните ей глотку!

— Постойте, постойте... Это чей тузъ?

— Тузъ? Какой тузъ?

— Тузъ-пикъ, въ морду ему тыкъ!..

— Стерва!

— Жуликъ!..

И, словно масляная струя въ бушующее море, сладкій голосъ аптекаря примирительно влился въ хаосъ негодующихъ возгласовъ, брани и насмѣшливыхъ подстрекательствъ.

— Будемте корректны, господа, это недоразумѣніе! Могу васъ увѣрить, что въ прикупкѣ туза не было, ибо прикупилъ я! Корректность прежде всего!

— Конечно!—подтвердилъ уже успокоенный женскій голосъ.—Кажется, можно бы понять, что здѣсь не извозчичій дворъ, а позволяютъ себѣ такія выраженія, за которыя порядочные люди по мордѣ бьютъ...

— Слышите? — сказала Раиса Сергѣевна. — Вотъ наша жизнь. И такъ каждый день и... и „никогда ничего не случается", какъ говоритъ этотъ жалкій Фіалкинъ.

Въ окно ворвался свѣжій, ночной вѣтерокъ, всколыхнулъ занавѣску и принесъ съ собою пѣніе пѣтуховъ, далекій звонъ почтоваго колокольчика и запахъ укропа, такой здоровый и невинный въ этой душной, дымной, нечистой атмосферѣ.

Раиса Сергѣевна откинула занавѣску, прилегла грудью на подоконникъ и жадно дышала, вглядываясь въ темноту.

— А, хорошо!.. Колокольчики... Уѣхать бы куда-нибудь... по безконечной дорогѣ, въ безконечную даль. Глядѣть на небо—и дышать, дышать!..

— Поѣдемте! Вотъ сейчасъ... возьмемъ тройку и поѣдемъ куда глаза глядятъ. И чтобы назадъ не возвращаться никогда...

— Нѣтъ... нельзя.

— А!.. Боитесь?—сказалъ Вася, чувствуя приливъ необычайной удали и рѣшимости.—Вотъ видите... стало быть, и у васъ есть что-то, отъ чего нельзя уйти.

— А отецъ? Что съ нимъ-то будетъ, когда я его брошу?.. Нѣтъ, куда ужь тамъ ѣхать... да и зачѣмъ? Все равно... вездѣ то же самое. Вѣдь это только такъ кажется, что гдѣ-то и люди лучше, и жить легче. Ахъ, надоѣло все!..

Она опять высунулась въ окно, долго прислушивалась къ чему-то и вдругъ быстро отпрянула, точно испугалась.

— Какъ жутко... Сегодня какая-то особенная ночь. Темная, тихая и... таинственная. Посмотрите... Вамъ не кажется, что тамъ, въ темнотѣ, творится что-то страшное?

Вася вздрогнулъ, вспомнилась смерть дяди. Огромная

зала, желтыя, оплывающія свѣчи, заунывное чтеніе съ гулкими откликами въ углахъ и на столѣ — синій, холодный трупъ... Пожимаясь отъ нервнаго озноба, онъ машинально налилъ полный стаканъ вина, выпилъ залпомъ... и снова все задернулось легкой, прозрачной дымкой, стало пріятно и все равно.

— Ну... что тамъ... страшное?—слегка запинаясь и ласково глядя на Раису Сергѣевну, вымолвилъ онъ.—Когда-нибудь... умремъ всѣ... А теперь будемъ жить. Вы не правы, Раиса Сергѣевна... не все хорошее умерло. Мы еще увидимъ... да... И люди есть... о, еще какіе удивительные!.. Вездѣ... и здѣсь также... вотъ, напр., Усольскій.

Теперь вздрогнула Раиса Сергѣевна, серьезно посмотрѣла на Васю, лицо стало строгое и замкнутое.

— Что такое—Усольскій? Почему вы вспомнили объ Усольскомъ?

— Да потому, что онъ не такой, какъ всѣ.

— Не надо...—перебила его Раиса Сергѣевна и даже за руку схватила.—Не говорите ничего... Нельзя здѣсь, въ этомъ кабакѣ... Я васъ прошу!

Вася немного отрезвѣлъ и крѣпко пожалъ тонкую, твердую руку.

— Простите. Я забылъ. Да, правда, здѣсь не надо.

— Ну вотъ, ну вотъ... вы поняли? Какъ хорошо... какой вы славный!.. Спасибо, спасибо... Пусть мы маленькіе, сѣрые людишки, пусть пьяные, развратные, трусливые... это ничего! Но все-таки и у насъ есть что-то святое... и надо его беречь, надо, чтобы къ нему не притрогивались грязныя руки,—иначе что же? Уже совсѣмъ конецъ? Погибель? Не во что вѣрить! Нечему молиться!..

Она отвернулась и долго молчала, глядя въ окно. Тамъ что-то осторожно зашуршало, должно быть, пошелъ мелкій дождь.

— Фу, какая странная ночь!.. Давитъ сердце... трудно дышать.

— Это отъ дыму. Смотрите, какъ накурили, зги не видно.

— Ахъ, пустяки! Здѣсь всегда такъ, а у меня раньше этого не было... Я черезчуръ много говорила... это рѣдко со мной. Разворочала душу-то, вотъ и... Налейте мнѣ вина!

XXX.

Загремѣли стулья, за однимъ изъ столовъ кончили игру и съ громкимъ говоромъ, расправляя затекшія отъ сидѣнья ноги, вышли поразмяться. Аптекарь заглянулъ въ дверь и нарочно какимъ-то козлинымъ голосомъ запищалъ:

— Хе-хе-хе, да вотъ они гдѣ? То-то я смотрю, что такое Раички нѣту? А она тутъ съ студентомъ амурничаетъ, каково? О, любовь! „Это чувство не простое, оно волнуетъ кровь!“

Вслѣдъ за аптекаремъ ввалились и другіе игроки и, окруживъ Раису Сергѣевну, сразу наполнили комнату запахомъ пота, табачнаго дыма и перегорѣлой водки. Раиса Сергѣевна встала.

— Охъ, надоѣли вы мнѣ всѣ! Любовь-любовь... вѣчно одно и то же, хоть бы новое что-нибудь придумали! И вѣдь, главное, сами хорошо знаютъ, что никакой любви нѣтъ и все это вздоръ!

Раиса Сергѣевна нетерпѣливо передернула плечами и пошла изъ комнаты. Всѣ устремились за ней.

— Пѣть, пѣть, господа! Раичка, давайте тонъ!

Аптекарь суетливо зажигалъ свѣчи на піанино, Раиса Сергѣевна съ скучающимъ видомъ сѣла на табуретку и, морщась, тронула клавиши, которыя издали дребезжащій звукъ. Дамы окружили ее и съ жаднымъ вниманіемъ оглядывали ея костюмъ.

— Раиса Сергѣевна, это у васъ что-то новое? Японское матинэ, да?

— Какая прелесть!.. Кто вамъ шилъ? Дайте мнѣ выкройку.

— Ну что же, господа, пѣть такъ пѣть! — нетерпѣливо сказала Раиса Сергѣевна.

Долго сговаривались, что пѣть. Затянули было: „Ой, у поли жито“, но вдругъ кто-то загорланилъ „Настасью“, спуталъ весь хоръ, такъ ничего и не вышло.

Раиса Сергѣевна, смѣясь, обернулась на сконфуженныхъ пѣвцовъ, — на лицѣ ея мелькнуло что-то шальное, лукавое, и вдругъ она съ безшабашной удалью заиграла трепака. Всѣ оживились, задвигались, засмѣялись, лѣсовикъ бросился къ Раисѣ Сергѣевнѣ.

— Ну, голубочка, ну, русскую, ну, что хошь бери, только распотѣшь мою душу!..

Раиса Сергѣевна быстро вскочила и взмахнула шарфомъ.

— Ладно! Давайте плясать... Кто играть будетъ?

— Плясать, плясать... Раичка плясать будетъ!.. — пронеслось по комнатѣ.

Поспѣшно сдвигали къ стѣнѣ столы, стулья, въ одинъ мигъ около Раисы Сергѣевны образовался кругъ, даже самые закоренѣлые игроки вставали съ своихъ мѣстъ и съ картами въ рукахъ присоединялись къ зрителямъ. Вася смотрѣлъ на Раису Сергѣевну, у него сжалось сердце. Было жалко ее и стыдно. „Неужели она будетъ плясать? Зачѣмъ

это, зачѣмъ?"...—подумалъ онъ и тихонько тронулъ ее за рукавъ.

— Раиса Сергѣевна!.. Ради Бога... не надо!

Она обернулась и съ дерзкимъ вызовомъ взглянула на Васю.

— Что такое? Почему не надо? Я хочу... Ну, скорѣй, скорѣй, играйте же! — крикнула она и капризно топнула ногой.

Аптекарша съ такою же сонною улыбкой, съ какой она разливала чай, забарабанила плясовую и Раиса Сергѣевна, слегка раскачиваясь и изгибаясь, пошла по кругу. Черный халатикъ ея красиво волновался вокругъ тѣла, огненнымъ облакомъ несся за нею длинный шарфъ, было что-то жгучее, опьяняющее въ этой странной, черно-красной фигуркѣ, и пьяный хмель ударялъ въ голову, и жаркимъ пламенемъ зажигались сердца. Сами собой хлопали руки и топали ноги, горячей кровью наливались лица, знойный туманъ разстилался въ глазахъ, и хотѣлось кричать, смѣяться, кружиться, и все невозможное казалось возможнымъ и простымъ.

Неизвѣстно какъ около Васи очутился Аполлонъ. Огромная голова его тряслась, лицо было искажено мучительной гримасой, онъ былъ, какъ безумный, и безсвязно шепталъ:

— Ну вотъ, смотрите, какая она... чертовка! Дьяволъ... Ей бы на Лысой горѣ... съ сатирами, съ козлами... Не могу! Не могу видѣть, какъ всѣ эти гады смотрятъ на нее... И она позволяетъ... маленькая, злобная змѣя... Да, да, вы не вѣрите? Не женщина, а змѣя... ядовитая гадюка...

Вася его не слушалъ и такъ же, какъ и всѣ, стиснувъ зубы, съ туманомъ въ глазахъ, съ бѣшено бьющимся сердцемъ смотрѣлъ на Раису Сергѣевну. Онъ не узнавалъ ея, онъ не вѣрилъ, чтобы эта неистовая вакханка была та же самая женщина, которая вотъ сейчасъ только тамъ, въ темнотѣ, у отвореннаго окна, тихо тосковала о томъ, что жизнь такъ темна и печальна, что все прекрасное умерло или умираетъ, а сѣренькіе людишки хозяйничаютъ на землѣ. И вдругъ ему вспомнились дѣвки... Босыя, голодныя и холодныя дѣвки, на буграхъ, вокругъ костровъ, празднующія свою короткую молодость, свой единый часъ радостнаго забвенія...

А пляска становилась все безумнѣе и головокружительнѣе. Даже сонная аптекарша проснулась, заразилась общимъ одушевленіемъ и клавиши подъ ея пальцами кричали, прыгали и скакали, какъ сумасшедшія. Раиса Сергѣевна была страшно блѣдна и на этомъ помертвѣвшемъ лицѣ еще тем-

нѣе и больше казались глаза, и яркимъ цвѣткомъ алѣлъ полуоткрытый ротъ.

— Эхъ, чортъ меня подери!—въ восторгѣ прорычалъ лѣсовикъ, хватаясь за голову. Раиса Сергѣевна оглянулась, и, заломивъ руки надъ головой, волчкомъ закружилась по комнатѣ. У Васи захолонуло внутри. Было уже не стыдно и никого не жалко, онъ больно толкнулъ кого-то локтемъ, рванулся впередъ и, по мальчишески перекувыркнувшись, пустился въ плясъ. Топотъ, ревъ, плескъ аплодисментовъ привѣтствовали его.

— Здорово! Браво! Молодчина! Вотъ такъ студентъ!

Неожиданно въ бурю криковъ, свиста, хохота и грохота пьянино съ улицы ворвались тревожные голоса, потомъ у подъѣзда отчаянно зазвонилъ звонокъ, хлопнула дверь и съ испуганнымъ лицомъ вбѣжалъ аптечный сторожъ.

— Баринъ! Въ аптеку пожалуйте!..—закричалъ онъ, ища глазами аптекаря.—Несчастье тамъ... Докторъ Усольскій отравился!..

— Что за чортъ?..—пробормоталъ аптекарь и побѣжалъ изъ комнаты.

Звуки трепака сразу смолкли. Аптекарша ахнула, побѣжала вслѣдъ за мужемъ. Раиса Сергѣевна пошатнулась. Вася едва успѣлъ ее поддержать. Она тяжело дышала, ловила ртомъ воздухъ, едва слышно просила воды.

Всѣ тихо и смущенно стали расходиться и только теперь замѣтили, что на дворѣ-то было уже совсѣмъ свѣтло. Сонно и угрюмо желтѣли огни лампъ, зѣвало раскрытое пьянино. Даже самыя стѣны, казалось, изнемогали отъ усталости и съ молчаливой тоской ждали тишины и покоя послѣ пьяной, угарной ночи. Одни закоренѣлые картежники не торопились и тихонько, притаившись въ уголку, доигрывали начатую игру.

Аполлонъ, весь сѣрый, похожій на трупъ, трясущимися руками держалъ передъ Раисой Сергѣевной стаканъ съ водой и она жадно пила большими глотками, вздрагивая и глубоко вздыхая.

— Я такъ и знала... я такъ и знала, — бормотала она послѣ каждаго глотка.—Я это чувствовала.. такая страшная ночь... я знала, что онъ умретъ...

— А сами плясали въ это время!..—со злостью прошипѣлъ Аполлонъ.

Строго и печально взглянула на него Раиса Сергѣевна.

— Ну, чтожь.... ну, и плясала... Ну, и что же изъ этого?.. Можетъ быть, оттого и плясала, что... Ахъ, ничего-ничего вы не понимаете!

Она встала, зябко кутаясь въ свой красный шарфъ. Аполлонъ съежился.

Вошелъ аптекарь, кислый, весь какой-то обвисшій, налилъ себѣ пива и залпомъ выпилъ.

— Ну, что тамъ?—спросилъ Вася.

— Да что? Кранкенъ, конечно...—осипшимъ какимъ-то голосомъ отвѣчалъ аптекарь.—За кислородомъ присылали... какой тамъ кислородъ, когда ужь... померъ давно...

— Пойдемте туда...—шопотомъ сказала Раиса Сергѣевна.

— Ну, ужь это напрасно!—воскликнулъ аптекарь и еще выпилъ пива.—Тамъ теперь... брр!.. Идите-ка лучше спать!

— Нѣтъ, нѣтъ... я пойду!—настойчиво повторила Раиса Сергѣевна и схватила Васю за руку своей холодной, какъ ледъ, рукой.

Они вышли. Аполлонъ поплелся за ними съ тѣмъ же покорнымъ, приниженнымъ видомъ виноватой собаки.

Утро вставало тихое, радостное, умытое ночнымъ дождемъ. На мокрыхъ деревьяхъ висѣли тяжелыя, хрустальныя капли, въ вѣтвяхъ возились и чирикали просыпающіяся птицы. Блѣдное, чистое небо уже начинало золотиться, но городъ еще спалъ и пустынныя улицы и дома съ закрытыми ставнями были по ночному молчаливы и таинственны. Раиса Сергѣевна еще крѣпче сжала Васину руку, онъ чувствовалъ, что она вся дрожала, и самъ дрожалъ отъ утренней свѣжести и отъ тоскливаго безпокойства, которое вновь наполнило его душу. Ночной хмель прошелъ и, какъ всегда бываетъ послѣ безсонной ночи, казалось, что вчерашній день еще продолжается, и оттого все представлялось скучнымъ, старымъ, давно извѣстнымъ.

— Я давно этого ждала...—заговорила Раиса Сергѣевна.— Я видѣла, что онъ не нашъ... не земной... и долженъ уйти. Ну... вотъ и ушелъ!

Усольскій жилъ недалеко отъ больницы въ маленькомъ трехъоконномъ домикѣ съ перекошенными воротами. Не смотря на ранній утренній часъ, около него на улицѣ и на дворѣ и передъ крыльцомъ толпились какіе-то люди. Въ страшномъ есть что-то влекущее... и вотъ они оставили свои теплыя постели, побросали маленькія будничныя дѣла и пришли сюда, гдѣ страшное совершилось. Входили, выходили, смотрѣли другъ на друга испуганными глазами, никто ничего не говорилъ. На крыльцѣ стоялъ земскій фельдшеръ, толстый, низенькій человѣкъ съ простымъ мужицкимъ лицомъ, торопливо курилъ и въ промежуткахъ между затяжками громко всхлипывалъ, вытирая глаза рукавомъ. Онъ было зашумѣлъ на вновь пришедшихъ, что здѣсь ничего нѣтъ интереснаго и нечего спозаранку шляться по чужимъ

дворамъ, по вглядѣлся, увидалъ Раису Сергѣевну и заплакалъ уже какъ слѣдуетъ.

— Кончился нашъ Вячеславъ Өедорычъ... За полиціей послали... Подите, проститесь покуда пристава нѣту... тогда уже не пустятъ...

Его плачъ заразилъ всѣхъ, послышались вздохи, всхлипыванья. Раиса Сергѣевна, до боли кусая губы, нервно комкая въ рукахъ концы шарфа, вошла въ домъ.

Въ маленькой бѣдной комнаткѣ былъ полумракъ отъ опущенныхъ занавѣсокъ и остро пахло нашатырнымъ спиртомъ. На безпорядочно сдвинутыхъ стульяхъ валялись мокрыя полотенца, пузырьки, подушка съ кислородомъ, на полу стоялъ большой тазъ съ полурастаявшимъ льдомъ. Должно быть, и здѣсь была бурная ночь,—бѣгали, суетились, кричали... вели борьбу съ таинственнымъ и страшнымъ врагомъ. Но врагъ побѣдилъ и теперь было тихо, мертво... ничего не нужно.

Усольскій лежалъ на кровати, покрытый простыней. Голова глубоко ушла въ подушки, потемнѣвшее лицо съ спутанной копной волосъ рѣзко и отчетливо выдѣлялось на бѣломъ фонѣ полотна. И ничего человѣческаго не было въ этомъ лицѣ, точно съ послѣднимъ дыханіемъ исчезло безъ остатка все то, что было Усольскимъ, и остался только черный комокъ древней земли, полустертая маска сфинкса съ вѣчной загадкой на каменныхъ устахъ.

— Синильной кислотой... моментально-съ! — шепнулъ фельдшеръ Раисѣ Сергѣевнѣ.—Самая смерть легкая, — сейчасъ былъ человѣкъ, а сейчасъ и нѣтъ!

Вася съ содроганіемъ отвернулся и только тутъ замѣтилъ Петрухину. Она стояла у окна и, сцѣпивъ руки, не отрываясь, смотрѣла на покойника. Вася робко подошелъ къ ней, назвалъ по имени. Дѣвушка равнодушно взглянула на него, равнодушно отвѣтила на его привѣтствіе и опять напряженно и неподвижно стала смотрѣть въ мертвое лицо. Точно хотѣла запомнить и навсегда сохранить въ себѣ этотъ странный и страшный обликъ.

На улицѣ прогремѣли колеса, затопали ноги, послышались грубые, громкіе голоса и, разгоняя тайны и тѣни смерти, въ тихую комнатку вошла шумная, дерзкая жизнь.

Бравый, сочный мужчина, не совсѣмъ выспавшійся, съ красной належанной щекой, на которой еще не изгладились узоры вышитой руками супруги подушки, привычнымъ полицейскимъ взглядомъ окинулъ всю обстановку происшествія и немедленно приступилъ къ исполненію обязанностей.

Страшное кончилось. Началось житейское, будничное, простое.

XXXI.

Дядю Мишеля хоронили торжественно и пышно въ церковной оградѣ, гдѣ давно еще однимъ изъ предковъ Ступицыныхъ было откуплено мѣсто для фамильнаго склепа. На похороны съѣхалось все песчанское дворянство: и Рѣшеткинъ, и Молдавановы, и Груздевы, и Яругинъ, и многіе другіе. Появился даже какой-то родственникъ m-me Ступицыной, бывшій офицеръ, а теперь босякъ, по имени Вольдемаръ, и въ своемъ традиціонномъ босячьемъ костюмѣ, въ опоркахъ, въ рваномъ пиджакѣ безъ признаковъ бѣлья, но въ фуражкѣ съ дворянскимъ околышемъ, умиленно слѣдовалъ за гробомъ, вздыхая и сморкаясь. Были и Сугробины: старикъ степенно и солидно пріѣхалъ въ тяжеловѣсномъ тарантасѣ, запряженномъ толстыми лошадьми; молодой примчался на автомобилѣ и всю долгую заупокойную службу не отходилъ отъ барышень Ступицыныхъ. Онѣ были очень интересны въ глубокомъ траурѣ, въ прозрачныхъ креповыхъ вуаляхъ, и на красавицу Фаничку глазѣла вся дворянская и недворянская молодежь. Церковь была биткомъ набита и не вмѣщала всѣхъ желающихъ посмотрѣть на богатыя похороны. Казалось, весь Песчанскъ сбѣжался сюда, и полиція едва сдерживала натискъ любопытныхъ, тѣснившихся въ оградѣ и вслухъ дѣлившихся своими впечатлѣніями на счетъ костюмовъ, экипажей, лошадей и особенно сугробинскаго автомобиля.

Ступицынъ-отецъ за эти дни совершенно раскисъ и ни во что не вмѣшивался, за то m-me Ступицына проявляла небывалую энергію и дѣловитость. Распоряжалась похоронами, принимала гостей, заказывала поминальный обѣдъ, вообще старалась, чтобы все было не какъ-нибудь, а „по ступицынски“, на широкую ногу, en grand. Стѣсняться въ средствахъ и считать копѣйки теперь было нечего; вѣдь Вася былъ наслѣдникъ дяди Мишеля, и m-me Ступицына передъ всѣми это подчеркивала, безпрестанно обращаясь къ сыну съ разными хозяйственными вопросами. „Васичка, поди, мой другъ, помоги мнѣ составить опись серебра!“ Или: „Васичка, что ты думаешь дѣлать съ городскимъ домомъ? Вѣдь, если ты позволишь намъ переѣхать сюда на зиму, его надо привести въ порядокъ“... Васю эти вопросы страшно раздражали, онъ отмахивался и рѣзко отвѣчалъ, что ничего не думаетъ и думать не желаетъ.

— Ну, какъ же, Васичка, такъ нельзя! Ты наслѣдникъ!..—

говорила мать, сама видимо наслаждаясь этимъ пріятнымъ словомъ.

— Оставьте, мама... Хоть бы подождали. Дядя еще не остылъ, а вы ризы его дѣлите.

— Ну, Боже мой, ну, что же тутъ такого? Конечно, дядю жаль, но, разъ онъ умеръ, вѣдь ему уже ничего не нужно. А тебѣ жить — и надо же, мой другъ, обо всемъ подумать, разъ ты — наслѣдникъ!..

И черезъ минуту она снова приступала къ нему съ какимъ-нибудь спискомъ серебра или со счетомъ изъ бакалейной лавки. Вася сталъ, наконецъ, отъ нея бѣгать и старался какъ можно рѣже попадаться ей на глаза. Но отъ похоронъ, какъ онъ ни желалъ этого, сбѣжать не удалось и, стоя въ церкви у гроба дяди, Вася только и думалъ объ одномъ, чтобы все это поскорѣе кончилось.

Обѣдня была длинная, о. Ѳедоръ служилъ на совѣсть и въ заключеніе сказалъ пространное слово, въ которомъ восхвалялъ покойнаго, какъ человѣка и какъ гражданина, съ особеннымъ чувствомъ остановившись на его мирной и безболѣзненной кончинѣ, ниспосланной ему за истинно-христіанское житіе. Церковь наполнилась всхлипываньями и сморканіями; замелькали бѣлые платочки; Вольдемаръ демонстративно брякнулся на колѣни и въ театральной позѣ припалъ къ гробу. Но рыдающая m-me Ступицына сейчасъ же замѣтила безпорядокъ и строго отстранила отъ гроба непріятнаго родственника.

— Примите руки, mon cher, вы мнете обивку!

Вася стоялъ, опустивъ голову, ему было стыдно за мать, за о. Ѳедора, за всю эту ненужную, приторную фальшь. И стало еще стыднѣе, когда около него кто-то сказалъ:

— Ну, заврался батя! На счетъ чего другого неизвѣстно, а ужь на счетъ христіанской жизни Мишка Ступицынъ былъ не грѣшенъ!

Но вотъ служба кончилась, толпа хлынула изъ церкви, тяжелый гробъ подняли и понесли. Ступицынъ-отецъ, всхлипывая, сгорбившись, бѣжалъ сбоку и такимъ старенькимъ старичкомъ, такимъ одинокимъ въ своемъ искреннемъ горѣ показался Васѣ, что у него сердце заныло отъ жалости. Онъ подошелъ къ отцу.

— Папа... Бѣдный, милый папа!..

Старикъ взглянулъ на него мутными отъ слезъ глазами и опять торопливо засеменилъ впередъ. Гробъ опустили въ склепъ, поставили рядомъ съ покойной женой дяди Мишеля и стали дѣловито закладывать нишу кирпичами. Больше нечего было здѣсь дѣлать; всѣ вздохнули свободнѣе, задвигались, заговорили; среди барышень послышались оживлен-

ные возгласы, поцѣлуи, даже смѣхъ. Къ Васѣ, озабоченно роясь въ кошелькѣ, подбѣжала мать.

— Васичка, ты уже не уходи никуда, голубчикъ! Я тамъ кое-кого пригласила закусить... нельзя же безъ этого!.. такъ ты помоги мнѣ принять...

Вася поморщился, хотѣлъ возразить и запнулся, увидѣвъ Вольдемара, который приближался къ нимъ съ трагическимъ видомъ.

— Nadine!.. Какое горе!..—произнесъ онъ, закатывая глаза подъ лобъ.

Ступицына брезгливо покосилась на его опорки.

— Что дѣлать, mon cher... рано или поздно это должно было случиться. Но... pardon, мнѣ некогда. Такъ ты, Васичка, ужь пожалуйста... Я поѣду, распоряжусь, чтобы все было готово, а ты тутъ займись...

— Nadine!.. Одно слово! — перебилъ ее Вольдемаръ.—Конечно, я хорошо понимаю, что въ такомъ видѣ я не могу принять участія въ общей тризнѣ... Но все-таки, какъ близкое лицо, могу же я разсчитывать на нѣкоторое великодушіе?..

— Ахъ, Боже мой, mais cela ne me regarde pas! Чего вы хотите отъ меня?

— Это по-французски называется—rompre les chiens!..—съ грустной ироніей сказалъ Вольдемаръ. — Вы очень хорошо знаете, Nadine, чего я хочу... Вамъ стоитъ только взглянуть на меня...

— Ну, вижу, вижу... и вы сами въ этомъ виноваты! Ступайте въ кухню, вамъ тамъ дадутъ поѣсть...

— Nadine!.. Я еще не унизился до кухни. Дайте мнѣ немного презрѣннаго металла—et ça suffit!

— Мама, дайте ему!—прошепталъ Вася.

M-me Ступицына, отвернувшись, долго рылась въ кошелькѣ, наконецъ, достала какую-то мелочь и съ раздраженіемъ сунула ее Вольдемару.

— Vous êtes insupportable au possible, Вольдемаръ... На-те... и уходите.

Но Вольдемаръ презрительно подбросилъ на ладони монету и изъ трагическаго тона сразу перешелъ въ нахальный.

— Cela ne vaut rien, madame... обмалковато, какъ говорятъ у насъ въ ночлежкѣ! Даже на половинку не хватитъ... помянуть грѣшную душу раба Божія Михаила! Неужели благородный дворянинъ больше двугривеннаго не стоитъ?

Вася выхватилъ у матери кошелекъ, нашелъ какую-то бумажку и отдалъ благородному дворянину. Тотъ просіялъ и крѣпко стиснулъ Васину руку.

— Вотъ это великодушно!.. jusqu' au bout des doigts!.. О, молодость, молодость... она все понимаетъ и все прощаетъ!..

Цѣлая гурьба дѣвицъ съ пискомъ, смѣхомъ и щебетаньемъ подбѣжала къ Васѣ и Вольдемаръ, граціозно помахивая фуражкой надъ головой, исчезъ въ толпѣ. Сестры окружили Васю, знакомили его съ какими-то барышнями и острили надъ Вадимомъ Сугробинымъ, который вертѣлся тутъ же, размахивая своими длинными руками.

— Вася, вообрази, онъ заснулъ въ церкви! Мы насилу его разбудили. Онъ даже храпѣлъ... какой ужасъ!

— Неправда, mesdames, я никогда не храплю, спросите папашу! А что задремалъ, такъ на меня проповѣди всегда дѣйствуютъ усыпительно. „Аще“ да „бяше“... поневолѣ заснешь!

Барышни хохотали. Вадимъ чувствовалъ себя героемъ и гордо покручивалъ усики.

XXXII.

Поминальный обѣдъ удался какъ нельзя лучше. Домъ ожилъ, повеселѣлъ, наполнился шумомъ, звономъ посуды, аппетитнымъ запахомъ сдобныхъ пироговъ. Приглашенныхъ оказалось такъ много, что пришлось поставить добавочные столы на балконѣ для молодежи и для самыхъ почетныхъ гостей въ залѣ. Васю посадили за почетнымъ столомъ, между старикомъ Сугробинымъ съ одной стороны и Катериной великой — съ другой, и въ качествѣ хозяина онъ долженъ былъ за всѣми ухаживать, угощать, подливать и занимать разговорами. Мать безпрестанно дѣлала ему какіе-то таинственные знаки, указывала глазами то на соусникъ, то на чей-нибудь пустой бокалъ, съ непривычки одинъ разъ онъ что-то такое пролилъ, въ другой разъ уронилъ кусокъ заливнаго на колѣни своей величественной сосѣдки. Къ счастью, никто не замѣчалъ его промаховъ: всѣ проголодались, ѣли много, еще больше пили и уже послѣ пирога завязался шумный, безпорядочный разговоръ, въ которомъ трудно было что-нибудь понять. Говорили всѣ сразу и обо всемъ: о покойникѣ, о Государственной Думѣ и неурожаѣ, о пьянствѣ и распущенности мужиковъ, о самоубійствѣ доктора Усольскаго. Нотаріусъ Рыжиковъ разсказалъ нѣкоторыя подробности по этому поводу, слышанныя сегодня отъ помощника исправника, и на нѣкоторое время приковалъ общее вниманіе. Оказалось, что во всемъ домѣ у доктора нашлось только два рубля съ копѣйками, такъ что даже похоронить его нечѣмъ, а все остальное имущество свое, главнымъ образомъ книги, онъ въ предсмертной за-

пискѣ завѣщалъ сельской учительницѣ Петрухиной, которая находилась при немъ до самой послѣдней минуты. Мать бросила на Васю торжествующій взглядъ и въ то же время сдѣлала знакъ подлить вина Сугробину.

— Да, ненормальный былъ человѣкъ!—со вздохомъ сказалъ Рыжиковъ.—Прекрасный докторъ, но совершенно, совершенно ненормальный!

— Какой тамъ ненормальный!—прохрюкалъ совершенно пьяный Груздевъ. — Просто безбожникъ и анархистъ... и я очень радъ, что онъ тамъ удавился или застрѣлился... собакѣ собачья и смерть!..

— Ну, зачѣмъ же такъ рѣзко?—мягко возразилъ предводитель дворянства, Яругинъ, лысенькій, благообразный и весь какой-то мягкій старичокъ съ умными и хитрыми глазами.—Онъ былъ очень знающій и дѣльный врачъ, я его хорошо зналъ, вся моя семья у него лечилась. Очень жаль, такой молодой—и такая безвременная смерть... Страшно много работалъ, переутомился, ну, нервы разстроились... Теперь это такъ часто случается съ молодежью!

Вася почти ничего не ѣлъ и не пилъ, но голова у него кружилась, передъ глазами качался сизый туманъ. И эта огромная зала, откуда еще не вывѣтрился запахъ тлѣнія, слившійся съ запахомъ жирной и вкусной ѣды, эти жующіе, чавкающіе рты, красныя, разгоряченныя лица, кровожадныя рѣчи Груздева, все перепуталось, все слилось въ какой-то безобразный клубокъ и приняло странныя, призрачныя формы, какъ во снѣ. Призракомъ казалась страшная старушка со своимъ кокетливымъ вѣеромъ, призрачными были и Сугробинъ, и о. Θедоръ, и мать, такая жалкая, такая непріятная въ своемъ торжествующемъ тщеславіи... А, можетъ быть, и на самомъ дѣлѣ это только снилось, а настоящее было тамъ, среди спаленныхъ солнцемъ полей, гдѣ поютъ и пляшутъ голодныя дѣвки, гдѣ Антошка рыжій пропиваетъ кобылу, и Θома Новичихинъ ищетъ потерянной правды, и Макары Чибрики съ книжками за пазухой „объединяются" въ катухахъ и овинахъ?..

Послѣ пирожнаго и кофе съ ликерами, пресыщенные гости вдругъ разомлѣли и поспѣшно стали разъѣзжаться. Тянуло домой—разстегнуться, раскинуться на мягкихъ постеляхъ, отдохнуть. Со двора непрерывно съѣзжали тарантасы, линейки, бѣгунцы; старушку, почти полумертвую, на рукахъ стащили съ крыльца и впихнули въ рыдванъ, такой же ветхій, какъ и его владѣлица, но она и тамъ еще пыталась граціозно обмахиваться вѣеромъ и что-то лепетала про исправничиху. Разъѣхались, — стало пусто, тихо и немного грустно; только на балконѣ еще слышались голоса и

смѣхъ,—тамъ остались кое-кто изъ молодежи, да въ домѣ шла суетливая уборка, m-me Ступицына, пересчитывая серебро, съ довольнымъ видомъ говорила:

— Ну, слава Богу, кажется, не ударили лицомъ въ грязь! Давно уже такого съѣзда у насъ не было, да, кажется, съ тѣхъ поръ, какъ Фаничку крестили. Эта старая грымза, Молдаваниха, просто отъ зависти лопалась...

И, съ улыбкой прислушиваясь къ дѣвичьимъ голосамъ на балконѣ, она блаженно замечталась о томъ, какой пышный балъ будетъ у нихъ, когда Люлечка выйдетъ, наконецъ, замужъ за Вадима Сугробина. На замужество Вѣрочки она давно уже потеряла всякую надежду...

Сестры хотѣли было увлечь Васю къ барышнямъ, но онъ потихоньку скрылся отъ нихъ и ушелъ изъ дома. Въ 6 часовъ вечера были назначены похороны Усольскаго... а ему еще надо было зайти за Раисой Сергѣевной. Въ эти мрачные, похоронные дни они часто видѣлись и какъ-то само собою вышло, что между ними завязалось нѣчто вродѣ дружбы. Васѣ нравились ея острый, насмѣшливый умъ, рѣзкая правдивость и доходящее до дерзости, чисто мальчишеское отрицаніе всякихъ условностей; съ нею было такъ легко и просто говорить обо всемъ и, когда онъ долго ея не видѣлъ, то чувствовалъ уже скуку и пустоту и потребность подѣлиться съ нею своими мыслями и впечатлѣніями.

Раиса Сергѣевна ждала его и, высунувшись изъ окна, нетерпѣливо крикнула:

— А я уже думала, вы не придете! Отчего такъ долго?

Вася, глядя снизу вверхъ на ея нервное, темное лицо, сталъ разсказывать о похоронахъ, поминальномъ обѣдѣ и обо всемъ, что пережилъ сегодня.

— Бѣдный мальчикъ!—сказала Раиса Сергѣевна.—И все это вытерпѣть... ну, я бы не могла! Я бы, навѣрное, въ самый торжественный моментъ вскочила и, какъ Тургеневъ на обѣдѣ у какого-то англійскаго милорда, начала кричать „Баба! Рѣдька! Рѣпа! Дура"!.. Ахъ, какъ все это нелѣпо... Однако вѣдь намъ еще предстоитъ сегодня... Вы готовы?

— Какъ видите, стою и жду васъ.

— Ахъ, я не о томъ... Готовы-ли вы принять новую порцію тяжелыхъ впечатлѣній? Я, кажется, нѣтъ... Я уже цѣлое утро ревѣла. Да и теперь... А впрочемъ, нѣтъ, нѣтъ, не хочу и не буду...

Въ комнатѣ послышалось длинное жалобное мычаніе Раиса Сергѣевна обернулась туда, что-то крикнула и сказала Васѣ:

— Мой старикъ сегодня тоже невозможенъ. Точно чувствуетъ, что умеръ его докторъ, волнуется и все твердитъ

одно-единственное слово: „пятнадцать“... Почему „пятнадцать“—не знаю... Однако вѣдь намъ пора. Подождите немного, я сейчасъ...

Черезъ минуту они уже шли къ земской больницѣ, куда было перенесено тѣло доктора Усольскаго.

XXXIII.

Почему-то Раиса Сергѣевна была увѣрена, что народу почти никого не будетъ, и взволновалась, увидѣвъ у больничныхъ воротъ густую толпу.

— Слушайте, Ступицынъ... вѣдь это... Ахъ, Господи, неужели это все къ нему?.. Ужасно... ужасно!

— Почему ужасно? Напротивъ, хорошо.

— Да вотъ именно потому и ужасно, что хорошо... Если бы никого не было, я могла бы злиться, а теперь... нѣтъ этого я не выдержу!.. И смотрите, смотрите, все подходятъ...

На ихъ глазахъ толпа росла. По одиночкѣ и кучками люди выходили изъ переулка, пересѣкали пустырь, окружавшій больницу, и исчезали въ молчаливой черной массѣ, тѣснившейся передъ воротами. Два конныхъ стражника, охранявшихъ входъ, растерянно смотрѣли на скопище; но, должно быть, не получивъ на этотъ счетъ никакихъ приказаній, не двигались съ мѣста и ихъ простыя, мужицкія лица выражали недоумѣніе и боязнь, какъ бы не проштрафиться. Иногда они приподнимались на стременахъ и бросали вокругъ себя строгіе взгляды, какъ бы выискивая, къ чему бы придраться. Но толпа вела себя сдержанно и спокойно и только вновь прибывшіе шопотомъ спрашивали у своихъ сосѣдей:

— Почему это такъ поздно хоронятъ? Ночь на дворѣ, а они...

— Стало быть, приказъ такой былъ. Отъ полиціи...

— Что же, безъ поповъ, аль все-таки панихидка будетъ?

— Не знаю! Молчи...

И опять наступала напряженная тишина, и опять стражники безпокойно возились на сѣдлахъ и дѣлали во всѣ стороны страшные глаза.

А черныя волны все наплывали и наплывали изъ переулка, вливались въ толпу, и она ширилась, раздавалась, и нелѣпыя фигуры стражниковъ въ обвислыхъ папахахъ уже совсѣмъ потонули въ ней, какъ деревья въ половодье. Пришли пригородныя слободки, Лягушатники и Соловьятники, пришли заовражскіе мужики, плотной кучей привалили бабы-чекухи въ своихъ домотканыхъ чекунахъ, бѣлыхъ платкахъ, бѣлыхъ онучахъ, точно бѣлыя привидѣнія

съ того свѣта. Всѣ они знали тихаго „дохтура“, Вячеслава Ѳедорыча, не разъ спасалъ онъ ихъ и отъ „гнетучки“, и отъ злой „притки“, и отъ „дрянишши“, и вотъ какимъ-то чудомъ вѣсть о его смерти доползла до гнилыхъ топей и болотъ, гдѣ въ лихорадочныхъ туманахъ ютились ихъ избенки, и они явились проводить покойнаго въ послѣдній путь.

Ждали долго и терпѣливо, часто поглядывали на солнце. Оно было уже совсѣмъ низко и его ослѣпительно-огненный ликъ, погружаясь въ мутныя испаренія земли, тускнѣлъ, краснѣлъ, точно наливался кровью. Вдругъ промчался слухъ, что гробъ скрыли, что его задами вынесли изъ часовни и повезли на кладбище. Толпа заволновалась, загудѣла, рванулась къ воротамъ, они затрещали. Но въ эту минуту кто-то закричалъ: „Несутъ! Несутъ“!..—всѣ замерли и обнажили головы.

— Не могу... Не могу больше!—прошептала Раиса Сергѣевна, давясь слезами.

Вася молча сжалъ ея руку; у него самого что-то подступило къ горлу и глаза застилались горячимъ туманомъ.

Длинный, коричневый гробъ, покрытый ветхимъ больничнымъ покровомъ, неуклюже выползалъ изъ воротъ. Его несли больничные служителя на широкихъ полотнищахъ, перекинутыхъ черезъ плечи. Впереди шелъ священникъ, — не о. Ѳедоръ, а другой, старенькій, въ синихъ очкахъ, и, спотыкаясь на кочки, боязливо косился изъ-подъ очковъ красными, слезящимися глазами. Слѣдомъ за гробомъ молодцовато шагалъ бравый помощникъ исправника; нѣсколько поодаль, тяжело шаркая сапогами, маршировали городовые съ испуганными, напряженными лицами. И больше никого не было.

Народъ, съ сухимъ шорохомъ, похожимъ на шумъ крупнаго дождя, разступался на обѣ стороны; бабы вытягивали шеи, чтобы заглянуть въ лицо покойника. Но оно было закрыто бѣлой марлей и бабы, крестясь и вздыхая, конфузливо прятались въ толпу. Къ священнику подошелъ степенный мужикъ съ кудлатой головой и сказалъ:

— Батюшка, панихидку бы отслужить. Заовраженскіе крестьяне желаютъ...

Старичокъ остановился и безпомощно оглянулся на помощника исправника.

Тотъ нетерпѣливо махнулъ рукой. Откуда-то появилась табуретка, накрытая бѣлымъ рушникомъ, образокъ и тоненькая свѣчка. Слабый старческій голосъ задребезжалъ надъ толпой. Послѣ Заовраженскихъ выступили Лягушат-

ники и Соловьятники... помощникъ исправника волновался, безпрестанно смотрѣлъ на часы и вдругъ, точно вспомнивъ. гдѣ онъ находится, начиналъ поспѣшно креститься. Наконецъ отпѣли послѣднюю панихиду, мужики перехватили у служителей гробъ и, нестройно подтягивая за священникомъ „вѣчную память“, двинулись впередъ.

У самаго кладбища процессію нагнала коляска, запряженная парой, изъ нея выскочилъ Яругинъ, помогъ выйти двумъ изящно одѣтымъ барышнямъ съ огромными букетами цвѣтовъ и всѣ трое присоединились къ толпѣ. Къ нимъ подбѣжали двѣ заплаканныя дѣвушки, земскія фельдшерицы,

— Ахъ, какъ хорошо, что вы пріѣхали!.. Представьте, намъ не разрѣшили положить на гробъ вѣнокъ... Можетъ быть, вы...

— Что же я могу?—пожалъ плечами Яругинъ.—Вотъ и мои дочери тоже съ цвѣтами... я еще не знаю, позволятъ ли и имъ...

— Но вы предводитель...

— Милыя барышни, что такое въ наше время предводитель? Фикція!.. Ничто...

Фельдшерицы отошли. Процессія пестрою змѣей извивалась между могильными холмами, среди которыхъ чернѣла свѣжая яма. Солнце садилось, багровое; краснѣли, точно окровавленныя, верхушки крестовъ, и волнистая пашня за кладбищемъ подернулась пурпурнымъ налетомъ. Въ небѣ, широко разметавшись, рдѣли перистыя облака, похожія на стаю большихъ розовыхъ птицъ. И такою тихою радостью, такимъ божественнымъ покоемъ дышала отходящая ко сну земля, что не страшна была черная яма и казалось, такъ сладко, такъ безмятежно было здѣсь спать на краю безбрежныхъ полей, подъ бездоннымъ небомъ...

Пѣніе смолкло, гробъ заколотили и въ молчаніи стали опускать въ могилу. И вдругъ среди торжественной тишины, нарушаемой только стукомъ земли, гулко ударявшейся въ гробовую крышку, дико и визгливо заголосила баба: „Ой, и да що же и да що же отлетаишь нашъ соколикъ“!..

Дрожь пробѣжала по толпѣ; кто-то зарыдалъ, кто-то истерически вскрикнулъ; съ Раисой Сергѣевной сдѣлалось дурно. Помощникъ исправника отъ неожиданности чертыхнулся и замахалъ руками; городовые шарахнулись унимать шальную бабу, которая все продолжала съ захлебываніями и приговорками неистово вопить: „ой, и да що же и да що же“!..

— Цыть ты, дурова голова, ополоумѣла что-ль!.. Заткни глотку-то, развылась...

— Ой, Господи, ужь и повыть нельзя!—оправдывалась испуганная баба.—Чай, жалко... ужь такой-то былъ дохторъ, ужь такой-то жаланной, а хоронятъ мово голубчика,—никто слезинки не капня... Що жь, думаю, молчкомъ-то,—коли некому плакать, дай хошь я повою... А вамъ-то що?

— Чо-чо... чекуха дуроломная! Не приказано, вотъ тебѣ и „чо"! Цытъ!

Вой прекратился и опять въ тишинѣ стали слышны только непрерывный стукъ лопатъ и шорохъ земли.—„Живѣй, живѣй, ребята"!—торопилъ помощникъ исправника, глядя на часы.—Закапывайте, закапывайте проворнѣе"! Яма быстро наполнялась, скоро на ея мѣстѣ зачернѣлъ точно бархатомъ крытый бугорокъ; барышни Яругины обсыпали его цвѣтами. Народъ медленно, какъ-то нехотя, расходился; сіяющій, довольный, что все такъ благополучно кончилось, помощникъ исправника что-то оживленно разсказывалъ Яругину, который слушалъ его съ тѣмъ же ласковымъ и хитрымъ видомъ, какъ сейчасъ фельдшерицъ. Кладбище пустѣло.

Вася и Раиса Сергѣевна сидѣли на старомъ могильномъ камнѣ, густо обросшемъ жимолостью и шиповникомъ. Раиса Сергѣевна уже пришла въ себя послѣ давешняго обморока и теперь, облокотившись на колѣни, обхвативъ голову руками, тихо качалась, какъ будто у нея болѣли зубы.

— Раиса Сергѣевна!—окликнулъ ее Вася.—Ну что, лучше вамъ?

Она взглянула на него странными, мертвыми какими-то глазами и ничего не отвѣчала. И такая была маленькая, такая несчастная, что у Васи вздрогнуло сердце.

— Ну, не надо такъ... — прошепталъ онъ и въ порывѣ внезапной нѣжности обнялъ ее.—Зачѣмъ... не надо... Раичка, милая! Не надо же!..

И, какъ обиженнаго ребенка, гладилъ ее по головѣ, цѣловалъ, говорилъ ласковыя, ребяческія слова. Раиса Сергѣевна вздрогнула и рѣзко отстранилась.

— Что это?.. Ну, зачѣмъ?..

— Я васъ люблю... Раичка, милая!.. Страшно, страшно люблю!

— Вы съ ума сошли! Что за любовь... на кладбищѣ, послѣ похоронъ? Какъ это глупо...

Но взглянула на его смущенное, опечаленное лицо и смягчилась.

— Что съ вами, Ступицынъ, я васъ не узнаю. Неужели и вы какъ всѣ?..

— Нѣтъ, нѣтъ, Раиса Сергѣевна, это серьезно... Еще тогда, помните, въ первый разъ, въ клубѣ зеленаго змія...

Вы вошли и взглянули на меня... у васъ въ волосахъ были бѣлыя розы. И я почувствовалъ сейчасъ же, что это должно случиться. Ну, вотъ и случилось... и съ каждымъ днемъ все больше и больше...

— Вы—глупый мальчикъ, а я—старуха. Ахъ, нѣтъ, не возражайте... лѣта ничего не значатъ. У меня душа старая, я уже вамъ говорила. Выдти замужъ въ 16 лѣтъ за человѣка, который укралъ солдатскія деньги... и видѣть его потомъ съ простреленной головой... а въ другой разъ пойматься на удочку красивыхъ словъ—и пережить ужасъ разочарованія... охъ, милый мой, гдѣ тутъ взять силы для любви! А у васъ это пройдетъ...

И, чтобы перемѣнить разговоръ, она начала разбирать вслухъ надпись на камнѣ:

Придетъ съ кладбища твой папашка,
А въ домѣ пусто, друга нѣтъ!
Малютка спроситъ: гдѣ мамашка?
И зарыдаю я въ отвѣтъ...

— Какіе смѣшные и страшные стихи! „А въ домѣ пусто, друга нѣтъ"... Охъ, какъ тяжело и страшно жить! Одинокіе мы всѣ... затерянные...

Когда они проходили мимо могилы Усольскаго, тамъ, въ блѣдномъ озареніи потухающаго заката, обрисовывалась высокая темная фигура. Вася отрезвѣлъ. У Раисы Сергѣевны на глазахъ блеснули слезы.

— Бѣдная, бѣдная... Тоже одна... затерянная... Мнѣ страшно за нее...

— Давайте, подойдемъ...

— Нѣтъ, нѣтъ, не надо... Пойдемте!.. Не надо мѣшать...

Раиса Сергѣевна схватила Васю за руку и увлекла къ воротамъ.

— Да, правда... Не надо,—сказалъ Вася.—Она—гордая и сильная. Это хорошо, что вы меня удержали.

У воротъ Раиса Сергѣевна еще разъ оглянулась. Петрухина все въ той же застывшей позѣ стояла надъ могилой.

XXXIV.

По волѣ дяди Мишеля завѣщаніе было вскрыто на третій день послѣ похоронъ и m-me Ступицына приняла всѣ мѣры, чтобы этотъ актъ совершился какъ можно торжественнѣе. Собрались въ гостиной, у круглаго стола; m-me Ступицына съ дочерьми усѣлась на диванѣ; по обѣ стороны стола другъ противъ друга сидѣли душеприказчики: Груздевъ и Головкинъ, а лицомъ къ m-me Ступицыной сѣлъ Рыжиковъ,

для такого важнаго случая облеченный въ черный сюртукъ и необыкновенно высокіе воротнички, которые немилосердно впивались ему въ щеки и страшно стѣсняли. Изъ-за его плеча немножко растерянно выглядывалъ Александръ Егорычъ и все время дѣлалъ Васѣ знаки, чтобы онъ сѣлъ съ нимъ рядомъ, но Вася притворялся, что не понимаетъ этихъ знаковъ, и продолжалъ стоять у дверей, нарушая этимъ общую торжественную картину. Въ душѣ онъ давно уже весь кипѣлъ, не понимая, зачѣмъ матери понадобилось разыгрывать всю эту комедію, и нетерпѣливо ждалъ, чтобы она скорѣе кончилась и скорѣе можно было уйти къ Раичкѣ, которая сегодня его звала къ себѣ. Между тѣмъ Рыжиковъ съ досадной медленностью вынулъ изъ футляра очки, протеръ ихъ носовымъ платкомъ и нацѣпилъ на носъ. Затѣмъ съ такою же медленностью сорвалъ съ конверта печати, развернулъ длинный листъ, откашлялся и началъ читать. Наступила тишина, нарушаемая только сопѣніемъ Головкина; m-me Ступицына насторожилась, еще крѣпче прижала къ себѣ прильнувшую къ ней Фаничку и, сдѣлавъ умиленное лицо, приготовила носовой платокъ...

Но старый сатиръ, должно быть, предвидѣлъ все, что должно было произойти послѣ его смерти, и даже изъ-за гроба сдѣлалъ невѣсткѣ жестокую, насмѣшливую гримасу. Вася по завѣщанію хотя и оказывался почти единственнымъ наслѣдникомъ, но это наслѣдованіе было обставлено такими условіями, что старики Ступицыны совершенно устранялись отъ вмѣшательства въ его дѣла. Къ общему удивленію, опекуномъ назначался Яругинъ, котораго при жизни покойный недолюбливалъ и называлъ „гуттаперчевой обезьяной"; при этомъ Вася до окончанія курса не имѣлъ права распоряжаться наслѣдствомъ, а получалъ только 300 руб. въ мѣсяцъ. Сестрамъ назначалось по 5.000 р., которыя выдавались имъ или по выходѣ замужъ, или по достиженіи 30-лѣтняго возраста; Александру Егорычу дядя Мишель завѣщалъ свой альбомъ и курительныя принадлежности, а m-me Ступицыной — брилліантовый фамильный фермуаръ. За то какой-то солдатской вдовѣ, Василисѣ Дудкиной, было отказано 100 руб.; дѣвицѣ Степанидѣ Бергамотовой—100 р.; кучеру Якову и мальчику Конуркѣ—пожизненная пенсія и оставленіе на службѣ до самой смерти; наконецъ по 1000 руб. ассигновалось на пріютъ для подкидышей всякаго званія и въ дѣвичій монастырь на вѣчное поминовеніе души... „Значитъ, все-таки не совсѣмъ былъ увѣренъ, что *тамъ* ничего нѣтъ"...—подумалъ Вася, и ему снова стало жутко и тошно, какъ въ тотъ вечеръ, когда онъ стоялъ на первой дядиной панихидѣ.

Умиленіе давно уже сбѣжало съ лица m-me Ступицыной; щеки ея покрылись неровными красными пятнами, губы дрожали, она нервно комкала свой платокъ и, какъ только Рыжиковъ окончилъ чтеніе, рѣзко оттолкнула отъ себя прикурнувшую Фаничку, вскочила съ дивана и бросилась въ дверь, чуть не сбивъ съ ногъ Васю. Онъ бросился за ней и догналъ ее въ кабинетѣ.

— Мерзавецъ! подлый, развратный старикашка... негодяй!..—бормотала она, задыхаясь и разрывая на клочки платокъ.

— Мама! мама!—воскликнулъ Вася.—Ну, что это вы?.. Ну, зачѣмъ?

— Ахъ, убирайся отъ меня, пожалуйста!.. Тебѣ, конечно, все равно... ты даже радъ, я знаю, что твой милый дядя подло съ нами поступилъ... всѣ-всѣ вы отвратительные... подлая, развратная, ступицынская кровь...

— Что ты говоришь, мама? О, Господи!.. Да развѣ я... да развѣ мнѣ нужно это наслѣдство? Развѣ я добивался чего-нибудь? Сами же вы... да нѣтъ, это просто ужасно!.. Еслибы я могъ,, я бы все отдалъ вамъ... И эти 300 рублей—возьмите ихъ ради Бога, мнѣ ничего-ничего не нужно, вы сами знаете...

— Ахъ, триста рублей!... Покорно благодарю за великодушіе... Я—не дѣвка Степанида и не солдатская вдова Василиса... 300 рублей!.. О, бѣдныя мои, бѣдныя дѣвочки!.. Нѣтъ, нѣтъ, скорѣе изъ этого вертепа, и нога моя никогда больше здѣсь не будетъ... Какая насмѣшка: родному брату скоро, можетъ быть, ѣсть будетъ нечего, не сегодня—завтра съ молотка продадутъ, по міру пойдемъ, а онъ — курительныя принадлежности и какой-то допотопный фермуаръ... Гадина! Мерзавецъ!.. Старый развратникъ!

И, швырнувъ остатки своего платка въ улыбающееся лицо молодого офицера на портретѣ, m-me Ступицына также бурно выбѣжала изъ кабинета.

— „Фу, какая гадость"! — думалъ Вася, возвращаясь въ гостиную. Съ убитымъ и сконфуженнымъ лицомъ къ нему подошелъ отецъ.

— Поздравляю, Васюкъ... Что же, это отлично... Дядя очень умно распорядился... Очень!

— Умно, да не совсѣмъ! — прохрипѣлъ Груздевъ, — на кой чортъ тутъ завязался этотъ шельма Яругинъ? Вѣдь отговаривали... нѣтъ! Нашелъ тоже опекуна... Кадюка!

— „Гадость, гадость"!.. — продолжалъ думать Вася уже по дорогѣ къ Раисѣ Сергѣевнѣ. И съ отвратительнымъ ощущеніемъ чего-то нечистаго, облѣпившаго его со всѣхъ сторонъ, онъ несъ въ себѣ мутные образы только что пережи-

таго... убитый видъ отца, перекошенное отъ злобы лицо матери, фальшивыя улыбки сестеръ... А въ то же время откуда-то изъ-за порога сознанія всплывало новое, радостное... и было это новое — чувство независимости и освобожденія.

Какъ всегда, у окна его уже поджидала Раиса Сергѣевна и, облокотившись на подоконникъ, пристально заглянула ему въ лицо.

— Что это съ вами сегодня? Вы какой-то особенный... точно сонъ нехорошій видѣли.

— Да, Раичка, очень нехорошій... А вотъ теперь проснулся и радъ, что опять вижу солнце и вижу васъ.

— Ну, идите, разскажите.

Въ ея маленькой комнаткѣ, полной красокъ и запаховъ цвѣтовъ, къ которымъ Раиса Сергѣевна питала какую-то болѣзненную страсть, Вася совсѣмъ проснулся и уже довольно спокойно разсказалъ о чтеніи завѣщанія и дикой сценѣ съ матерью. Раиса Сергѣевна слушала, не сводя съ него глазъ, и ея лицо, такое оживленное при встрѣчѣ съ нимъ, постепенно тускнѣло, точно задергивалось изнутри сумрачною дымкой. Вася это замѣтилъ и встревожился.

— Ну вотъ,—сказалъ онъ огорченно.—Теперь мнѣ стало легче, а вы разстроились. Правда, ужасно непріятная исторія,—не надо было разсказывать.

— Нѣтъ, ничего,—вымолвила Раиса Сергѣевна.

— Ну, какъ ничего... вѣдь я вижу! У васъ, Раичка, лицо никогда не лжетъ... вы меня не обманете! Или вамъ противно или... еще что-то. Но что?

Въ сосѣдней комнатѣ просительно замычалъ вѣчно прикованный къ своему креслу параличный отецъ Раисы Сергѣевны. Она вышла къ нему, что-то подала, что-то устроила и вернулась опять съ тою же сумрачною тѣнью на лицѣ.

— Раичка, милая...—зашепталъ Вася и, оглянувшись на дверь, за которою сидѣлъ больной старикъ, обнялъ Раису Сергѣевну.—Ну, что съ тобой, ну, скажи... Отчего ты вдругъ стала такая холодная и... чужая?

Раиса Сергѣевна молча позволяла себя цѣловать и пристально смотрѣла на Васю, точно видѣла его въ первый разъ. Потомъ странно усмѣхнулась.

— Ахъ, Вася, ты настоящій ребенокъ и не понимаешь ничего, ничего!.. Я все думаю, за что ты можешь меня любить? Ну, за что?

— Это не ваше дѣло, Раиса Сергѣевна... Люблю и люблю и никому не отдамъ—ты слышишь?

— Охъ, слышу... и все-таки не понимаю... это какой-то кошмаръ. Вотъ смотрю на тебя и думаю: ну, что ему я? Ни дѣвка, ни мужняя жена... заверченная, съ озлобленной ду-

шой, съ развращенными чувствами... А ты? такой молодой, нетронутый... мнѣ кажется, я пачкаю тебя, когда цѣлую...

— Раичка моя... Не надо!

— Нѣтъ, надо! Зачѣмъ эти фиговые листочки? Конечно, ты чистый, а я—нѣтъ... Ну, что же я могу тебѣ дать? Ничего... А у тебя—все впереди! Надежды, радости, любовь... наконецъ, даже богатство!

— Ахъ, вотъ что!—сказалъ Вася, вспыхивая.—Проклятое это наслѣдство... оно приноситъ мнѣ несчастье! Но, Раичка, отъ тебя-то я этого не ожидалъ... Неужели и ты... да нѣтъ, не можетъ быть... Было бы ужасно, еслибы ты думала, что вотъ я получу наслѣдство и отъ этого могу тебя разлюбить...

— И все-таки, миленькій, это рано или поздно случится... Не деньги, нѣтъ, а... все вмѣстѣ! Теперь ты пьянъ, Вася... отъ женской ласки пьянъ, оттого, что въ первый разъ въ жизни почувствовалъ себя мужчиной. Ну, а потомъ, когда отрезвишься, вотъ тогда и вспомнишь все! И про двухъ мужей моихъ вспомнишь, и про чистоту свою потерянную... взглянешь на меня, увидишь ничтожество мое и сравнишь... Ну, Вася, а мнѣ-то что же дѣлать тогда, а?

— Раичка, Раичка... Ты отвратительная!

— Конечно, отвратительная... все время тебѣ это стараюсь доказать!

— А я не вѣрю! И люблю... Раичка, милая, чудесная ты моя,—люблю и люблю...

У Раички потемнѣли глаза. Она схватила Васину голову обѣими руками, долго смотрѣла ему въ лицо и потомъ жадно стала цѣловать своими пламенными губами.

XXXV.

Хотя m-me Ступицына и объявила, что „нога ея никогда больше не будетъ въ этомъ вертепѣ“, однако почему-то медлила уѣзжать изъ него, и „вертепъ“ съ утра до ночи кипѣлъ шумомъ, смѣхомъ, дѣвичьей бѣготней, какъ будто никогда никто здѣсь не умиралъ и не звучали еще такъ недавно похоронные напѣвы. У воротъ каждый день шипѣлъ и пыхтѣлъ сугробинскій автомобиль, приводя въ неистовство всѣхъ дядиныхъ псовъ, которые сливали свой лай и вой съ оглушительнымъ ревомъ сирены и наводили панику на сосѣдей. Въ кухнѣ непрерывно стучали ножи и звенѣла посуда; со стола на террасѣ не сходилъ самоваръ, приносились и уносились горячія и холодныя закуски, и Конурка не успѣвалъ бѣгать въ погребъ за новыми и новыми бутылками дорогихъ винъ, которыми покойникъ лю-

билъ услаждать свою одинокую жизнь. Кажется, дѣло съ Вадимомъ налаживалось; его длинноногая и длиннорукая фигура безвыходно торчала у Ступицыныхъ; онъ привозилъ барышнямъ огромные безвкусные букеты, смѣшилъ ихъ разсказами о своихъ приключеніяхъ, иногда каталъ на автомобилѣ, и песчанскія дамы, съ завистью провожая глазами ревущее чудище, иронизировали, что „золотая рыбка, наконецъ, попала въ сѣти“. Такъ же думала и m-me Ступицына и потихоньку-полегоньку, но все крѣпче и крѣпче обволакивала „рыбку“ чарами материнской нѣжности и ласки.

Среди этой сумятицы Васѣ жилось отвратительно и онъ видѣлъ, что семья все больше и больше отдаляется отъ него. Съ нимъ обращались, какъ съ постороннимъ человѣкомъ, его не замѣчали, онъ даже всѣмъ мѣшалъ.

Это было невыносимо и, еслибы не Раиса Сергѣевна, онъ бы давно уѣхалъ въ Петербургъ. Но и съ Раисой Сергѣевной у него тоже не ладилось. Она постоянно мѣнялась и не только каждый день, но каждую минуту была другая. То безумствовала, какъ вакханка, и осыпала Васю самыми нѣжными ласками, то замыкалась въ себя, угрюмо молчала или говорила о смерти, самоубійствѣ, о пустотѣ и ничтожествѣ жизни, а то вдругъ принималась рыдать, кляла себя, что загубила Васину жизнь, и умоляла его бѣжать отъ нея, потому что она—отвратительная, развратная и всѣмъ приноситъ одно несчастье... Послѣ одной изъ такихъ мучительныхъ сценъ Вася не выдержалъ. Рано утромъ, когда весь домъ еще спалъ, онъ велѣлъ осѣдлать себѣ дядинаго иноходца—по привычкѣ все въ домѣ еще называлось „дядинымъ“ — и одинъ, потихоньку, уѣхалъ въ Марусино. И едва лишь пустыня молчаливыхъ, уже оголенныхъ полей дохнула на него своей щемящею осеннею тоской, какъ все Песчанское отошло въ туманную даль, и то, что было,—дядина смерть, отчужденіе семьи, больная Раичкина любовь, — представилось мрачнымъ давнишнимъ кошмаромъ, отъ котораго остались жуткія воспоминанія и муть на душѣ. Теперь такъ легко и пріятно было ѣхать, покачиваясь на сѣдлѣ, вдыхать сытный запахъ сжатыхъ хлѣбовъ и думать о старомъ деревенскомъ домѣ, о томъ, какъ встрѣтитъ и обрадуется ему Пантюха. Хорошо думалось въ этой ласковой тишинѣ!.. и какъ что-то родное, свое, вспоминались и дьяконъ съ книжкой за пазухой, и Ѳома Новичихинъ, и красная дѣвка на буграхъ. А онъ объ нихъ совсѣмъ позабылъ... Забылъ даже, что еще въ городѣ получилъ отъ о. Геннадія записку и ничего на нее не отвѣтилъ... давно не писалъ и въ Петербургъ серьезному товарищу. Точно отрава какая-то злая вошла въ его жизнь, вмѣстѣ съ дядинымъ наслѣдствомъ, и какъ только

онъ къ нему прикоснулся, такъ и ушелъ отъ всего, что было важно и нужно и ради чего пріѣхалъ сюда.

Въ домѣ было пусто и звонко, но отъ этого Васѣ еще больше понравилось. Онъ съ удовольствіемъ вымылся, переодѣлся, потомъ заглянулъ въ книжный шкафъ и усмѣхнулся. Книги такъ и стояли въ томъ же порядкѣ, какъ были поставлены, и тонкій налетъ пыли покрывалъ переплеты. А вѣдь все думалъ перечитать... Но это потомъ, потомъ, потомъ,—успѣется,—теперь нужно было скорѣй узнать, что дьяконъ, что Ѳома, что дѣлается въ деревнѣ.

Экономка вмѣстѣ съ поваромъ и господами уѣхала въ городъ и самоваръ подавала Матрена-Кривошея. Поставила на столъ, собрала посуду, вытерла носъ фартукомъ и пригорюнилась, склонивъ голову на бокъ, какъ старая ворона.

— Кушать-то чего будешь... не ждали и обѣдъ не готовили!

— Не бѣда, Матрена, чего-нибудь поѣмъ! Себѣ-то, небось, готовили?

— Да себѣ-то обыкновенно... Шти... каша просяная!

— Ну, вотъ и давай тогда шти и кашу. Да пошли сюда Пантюху.

Пантюха явился и, все также широко улыбаясь, въ парадной позѣ сталъ у дверей.

— Чай да сахаръ, Василь Лександрычъ. Какъ это вы такъ невзначай?.. Я ужь и дождаться не чаялъ...

— Ну вотъ, дождался. Иди, садись, будемъ чай пить.

— Чай? Да какъ же это такъ... Покорно васъ благодаримъ.

— Ну, иди, иди. Что? Не годится? Почему не годится? Ну, братъ, у меня другіе порядки! Садись, наливай и пей сколько влѣзетъ.

Послѣ долгихъ церемоній Пантюха, наконецъ, усѣлся къ столу, налилъ стаканъ чаю, но не успѣлъ хлебнуть и глотка, какъ залился смѣхомъ и чуть не подавился.

— Вотъ бы барыня увидала!..—пробормоталъ онъ, вытирая выступившія на глазахъ слезы.—И куда бы я съ этимъ чаемъ полетѣлъ отсюда!..

Пантюхинъ смѣхъ еще больше развеселилъ Васю. И весь день прошелъ свѣтло, хорошо, какъ-то необычно. Никто не глядѣлъ подсматривающими глазами, никто не вздыхалъ и не мѣшалъ дѣлать что угодно. Вася разобралъ свои книги и тетради, дочиталъ начатую еще лѣтомъ статью о кооперaціяхъ, разсказалъ о событіяхъ, встрѣчахъ и знакомствахъ, не забылъ ничего и, когда кончилъ, точно гора съ плечъ свалилась. Обѣдалъ одинъ людскими щами и кашей, ходилъ на молотьбу и не успѣлъ оглянуться, какъ уже стемнѣло, а нужно было еще сходить къ дьякону.

XXXVI.

Облачный августовскій вечеръ чернымъ бархатомъ стлался надъ землею, когда Вася перешелъ черезъ корявыя бревна мостика. Село уже собиралось спать. На улицахъ было пусто и безмолвно, чуть брезжили кое-гдѣ рѣдкіе огоньки, даже на буграхъ не слышно было пѣсенъ, только собаки тоскливо завывали по дворамъ. И Васѣ вдругъ ярко представился Петербургъ,—залитыя свѣтомъ улицы, шаркающая толпа, непрерывное мельканіе и гулъ экипажей, трамваевъ, автомобилей, огни, блескъ, разговоры, смѣхъ... Охъ, какъ далеко было все это... и какъ ничтожно въ океанѣ этого безграничнаго мрака и тоскующей тишины!..

У дьякона одно окно слабо свѣтилось, но ворота были на запорѣ и никто не отозвался на стукъ. Вася съ трудомъ нащупалъ щеколду въ калиткѣ палисадника, пролѣзъ туда и постучалъ въ освѣщенное окно. Прошла минута, прежде чѣмъ оно отворилось.

— Кто тамъ?—послышался испуганный голосъ дьякона.

— Это я, я, отецъ Геннадій!..

Дьяконъ что-то пробормоталъ, опять захлопнулъ окно и исчезъ.

— Фу, батенька, какъ вы меня испугали!—говорилъ онъ, когда они были уже въ комнатѣ.—Я уже думалъ, пришли аггелы злопыхающіе истязать душу отъ меня прегрѣшеній моихъ ради... Фу, ажъ печенка трясется!

— Ну, отецъ Геннадій, васъ-то за что?

— Э, за что! Это тамъ послѣ разберутся за что, а покуда не вѣсте ни дня, ни часа, въ онь же становой пріидетъ!

Съ этими словами дьяконъ торопливо засунулъ въ ящикъ стола какую-то объемистую рукопись, прибавилъ свѣту въ лампѣ, заставленной со стороны окна библіей, и, разогнавъ платкомъ тучи табачнаго дыма, пригласилъ гостя садиться.

— Давно мы съ вами не видались, я ужь, признаться, соскучился. Дѣла-то, дѣла-то какія, а? Похоронили нашего доктора!

Вася подробно разсказалъ ему про похороны. Дьяконъ отъ волненія не могъ сидѣть и, только опять задымивъ, немного успокоился.

— Да, вотъ вѣдь какая исторія!

— Тяжело... — задумчиво сказалъ Вася и, вспомнивъ мертвое лицо Усольскаго, съежился отъ непріятнаго озноба.

— Да ужь на что тяжелѣй! А тутъ еще дьяконица уѣхала,—просто бѣда!

— Куда уѣхала?

— Да туда же, въ городъ, къ Парасковѣ. Сейчасъ, какъ до насъ этотъ слухъ дошелъ, собрала ребятъ и уѣхала. Любитъ вѣдь она Параскеву-то пуще сестры родной... А я вотъ гляжу на васъ, — вы что-то здорово измѣнились. Не то похудѣлъ, не то возмужалъ... не знаю, не разберу, а что-то есть.

Вася покраснѣлъ и, пряча свои глаза отъ простодушнаго дьякона, сказалъ съ принужденнымъ смѣхомъ:

— Наслѣдство получилъ, отецъ Геннадій, можетъ, оттого и измѣнился! Богатымъ человѣкомъ сталъ, заботъ прибавилось!

— Да ну? Вотъ исторія-то! Это, стало быть, къ вамъ теперь не подходи съ отвагой?

— Напротивъ, отецъ Геннадій, теперь-то и подходить! Вотъ дайте кончить курсъ, мы тутъ съ вами такихъ дѣловъ надѣлаемъ—бѣда! Прежде всего новую школу выстроимъ—разъ! Потомъ агрономическую станцію устроимъ — два. А ужъ кооперативное товарищество, конечно, въ первую голову, и я—первый вкладчикъ!

О. Геннадій глядѣлъ на него во всѣ глаза, потомъ вдругъ захохоталъ и бросился къ табачной коробкѣ.

— Не могу больше, долженъ закурить... Фу, ты, батюшки, ажъ въ головѣ закружилось! Школа!.. Станція!.. Товарищество!.. Еще что?

— А еще столовую откроемъ для ребятъ при школѣ? Это хоть сейчасъ.

— Столовую?.. Охо-хо-хо!.. Загремимъ, стало быть? Великолѣпно!..

Онъ принялся носиться по комнатѣ, за нимъ носилось облако дыма; его восторгъ заразилъ Васю и оба, воспламенившись, перебивая другъ друга, стали развивать планы будущихъ дѣйствій. Сначала подробно обсудили устройство столовой, потомъ перешли къ товариществу, школѣ и агрономической станціи, наконецъ, совершенно незамѣтно углубились въ даль временъ и опомнились только тогда, когда возвели въ Марусинѣ народный дворецъ съ университетскими лекціями, театромъ, библіотеками, клубами и Богъ знаетъ еще чѣмъ... Взглянули другъ на друга и расхохотались.

— Фу, ты, Господи, чисто сонъ какой-то!..—сказалъ дьяконъ.—А, можетъ, и вправду сонъ? Ну-ка, щипните меня за бороду... да не такъ, вы побольнѣе!.. Хо-хо-хо, чувствую, чувствую! Не сплю! Вонъ и часы съ кукушкой вижу, а на часахъ—два! До чего досидѣлись! Вы ужъ у меня ночуйте, я васъ теперь не выпущу! Оживили вы меня и встряхнули

чудеснѣйше! Что значитъ—молодость! Можетъ, оно и фантазія, можетъ, ничего изъ этихъ разговоровъ и не выйдетъ, а вѣдь вотъ подымаетъ, взвинчиваетъ, и плевать мнѣ теперь на урядника, ничего не боюсь и помирать не хочу...

XXXVII.

Нѣсколько дней, прожитые Васей въ усадьбѣ въ полномъ одиночествѣ, пролетѣли, какъ мигъ, и онъ никогда потомъ не могъ забыть радостнаго чувства свободы и покоя, которое испытывалъ все это время. Весело было подыматься до свѣту и послѣ чая идти въ контору приводить въ порядокъ страшно запущенные книги и счета; пріятно было похозяйски бродить по усадьбѣ, заглядывать въ амбары, конюшни, на молотьбу и принимать отчеты отъ приказчика. Кое-что онъ уже началъ понимать въ этомъ сложномъ механизмѣ, который назывался сельскимъ хозяйствомъ, кое въ чемъ разобрался и былъ страшно радъ, когда, послѣ разныхъ выкладокъ и разсчетовъ, убѣдился въ томъ, что Марусино еще можно спасти. Такъ незамѣтно въ дѣлахъ проходилъ весь день, а вечеромъ онъ шелъ къ дьякону и до полночи засиживался у него. Поговорить было о чемъ... Только изрѣдка Васю томила и мучила мысль о Раичкѣ. Вспоминались ея глаза, голосъ, капризная измѣнчивость, живой, оригинальный умъ, и думалось, какъ было бы хорошо, еслибы эта странная женщина, даже въ недостаткахъ своихъ такая привлекательная, оживила старый ступицынскій домъ. „Надо обвѣнчаться!—думалъ Вася.—Можетъ быть, всѣ эти разговоры о томъ, что я ей не пара, и разныя глупости это оттого, что мы живемъ такъ. А когда будетъ женой и увидитъ, что я также ее люблю, успокоится и перестанетъ капризничать... милая Раичка, маленькая моя жена!..“

Среди Васиныхъ душевныхъ волненій, хозяйственныхъ хлопотъ и всевозможныхъ плановъ, вдругъ, какъ снѣгъ на голову, свалился папаша Ступицынъ. Онъ пріѣхалъ какъ-то потихоньку, подозрительно оглядѣлся, какъ будто ожидалъ встрѣтить въ домѣ, кромѣ Васи, еще кого-нибудь, и съ кислымъ видомъ объявилъ, что его прислала maman Ступицына. Внезапное исчезновеніе Васи ее страшно огорчило и обидѣло; Васинъ отъѣздъ она поняла, какъ косвенный намекъ на то, что ихъ пребываніе въ *его* домѣ („его“ было подчеркнуто) непріятно ему, и, конечно, она немедленно уѣхала бы изъ города въ Марусино, еслибы не боялась и тамъ стѣснить Васю своимъ присутствіемъ. Она цѣлые дни плачетъ и проситъ его вернуться; домъ его, пусть онъ живетъ, какъ

хочетъ, а они всѣ сейчасъ же переѣдутъ въ усадьбу... Это было такъ нелѣпо, что Вася даже не разсердился, а расхохотался, отчего Александръ Егорычъ принялъ еще болѣе кислый и обиженный видъ.

— Не знаю, что тутъ смѣшного! — пробормоталъ онъ. — Конечно, теперь, можетъ быть, принято издѣваться надъ родителями, но твоего смѣха, Вася, извини, я совершенно не понимаю. Мы съ матерью дѣлали для тебя, что могли, и уже поэтому, кажется, имѣли бы право на уваженіе. Впрочемъ, не знаю, не знаю... Теперь все какъ-то иначе... можетъ, мы выжили изъ ума, во всякомъ случаѣ, ты, Вася, не безпокойся, мы мѣшать не будемъ, тѣмъ болѣе, что ты теперь человѣкъ независимый, у тебя свое состояніе, можешь обойтись безъ насъ...

— Да что вы, папа! — воскликнулъ, наконецъ, Вася, утомленный этой слезливой болтовней.—Да откуда вы взяли, что я издѣваюсь надъ вами и хочу выжить васъ изъ дома? Отъ васъ-то ужь я этого совсѣмъ не ожидалъ...

Вася говорилъ долго и горячо; старикъ недовѣрчиво слушалъ и возражалъ что-то безсвязно и безтолково. Но ясный и свѣжій осенній день, глядѣвшій въ открытыя настежь окна, мирное кудахтанье куръ гдѣ-то на дворѣ, отдаленный шумъ молотилки, грубые, бодрые голоса деревенской жизни, должно быть, и въ его старой душѣ разбудили чувство свободы и покоя. Онъ отошелъ, размякъ, сталъ проще, свѣтлѣе, а послѣ борща съ свинымъ саломъ и горячаго молочнаго кулеша совсѣмъ развеселился. Цѣлый день Вася таскалъ его по усадьбѣ, развивая передъ нимъ свои планы и проекты, и онъ со всѣмъ соглашался, все одобрялъ, даже не морщился и не нылъ, какъ всегда, когда рѣчь заходила о денежныхъ дѣлахъ. Вечеръ они провели, какъ добрые товарищи, пили чай съ медомъ и съ коньякомъ, играли въ шахматы, смѣялись надъ старинными анекдотами, которые Александръ Егорычъ извлекъ изъ своей памяти, и довольные разошлись спать. Но утромъ старикъ опять закряхтѣлъ, завздыхалъ и нерѣшительно сказалъ Васѣ:

— Да, братъ, хорошо-то оно хорошо, а все-таки поѣдемъ-ка въ городъ! Надо маму успокоить. Самъ знаешь, какая она мнительная: вообразитъ Богъ знаетъ что, разстроится, — и жизни будешь не радъ. И такъ, небось, всю ночь не спала, всякихъ страстей навыдумывала! Женщины, братъ, это такая тонкая вещь, — вотъ женишься, самъ узнаешь!

Вася подумалъ о Раичкѣ и, краснѣя, сказалъ:

— Да... ну, что жь, пожалуй, поѣдемъ!

— Вотъ и отлично!—обрадовался отецъ.—Кстати, завтра экстренное земское собраніе тамъ, по случаю голода,—тебѣ будетъ интересно.

Подъѣзжая къ дому, Вася уже заранѣе настроился примирительно и хотѣлъ встрѣтиться съ матерью по прежнему радостно и нѣжно, какъ любящій сынъ. Но шипѣвшій у воротъ сугробинскій автомобиль, и самоувѣренно-громкій голосъ Вадима въ залѣ, и притворно-наивные взвизги сестеръ—все это сразу взвинтило его успокоенные нервы и онъ вошелъ въ домъ не такимъ, какимъ ѣхалъ. Должно быть, то же самое чувствовалъ и отецъ: его вчерашнее благодушіе и веселость смѣнились растерянною суетливостью и прежде, чѣмъ войти, онъ долго топтался въ передней, вытирая о половикъ совершенно чистые сапоги.

— Ну, вотъ, привезъ тебѣ бѣглеца!—съ неестественной развязностью сказалъ онъ, часто мигая глазами и не глядя на Васю. — Представь себѣ, Nadine, оказывается, онъ тамъ занялся хозяйствомъ и, я тебѣ скажу, отлично это у него выходитъ! Серьезно! Мы-то здѣсь думаемъ Богъ знаетъ что, а онъ, вообрази, преспокойно себѣ молотитъ хлѣбъ, разсчитывается съ рабочими, двоитъ пары,—ей-Богу, словно весь вѣкъ хозяйничалъ! Талантъ! Прирожденный талантъ...

— Очень пріятно!—протянула мать, опуская углы губъ книзу, отчего ея полное лицо сразу сдѣлалось непріятно брюзгливымъ и старымъ. — Ужь не знаю, талантъ или не талантъ, а все-таки надо и о другихъ подумать! Я думаю, здоровье матери важнѣе молотьбы и паровъ! Я тутъ столько пережила, столько переиспытала, ты и представить себѣ не можешь! Въ другой разъ, если тебѣ вздумается, мой другъ, развлекаться молотьбой, ты хоть предупреди заранѣе. Все-таки я тебѣ мать, а не какая-нибудь приживалка...

— „Нѣтъ, никогда мы не сойдемся и не поймемъ другъ друга!..“—тоскливо подумалъ Вася, прикладываясь къ мягкой рукѣ матери, пахнущей пудрой и духами.

Дверь изъ залы шумно распахнулась, оттуда, смѣясь и шаловливо подпрыгивая, вбѣжали Люлечка и Фаня. За ними показался неуклюжій силуэтъ Вадима Сугробина. Мать подобрала опущенные углы губъ и лицо ея расцвѣтилось снисходительно-ласковой улыбкой.

Вася холодно поздоровался съ сестрами и, воспользовавшись тѣмъ, что мать увлеклась приведеніемъ въ порядокъ какихъ-то ленточекъ и оборочекъ на платьѣ Люлечки, вышелъ изъ комнаты. Его догналъ Вадимъ.

— Что это вы, даже и здороваться со мной не хотите?—сказалъ онъ, ухмыляясь и задерживая въ своей холодной, костлявой рукѣ Васину руку.

— Простите, пожалуйста... у меня съ дороги голова немного разболѣлась...

— Понимаю, понимаю!.. — захохоталъ Вадимъ и фамильярно хлопнулъ Васю по плечу. — Знаете, стихи такіе есть... Какъ ихъ, чортъ!?. Постойте, вспомнилъ!.. „Узнаю коней влюбленныхъ... тьфу!—ретивыхъ!—я по выжженнымъ таврамъ, а любовниковъ счастливыхъ узнаю по ихъ глазамъ“... Ха-ха-ха!..

— Это что значитъ?—блѣднѣя, спросилъ Вася.

— Шарада! Три слога и шесть буквъ, а вмѣстѣ—очаровательная женщина. Эхъ, счастливецъ, завидую я вамъ! Пришелъ, увидѣлъ и побѣдилъ...

Въ головѣ у Васи завертѣлись огненныя колеса, онъ вырвалъ свою руку изъ рукъ Вадима и замахнулся... Зеленые глаза Вадима испуганно завертѣлись, онъ отшатнулся и, что-то бормоча, поспѣшно скрылся за дверью. Вася прошелъ къ себѣ, освѣжилъ голову холодной водой, но долго не могъ успокоиться и весь дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ.

„Что же это такое?—спрашивалъ онъ себя.—Неужели даже на улицѣ говорятъ о насъ?“

И то, что онъ такъ бережно пряталъ въ своей душѣ, о чемъ самъ могъ думать только съ радостной, стыдливой нѣжностью, казалось ему теперь оплеваннымъ, забрызганнымъ грязью, выброшеннымъ на улицу подъ ноги пошлыхъ идіотовъ и хихикающихъ сплетниковъ. И тутъ же у него созрѣло окончательное рѣшеніе — сейчасъ же пойти къ Раичкѣ, предложить ей обвѣнчаться и на весь остатокъ каникулъ переѣхать въ деревню.

Но окна Раичкиной квартиры были заперты, пришлось долго стучаться и ждать, когда отворятъ. Изъ сосѣднихъ домовъ выглядывали любопытныя лица; отъ колодца шла дѣвочка съ ведрами и тоже, разинувъ ротъ, остановилась около Васи. Можетъ, это и прежде бывало, но какъ-то не замѣчалось; теперь же, послѣ пошлыхъ намековъ Вадима, пріобрѣтало особый смыслъ и больно кололо въ сердце. Наконецъ, на стукъ вышла баба и объявила, что барыни нѣту, что приходилъ горбатенькій баринъ и вмѣстѣ они куда-то ушли. „Въ клубъ Зеленаго Змія“...—подумалъ Вася, и приподнятое настроеніе его смѣнилось страшной усталостью. Когда шелъ сюда, почему-то была увѣренность, что его ждутъ, встрѣтятъ радостно и бурно... И вотъ запертыя окна, а сама—въ клубѣ „Зеленаго Змія“... Вася медленно побрелъ домой; дѣвчонка съ разинутымъ ртомъ и любопытныя лица въ окнахъ провожали его внимательными глазами.

XXXVIII.

Земскія собранія обычно происходили въ огромномъ старинномъ зданіи казарменнаго вида съ облупленной штукатуркой и безобразными, зарѣшетенными изнутри окнами. Когда-то здѣсь были соляные амбары, а теперь помѣщались— земская управа, полиція, арестный домъ и казначейство. Огромные гулкіе корридоры, всегда холодные и сырые, пропитанные запахомъ тлѣнія, махорки и солдатскихъ щей, отдѣляли одно учрежденіе отъ другого, и, когда Вася вошелъ, ему вспомнилось, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ, еще передъ революціей, въ отхожемъ мѣстѣ одного изъ этихъ угрюмыхъ корридоровъ, застрѣлился старичокъ-исправникъ. Отъ этого воспоминанія, а, можетъ быть, и отъ сырости Васю осыпало непріятнымъ ознобомъ; онъ поспѣшно толкнулъ дверь, обитую грязной, обшарпанной клеенкой и очутился въ передней земской управы.

Собраніе еще не начиналось, гласные съѣзжались туго, но низкая сводчатая зала была уже полна говоромъ и гуломъ многихъ голосовъ. Земцы-дворяне чувствовали себя здѣсь хозяевами, громко здоровались другъ съ другомъ, окликали знакомыхъ, переговаривались; иногда изъ какой-нибудь группы слышался раскатистый хохотъ. Мужики держали себя смиренно, жались больше къ стѣнкамъ, робко покашливали въ руку и, точно лошади на хозяина, косили глазами по сторонамъ—какъ бы не пропустить какого-нибудь начальства и не забыть поклониться.

Вася, немножко стѣсненный тѣмъ, что, кажется, былъ здѣсь единственнымъ постороннимъ человѣкомъ, тоже избралъ себѣ уголокъ потемнѣе и съ любопытствомъ приглядывался къ гласнымъ, узнавая знакомыхъ. Въ одной группѣ увидѣлъ Молдаванова, который, брызгаясь слюной, по обыкновенію на что-то жаловался и кого-то бранилъ. Тутъ же съ лѣнивымъ и безпечнымъ видомъ бродилъ Рѣшеткинъ, напѣвая себѣ подъ носъ игривый мотивчикъ; немного позже прибыла и Катерина великая съ неизмѣнной нагайкой за поясомъ и сейчасъ же была окружена мужчинами, которые по очереди подходили прикладываться къ ея энергичной ручкѣ, затянутой въ сѣрую лайковую перчатку. Но особенно Васю заинтересовали двое, о которыхъ много разсказывалъ ему отецъ. Одинъ представлялъ изъ себя буквально цѣлую гору жира и еле передвигался на чудовищно толстыхъ ногахъ; его прозвали „мироточивымъ Іосафомъ", и, дѣйствительно, его дворянскій мундиръ былъ до того пропитанъ

саломъ и остатками съѣденныхъ имъ кушаній, что едва-едва только не сочился. Другой, напротивъ, былъ худощавый, стройный и необыкновенно подвижной, съ длинной, совершенно голой головой, блестящими злыми глазами и огромной челюстью, за которую и получилъ прозвище „Волкодава“. Неглупый, рѣшительный, дерзкій на языкъ, онъ являлся грозою не только уѣздныхъ, но и губернскихъ собраній; вокругъ него группировался весь черный элементъ уѣзда, который каждый разъ усердно проводилъ „Волкодава“ въ Государственную Думу и каждый разъ неудачно. А между тѣмъ депутатское кресло было его завѣтной мечтой и, не смотря на то, что онъ всюду и вездѣ громилъ представительный строй, а конституцію иронически называлъ „констипаціей“, уже и теперь по уѣзду опять шла энергичная агитація въ его пользу и имя „Волкодава“ стояло на первомъ мѣстѣ въ спискѣ кандидатовъ въ 4-ю Думу отъ крайнихъ правыхъ.

Гласные все прибывали; въ залѣ стало еще шумнѣе и душнѣе. Появился Яругинъ, съ одинаковой благожелательностью раскланиваясь направо и налѣво, крѣпко пожимая руки и „Волкодаву“, и оробѣлымъ мужичкамъ. Замѣтилъ онъ и Васю и, перекланявшись со всѣми, подошелъ, наконецъ, и къ нему.

— Что, и вы къ намъ пришли?—съ своей тонкой улыбкой стараго дипломата сказалъ онъ.—Не мѣшаетъ, не мѣшаетъ поучиться,—годика черезъ три сами будете гласнымъ, а, Богъ дастъ, смѣните и меня, старика, на предводительскомъ посту.

Сконфуженный Вася что-то пробормоталъ.

— А я все никакъ не могу собраться къ вамъ,—продолжалъ Яругинъ.—Теперь вѣдь мы съ вами, по волѣ вашего покойнаго дядюшки, немножко связаны, хотя и не надолго, конечно. Да и вы, пожалуйста, ко мнѣ запросто, безъ церемоній. Жена и дочери будутъ очень рады васъ видѣть.

Въ этихъ любезныхъ словахъ Вася почувствовалъ тонкій намекъ, что до сихъ поръ не сдѣлалъ визита къ своему опекуну, и смутился еще больше. Выручило его шумное появленіе Груздева. Онъ былъ чѣмъ-то необычайно взволнованъ, багровъ до синевы, кажется, немного пьянъ и, увидѣвъ Васю съ Яругинымъ, устремился прямо на нихъ.

— Мое почтеніе! — прохрипѣлъ онъ, сунувъ руку Яругину и какъ будто не замѣчая Васю.—Какову штуку-то мерзавцы выкинули, а? Да вы читали или нѣтъ? Э-э, да какже! У насъ, у насъ, въ собственной нашей средѣ корреспонденты завелись, вотъ какая пакость!..—форменный пасквиль!

И, вращая налитыми кровью глазами ,онъ вытащилъ изъ

кармана смятый номеръ петербургской газеты, которую ненавидѣлъ еще больше, чѣмъ „Русскія Вѣдомости“. На его крикъ стали подходить и другіе и мало-по-малу вокругъ Ястругина, Васи и Груздева образовалось плотное кольцо.

— Да что такое? Кто написалъ?—послышались голоса.

— А ужь это вотъ надо петербургскихъ фертиковъ спрашивать! — отвѣчалъ Груздевъ и по-волчьи, всѣмъ туловищемъ повернувшись къ Васѣ, уставилъ на него свои свирѣпые, бульдожьи глаза.

За нимъ и всѣ обернулись на Васю. Сонно сопя и пуская слюну, смотрѣлъ „мироточивый“ Іосафъ, насмѣшливо подмигивалъ Рѣшеткинъ, злобно впивался „Волкодавъ“, величественнымъ презрѣніемъ обдавала Екатерина великая. Сзади мелькнуло встревоженное лицо отца. Вася увидѣлъ себя окруженнымъ, затравленнымъ, прижатымъ къ стѣнѣ, и съ ужасомъ почувствовалъ, какъ у него сначала покраснѣли щеки, потомъ лобъ, уши и, наконецъ, шея...

— Я не понимаю, господа, что тутъ такого страннаго?—вступился Ястругинъ, съ ласковымъ сожалѣніемъ глядя на Васю.—Появилась статья... но вѣдь на то, господа, и гласность! Мы не должны бояться гласности, напротивъ, я лично ее привѣтствую! Если моя дѣятельность чистая,—сдѣлайте одолженіе, пишите, я очень радъ, я благодаренъ, если мнѣ укажутъ мои ошибки!

— Да, если чиста, а коли нѣтъ? -- сказалъ кто-то въ заднихъ рядахъ и захохоталъ.

Груздѣвъ побагровѣлъ еще больше и бѣшено оглянулся.

— Ну, ужь нѣтъ, покорно благодарю! Чтобы какой-нибудь мальчишка, который еще и штаны путемъ не умѣетъ застегивать, да лѣзъ въ мои дѣла, къ чорту ее, эдакую гласность! Н не позволю! Только бы мнѣ его поймать, каналью,—съ лица земли сотру! Гласность, а? Да повѣсьте ее себѣ на шею, если она вамъ нужна, а я начхать на нее хотѣлъ! Я служу своему Богу и государю и отвѣтъ передъ ними буду держать, а чтобы какой-нибудь мерзавецъ, выродокъ, забывши честь и совѣсть, позорилъ меня въ жидовской газетѣ — не согласенъ! Изгонять такихъ надо изъ дворянскаго сословія, а не поощрять!

— Правильно!—одобрительно пронеслось въ толпѣ.

Лицо Ястругина изъ благожелательнаго сдѣлалось холодно-офиціальнымъ и, видимо, желая прекратить непріятную сцену, онъ сухо сказалъ:

— Господа, если не ошибаюсь, мы уже въ числѣ, — не пора ли приступить къ дѣлу? У насъ такъ мало времени, а между тѣмъ первый часъ... прошу васъ, господа, на мѣста...

— Вѣрно, вѣрно, пора. Отзвонилъ, да и съ колокольни долой!..

Гласные съ шумомъ разсыпались по залѣ, гремѣли стульями, усаживались; нѣкоторые окружили Груздева, разспрашивали его, вырывали другъ у друга газету и съ хохотомъ читали вслухъ. Яругинъ задержался около Васи и тихонько отвелъ его въ сторону.

— Что это вы такое тамъ написали, юноша? А?

— Даю вамъ честное слово, рѣшительно ничего не писалъ!—отвѣчалъ Вася, еще не оправившись отъ пережитаго волненія и возмущенный грубою выходкой Груздева.—Я самъ ничего не понимаю, даже газеты этой ни разу здѣсь не видѣлъ. И... и я не могу такъ этого оставить... Господинъ Груздевъ долженъ мнѣ отвѣтить за оскорбленіе...

— Ну, ну, ну, успокойтесь, юноша, не стоитъ волноваться! Я вамъ вѣрю, да еслибы и дѣйствительно написали, ничего дурного въ этомъ не вижу. А этотъ Груздевъ такая неопрятная личность, что самое лучшее для васъ — совершенно его игнорировать... Э, поживете—увидите: то ли еще бываетъ?.. Но мы съ вами еще потолкуемъ... вы послѣ собранія приходите-ка обѣдать къ намъ. Согласны? Отлично...

И нѣсколько времени спустя, корректный, замкнутый, съ плавными движеніями, съ заученно-вѣжливою улыбкою на тонкихъ губахъ, онъ уже сидѣлъ за столомъ на предсѣдательскомъ мѣстѣ, точно опытный капельмейстеръ, руководя собраніемъ. Рядомъ съ нимъ, безмятежно сложивъ руки на животѣ, подремывалъ Головкинъ; казалось, ему не было никакого дѣла до того, что происходило вокругъ, и на спокойномъ лицѣ его выражалось полное равнодушіе. „Дѣлайте, молъ, что хотите, только оставьте меня въ покоѣ,— что будетъ, то и будетъ, а мое дѣло—сторона“...

XXXIX.

Собраніе началось съ чтенія доклада земской управы о постигшемъ Песчанскій уѣздъ недородѣ. На нѣкоторое время Головкину пришлось выйти изъ своего дремотнаго состоянія; нехотя онъ поднялся и нехотя сталъ читать, глотая слова и съ трудомъ одолѣвая зѣвоту, которая нападала на него каждый разъ, когда приходилось читать вслухъ. Докладъ былъ составленъ въ очень умѣренномъ и осторожномъ тонѣ, и управа, приводя статистическія данныя о недоборѣ хлѣбовъ, указывала на необходимость теперь же ходатайствовать о правительственной ссудѣ. По ея исчисленію требовалось около милліона рублей, чтобы удовлетворить самымъ насущнымъ нуждамъ населенія. Сухо и холодно

звучали въ залѣ страшныя слова: недоѣданіе, недородъ, зараза; монотонно гудѣлъ подъ старыми сводами сонный голосъ Головкина и лица гласныхъ, какія-то сѣрыя въ сѣромъ свѣтѣ, скучно сочившемся сквозь зарѣшетенныя окна, не выражали ничего, кромѣ привычной скуки. Мироточивый Іосафъ откровенно похрапывалъ; Рѣшеткинъ дѣлалъ изъ бумаги очень искусно кораблики и пѣтушковъ; мужики, неподвижно вытянувшись на стульяхъ въ окаменѣлыхъ позахъ, съ почтеніемъ смотрѣли въ ротъ Головкину. Только при словѣ „милліонъ" Волкодавъ иронически пробормоталъ: „ого"!— а Молдовановъ подскочилъ и весь задергался, точно его кто-то сзади потянулъ за веревочку.

Чтеніе продолжалось не болѣе четверти часа, но, когда кончилось, общій вздохъ облегченія пронесся по залѣ. Головкинъ сѣлъ и снова погрузился въ молчаливое созерцаніе собственнаго живота; гласные переглянулись какъ бы въ ожиданіи, кто первый откроетъ пренія. Выскочилъ Молдовановъ.

— Нахожу преждевременнымъ!—закричалъ онъ, фыркая и плюясь.—Недородъ-недородъ!.. Отчего недородъ? Отъ пьянства! Отъ лѣни! Отъ безобразія... да-съ!.. Попробуйте-ка этихъ голодающихъ въ рабочую пору на уборку нанять — пойдутъ они къ вамъ или нѣтъ? Да ни за какія деньги! А вотъ ссуду клянчить, да пропивать ее въ кабакѣ, да своимъ бабамъ ожерелки и жамки покупать,—это съ удовольствіемъ! Нѣтъ-съ, не согласенъ! Кто работаетъ, тотъ не голодаетъ! У насъ, у помѣщиковъ, тоже недородъ, а мы не вопіемъ, не жалуемся, не просимъ... Не согласенъ! Никакой ссуды! На пьянство, а развратъ—нахожу излишнимъ... Отклонить!

Онъ даже запыхался и сѣлъ, весь въ поту, дико вращая глазами, точно разсерженный песъ.

— Здорово!.. послышался чей-то поощрительный возгласъ.

Между гласными поднялся оживленный шопотъ; Рѣшеткинъ подъ шумокъ устроилъ что-то вродѣ тотализатора и принималъ отъ сосѣдей ставки за того, кто первый послѣ Молдованова выскочитъ говорить.

„Выскочилъ" Груздевъ.

— Я присоединяюсь... ходатайствовать преждевременно. Положеніе вовсе не такъ бѣдственно, могу засвидѣтельствовать, какъ земскій начальникъ. И откуда эти цифры? Результаты урожая еще не выяснены. Многіе корнеплоды до сихъ поръ въ землѣ... картофель, напримѣръ... а между тѣмъ это главный продуктъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ... И вдругъ будто бы нуженъ милліонъ?..

— Не понимаю!..

Больше у него ничего не нашлось сказать; посмѣиваясь, Рѣшеткинъ ждалъ, кто выступитъ за нимъ. Всѣ почему-то ставили на Волкодава, но къ общему удивленію поднялись сразу два мужика. Они волновались давно, еще во время рѣчи Молдованова: переглядывались, перекашливались, наконецъ, оба одновременно осмѣлились и встали оба.

— Дозвольте, ваше превосходительство, слово сказать...

— Пожалуйста!—съ очаровательной мягкостью сказалъ Яругинъ.—Кому угодно—вамъ или вамъ?

Мужики съ недоумѣніемъ взглянули другъ на друга, и хотя заговорилъ одинъ, но другой продолжалъ стоять, какъ бы въ подтвержденіе его словъ.

— Картохи, ваше превосходительство, никакъ нѣту... — началъ мужикъ.

— Чего?—перебилъ его Груздевъ, поворачиваясь къ нему всѣмъ тѣломъ.

— Позвольте, г. Груздевъ! — съ тою же очаровательной мягкостью вмѣшался Яругинъ.—Слово принадлежитъ г. Кокорину. Продолжайте, г. Кокоринъ!

— Я на счетъ картохи, ваше превосходительство... Картохи повсемѣстно нигдѣ нѣту, хоть провѣрьте! Вотъ они докладаютъ, быдто она еще въ землѣ, ну, дозвольте объяснить, картоха ноне окончательно не уродилась.

— Да вѣдь ее еще не копали?—снова перебилъ его Груздевъ и снова былъ остановленъ предсѣдателемъ.

— Пожалуйста, прошу васъ... г. Кокоринъ еще не кончилъ. Вы не кончили, г. Кокоринъ?

— Такъ точно, ваше превосходительство... Какъ не копали? Копали, да копать-то нечего. По той причинѣ, что сначала сукмень была, и всю ее чисто варомъ сварило, а въ послѣдствіи времени напала на нее моча, и сдѣлалась она вродѣ какъ бы овечьихъ орѣхо́въ...

Среди гласныхъ пронесся легкій смѣшокъ; Груздевъ грубо и сердито бормоталъ что-то своему сосѣду. Яругинъ взялся за колокольчикъ. Но г. Кокоринъ и его товарищъ, должно быть, привыкли къ такой обстановкѣ и, нисколько не смущаясь, одинъ про́должалъ говорить, а другой въ подтвержденіе его словъ молча кивалъ головой.

— ...Какъ передъ истиннымъ говорю, хочь кого хошь спроси, вѣрное слово! А безъ картохи, ваше превосходительство, сами знаете, какое наше житье, — самая первая мужицкая пищія! Ну, ежели и ей нѣту и никакой руки помощи не будетъ, тогда мужичокъ, извѣстное дѣло, ложись, милый, да и помирай, зря господъ не утруждай!.. болѣ ничего, ваше превосходительство, покорно васъ благодарю!

— Вотъ это такъ рѣчь!—громко сказалъ кто-то.

— Dixi et animam levavi!..

— На картоху „моча“ напала и потому „ахъ, подай мнѣ милліонъ!“

Въ залѣ уже не было скуки, гласные гудѣли и дурачились, точно школяры въ классѣ, Яругинъ уже нѣсколько разъ призывалъ ихъ къ порядку, слегка встряхивая звонкомъ. Но веселое настроеніе все росло и еще больше усилилось, когда поднялся Волкодавъ: только что Рѣшеткинъ поставилъ на него полдюжины шампанскаго и теперь, перегнувшись черезъ спинку стула, громко сообщалъ о своемъ выигрышѣ женѣ:

— Поздравь, Катишь... послѣ собранія пьемъ Абрау-Дюрсо!..

— Я, господа, — началъ между тѣмъ Волкодавъ внушительнымъ тономъ—я съ своей стороны, выслушавъ крайне серьезный и обстоятельный докладъ управы, предлагаю собранію выразить ей благодарность...

Всѣ насторожились; нѣкоторые уже заранѣе растягивали ротъ, приготовляясь смѣяться, а управцы безпокойно задвигались на своихъ мѣстахъ и даже безмятежный Головкинъ пріоткрылъ одинъ глазъ, точно хотѣлъ сказать:—„Ой, подвохъ!“...

Волкодавъ продолжалъ:

— Да, господа,—благодарность, ибо управа обнаружила не только мудрую предусмотрительность, но даже чисто сверхъестественное предвидѣніе. Есть русская пословица: громъ не грянетъ, мужикъ не перекрестится. Наша управа не такова: нигдѣ еще и тучки не видно, а она уже земные поклоны бьетъ и въ своемъ усердіи рискуетъ расшибить либо полъ, либо лобъ...

Въ залѣ вспыхнуло одобрительное гоготаніе; Яругинъ тряхнулъ звонкомъ.

— Пожалуйста, прошу воздерживаться отъ рѣзкихъ выраженій!..

— Pardon!.. я совершенно далекъ отъ желанія быть рѣзкимъ! Боже сохрани! Напротивъ, я восхищенъ и предусмотрительностью управы, и ея прекраснымъ докладомъ, такъ что даже предлагаю выразить ей благодарность. Меня смущаетъ только одинъ недосмотръ въ докладѣ, и, если мнѣ будетъ позволено, я бы предложилъ внести туда маленькое дополненіе. Дѣло въ томъ, что управа, предвидя развитіе эпидемическихъ болѣзней, уже озабочивается приглашеніемъ врачей. Заботливость весьма похвальная, но управа упустила изъ виду одно важное соображеніе, что вѣдь во время эпидемій и смертность бываетъ большая. Почему же, заботясь о приглашеніи врачей, не позаботиться также заранѣе о покупкѣ гробовъ? Полагаю, что этотъ пробѣлъ является ре-

зультатомъ простого недосмотра, и въ дополненіе къ докладу прошу внести на обсужденіе собранія вопросъ о пріобрѣтеніи заблаговременно ну хотя бы тысячъ пяти гробовъ для надобностей голоднаго времени!

Онъ дерзко и вызывающе оглядѣлъ собраніе и съ видомъ побѣдителя усѣлся на свое мѣсто. Сдержанные смѣшки перешли въ откровенное гоготаніе. Молдовановъ шипѣлъ и крутился отъ восторга, точно волчокъ; Груздевъ лѣзъ къ Волкодаву черезъ столъ съ рукой; Катерина великая дѣлала видъ, что аплодируетъ, и помахивала бѣлымъ платочкомъ. Вася растерянно смотрѣлъ на это зрѣлище и ничего не понималъ. Неужели это земское собраніе, на которомъ долженъ рѣшиться вопросъ о жизни и смерти многихъ тысячъ людей?

Въ эту минуту изъ боковой двери появился сторожъ и подалъ Яругину телеграмму. Тотъ небрежно взглянулъ на нее, распечаталъ и вдругъ, мертвенно блѣдный, стремительно вскочилъ съ мѣста.

— Прошу извиненія, господа... я долженъ сдѣлать перерывъ... Получено потрясающее извѣстіе, господа... предсѣдатель совѣта министровъ тяжело раненъ

Эти слова ошеломили всѣхъ: воцарилась могильная тишина. Но это продолжалось только одно мгновеніе... скоро вся зала кипѣла, точно гигантскій котелъ; гласные черной лавиной валились на Яругина, вырывали другъ у друга телеграмму, что-то кричали и одно общее выраженіе страха и злобы искажало сытыя, еще недавно такія довольныя и самоувѣренныя лица.

XL.

Вася вышелъ въ переднюю и не успѣлъ еще разыскать свое пальто, какъ дверь изъ залы распахнулась настежь и оттуда, вмѣстѣ съ духотой, гомономъ и табачнымъ дымомъ стали вываливаться группы гласныхъ. Передняя наполнилась толкотней разгоряченныхъ тѣлъ и обрывками недоконченныхъ въ залѣ разговоровъ.

Къ Васѣ подошелъ управскій сторожъ съ запиской.

— Это вотъ не вамъ ли, барчукъ? Отъ г. предводителя.

„Не забудьте дорогой, что вы сегодня у насъ обѣдаете! Жду къ четыремъ. До свиданія, Яругинъ“.

Вася взглянулъ на часы,—было уже половина четвертаго. „Вотъ еще чортъ меня угораздилъ!“ со смущеніемъ и досадой выругалъ себя онъ. Но дѣлать было нечего,—раскаяваться и злиться поздно. Пришлось спѣшить домой, чтобы успѣть переодѣться и попасть къ назначенному сроку.

У Яругина своего дома въ городѣ не было, онъ жилъ во

второмъ этажѣ большихъ каменныхъ хоромъ купца Козелкина. Васѣ отворилъ представительный лакей съ пышными бакенами.

— Пожалуйте-съ! — лакей растворилъ дверь въ гостиную.

Яругинъ, уже вымытый, переодѣтый, пахнущій тонкими духами, встрѣтилъ Васю на порогѣ и по очереди представилъ его женѣ и двумъ дочерямъ, которыя казались младшими сестрами своей красивой и моложавой матери. Сначала бесѣда не ладилась: Вася конфузился и робѣлъ, ему казалось, что предводительша и ея дочки смотрятъ на него свысока, отъ этого чувствовалось какъ-то холодно и неуютно. M-me Яругина понимала его состояніе и ловко, какъ настоящая свѣтская дама, мѣняя темы, перескакивая съ одного предмета на другой, втянула таки Васю въ разговоръ.

— Ну что,—какъ вамъ понравилось наше земское собраніе?

Вася признался, что онъ былъ пораженъ и удрученъ.

— Вполнѣ понятно!—вмѣшалась одна изъ дочерей—до сихъ поръ онѣ обѣ молчали и были углублены въ какое-то причудливое вязанье.—Даже странно, мама, какъ ты спрашиваешь? Развѣ это собраніе? Это балаганъ какой-то!

— Ну, Лизи, ты всегда слишкомъ рѣзка!—мягко замѣтила мать.—Я не спорю, земство въ послѣднее время утратило свой прежній благородный характеръ, но называть его балаганомъ... это все-таки черезчуръ, Лизи!

— Ахъ, мама, зачѣмъ подкрашивать горькую истину? Ты отлично знаешь, что я права! И не балаганъ даже,— балаганъ все-таки что-то невинное! Хуже... какой-то пиръ дикарей... пляска торжествующихъ гориллъ надъ трупами своихъ враговъ,—вотъ что такое теперь эти земскія собранія!

„Ого!“ подумалъ Вася и съ удовольствіемъ посмотрѣлъ на Лизи. Она сидѣла вся на свѣту; ея продолговатое, матово-блѣдное лицо въ рамкѣ темныхъ, низко спущенныхъ на уши волосъ, напоминало какую-то старинную картину; большіе сѣрые глаза были строги и въ то же время по дѣвичьи чисты и нѣжны. И Вася, только теперь разглядѣвшій ея оригинальную красоту, почему-то опять смутился и покраснѣлъ.

— Лизи, Лизи!..—съ упрекомъ воскликнула m-me Яругина и не выдержала—засмѣялась.—Ахъ, она у насъ ужасная радикалка! Ты бы подумала, Лизи, что ты говоришь? Гориллы... Ну, а папа какъ же? Вѣдь и онъ тамъ, среди этихъ гориллъ?

— И напрасно... Я бы на его мѣстѣ давно ушла,—раздувая ноздри, рѣшительно заявила Лизи.

Вошедшій въ это время Яругинъ тихонько подошелъ къ дочери сзади и поцѣловалъ ее въ тонкій бѣлый проборъ.

— Вѣрно, Лизи, вѣрно! Давно слѣдуетъ уйти... да не могу: слабость. Жаль... сроднился, сросся съ земствомъ, столько хорошаго пережито,—не вѣрится, что всему конецъ.

Лакей доложилъ, что кушать подано.

Обѣдъ прошелъ очень весело и оживленно. Простая, но изящная обстановка Яругинскаго дома, искреннее радушіе хозяевъ, присутствіе молодыхъ, образованныхъ дѣвушекъ заставили Васю позабыть всѣ непріятности послѣдняго времени. Онъ отогрѣлся душой, сталъ непринужденно веселъ и своими разсказами о Петербургѣ и студенческой жизни заинтересовалъ всѣхъ. Давно уже не было ему такъ легко...

Послѣ обѣда перешли въ гостинную, и молодая Яругина, какъ настоящая артистка, сыграла на рояли нѣсколько вещей Грига и Скрябина. И еще не замолкли послѣдніе аккорды какого-то труднаго пассажа, Яругину подали новую телеграмму. Онъ прочелъ и быстро спряталъ ее въ карманъ.

— Оттуда же?—вполголоса спросила жена.

Онъ молча кивнулъ головой; Лизи, слегка сощурившись, пристально смотрѣла на нихъ. Пассажъ кончился; серебряныя трели, похожія на смѣхъ сквозь слезы, разсыпались въ золотистыхъ сумеркахъ догорающаго дня. Наступило молчаніе. Вася воспользовался этой паузой и сталъ прощаться.

— Надѣюсь, вы не забудете дорогу къ нашему дому,—любезно говорила m-me Яругина.—Мы—большіе домосѣды и всегда рады будемъ васъ видѣть.

Вася поцѣловалъ ея тонкую ручку съ чувствомъ почти сыновней нѣжности. Сестры простились съ нимъ молча, но въ выразительныхъ глазахъ Лизи онъ прочелъ благоволеніе, а энергичнымъ рукопожатіемъ она какъ будто хотѣла ему сказать: „ты—ничего, и если придешь опять,—пожалуй, это мнѣ будетъ не непріятно...“

XLI.

Послѣ ласковой и спокойной атмосферы Яругинскаго дома было ужасно непріятно очутиться снова на улицѣ одному со всѣми своими неустроенными дѣлами и тяжелыми вопросами, которые требовали разрѣшенія. Прежде всего Раичка... надо же, наконецъ, разыскать эту упрямую женщину и разъ навсегда выяснить ихъ отношенія! Мелькнула

было малодушная мысль отложить до завтра..., но усиліемъ воли Вася отогналъ ее отъ себя и рѣшительно зашагалъ къ дому Раисы Сергѣевны. Ея опять не было: окна заперты, занавѣски спущены, вездѣ темнота и тишина,—точно нарочно прячется, чтобы подразнить и разозлить. — „И не удастся!“—подумалъ Вася, сдерживая закипающее внутри раздраженіе.—„Вотъ на зло пойду въ клубъ Зеленаго Змія, буду спокоенъ и хладнокровенъ, какъ...“ Но подходящаго сравненія не нашлось, за то вспомнились почему-то насмѣшливые сѣрые глаза Лизи и оттого на душѣ вдругъ стало удивительно ясно и легко.

Вечеръ былъ прелестный, на небѣ еще не угасли янтарные оттѣнки заката и молодой мѣсяцъ, чистенькій, точно умытый, радостно сіялъ надъ изломанной линіей крышъ. Огни еще нигдѣ не зажигались; одна аптека сверкала всѣми своими красными, желтыми, фіолетовыми шарами, и въ этомъ сверканіи было что-то грубое, нагло-вызывающее, что оскорбляло нѣжную красоту янтарнаго вечера съ задумчивою тишиной, съ наивнымъ сіяніемъ молодого мѣсяца. „А она тамъ сидитъ...“ съ острымъ приступомъ досады подумалъ Вася.—„Впрочемъ, не надо волноваться: буду спокоенъ и буду твердъ,—это самое главное“.

У крыльца аптеки онъ лицомъ къ лицу столкнулся съ Фіалкинымъ. Инспекторъ былъ уже вполпьяна и почему-то ужасно обрадовался Васѣ.

— Мое почтеніе! Уд-дивительно, мы съ вами всегда встрѣчаемся въ самые экстраординарные моменты... Вы слышали?

— О чемъ? — притворяясь непонимающимъ, спросилъ Вася.

— Ну, вотъ тебѣ!.. Ха-ха-ха... А въ Кіевѣ-то?

— Куда бѣжите? Въ клубъ Зеленаго Змія? Такъ и я туда же.

Обычные гости аптекаря еще не собирались, хотя ломберные столы были приготовлены, и за однимъ изъ нихъ сидѣли трое—Раиса Сергѣевна, аптекарша и Аполлонъ. Они о чемъ-то интимно бесѣдовали; Раиса Сергѣевна задумчиво тасовала карты. Съ этими картами въ рукахъ, въ своемъ красномъ шарфѣ, изъ-подъ котораго буйно выбивались пышные волосы, она была похожа на колдунью, и какъ только Вася увидѣлъ ея таинственные глаза и пламенѣющій ротъ, вся досада прошла, сладко и больно заныло сердце...

Васю уже увидѣли. Раиса Сергѣевна нахмурилась; Аполлонъ весь ощетинился и безпокойно завозился на стулѣ. Вѣроятно, онъ снова былъ приближенъ и поэтому мучительно ревновалъ ко всѣмъ свою богиню.

— А я у васъ былъ... два раза,—сказалъ Вася, сжимая руку Раисы Сергѣевны съ страстнымъ желаніемъ передать ей всѣ волновавшія его чувства.

— Да?—безразлично вымолвила Раиса Сергѣевна.—А я рѣдко сижу теперь дома.

И тихонько, но твердо отняла у него свою руку. Вася покраснѣлъ; Аполлонъ удовлетворенно крякнулъ. Аптекарша, чувствуя, что произошла какая-то неловкость, поспѣшила перевести разговоръ на другую тему.

— А Раичка намъ сейчасъ гадала!—сказала она.—И какъ вѣрно... просто удивительно! Настоящая гадалка!

— Я вѣрю,—язвительно произнесъ Вася.—Мнѣ всегда казалось, что въ натурѣ Раисы Сергѣевны кроется что-то дьявольское.

Аполлонъ угрожающе зашипѣлъ, а Раиса Сергѣевна медленно повернулась къ Васѣ и протянула ему карты.

— Хотите, погадаю? Снимите!

— Нѣтъ, давайте, лучше я вамъ погадаю!—сказалъ Вася, отнимая у нея карты.

— Это любопытно!—насмѣшливо пробормоталъ Аполлонъ.

— Предупреждаю, я гадаю плохо,—продолжалъ Вася, неумѣло тасуя и раскладывая карты.—Ни прошлаго, ни будущаго я не умѣю предсказывать, узнаю только настоящее. А въ настоящемъ у васъ... гм... Раиса Сергѣевна, въ васъ кто-то безумно влюбленъ...

— Это я!—неожиданно заявилъ Аполлонъ.

— Вы?.. Ну, хорошо. Я продолжаю. Да... и онъ васъ любитъ, а вы его—нѣтъ. Вы его мучаете... ужасно! Онъ готовъ отдать вамъ всю свою жизнь... и если вы его оттолкнете, онъ... убьетъ и себя, и васъ... Вотъ!—докончилъ Вася и вызывающе взглянулъ на Раису Сергѣевну.

— Да... это я... я...—повторилъ Аполлонъ и вдругъ заплакалъ, уткнувшись носомъ въ набалдашникъ своей палки.—И убью... сначала ее, потомъ себя...

Раиса Сергѣевна рѣзкимъ движеніемъ расшвыряла карты и встала.

— Фу, глупости какія! Перестаньте, Аполлонъ, противно!.. Идите, вспрысните себѣ морфій... Ступицынъ, проводите меня домой!

XLII.

Выйдя на крыльцо, они увидѣли, что золотой вечеръ уже погасъ, небо ушло въ синь и въ высь и все налилось зеленымъ сіяніемъ мѣсяца.

Когда голубые и красные шары аптеки были уже далеко, Вася хотѣлъ обнять Раису Сергѣевну за талію, но она рѣшительно отвела его руку.

— Не надо!.. Что же, куда пойдемъ? Можетъ быть, на кладбище?

— Ну вотъ... Зачѣмъ на кладбище?

— Самое подходящее мѣсто для нашей любви!—съ нервнымъ смѣшкомъ сказала Раиса Сергѣевна.—На могилахъ она родилась... на могилахъ пусть и умретъ!

Страстное чувство въ Васиной душѣ сразу потухло отъ этихъ насмѣшливыхъ словъ и волшебная, сіяющая ночь потускнѣла,—точно задернулась мглой.

— Ахъ, Раичка!—устало вымолвилъ Вася.—Не о смерти и могилахъ хотѣлъ я съ тобой говорить сегодня...

— Я знаю!—быстро и такъ же насмѣшливо перебила его Раиса Сергѣевна. Не повторяйте, я уже все это слышала сейчасъ. Вы меня безумно любите... вы готовы отдать мнѣ жизнь... а если я ея не приму, вы убьете и меня и себя... Очень романтично, поэтично... африканисто и смѣшно!..

Они вошли въ калитку городского сада, свернули съ главной аллеи и усѣлись на скамеечкѣ въ тѣни порѣдѣвшаго каштана.

— Смѣшно!—глухо повторилъ Вася. — Такъ вамъ это только смѣшно?

— Ахъ, Боже мой, конечно! Вѣдь я давно уже вышла изъ того возраста, когда сказка кажется правдой, а правда—сказкой!

— Вотъ какъ? Да... Съ этой точки зрѣнія я, конечно, просто глупъ. Цѣлую недѣлю я сидѣлъ въ деревнѣ и, какъ дуракъ, разсказывалъ себѣ чудныя сказки... Представлялъ, какъ одна безконечно милая женщина согласится быть моей женой и я привезу ее къ себѣ въ домъ. Тамъ у насъ теперь пусто и неуютно... Но какъ бы улыбнулись и оживились старыя стѣны, еслибы она туда вошла! Мы исходили бы съ ней всѣ мои любимые уголки... я повелъ бы ее въ садъ, въ поле, въ деревню, познакомилъ съ своими пріятелями, разсказалъ всѣ свои планы и дѣла. Я исцѣловалъ бы, я отогрѣлъ бы ея бѣдненькое, замученное сердечко... и какъ полна была бы тогда моя жизнь, съ какой бы радостью я встрѣчалъ каждый день! И все это была сказка... Только сказка! И вотъ этой сказкѣ конецъ...

Раиса Сергѣевна сидѣла, отвернувшись, лицо ея выражало мучительную тоску, губы были крѣпко сжаты, точно она боялась вскрикнуть... или сказать то, чего говорить было не нужно. Но ей удалось пересилить себя и, когда Вася кончилъ, она рѣзко и непріятно засмѣялась.

— Ну, вотъ видите, Ступицынъ, какіе мы съ вами разные люди! У васъ все мечты, мечты... розовый туманъ! И жизнь вамъ представляется какою-то безконечной идилліей. Ха-ха-ха!.. Очаровательная женщина... тихая деревенька... старый домъ, тихій садъ, поцѣлуи... во вкусѣ Фета!.. „Шопотъ, робкое дыханье, трели соловья, серебро и колыханье соннаго ручья!..“ Ну, а я такъ не могу, у меня взглядъ на жизнь самый прозаическій... да и смѣшно было бы смотрѣть иначе послѣ двухъ неудачныхъ замужествъ. Вотъ, по вашему, семейная жизнь—идиллія, а по моему—скука смертная. Вообразите, что эта очаровательная женщина черезъ годъ... какое—даже черезъ мѣсяцъ—вдругъ превратится въ мегеру и будетъ изводить васъ истериками, ревностью и разными другими бабьими причудами. И вообразите дальше, что она вамъ уже опротивѣла безконечно, и вы встрѣтили какую-нибудь милую дѣвушку (при этихъ словахъ Васѣ почему-то вспомнился чистый обликъ предводительской Лизы), и вы полюбили ее, а она полюбила васъ, а уйти не можете, нельзя, потому что мегера этого не хочетъ, требуетъ, чтобы вы ей оставались вѣрны, и грозитъ скандаломъ, если вы уйдете. Хорошенькая идиллія, а?

— Раичка, да вѣдь это вы все выдумываете для устрашенія меня! Не вѣрю я вамъ!.. Не вѣрю! Ужь вы то не можете быть такой мегерой!

— Напрасно, миленькій, напрасно, развѣ я уже не доказала вамъ, что могу отравить жизнь? Развѣ не отъ меня вы бѣжали въ деревню?

Вася вспыхнулъ и снова хотѣлъ ее обнять, и снова Раиса Сергѣевна уклонилась отъ его объятій.

— Раичка, нѣтъ... я бѣжалъ не отъ тебя... хотя, сознаюсь, ты меня мучила ужасно. Но, когда я остался одинъ, я все понялъ... Я страшно виноватъ передъ тобою, Раичка! Мы не должны были сходиться такъ близко до брака... ты могла думать обо мнѣ Богъ знаетъ что. Можетъ быть, и думала... считала меня за какого нибудь пошляка вродѣ этихъ песчанскихъ донъ-жуановъ... за испорченнаго мальчишку, который способенъ сойтись съ женщиной и потомъ ее бросить. Раичка, клянусь тебѣ, этого нѣтъ! Я люблю тебя свято и чисто... и, ради Бога, Раичка, намъ съ тобой надо какъ можно скорѣе пожениться! Ты увидишь тогда... ты поймешь... я заставлю тебя забыть это проклятое прошлое, которое вѣчно мучитъ тебя, какъ кошмаръ... Ну, Раичка! Ну, милая моя маленькая фурія... моя невѣста, моя жена!..

Зажимая ротъ платкомъ, Раиса Сергѣевна принялась хохотать и хохотала такъ странно, такъ надрывисто, что подъ конецъ уже нельзя было понять, смѣется она или плачетъ.

— Раичка, Раичка, что съ вами?.. — пробормоталъ Вася, пытаясь заглянуть ей въ лицо.

— Ничего... О, Господи, какъ вы меня насмѣшили!—сказала Раиса Сергѣевна преувеличенно громко и весело.— Намъ съ вами пожениться... да это умереть можно отъ смѣха, Вотъ была бы пара... чортъ съ младенцемъ! Ха-ха-ха... Охъ! нѣтъ, не могу больше, даже въ груди закололо... Но какой же вы наивный. И неужели это серьезно? Никогда бы не повѣрила! Бѣда съ этими фантазерами, которые сказку принимаютъ за правду и изъ комедіи дѣлаютъ драму...

— А развѣ наша любовь... развѣ это все была комедія?

— Ну, да... ну, конечно... а вы что же думали? Ахъ вы, дитятко! Да развѣ возможно, чтобы я, такая шалая баба, прошедшая огонь и воду и мѣдныя трубы, вдругъ пошла за чистенькаго, розоваго мальчика, чуть не изъ пеленокъ? Ой, какой вы, какой вы наи-и-вный!..

— Но зачѣмъ же... зачѣмъ же вы тогда?..—весь холодѣя внутри, спросилъ Вася.

— Ахъ, зачѣмъ, зачѣмъ!.. Что объ этомъ спрашивать? Ну, капризъ... ну, голова закружилась... мало ли отчего? Вы совсѣмъ не знаете женщинъ, Вася... и меня не знаете тоже... а вѣдь я сказала вамъ, что я—шалая баба! Ну вотъ... налетѣло, закрутило—и прошло. Поиграла, да и будетъ...

Наступило молчаніе. Пусто и тихо стало въ саду, погруженномъ въ зеленыя чары луннаго свѣта. Лишь иногда отрывался съ дерева умершій листъ, медленно кружился въ воздухѣ и съ грустнымъ шелестомъ падалъ на землю. Тамъ ихъ было уже много; вся дорожка, точно пестрымъ ковромъ, была устлана ими и приторный, мертвый запахъ, запахъ плѣсени и грибовъ струился отъ нихъ.

— Ну... пойдемте! — сказала Раиса Сергѣевна, пожимая плечами.—Я что-то озябла... да и пора!

Всю дорогу они не вымолвили ни одного слова, но у калитки своего дома Раиса Сергѣевна повернула къ Васѣ мертвенно блѣдное лицо и черезъ силу улыбнулась.

— Ну... вотъ и конецъ! Досказана сказка... Прощайте, милый... Не поминайте лихомъ шалую бабу!..

И легкой тѣнью исчезла за калиткой, точно и не было ея никогда. Прошуршали быстрые шаги, гдѣ-то стукнула дверь,—острой болью этотъ стукъ отозвался въ Васиномъ сердцѣ, какъ будто послѣднимъ гвоздемъ прибили гробовую крышку. „Умерла... умерла!“—прошепталъ Вася и, спотыкаясь, какъ пьяный, отошелъ отъ калитки.

А Раиса Сергѣевна ощупью пробралась черезъ сѣни въ свою комнату, бросилась на постель и, уткнувшись въ подушки, бурно зарыдала. Проснулся и жалобно замычалъ

больной отецъ,—она не встала, не отозвалась и ни жалости, ни любви къ нему не было въ ея опустѣвшемъ сердцѣ. Пускай умираетъ, пускай вмѣстѣ съ нимъ умретъ и она,—не все ли равно? Вѣдь сегодня для нея кончилась жизнь. Сегодня она съ страшной болью отреклась отъ послѣдней радости, отъ послѣдней надежды на счастье... И теперь ей осталось одно: уйти съ головой въ мутную тину песчанскаго житья-бытья и равнодушно ждать, когда,—какъ траву при дорогѣ,—ее затопчутъ въ пыль и грязь.

XLIII.

Вася долго шелъ, самъ не зная куда, и очутился на большой дорогѣ. Мѣсяцъ уже садился, сталъ тусклый, багровожелтый, и холоднымъ свѣтомъ озарялъ мертвыя поля. Какъ темная рѣка, бѣжала дорога; черными привидѣніями торчали на ней телеграфные столбы. И ни души, ни звука... поле и небо, небо и поле — и огромная, неизбывная, вѣковѣчная тоска...

Когда Вася вернулся домой, тамъ еще во всѣхъ окнахъ горѣли огни и никто не ложился спать. Отецъ встрѣтилъ его въ передней; по его встревоженному лицу и по запаху валеріанки, густо разлитому въ воздухѣ, Вася догадался, что что-то случилось. И послѣ тоскливаго безмолвія въ жуткомъ свѣтѣ заходящей луны, послѣ одинокихъ блужданій по пустыннымъ дорогамъ и тропамъ, было особенно противно свалиться опять въ этотъ узенькій ступицынскій мірокъ съ мелкими дрязгами, дешевыми слезами, мѣщанской жадностью, мѣщанскимъ тщеславіемъ. Вася пожалѣлъ, что пришелъ...

— Гдѣ это ты пропадаешь?—съ упрекомъ сказалъ отецъ.— Тутъ съ матерью Богъ знаетъ что дѣлается, а ему и горя нѣтъ!

— Да что такое случилось?—съ раздраженіемъ спросилъ Вася.

Отецъ съ испугомъ схватилъ его за руку и на цыпочкахъ увелъ изъ передней въ залу.

— Тише, Вася... можно-ли такъ кричать? Она только недавно чуть-чуть успокоилась... услышитъ, опять разстроится. У насъ сегодня такой несчастный день! Во-первыхъ, эта твоя корреспонденція...

— Ну, папа, да вѣдь это же вздоръ! Никакой корреспонденціи я не писалъ.

— Мало ли что не писалъ, а думаютъ на тебя. Ты не знаешь, что за человѣкъ этотъ Груздевъ! Онъ способенъ донести на тебя, обвинить въ неблагонадежности... все, что

хочешь! А въ газетѣ—тамъ всѣ его плутни описаны: и про подлогъ, и про учителя...

— Да почему же думаютъ, что это я писалъ?

— А потому, что тамъ и про наше Марусино есть. Какъ урядникъ взятки съ шинковъ беретъ и хороводы разгоняетъ, про попа что-то, про то, какъ голодающимъ крестьянамъ ссуды неправильно раздаютъ. Ну, кому же больше это знать, какъ не тебѣ?

Вася все понялъ. Очевидно, это его умный пріятель удружилъ... переписалъ изъ Васина письма самыя интересныя мѣста и стащилъ въ редакцію. И, не смотря на тоску и сердечную боль, Вася не могъ удержаться отъ улыбки.

— Ну, что же... и отлично, пусть думаютъ, что я. Не съѣстъ же меня вашъ Груздевъ? И право, папа, не стоитъ волноваться изъ-за такой ерунды!

— Да не только изъ-за этого, Вася... Тутъ сложнѣе. Представь себѣ, мы всѣ ожидали, что Вадимъ Сугробинъ сдѣлаетъ предложеніе Люлечкѣ, вѣдь онъ такъ за ней ухаживалъ, а онъ сегодня вдругъ является и проситъ Фаничкиной руки... Мама такъ и покатилась безъ чувствъ... бѣдная Люлечка въ слезы, — понятно, конечно, Вадимъ ей очень нравился, и такой вѣроломный поступокъ съ его стороны!

— Негодяй этотъ Вадимъ!.. Я бы давно вышвырнулъ его изъ дома и не понимаю, чего вы няньчитесь съ этимъ идіотомъ!

— Ну, ну, Вася, такъ нельзя... да вѣдь и не виноватъ же онъ, что ему сначала нравилась Люлечка, а потомъ онъ влюбился въ Фаню? Въ молодости это такъ естественно!..

Въ эту минуту откуда-то изъ нѣдръ дома послышался слабый голосъ maman Ступицыной и отецъ съ испуганнымъ лицомъ поспѣшилъ на зовъ. Вернулся и сдѣлалъ Васѣ таинственный знакъ.

— Зоветъ!.. Иди къ ней. Только, ради Бога, осторожнѣй, Вася, осторожнѣй!..

M-me Ступицына лежала въ постели, голова ея была обмотана компрессами, вѣки опухли и покраснѣли отъ обильныхъ слезъ. Васѣ стало ее жаль, онъ нагнулся и поцѣловалъ ея руку.

— Ахъ, дѣти, дѣти!—простонала m-me Ступицына и залилась слезами.

— Да что вы, мама, не стоитъ такъ огорчаться!—попробовалъ утѣшить ее Вася.

— Ахъ, у васъ все не стоитъ!.. Не знаете вы сердца матери... Заботишься, стараешься, болѣешь душой—и ударъ

за ударомъ! Ты слышалъ? Тебѣ отецъ говорилъ? Каковъ Вадимъ-то Сугробинъ?

— Влюбился въ Фаничку и измѣнилъ Люлечкѣ? Слышалъ, слышалъ... Ну что же, ну, если уже онъ вамъ такъ нравится, этотъ милый Вадимъ, и пусть его женится на Фаничкѣ,—ей-богу, Люлечка отъ этого ничего не потеряетъ, скорѣе даже выиграетъ.

— Ахъ, Вася, ты ничего не понимаешь! Пойми, мой другъ, вѣдь Фаничкѣ всего 15 съ половиной лѣтъ, она несовершеннолѣтняя. Это значитъ цѣлыхъ полгода ждать, пока можно будетъ вѣнчаться, а Вадимъ—такой вѣтеръ, — подождетъ-подождетъ, да и влюбится еще въ кого-нибудь...

Отъ этой наивной откровенности Васю даже отшатнуло; жалость его къ матери мгновенно угасла, онъ нахмурился. А мать, ничего не замѣчая, продолжала изливаться.

— Ахъ, столько огорченій, просто голова кругомъ идетъ! Вѣдь васъ у меня четверо, а я одна... Не говорю уже о бѣдной Варенькѣ... у меня за нее сердце кровью обливается. У младшихъ сестеръ поклонники, женихи, а у нея — никого!.. Вотъ и ты, Васичка... конечно, я знаю, ты сейчасъ вспылишь, но развѣ я могу оставаться спокойной, когда про тебя разсказываютъ ужасы? Говорятъ, что ты увлекся какой-то авантюристкой... у нея ужасное прошлое... съ мужемъ въ разводѣ... держитъ себя, какъ самая потерянная женщина... и ты, ты,—мой сынъ, урожденный Ступицынъ, въ рукахъ у этой несчастной твари! Боже, да неужели это правда, Вася?

Вася слушалъ молча, отвернувшись отъ матери, и каждое ея слово грубо и больно ударяло его по сердцу, бередя въ немъ тоску холодной лунной ночи, которая вотъ сейчасъ убила на смерть его первую наивную любовь, его розовую мечту о счастьѣ. Но, когда мать кончила, онъ поднялъ голову и взглянулъ на нее такими страдальческими глазами, что даже ея куриная душа вздрогнула отъ непонятнаго страха.

— Да, мама, это правда!—сказалъ Вася тихо и особенно отчетливо.—Но, если уже вы хотите все знать, я вамъ и другую правду скажу. Вотъ не далѣе, какъ сегодня вечеромъ, я просилъ ее быть моей женой и эта авантюристка, эта несчастная тварь и потерянная женщина, какъ вамъ ее расписали,—она мнѣ отказала... мнѣ, прирожденному Ступицыну и наслѣднику дядиныхъ богатствъ...

— Васичка!—воскликнула m-me Ступицына.—Да неужели?!.. Да не можетъ быть...

И, молитвенно сложивъ руки, обративъ глаза на образъ, она благоговѣйно и восторженно прибавила:

— Боже, благодарю Тебя!.. Какая благородная особа!..

Вася больше не могъ и поспѣшно вышелъ. Въ своей комнатѣ на столѣ онъ увидѣлъ письмо въ неуклюжемъ конвертѣ, съ размашисто написаннымъ адресомъ. Отъ него пахло деготькомъ и еще какимъ-то крѣпкимъ и ядренымъ запахомъ, отъ котораго вспоминались кочковатыя проселочныя дороги, стукъ цѣповъ на гумнахъ, терпкій овинный дымокъ и синіе, васильковые глаза Ѳомы Новичихина. — „Деревня моя милая“!—подумалъ Вася и разорвалъ конвертъ.

„Голубчикъ нашъ, Василій Александровичъ!“ — писалъ ему дьяконъ. — „Куда же это вы опять закатились, наше солнышко? Изнываемъ безъ васъ отъ глада и хлада, оскудѣли пищею духовною и тѣлесной. А у насъ теперь журавлиный перелетъ; каждый день, стоя на крыльцѣ, слушаю, какъ они говорятъ: „куды? куды?“—и вспоминаю наши съ вами мечты... Неужто онѣ такъ и останутся втуне и не токмо журавля, но даже синицу малую не придется намъ ухватить за хвостъ? Эхъ, много кое-чего написалъ бы я вамъ еще, да памятую изреченіе, что слово—серебро, а молчаніе—золото,—и сокращаюсь. Дьяконица моя все еще въ городѣ, безъ нея я совсѣмъ запаршивѣлъ, какъ безъ матери щенокъ. А извѣстнаго вамъ мужичка, Ѳому Новичихина, по приказу урядника на-дняхъ стражники такъ избили, что еле живъ, и вчера о. Іона пріобщать ходилъ. Однимъ словомъ, очень вы здѣсь нужны и безмѣрно обрадуете своимъ пріѣздомъ всѣхъ забвенныхъ марусинцевъ, иже съ ними и азъ многогрѣшный, слуга и молитвенникъ вашъ, смиренный діаконъ Геннадій“.

Вася долго читалъ и перечитывалъ эти безхитростныя строки... что-то огромное видѣлось ему изъ-за нихъ. Не Марусино, не песчанскія голодныя поля, нѣтъ! — вся страна, вся Россія вставала передъ нимъ, отбрасывая свою колоссальную тѣнь на его маленькую жизнь. И все свое, — своя боль, своя обида, и Раичка, и досказанная сказка первой любви,—все исчезло въ этой страшной тѣни... и какъ однажды въ Петербургѣ ему вдругъ стало ясно, что кончилось беззаботное дѣтство, такъ и теперь всѣмъ своимъ я почувствовалъ Вася, что изъ розовыхъ тумановъ юности онъ вышелъ на большую дорогу и начинается настоящая жизнь.

В. І. Дмитріева.

Біологическіе эскизы.

ЭСКИЗЪ ВТОРОЙ.

«Душа» низшихъ организмовъ.

Давно ужь сказано, что у лягушки не душа, а „паръ"; а если и душа, то „видомъ малая и не безсмертная".

Этотъ остроумный афоризмъ, пущенный въ оборотъ нашимъ великимъ сатирикомъ, отражаетъ въ себѣ не только обывательскую точку зрѣнія на психическую жизнь животныхъ: онъ, какъ это ни странно, является въ то же время и научнымъ символомъ вѣры для многихъ весьма почтенныхъ ученыхъ, посвятившихъ себя изслѣдованію вопросовъ зоопсихологіи.

„Паръ"—это юмористически-фигуральное выраженіе для квалификаціи весьма обширной области душевныхъ движеній, *безсознательныхъ и мимовольныхъ*, извѣстныхъ подъ общимъ именемъ *инстинктовъ*; большинство зоопсихологовъ великодушно уступаетъ ихъ животному царству, оставляя лишь на долю человѣка и немногихъ высокоорганизованныхъ позвоночныхъ подлинную „душу"—душу, отмѣченную печатью *сознанія и воли*. При желаніи и даже какъ бы въ согласіи съ принципомъ эволюціи можно сочинить и особую скалу для характеристики различныхъ моментовъ развитія „психической жизни": на высшихъ ступеняхъ біологической лѣстницы возсѣдаетъ „душа" (воля, сознаніе), дальше—по нисходящей линіи — она же, но ужь „видомъ малая и не безсмертная" или „паръ" (инстинкты); еще дальше — нѣтъ даже и „пара": одни лишь тропизмы [1]) и рефлексы.

Правильно ли это? — вотъ въ чемъ вопросъ.

Подтверждается ли объективными данными науки о жизни? Можетъ ли быть доказано при помощи такихъ методовъ научнаго анализа, въ которыхъ „предвзятое мнѣніе" самого изслѣдователя сведено къ доступному для человѣка minimum'у?

Еще лѣтъ сорокъ тому назадъ знаменитый нѣмецкій физіологъ, Э. Дю-Буа-Реймонъ, устанавливая „границы познанія природы", писалъ: „Но вотъ, въ какомъ-то пунктѣ развитія жизни на землѣ,

---

[1]) О „тропизмахъ" см. дальше.

пунктѣ, котораго мы не знаемъ, выступаетъ нѣчто новое, дотолѣ неслыханное, нѣчто опять-таки непостижимое, подобно сущности матеріи и силы и подобно первому движенію... Это новое непостижимое явленіе есть *сознаніе*"... „Самая возвышенная душевная дѣятельность не представляетъ большихъ затрудненій для постиженія ея изъ матеріальныхъ условій, чѣмъ сознаніе на своей первой ступени—въ формѣ чувственнаго *ощущенія*" [1]).

Дю-Буа-Реймонъ, какъ извѣстно, отдѣлялъ проблему возникновенія *жизни* на землѣ отъ проблемы возникновенія *сознанія и ощущенія*: первую онъ считалъ подлежащей рѣшенію, но пока еще *нерѣшенной* (ignoramus); вторую же отнесъ къ числу тѣхъ „семи міровыхъ загадокъ", для которыхъ у него нашелся лишь одинъ, безнадежно-пессимистическій отвѣтъ: ignorabimus—никогда не будемъ знать!

Почему? Гдѣ основаніе для такого рода разграниченій и безапелляціонныхъ приговоровъ?

Достаточныхъ *логическихъ* основаній нѣтъ и не можетъ быть, ибо, разсуждая a priori, мы имѣемъ полное право сказать: ощущеніе и сознаніе *или* даны вмѣстѣ съ жизнью, *или* возникли на опредѣленной ступени ея эволюціи. Дю-Буа-Реймонъ одну изъ этихъ возможностей—первую—совершенно исключаетъ; онъ останавливается на послѣдней и категорически заявляетъ: „Но вотъ въ какомъ-то пунктѣ развитія жизни на землѣ выступаетъ нѣчто новое, непостижимое". А между тѣмъ, повторяю, въ такой же мѣрѣ допустима, закономѣрна и, стало быть, научна и другая гипотеза, другая предпосылка, согласно которой проблема возникновенія ощущенія и сознанія *сливается* съ проблемой возникновенія жизни. И, принявши, съ санкціи нашей интеллектуальной совѣсти, эту другую гипотезу, мы должны будемъ формулировать поставленный здѣсь вопросъ слѣдующимъ образомъ:

Съ того благословеннаго мига, какъ жизнь впервые блеснула на землѣ, надѣливши ее ничтожнѣйшими по величинѣ и простѣйшими по структурѣ „клочьями протоплазмы", уже имѣлись на лицо, одновременно съ другими типичными явленіями жизни, и ощущеніе и сознаніе.

А, согласившись принять такую предпосылку, мы, съ роковою для нашего разума необходимостью, должны будемъ признать одно изъ двухъ: либо непостижимы содержаніе и возникновеніе *всего* феномена жизни полностью, цѣликомъ, со включеніемъ въ него явленій ощущенія и сознанія; либо, наоборотъ, онъ, этотъ дивный феноменъ, подлежитъ научному истолкованію, и тогда, стало быть, нѣтъ никакого резона относить къ категоріи таинственныхъ „міровыхъ загадокъ" такіе составные элементы его, какъ ощущеніе и сознаніе. Современная наука идетъ — правда,

---

[1]) Э. Дю-Буа-Реймонъ, *О границахъ познанія природы.*

медленно и порою зигзагами, но все же идетъ—къ рѣшенію проблемы жизни. И, рѣшивши ее, она вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшитъ и проблему сознанія. Не въ этомъ однако узелъ занимающаго насъ сейчасъ вопроса: мы хотимъ знать, правы ли тѣ зоопсихологи, которые отрицаютъ наличность сознанія у организмовъ, стоящихъ на низшихъ ступеняхъ жизни.

Мы видѣли уже, что a priori сознаніе—хотя бы „на своей первой ступени, въ формѣ чувственнаго ощущенія" — можетъ быть разсматриваемо, какъ одинъ изъ неотъемлемыхъ составныхъ элементовъ интегральнаго цѣлаго, именуемаго жизнью, независимо отъ тѣхъ формъ, простыхъ или сложныхъ, „высокихъ" или „низкихъ," въ которыхъ она проявляется.

Ну, а a posteriori — на основаніи непосредственныхъ данныхъ живой природы, данныхъ наблюденія и опыта — имѣемъ ли мы достаточное право говорить *объ отсутствіи* сознанія, „души" у низшихъ организмовъ, у разныхъ тамъ бактерій, корненожекъ, инфузорій и т. п?

Вотъ на этотъ-то вопросъ—вопросъ большой, сложный и чрезвычайно деликатный—я и попытаюсь отвѣтить въ рамкахъ, доступныхъ для журнальной статьи, и въ связи съ анализомъ сочиненія американскаго ученаго, Дженнингса, о „Поведеніи низшихъ организмовъ".

Однако прежде, чѣмъ говорить объ опытахъ и наблюденіяхъ, объ аргументаціи и выводахъ Дженнингса, я хочу напомнить коечто о „мірѣ невидимыхъ существъ" и о значеніи его для пониманія основныхъ явленій жизни: дѣлаю это потому, что Дженнингсъ въ книгѣ своей удѣляетъ ему особенное, исключительное вниманіе—и не безъ серьезныхъ, достаточныхъ къ тому основаній, конечно.

Микроскопическіе одноклѣтные организмы, какъ растительнаго, такъ и животнаго происхожденія, будучи интересны и сами по себѣ, вдвойнѣ интересны по тому значенію, которое они имѣютъ для рѣшенія важнѣйшихъ проблемъ біологіи. Вотъ почему современная наука такъ богата и общими сочиненіями, и спеціальными монографіями объ одноклѣтныхъ организмахъ: достаточно назвать работы хотя бы Энгельмана, Ферворна, Дофлейна, Провазека, Дриша, Бючли, Делажа, Массара и О. Гертвига — работы, полныя глубокаго, захватывающаго интереса,—чтобы сразу же почувствовать, что устремленіе цѣлаго легіона авторитетныхъ ученыхъ въ таинственныя дебри микроскопическаго міра имѣетъ свое raison d'être. Какое же?

Основатель и авторъ „Целлюлярной патологіи", знаменитый Рудольфъ Вирховъ, полвѣка тому назадъ сказалъ:

„Всякое животное есть сумма живыхъ единицъ, изъ которыхъ каждая несетъ въ себѣ все характерное для жизни...

„Для всякаго живого существа клѣтка является послѣднимъ

формовымъ элементомъ, изъ котораго исходитъ всякая жизнедѣятельность, какъ нормальная, такъ и болѣзненная".

И эти замѣчательныя по своей геніальной простотѣ идеи стали творческимъ лозунгомъ для всѣхъ послѣдующихъ и нынѣшнихъ натуралистовъ.

„Всѣ тайны жизни заключены уже въ зародышѣ, въ клѣткѣ", писалъ много лѣтъ спустя Оскаръ Гертвигъ.

„Клѣтка служитъ очагомъ жизненныхъ явленій... Въ гангліозной клѣткѣ покоятся тайны души—in der Ganglienzelle schlummern die Geheimnisse der geistigen Vorgänge", заявляетъ Максъ Ферворнъ сейчасъ, въ послѣднемъ изданіи своей „Общей физіологіи".

И изъ всѣхъ этихъ утвержденій, категоричныхъ въ мѣру своей безспорности, съ очевидностью слѣдуетъ, что *свободно-живущія клѣтки*, т. е. одноклѣтные организмы, являются тѣмъ драгоцѣннымъ для науки матеріаломъ, на которомъ и долженъ сосредоточить свое вниманіе біологъ, поставившій себѣ цѣлью постигнуть „тайны жизни". Ну, а такъ какъ въ кругъ этихъ „тайнъ" входятъ и „тайны души",—едва-ли не самыя загадочныя, но въ то же время и наиболѣе плѣнительныя изъ тайнъ,—то становится яснымъ, почему натуралисты принялись съ такимъ громаднымъ рвеніемъ за изученіе психической жизни низшихъ организмовъ во всеоружіи не только завоеваній современной микроскопической техники, но и экспериментальнаго метода, играющаго сейчасъ такую огромную роль въ біологіи.

Въ связи съ только что сдѣланнымъ выводомъ не могу не вспомнить старика Геккеля.

Сейчасъ принято его бранить. Въ кругу патентованныхъ ученыхъ, изъ которыхъ многимъ до Геккеля, какъ до звѣзды небесной, далеко, это считается даже признакомъ „хорошаго тона".

Правда, немало философическихъ грѣховъ лежитъ на душѣ знаменитаго „іенскаго пророка"—какъ злостно окрестилъ Геккеля еще давно Дю-Буа-Реймонъ. Но всѣ промахи его сторицей искупаются многочисленными научными заслугами этого даровитаго ученаго и смѣлымъ, красивымъ полетомъ его остраго, проникновеннаго ума, открывавшаго человѣчеству далекія, заманчивыя перспективы, оплодотворявшаго научную мысль новыми, оригинальными идеями. И вотъ въ числѣ этихъ „пророческихъ", чисто геккелевскихъ идей имѣется одна идея-золушка, когда-то осмѣянная и потонувшая въ сѣромъ туманѣ забвенія, которую тѣмъ не менѣе я хочу возстановить въ памяти читателя.

Вы помните, быть можетъ, небольшую статью Геккеля „о душевныхъ клѣткахъ и *клѣточныхъ душахъ*"? „Душевныя клѣтки" мало кого ужь смущаютъ: всѣ понимаютъ, что подъ этимъ фигуральнымъ выраженіемъ надо разумѣть тѣ нервно-мозговыя клѣтки, съ отправленіемъ которыхъ связывается вся сознательная психическая дѣятельность высшихъ животныхъ. Не то „клѣточныя

души". Ими были положительно скандализованы „высшія сферы" официальной науки. Ихъ поспѣшили похоронить, сдать въ архивъ, гдѣ хранятся всевозможные курьезы и раритеты необузданнаго фантазерства, которому предаются порой мужи науки. Но „клѣточныя души" оказались куда жизнеспособнѣе, чѣмъ это думали суровые блюстители порядка „высшихъ сферъ". Стряхнувши съ себя архивную пыль, онѣ вновь вышли на свѣтъ Божій и постепенно приковали къ себѣ вниманіе не только романтически-настроенныхъ „Платоновъ", но и „быстрыхъ разумомъ Невтоновъ" современнаго естествознанія. Къ числу послѣднихъ относится, несомнѣнно, и Дженнингсъ.

I.

Рѣдко приходится читать такія интересныя *спеціальныя* работы, какъ изслѣдованіе Дженнингса о „Поведеніи низшихъ животныхъ въ условіяхъ нормальныхъ и искусственныхъ" [1]). Прекрасная это книга: дѣльная, умная. И написана просто, понятно, убѣдительно.

Въ ней прежде всего поражаетъ полное отсутствіе той суетной торопливости, къ которой такъ склонны многіе изъ современныхъ спеціалистовъ, стремящихся во чтобы то ни стало сказать что-нибудь новое, внести въ сокровищницу знанія свою собственную лепту. Дженнингсъ терпѣливо, спокойно изслѣдуетъ факты, ведетъ наблюденія, ставитъ эксперименты и съ поразительной послѣдовательностью развертываетъ передъ читателемъ свои взгляды, останавливаясь часто на такихъ деталяхъ, которыя на первый взглядъ какъ будто излишни, но на самомъ дѣлѣ очень цѣнны, ибо ярко оттѣняютъ нюансы аргументаціи—тѣ самые нюансы, что зачастую составляютъ подлинное существо истины. Вся сплошь сплетенная изъ тонкихъ деталей, работа его претворяется въ живую, сложную, мѣстами прямо-таки ажурную ткань фактовъ и обобщеній, показывающихъ наглядно, какъ плодотворно можетъ быть спеціальное изслѣдованіе, если оно ни на мгновеніе не теряетъ изъ виду и общихъ задачъ науки, и великихъ запросовъ человѣческаго ума. Конечно, общій характеръ работы Дженнингса въ извѣстной мѣрѣ опредѣляется характеромъ того матеріала, которымъ онъ оперируетъ: изящные, хрупкіе представители микроскопическаго міра требуютъ „тонкаго, деликатнаго обращенія" съ собой.

Но одного спокойствія, терпѣнія и кропотливаго труда недостаточно, конечно: съ ними въ наукѣ недалеко уйдешь. И Дженнингсъ отлично это понимаетъ. Онъ ищетъ выводовъ; онъ настойчиво и неуклонно идетъ къ нимъ; онъ свободно и ясно формулируетъ ихъ, обнаруживая въ то же время большую дозу осторож-

---

[1]) H. Jennings, Das Verhalten der niederen Organismen unter natürlichen und experimentellen Bedingungen. Deutsche Uebersetzung. 1910.

ности, критическаго чутья, вдумчивости и объективности, не призрачной, а настоящей, безъ которой немыслимо научное познаніе, особенно такихъ явленій, какъ „поведеніе низшихъ животныхъ“.

Я, само собою разумѣется, не претендую на сколько-нибудь исчерпывающее ознакомленіе читателя съ книгой Дженнингса: для этого пришлось бы перепечатать добрую ея половину. Я не думаю даже излагать всѣ аргументы и выводы его. Меня интересуетъ сейчасъ лишь общій духъ этой книги, ея основныя тенденціи и, главнымъ образомъ, тѣ методы, которыми авторъ рекомендуетъ руководствоваться при анализѣ „поведенія“ низшихъ организмовъ. Соотвѣтственно этой цѣли придется, конечно, въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ использовать и факты, которыми Дженнингсъ такъ блестяще иллюстрируетъ свои общія положенія.

Дженнингсъ ставитъ слѣдующій вопросъ: имѣются ли у науки *объективныя* доказательства въ пользу широко распространеннаго мнѣнія, будто жизнь и поведеніе одноклѣтныхъ животныхъ (Protozoa) *существенно* (grundsätzlich) разнится отъ жизни и поведенія животныхъ многоклѣтныхъ (Metazoa). И отвѣчаетъ на него всѣмъ содержаніемъ своей книги.

Методъ, которымъ онъ пользуется для рѣшенія этой проблемы, есть *методъ сравнительный.* Дженнингсъ внимательно, шагъ за шагомъ, прослѣживаетъ поведеніе *одноклѣтныхъ* организмовъ въ обстановкѣ нормальной и искусственной, созданной по волѣ и плану экспериментатора; онъ сопоставляетъ ихъ поведеніе съ поведеніемъ организмовъ *многоклѣтныхъ*, какъ низшихъ, такъ и высшихъ, при аналогичныхъ условіяхъ; онъ дѣлаетъ выводы на основаніи такихъ сопоставленій — и только ихъ однихъ, оставляя въ сторонѣ мысль о *субъективныхъ* мотивахъ поведенія животныхъ, о тѣхъ *переживаніяхъ*, которыя сопутствуютъ той или иной дѣятельности, тому или иному движенію ихъ: ему важно знать не то, что „ощущаетъ“ или „думаетъ“ какая-нибудь амеба или инфузорія, дѣйствуя опредѣленнымъ образомъ въ опредѣленной обстановкѣ, а то, *что* и *какъ* она *дѣлаетъ* въ зависимости отъ тѣхъ условій, въ которыя ее ставитъ жизнь или экспериментаторъ.

Мало этого, Дженнингсъ совершенно исключаетъ изъ числа критеріевъ для оцѣнки общаго поведенія животныхъ такой, казалось бы, важный моментъ, какъ существованіе или отсутствіе у нихъ нервной системы, оправдывая эту свою позицію соображеніями, справедливость которыхъ врядъ-ли подлежитъ сомнѣнію. Онъ говоритъ:

„Даже голая протоплазма амебы отвѣчаетъ на всѣ тѣ виды раздраженія, на которые реагируетъ всякое животное. Слѣдовательно, нервная система и органы чувствъ не необходимы для воспріятія какой-либо особой формы раздраженій...

„Передача (распространеніе) раздраженія имѣетъ мѣсто также и у организмовъ безъ нервной системы...

„Въ нервной системѣ мы не находимъ никакихъ специфическихъ особенностей, которыхъ не было бы также и въ протоплазматическихъ структурахъ.

„Свойства нервной системы—это общія свойства протоплазмы...

„Если не всѣ, то большая часть тѣхъ основныхъ жизненныхъ отправленій, которыя разсматриваются, какъ спеціальныя особенности нервной системы, могутъ быть установлены и у простѣйшихъ одноклѣтныхъ животныхъ, не смотря на то, что у нихъ нѣтъ еще нервной системы...

„Особенности нервной системы являются лишь повышенными степенями развитія общихъ свойствъ протоплазмы—sind nur Steigerungen der allgemeinen Eigenschaften des Protoplasmas" (стр. 408, 409, 412).

Вы видите такимъ образомъ, что, Дженнингсъ дѣйствительно пробуетъ подняться на такую высоту объективности, которая вообще доступна человѣку, задавшемуся мыслью охарактеризовать научно поведеніе низшихъ организмовъ.

Посмотримъ же, каковы на самомъ дѣлѣ основные штрихи этого „поведенія", и начнемъ даже не съ одноклѣтныхъ *животныхъ*, а съ простѣйшихъ изъ населяющихъ землю существъ — *съ бактерій.*

Объ образѣ дѣйствій бактерій при различныхъ условіяхъ можно судить по ихъ *движеніямъ* — конечно, въ тѣхъ случаяхъ, когда имѣешь дѣло съ подвижными бактеріями, надѣленными однимъ или нѣсколькими жгутами, которыя и исполняютъ у нихъ роль органовъ движенія.

Вотъ спирилла. свободно плавающая въ каплѣ воды. Случайно на пути ея встрѣчается препятствіе, мѣшающее ей плыть въ разъ принятомъ направленіи. Что дѣлаетъ спирилла? Она сворачиваетъ въ сторону или обратно и плыветъ дальше.

Спирилла, о которой говорю я, аэробна, т. е. нуждается для жизни въ кислородѣ.

Представимъ себѣ, что въ каплѣ воды, гдѣ шныряютъ во всѣ стороны спириллы, разсѣяно нѣсколько пузырьковъ воздуха, изъ которыхъ кислородъ постепенно диффундируетъ въ прилегающіе къ нимъ слои воды. Спириллы первое время продолжаютъ свои обычныя движенія, независимо отъ мѣстоположенія воздушныхъ пузырьковъ. Но вотъ кислородъ, имѣвшійся раньше въ водяной каплѣ, истощился. Тогда спириллы постепенно стягиваются къ воздушнымъ пузырькамъ и располагаются группами вокругъ нихъ. Какъ это произошло? Потому ли, что кислородъ притянулъ къ себѣ спириллъ, автоматически подчинившихся этому „притяженію"—какъ подчиняются, напримѣръ, желѣзныя опилки притяженію магнита—или же онѣ сами, продолжая шнырять во всѣ концы своего мѣстообиталища, случайно наткнулись на слои, прилегающіе къ воздушнымъ пузырькамъ,—„нашли", что нужно имъ,

и остановились у животворнаго источника кислорода? На основаніи тщательнѣйшихъ и многочисленныхъ наблюденій, Дженнингсъ склоняется ко второму изъ этихъ предположеній и говоритъ: „Такимъ образомъ, нахожденіе кислорода зависитъ отъ обычныхъ движеній бактерій, а вовсе не отъ движеній, исключительно вызываемыхъ и направляемыхъ кислородомъ“ (43).

Большая часть бактерій относится безразлично къ свѣту: присутствіе или отсутствіе его никакъ не вліяетъ на характеръ и направленіе ихъ движеній, ихъ „поведенія“. Но нѣкоторые виды, наоборотъ, особенно чувствительны къ нему: ихъ нормальная жизнедѣятельность немыслима безъ свѣта. Такія бактеріи обычно устремляются къ освѣщеннымъ частямъ своего мѣстожительства и избѣгаютъ затѣненныхъ частей его. Однако и въ этомъ случаѣ онѣ, согласно наблюденіямъ и опытамъ Дженнингса, ведутъ себя такъ же, какъ и спириллы по отношенію къ пузырькамъ воздуха: двигаясь въ различныхъ направленіяхъ, „изслѣдуя“ постоянно окружающую ихъ среду, онѣ наталкиваются на условія, наиболѣе отвѣчающія ихъ нормальной жизнедѣятельности, и остаются въ предѣлахъ этой обстановки, пока измѣнившіяся въ неблагопріятную сторону обстоятельства не вынудятъ ихъ пуститься снова „на поиски“ среды, благопріятствующей ихъ питанію, росту и размноженію.

Одинъ давнишній опытъ Энгельмана особенно наглядно подтверждаетъ эту мысль.

Онъ помѣстилъ кучку „свѣтолюбивыхъ“ бактерій (Chromatium photometricum) въ поле микроскопическаго спектра. Бактеріи пришли въ движеніе и „ажитація“ ихъ продолжалась до тѣхъ поръ, пока онѣ не распредѣлились въ различныхъ частяхъ спектра: громадное большинство ихъ скопилось въ полосѣ ультра-красныхъ и оранжевыхъ лучей, тогда какъ въ другихъ частяхъ спектра, особенно въ красномъ, фіолетовомъ и ультра-фіолетовомъ, остались лишь рѣдкіе, одиночные экземпляры. Такимъ образомъ оказалось, что, въ результатѣ „поисковъ“ благопріятной среды, бактеріи собрались въ тѣхъ частяхъ спектра, лучи которыхъ ими интенсивнѣе всего поглощаются и въ то же время лучше всего способствуютъ обмѣну веществъ.

Такого рода наблюденій и опытовъ, свидѣтельствующихъ о вліяніи различныхъ условій (раздражителей) на поведеніе бактерій, имѣется немало. И всѣ они позволяютъ сдѣлать рядъ чрезвычайно любопытныхъ выводовъ, которые можно формулировать слѣдующимъ образомъ:

Прежде всего несомнѣнно, что показателемъ „поведенія“ бактерій служатъ ихъ движенія. Обычно перемѣна въ направленіи движеній обусловливается измѣненіями въ окружающей бактерію обстановкѣ.

Измѣненія эти могутъ быть полезны, безразличны или вредны

для нормальной жизнедѣятельности бактерій. Если они безразличны или полезны, то поведеніе (движенія) бактерій либо остается неизмѣннымъ, либо направляется къ тому, чтобы возможно полнѣе использовать благопріятныя для ихъ жизни условія. Если же они вредны, то бактеріи измѣняютъ свои движенія, уклоняясь отъ источника неблагопріятныхъ для нихъ раздраженій. Такимъ образомъ поведеніе ихъ въ общемъ, какъ и у организмовъ высшихъ, носитъ характеръ *регулятивный*, характеръ *приспособленія* (стр. 55, 58).

Далѣе. Реагированіе бактерій на внѣшнія раздраженія подчиняется, какъ показалъ еще Пфефферъ, Веберовскому закону отношенія между ощущеніемъ и раздраженіемъ. „Хотя, говоритъ Дженнингсъ, мы ничего и не знаемъ объ ощущеніяхъ у бактерій, но если вмѣсто ощущенія подставить ихъ реакціи на раздраженія, то мы увидимъ, что и здѣсь можно установить такую же зависимость" (т. е. зависимость, согласную съ закономъ Вебера)[1]. „И—продолжаетъ Дженнингсъ—это сходство между отношеніемъ раздраженія и ощущенія у человѣка, съ одной стороны, и отношеніемъ раздраженія и реакціи у бактерій, съ другой, представляется заслуживающимъ особеннаго вниманія—erscheint ausserordentlich bermerkenswert" (ibid. 56, 57).

Наконецъ, характерно и то, что отдѣльные индивиды опредѣленнаго вида бактерій, какъ показываетъ наблюденіе, неодинаково реагируютъ на одни и тѣ же вліянія среды. Тутъ, на низшихъ ступеняхъ жизни, можно стало быть, уже говорить и объ *индивидуализаціи поведенія* (стр. 57). Объ этомъ, впрочемъ, дальше. А пока скажемъ нѣсколько словъ о modus'ѣ дѣйствій амебъ—этихъ простѣйшихъ представителей животнаго царства.

Глава о „поведеніи амебы" (Das Verhalten der Amöbe) является однимъ изъ интереснѣйшихъ этюдовъ въ книгѣ Дженнингса. Однако мнѣ придется, къ сожалѣнію, коснуться этого этюда лишь слегка.

Безформенное, обнаженное протоплазматическое тѣло амебы обладаетъ способностью измѣнять свои очертанія, то сжимаясь и расширяясь, то выпуская въ различныхъ направленіяхъ протоплазматическіе отростки или псевдоподіи, при помощи которыхъ это микроскопическое одноклѣтное животное „изслѣдуетъ" окружающую его обстановку, ловитъ добычу и передвигается съ мѣста на мѣсто.

Движенія амебы, не смотря на ограниченность имѣющихся въ ея распоряженіи средствъ, многообразны, хотя, правда, медленны, тяжеловѣсны и неуклюжи. Способы передвиженія у различныхъ видовъ амебъ различны; но и одна и та же амеба не всегда одинаково движется даже при одинаковыхъ условіяхъ.

---

[1]) Законъ этотъ обычно формулируется такъ: ощущеніе растетъ, какъ логариѳмъ раздраженія.

Механическое раздраженіе, тепло, свѣтъ, электричество, химическіе реагенты, словомъ, всѣ формы энергіи, *на которыя такъ или иначе откликаются высшія животныя*, вліяютъ и на амебу, видоизмѣняя ея „поведеніе".

Наткнувшись на препятствіе, мѣшающее ей двигаться впередъ, она выпускаетъ псевдоподіи въ новомъ направленіи и измѣняетъ такимъ образомъ свой путь: очутившись въ полѣ свѣтовыхъ лучей, неблагопріятно отзывающихся на ея жизненныхъ отправленіяхъ, она переползаетъ въ затѣненную полосу своего мѣстообиталища; если экспериментаторъ, въ цѣляхъ изслѣдованія, измѣняетъ направленіе этихъ лучей, то соотвѣтственно измѣняется и путь амебы, всѣ усилія которой сводятся къ тому, чтобъ избѣжать вреднаго для нея вліянія свѣта; придя въ соприкосновеніе съ живою добычей— съ подвижною бактеріей, инфузоріей или другой амебой,— она упорно „преслѣдуетъ" ее, пуская въ ходъ всѣ доступныя ей формы движенія, чтобы схватить и поглотить добычу.

Короче говоря, все поведеніе амебы ярко отмѣчено печатью „приспособленія" къ импульсамъ, исходящимъ изъ внѣшней среды и регулируемымъ внутренними импульсами самого животнаго; „оно, выражаясь словами Дженнингса, направлено къ тому, чтобъ сохранять животному жизнь и помогать ему въ поддержаніи его нормальныхъ жизненныхъ функцій" (ibid. 34).

II.

Остановимся теперь на анализѣ „поведенія" инфузорій—одноклѣтныхъ организмовъ, отличающихся болѣе дифференцированнымъ строеніемъ, чѣмъ амебы. Въ зависимости отъ болѣе сложной организаціи этихъ микроскопическихъ животныхъ много сложнѣе и „система ихъ дѣйствій" (Actionssystem).

Дженнингсъ удѣляетъ въ своей книгѣ очень много мѣста описанію наблюденій и опытовъ надъ поведеніемъ инфузорій [1]). Да и понятно почему. Въ образѣ дѣйствій этихъ организмовъ такъ много любопытнаго, своеобразнаго и цѣннаго для характеристики „поведенія" низшихъ животныхъ и для обоснованія тѣхъ выводовъ, къ которымъ, въ концѣ концовъ, приходитъ нашъ авторъ. Послѣдуемъ же за нимъ и посмотримъ, какъ протекаетъ день инфузоріи *туфельки* (Paramaecium).

Туфелька относится къ отдѣлу рѣснитчатыхъ инфузорій. Все тѣло ея усѣяно равномѣрно рѣсничками, работая которыми животное передвигается съ мѣсто на мѣсто. Обычно рѣснички обращены назадъ и потому ритмическіе удары ихъ направляютъ тѣло животнаго впередъ. Но парамеція можетъ направить рѣснички въ обратную сторону, и тогда, работая ими, она пятится назадъ.

---

[1]) См. стр. 60—289 его книги.

Двигаясь впередъ или назадъ, инфузорія въ то же время вертится вокругъ длинной оси своего тѣла. Все это важно знать, такъ какъ, благодаря способности измѣнять направленіе и работу рѣсничекъ, а также усиливать, ослаблять или же вовсе останавливать вращеніе вокругъ длинной оси собственнаго тѣла, туфелька имѣетъ возможность широко разнообразить свои движенія, приноравливая ихъ къ измѣнчивымъ условіямъ и требованіямъ среды.

Вотъ плаваетъ она свободно и видимо беззаботно въ водѣ: зигзагами несется впередъ, сворачиваетъ вправо, влѣво, то поднимается, то опускается, идетъ обратно назадъ и вновь устремляется впередъ, останавливается и опять трогается въ путь, то замедляя, то ускоряя работу рѣсничекъ и вертясь съ различной скоростью вокругъ собственной оси. Вода—ея стихія, движеніе—обычный modus времяпрепровожденія.

Кругомъ какъ будто все такъ спокойно, такъ привычно: ничто не трогаетъ, не раздражаетъ, не нарушаетъ нормальнаго теченія жизненныхъ функцій парамеціи.

Но посмотрите. Она наталкивается случайно переднимъ концомъ своего тѣла на камень. Одно мгновеніе—рѣснички задвигались въ обратномъ направленіи, и туфелька отскакиваетъ назадъ (Fluchtreaction) и вновь начинаетъ двигаться въ различныя стороны, пока ей не удастся обойти ставшее на пути препятствіе. Плывя дальше впередъ, она вдругъ попадаетъ въ полосу, сильно нагрѣтую лучами солнца. Рѣснички, окаймляющія ея ротовую впадину (Peristom) начинаютъ дѣйствовать энергично. Благодаря работѣ ихъ, струйки нагрѣтой воды съ силой устремляются въ ротовую полость. Обычное для парамеціи „физіологическое равновѣсіе“ нарушается; рѣзкая перемѣна температуры, повидимому, фиксируетъ на себѣ „вниманіе“ животнаго, и туфелька сперва замедляетъ свой ходъ, а потомъ останавливается и принимается описывать переднею частью тѣла круги, работая по прежнему рѣсничками перистома. Что дѣлаетъ она? „Изслѣдуетъ“ среду? „Пробуетъ“ температуру воды, врывающейся струйками въ перистомъ съ различныхъ сторонъ, смотря по тому, куда направлена описывающая круги передняя часть тѣла инфузоріи? „Ищетъ выхода“ изъ неблагопріятной для ея нормальныхъ отправленій обстановки?

Да, „пробуетъ“, „ищетъ выхода“. Это ясно. Ибо, нѣсколько мгновеній спустя, вы видите, какъ она снова плыветъ впередъ въ томъ направленіи, гдѣ температура воды менѣе нагрѣта, больше отвѣчаетъ требованіямъ ея организма...

Вырвавшись изъ угрожавшей ея благополучію обстановки, туфелька принимается за выполненіе своего обычнаго „плана дѣйствій“, за осуществленіе той, въ общемъ скромной „формулы жизни“, которая выпала ей на долю волею біологическихъ судебъ: опять шныряетъ во всѣ стороны, пока не представляется новый поводъ удирать отъ не вполнѣ соотвѣтствующихъ ея нор-

мальному бытію условій. На этотъ разъ ей привелось очутиться неподалеку отъ листа—самаго обыкновеннаго, только что свалившагося съ дерева, зеленаго листа. Онъ мѣрно покачивался на поверхности воды, распространяя вокругъ себя невидимыя, почти неуловимыя струйки своихъ соковъ. Едва первыя порціи этихъ соковъ распустились въ водѣ и коснулись перистома инфузоріи,—туфелька остановилась, а тамъ попятилась назадъ и пятилась до той поры, пока не очутилась внѣ сферы потревожившаго ее химическаго раздраженія. А дальше—снова вольтъ вправо или влѣво и опять неугомонное плаваніе по морю житейскихъ испытаній, такъ часто нарушающихъ „физіологическое равновѣсіе" этого крохотнаго созданія. Посмотримъ, что принесетъ оно ему.

Туфелька продолжаетъ плавать. Трепещутъ, какъ всегда, рѣснички, одѣвающія тѣло ея; колышатся ритмически мерцательные волоски, сидящіе вокругъ перистома. Неожиданно стукается она переднимъ концомъ своимъ о вѣточку и, по привычкѣ, первымъ дѣломъ пятится назадъ, но сейчасъ же снова подается впередъ и, нащупавши вѣтку, плотно прилегаетъ къ ней. Рѣснички на тѣлѣ замираютъ, тогда какъ тѣ, что окружаютъ перистомъ, начинаютъ работать во всю, направляя ко рту сильную струю воды. Это длится нѣсколько минутъ, пока, наконецъ, инфузорія не покидаетъ своей временной стоянки. Оказывается, она „ошиблась": всѣ „изысканія" ея были напрасны — на шероховатой поверхности вѣтки, всего только недавно попавшей въ воду, не нашлось бактерій, составляющихъ обычную пищу инфузоріи...

Однако не успѣла она проплыть нѣсколько сантиметровъ—путь для нея, правда, довольно таки длинный—какъ новое обстоятельство привлекло ея „вниманіе": на легкихъ струйкахъ воды до перистома инфузоріи докатилось нѣсколько мельчайшихъ пузырьковъ углекислоты. Самъ по себѣ этотъ газъ ненуженъ ей. Но инфузорія все же пустилась „искать" чего-то. Шныряла, шныряла и, наконецъ, остановилась въ зонѣ, богатой углекислымъ газомъ. Очутившись тутъ, она принялась усердно „изслѣдовать" ее—конечно, обычными для инфозуріи средствами: неустанными движеніями въ различныя стороны и энергичною дѣятельностью ротового аппарата.

Наконецъ, послѣ долгихъ „поисковъ", она нашла подлинный источникъ углекислоты: передъ нею кучка бактерій, связанныхъ студенистою массой (Zoogloea); онѣ-то и выдѣляли, въ процессѣ жизненной работы своей, угольную кислоту. Инфузорія расположилась на зооглеѣ, задержала трепыханіе рѣсничекъ, исполняющихъ роль органовъ движенія, и пустила полнымъ ходомъ свой ловчій механизмъ: водоворотъ, поднятый усиленнымъ мерцаніемъ рѣсничекъ перистома, сталъ отрывать бактерій отъ зооглеи, увлекая ихъ въ ротовую впадину инфузоріи. Теперь туфелька уже у цѣли своихъ долгихъ, неустанныхъ исканій; теперь ей нипочемъ

другія раздраженія, на которыя она только что такъ чутко откликалась; теперь все „вниманіе" ея цѣликомъ сосредоточивается на ловлѣ и поглощеніи добычи. Вотъ прошмыгнула крошечная рыбка. Вода пришла въ сотрясеніе и волны ея—правда, чрезвычайно слабыя, замѣтныя лишь для инфузорій—докатились до туфельки. Но сейчасъ она не реагируетъ на нихъ, тогда какъ раньше, навѣрное, поспѣшила бы укрыться отъ ихъ раздражающаго вліянія. Вотъ выглянуло солнце изъ-за облаковъ, ударило жаркими лучами по водѣ и стало быстро нагрѣвать тѣ слои, гдѣ копошится инфузорія подлѣ добычи своей. Температура воды подымается, переваливаетъ за тотъ optimum, къ которому приспособленъ организмъ туфельки. Но и это не трогаетъ ее: прильнувши плотно къ зооглеѣ, она по прежнему работаетъ своимъ пищепріемнымъ аппаратомъ, отрываетъ бактерій, одну за другою, отъ зооглеи и жадно поглощаетъ ихъ. Наконецъ, температура воды становится ужь непереносной. Тогда инфузорія оставляетъ добычу, кидается, какъ шальная, назадъ и начинаетъ метаться изъ стороны въ сторону, пока не попадаетъ вновь въ полосу относительно прохладной воды...

Такъ протекаютъ дни парамеціи, этой неугомонной, вѣчной странницы. „Она, говоритъ Дженнигсъ, постоянно ощупываетъ свой путь, систематически изслѣдуя (пробуя) всевозможныя условія и уклоняясь отъ тѣхъ, которыя вліяютъ вредно. Поведеніе ея, по существу, такое же, какъ у слѣпого и глухого, или же у человѣка, нащупывающаго въ темнотѣ свой путь. Это—непрерывная проба всѣхъ предметовъ и остановка возлѣ тѣхъ, которые оказываются полезными" (стр. 163).

Жизнь другихъ инфузорій—правда, значительно менѣе изученная—подтверждаетъ въ общемъ эту характеристику Дженнингса.

Тутъ однако встаютъ сейчасъ же два вопроса, представляющихъ огромный теоретическій интересъ.

Первый изъ нихъ гласитъ: какъ реагируютъ отдѣльныя инфузоріи опредѣленнаго вида на одно и то же раздраженіе — сходно или несходно?

Второй вопросъ еще интереснѣе. Его Дженнингсъ формулируетъ такъ: Можетъ ли одно и то же животное (инфузорія) при одинаковыхъ внѣшнихъ условіяхъ, но въ различное время, неодинаково вести себя? Или иначе: опредѣляется ли поведеніе данной инфузоріи только вліяніемъ *внѣшней* среды, или же оно обусловлено и *внутренними* импульсами, идущими отъ самого животнаго, независимо отъ внѣшнихъ условій?

Дженнингсъ, исходя изъ своего богатаго и разносторонняго научнаго опыта, даетъ на оба эти вопроса слѣдующій отвѣтъ, который, хотя и имѣетъ прямое отношеніе къ парамеціи, но можетъ быть распространенъ на инфузорій вообще:

Въ поведеніи *различныхъ туфелекъ* при однихъ и тѣхъ же

внѣшнихъ условіяхъ, говоритъ онъ, часто замѣчается большая разница.

А поведеніе *одной и той же туфельки* также нерѣдко варіируется, не смотря на то, что внѣшняя обстановка остается неизмѣнной.

Такая разница въ поведеніи каждой отдѣльной туфельки въ различное время обусловливается разницей ея внутренняго или физіологическаго состоянія. „Нѣкоторыя изъ этихъ физіологическихъ состояній можно охарактеризовать, какъ усталость, голодъ, привычку и т. п. Въ другихъ же случаяхъ ихъ нельзя опредѣлить точно. Тутъ, очевидно, мы имѣемъ передъ собой слабые зачатки перемѣны поведенія въ зависимости отъ бывшихъ ранѣе опытовъ организма“ (стр. 155, 156).

Мысль эта требуетъ поясненій и фактическихъ иллюстрацій, къ которымъ мы сейчасъ же и обратимся.

Въ болотистыхъ прудахъ нерѣдко можно встрѣтить особую инфузорію, извѣстную подъ именемъ „трубача“ (Stentor roeselii).

Длинное, вытянутое тѣло этого микроскопическаго одноклѣтнаго организма оканчивается наверху широкимъ раструбомъ, образующимъ перистомъ, а на другомъ концѣ переходитъ въ такъ называемую ножку, которою трубачъ прикрѣпляется къ какому-нибудь водяному растенію. Все тѣло трубача усѣяно по длинѣ рядами коротенькихъ мерцательныхъ волосковъ, а раструбъ снабженъ ворсинками покрупнѣе. Есть, наконецъ, еще одна особенность, характерная для стентора: ножка его и прилегающая къ ней нижняя часть тѣла окружены, на подобіе неправильной трубки, слизистою массой, въ которой заключено множество постороннихъ частичекъ.

Вотъ надъ этою-то инфузоріей и производилъ свои наблюденія и опыты Дженнингсъ съ цѣлью показать, какъ реагируетъ отдѣльное животное въ различное время на одно и то же раздраженіе. Опыты эти такъ занимательны и остроумны, что я считаю нужнымъ привести ихъ возможно полнѣе.

Экспериментаторъ разводитъ тонкій порошокъ кармина или туши въ водѣ и затѣмъ, забравши его въ пипетку, одинъ конецъ которой вытянутъ въ длинную капиллярную трубочку, направляетъ струю на перистомъ стентора.

Сперва инфузорія не обнаруживаетъ ничего особеннаго въ своемъ поведеніи: работаетъ рѣсничками перистома и увлекаетъ спиральнымъ потокомъ водяную струю вмѣстѣ съ крошечными зернышками кармина внутрь своего тѣла. Но это длится лишь очень короткое время. Затѣмъ трубачъ легкимъ движеніемъ уклоняется въ сторону, какъ бы стремясь избѣгнуть направленной на него струи.

Однако зерна кармина продолжаютъ попрежнему густымъ облачкомъ падать на перистомъ. Тогда трубачъ пускаетъ въ дѣло дру-

гой маневръ: рѣсннчки перистома мгновенно начинаютъ работать въ обратную сторону, и частички кармина, которыя только что увлекались водоротомъ внутрь тѣла, выгоняются наружу. „Испробовавши" этотъ пріемъ, инфузорія, нѣкоторое время спустя, вновь измѣняетъ направленіе рѣсничекъ перистома: онѣ дѣйствуютъ теперь нормально; но такъ какъ экспериментаторъ продолжаетъ по прежнему „раздражать" трубача, то послѣдній опять раза два-три мѣняетъ направленіе рѣсничекъ. Однако безуспѣшно: частички кармина, не переставая, падаютъ на перистомъ; экспериментаторъ упорно преслѣдуетъ свою задачу, чтобы узнать, что станетъ дѣлать дальше инфузорія, прибѣгнетъ ли она къ какимъ-нибудь новымъ пріемамъ „борьбы" съ раздраженіемъ.

Тутъ трубачъ пускаетъ въ ходъ одно изъ рѣшительныхъ средствъ „защиты": онъ быстро сокращаетъ свое тѣло и „прячется" такимъ образомъ въ трубку. Дѣятельность перистома останавливается, частички кармина ужь не раздражаютъ животное. Проходитъ съ полминуты, не больше, и трубачъ снова выпячивается—не сполна, а частью — изъ своего убѣжища. Опять задвигались рѣснички перистома, опять потекли спиральныя струйки съ порошкомъ кармина внутрь тѣла инфузоріи. И что же? Какъ ведетъ себя на этотъ разъ трубачъ? Продѣлываетъ ли онъ всю ту послѣдовательную серію манипуляцій, при помощи которыхъ онъ только что „пытался" уклониться отъ раздражающихъ его вліяній водяной струи съ карминомъ, или же предварительный опытъ „научилъ" его пользоваться средствомъ наиболѣе цѣлесообразнымъ въ данномъ случаѣ?

Оказывается—да: „научилъ". Вмѣсто того, чтобъ „пробовать" все то, что продѣлывалъ онъ раньше, трубачъ сразу же реагируетъ на раздраженіе послѣднимъ изъ примѣненныхъ имъ пріемовъ: онъ съежился и ушелъ въ трубку; потомъ вновь выглянулъ, опять сократился и снова спрятался, причемъ послѣ каждаго сокращенія оставался въ трубкѣ все дольше и дольше.

Однако экспериментаторъ былъ неумолимъ: густое облачко кармина не переставало тревожить стентора. Не переставалъ и онъ то прятаться, то выпячиваться наружу, дѣлая это съ каждымъ разомъ все энергичнѣе и энергичнѣе, пока ножка его... не отдѣлилась отъ того предмета, на которомъ сидѣлъ трубачъ.

Такъ очутился онъ на свободѣ. Ударилъ нѣсколько разъ рѣсничками, одѣвающими тѣло его, и сталъ выбираться изъ трубки. Сначала онъ поплылъ прямо впередъ. Но, очутившись въ облачкѣ кармина, попятился назадъ — какъ пятится въ аналогичныхъ случаяхъ парамеція – а тамъ, проскочивши „заднимъ ходомъ" сквозь слизистую массу своей трубки, вырвался, наконецъ, изъ заколдованнаго круга и пустился вплавь по родной стихіи.

Плавалъ онъ, впрочемъ, недолго, ибо, будучи трубачемъ, а не туфелькой, склоненъ къ сидячему, а не бродячему образу жизни.

Очень скоро онъ нащупалъ кучку разлагающихся органическихъ веществъ, которыя, вмѣстѣ съ нѣжною слизью, выдѣляемой самимъ стенторомъ, и послужили матеріаломъ для сооруженія новой трубки.

Много любопытнаго можно было бы разсказать и о тѣхъ манипуляціяхъ, которыми пользуется стенторъ при „поискахъ“ новаго пристанища и при сооруженіи новой трубки. Но это завело бы насъ далеко за предѣлы моей основной задачи. А потому ставлю точку и приступаю къ указанію тѣхъ выводовъ, къ которымъ приходитъ Дженннигсъ на основаніи только что изложенныхъ экспериментовъ.

„Поведеніе стентора, поскольку о немъ можно судить объективно, говоритъ Дженнингсъ, похоже на таковое у высшихъ животныхъ и въ такой же мѣрѣ служитъ организму на пользу...

„Всѣ наши выводы относительно стентора, пишетъ онъ дальше, показываютъ ясно, что одинъ и тотъ же организмъ можетъ различно реагировать на одно и то же раздраженіе... Такъ какъ во всѣхъ такихъ случаяхъ внѣшнія условія остаются совершенно тѣ же, то, стало быть, измѣненіе реакціи должно быть слѣдствіемъ перемѣны въ самомъ организмѣ... Одинъ и тотъ же организмъ неодинаково реагируетъ на одно и то же раздраженіе при различныхъ физіологическихъ состояніяхъ...

„То, что дѣлаетъ высшее животное при извѣстныхъ условіяхъ, зависитъ отъ его опыта, т. е. отъ его прошлаго (Vorgeschichte)... На самомъ дѣлѣ, поскольку мы это видимъ, и поведеніе стентора констатируетъ въ рудиментарномъ состояніи тѣ явленія, которыя у высшихъ животныхъ выступаютъ чрезвычайно ярко и сложно...

„Все содержаніе главы о стенторѣ, говоритъ въ заключеніе Дженнингсъ, мы можемъ формулировать слѣдующимъ образомъ: Каждое отдѣльное животное не всегда ведетъ себя одинаково при одинаковыхъ внѣшнихъ условіяхъ; поведеніе скорѣе всего зависитъ отъ физіологическихъ состояній животнаго. Реакція на какое-либо данное раздраженіе измѣняется согласно бывшимъ ранѣе воспріятіямъ (Erfahrung), и всѣ такія измѣненія являются регуляторными, а не случайными. Слѣдовательно, явленія эти подобны тѣмъ, которыя наблюдаются при „выучкѣ“ („Lernen“) высшихъ животныхъ; только модификаціи тутъ зависятъ отъ менѣе сложныхъ условій и длятся болѣе короткое время“ (стр. 266, 273—277).

III.

Я уже сказалъ, что нѣтъ никакой возможности исчерпать въ журнальной статьѣ богатое содержаніе книги Дженнингса: кто серьезно интересуется вопросами зоопсихологіи, можетъ обратиться непосредственно къ труду американскаго ученаго. Но для того, чтобы выводы послѣдняго были для насъ въ достаточной мѣрѣ ясны

и убѣдительны, необходимо ознакомиться еще хоть слегка съ „поведеніемъ" низшихъ *многоклѣтныхъ* животныхъ, среди которыхъ *гидры* и *полипы*, какъ организмы съ едва намѣченной нервною системой, представляютъ для насъ особенный интересъ.

Начнемъ съ гидры. Это крошечное животное, изъ класса кишечно-полостныхъ, давно ужъ обратило на себя вниманіе натуралистовъ необыкновенною способностью своей „возстановлять утраченныя части" (регенерація): извѣстно, что гидру можно искрошить на сотню мельчайшихъ частей, и каждый такой клочекъ вновь превратится въ настоящую, нормальную гидру — фактъ, свидѣтельствующій о слабо выраженной индивидуальности этого животнаго, что и дѣлаетъ его чрезвычайно цѣннымъ для изученія „поведенія" низшихъ многоклѣтныхъ организмовъ.

Грушевидное, двуслойное тѣльцо гидры, сложенное изъ множества клѣтокъ, вытянуто книзу въ такъ называемую ножку, при помощи которой это животное прикрѣпляется къ какому-нибудь предмету въ водѣ; на верхнемъ же концѣ оно украшено вѣнцомъ длинныхъ щупальцевъ, окружающихъ ротовое отверстіе. „Формула поведенія" гидры опредѣляется, въ конечномъ счетѣ, формулой доступныхъ ей движеній; а эта послѣдняя, какъ сейчасъ увидимъ, довольно таки сложна.

Вотъ въ акваріумѣ, ухватившись ножкою за стебелекъ растенія, сидитъ обыкновенная зеленая гидра. Прослѣдите за поведеніемъ ея внимательно день-другой, и вы придете къ любопытнымъ и, быть можетъ, неожиданнымъ для васъ выводамъ. Прежде всего окажется, что гидра очень рѣдко пребываетъ въ полномъ покоѣ. Обычно, сидя на одномъ и томъ же мѣстѣ, она продѣлываетъ цѣлый рядъ движеній, имѣющихъ большое значеніе для ея нормальнаго бытія: она ритмически сжимаетъ и расширяетъ свое тѣло, склоняется въ различныя стороны и неустанно работаетъ щупальцами, то втягивая, то вытягивая ихъ и пользуясь ими, какъ органомъ „изслѣдованія" окружающей среды и ловчимъ снарядомъ для схватыванья и поглощенія добычи. Затѣмъ она снимается съ мѣста и медленно, ползкомъ, скользя на ножкѣ своей, подвигается впередъ. Однако, какъ бы неудовлетворившись такимъ несовершеннымъ способомъ передвиженія, она вдругъ сгибаетъ тѣло дугой, касается щупальцами о поверхность стебелька, освобождаетъ ножку, вытягиваетъ ее въ сторону или впередъ, опять цѣпляется ею за стебелекъ и снова выпрямляетъ тѣло, поднявши щупальцы по прежнему кверху. Дальше всѣ эти послѣдовательныя манипуляціи повторяются много разъ подъ рядъ, пока животное не очутится на нѣкоторомъ разстояніи отъ прежняго мѣста. Тутъ гидра снова принимается „изслѣдовать" щупальцами окружающую среду, снова ритмически сжимаетъ и расширяетъ свое тѣло, склоняя его при этомъ въ различныя стороны—а тамъ, смотришь, опять тронулась въ путь и на этотъ разъ совсѣмъ по новому, по особому: склонилась всѣмъ кор-

пусомъ книзу, стала „на голову“—или, вѣрнѣе, на щупальцы—оттопырила вверхъ ножку свою и начала перебирать щупальцами, какъ ногами...

Спрашивается, однако, чѣмъ вызываются всѣ эти разнообразныя и часто очень сложныя движенія гидры? Есть ли это непроизвольный, вынужденный отвѣтъ на *внѣшнія* раздраженія или же нѣчто такое, что диктуется *внутренними* импульсами, исходящими отъ самого животнаго? Предупреждаю еще разъ, что, ставя этотъ вопросъ, я вовсе не имѣю въ виду предпринимать экскурсію въ проблематическую область гаданій на счетъ того, что „переживаетъ“ гидра, когда, напримѣръ, пускается въ путь „вверхъ ногами“ или когда „изслѣдуетъ“ щупальцами окружающую среду. Меня, какъ и раньше, занимаетъ другой, несравненно болѣе важный вопросъ, который сводится къ слѣдующему: является ли поведеніе гидры разъ навсегда предопредѣленнымъ, стоящимъ въ роковой причинной связи съ дѣйствіемъ даннаго внѣшняго раздражителя, или же оно можетъ модифицироваться примѣнительно къ нормальнымъ запросамъ всякой гидры и соотвѣтственно индивидуальнымъ нуждамъ каждой отдѣльной особи въ каждый данный моментъ? Ясно, что расцѣнка поведенія гидры въ терминахъ „субъективныхъ“, „психологическихъ“, тутъ ровно непричемъ.

Отвѣчая на выдвинутый здѣсь вопросъ, Дженнингсъ говоритъ: поведеніе гидры можетъ считаться или казаться вынужденнымъ не въ большей мѣрѣ, чѣмъ, напримѣръ, поведеніе любого человѣка, который принимаетъ различныя положенія—стоячее, сидячее, лежачее и т. д. — въ зависимости отъ своего „физіологическаго состоянія“ въ каждый данный моментъ, а также въ зависимости отъ цѣлаго ряда предшествующихъ, испытанныхъ имъ раньше „физіологическихъ состояній“, которыя всѣ вмѣстѣ составляютъ то, что принято называть „индивидуальнымъ опытомъ“ животнаго.

„Гидра принимаетъ такое положеніе, которое наилучшимъ образомъ приспособлено къ требованіямъ ея жизненныхъ отправленій“. Требованія эти различны не только у различныхъ особей, но и у одной и той же гидры въ разное время. Соотвѣтственно этому не сходно и „поведеніе“ какъ у различныхъ гидръ даннаго вида, такъ и у одной и той же особи въ разное время (см. стр. 299, 300 и т. д.). Говоря иначе, дѣйствія гидры, по существу, ничѣмъ не отличаются, съ одной стороны, отъ дѣйствій тѣхъ одноклѣтныхъ организмовъ, о которыхъ говорилось въ двухъ предыдущихъ главахъ, а съ другой стороны — отъ „поведенія“ животныхъ болѣе высокаго порядка. И если полагаться только на то, что даетъ намъ непосредственное наблюденіе надъ жизнью гидръ и что можетъ быть провѣрено путемъ эксперимента, то выводъ Дженнингса долженъ быть признанъ единственно правильнымъ.

Наблюденіе и опытъ показываютъ, напримѣръ, что гидры имѣютъ вообще тенденцію скопляться у освѣщенной части того сосуда, въ

которомъ онѣ помѣщаются. Но „тенденція“ эта выражается въ различной степени у гидръ голодныхъ и сытыхъ: послѣднія не такъ охотно тянутся къ свѣту, какъ первыя. Не странно ли? Какая можетъ быть въ самомъ дѣлѣ связь между тяготѣніемъ къ свѣту и ощущеніемъ голода? Оказывается, что маленькіе рачки и прочая водяная мелкота, которою питаются гидры, обыкновенно собираются въ освѣщенныхъ частяхъ воды. Стало быть, не свѣтъ самъ по себѣ, а добыча привлекаетъ въ данномъ случаѣ гидръ; и такъ какъ она нужнѣе тѣмъ изъ нихъ, кто сильнѣе испытываетъ потребность утолить голодъ, то и понятно, почему голодныя гидры устремляются къ освѣщеннымъ частямъ своего мѣстообиталища охотнѣе, чѣмъ это дѣлаютъ гидры сытыя.

Возьмемъ другое—отношеніе гидръ къ пищѣ.

Существуетъ мнѣніе, будто гидра обязательно и безъ разбору хватаетъ все, что ни дай ей: достаточно, молъ, какому-нибудь предмету—особенно съѣдобному—придти въ соприкосновеніе съ однимъ изъ щупалецъ ея, чтобы сейчасъ же, автоматично, рефлекторно, пришелъ въ дѣйствіе весь ея ловчій и пищепріемный аппаратъ, продѣлывающій, какъ извѣстно, весьма разнообразныя и сложныя движенія въ цѣляхъ захвата и поглощенія добычи. Факты однако показываютъ совсѣмъ иное.

Во-первыхъ, не всякая гидра устремляется жадно на добычу и не всегда „реагируетъ“ на нее моментально опредѣленною „системой дѣйствій“, не смотря на свой въ общемъ хищническій и прожорливый нравъ: для этого она должна быть прежде всего голодна, и степень той страстности и стремительности, съ которою она набрасывается на пищу, въ значительной мѣрѣ, если не всецѣло, обусловливается степенью испытываемаго ею голода (точнѣе,—продолжительностью того времени, втеченіе котораго она оставалась безъ пищи).

А, во-вторыхъ, заповѣдь, занесенная на страницы чеховской „Жалобной книги“ и гласящая: „лопай, что даютъ!“—для гидры вовсе необязательна. Гидра разборчива, порою прихотлива и иногда очень энергично отшвыриваетъ все, что невзначай или „по ошибкѣ“ попадетъ ей въ ротъ. Въ этомъ отношеніи, впрочемъ, особенно характерны голые полипы, извѣстные подъ именемъ *актиній* или *морскихъ анемонъ*.

Морскія анемоны—по истинѣ красавцы среди обитателей подводнаго царства; онѣ же являются лучшимъ украшеніемъ знаменитыхъ акваріумовъ Неаполя, Берлина и Лондона. Благодаря сравнительно простой организаціи и слабо выраженной индивидуальности, эти животныя, подобно гидрамъ, даютъ богатѣйшій матеріалъ для оцѣнки поведенія низшихъ многоклѣтныхъ организмовъ; и, при желаніи подробнѣе остановиться на этой темѣ, можно было бы разсказать не мало интереснаго о формахъ движенія, характерныхъ для морскихъ наемонъ, о практикуемыхъ ими способахъ схватыванія и поглоще-

нія добычи, объ отношеніи различныхъ индивидовъ и въ разное время къ тѣмъ или инымъ раздраженіямъ, о реагированіи этихъ животныхъ на вещества вредныя, безразличныя и полезныя съ точки зрѣнія ихъ пригодности для питанія, и т. д. Одной лишь книги Дженнингса хватило бы тутъ на десятки страницъ (см. стр. 300—362). Но я ограничусь лишь двумя-тремя фактами.

Вотъ одна изъ крупнѣйшихъ морскихъ анемонъ,—живущая въ водахъ, омывающихъ вестъ-индскій архипелагъ (Stoichactis heliantus). Ея цилиндрическое тѣло, переходящее нижней своею частью въ довольно массивную „ногу", имѣетъ въ поперечникѣ отъ 10 до 15 сантиметровъ, а на верхушкѣ („головка" полипа) украшено вѣнцомъ многочисленныхъ щупальцевъ.

Предположимъ, что на головку этой анемоны, межъ щупальцевъ ея, попадаетъ случайно какой-нибудь посторонній предметъ—куча песку или камешковъ, занесенныхъ сюда водою, или же кусокъ падали, непригодной для питанія полипа. Анемона сейчасъ же пускаетъ въ дѣло цѣлый рядъ движеній съ цѣлью отбросить посторонній предметъ.

Сначала щупальцы, сидящіе на той части „головки" полипа, гдѣ находится, напримѣръ, кучка песку, втягиваются поверхность „головки" въ этомъ мѣстѣ выравнивается и песокъ отдается во власть водяныхъ струекъ, которыя могутъ такимъ образомъ смыть его. Но могутъ и не смыть, конечно. Тогда животное прибѣгаетъ къ другому пріему: то мѣсто „головки", на которомъ лежитъ песокъ, начинаетъ медленно выпячиваться бугоркомъ, благодаря чему посторонній, ненужный анемонѣ предметъ становится доступнѣе для дѣйствія водяныхъ струекъ.

Если однако и это средство окажется недостаточнымъ, тогда анемона воспользуется цѣлымъ рядомъ новыхъ пріемовъ, при помощи которыхъ она, въ концѣ концовъ, освободится отъ безполезнаго и обременительнаго для нея груза. Какіе же это пріемы? Отмѣчу два, наиболѣе остроумныхъ.

Допустимъ, что кучка песку лежитъ ближе къ правому краю „головки" анемоны. Въ такихъ случаяхъ сидящіе здѣсь щупальцы быстро прячутся, а самый край изгибается книзу, что и даетъ песку возможность скатиться въ воду. Не всегда впрочемъ, такъ какъ уклонъ можетъ оказаться не вполнѣ достаточнымъ для этого. Тогда на помощь приходитъ та часть „головки", которая лежитъ сейчасъ же за песчаной кучкой: она выпячивается на подобіе холмика, скатъ становится просторнѣе и круче и песокъ сваливается въ воду.

Иногда случается такъ, что анемона не имѣетъ возможности согнуть тотъ край „головки", возлѣ котораго лежитъ ненужный ей предметъ—ну, хотя бы потому, что край этотъ плотно примыкаетъ къ откосу скалы, на которой сидитъ животное. Однако анемона и тутъ умѣетъ выйти съ честью изъ затруднительнаго положенія:

она выпячиваетъ ту часть головки, которая находится между краемъ, примыкающимъ къ скалѣ, и песчаной кучкой; песокъ, благодаря этому, скатывается на середину головки, причемъ сейчасъ же или даже одновременно сгибается книзу другой, свободный край ея—и песокъ такимъ образомъ падаетъ въ воду...

Поведеніе другихъ видовъ морскихъ анемонъ оказывается не менѣе интереснымъ—особенно въ дѣлѣ пріема пищи и уклоненія отъ безполезныхъ и вредныхъ для нихъ раздраженій.

Чтобы схватить пищу и направить ее въ ротовое отверстіе, эти животныя обычно пользуются своими щупальцами. Ихъ же пускаютъ они нерѣдко въ дѣло и тогда, когда приходится отшвыривать въ сторону негодныя для ихъ питанія вещества.

Если приблизить къ анемонѣ кусочекъ мяса, то щупальцы ея немедленно направятся въ сторону мяса, схватятъ его и путемъ цѣлаго ряда послѣдовательно смѣняющихся движеній доставятъ пищу къ ротовому отверстію, откуда она переходитъ въ пищеварительную полость животнаго. Однако, чтобы это произошло анемона должна быть голодна. При сильномъ голодѣ она хватаетъ и мигомъ поглощаетъ не только мясо, но и комочки промокательной бумаги, пропитанной мяснымъ сокомъ. Даже больше: она можетъ въ такихъ случаяхъ съ азартомъ „накинуться" на комокъ бумаги, смоченный просто водой: но, „почуявши ошибку", она очень быстро выброситъ его обратно — что свидѣтельствуетъ, конечно, объ умѣніи оріентироваться въ достоинствѣ съѣстныхъ продуктовъ.

Возьмите однако для наблюденія или для опыта анемону, которую только что накормили досыта, какъ слѣдуетъ. Она не только не будетъ трогать комки бумаги, пропитанной сокомъ мяса, но останется совершенно равнодушной и къ самому мясу: едва коснувшись его щупальцами, она отдернетъ ихъ, сожметъ и сложитъ на серединѣ „головки", какъ бы показывая этимъ, что пища ей сейчасъ претитъ. Если же вы, не взирая на явный отказъ анемоны отъ пищи, станете настойчиво подчивать ее кусками мяса, кладя ихъ на головку или въ самый ротъ животнаго, то щупальцы—а то и все тѣло его — придутъ въ движеніе съ одной единственной, упорно преслѣдуемой цѣлью: избавиться, какъ можно скорѣе, отъ ненужнаго, „непріятнаго" балласта...

До послѣдняго времени, говоря объ анемонахъ, натуралисты ограничивались описаніемъ ихъ строенія и особенно тѣхъ очаровательныхъ формъ и красокъ, которыми ихъ надѣлила неистощимая и прихотливая въ творчествѣ своемъ природа. Теперь пришелъ чередъ удѣлить должное вниманіе и поведенію этихъ оригинальныхъ, изящныхъ обитательницъ подводныхъ скалъ и дна морского. Съ каждымъ годомъ знакомство съ ними становится все основательнѣе и серьезнѣе, открывая людямъ такія любопытныя детали въ ихъ образѣ жизни, о которыхъ раньше никому не приходило въ голову даже думать. И вотъ, прежде чѣмъ подвести

итоги этому бѣглому и по необходимости поверхностному очерку поведенія низшихъ многоклѣтныхъ животныхъ, мнѣ хочется указать на одну изъ такихъ деталей.

Существуетъ особый видъ актиній (Antholoba reticulata), которыя обычно живутъ на спинѣ различныхъ раковъ. Это даетъ имъ возможность безъ всякой затраты энергіи путешествовать съ мѣста на мѣсто, что увеличиваетъ, конечно, ихъ шансы на уловъ добычи.

Попробуйте стащить такую актинію со спины рака и посадите ее на камень. Она придетъ въ большую „ажитацію" — начнетъ усиленно тянуться щупальцами и корпусомъ во всѣ стороны, приподымая время отъ времени даже „ногу" свою. Слѣдя внимательно за напряженными движеніями ея, вы чувствуете, что актинія что-то „изслѣдуетъ", „нащупываетъ" вокругъ себя, „ищетъ". Вотъ, наконецъ, послѣ долгихъ поисковъ, она случайно натыкается на рака. Тогда она мигомъ цѣпляется прочно щупальцами или „ножкой" за клешню или за одну изъ ногъ рака, а затѣмъ медленно всползаетъ на спину его. Расположившись здѣсь поудобнѣе, она успокаивается, ибо достигла всего, къ чему такъ ревностно стремилась: вновь обрѣла свой экипажъ... Пустякъ это. Но какъ онъ характеренъ для объективной оцѣнки поведенія такихъ незамысловатыхъ по строенію организмовъ, какъ актинія: передъ вами на лицо цѣлая комбинація дѣйствій, направленныхъ къ осуществленію вполнѣ опредѣленной цѣли. И еслибы все то, что предпринимаетъ въ данномъ случаѣ актинія, продѣлывалось какимъ-нибудь высшимъ животнымъ, вы, несомнѣнно, признали бы дѣйствія его „разумными"...

Итакъ, факты, которые приведены въ настоящей главѣ, находятся въ рѣзкомъ противорѣчіи съ обычными представленіями о характерѣ и стимулахъ поведенія низшихъ многоклѣтныхъ животныхъ.

Говорятъ, будто дѣйствія этихъ животныхъ отмѣчены печатью разъ навсегда предопредѣленнаго трафарета, будто они остаются неизмѣнными, стеоретипными, если не измѣняются условія среды. Факты показываютъ обратное.

Далѣе утверждаютъ, будто всѣ низшія животныя даннаго вида ведутъ себя одинаково при одинаковыхъ условіяхъ. Однако и это идетъ въ разрѣзъ съ данными опыта и наблюденія.

Существуетъ, наконецъ, прочно установившееся мнѣніе, согласно которому каждая отдѣльная гидра или анемона способна откликаться лишь опредѣленнымъ образомъ, по разъ усвоенному ею, неизмѣнному шаблону, на опредѣленное вліяніе среды. И это невѣрно. Факты показываютъ, что поведеніе этихъ животныхъ можетъ сказываться весьма разнообразно даже при однихъ и тѣхъ же условіяхъ среды.

IV.

Передъ нами прошелъ рядъ дѣйствій, практикуемыхъ одноклѣтными и низшими многоклѣтными организмами при различныхъ условіяхъ ихъ жизни. Спрашивается, какимъ образомъ слѣдуетъ квалифицировать эти дѣйствія, оставаясь на почвѣ строго научнаго, объективнаго анализа? Для однихъ — это особаго порядка автоматическіе, механизированные акты, именуемые *тропизмами;* для другихъ — все поведеніе низшихъ организмовъ сводится къ ряду непроизвольныхъ движеній, которыя, въ конечномъ итогѣ, разсматриваются, какъ простые, голые *рефлексы...*

Оба эти отвѣта одинаково непріемлемы для Дженнингса, и мы сейчасъ увидимъ, правъ ли американскій ученый, такъ отрицательно отнесшійся къ ученію о „тропическомъ“ и „рефлекторномъ“ характерѣ поведенія низшихъ животныхъ.

Ученіе о тропизмахъ въ примѣненіи къ низшимъ организмамъ предполагаетъ, что всевозможныя движенія этихъ существъ и то направленіе, въ которомъ движутся они, есть результатъ *прямого, непосредственнаго* дѣйствія *внѣшнихъ* физическихъ и химическихъ агентовъ: *тутъ все напередъ предопредѣлено,* въ зависимости отъ характера и интенсивности внѣшняго агента; и поведеніе организма лишь *пассивно* направляется въ ту сторону, куда влечетъ его „невѣдомая сила“. Этотъ, если можно такъ выразиться, фатализмъ ярко механистическаго пошиба претитъ здоровому критическому чутью такого осторожнаго ученаго, какъ Дженнингсъ; и онъ не безъ ироніи заявляетъ, что такъ расцѣнивать дѣятельность живого существа можетъ „какой-нибудь ясновидецъ или пророкъ, а не человѣкъ науки, выводы котораго должны базироваться на данныхъ опыта и наблюденія“. А опытъ и наблюденіе показываютъ, что всякая реакція организма опредѣляется не только внѣшнимъ раздраженіемъ, но и „физіологическимъ состояніемъ“ живого существа, совокупностью тѣхъ „внутреннихъ силъ“, обладателемъ которыхъ онъ является въ каждый данный моментъ; опытъ и наблюденіе не оставляютъ, далѣе, никакого сомнѣнія въ томъ, что не только различные индивиды даннаго вида, но и одна и та же особь могутъ весьма различно реагировать на одно и то же раздраженіе; а это ужь, конечно, не имѣетъ ничего общаго съ тѣми „фаталистически-пассивными“ дѣйствіями, къ которымъ, по мысли „тропистовъ“, сводится поведеніе низшихъ животныхъ; опытъ и наблюденіе показываютъ, наконецъ, что все ученіе о тропизмахъ является, какъ говоритъ Дженнингсъ, „болѣе или менѣе искусственнымъ построеніемъ, возникшимъ изъ комбинаціи только опредѣленныхъ элементовъ поведенія при игнорированіи другихъ элементовъ, несравненно болѣе существенныхъ“; что бо́льшую часть явленій, характеризуемыхъ словомъ „тропизмъ“, слѣдуетъ разсматри-

вать, какъ „чисто лабораторный продуктъ“, созданный волею экспериментатора и стоящій зачастую въ рѣзкомъ противорѣчіи съ поведеніемъ организма при нормальныхъ, естественныхъ условіяхъ жизни [1]); и что „теорія тропизмовъ основана лишь на неполномъ знакомствѣ и недостаточномъ анализѣ фактовъ — gründet sich nur auf eine unvollkommene Kenntniss und ungenügende Analyse der Tatsachen“ (стр. 428, 429).

Конечно, нѣтъ никакой нужды умалять заслуги „тропистовъ“: они несомнѣнно обогатили науку массою разнообразныхъ и цѣнныхъ фактовъ, иллюстрирующихъ дѣятельность низшихъ организмовъ подъ вліяніемъ тѣхъ или иныхъ раздражителей; вполнѣ пріемлемы и нѣкоторыя ихъ *частичныя* обобщенія. Но, поскольку они претендуютъ дать „теорію“, „объясняющую“ все поведеніе одноклѣтныхъ, а также низшихъ многоклѣтныхъ животныхъ, постольку претензія ихъ должны считаться болѣе чѣмъ неосновательными. Ибо, какое это, въ самомъ дѣлѣ, „объясненіе“, если вамъ, положимъ, говорятъ, что такая-то инфузорія устремляется къ источнику свѣта потому, что она „положительно фототропична“? Всѣ такого рода „объясненія“ можно, съ неменьшимъ правомъ, распространить и на человѣка. И тогда, какъ это давно съострилъ ботаникъ Пфефферъ, придется сказать: человѣкъ, поворачивающійся къ освѣщенному окну, обнаруживаетъ положительный фототропизмъ въ такой же мѣрѣ, какъ и растеніе, поворачивающее свои листья къ свѣту. Врядъ-ли наука что выиграетъ отъ подобныхъ „объясненій“!..

Въ неменьшей мѣрѣ проблематично и другое широко распространенное толкованіе, согласно которому „поведеніе“ низшихъ и особенно одноклѣтныхъ животныхъ складывается изъ рефлексовъ.

Прежде всего: что такое рефлексъ?

Обычно его опредѣляютъ, какъ безсознательный, непроизвольный отвѣтъ на какое-либо внѣшнее раздраженіе.

Однако это опредѣленіе, какъ совершенно справедливо указываетъ Дженнингсъ, нельзя признать объективнымъ. Эпитеты „безсознательный“ и „непроизвольный“ почерпнуты изъ нашего внутренняго опыта; на нихъ лежитъ густой налетъ субъективныхъ переживаній человѣка; стало быть, пользоваться ими при оцѣнкѣ поведенія животныхъ, во всякомъ случаѣ, рискованно. А потомъ, какое мы имѣемъ право считать дѣйствія, напримѣръ, стентора или парамеціи, непроизвольными? Вѣдь если считать произвольными такія дѣйствія, которыя диктуются „внутренними импульсами“, совершенно независимо отъ внѣшняго раздраженія, то въ этомъ

---

[1]) Особенно это примѣнимо къ явленіямъ такъ называемаго электротропизма. Какая-нибудь парамеція такъ же конвульсивно реагируетъ на электрическій токъ, какъ реагируетъ на него и человѣкъ. А между тѣмъ никто не сочтетъ возможнымъ сказать, что такія именно конвульсивныя дѣйствія человѣка являются типичными для характеристики его „поведенія“ (См. въ книгѣ Дженнингса стр. 231—260 и 242, 423).

смыслѣ, выражаясь словами Дженнингса, „дѣятельность у простѣйшихъ животныхъ (Protosoa), сама по себѣ, въ такой же мѣрѣ произвольна, какъ и у человѣка“. Отсюда ясно, что эпитеты „безсознательный“ и „непроизвольный“ для объективной характеристики акта, именуемаго рефлексомъ, не годятся. Вотъ почему Дженнингсъ предпочитаетъ другое опредѣленіе, согласно которому рефлексомъ слѣдуетъ считать всякое движеніе, подчиняющееся правилу „gleicher Reiz — gleiche Reaction“ („одинаковое раздраженіе—одинаковая и реакція“). Но въ свѣтѣ такого критерія „поведеніе“ низшихъ организмовъ никоимъ образомъ не можетъ быть всегда уподоблено комплексу рефлексовъ. Ибо, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ и наблюденіе, и опытъ, не только парамеція и стенторъ, но даже бактеріи *не отвѣчаютъ всегда одинаково на одно и то же раздраженіе*. А если это такъ, то остается лишь подписаться подъ слѣдующими словами Дженнингса: „Поведеніе парамеціи и морского ежа рефлекторно, если рефлекторно поведеніе собаки и человѣка; нѣтъ никакого объективнаго доказательства въ пользу того, что въ обоихъ случаяхъ имѣется въ этомъ отношеніи какая-нибудь принципіальная разница“ (стр. 441).

Итакъ, сводить все поведеніе низшихъ животныхъ, какъ многоклѣтныхъ, такъ и одноклѣтныхъ, къ тропизмамъ или рефлексамъ— „близоруко и безцѣльно“; думать, что оно обусловливается лишь прямымъ и непосредственнымъ воздѣйствіемъ внѣшнихъ раздраженій, „ненаучно, догматично“.

Укрѣпившись на этихъ позиціяхъ, мы можемъ ясно представить себѣ, что такое низшій организмъ и чѣмъ опредѣляется его поведеніе.

Организмъ и активность—понятія нераздѣльныя.

Всякое живое существо, а въ томъ числѣ, конечно, и простѣйшее одноклѣтное животное, мы должны разсматривать, какъ динамическую систему, надѣленную опредѣленнымъ запасомъ энергіи, которая и выявляется наружу въ формѣ тѣхъ или иныхъ движеній, составляющихъ вмѣстѣ „поведеніе“ животнаго. Для пробужденія такихъ движеній нѣтъ никакой надобности во внѣшнихъ раздраженіяхъ: они самопроизвольны—не въ томъ смыслѣ, что безпричинны, а въ томъ, что повелительно диктуются „внутренними“ импульсами, напряженіемъ ищущей выхода энергіи, накопившейся въ процессѣ жизнедѣятельности самого организма. Всякое живое существо, говоритъ Дженнингсъ, движется въ опредѣленномъ направленіи по внутреннему побужденію и потому еще, что нѣтъ ничего, препятствующаго ему двигаться въ этомъ именно направленіи. Разъ путь, избранный организмомъ, мѣняется, то есть уже всѣ основанія думать, что измѣненіе это произошло подъ вліяніемъ внѣшняго раздраженія. Но такія думы вовсе необязательны, ибо „дѣятельность организма можетъ измѣняться и безъ внѣшнихъ причинъ“, исключительно благодаря „измѣненіямъ физіологиче-

скихъ состояній организма“. И въ самомъ дѣлѣ. Развѣ наблюденія надъ парамеціей и опыты со стенторомъ не показываютъ нагляднѣйшимъ образомъ, что поведеніе этихъ животныхъ можетъ варіировать совершенно независимо отъ того, измѣняются или не измѣняются внѣшнія условія? Ну, а если это такъ, то, стало быть, модификація поведенія опредѣляется не внѣшними, а внутренними импульсами, которыя, въ свою очередь, диктуются „физіологическимъ состояніемъ“ организма. Отсюда прямо вытекаетъ и другой не менѣе важный выводъ; а именно: все, что такъ или иначе вліяетъ на физіологическое состояніе организма, должно отражаться и на поведеніи этого послѣдняго.

„Физіологическое состояніе“ вещь весьма сложная и, благодаря этой именно сложности, оно подвержено большимъ колебаніямъ въ зависимости отъ цѣлаго ряда условій. Оно прежде всего несетъ въ себѣ самомъ источникъ собственныхъ измѣненій: тѣ внутренніе процессы и особенно явленія прогрессивнаго и регрессивнаго метаморфоза веществъ, которыя лежатъ въ основѣ всякой жизни, ведутъ за собою непрерывный рядъ измѣненій физіологическаго состоянія. Затѣмъ, такія измѣненія могутъ быть легко вызваны дѣятельностью самого организма: дѣйствуя болѣе или менѣе энергично въ томъ или иномъ направленіи, животное кладетъ извѣстный отпечатокъ на свое „физіологическое состояніе“, а стало быть, и на дальнѣйшую дѣятельность свою, которая опять-таки отражается на равновѣсіи его „внутреннихъ силъ“ и т. д. Наконецъ, нѣтъ никакого сомнѣнія, что и внѣшнія вліянія — опредѣленнаго характера и опредѣленной интенсивности — могутъ отразиться на „физіологическомъ состояніи организма“. И вотъ тутъ - то и сказывается особенно ярко та роль, которую „внѣшнія раздраженія“ играютъ въ опредѣленіи поведенія животныхъ: они дѣйствуютъ на „поведеніе“ не прямо, а косвенно; они измѣняютъ „физіологическое состояніе“ организма и уже въ результатѣ нѣсколько модифицированнаго физіологическаго состоянія получается перемѣна и въ самомъ поведеніи; они пробуждаютъ къ жизни накопленные организмомъ запасы внутренней энергіи, которая и выявляется наружу въ формѣ какихъ-либо движеній или дѣйствій (стр. 444—452).

Здѣсь мы подходимъ къ вопросу, который необходимо нѣсколько освѣтить въ цѣляхъ правильнаго представленія о поведеніи низшихъ животныхъ.

Говоря, что поведеніе это обусловливается не внѣшними, а внутренними импульсами, Дженнингсъ вовсе не хочетъ отрывать животное отъ окружающей его среды и разсматривать его, какъ абсолютно независимое, самодовлѣющее существо. Ничего подобнаго. Наоборотъ, онъ самъ, какъ бы предупреждая возможность непониманія или искаженія исповѣдуемыхъ имъ идей, между прочимъ пишетъ: „Самопроизвольная дѣятельность животнаго зави-

ситъ, несомнѣнно, въ конечномъ счетѣ, отъ внѣшнихъ условій, поскольку вообще жизнь и существованіе организма обусловлены внѣшними условіями" (стр. 444). Это—трюизмъ. И Дженнингсъ могъ бы смѣло не повторять его. Но въ сложномъ переплетѣ отношеній между организмомъ и средой есть два-три момента, въ высокой степени важныхъ для характеристики поведенія животныхъ. На нихъ-то мнѣ и хочется указать.

Можно принять за общее правило, что измѣненіе въ средѣ ведетъ за собою измѣненіе въ поведеніи. Однако далеко не всегда и не всякое измѣненіе, даже достаточно ясно выраженное, отражается на поведеніи животнаго. Если держаться въ рамкахъ тѣхъ фактовъ, которые установлены путемъ наблюденія и опыта, то придется вслѣдъ за Дженнингсомъ сказать: обычно организмъ реагируетъ, въ смыслѣ модификаціи своего поведенія, на такія измѣненія среды, которыя понижаютъ optimum необходимыхъ для его нормальной жизнедѣятельности условій; но нерѣдко бываетъ и такъ, что измѣненіе обстановки *къ лучшему* также вліяетъ на образъ дѣйствій животнаго. А еще любопытнѣе тѣ случаи, когда измѣненія среды сами по себѣ не полезны и не вредны для организма, но онъ, тѣмъ не менѣе, откликается на нихъ перемѣной своего поведенія. Такъ парамеція устремляется въ ту сторону, гдѣ много углекислоты, не смотря на то, что газъ этотъ, самъ по себѣ, для нея безразличенъ. Но мы уже знаемъ, почему она поступаетъ такъ: обиліе угольной кислоты въ водѣ указываетъ на присутствіе по близости бактерій, выдѣляющихъ этотъ газъ, а бактеріями парамеція питается; вотъ къ нимъ-то, а не къ угольной кислотѣ, и „тянетъ" парамецію.

Этотъ примѣръ наглядно объясняетъ, почему иногда раздраженія, сами по себѣ безразличныя, все же либо привлекаютъ, либо отталкиваютъ животное: привлекаютъ тогда, когда служатъ *показателемъ* благопріятныхъ условій, и отталкиваютъ въ тѣхъ случаяхъ, когда являются *показателемъ* условій вредныхъ. Эти, какъ называютъ ихъ нѣмецкіе ученые, repräsentative Reize (показательныя или условныя раздраженія) имѣютъ громадное біологическое значеніе въ жизни животныхъ, и потому роль ихъ въ ряду внѣшнихъ раздраженій, вліяющихъ на поведеніе живыхъ существъ, не маловажна...

Подводя итоги всему сказанному на предыдущихъ страницахъ, мы можемъ дать *вполнѣ объективную* характеристику „поведенія" низшихъ животныхъ.

Оно, это поведеніе, слагается изъ ряда дѣйствій или движеній обусловленныхъ „физіологическими" состояніями организма, которыя, въ свою очередь, находятся очень часто въ опредѣленной зависимости отъ внѣшнихъ раздраженій. Всѣ эти движенія сводятся, въ концѣ-концовъ, къ тремъ слѣдующимъ группамъ: 1) при помощи ихъ *животное „изслѣдуетъ" окружающую обстановку*

(Probieren, Versuch), 2) *уклоняется отъ вредныхъ вліяній ея* (Fluchtreaction) *и* 3) *„выбираетъ" условія наиболѣе благопріятныя для нормальной жизнедѣятельности* (Auswahl). Этими тремя словами—Probieren, Fluchtreaction и Auswahl—и исчерпывается, какъ полагаетъ Дженнингсъ, все содержаніе „поведенія" низшихъ животныхъ. Ясно однако и другое: „поведеніе" низшихъ животныхъ или, иначе, совокупность осуществляемыхъ ими движеній должно разсматриваться какъ средство для достиженія извѣстной цѣли: а цѣлью этой является индивидуальное и видовое самосохраненіе животнаго. Слѣдовательно, поведеніе его „регулятивно, а не случайно".

Такъ и только такъ приходится характеризовать „поведеніе" низшихъ животныхъ, оставаясь на почвѣ непосредственныхъ научныхъ данныхъ и отказываясь, во имя безпристрастія и подлиннаго объективизма, отъ сужденій, органически связанныхъ съ тѣмъ или инымъ „преъвзятымъ мнѣніемъ".

Спрашивается однако, существуетъ ли какая-нибудь *принципіальная разница* между поведеніемъ низшихъ животныхъ и поведеніемъ животныхъ высшихъ съ человѣкомъ во главѣ?

Дженнингсъ удѣляетъ этому вопросу исключительное вниманіе и, пользуясь методомъ чистаго, непосредственнаго сравненія, приходитъ къ ряду выводовъ, изъ которыхъ я и выбираю здѣсь нѣсколько, наиболѣе характерныхъ и важныхъ.

„У Protozoa (одноклѣтныя) равно какъ и у Metazoa (многоклѣтныя), строеніе организма—говоритъ Дженнингсъ—играетъ большую роль при опредѣленіи ихъ modus'a дѣйствій...

„Мнѣніе, будто произвольныя жизненныя явленія имѣютъ мѣсто только у высшихъ животныхъ, совершенно ошибочно. Дѣятельность у Protozoa протекаетъ такъ же самопроизвольно (spontan vor sich), какъ и у человѣка... У одноклѣтныхъ животныхъ совершенно такъ же, какъ и у многоклѣтныхъ, при возростающей интенсивности раздраженія реакція (поведеніе) можетъ измѣниться или пойти въ обратномъ направленіи даже тогда, когда раздраженіе остается качественно неизмѣннымъ...

„Одноклѣтные организмы реагируютъ на всѣ виды раздраженія, на которые откликаются и высшіе организмы (если разсматривать звуковое раздраженіе, какъ спеціальную форму раздраженія механическаго).

Какъ у одноклѣтныхъ такъ и у многоклѣтныхъ животныхъ мы находимъ два главнѣйшихъ общихъ вида реакцій, которыя можно опредѣлить словами—„позитивныя" и „негативныя". Позитивныя реакціи направлены къ тому, чтобъ удержать организмъ въ контактѣ съ раздраженіемъ, а негативныя—чтобъ освободить его отъ раздраженія...

„Поведеніе животныхъ и одноклѣтныхъ, и многоклѣтныхъ сводится, главнымъ образомъ, къ выбору опредѣленныхъ условій при

посредствѣ различныхъ движеній, вызванныхъ вліяніемъ раздраженія... Все царство животныхъ повинуется завѣту апостола Павла: „пробуй все и держись хорошаго“.

„Поведеніе Protozoa протекаетъ, повидимому, не болѣе и не менѣе машинообразно, чѣмъ поведеніе Metazoa: оно въ обоихъ случаяхъ подчиняется одинаковымъ законамъ“ (стр. 407—311 и 389).

V.

Итакъ:

Въ свѣтѣ тѣхъ объективныхъ критеріевъ, которыя даются путемъ непосредственнаго сличенія дѣйствій животныхъ, стоящихъ на различныхъ ступеняхъ біологической лѣстницы, нѣтъ никакой *принципіальной разницы* между поведеніемъ животныхъ одноклѣтныхъ и многоклѣтныхъ, низшихъ и высшихъ: разница лишь въ степеняхъ, а не по существу.

Перенесемъ теперь это обобщеніе въ другую плоскость. Попробуемъ расцѣнить отдѣльные акты низшихъ животныхъ съ точки зрѣнія тѣхъ „субъективныхъ“ переживаній, которыми мы обычно характеризуемъ собственное поведеніе и поведеніе животныхъ, надѣляемыхъ нами „сознаніемъ“, попробуемъ квалифицировать дѣйствія амебы, инфузоріи и гидры въ терминахъ *психологическихъ*.

Я прекрасно знаю, что это—задача опасная, чреватая весьма рискованными съ научной точки зрѣнія выводами; я не берусь настаивать, что у амебы и инфузоріи есть „душа“—въ общепринятомъ смыслѣ этого слова; я не отваживаюсь утверждать, что одноклѣтные организмы не только воспринимаютъ впечатлѣнія, но и осознаютъ ихъ, и не только „ощущаютъ“, но и „мыслятъ“; я хочу лишь подчеркнуть, *что совершенно нелогично и ненаучно поступаетъ тотъ, кто берется доказать обратное.* И только.

И думается мнѣ, что самъ Дженнингсъ великолѣпно аргументируетъ въ пользу такого именно вывода. Онъ говоритъ: обратимся къ столь цѣнному въ наукѣ методу сравненія—къ нему, а не къ аналогіямъ, построеннымъ на „предвзятомъ мнѣніи“; посмотримъ, какими внѣшними чертами характеризуемъ мы у себя такія „психическія явленія“, какъ „воспріятіе“, ощущеніе „боли“ и „удовольствія“, „вниманіе“, „память“ и т. д.

Обратимся. Посмотримъ. И что же находимъ?

Прежде всего несомнѣнно, что размахъ, амплитуда воспріятій у низшихъ животныхъ ничѣмъ не отличается отъ таковой у животныхъ высшихъ: амёба и гидра, какъ мы это только что видѣли, „воспринимаютъ“ всѣ тѣ виды раздраженія, которыя „воспринимаетъ“ и человѣкъ.

Дальше. Высшія, „разумныя“ животныя и человѣкъ обладаютъ способностью отмѣчать различныя колебанія въ окружающей ихъ обстановкѣ. Объективно эта способность сказывается, какъ различ-

ная реакція на различныя раздраженія—что, какъ мы опять-таки уже знаемъ, наблюдается даже у одноклѣтныхъ животныхъ. Способность различать тѣсно соприкасается со способностью выбирать, которая—вы хорошо это знаете—имѣетъ мѣсто не только у одноклѣтныхъ животныхъ, но и у неорганическихъ тѣлъ (химическое сродство). Но лишь въ живой природѣ способность выбирать носитъ *регулятивный* характеръ: „организмы обычно выбираютъ то, что способствуетъ ихъ нормальной жизнедѣятельности, и уклоняются отъ того, что ей не соотвѣтствуетъ", говоритъ Дженнингсъ и затѣмъ продолжаетъ: „Съ этой точки зрѣнія способность выбора не можетъ быть признана совершенной ни у низшихъ, ни у высшихъ организмовъ. Парамеція иногда принимаетъ предметы, которые для нея безполезны или вредны, но въ общемъ, пожалуй, рѣже, чѣмъ это дѣлаетъ человѣкъ" (стр. 521, 522).

Съ понятіемъ выбора неразрывно связано другое понятіе по существу своему чисто психологическаго порядка: „вниманіе", способность, которая играетъ такую огромную роль въ поведеніи высшихъ животныхъ и человѣка. Но будемъ разсуждать объективно и тогда мы увидимъ, чтó собственно лежитъ въ основѣ того феномена, который мы обозначаемъ словомъ „вниманіе": это есть способность организма реагировать лишь на одно изъ цѣлаго ряда одновременно вліяющихъ раздраженій и притомъ такихъ раздраженій, на которыя тотъ же организмъ обязательно откликнулся бы, дѣйствуй они изолированно, отдѣльно. Ну, а если это вѣрно, то врядъ-ли кто станетъ отрицать, что инфузорія-парамеція, о которой подробно говорилось во второй главѣ, надѣлена даромъ „вниманія"; ея поведеніе въ тотъ моментъ, когда она была занята поглощеніемъ пищи, свидѣтельствуетъ объ этомъ самымъ неопровержимымъ образомъ.

Затѣмъ. Возьмемъ такія явленія, какъ „боль" и „удовольствіе". Высшія животныя и человѣкъ систематически уклоняются отъ цѣлаго ряда раздраженій и, наоборотъ, очень охотно идутъ на встрѣчу другимъ раздраженіямъ. Переводя эти дѣйствія человѣка и высшихъ животныхъ на „субъективный", „психологическій" языкъ, мы говоримъ, что они уклоняются отъ раздраженій „непріятныхъ", доставляющихъ „боль" и, наоборотъ, идутъ на встрѣчу раздраженіямъ „пріятнымъ", приносящимъ „удовольствіе". „У низшихъ животныхъ, пишетъ Дженнингсъ, объективные факты вполнѣ соотвѣтствуютъ этому и приводятъ естественно къ признанію у нихъ такого физіологическаго состоянія, которое наблюдается у высшихъ формъ" (стр. 525).

Въ ряду непріятныхъ „ощущеній" у высшихъ животныхъ и человѣка не послѣднее мѣсто занимаетъ „страхъ". Руководимые чувствомъ страха, человѣкъ и высшія животныя предпринимаютъ рядъ дѣйствій, направленныхъ къ тому, чтобы уклониться отъ

источника такого раздраженія, которое само по себѣ еще безвредно, но обыкновенно ведетъ за собою подлинный вредъ. Формулируя эти дѣйствія въ объективныхъ терминахъ физіологіи, мы должны будемъ сказать примѣрно слѣдующее: при страхѣ имѣетъ мѣсто *отрицательная* реакція на „показательное", условное раздраженіе (repräsentative Reiz), которое, будучи само по себѣ безвреднымъ, предвѣщаетъ животному нѣчто вредное, „непріятное". Являются ли такого рода реакціи исключительнымъ достояніемъ человѣка и высшихъ животныхъ? Нѣтъ, конечно. Вы помните вѣдь, что и одноклѣтныя животныя—ну, хотя бы парамеція—отвѣчаютъ опредѣленнымъ образомъ, положительно или отрицательно, на „репрезентативныя раздраженія", на раздраженія, которыя сами по себѣ не вредны и не полезны, но предвѣщаютъ возможность другихъ раздраженій, уже на самомъ дѣлѣ вредныхъ или полезныхъ, „непріятныхъ" или „пріятныхъ".

У человѣка „репрезентативныя раздраженія" сопровождаются, помимо страха, цѣлымъ рядомъ другихъ субъективныхъ психическихъ переживаній—напримѣръ, предчувствіемъ, предусмотрительностью, надеждой и т. п. И если, судя по аналогіи—ибо непосредственно мы можемъ констатировать всѣ эти переживанія *только у себя*—если, судя по аналогіи, говорю я, мы приписываемъ такія „субъективныя" переживанія *другимъ людямъ и животнымъ* лишь потому, что констатируемъ у нихъ соотвѣтственныя *дѣйствія*, то я не вижу рѣшительно никакихъ *логическихъ* основаній отрицать существованіе такихъ же „психическихъ" переживаній у низшихъ и въ частности у одноклѣтныхъ животныхъ. Одно изъ двухъ: или нужно вовсе и разъ на всегда отказаться отъ какихъ бы то ни было точныхъ сужденій о „психикѣ" животныхъ, или же необходимо раздвинуть широко рамки этого понятія и распространить его на всѣ тѣ случаи, гдѣ объективныя данныя свидѣтельствуютъ о наличности дѣйствій, допускающихъ оцѣнку въ терминахъ психологіи. Повторяю еще разъ во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній и лжетолкованій: нужна большая смѣлость, чтобы, при современномъ положеніи зоопсихологіи, говорить увѣренно, категорично о „страхѣ" амебы, „предчувствіяхъ" парамеціи или „предусмотрительности" актиніи; но смѣлостью въ квадратѣ долженъ отличаться тотъ, кто берется рѣшительно доказывать обратное.

Продолжимъ однако наши параллели.

Статья моя представляетъ крайне схематизированный сколокъ съ ярко написанной, богатой содержаніемъ книги Дженнингса. И я умышленно держусь въ рамкахъ того матеріала и той аргументаціи, которыми пользуется самъ Дженнингсъ: благодаря этому общій духъ книги его сохраняется полнѣе. А это для меня важнѣе всего. Итакъ, пойдемъ дальше.

Есть у человѣка еще два характерныхъ для него психическихъ феномена, которые мы опредѣляемъ словами *память* и *привычка*.

Объективная подоплека этихъ явленій сводится въ сущности къ слѣдующему: поведеніе организма измѣняется въ зависимости отъ ранѣе воспринятыхъ раздраженій или же ранѣе осуществленныхъ дѣйствій—причемъ измѣняется такъ, что сейчасъ оно отвѣчаетъ внѣшнимъ условіямъ лучше, чѣмъ отвѣчало раньше. Опытами Дженнингса установлено, что явленіе это наблюдается не только у низшихъ многоклѣтныхъ, но и у одноклѣтныхъ животныхъ, какъ это мы видѣли, напримѣръ, у стентора.

Говоря о памяти, обычно отличаютъ „просто память" отъ „памяти ассоціативной", причемъ эту послѣднюю считаютъ несомнѣннымъ показателемъ „разума" у животныхъ. Гдѣ нѣтъ ассоціативной памяти, тамъ нѣтъ и разума—этотъ афоризмъ былъ пущенъ въ оборотъ знаменитымъ Лебомъ, однимъ изъ самыхъ видныхъ и послѣдовательныхъ представителей „объективной" зоопсихологіи.

Замѣчу прежде всего, что явленія ассоціативной памяти, въ ихъ объективной интерпретаціи, примыкаютъ непосредственно къ тѣмъ дѣйствіямъ, которыя обусловливаются такъ называемыми „репрезентативными" раздраженіями. Раздраженія эти, какъ вамъ извѣстно, наблюдаются и у одноклѣтныхъ животныхъ. А потомъ не мѣшаетъ помнить, что показателемъ „разума" служитъ и нѣчто другое, а именно: способность оріентироваться во внѣшнихъ условіяхъ, умѣніе регулировать свои дѣйствія, быстро и цѣлесообразно приспособляться къ измѣнчивымъ вліяніямъ среды. Если все это дѣйствительно должно идти въ счетъ при квалификаціи поведенія, то остается признать глубокую справедливость Дженнингса, когда онъ говоритъ: „Трудно, если не невозможно, провести границу между регулятивными дѣйствіями низшихъ организмовъ и такъ называемымъ разумнымъ поведеніемъ (intelligenten Verhalten) организмовъ высшихъ" (стр. 530)...

Мнѣ остается прибавить къ сказанному лишь немного.

Въ началѣ статьи мы поставили два вопроса:

1) Что даетъ *объективное* сравненіе дѣйствій высшихъ организмовъ съ таковыми у организмовъ низшихъ вообще и одноклѣтныхъ въ частности? Можно ли здѣсь усмотрѣть какую-нибудь *принципіальную* разницу?

2) Къ чему приводитъ *субъективная* оцѣнка поведенія низшихъ животныхъ—оцѣнка въ терминахъ психологическихъ? Есть ли у насъ достаточныя научныя основанія отрицать наличность „ощущенія" и „сознанія" у этихъ организмовъ?

На первый изъ этихъ вопросовъ мы вынуждены,—во имя научной объективности вынуждены,—сказать: нѣтъ, принципіальной разницы тутъ не имѣется. А на второй пусть отвѣчаетъ самъ Дженнингсъ. Онъ говоритъ:

„Очевидно, что нельзя дать какое-либо объективное доказательство въ пользу существованія или несуществованія сознанія,

ибо сознаніе есть именно нѣчто такое, что не можетъ быть воспринято объективно. Нельзя путемъ опыта и наблюденія ни доказать, ни опровергнуть идею о существованіи сознанія у животныхъ. Нѣтъ въ поведеніи организмовъ ни одного явленія, которое нельзя бы было понять такъ же хорошо при предположеніи, что оно сопровождается явленіями сознанія, какъ и безъ такого предположенія" (стр. 532).

Отвѣтъ, какъ видите, чрезвычайно осторожный, даже слишкомъ осторожный, ибо, если стать на ту теоретико-познавательную точку зрѣнія, которую избралъ Дженнингсъ, то вѣдь придется отказаться отъ возможности не только зоопсихологіи, но и психологіи *человѣка*.

Однако въ тысячу разъ лучше такая щепетильная, утонченная осторожность, чѣмъ сужденіе „напроломъ" — сужденіе, насквозь пронизанное деспотическими велѣніями „предвзятаго мнѣнія", прикрытаго пышною тогой „объективизма"...

В. В. Лункевичъ.

Комета Галлея.

Семидневный романъ.

И взоромъ трепетнымъ и смутнымъ,
Привставъ, окинемъ небосклонъ,—
И отягченною главою,
Однимъ лучемъ ослѣплены,
Вновь упадаемъ, не къ покою,
Но въ утомительные сны.
(*Тютчевъ.*)

I.

Прямо отъ рѣшетчатой калитки шла вверхъ, плавно загибаясь направо, пологая, свѣтло сѣрая, бетонная лѣстница. По обѣ ея стороны тянулись темно зеленымъ бордюромъ старые, по поясъ, буксы и параллельно имъ сплошныя стѣны темныхъ кипарисовъ.

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ ступени развернутымъ вѣеромъ уходили вправо и тамъ исчезали,—высились два старыхъ кипариса, видные отъ земли до острой верхушки, а межъ нихъ сіяла лазоревая щель южнаго неба. Эта простая торжественная лѣстница какъ будто никуда не вела или вела на небо, и у всякаго, кто вступалъ на нее, рождалось чувство высокаго и безпредметнаго устремленія.

Въ исходѣ апрѣля 1910 года, въ вечерній часъ, къ ней подкатила, мягко звеня бубенцами, ямщицкая тройка въ крымской рессорной плетенкѣ, и изъ нея вышелъ немолодой, бородатый, темнорусый человѣкъ съ худымъ и широкимъ лицомъ, въ очкахъ, круглой шляпѣ и въ старомодномъ лѣтнемъ пальто, обтянутомъ на лопаткахъ. Выйдя изъ экипажа, онъ тотчасъ кинулъ взглядъ на лѣстницу. Въ это самое время по ней медленно поднималась высокая женская фигура въ сѣромъ платьѣ, того же цвѣта, что и лѣстница, съ открытыми свѣтлыми волосами, тонкая въ таліи и широкая въ плечахъ—почти мужскихъ, угловатыхъ и суховатыхъ.

— Баринъ, прикажете дворника посвистѣть?—спросилъ татаринъ-ямщикъ.

Женщина обернулась и взглянула на пріѣхавшаго: не спѣша, но и непродолжительно. Потомъ опять медленно стала подниматься. Она шла, уже не оборачиваясь, а пріѣзжій господинъ глядѣлъ ей вслѣдъ и имъ овладѣло легкое, но странное чувство: она удалялась отъ *него*, уходила, исчезала по этой странной, никуда не ведущей лѣстницѣ... Вошла въ свѣтлый лазоревый прорѣзъ межъ двухъ кипарисовъ, выступивъ крупно-отчеканенной фигурой, потомъ сразу исчезла за поворотомъ...

Еще малую долю секунды оставалось это странное очарованіе, потомъ пріѣхавшій сдѣлалъ движеніе бровями, точно смахивая назойливую мысль, и торопливо отвѣтилъ ямщику:

— Да-да, виноватъ... Посвисти, пожалуйста.

Татаринъ, приложивъ къ губамъ пальцы, пронзительно свистнулъ и черезъ минуту сверху проворно сбѣжалъ круглолицый и бѣлобрысый дворникъ Власъ и по-солдатски гаркнулъ:

— Здравія желаю, Сергѣй Иванычъ, съ благополучнымъ пріѣздомъ вашу милость поздравляемъ!

— Благодарствуй. Какъ поживаешь, Власъ?

— Покорно благодаримъ, Сергѣй Иванычъ. Живемъ, какъ жили, младости не гонимъ, старости не кличемъ, грѣхъ жаловаться.

— Ну, вотъ возьми, пожалуйста, чемоданъ, а это я самъ заберу,—указалъ онъ на деревянный футляръ.

Онъ расплатился съ ямщикомъ и вошелъ въ калитку, которую распахнулъ передъ нимъ Власъ и которая запѣла привычную тягучую мелодію. Онъ сразу почувствовалъ себя жильцомъ на этой дачѣ, съ этой калиткой, уже шестой разъ за девять лѣтъ встрѣчавшей его все той же пѣснею.

На поворотѣ лѣстницы, на площадкѣ, стояла та же высокая женщина. Держа ломоть хлѣба въ одной и стаканъ молока въ другой рукѣ, онъ глядѣла на приближающихся прямымъ, спокойнымъ, твердымъ и внимательнымъ взглядомъ большихъ сѣрыхъ глазъ, свѣтившихся изъ-подъ громаднаго, бѣлаго и чистаго лба.

Каждое оригинальное лицо оригинально какимъ-нибудь рѣзкимъ несоотвѣтствіемъ. Такимъ было и лицо дѣвушки: его наивная гимназическая полнота, даже пухлость не соотвѣтствовала твердости и спокойной проницательности взгляда и опредѣленной красотѣ мраморнаго лба. Взглядъ ея былъ таковъ, точно предъ ней было то самое, очень интересное, что ей нужно и чего она ждала. Пріѣхавшій невольно взглянулъ на стаканъ и хлѣбъ въ ея рукахъ, и она это замѣтила, но не отвернулась и чуть-чуть улыбнулась; онъ уловилъ и понялъ ея улыбку, сконфузился и ускорилъ шаги

— Вотъ и новый жилецъ пріѣхалъ, Елена Севастьяновна,—услыхалъ онъ сзади себя глубокій, полновѣсный и низкій женскій голосъ. Онъ догадался, что это голосъ высокой дѣвушки.

— Барышня больная изъ Москвы, третій мѣсяцъ у насъ живетъ,—сказалъ Власъ, когда они добрались до верхняго близъ бесѣдки флигелька въ одну комнату, въ которомъ всегда останавливался пріѣзжій.—Трутовская по фамиліи—добавилъ онъ.—Пойду, Сашу покличу, пущай воды принесетъ. Прощайте, Сергѣй Иванычъ.

„Больная барышня“—подумалъ Сергѣй Иванычъ словами дворника. И вдругъ точно выпалъ у него изъ души интересъ къ новому человѣку, съ которымъ предстоитъ встрѣчаться и жить цѣлую недѣлю.

Сергѣй Иванычъ Стукачевъ, химикъ-лаборантъ столичнаго университета по профессіи и астрономъ по влеченію, съ привычной аккуратностью принялся за свои „очередныя дѣла“: распаковалъ багажъ, вынулъ и разложилъ по мѣстамъ книги, бѣлье, письменныя принадлежности; почистился съ дороги. Оглядѣлъ небо и занесъ въ книжку облачность. Изъ-за горъ наползали тучи, и оставалось мало надежды, что видна будетъ комета. Легкая досада отразилась на его лицѣ, выразительномъ и подвижномъ, но вмѣстѣ сосредоточенномъ лицѣ человѣка, привыкшаго много переживать въ одиночку.

Явилась горничная Саша съ кувшиномъ воды, поздравила съ пріѣздомъ, убрала багажныя веревки.

— Вамъ кушать наверхъ принести, или прикажете для васъ къ табельдоту накрыть?—спросила она.

— Нѣтъ, ужь потрудитесь сюда принести.

— Съ удовольствіемъ.

Немного погодя, она принесла на подносѣ пару котлетъ, кусокъ пуддинга, чай въ чайникѣ и посуду.

— Благодарствуйте, Саша,—сказалъ Стукачевъ,—я еще хочу васъ попросить. Скажите Тарасу—онъ живъ еще?

— Какъ же. Стукотитъ.

— Ну, такъ скажите, чтобы онъ въ два часа меня разбудилъ.

— Кометой интересуетесь? — улыбнулась она, бросивъ отчужденно-любопытный взглядъ на приборы, которые Стукачевъ, вынувъ изъ футляровъ, разставилъ на столѣ.

— Да, хочу поглядѣть.

— Барышня у насъ живетъ. Изъ Москвы. Тоже кометой заинтересована.

— Это хорошо, — отвѣтилъ онъ машинально и вышелъ на площадку передъ своей комнатой. Саша, шурша гравіемъ, стремительно сбѣжала внизъ; и, тоже шурша гравіемъ,

но очень медленно, снизу поднимались чьи-то шаги. Потомъ изъ-за обрѣза горы показалась свѣтловолосая голова и высокая фигура Трутовской. Она сказала, обернувшись назадъ, обращаясь къ кому-то, оставшемуся внизу:

— Ничего, къ чаю поспѣю, я ненадолго.

И такъ же медленно прошла къ верхнему саду мимо Стукачева, взглянувъ на него своими твердыми, спокойными и внимательными глазами.

Стукачевъ вернулся къ себѣ, опустился на стулъ, снялъ очки, помялъ рукою свое широкое, ординарное лицо съ крупными кой-какъ слаженными чертами—только чтобъ было неглупое человѣческое лицо—и задумался, опустивъ голову.

— Да, полнозвучная какая-то,—произнесъ онъ мысленно и улыбнулся. Затѣмъ подсѣлъ къ столу, быстро и машинально проглотилъ незатѣйливый ужинъ и налилъ въ стаканъ чаю. Съ верхней дорожки донеслось опять шуршаніе гравія и онъ неожиданно для себя сдѣлалъ движеніе, чтобы подняться. Но остался на мѣстѣ и только дрогнулъ бровями.

Шаги приблизились, потомъ стали удаляться, а Стукачевъ, отхлебывая съ ложечки крѣпкій чай, отдался мысли, которая занимала его съ самаго утра: о томъ, что въ астрономіи тѣсно сливаются наука съ искусствомъ; онъ уже давно думалъ объ этомъ, но сегодня это томило его съ особенной настойчивостью. По опыту онъ уже предчувствовалъ, что за томленіемъ послѣдуетъ радость,—клочки и обрывки мыслей выльются въ энергическую кованную формулу.

— Крайняя степень точности и безкрайность воображенія,— произнесъ онъ вслухъ и его преображенное лицо стало прекраснымъ... Онъ взволнованно прошелся нѣсколько разъ взадъ и впередъ по комнатѣ.

Еще съ полчаса онъ почиталъ. Потомъ легъ въ постель, погасилъ свѣчу и сразу погрузился въ зыбкій сонъ ожиданія. И, какъ всегда въ такихъ случаяхъ, ему показалось, что тотчасъ же его и разбудили:

— Вставайте, баринъ, планиду глядѣть!—глухо гудѣлъ знакомый простуженный басъ сторожа Тараса, сопровождаемый стукомъ въ двери.

Стукачевъ въ пять минутъ одѣлся и высунулся наружу; о наблюденіяхъ не могло быть рѣчи: сверху покрапывалъ теплый весенній дождь, а на небѣ не видать было ни единой звѣздочки.

— Съ пріѣздомъ вашу милость,—раздался внезапно голосъ невидимаго въ густыхъ потемкахъ Тараса.

— Благодарю. Караулишь?

— Такъ точно...

Тарасъ помолчалъ, но не уходилъ, а затѣмъ сказалъ:

— Баринъ, какъ вы посовѣтуете?..

— А что такое?

— Извольте видѣть: телеграмму принесли барышнѣ Трутовской. Сейчасъ отдать, ай до утра оставить?

— Какъ знаешь.

— Инъ до утра оставлю, чай не капетъ... Вотъ вы, господа, завсегда такъ, все норовите ночью: телеграмма ночью, планида—опять ночью. Ужели вамъ дня мало?

— Да вѣдь днемъ-то ея не увидишь.

— Чего и видѣть-то? Что съ хвостомъ, Господи прости, только и всего! Эка невидаль! Я ихъ, можетъ, сколько перевидалъ, а толку никакого. Хуже вотъ развѣ стало. Урожаи что ни годъ меньше, а прочее—какъ было, такъ и есть: и море тебѣ та же, и суша та же, и солнца та же... Вотъ и барышня Трутовская: спать бы,—ночное время. Нѣтъ, буди васъ... И какая надобность, мать честная... Видно, вы умнѣй насъ, дураковъ...

Онъ тяжело заскребъ сапогами по гравію и долго, удаляясь, хрустѣли его шаги, примѣшиваясь къ тихому шелесту ночного дождя.

Стукачевъ захлопнулъ дверь и легъ въ постель. Какія-то впечатлѣнія просились въ воображеніе, но Стукачевъ началъ думать о рожденной имъ наканунѣ формулѣ астрономіи и сладко потонулъ въ представленіи безпредѣльности.

II.

Утромъ, передъ тѣмъ, какъ должны были принести ему кофе, Стукачевъ отправился повидаться съ владѣлицей дачи, вдовой-итальянкой Еленой Севастьяновной. Оказалось, что она вчера же уѣхала въ коляскѣ, которая привезла Стукачева, въ ближній поселокъ, а оттуда на катерѣ въ Ялту за провизіей. Ее ждали только къ вечеру слѣдующаго дня.

Стукачевъ вернулся къ себѣ, дождался завтрака, который подавался въ 10 часовъ, потомъ, рѣшивъ, что въ первый денекъ можно „пошалить“, отправился къ морю. Невдалекѣ отъ дачи онъ обогналъ Трутовскую объ руку съ какой-то невысокой и очень полной дѣвушкой; поровнявшись, онъ молча приподнялъ шляпу и, не ожидая отвѣтнаго поклона, прошелъ было впередъ, какъ услыхалъ медлительное и полновѣсное:

— Здравствуйте!

Онъ остановился и сказалъ:

— Вамъ, если не ошибаюсь, нынѣшней ночью телеграмму приносили...

— Да-да-да,—произнесла она, почти нараспѣвъ,—сторожъ говорилъ, что вы приказали меня не будить...

— И не думалъ!—воскликнулъ Стукачевъ испуганно...

Дѣвушка громко захохотала.

— Мнѣ и самой казалось, что онъ сочиняетъ.—И, обращаясь къ своей спутницѣ, она прибавила:

— Вы еще не знаете, какой этотъ Тарасъ фантазеръ и ворчунъ...

Стукачевъ вторично приподнялъ шляпу и отправился своею дорогой. Послѣ ночного дождя еще не совсѣмъ просохло. Берегъ былъ пустыненъ и по-весеннему ясенъ. Разбросанныя по прибрежнымъ склонамъ дачи выступали полуобнаженныя въ молодыхъ, недавно распустившихся садахъ и въ голыхъ, щетинистыхъ, бурыхъ виноградникахъ, вползавшихъ на горы. Островки особенно яркой объ эту пору зелени, бѣлыхъ и розовыхъ купъ цвѣтущаго абрикоса, яблони, какъ красные платки въ толпѣ сѣрыхъ армяковъ, весело пестрѣли въ прозрачныхъ, одноцвѣтныхъ даляхъ. Вершина Бабугана курилась дымнымъ облакомъ, но оно сдвигалось и таяло. И это предвѣщало хорошую погоду.

Стукачевъ прошелъ версты двѣ вдоль берега, взглянулъ на давно знакомый мощный хребетъ припавшаго къ водѣ лобастаго каменнаго медвѣдя, постоялъ, вздохнулъ и повернулъ домой. Немного погодя онъ замѣтилъ опять двухъ дѣвушекъ. Невысокая поминутно нагибалась и Стукачевъ догадался, что она ищетъ сердолики—обычное въ Крыму увлеченіе. Трутовская, усмѣхаясь, поглядывала на нее сверху и что-то говорила.

Когда Стукачевъ, сидя у себя наверху въ бесѣдкѣ, читалъ, до него долетѣло пѣніе калитки, и черезъ минуту знакомый, звучный и глубокій голосъ произнесъ, очевидно, къ кому-то обращаясь:

...— Да-да-да, отлично прогулялись.

Обѣдъ подавали Стукачеву въ комнату. Онъ уставалъ отъ длиннаго сидѣнія за табльдотомъ и вѣчно одинаковыхъ дачныхъ разговоровъ, въ которыхъ изъ учтивости приходилось участвовать. Ему приходилось послѣ этого „ради дезинфекціи“ читать путешествія, чтобы вернуть нужное умѣнье сосредоточиться на формулахъ и цифрахъ. И на дачѣ уже знали его привычки.

Послѣ обѣда, убирая посуду, Саша—въ бѣломъ крахмальномъ чепцѣ и фартукѣ — попросила у него совѣта. У нея на сосѣдней дачѣ живетъ сестра, у которой былъ женихъ, ушедшій на военную службу. Сестра ему посылала деньги, а онъ, по возвращеніи, женился на другой и открылъ лавочку, а денегъ не отдаетъ... Предлагаетъ паевое участіе въ лавочкѣ „и чтобы квасъ дѣлать“. До этихъ поръ

Стукачевъ еще понималъ, но, начиная отъ кваса, пошли какія-то тонкости: кому и сколько приходится платить за ледъ, на чей счетъ бой посуды, „патентъ", аренда, табачное свидѣтельство... Стукачевъ не сразу понялъ, при чемъ тутъ табачное свидѣтельство, но Саша пояснила, что „квасъ съ папиросами, вообще, идетъ заодно" и что выпившій квасу обыкновенно покупаетъ и папиросы, такъ что несправедливо, чтобы вся прибыль отъ продажи папиросъ доставалась солдату. Надо дѣлить, а какъ ее раздѣлишь? Въ этомъ состоялъ вопросъ. Стукачевъ попытался тогда устранить изъ разсчета квасъ. Оказалось, что квасъ-то всего важнѣе—„безъ квасу немыслимо"...

Стукачевъ напрягался, но путался, и у него даже заболѣло въ вискахъ, но ничего не выходило. Саша, видимо неудовлетворенная, холодно и безнадежно поблагодарила и ушла. А Стукачевъ два часа послѣ этого ничего не въ состояніи былъ дѣлать.

И опять наверхъ ходила Трутовская и, проходя мимо, твердо глядѣла на него, точно онъ-то и былъ то, самое интересное, чего она ждала. И опять онъ слышалъ доносящимся снизу ея пѣвучій голосъ. И опять то Власъ, то Тарасъ, то Саша произносили ея имя, словно знали про что-то тайное и обиняками напоминали ему, чтобы онъ не забылъ. Какъ будто одно это имя и одинъ этотъ человѣкъ были здѣсь самое важное, вокругъ чего все вертѣлось. Засыпая, онъ будто слышалъ шаловливое погромыхиваніе грома, улавливалъ легкое, бѣглое и неуловимое поблескиваніе дальней молніи, какъ будто неясно чувствовалось приближеніе грозы, которая уже незримо носилась въ воздухѣ и налагала на душу смутную и радостную тревогу.

III.

И опять:

— Баринъ, вставайте планиду глядѣть!

— Ладно, слышу, ступай съ Богомъ...

— То-то...

Стукачевъ высунулся, взглянулъ на небо: оно все было усѣяно звѣздами, и обычная передъ ночными наблюденіями тревожная радость прихлынула къ его сердцу. Онъ одѣвался со своею быстрой методичностью и особенныя ночныя видѣнія въ безшумномъ ритмическомъ бѣгѣ скользили въ его приподнятомъ воображеніи... „Вѣроятно, — думалъ онъ — о такихъ минутахъ говорили нѣкогда пророки, когда предвѣщали воскресеніе мертвыхъ. Меня разбудилъ ворчунъ Тарасъ, а они говорили про трубы архангеловъ. Но вѣдь здѣсь и тамъ одинаковая жажда тайны". И вдругъ странная кар-

тина *того* пробужденія возникла въ умѣ, сливаясь съ впечатлѣніями этой безпокойной ночи... Заторопятся всѣ... ничего не готово... волнуются, въ рукава сразу не попадаютъ... А потомъ суета, впечатлѣнія... встрѣчи... Палачи встрѣтятъ казненныхъ ими... Застыдятся, вѣроятно, обратно въ могилы запросятся! Безвѣстно погибшіе объявятся... Андрэ откуда-то изъ полярныхъ льдовъ подымется, милый,—кого онъ перваго встрѣтитъ? Архимедъ сейчасъ къ своимъ circuli кинется, чудакъ,—подумалъ Стукачевъ съ тонкой, нѣжной и сочувственной улыбкой.—Потомъ Кеплеръ, Коперникъ, Ньютонъ,—какія интересныя встрѣчи!.. Старичокъ, флорентинскій астрономъ... Маша сестра къ своему несчастному убитому жениху кинется... Бѣдняжка, какъ исхудала!

...А меня-то кто встрѣтитъ? Кто же меня встрѣтитъ?—подумалъ онъ съ внезапной грустью...

Свѣтя карманнымъ электрическимъ фонарикомъ, онъ одѣвался быстро и, забравъ съ вечера приготовленные инструменты, вышелъ.

Ночь была тихая, безлунная, росистая... Только успѣлъ Стукачевъ закрыть за собою дверь и шагнуть во тьму, какъ ничего промежуточнаго, средняго между нимъ и ночью не осталось,—ихъ двое—и только. Надъ самой головой, казалось, даже слегка касаясь волосъ, нависло тяжелое, торжественное небо, но глазъ, впиваясь въ него, ясно чувствовалъ и различалъ безконечную глубину. Темное поле было пересѣчено кипящимъ космическимъ потокомъ, и этотъ Млечный дымъ вселенной былъ такъ бѣлъ, ясенъ и живъ, что въ мертвомъ молчаніи ночи будто доходилъ до чуткаго уха дальній гулъ клокотанія и сотрясенія горнихъ міровъ, и какое-то эхо наполняло пространство.

Точно чьи-то нѣжные и осторожные ночные голоса, снизу доносилось мѣрное позваниваніе умиротвореннаго морского прибоя. Гдѣ-то далеко въ морѣ мигалъ жалкій красноватый сигнальный огонекъ на суднѣ и Стукачевъ грустно занесъ на скрижали своего сердца образъ безпокойнаго человѣческаго духа, подавленнаго непомѣрной тяжестью морского простора и глухой ночи. Справа ночное небо было срѣзано невидной горой, клавшей черное, какъ сажа, пятно на звѣздное поле; слѣва, мелькая и путаясь со звѣздами, шевелились острыя верхушки кипарисовъ и оттуда вѣяло крѣпкимъ смолистымъ благовоніемъ. Освоившись съ темнотой, глазъ едва различалъ въ ней бѣловатыя купы яблонь, и черные кипарисы уже выступали на темномъ фонѣ, точно высѣченныя изъ угля острыя пирамиды. И, когда Стукачевъ, съ оптическими приборами въ рукахъ, двинулся въ разступавшееся и тотчасъ замыкавшееся, внятное, но молчаливое

жуткое, но манящее пространство глухой ночи, онъ испыталъ знакомое, странное и сладостное чувство, — то самое, что переживаетъ пытливый морякъ, уплывающій на утломъ суденышкѣ въ тяжкую даль океана: бодрую и тревожную радость.

Неторопливо и машинально онъ спустился по лѣстницѣ, открылъ уныло запѣвшую калитку и привычной дорогой по узкой долинкѣ зашагалъ къ морю. Оно было такъ неподвижно, что только у самой линіи берега едва ломались и морщились на прибрежныхъ камняхъ отраженія звѣздъ въ водяной глади и время отъ времени съ легкимъ звономъ плескала чуткая зыбь; но немного подалѣе отъ берега море лежало тяжкой, неподвижной, безграничной и тусклой чашей съ ровнымъ полемъ отраженныхъ звѣздъ, съ зыбкимъ свѣтлымъ столбомъ, падавшимъ отъ громаднаго Юпитера... Здѣсь еще болѣе внятно, чѣмъ наверху, царила та особенная ночная чуткость, въ которой чудится затаенная преднамѣренность, точно земля замерла, чтобы дать человѣку уловить отдаленный гулъ небесъ, точно сама она робко, чутко и печально къ нему прислушивается... Когда кажется, что еще одно изощренное и послѣднее усиліе,—и наконецъ поймешь эти величавые хоралы, различишь важные, торжественные гимны и позади нихъ—устрашающіе и изступленные голоса...

Стукачевъ установилъ свои приборы, присѣлъ на камень и сталъ глядѣть въ небо. Все тамъ было для него живо, знакомо и таинственно, каждая звѣзда открывала ему свой собственный и неповторяемый ликъ, каждая имѣла свою по большей части сказочно-прекрасную исторію и біографію. Ни одна не была мертва, всѣ біографіи заканчивались этимъ моментомъ, когда онъ сидѣлъ на берегу и взволнованно упивался ихъ синимъ, краснымъ, зеленымъ, бѣлымъ, оранжевымъ сверканіемъ.

Какъ жадно міръ души ночной
Внимаетъ повѣсти любимой!—

произнесъ онъ свои любимые стихи.

Гдѣ-то далеко въ сѣдыхъ вѣкахъ, смутно терявшихся въ громадной перспективѣ, внезапно возникшей въ его порывистомъ воображеніи, почему-то опираясь на жезлы, стояли съ длинными бѣлыми бородами ассирійскіе жрецы и странными знаками записывали на камняхъ жизнеописаніе звѣздъ. А въ самомъ концѣ этой перспективы сидѣлъ онъ самъ на камушкѣ и, замирая отъ робости и счастья, видѣлъ на этомъ тысячелѣтнемъ пути и Птоломея, и Пиѳагора, и Галилея, и Кеплера, и даже совсѣмъ близко отъ себя ста-

раго юношу, узника съ простенькой бородкой, въ очкахъ и въ наивномъ сюртучкѣ.

— Неужели и меня примутъ въ свою компанію?—думалъ онъ съ радостно-недовѣрчивымъ и счастливымъ выраженіемъ ребенка, не смѣющаго вѣрить, что надъ нимъ, проснувшимся, склонилась мать, по которой онъ тайно и долго тосковалъ.— Вѣдь и я, какъ они, безкорыстенъ,—оправдывался онъ робко и смущенно — и только въ этомъ одномъ и этимъ однимъ живу. А что я въ этомъ малъ, такъ ужь не по моей винѣ, не отъ лѣни. Въ мѣру отпущеннаго я честенъ, — не прогонятъ... И какъ я одинокъ...—опять подумалъ онъ съ грустью.

Онъ посвѣтилъ фонарикомъ на циферблатъ часовъ. Черезъ нѣсколько минутъ уже должна была появиться комета. Ночь чернѣе прежняго охватила его, когда погасъ синій свѣтъ электрическаго фонарика. Стукачевъ повернулся лицомъ къ востоку и сталъ ждать.

IV.

Минутъ двадцать онъ неподвижно вглядывался въ тьму. И вотъ—слабый, невѣрный, призрачный, тусклый, но несомнѣнный свѣтъ робко проступилъ въ созвѣздіи Рыбъ на черномъ востокѣ. Въ тотъ моментъ, какъ Стукачевъ позналъ его, онъ былъ еще такъ безсиленъ, что не вѣрилось зрѣнію, казалось, что это обманъ напряженнаго ожиданія, что густая, какая-то матеріальная тьма чуть-чуть дохнула слабымъ дыханіемъ, которое расплылось неуловимымъ, жалкимъ пятномъ и которое въ слѣдующее мгновеніе безсильно растаетъ и умретъ. Но оно не умирало, а все дышало и дышало и, нехотя, хмурясь, съ трудомъ — тьма разрѣжалась и сѣрѣла, а отвоеванное поле ширилось, свѣтлѣло и теплѣло... Это была настоящая борьба, упорная и захватывающая, какъ поединокъ враждебныхъ и на первый взглядъ рѣзко неравныхъ силъ. Жидкій свѣтъ все шире и шире разливался по небу тихими вздрагивающими волнами, какъ круги отъ камня на водяной глади, и вдругъ—на краю горизонта скользнулъ живой лучъ, и, точно зрачокъ въ глазномъ яблокѣ, огненный мячикъ сверкнулъ въ свѣтломъ пятнѣ яркимъ, переливчатымъ и холоднымъ блескомъ. Сверкнулъ и тотчасъ кинулъ отъ себя короткій и свѣтлый снопъ лучей, словно не поспѣвавшихъ за ядромъ и отторгнутыхъ отъ него порывомъ его быстраго движенія.

Это, дѣйствительно, походило на полетъ дальняго ядра. Стукачевъ жадно вглядывался въ новое, странное, трепетное тѣло и какъ бы чувствовалъ его страшный, могучій бѣгъ, его колоссальное устремленіе и его тревожный при-

вѣтъ! Это было совсѣмъ не то, что онъ наблюдалъ въ обсерваторіи двѣ недѣли назадъ... Здѣсь она подступала къ самому сердцу.

Бурно и взволнованно онъ думалъ, глядя на комету, что не даромъ во всѣ времена люди ищутъ какихъ-то важныхъ указаній въ пламенныхъ знакахъ, изрѣдка являющихся на небесахъ: этотъ живой и кипучій блескъ такъ выразителенъ и страстенъ, какъ неотразимый взглядъ, и такъ же онъ загадоченъ и такъ же манитъ къ себѣ какой-то тайной. Онъ одинъ, небольшой и не сильный, повисшій среди цѣлаго моря небеснаго пламени, рѣзко измѣнилъ выраженіе лица ночи, властно нарушилъ установившійся ночной смыслъ. Все сдѣлалось нервнѣе, подвижнѣе и выразительнѣе съ появленіемъ этого кипящаго комочка, — было новое свѣтило на новомъ небѣ, и нова была ночь...

И, какъ ни ждалъ Стукачевъ появленія кометы, она захватила его врасплохъ. Съ блаженнымъ лицомъ, вздрагивая всѣмъ тѣломъ, онъ возился надъ своими приборами, задерживая дыханіе, чтобы не нарушить этихъ ночныхъ священнодѣйствій. Онъ давно привыкъ къ молчанію и рѣдко бесѣдовалъ съ живыми людьми, но слова-то, вѣроятно, своимъ чередомъ прозябаютъ и зрѣютъ въ душѣ! И теперь они дружной и взволнованной толпой готовы были побѣжать съ его устъ и оживить этотъ пустынный берегъ и молчаливую ночь... Хотѣлось пѣть, какъ нѣкогда пиѳагорейцы пѣли свои гимны на встрѣчу восходящему солнцу. Но пѣть и говорить наединѣ съ самимъ собою было совѣстно. И какая-то разъѣдающая грусть тихо осѣнила его душу.

Еще безпокойнѣе, еще тревожнѣе становится тревожный привѣтъ кометы. Чувствуется, какъ она, свистя, сверлитъ въ страстномъ бѣгѣ пугливо разступающіяся пространства, какъ вихорь вселенной отметаетъ ея пламенѣющія косы. Меркнутъ звѣзды на похолодѣвшей, невыразимо-нѣжной, изумительной лазури востока... Только злой тревогой искрится огненный мячикъ кометы, и кажется, что онъ сжегъ и уничтожилъ ночныя звѣзды. Но вотъ слѣва отъ него на посвѣтлѣвшемъ фонѣ изъ-за горизонта проступило какое-то кроткое и сдержанное въ своей силѣ мерцаніе, дрогнуло, усилилось, затрепетало, и вдругъ весь востокъ радостно озарился счастливымъ свѣтомъ Венеры, точно божественное лицо въ избыткѣ цѣломудренной радости улыбнулось и засіяло. Какая чистота, какое святое очарованіе въ этомъ кроткомъ, но побѣдномъ сіяніи, какое величавое умиротвореніе!

Сколько разъ уже Стукачевъ любовался Венерой и утренней и вечерней зарею,—и всегда эта радость пополамъ съ грустью. И сейчас грусти даже больше, чѣмъ бывало...

Невидимо склоняясь и хладѣя,
Мы близимся къ началу своему,—

съ покорной грустью произнесъ онъ мысленно. Онъ выждалъ, когда свѣтъ кометы растаялъ въ рождавшейся зарѣ, вынулъ изъ кармана книжку, занесъ свои наблюденія и, забравъ приборы, не ожидая полнаго разсвѣта, отправился на дачу.

Одно окно въ верхнемъ этажѣ, видное изъ долинки, было освѣщено. Чей-то силуэтъ отразился на занавѣскѣ и немного погодя исчезъ, и Стукачеву показалось, что то была Трутовская. Ему вспомнилась фигура дѣвушки, и онъ тихо, невесело, но спокойно улыбнулся. Онъ взглянулъ на Венеру, уже поблѣднѣвшую, но все еще счастливую и какъ будто еще болѣе прекрасную, и подумалъ:

— Вотъ она, моя возлюбленная.

V.

Въ обычное время Стукачевъ проснулся, быстро одѣлся и сѣлъ за работу для астрономическаго журнала, которую онъ проконспектировалъ еще въ вагонѣ по дорогѣ въ Крымъ. Потомъ позавтракалъ и на время уборки комнаты отправился на короткую прогулку въ гору, къ шоссе. Пережитое имъ ночью волненіе удивило его самого своей силой, когда онъ, припоминая детали появленія кометы, оглядывалъ мысленно проведенные съ нею ночные часы; оно не успѣло еще улечься, но надъ нимъ уже остылъ и затянулся слой дневныхъ мыслей, чувствъ и твердой дневной воли.

— Только бы погодка подержалась, не нагадила бы только погодка,—думалъ Стукачевъ, возвращаясь съ прогулки и подходя къ бесѣдкѣ,—а ужь мы-то ничего не пропустимъ...

На послѣднемъ поворотѣ тропки онъ вдругъ остановился: въ десяти шагахъ отъ него, въ бесѣдкѣ, поднялась ему на встрѣчу высокая фигура Трутовской. Онъ почувствовалъ вдругъ легкое волненіе, какія-то мятежныя движенія кинулись со дна души вмѣстѣ съ прихлынувшей къ головѣ кровью. Но это продолжалось мгновеніе. Удивляясь на себя, онъ приблизился, учтиво приподнялъ шляпу и, не подавая руки, спросилъ офиціально:

— Виноватъ, вы ко мнѣ?

— Да...

— Чѣмъ могу служить?

— Позвольте представиться, — сказала она, протягивая руку,—Трутовская. Вашу фамилію я знаю. Я, однако, вамъ не помѣшаю?

— Нѣтъ, нисколько. Чѣмъ могу служить? — повторилъ онъ съ нескрываемой сухостью.

— Тогда разрѣшите мнѣ присѣсть.

Они сѣли другъ противъ друга и Стукачевъ, сложивъ на колѣняхъ руку-на-руку, приготовился слушать съ холоднымъ вниманіемъ экзаменатора.

— Мнѣ говорили, что вы занимаетесь астрономіей и пріѣхали сюда ради наблюденій надъ кометой Галлея. Мнѣ также говорили, что у васъ есть оптическіе приборы и что наблюденія вы производите каждую ночь...

— Всѣ эти слухи болѣе или менѣе основательны,—сказалъ Стукачевъ непріязненно. Онъ не любилъ, когда посторонніе люди объ немъ знали больше того, что требовалось для дѣловыхъ отношеній.

— Виновата, я не кончила,—просто замѣтила дѣвушка.— Я хочу васъ просить, не позволите-ли вы мнѣ присутствовать при вашихъ наблюденіяхъ? Очень прошу: если это можетъ вамъ помѣшать,—откажите.

— Если не будете мѣшать, то и не помѣшаете, — замѣтилъ Стукачевъ серьезно, расположенный къ тому ея дѣловымъ тономъ.

— Объ этомъ можете не безпокоиться. — Она поднялась, собираясь уходить. Поднялся и Стукачевъ и сказалъ, пожимая ея широкую руку:

— Такъ, стало быть, если небо будетъ ясное, къ двумъ часамъ приготовьтесь. Но только... вы легко можете разочароваться: комета ничего особенно эффектнаго не представляетъ.

Чуть замѣтно промелькнула у Трутовской въ глазахъ спокойно-ироническая усмѣшка.

— Ради этого не стоитъ въ два часа ночи подниматься съ постели, не такъ-ли?

— Пожалуй...—нехотя отвѣтилъ Стукачевъ.

— Ну, а за двѣ тысячи верстъ пріѣхать стоило? — сказала она и вдругъ звучно, полновѣсно и коротко засмѣялась. Стукачевъ невольно улыбнулся открытой ясности и спокойствію этого смѣха.

— Различныя бываютъ степени интереса, — замѣтилъ Стукачевъ.

— Что же даетъ вамъ основаніе думать, что... степень моего интереса такъ ничтожна по сравненію съ вашей?

Она такъ ясно и прямо ставила свои вопросы, что Стукачеву захотѣлось отвѣтить такъ же прямо:

— То, что вы женщина.

— И только?

— Да.

Она устремила на Стукачева внимательные, изучающіе глаза. Въ нихъ было удивленіе, но ни тѣни обиды. Преобладало выраженіе интереса.

— Я полагаю,—сказала она—что достоинство человѣка отчасти измѣряется характеромъ и степенью его интересовъ?

— Совершенно согласенъ.

— Стало быть, вы очень низко цѣните или женщину, или... астрономію. Послѣднее маловѣроятно... Значитъ?..

— Совершенно вѣрно,—произнесъ Стукачевъ твердо. — Я цѣню астрономію. Заключеніе можете сдѣлать, какое вамъ будетъ угодно.

— Я его пока что не сдѣлаю, ваша посылка останется при васъ. Но я припоминаю... ну, Гипатію александрійскую, напримѣръ... Вѣдь это имя и вамъ говоритъ нѣчто?

— Да, очень многое...

— Я его потому и напомнила. Лично я не считаю этотъ аргументъ убѣдительнымъ, но при голословныхъ обобщеніяхъ... годится...

Стукачевъ сказалъ, неожиданно для самого себя:

— Вы, кажется, хорошо спорите...

Она весело улыбнулась и опять огонекъ ироніи засвѣтился въ ея умныхъ, сѣрыхъ глазахъ, пристально глядѣвшихъ изъ-подъ великолѣпнаго, бѣлаго, широкаго лба.

— Мнѣ остается признать себя крайне польщенной. Но... какъ же быть съ безсмертнымъ афоризмомъ о „женской логикѣ“?

Стукачевъ досадливо поморщился и къ нему сразу вернулся сухой и непріязненный тонъ. Онъ сказалъ:

— Я вамъ, m-lle Трутовская, ни слова не говорилъ о женской логикѣ, и, совершенно меня не зная, вы могли бы не приписывать мнѣ пошлостей чужого изобрѣтенія.

— Пожалуй,—проговорила она въ высшей степени спокойно—но вы должны припомнить, что и вы тоже, не зная меня, пытались лишить меня права на интересъ къ астрономіи только потому, что я—женщина. Вѣдь и это, простите, тоже легкомысленное огульное обобщеніе.

Стукачевъ посмотрѣлъ на дѣвушку, немного задумался и сказалъ серьезно:

— Многихъ споровъ можно бы избѣжать, еслибы каждый побольше спорилъ съ самимъ собой. Наши аргументы такъ часто не убѣдительны для насъ же самихъ!

— Вѣрно!—воскликнула она—много разъ я думала это даже этими вотъ самыми словами. До свиданія.

Она ушла. Длинный рядъ впечатлѣній шевелился гдѣ-то за порогомъ сознанія. Чтобы отогнать ихъ, Стукачевъ до-

сталъ латинскую „Этику“ Спинозы и погрузился въ сказочный просторъ человѣческой мысли.

Все дальнѣйшее, что втеченіе этого дня проплывало мимо него и даже касалось его,—онъ воспринималъ машинально, ни на минуту не уходя изъ зданія мысли, воздвигаемаго философомъ, казалось, у него на глазахъ. Ему принесли съ почты письмо, которое онъ вскрылъ, пробѣжалъ глазами и спряталъ въ карманъ. Ему принесли обѣдъ, потомъ вечерній чай съ ужиномъ—онъ машинально проглатывалъ принесенное; но еслибы вдвое больше принесли—онъ такъ же автоматично проглотилъ бы, и еслибы ничего не принесли, то и этого не замѣтилъ бы. Ему принесли домовую книгу съ просьбой вписать свой документъ, — онъ машинально исполнилъ. Но вечеромъ, уже закрывъ „Этику“ и, по привычкѣ, доставая памятную книжку, чтобы просмотрѣть „порядокъ дня“, не забыто ли что, онъ вмѣстѣ съ книжкой вытащилъ и письмо, удивился, прочелъ его, словно въ первый разъ, и тутъ же написалъ отвѣтъ.

Надо было успѣть выспаться до двухъ часовъ; сдѣлавъ постель, онъ приготовился укладываться. И, снимая съ себя ботинки, задумался. Спустя двѣ-три минуты онъ опомнился, но ужъ было поздно: онъ понялъ, что чтеніе—чтеніемъ, а задумался онъ все-таки объ утреннемъ разговорѣ съ Трутовской. Значитъ, это неизбѣжно,—тотчасъ рѣшилъ онъ—только не теперь: поздно. Послѣ подумаю, — пообѣщалъ онъ,—ему часто случалось заключать съ самимъ собой договоръ, устанавливая порядокъ мыслей.

— А сейчасъ—произнесъ онъ вслухъ—спать и спать.

Онъ легъ, задулъ свѣчу и, какъ всегда, тотчасъ же заснулъ своимъ зыбкимъ сномъ. Но немного погодя проснулся, зажегъ спичку и взглянулъ на часы: онъ проспалъ минутъ двадцать... „Сплюшка кричитъ“... а это древесная лягушка—„крымскій соловей“—называлъ онъ то, что могло мѣшать ему заснуть; это было испытанное средство: причина, точно уличенная и обезсиленная, устранялась. Чьи-то голоса, смягченные далью, доплыли снизу до его слуха—ужъ не Трутовской ли это голосъ?—подумалъ онъ. И вдругъ во мракѣ выплылъ ея образъ, и Стукачевъ понялъ сразу и не размышляя, что незримо и туманно этотъ образъ все время пребывалъ здѣсь... И именно туманность образа пробудила его отъ сна, настойчиво требуя проясненія.

„...Лобъ прекрасный, рѣдкой красоты...—нехотя сдаваясь, мысленно сказалъ Стукачевъ.—Что-то въ ней женственное, но не женское... Плечи мужскія, руки неизящныя... Манера говорить, повадка какая-то солидная, ясность, точность...

*

Грація діалектики!—нашелъ онъ съ радостью нужное опредѣленіе...

„...Завтра объ этомъ можно было бы подробнѣе... Голосъ подкупающій—вслѣдъ за этимъ подумалъ онъ.—Этакъ, пожалуй, и не заснешь...—Сочный, не столько низкій, сколько... напоенный выраженіемъ... Умный голосъ,—снова обрадовался онъ.—Смѣшныя щеки, у мужиковъ въ урожайный годъ на Рождествѣ такія бываютъ, или нѣтъ, у шестиклассницъ послѣ лѣтнихъ каникулъ, вотъ именно гимназическія...Какъ это я допустилъ себя до раздраженія? А она ни капельки. Удивительное спокойствіе, точно въ аудиторіи сидѣла... Я и не замѣтилъ. Не раздражаются въ спорѣ либо лощеныя безпринципности, либо люди съ большой привычкой къ мысли. Она не лощеная, безусловно...

„...Великолѣпная иронія! Безъ подчеркиваній, напряженности, безъ торжества надъ противникомъ, безъ мелкой злобности,—настоящая философская. Есть сознаніе своей силы, это несомнѣнно, но не кокетничаетъ, не рисуется, не пускаетъ пыль въ глаза... учится. Что-то изумительно культурное!—назвалъ онъ.

Цѣпь мелкихъ и отрывочныхъ черточекъ еще не разъ и не два замыкалась желанными опредѣленіями и вмѣстѣ съ ними приходилъ глубокій, но живой покой.

И, еще не зная смысла того, что съ нимъ происходило, не думая о немъ, Стукачевъ отодвинулъ проясненный имъ и ставшій послушнымъ образъ и заснулъ.

VI.

И опять:

— Баринъ, вставайте планиду глядѣть!

— Ладно, слышу. Ступай съ Богомъ.

— То-то.—И глухой, ночной, старческій кашель...

Въ пять минутъ Стукачевъ одѣлся, захватилъ инструменты и направился внизъ по лѣстницѣ. Высокій силуэтъ выдвинулся изъ темноты, когда Стукачевъ поровнялся со средней площадкой, и полновѣсный звучный голосъ спросилъ его:

— Мы къ самому морю сойдемъ?

И Стукачевъ почувствовалъ, что этого голоса и силуэта онъ ждалъ, не ожидая, ждалъ, потому что понялъ по охватившей его радости, что этого ему недоставало. Почувствовалъ и удивился и, замедливъ отвѣтомъ, сказалъ съ несоотвѣтственной словамъ торопливостью:

— Точно такъ... pardon, конечно, къ самому морю....

Она сбѣжала внизъ, открыла запѣвшую калитку, пропустила Стукачева съ его приборами и, обогнавъ его затѣмъ, молча

пошла впереди. Теперь, идя по долинкѣ вблизи отъ женщины и освоившись съ темнотой своими привыкшими къ ночнымъ наблюденіямъ глазами, Стукачевъ разглядѣлъ ее въ скупомъ свѣтѣ звѣздъ. Она была въ длинномъ, гладкомъ, слегка шелестѣвшемъ дождевомъ плащѣ съ капюшономъ; голова ея была повязана темнымъ шарфомъ съ длинными концами. Держа руки въ карманахъ, она быстро шагала, то и дѣло подымая голову вверхъ, къ черному дрожащему небу и не оглядываясь. Когда они подошли къ морю и Стукачевъ принялся устанавливать треногъ и трубу, онъ услышалъ, что Трутовская что-то проговорила, но такъ тихо, что онъ словъ не разобралъ.

— Вы что изволили сказать?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, ничего,—возразила она, словно извиняясь,—я не къ вамъ...

— Не ко мнѣ?—произнесъ онъ удивленно.

— Ну, да. Я для себя... Стихи одни вспомнились.

— Стихи? А можно полюбопытствовать, какіе? Я старый любитель стиховъ.

— Что жь, пожалуйста. Тютчева стихи:

Какъ жадно міръ души ночной
Внимаетъ повѣсти любимой! —

прочла она нарочито однотонно.

Что-то точно прорвалось въ то общее окно, черезъ которое онъ вчера, она сію минуту взглянули на ночное небо и на міръ. И теперь эти звѣзды, отраженныя холоднымъ полемъ уходящаго моря, и путающіяся въ звѣздахъ верхушки кипарисовъ, и отрывистое тявканіе собаки, и жалкій огонекъ, мигающій вдали, и его ожиданіе кометы — все, точно такое, какъ было вчера, возсозданное въ тончайшихъ подробностяхъ—было совсѣмъ новое, безконечно-углубленное, преображенное и открытое: все измѣнилось оттого, что кто-то такъ же понимающими глазами взглянулъ на это.

Бурно и взволнованно, влагая какой-то особый смыслъ въ свои слова, Стукачевъ сказалъ нѣсколько торжественно:

— Вчера, на этомъ самомъ мѣстѣ, я вспомнилъ и вслухъ произнесъ эти самые стихи.

— Если броситься изъ-за угла на двухъ людей различныхъ темпераментовъ и положеній, то они одинаково вскрикнутъ. Тожественность впечатлѣній, ничего нѣтъ удивительнаго...

Голосъ ея прозвучалъ нѣсколько глуше, точно отсырѣлъ отъ ночной росы.

— То инстинктивный испугъ, а то сознательное постиженіе безконечнаго,—большая разница!

— Это дѣла не мѣняетъ. Я думаю, современемъ постиженіе безконечнаго станетъ всеобщимъ, какъ сейчасъ инстинктивный испугъ... И ваше удивленіе, что ночное небо напомнило намъ одни и тѣ же стихи, тогда покажется, вѣроятно... романтикой...

— Вы думаете?

— Думаю, что область схожденія родственныхъ душъ чрезвычайно сузится.

Примѣсь ироніи была такъ несомнѣнна, что Стукачевъ живо представилъ себѣ знакомый насмѣшливый огонекъ въ спокойныхъ сѣрыхъ глазахъ. Ему почувствовалась непріязнь и онъ сказалъ:

— Не безпокойтесь! Дураки найдутся всегда, а умные и сейчасъ одиноки: не понимаю, что васъ въ этомъ радуетъ.— И съ крайней досадой Стукачевъ замѣтилъ, что онъ не успѣлъ очистить своихъ словъ отъ той грусти, до которой никому нѣтъ дѣла и которую слѣдовало оставить при себѣ.

— Это такъ, — замѣтила Трутовская — но умные-то, по крайней мѣрѣ, не пойдутъ на роли дураковъ. Однако я бы не хотѣла вамъ мѣшать. Помолчимъ, если вамъ это угодно.

— Нѣтъ, пожалуйста! Тутъ дѣла на пять минутъ и, во всякомъ случаѣ, разговоръ мнѣ не мѣшаетъ. Вы сказали— умные откажутся исполнять роли дураковъ. Это такъ... то есть относительно разоблаченія иллюзій я, конечно, согласенъ, но, извините, тонъ вашъ... не нравится мнѣ, откровенно говоря. Вы словно радуетесь, что одиночество сдѣлается закономъ жизни.

...Послушайте! — воскликнулъ Стукачевъ съ внезапной страстью, — не надо говорить: не боюсь, если жутко, если страшно! Сто лѣтъ назадъ царила мода на таинственное и сантиментальное пониманіе родственныхъ душъ, а теперь мода на горделивое и безстрашное одиночество и этотъ микробъ отравляетъ даже искреннихъ и простыхъ людей. Не боюсь смерти, не боюсь одиночества, ищу одиночества,—да достаточно ли серьезно произносятся эти важныя слова? Душою или языкомъ? Мнѣ сорокъ лѣтъ, и я говорю прямо— вотъ, клянусь вамъ ночнымъ небомъ, — я одинокъ, какъ этотъ хлипкій огонекъ среди моря, но это крестъ, а не мрачное наслажденіе байроновскаго толка... Конечно, каждый изъ насъ связанъ съ міромъ, какъ этотъ огонекъ съ пламенемъ, которымъ онъ зажженъ, и какъ онъ по-своему побѣждаетъ эти безрадостныя пространства, такъ и мы побѣждаемъ отчужденность. Но это—если со стороны смотрѣть, а огоньку кажется, что онъ одинъ въ цѣломъ мірѣ... Я чувствую свою связь съ Архимедомъ, Сократомъ, Галилеемъ, съ Чаадаевымъ, и даже не только съ прошлымъ, отъ кото-

раго я уже получилъ радость и счастье мысли, но и въ будущемъ я вижу, и предчувствую, и даже въ счастливые моменты постигаю новыя, еще не выкованныя звенья той безконечной цѣпи мысли, которая весь міръ, всю вселенную охватываетъ въ какомъ-то единомъ общемъ и высшемъ смыслѣ, всѣ прошлыя и будущія поколѣнія... Но вѣдь это все дѣлается въ одиночку, понимаете? — процессъ совершается въ каждомъ порознь, а общіе результаты постигаютъ тѣ, кто участвуетъ уже въ новыхъ процессахъ...

— Ну, что жъ, вѣдь и процессы безпрерывно связаны: одинъ вытекаетъ изъ другого...

— Знаю, знаю! Но видите ли, когда убивали Архимеда и жгли Бруно, то въ лучшемъ случаѣ они умирали съ общей вѣрой, что ихъ дѣло не погибло, а вотъ Ньютонъ, и Спиноза, и другіе—они знали объ этихъ убіенныхъ: кто они были, да какіе, даже нѣкоторыя мелкія подробности ихъ жизни, характеровъ, знали лицо того, чью работу они продолжали. Тѣ же не знали лицъ и привычекъ Ньютона и Спинозы, они, понимаете ли, не знали, какія же дѣти у нихъ родятся? Вотъ какъ еслибы умиралъ человѣкъ, и у него черезъ мѣсяцъ долженъ родиться сынъ, жаждой имѣть котораго онъ только и живъ былъ. Понимаете—онъ-то будетъ, да вотъ какой онъ будетъ? А сыну-то хоть немного разскажутъ, каковъ былъ его отецъ. Вотъ Чернышевскій зналъ, что у Сократа былъ немного смѣшной носъ, и это была безконечно необходимая, интимная и сближающая ихъ черта, а Сократъ, бѣдняга, ничего не зналъ о тѣхъ, кто духовно ему унаслѣдуетъ. Но я это только ради примѣра, главное же несчастье, что въ процессахъ этихъ люди-то и одиноки. Вѣдь мы почти никогда не знаемъ душевныхъ состояній, сопровождающихъ человѣка въ его сомнѣніяхъ, въ борьбѣ, мы знаемъ только результаты, больше ничего. И въ лучшемъ случаѣ лишь догадываемся, что могъ переживать при этомъ человѣкъ. А ему, чтобы не чувствовать себя одинокимъ, необходимо безпрерывно быть понимаемымъ и понятымъ, и необходимѣе всего въ тотъ моментъ, когда это всего менѣе возможно, когда чувство или мысль смутно брезжитъ, еще неоформленная и томящаяся. Вотъ это—роковая обратная пропорція: чѣмъ нужнѣе, тѣмъ невозможнѣе! Вышелъ воинъ на борьбу, и борется, изнемогаетъ, а мы потомъ являемся и осматриваемъ его тѣло. И подводимъ итоги. Изсѣченъ и мертвъ: значитъ, жестока была борьба. Или: живъ, раны такія-то, крови вышло столько-то, и опять оцѣнка борьбы по глубинѣ ранъ; ну, и сочувствіе. А ему оно было нужно, когда мечъ рубилъ и пули дырявили его тѣло, въ тѣ самые моменты...

— Есть пониманіе во времени, но нѣтъ пониманія въ пространствѣ?—сказала Трутовская.

— Вотъ-вотъ-вотъ!—крикнулъ Стукачевъ обрадованно.—И чѣмъ возвышеннѣе борьба, тѣмъ пустѣе вокругъ борца. Черезъ сто, черезъ двѣсти лѣтъ у него, быть можетъ, появятся тысячи, милліоны послѣдователей, памятники станутъ воздвигать, а когда онъ живой изнемогаетъ — тогда никого нѣтъ,—ни души! Самые одинокіе—это свободные мыслители.

— Неужели всегда? — спросила она, но такъ, точно его словами хотѣла провѣрить собственныя мысли.

— Въ мѣру высоты и свободности мысли! Въ этомъ я убѣжденъ... Вы евангеліе хорошо знаете?

— Наизусть. Я вѣдь изъ духовнаго званія.

— Прошу васъ, ради Бога не откажите, я хочу услыхать дословно, но не помню... Знаете, то мѣсто, гдѣ Христосъ удаляется въ Геѳсиманскій садъ...

— Хорошо, -- согласилась она просто — я изъ Луки прочту. Вамъ какъ угодно, по русски или по славянски?

— Ну, по-славянски. Оно печальнѣе по-славянски.

— И изшедъ иде по обычаю въ гору Елеонскую, — начала она негромко и мѣрно, прислушиваясь къ важнымъ и горькимъ словамъ.

... бысть же потъ его, яко капли крове каплющыя на землю. И воставъ отъ молитвы и пришедъ ко ученикомъ, обрѣте ихъ спящихъ отъ печали...—кончила она и умолкла.

— Первое отреченіе Петра!—произнесъ онъ умоляюще.

— Узрѣвши же его рабыня нѣкая сѣдяща при свѣтѣ, и воззрѣвши нань, рече: и сей съ нимъ бѣ. Онъ же отвержеся Его, глаголя: жено, не знаю его.

— Вотъ-вотъ!—горячо воскликнулъ Стукачевъ.--*Спящихъ отъ печали!* Это почти правило: въ самую торжественную, критическую, въ самую трагическую минуту свободный мыслитель обнаруживаетъ своихъ учениковъ или единомышленниковъ спящими отъ печали... И это въ лучшемъ случаѣ, а въ худшемъ они даютъ ужасные совѣты отреченія, обезсмысливающаго ученіе, либо сами отрекаются, такъ что учителю не остается и того утѣшенія, что ученики отъ печали заснули, но душою съ нимъ пребываютъ. Впрочемъ, едва-ли они обольщаются: помните горькое пророчество: „трижды отречешься"... И это о самомъ пылкомъ ученикѣ.

— Но вѣдь потомъ, въ Римѣ, отдалъ же онъ свою жизнь за учителя.

— Да, потомъ, потомъ! Это вотъ и есть во времени! Въ пространствѣ же—одиночество, ужасающее, всеобщее предательство, трусость. Въ Римѣ! Въ Римѣ уже происходила не чистая идейная борьба, а своего рода грубая битва, съ

увлеченіями, азартомъ, уже съ арміями... Никого нѣтъ возлѣ свободнаго мыслителя въ критическую минуту, и даже нѣтъ Вероники, которая кинула бы платокъ по пути крестнаго шествія! Ее придумалъ человѣческій стыдъ, стыдъ потомковъ за безстыдство предковъ. Вероники, увы, легендарны...

VII.

Послѣднія слова онъ произнесъ медленно и задумчиво. Скоро уже должна была появиться комета и онъ, словно лунатикъ въ ожиданіи луны, потянулся къ ней предчувствующей и взволнованной душой.

— Теперь будьте внимательны и глядите на востокъ.

Они стояли рядомъ, вперивъ взглядъ въ безпросвѣтную и пламенную черноту неба, и было похоже, что они творятъ безмолвную и согласную молитву. Сердце у Стукачева колотилось, губы что-то неслышно шептали и весь онъ нервно дрожалъ, возбужденный давно неиспытаннымъ восторгомъ духовнаго общенія, странной обстановкой, неизвѣданными порывами сердца... И онъ еще волновался оттого, что его привычные глаза выхватили изъ чернаго южнаго неба таинственную, любимую и безконечно далекую туманность Андромеды. Когда появилось первое, неуловимое и свѣтлое пятнышко хвоста кометы, она показалась ему такой значительной, исполненной такого глубочайшаго смысла, что въ груди сперло отъ желанія громко и восторженно крикнуть. Они долго молчали и Стукачевъ безъ словъ далъ ей понаблюдать въ трубу разгоравшуюся комету.

Когда она, наконецъ, побѣдила восточную сторону неба, Стукачевъ нарушилъ молчаніе:

— Жаль мнѣ тѣхъ,—сказалъ онъ—кто холоденъ къ этому явленію и не въ силахъ проникнуться его великимъ смысломъ.

— То есть тѣхъ, чьи интересы ограничены?

— Да, да! Вѣдь это... это виѳлеемская звѣзда для людей мысли... Нѣкогда виѳлеемскіе пастухи пошли за звѣздой и пришли къ колыбели Спасителя. Надо полагать, это были люди съ жаждой познанія, т. е. правды, и шли они туда, гдѣ ихъ сердца чуяли источникъ истины... Для меня—свѣтъ кометы—это немеркнущій свѣтъ человѣческаго разума; мою мысль и все мое существо онъ направляетъ къ источнику величайшей красоты, и радости, и правды, къ генію, познающему окружающія его роковыя тайны! Скромный Галлей своею, вѣроятно, такою слабой, безпомощной, бѣлой рукой, вооруженной карандашомъ, пошевелилъ въ безкрайныхъ сферахъ вселенной, поймалъ тамъ безпокойную свѣт-

лую путницу, мѣра которой выражается милліонами километровъ, а орбита—милліардами, написалъ нѣсколько цифръ и сказалъ: баста! Вотъ твоя клѣтка, изъ нея тебѣ во вѣки не вырваться! И затѣмъ еще добавилъ: 1910 года, такого-то мая, ты, Сергѣй Стукачевъ, отправляйся въ Крымъ и вмѣстѣ съ г-жей Трутовской выйди ночью на берегъ моря, я приведу и покажу вамъ блуждающую въ мірѣ астральную душу... И вотъ — мы повѣрили, пришли и ждали, и онъ не обманулъ: привелъ ее, послушную, какъ овечку, покорную слабой рукѣ, вооруженной карандашикомъ!.. И говорятъ послѣ этого, что времена чудесъ миновали, что мы живемъ въ неинтересное, прозаическое время? А чудеса и поэзія большихъ чиселъ? Я не знаю чуда выше того, какое сотворилъ Галлей, и никакого иного чуда я не хочу, не надобно мнѣ! И это—знакъ тѣхъ безчисленныхъ чудесъ, какія еще ждутъ человѣка, и никого, кромѣ него... Никто насъ сейчасъ не слышитъ, а вы, коли осудите, скажете: реторика, то Богъ съ вами,—но я чувствую незримое присутствіе Галлея... Слава тебѣ, правдивый, честно выполнившій свое обѣщаніе! Слава человѣческому генію, самому безкорыстному изъ всего сущаго! Что тебѣ, Галилей, до того, вертится ли земля, что тебѣ, Галлей, до меня, ради чьей радости ты расшевелилъ карандашикомъ вселенную? Нѣтъ у насъ никого роднѣе васъ и вѣрнѣе, прекрасные и святые свободные мыслители!

— Съ такими мыслями легко жить!—воскликнула Трутовская.

Тьма посѣрѣла, и Стукачевъ видитъ ея лицо. Какъ оно прекрасно въ призрачномъ предразсвѣтномъ мерцаніи! Двѣ свѣтлыя пряди выбились изъ-подъ кружевного шарфа и оттого странно-сѣрое въ этомъ невѣрномъ свѣтѣ, матовое лицо кажется усталымъ и трогательнымъ. Въ обращенномъ на него взглядѣ крупныхъ сѣрыхъ глазъ онъ читаетъ живое пониманіе, и прекрасное сочувствіе, и умное, изучающее спокойствіе. По ея губамъ скользитъ чудесная, тонкая и нѣжная улыбка... бодрый поворотъ головы... свободная, энергическая, настоящая мужская поза: правая рука въ карманѣ, лѣвая засунута за бортъ плаща. Что за великолѣпный, прекрасный человѣкъ! И Стукачевъ невольно и радостно смѣется на встрѣчу ея полупривѣтственному замѣчанію.

— Легко жить!—передразнилъ онъ ее, сердясь и смѣясь.— Это похоже на то, какъ еслибы вы въ свѣтлый праздникъ увидали парня въ кумачевой рубахѣ и плисовыхъ шароварахъ, да еще приплясывающаго, и подумали бы: вотъ кому сладко живется! А парень-то, можетъ статься, все свое богатство на рубаху извелъ...

— А ваше богатство—вотъ?—сказала она, указывая на

комету и улыбаясь. — Это ваша послѣдняя кумачевая рубаха?

— Она мой свѣтлый праздникъ. Спорить не стану; и помимо нея не все будни. Но сколько ихъ буденныхъ, дней, кабы вы знали! Какъ много и порой какіе трудные!..

— Это у всѣхъ...

— Такъ развѣ это утѣшеніе? Въ томъ-то и горе, что у всѣхъ... Да наконецъ и этотъ свѣтлый праздникъ... Онъ случайно сложился такъ радостно, а въ обычномъ теченіи жизни и онъ былъ бы какимъ-то робинзоновскимъ торжествомъ, разговѣніемъ на необитаемомъ островѣ... Вы стояли здѣсь и, я чувствовалъ, не безучастно поджидали комету, съ волненіемъ вглядывались въ нее, и это сроднило насъ хоть на полчаса и, прошу прощенія еще за лишнюю высокопарность, наши души похристосовались. Ну, а не будь этой случайности, одинокая радость ожиданія и встрѣчи кометы пусть золотымъ грузомъ, но грузомъ легла бы на душу! Мы всѣ Робинзоны...

— Ну ладно, допустимъ, что въ пространствѣ всѣ Робинзоны,—замѣтила она прежнимъ тономъ, тономъ провѣрки словами собесѣдника своихъ мыслей,—но вѣдь во времени-то одиночества уже нѣтъ. Неужели такъ необычайно трудно прожить въ одномъ временномъ общеніи?

— Что подѣлаешь,—приходится жить и живешь, но не будемъ лгать. Есть это томленіе безплоднаго тяготѣнія: Ein Fichtenbaum steht einsam im Norden... er träumt von einer Palme, die fern im Morgenland einsam trauert, но ихъ раздѣляютъ непобѣдимыя пространства, и каждый не для себя, а для другого поетъ пѣснь сердца, но только самъ себя и слышитъ... Мы либо безгласны, либо безотвѣтны. Мы владѣемъ способностью рѣчи, но наши голоса теряются въ пространствѣ, и въ этомъ трагедія... Есть сербскій варіантъ древней сказки про царя, у котораго были козлиныя уши; царь Траянъ убивалъ поочередно всѣхъ цирюльниковъ, которые брили его, чтобы сохранить свою тайну. Но одного мальчика брадобрея онъ пощадилъ, запретивъ ему подъ угрозой смерти съ кѣмъ бы то ни было дѣлиться тайной. Мальчикъ сталъ чахнуть и хирѣть подъ гнетомъ нераздѣленной тайны и былъ уже близокъ къ смерти. Тогда ему посовѣтовали повѣдать свою тайну чистому полю. И мальчикъ вырылъ въ полѣ ямку, всунулъ туда свою голову и трижды прокричалъ: у царя Траяна козлиныя уши! Съ тѣхъ поръ онъ ожилъ и расцвѣлъ... Да... всѣ мы чистому полю вручаемъ свои тайны, но только одни дѣти могутъ этимъ удовлетвориться...

И, помолчавъ, онъ сказалъ задумчиво и печально:

— Да, Робинзоны мы... Какъ знать, можетъ быть, гдѣ-нибудь въ Чикаго или Верхоянскѣ какая-то душа въ эту самую минуту трепещетъ жаждою созвучія и подавлена безотвѣтностью, а между тѣмъ она-то мнѣ и близкая, и родная, о ней я всю жизнь мечталъ, и мы слѣпо рвемся другъ къ другу и оба томимся... Вѣроятно, такъ томились бы противоположные полюсы электричества, еслибы природа надѣлила ихъ сознаніемъ и живымъ чувствомъ, но раздѣлила непобѣдимыми препятствіями...

— Но субъективно... это громадно,—сказала она.

— Какъ-какъ?! — съ живостью и даже съ изумленіемъ воскликнулъ Стукачевъ.

— Я хочу сказать—въ психологіи отдѣльнаго человѣка чуть ли не всѣ упованія вертятся на этой ничтожной вѣроятности встрѣчи. Еслибы люди пришли къ заключенію, что одиночество есть своего рода законъ, то очень многіе этого бы не перенесли. Понимаете ли, многіе, отвергая ложь и самообманъ, все-таки хватаются за надежду, какъ утопающій за соломенку. А вотъ мнѣ все мечтается... Ну, да, впрочемъ, это уже о другомъ...

— Нѣтъ, пожалуйста, — умоляюще перебилъ ее Стукачевъ—что вы хотѣли сказать? Что мечтается?

— Что мечтается?—повторила она медленно и раздѣльно, поднявъ голову и вглядываясь въ небо, точно обращая къ нему свои слова.—Мнѣ мечтается, какъ крупная побѣда человѣка, такое его состояніе, при которомъ, приравнявъ къ нулю возможность избавиться отъ одиночества, сочтя это за горькое несовершенство своей природы, но не кокетничая съ одиночествомъ, онъ дѣйствительно призналъ бы себя одинокимъ, но остался бы твердъ, бодръ, жизнеспособенъ, строго-интеллектуаленъ...

Она произнесла это, какъ давно и наединѣ съ собою обдуманную мысль, продолжая вглядываться въ небо, словно читая на немъ звѣздными знаками написанную формулу одиночества. Затѣмъ она замѣтила категорически:

— Объ этомъ довольно.

— Пока.

— Можетъ быть, пока...—улыбнувшись согласилась Трутовская. И тотчасъ ушла съ ея лица летучая улыбка, но унесла съ собою нѣсколько рѣзкое и суровое выраженіе, съ какимъ она произнесла свою формулу. Осталось вдумчивое, углубленное, серьезное, прекрасное человѣческое лицо!

Стукачевъ съ восхищеніемъ смотрѣлъ на нее... То, что ночь и комета, и Венера, и море—все до единой черты было такое, какъ вчера, и совсѣмъ иное — углубленное и преображенное до неузнаваемости — отъ присутствія этой жен-

щины—это казалось ему чудомъ! И онъ самъ былъ внутренно преображенъ. Была новая ясность и еще никогда прежде не достигнутая стройность въ привычномъ, день за днемъ накопленномъ и одиноко выношенномъ мірѣ завѣтныхъ мыслей. Вотъ и вчера онъ видѣлъ, что комета и Венера—совсѣмъ различныя стихіи, но почему только сегодня онъ можетъ это назвать?

— Взгляните: Венера и комета посылаютъ какъ будто одинаковый свѣтъ, но вѣдь у нихъ разныя души: одна вся—торжественное спокойствіе; другая—смятеніе и тревога. Какъ это наглядно и въ то же время загадочно!

Она всмотрѣлась и сказала какъ будто отсырѣвшимъ, „росистымъ" голосомъ:

— Да,—Венера это какъ будто ясность и гордость знанія, преодолѣнныя препятствія, вѣра въ гармонію; комета—это тревога, жажда познанія, безпокоящая человѣка. Она тревожно намекаетъ на безконечныя области невѣдомаго. Однако... я тоже заговорила языкомъ небожителей,—прервала себя Трутовская и громко разсмѣялась своимъ открытымъ полновѣснымъ смѣхомъ.

— „Тоже?"—вслѣдъ за нею смѣясь, подчеркнулъ Стукачевъ.—Покорнѣйше васъ благодарю!..

— Да, оба мы, кажется, нагрѣшили. Ну, не бѣда, все это и впрямь нѣсколько необычно, торжественно и настраиваетъ на высокій ладъ. Не станемъ конфузиться... Скоро изъ-за моря выползетъ солнце, давайте ждать первую искру, это бываетъ чудесно.

— Хорошо,—согласился Стукачевъ—а какъ васъ звать?

— Лизавета Ивановна. А васъ Сергѣй Иванычъ? Знаю.

Она глядѣла на востокъ, гдѣ кто-то словно пролилъ густое вино, растекавшееся по горизонту. И, взглянувъ на ея лицо, Стукачевъ вдругъ понялъ одну его главную прелесть: вся она была — вниманіе къ восходу солнца, но въ то же время чувствовалось, что все „нужное" изъ ночного разговора и, вообще, все нужное изъ прошлаго навсегда вошло въ эту обернутую кружевнымъ шарфомъ свѣтловолосую голову. „Значительное въ прошломъ и значительное въ настоящемъ",—мысленно сформулировалъ, по своему обыкновенію, Стукачевъ.

Далеко, далеко въ морѣ, гдѣ обрѣзъ горы уже не могъ задержать первыхъ солнечныхъ лучей, на водяную гладь легло темно-багровое пятно, точно въ этомъ мѣстѣ кровью замутилось море; а немного погодя густой и текучій лучъ, вырвавшись изъ плѣна, брызнулъ и расплескался по морю и по горамъ. Стукачевъ уловилъ, какъ точно капельки крови, оторвавшись отъ него, попали въ зрачки къ Трутовской,

какъ глаза ея внезапно зацвѣли солнечнымъ утреннимъ весельемъ, все лицо просіяло, вся фигура стала похожа на только что отлитую и еще не остывшую статую.

День быстро разгорался. По морю играла кованная золотая чешуя; мокрые голыши по берегу перемигивались бѣглыми вспышками. Красныя, какъ киноварь, горы, еще за минуту до того шептавшіяся о чемъ-то и сбившіяся въ безличную предразсвѣтную массу, теперь, со своими ущельями, уступами и темными пятнами лѣсовъ—разступились по вѣчнымъ мѣстамъ, отяжелѣли и отодвинулись въ глубь, точно вспугнутыя зоркимъ утромъ. На прибрежныхъ дачахъ вспыхнули стекла, шары на бесѣдкахъ. По кипарисамъ, зажигая ихъ верхушки, какъ фитили молитвенныхъ свѣчъ, пробѣгало содроганіе дневного рожденія. Пѣли пѣтухи...

Ночь, съ ея пламенными знаками, кометой, влекущими и неразборчивыми голосами, съ ея жутью и сладкимъ волненіемъ—ушла, и Стукачевъ робко взглянулъ на Трутовскую, какъ бы опасаясь, что она посмѣется надъ его ночными рѣчами и сконфузитъ его на всю жизнь.

Но она была сосредоточенна и серьезна.

VIII.

„Очень умна? Или только—ужасная способность подавать вмѣсто ума первыя сорвавшіяся съ языка слова, которыя похожи на умъ, какъ фальшивые брилліанты на настоящіе? Неужто и здѣсь пустыя улыбки и слова, въ которыя только „мы“ влагаемъ значительное содержаніе? Увѣренность твердой осторожной мысли или самоувѣренность плѣнительнаго наивнаго невѣжества? „*Мужчина обязанъ быть либо умнымъ, либо глупцомъ. Женское право—не быть умной, но быть плѣнительной*“ — нащупалъ наконецъ Стукачевъ нужную ему формулу.—Остальное потомъ...—добавилъ онъ. Но, не снимая пальто, машинально опустился на стулъ, опершись руками на палку, положилъ голову на руки и задумался объ этомъ самомъ.

Его, привыкшаго къ самоподчиненію, изумляло то противорѣчіе, въ которомъ онъ себя чувствовалъ. Передъ незнакомой женщиной, къ которой онъ, какъ всегда, отнесся сначала съ учтивой сдержанностью, съ подозрительностью, съ предубѣжденной недовѣрчивостью къ ея уму и чуткости,—онъ вдругъ безъ всякаго повода выложилъ свои интимнѣйшія мысли, которыя такъ важны, покуда сидятъ въ головѣ, и такъ смѣшны, сходя съ языка, такъ просты въ сердцѣ и такъ напыщенно звучатъ въ словахъ... Еслибы онъ могъ объяснить это кометой, возбуждающимъ вліяніемъ

ночи, нервами, — было бы досадно—и только. Однако онъ ясно сознавалъ и,—что страннѣе всего, — ждалъ и желалъ этого, — что взойди она сію минуту въ его комнату, или завтра, черезъ мѣсяцъ, безразлично,—онъ не только не сдержится и заговоритъ о самомъ интимномъ и важномъ, но даже и попытки не сдѣлаетъ сдержаться. И затѣмъ — не было досады на себя. Но было непривычно-жутко...

Стукачевъ долго сидѣлъ такъ, размышляя, потомъ отложилъ палку въ сторону, облокотился на колѣни и, подперевъ ладонями свою большую голову съ широкимъ, блѣднымъ и худымъ ординарнымъ лицомъ, закрылъ глаза и, какъ молитву, тихо, но раздѣльно произнесъ:

„Только не лгать себѣ, не соблазняться инерціей мысли, отдыхомъ отъ мысли, никакой правды не бояться".

И спокойная ясность овладѣла имъ. Онъ почувствовалъ, что скажетъ себѣ все, безъ утайки. Онъ ужь и не пытался отложить или заглушить трудныя мысли, чувствуя въ этомъ соблазнъ отдыха. И онъ какъ бы отодвинулся въ сторонку, очищая мѣсто для двухъ спорщиковъ въ себѣ, которые, какъ это бываетъ у людей громаднаго, но уединеннаго воображенія, живымъ діалогомъ замѣняли для него спокойное размышленіе.

— Это любовь?—мысленно спросилъ Стукачевъ...

— Да, это любовь!—съ жаромъ подхватилъ звонкимъ теноромъ моложавый спорщикъ съ волнистой копной русыхъ волосъ надъ прекраснымъ лбомъ.—И притомъ истинная. Не истинная—только затемняетъ... Истинная проясняетъ. Еслибы не истинная любовь, у тебя ослабло бы вниманіе къ кометѣ. Но комета тебѣ сдѣлалась ближе и дороже.

Но тотчасъ же всталъ въ воображеніи другой образъ, похожій на монаха, который въ группѣ Джіорджіоне „Concerto" играетъ на органѣ, и спросилъ:

— Скажи: казались бы тебѣ значительны слышанныя въ эту ночь слова, еслибы ихъ произнесла не женщина?

За Стукачева отвѣтилъ голосъ молодого спорщика:

— Слова были хорошія, тонкія, чуткія, свободныя, за ними чувствовалась привычка къ мысли... А затѣмъ—и женское въ нихъ прекрасно... Въ ея вдумчивыхъ словахъ была грація, которой не бываетъ у мужчинъ. Какая жалость, что грація тратится чортъ знаетъ на что, на пустую болтовню, на ничтожныя птичьи щебетанія... Когда женская грація и легкость воспріятія соединяется съ значительностью, какое это завоеваніе! Развѣ поэзія не есть грація значительности? Развѣ святость не есть грація правды? Если важное становится прелестнымъ, оно не теряетъ цѣну, а только дѣлается еще болѣе близкимъ и дорогимъ.

— Однако,—остановилъ Стукачевъ горячаго спорщика,— вопросъ только въ томъ, любовь это или не любовь...

— Да,—неторопливо произнесъ старшій голосъ:—надо знать, во-первыхъ, любовь ли это или миражъ любви, рожденный тоской по идеальной женщинѣ. Но затѣмъ, во-вторыхъ... вѣдь еще вопросъ, нужно ли непремѣнно полюбить женщину, которая соотвѣтствуетъ идеалу?

— Вздоръ!—горячо запротестовалъ русый — зачѣмъ эта математика живой души? Развѣ онъ искалъ эту женщину по готовому идеалу... Вѣдь это значило бы—искать по башмаку ногу? Правда? — спросилъ онъ Стукачева... И Стукачевъ съ нимъ согласился.

— Не чувствуешь ли ты, наоборотъ, что твоя общая печаль о томъ, что самаго для тебя важнаго нѣтъ въ женщинѣ — разсѣивается? И на мѣстѣ ея вырисовывается образъ этой живой женщины, съ суховатыми плечами и внимательнымъ взглядомъ...

— Да, это такъ.

— А не пробивается ли сквозь твое постоянное внимательное, но „постороннее“ отношеніе къ міру только наблюдателя,—новый родничокъ любви къ этому міру?

— Да, можетъ быть, — отвѣтилъ Стукачевъ, долго подумавъ.

— Ну, вотъ: ты любишь эту дѣвушку и сквозь призму любви въ новомъ свѣтѣ начинаешь глядѣть на міръ.

— Но развѣ ты не любилъ Бруно, Чаадаева и другихъ?— спросилъ монахъ печально и сурово.—Я вѣрю той любви и не вѣрю этой... тамъ былъ безкорыстный процессъ, а здѣсь...

— А здѣсь?.. — вдругъ подхватилъ Стукачевъ съ величайшимъ интересомъ.

Но оба голоса вдругъ смолкли и Стукачеву показалось только, что старшій посмотрѣлъ на прощаніе съ тонкой печально-сочувственной усмѣшкой учителя, увѣреннаго въ ученикѣ. Отъ этой усмѣшки радостно дрогнуло сердце у Стукачева. И, какъ послѣдній отголосокъ, донеслась фраза монаха:

„Послѣднее слово все-таки за мной“...

— Ну, мы еще увидимся,—сказалъ Стукачевъ этимъ созданіямъ своего воображенія, поднялся и устало потянулся всѣмъ тѣломъ.

Присѣвъ къ столу, онъ подробно и любовно занесъ въ тетрадь ночное наблюденіе. Потомъ взглянулъ на часы— было $5^{1/2}$,—раздѣлся и заснулъ.

IX.

Въ 10, когда Саша, въ чепцѣ и фартукѣ съ кружевами, принесла кофе—Стукачевъ уже былъ одѣтъ и, сидя въ бесѣдкѣ, писалъ въ N-скую обсерваторію бюллетень о двухъ минувшихъ наблюденіяхъ надъ кометой.

— Елена Севастьяновна вернулась?—спросилъ онъ Сашу.

— Еще вчера съ послѣднимъ катеромъ вернулись.

— Такъ вы, пожалуйста, ей передайте, что я буду кушать за общимъ столомъ. Удобнѣе. Вотъ я бы сейчасъ еще спалъ, а знаю, что кофе принесутъ, и поневолѣ пришлось вставать.

— За то съ кофеемъ, а то бы опоздали. У насъ, ежели кто опоздаетъ, отдѣльно не получаетъ, развѣ по уваженію...—возразила горничная, улыбаясь.

— Ну, это не страшно, за то не связанъ. Много у васъ жильцовъ?

— Нѣтъ, всего шестеро, за столомъ пять. Одна больная,—въ комнату подаемъ. Хорошіе люди, съ зимы. Мужъ съ женой Караевы, да барышня Анна Александровна изъ Кіева, да барышня изъ Москвы, потомъ барышня изъ Вильны, при больной дамѣ. Сезонтъ только начинается... Положимъ, вамъ будетъ веселѣй; да вѣдь вы всегда одни: съ книжкой, на прогулкѣ. Я и удивилась.

Было видно, что отъ удивленія она и разболталась. Никогда Стукачевъ не спрашивалъ про жильцовъ, а сейчасъ спросилъ, и это тоже ее удивило. Онъ не отвѣчалъ на ея щебетаніе, но она не могла уже остановиться.

— А у насъ новости. У Елены Севастьявны (такъ она произносила—Севастьяновны) женихъ, капитанъ. Дачу продаютъ, а послѣ сезонту обвѣнчаются и къ себѣ на родину уѣдутъ, онъ тоже изъ итальянцевъ. Она его боится—сказать нельзя! За дачу пятнадцать тысячъ даютъ, господинъ Аршиновъ, анжинеръ... Она согласна, женихъ не хочетъ; меньше, какъ за восемнадцать тысячъ, говоритъ, не отдавай... Дача стоющая, сказывали, желѣзная дорога на нее пойдетъ. А глазища у него—во-о! Ревнивый—сказать нельзя! Къ покойнику мужу, подумайте, и то ревнуетъ, портреты его всѣ чисто спрятала...

— Саша!—донеслось снизу.

Горничная проворно убѣжала. И Стукачеву показалось странно, что ея болтовня нисколько его не утомила: отъ многодневныхъ кропотливыхъ вычисленій, когда приходилось одно и то же продѣлывать и провѣрять по многу разъ,

онъ не уставалъ, но полчаса неинтереснаго и ненужнаго разговора, котораго изъ учтивости онъ все-таки не прерывалъ, вызывало у него обыкновенно шумъ въ ушахъ и томленіе подъ ложечкой.

Онъ съ недоумѣніемъ поймалъ себя даже на томъ, что выходъ замужъ Елены Севастьяновны, еще не старой, высокой, черной, румяной, красивой и театральной вдовы,— кажется ему довольно любопытнымъ дѣломъ, въ которомъ есть нѣчто смѣшное, что Саша и уловила.

„Вѣроятно, конфузится и счастлива и... дура",—подумалъ онъ добродушно, все посматривая на себя со стороны и не понимая, почему это все не безразлично, не „нуль"...

Выпивъ кофе, онъ досталъ книгу, вынесъ изъ комнаты стулъ и, усѣвшись на тѣневой сторонѣ, приготовился читать. Снизу отъ моря донеслось къ нему какое-то бодрое и учащенное дыханіе,—это, пыхтя, прошелъ катеръ, оставляя за собой длинный дымный султанъ и широкимъ крыломъ расходящуюся рябь на водяной глади. Когда это дыханіе замерло вдали, воцарилась та особенная приморская тишина, когда чувствуется, что тихо не потому, что звучать нечему, но что здѣсь по близости притаились гремящія стихіи, здѣсь и есть родина страшнаго гула, морского воя, горныхъ вѣтровъ—въ этотъ мигъ умиротворенныхъ и преданныхъ великому покою. Это были тѣ лучшіе дни, какихъ въ году немного знаетъ Крымъ, когда здѣсь еще нѣтъ ни единой грубой краски, но всѣ онѣ чисты и ясны, когда кипарисы кажутся молитвенными свѣчами, а яблони — невѣстами, когда все прекрасно и все стыдится своей прелести, когда кажется, что громкимъ звукомъ можно нечаянно поцарапать священную эмаль небеснаго свода; когда все кажется вѣчнымъ, но только вчера рожденнымъ, когда чувствуешь, что тамъ, за горами — уже все иначе,— сурово и спутанно, — и только здѣсь слышна молчаливая общая молитва безграничнаго моря, безграничной лазури, первозданныхъ горъ, парящей земли, тихо умирающихъ подъ теплымъ сіяніемъ солнца чахоточныхъ съ серьезными и худыми лицами, плачущихъ отъ солнца старыхъ дворнягъ, сѣдыхъ татаръ съ важными пергаментными лицами и грустными, коричневыми, какъ кофе, глазами, невозмутимой тишины... А сердце живетъ въ предчувствіи того скорбнаго момента, когда что-то дрогнетъ въ этомъ святомъ миражѣ и грубо проглянетъ крикливое, праздное, чувственное лицо лѣтняго Крыма.

Стукачевъ однимъ любовнымъ взглядомъ охватилъ весь дальній просторъ, который передъ нимъ разстилался, и прислушался. Внизу неразборчиво прозвучали чьи-то го-

лоса и ему показалось, что одинъ изъ нихъ—голосъ Трутовской. Онъ вздохнулъ, свелъ брови, нахмурившись, раскрылъ книгу и погрузился въ чтенiе. И черезъ минуту вся красота Божьяго мiра, такъ тѣсно обступившая его, и голосъ Трутовской, и то, что онъ пережилъ минувшей ночью,— чудесно слилось съ сухими страницами толстой книги, испещренными математическими формулами и чертежами, и онъ потонулъ въ нихъ безъ остатка.

Лицо его сдѣлалось вдумчивымъ, нервнымъ и счастливымъ, взглядъ острымъ; ровное дыханiе время отъ времени прерывалось глубокими вздохами, но не усталости, а волнующей радости. На худыхъ щекахъ подъ сѣдѣющими висками игралъ неровный румянецъ.

А. Дерманъ.

(Продолженiе слѣдуетъ).

Изъ жизни современнаго крестьянскаго „міра“.

(Въ волостныхъ старшинахъ).

I.

Праздничная скука.

Пасхальная недѣля для сельскаго обывателя самая длинная недѣля въ году и очень скучная. Работать не приказано, а, что дѣлать, не указано и не знаешь, куда дѣвать себя; а для трудового человѣка это безпокойно. Дни тянутся удивительно длинные, подъ жиденькій скучный трезвонъ съ колокольни. Человѣкъ выспится, поѣстъ, чаю попьетъ, погрызетъ сѣмячекъ, прочитаетъ старую газету; побродитъ неторопливо, какъ рабочая лошадь, съ которой сняли хомутъ, тяжело подумаетъ: „куда бы это сходить?“—или—„выпить бы, что ли, по маленькой?“ Скучно... Спать не хочется, а веселиться „подъ сухую“ рабочій человѣкъ тяжеловатъ на подъемъ. Иногда онъ рѣшитъ въ правленіе сходить, что, въ концѣ концовъ, значитъ, тоже напиться.

Извѣстно, что въ скучное время на праздникахъ не только правленіе и пивныя, но и земскія больницы переполнены народомъ,—не поймешь,—недосугъ ли людямъ въ будни хворать, или недосугъ лечиться?

Томится бездѣльемъ на Пасхѣ большинство людей старшаго поколѣнія. Но и новые люди, которые появились въ наше время въ каждой деревнѣ, — люди „новаго свѣта“, какъ ихъ у насъ зовутъ, — тоже томительно скучаютъ и не знаютъ, куда дѣвать себя. Конечно, они почитываютъ книги и газеты, но и книгъ, и газетъ въ деревнѣ всегда мало, въ большинствѣ онѣ уже давно прочитаны, и — потоптавшись около самихъ себя, соберутся эти люди гдѣ-нибудь вмѣстѣ. Устроятъ они длинное чаепитіе. Поговорятъ объ общественныхъ дѣлахъ, но при этомъ тотчасъ же и убѣдятся, что обо всемъ уже было говорено, все ужь пережевано по этой части. Почитаютъ газету; посмѣются на счетъ Иліодора и Пуришкевича; потол-

куютъ о Думѣ, которая столько-то „милліоновъ стоитъ и ничего не дѣлаетъ". Но о Думѣ тоже говорили, и не разъ, получается все одно и то же. Перейдутъ на минеральныя удобренія; вяло потолкуютъ о выдѣлахъ въ личную собственность, о кредитномъ товариществѣ, о клеверѣ; все переберутъ отъ скуки и все—темы старыя, затасканныя. И засядутъ рабы Божіи, въ концѣ концовъ, въ картишки „въ 21"... Водки они вообще не пьютъ, пива не пьютъ изъ скупости; пѣсенъ не умѣютъ пѣть, да и нейдетъ имъ какъ-то пѣсни пѣть, и нѣтъ у нихъ еще своихъ пѣсенъ, а время надо какъ-нибудь провести,—скука!

Въ правленье и лечиться они меньше другихъ ходятъ.

Разумѣется, веселѣе всѣхъ живетъ молодежь. Но порядки теперь на гуляньяхъ совсѣмъ другіе, не тѣ, какіе были въ наше время; слишкомъ чинно ведетъ себя молодежь: такъ обязываетъ мода. Нынче уже нѣтъ веселыхъ хороводовъ съ пѣснями, хороводныхъ обрядовъ и игръ—все это упразднено. Молодежь собирается, напримѣръ, у насъ въ Ивановскомъ какъ разъ противъ волостного правленія, у пожарнаго сарая. „Барышни" въ модныхъ юбкахъ „съ высокимъ корсажемъ" и въ кофточкахъ „подъ заправу", въ перчаткахъ и съ цвѣтнымъ платочкомъ въ рукахъ. Волосы у нихъ пышно зачесаны и выбиваются изъ-подъ платка, а то онѣ и совсѣмъ простоволосыя; въ наше время это почиталось безстыдствомъ и грѣхомъ и явившейся въ такомъ видѣ дѣвицѣ родители немедленно растрепали бы прическу тутъ же на гулянкѣ. „Кавалеры", въ модныхъ пиджачныхъ костюмахъ—„тройкахъ", здороваются съ барышнями за руку, всѣхъ безъ исключенія называютъ на „вы", а себя „мы", и ведутъ изысканно вѣжливые разговоры. Конечно, тренькаютъ балалалайки и „двухрядки" играютъ модный маршъ, называющійся, кажется, „На сопкахъ Манчжуріи". Потомъ кавалеры и барышни парочками „подъ ручку" прогуливаются по деревнѣ и уходятъ въ поле. Старики ворчатъ противъ этихъ вольностей, но нравы отъ этого не портятся, на это и старики не могутъ пожаловаться.

За то вечеромъ парни обязательно напиваются и пьяные, отъ избытка силъ, производятъ драки и безчинства, такъ называемые нынче хулиганскіе поступки. Конечно, молодежь была не менѣе горазда на это и въ наше время. Современные толки о томъ, что въ деревнѣ развивается хулиганство, мнѣ кажется, несправедливы. Во всякомъ случаѣ хулиганскіе поступки теперь совершаются не чаще, чѣмъ прежде,—но дѣло въ томъ, что теперь болѣе щепетильны люди въ деревнѣ, и притомъ мѣстные же крестьяне, пишущіе въ „Земской газетѣ" о дикости нашей, темнотѣ и суевѣріяхъ, будьте покойны, не прозѣваютъ и сейчасъ же напишутъ о случаѣ хулиганства. Именно на основаніи корреспонденцій въ мѣстныхъ газетахъ, сообщающихъ о пьяныхъ, безобразныхъ и безцѣльно-жестокихъ явленіяхъ, господа публицисты боль-

шихъ газетъ создали, думается мнѣ, свое обобщеніе о развивающемся хулиганствѣ въ деревнѣ, какъ симптоматическомъ явленіи нашихъ дней, а земскіе гласные, вычитавъ объ этомъ изъ газетъ, заговорили на собраніяхъ.

Пасха нынче ранняя. Она, какъ разъ пришлась въ пору чуткихъ, прозрачныхъ, хрустальныхъ ночей, до поры дождей и бывающихъ еще позже весеннихъ суховѣевъ. Въ пору, когда ночью въ поляхъ слышно, какъ ручьи журчатъ, безпокойно кричатъ пиголицы, свиститъ крыльями летящая дичь и кричатъ утки на болотѣ страстно, въ перебой — „принимаютъ". Настоящіе охотники у насъ тонко различаютъ эти „пріемы", они говорятъ:—„правильная уточка кричитъ умненько, она высоко вынесетъ—та-та-та-та! а потомъ, сейчасъ коротенько скажетъ: та-та... За такую утку рупь—мало, а иной и трешницы не пожалѣетъ; а дура, конечно, зря кричитъ".

Мой дядя Федоръ Ивановичъ, человѣкъ, по его словамъ, имѣющій свое понятіе, говоритъ, что Пасха нынче „во время пришлась". По своему обыкновенію наставительно, дядя говоритъ:

— Ежели празднуютъ безъ мала десять дней? Это не зря. Это я тебѣ могу сказать. Установлено тутъ съ большимъ понятіемъ. Ты возьми въ голову: теперя человѣкъ окончилъ зимнія работы и долженъ онъ начать лѣтнія... Такъ? По этому случаю онъ долженъ привести себя въ порядокъ и планъ себѣ составить: какъ и что... Сообразить, прикинуть, въ люди сходить, въ лѣсъ, въ поле. И пичужки на зиму не сразу улетаютъ, а сначала полетаютъ, похлопочутъ, въ стайки соберутся, полепечутъ между собой, да и въ дорогу. Ты это примѣчать могъ! Теперя—бери себѣ въ голову—мужикъ на Пасхѣ отдохнулъ, въ поле сходилъ, подышалъ парной землицей, и—сейчасъ у него разныя мечтанія пошли... Ужь ему кажется, что у него обязательно урожай нынче будетъ, потому земля весной жирная, а онъ отдохнулъ, силу чувствуетъ и думаетъ, что онъ ее, землю, нынче совсѣмъ иначе проработаетъ, какъ тѣсто въ квашнѣ промѣситъ, и ужъ забылъ, ежова голова, что—все равно зимой каждый годъ хлѣбъ-то покупать приходится!—Это—не зря, ты теперь самъ понимать можешь... Ну, опять же, оно тамъ для леригіи... тоже, тово, нельзя,—прибавляетъ дядя. — Конешно, иной разъ по свѣтиламъ Пасха поздняя приходится, въ самую пахоту, то большой убытокъ приноситъ... это—вѣрно.

— Вотъ на счетъ убытка, это — вѣрно! — подхватилъ бывшій тутъ староста дер. Малиновой, Харламовъ. — Мало того, что пропьются, да еще, какъ придется, что на Страстной пахать начнутъ, да и бросятъ на недѣлю?... Вотъ ты тутъ и считай, во что это въѣдетъ!

Съ своей сторовы мы въ правленіи, т. е., я, волостной старшина,

и писарь Альфонцевъ, въ одинъ голосъ говоримъ: божеское наказаніе это время. Каждый день къ вечеру, втеченіе пасхальной недѣли, мы совершенно хрипнемъ и глохнемъ и бываемъ не въ состояніи сообразить самыхъ простыхъ вещей: сколько, напримѣръ, будетъ „два съ гривной, да безъ четвертака семь"? Каждый день въ волостной канцеляріи толчея просителей и, кромѣ пришедшихъ дѣйствительно по дѣлу, болтается много праздной, безтолковой, а, главное, пьяной публики. И приходится долго выслушивать одно и то же, объяснять одно и то же, не легко объяснить и не легко отвязаться.

Альфонцевъ жалуется и упрекаетъ меня, что я избаловалъ народъ. Онъ говоритъ, что, бывало, они не шлялись, что ихъ не переслушаешь и ихъ дѣлъ во-вѣки не распутаешь; что они врутъ все и сами не знаютъ, чего имъ надо, а нечего дѣлать, вотъ и шляются.

Большинство народа приходитъ по спорнымъ земельнымъ дѣламъ. Все это обиженная, запутавшаяся и безпомощная публика.

Съ тѣхъ поръ, какъ земельное законодательство стало проникать въ область земельныхъ отношеній, въ область обычнаго права, въ деревнѣ появилось стремленіе „умненько" записать свое арендное, напримѣръ, право, называвшееся обыкновенно „покупкой въ годы" (такъ какъ слово аренда было неизвѣстно), на бумагѣ. Обыкновенно аренда или „покупка въ годы" совершалась безъ письменныхъ документовъ, „по совѣсти," „по Божьи". Также по совѣсти, „безъ бумаги" совершалась продажа земли до возраста дѣтей, сдавался надѣлъ въ общество уходящими на заработки, на время солдатчины единственнаго работника семьи, и производился временный, выгодный по домашнимъ обстоятельствамъ обмѣнъ угодьями. А такъ какъ съ нѣкоторыхъ поръ „умные люди" поняли значеніе письменнаго документа,—„если все сдѣлать по закону",—и значеніе десятилѣтней давности, то и стали поступать „по закону"; а это въ начавшейся путаницѣ людскихъ понятій значило большею частію поступить именно не по совѣсти, „не Божьи".

А новые земельные законы, внесшіе новыя понятія о землѣ, какъ о собственности и предметѣ купли и продажи, и оказавшіеся на сторонѣ сильныхъ и умныхъ, внесли ужъ совершенную обиду и путаницу. Въ особенности стало много этой земельной неразберихи въ тѣхъ обществахъ, гдѣ общихъ передѣловъ давно не производилось и не нарушался законъ 1893 г., т. е., не дѣлалось уже ежегодныхъ земельныхъ поверстокъ, какъ у насъ, напримѣръ, въ Малиновой, Рамени и Ивановскомъ.

И вотъ безтолковый, недоумѣвающій народъ и толчется съ утра и до вечера въ правленіи, подаетъ бумаги въ судъ, проситъ выдать документы или представляетъ ихъ, безконечно совѣтуется, сердитъ насъ, потому что опасливо вретъ на

всякій случай, досадливо дѣлаетъ въ семь верстъ околицу, упрямо ломится въ открытыя двери или стучится лбомъ въ стѣну.

И въ большинствѣ все-таки это скучающій, канительный и нетрезвый народъ! Изъ правленія онъ идетъ въ пивную, изъ пивной опять въ правленіе, а мы совѣтуемъ ему идти спать, потому что не можемъ больше ничего посовѣтовать, никакого подходящаго мѣста для лишняго на праздникахъ рабочаго человѣка пока нѣтъ въ деревнѣ.

Довольно несуразная дѣйствительность!

А тутъ еще, какъ на грѣхъ, служившаго у насъ за писаря поденно, бывшаго учителя Малинина, мы должны были въ качествѣ „неблагонадежнаго" человѣка уволить, а писарь Календаревъ запилъ, и дѣла насъ топятъ! Собственно говоря, выпилъ и другой писарь, помощникъ Альфонцевъ, и порядочно выпилъ; но онъ, какъ острятъ у насъ, запиваетъ четыре раза въ годъ и всякій разъ по три мѣсяца, но будто бы можетъ и чаще,—только бы кто поднесъ. Водка, дѣйствительно, не производитъ на него никакого дѣйствія; Альфонцевъ мужикъ здоровый, благонадежный, членъ союза русскаго народа; разумомъ простъ и самъ о себѣ говоритъ; „въ своемъ дѣлѣ я всякій порядокъ знаю, и staраньe у меня есть, только вотъ изъ своей головы не могу выдумывать и слогу у меня нѣтъ; у меня всѣ слова либо въ кучѣ — другъ на дружку лѣзутъ, либо всѣ врозь разбѣгаются".

Къ вечеру народу меньше въ правленіи, но люди пьянѣе. Сейчасъ прибѣгалъ десятскій и звалъ на улицу: тамъ драка...

Я въ десятый разъ толкую двумъ сосѣдямъ, изъ которыхъ одинъ продалъ другому свою укрѣпленную въ личную собственность усадьбу, что „сдѣлки о продажѣ земли нынче нельзя совершать въ волостномъ правленіи, а нужно у нотаріуса"... А они, подвыпившіе, толкаются у стола и просятъ пойти съ ними, „выпить малость", полагая, что въ такомъ дѣлѣ нельзя безъ смазки, сухая ложка ротъ деретъ, что, если меня угостить, то я „обзаконю", велю записать въ договорную книгу.

— Ахъ, дру-угъ... Степанъ Иванычъ! Старшина ты нашъ любезный! Сами знаемъ... Нешто мы не понимаемъ? А! Милый ты человѣкъ... Ужь безъ этого нельзя! Нешто мы не ублаготворимъ тебя?

Экій нелѣпый народъ!

А внизу, у Календарева, онъ самъ, теноръ-сапожникъ Калашниковъ и басъ Яковъ Ялымовъ поютъ „Покаяніе". Поютъ съ большимъ чувствомъ, но разошлись, увлеклись, видимо, и не слушаютъ другъ друга.

— ...„Отверзи, отве-ерзи ми две-ери", слышенъ изъ-подъ полу надтреснутый, растроганный голосъ Календарева.

— ...„Духъ мой ко храму, ко хра-аму свя-ятому",—густо трубитъ ушедшій впередъ Ялымовъ. А Калашниковъ, обогнавшій ихъ

обоихъ, высоко выноситъ своимъ заливистымъ великолѣпнымъ теноромъ: ...„Сту-удными бо-о-окаляхъ ду-ушу грѣхми“...

А тутъ еще Альфонцевъ протягиваетъ мнѣ бумагу и проситъ „набросать карандашикомъ“, а то у него тутъ „что-то оно не тово... несообразно выходитъ“.

Дѣйствительно, „несообразно“...

Подготовляя бумаги къ завтрашнему волостному суду, онъ сочиняетъ заголовокъ судебнаго дѣла по иску крестьянина къ сосѣду въ 7 рублей, стоимость овцы истца, затонувшей въ неогороженной ямѣ съ водой на усадьбѣ сосѣда, т. е. по винѣ этого сосѣда. На обложкѣ, подъ печатнымъ текстомъ — „Гражданское дѣло“,—Альфонцевъ написалъ: „по иску крест. Климина къ крест. Филюкову въ 7 руб., за утонутіе овцы, захлебнувшейся водяной влагой въ наполненной ей ямѣ на неогороженномъ пространствѣ усадьбы его, безъ принятія безопасныхъ мѣръ“. Ему показалось это нескладно и длинно, и, сокращая, онъ зачеркнулъ слово—„водяной“; потомъ ему не нравится несообразное слово—„утонутіе“, и онъ пишетъ: „утопленіе овцы“, потомъ „утопіе“,—все не нравится... Онъ беретъ новую обложку и въ новой редакціи у него значится: ...„7 рублей за его живую овцу, подвергнувшуюся утопленію влагой въ ямѣ по винѣ Филюкова, въ виду нахожденія оной ямы безъ существующей изгороди, на открытомъ пространствѣ его усадьбы, въ публичномъ мѣстѣ“.

Совершенно очумѣлый выйдешь изъ правленія уже ночью. А ночь-то... Господи!.. Вся голубая, хрустально-прозрачная, такъ и обниметъ тебя. Въ воздухѣ молодой, тонкій, ни съ чѣмъ несравнимый ароматъ молодой весны... Вздохнешь во всю грудь, прислушаешься: гдѣ-то далеко, далеко въ поляхъ звонко бульбулькаетъ ручеекъ... Только что, очарованный дивной ночью, развѣсишь уши, а въ это время двое пьяныхъ, шлепая по лужамъ, заводятъ дикими голосами: „Уродилася я, какъ въ полѣ былинка“!..

Фу, ты! Что за нелѣпость эта жалобная дѣвичья пѣсенка въ хриплыхъ глоткахъ пьяныхъ мужиковъ среди дивной ночи!.. А тамъ, гдѣ-то, въ концѣ деревни закричали „караулъ“...

Нехорошо!.. Нескладно, „несообразно“!..

II.

Люди разныхъ понятій.

Въ правленіи, въ комнатѣ за перегородкой—совѣщательной, или „завѣщательной“, какъ называютъ ее у насъ, куда во время суда наши судьи уходятъ на совѣщанія, а въ обыкновенное время и власти, и просители заходятъ выпить „по маленькой“, сидятъ бывшій учитель, „неблагонадежный человѣкъ“, Малининъ и мой дядя Федоръ Ивановичъ, человѣкъ, имѣющій свое понятіе, и пьютъ водку.

Малининъ—добрый, нервный и несчастный человѣкъ, уволенный за грѣшки, которые нашли за нимъ послѣ недавняго удивительнаго времени великаго общественнаго движенія. Въ то время онъ страстно спорилъ въ кружкахъ и въ возникшемъ тогда „Обществѣ учителей С. уѣзда“ по вопросамъ „философскаго обоснованія партійныхъ программъ“, углубляясь до причины всѣхъ причинъ, и сличая аграрную программу эс-дэ съ программой эс-эровъ; къ пропагандѣ же своихъ вредныхъ убѣжденій среди народа онъ еще не успѣлъ перейти, какъ и многіе не успѣли, и тѣмъ не менѣе пострадалъ, какъ и многіе пострадали. Теперь у него на рукахъ большая голодная семья, терзающая его доброе сердце. Пока было можно, мы нанимали его поденно въ помощь писарю и любо было смотрѣть на этого дѣльнаго, въ высшей степени добросовѣстнаго работника и честнаго человѣка на писарскомъ мѣстѣ. Календаревъ у насъ хорошій писарь и тоже хорошій человѣкъ, но онъ человѣкъ усталый, замученный, работающій, именно, поденно: день да ночь и сутки прочь, тогда какъ Малининъ, работая, увлекался, подхлестывая себя разными высшими соображеніями.

Дядя Федоръ Ивановичъ и Малининъ, оба—крестьяне села Ивановскаго и даже немножко родственники, но, тогда какъ Малининъ человѣкъ интеллигентскаго склада, тощій, съ выдавшимися лопатками, похожій на гвоздь, дядя похожъ на мѣшокъ съ картофелемъ,—тяжелъ и присадистъ.

Дядя живетъ въ сосѣднемъ, черезъ рѣку, уѣздѣ, гдѣ арендуетъ у помѣщика мельницу. Такъ какъ онъ не бросилъ еще своего хозяйства въ Ивановскомъ, гдѣ у него домъ и все обзаведенье, то мужики выбрали его въ старосты. Мужики, разумѣется, знали, что посадить его въ старосты значитъ то же самое, что, напримѣръ, отдать въ солдаты и раззорить, и они только хотѣли содрать съ него ведра два водки, но дядя, любившій повторять, что полтина барыша лучше, чѣмъ рубль убытка, заартачился на сходѣ. Приговоръ составили и теперь дѣло весьма усложнялось, такъ какъ бумага уже поступила къ барину. Дядя и пріѣхалъ хлопотать, какъ бы освободиться отъ этой почетной должности.

Такъ вотъ, въ совѣщательной дядя и Малининъ пили водку и мирно разсуждали.

— ...Необходимо признать важное симптоматическое значеніе случая,—говорилъ учитель, дѣлая соотвѣтствующій жестъ худой бѣлой рукой.

— Погоди! Ладно объ этомъ... А отчего все происходитъ, можешь ли ты мнѣ сказать? Теперь я вотъ, здѣсь, или твое дѣло, что хоть на небо жить полѣзай?

— Причина?.. Причина въ данномъ случаѣ, мнѣ кажется, лежитъ вообще въ условіяхъ существующаго бюрократически-полицейскаго строя государства. Я обращался къ самымъ различнымъ властямъ и учрежденіямъ въ губерніи съ просьбой объяснить мнѣ, на ка-

комъ основаніи я признанъ неблагонадежнымъ и отъ кого зависитъ возстановить меня въ правахъ... Ну-съ, мнѣ вездѣ говорили, что не знаютъ моего дѣла, но... „справятся"; зависитъ, во всякомъ случаѣ, не отъ нихъ. И посылали въ другое мѣсто... Право, можетъ быть, все это зависитъ отъ мѣстнаго полицейскаго урядника?..

— Вотъ!.. А почему, я тебя спрошу, здѣсь строй, а у насъ— другой? Здѣсь — такъ, а въ нашемъ уѣздѣ, черезъ рѣку только, совсѣмъ иначе?.. Ты здѣсь неблагонадеженъ, и толку не добьешься, и даже можешь пропасть, какъ муха или какое-нибудь насѣкомое, а пріѣзжай къ намъ и я тебя на мѣсто поставлю, и хотя ты замаранный человѣкъ, это—ни къ чему! Почему это?.. Не скажешь! А я тебѣ скажу и ты послѣ этого понять долженъ. Гляди сюда и бери въ голову!.. Ну, ладно,—инъ давай сначала выпьемъ.

Они выпиваютъ и Малининъ судорожно морщится и сплевываетъ, а дядя навиваетъ на вилку капусту съ лучкомъ и смачно закусываетъ.

— Тебѣ водка не въ пользу, потому—ты человѣкъ пустой, тонкостѣнный. Во мнѣ она кровь разбиваетъ, а тебя только коробитъ и знобитъ, потому—въ тебѣ мало крови... Ты бы не пилъ,—наставительно говоритъ онъ Малинину.

— Такъ вотъ... Я это могу тебѣ сказать и даже объяснить... Первое дѣло, грунтъ земли, то-есть, почва у васъ здѣсь въ уѣздѣ легкая, песчаная и для хозяйства неплодородная, а у насъ она— первосортный черноземъ... Не понимаешь?..

Учитель, ловившій скользкій грибокъ на тарелкѣ, вопросительно поднялъ вилку.

— Очень просто... Значитъ, у васъ на пескахъ помѣщики не могутъ жить и у васъ во всемъ уѣздѣ нѣтъ ни одного помѣщика, а одни крестьяне... Потому грунтъ почвы у васъ не дозволяетъ, чтобы было какъ слѣдуетъ настоящее имѣнье и жилъ бы баринъ. Понимаешь? Нѣтъ?.. Стало быть, у васъ полиція имѣетъ главную силу и строй этотъ самый не происходитъ! Вашъ строй много хуже нашего, это я тебѣ вѣрно скажу! Вашъ исправникъ али становой ничего не знаютъ и вѣрятъ уряднику, что тотъ напишетъ,— то и будетъ. Изъ господъ у васъ только—земскіе начальники; но только здѣсь они легковѣсны: не настоящіе господа, а нанятые, на жалованьи, а силы въ нихъ не заключается, да и живутъ они по городамъ больше. Такъ я говорю?.. А у насъ... у насъ, другъ милый, дру-уго-ое дѣло! У насъ почва другая... У насъ черноземы богатѣ-ѣйшіе; помѣщики живутъ коренные, сильнѣйшіе, зам-мѣчательные! Настоящіе господа—баре-киты, на которыхъ вся земля держится! Прозоровскіе—въ Багульянахъ, графы Шереметьевы—у Спаса, Сабуровы—въ Быковкѣ, Осоргины!.. все рядомъ и по всему уѣзду! Тутъ, другъ милый, не то-о!.. Все генералы, камерьеры, сенаторы... Тутъ тронь-ка, сунься-ка!.. Ему губернаторъ—ни по чемъ, а исправникъ ѣздитъ, когда позовутъ, да — съ днемъ вашего ан-

гела имѣю честь поздравить, ручку пожалуйте!—Вотъ оно что-о! И обыкновенье такое: который баринъ въ Питерѣ не служитъ, а въ имѣньѣ живетъ, онъ тутъ и земскій начальникъ, и судитъ, и рядитъ, и все въ его рукахъ... Полиція не касайся, а говори: чего изволите! Такъ-то... Понялъ теперь? Нѣтъ?.. Ну, выпьемъ еще по маленькой!..

— А происходитъ изъ этого вотъ что: примѣрно,—ты учитель, а баринъ у тебя попечитель... этакій мате-ерый баринище! и ежели ты ему понравился, значитъ, сумѣлъ подмазаться, потрафить ему, то—и живи сто лѣтъ, какъ за каменной стѣной, и никто тебя пальцемъ не тронетъ!..

— Виноватъ! я васъ прерву, Федоръ Ивановичъ! Зачѣмъ же, собственно, потрафлять и, какъ вы выражаетесь, подмазываться? Вѣдь учитель не лакей и, какъ таковой, онъ, я полагаю, долженъ служить дѣлу, а не попечителю, хотя бы онъ былъ и баринище!

— Ахъ т-ты, братецъ мой!.. Какой ты не понятливый!.. Служи, вотъ, дѣлу-то! Гдѣ — оно?.. Опять же — какой лакей? У иного лакея тыща рублей въ банкѣ... Я про то тебѣ говорю, что многіе у насъ изъ вашего брата, изъ фельдшеровъ, изъ урядниковъ черезъ нашихъ господъ у насъ на службу пристроились... въ земской управѣ—тоже... Ѣли досыта, — замечтались, занеслись высоко, набаловали себѣ на шею въ эти годы, ну и... шлялись потомъ—нигдѣ не берутъ, какъ ты же,—неблагонадежны. А у насъ брали!.. Придетъ къ барину такой, какъ ты вотъ, ученый, нагнется да поклонится, скажетъ: простите, глупъ былъ... по недоумѣнію... впередъ никогда не буду. Ну, а господа покорность любятъ; значитъ, упроситъ, потрафитъ, и—готово, благонадеженъ... Баринъ напишетъ: опредѣлите такого-то... И опредѣлятъ, хотя будь ты красный, какъ клюква. Понялъ теперь?!

— Холопы и подлецы такъ дѣлаютъ!—говоритъ возмущенный Малининъ.—Я не способенъ на это!

— Опять ты!.. Экій ты, братецъ, бодливый... кабы—рога? Все еще топырится. Вѣдь я все это тебѣ говорю, добра тебѣ желая. Жалѣю тебя! Я понимаю,—кто, молодъ будучи, не кувыркался, да и въ кустъ головой не попадалъ... А способности тутъ немного надо. Я тебя могу научить и помогу въ этомъ дѣлѣ... Ты слушай и бери себѣ въ голову! Первымъ дѣломъ, примѣрно, могу я тебя сводить къ барину Прозоровскому; хотя онъ и генералъ и камерьеръ, но меня можетъ выслушать снисходительно, потому что я у него лѣтъ пять въ кучерахъ жилъ. Скажу: такъ и такъ, ваше сіятельство, человѣкъ, молъ, хорошій, смирный, а только по неразумію накуралесилъ малость на свою шею, теперь, молъ, и самъ не радъ и, ежели милость свою окажете, то обѣщанье дастъ, что никогда больше никакихъ безобразіевъ дѣлать не будетъ... Такъ ли я говорю!?

Учитель порывается вскочить со стула.

— Постой малость... А ты, рабъ Божій, въ это время подойдешь смирненько, да и поклонишься низенько, съ уныніемъ и покаяніемъ. Да не говори, что за мной, молъ, никакой вины нѣтъ,— господа это не любятъ, — а, виноватъ, молъ,замечтался... по глупости своей... Постараюсь, молъ, заслужить... Взгляните милостивымъ окомъ... И онъ тебя поставитъ, какъ столбъ въ землю вроетъ!

— Федоръ Иванычъ! — кричитъ, вскакивая, негодующій учитель,—все, что вы мнѣ сказали, все это низость! гадость, подлость! Поймите,—это подлость и низость! Я никогда не сдѣлаю этого! Понимаете,—никогда! Я—честный человѣкъ!

Дядя смотритъ на него съ недоумѣніемъ.

— Я не только не измѣню своимъ убѣжденіямъ, но и не позволю себѣ подличать передъ какимъ-нибудь зубромъ, котораго я прrезира-аю!—кричитъ блѣдный Малининъ, бѣгая по комнатѣ.—Я не способенъ холопски кланяться передъ вашимъ тамъ... бариномъ и отвѣчу только на его поклонъ!

— Значитъ, дуракъ!—говоритъ дядя, тоже возмущаясь и сердито швыряя вилку.

— Вы не имѣете права меня оскорблять!

— Я не оскорбляю, а говорю, что дуракъ ты... Ты бы поклонился, голова не отвалилась, а потрафилъ бы, такъ онъ тебя бы, можетъ, человѣкомъ сдѣлалъ?

— Я—человѣкъ... и мое человѣческое достоинство возмущается противъ подлости, и противъ хамства, и противъ холопства!

— Да какое у тебя можетъ быть достоинство? Ужь ты, тоже, голова, не генералъ ли какой?

— Вы меня не понимаете!

— Нѣтъ, ты меня не понимаешь!

— Я съ вами не могу разговаривать...

— А я съ тобой не желаю!

— Вы еще существо, не живущее сознательною жизнью!

— Я... существо?..—И дядя зловѣще поднялся.

— Вы мнѣ нервы портите!

— Нѣтъ, ты постой... Я, братъ, православный христіанинъ, на мнѣ крестъ есть, и сотворенъ по образу и подобію Божію, а... не существо!.. Самъ ты, видно, существо, мерзавецъ этакій!..

— П-позвольте..—дѣлаетъ умоляющіе жесты пораженный учитель.

— Вотъ ты такъ существо, сволочь паршивая! — оретъ дядя, наступая на него.

Мы съ Харламовымъ надрываемся, уговаривая дядю.

— За что же онъ меня оскорбляетъ?—говоритъ Малининъ упавшимъ голосомъ, поднявъ плечи и оттопыривъ свои худыя лопатки.

— Дрянь, стрекоза поганая! А еще я его водкой угощалъ! Существо... Я тебѣ дамъ существо!

Несчастный учитель, ежась отъ брани, уходитъ еще болѣе несчастнымъ.

— А ты не ерепенься, братъ!—мститъ за учителя негодующій Харламовъ.—Конешно, существо, и даже отъ обезьяны произошелъ!

Дядя осыпаетъ его крупной матершиной, но, получивъ сдачи сполна той же монетой, успокаивается. И уходятъ они оба добрыми друзьями.

III.

Собраніе волостного правленія.

Собраніе волостного правленія — коллегіальный распорядительный органъ волости, какъ самоуправляющейся единицы. По закону, это собраніе составляется изъ должностныхъ лицъ волости, т. е. изъ сельскихъ старостъ, волостныхъ судей и писаря подъ предсѣдательствомъ старшины. По ст. 107 общаго положенія о крестьянахъ, рѣшенію волостного правленія подлежатъ только слѣдующія дѣла: 1) производство изъ волостныхъ суммъ всякаго рода денежныхъ расходовъ, утвержденныхъ уже волостнымъ сходомъ; 2) продажа частнаго крестьянскаго имущества по взысканіямъ казны или частнаго лица и 3) опредѣленіе и увольненіе волостныхъ должностныхъ лицъ, служащихъ по найму. Всѣ рѣшенія волостного правленія записываются въ книгу приказовъ волостного правленія. И, само собой разумѣется, собранія солостного правленія должны бы объединять дѣятельность старостъ и старшины и въ области общественнаго хозяйства, и въ ихъ отношеніяхъ къ властямъ.

Такъ опредѣляются права собраній волостного правленія въ общемъ положеніи, а, такъ какъ до сихъ поръ изъ губернской типографіи намъ вмѣстѣ съ другими книгами каждый годъ присылаютъ и книгу „приказовъ волостного правленія“, то, можно думать, что эти собранія когда-то бывали, но у насъ со времени введенія земскихъ начальниковъ они уже не собирались. Съ тѣхъ поръ, какъ волостное правленіе, органъ крестьянскаго самоуправленія, превратился въ мѣстную канцелярію съ писаремъ во главѣ, подчиненную участковой канцеляріи съ земскимъ начальникомъ во главѣ, а старшина въ послѣднее звено бюрократической цѣпи, въ низшаго агента полиціи; съ тѣхъ поръ, какъ и выборныя, и служащія по найму должностныя лица, и писарь, и старшина, и даже судьи увольняются земскимъ начальникомъ, да и назначаются, въ сущности, имъ же,—этотъ органъ атрофировался совершенно. Теперь всѣ денежные расходы и продажи крестьянскаго имущества съ торговъ и безъ торговъ, и по казеннымъ, и по частнымъ взысканіямъ производятся старшиной по распоряженію земскаго начальника, и всѣ служебныя дѣйствія должностныхъ лицъ волостного правленія опредѣляются приказаніями и распоряженіями изъ канцеляріи

земскаго начальника. Теперь волостное правленіе только — старшина и писарь. Это сторона начальствующая, власть, преимущественно полицейская и взыскивающая, а старосты съ міромъ другая сторона — подначальная и сопротивляющаяся, и обѣ онѣ безпрерывно воюютъ другъ съ другомъ. При своеобразномъ современномъ положеніи волостного самоуправленія выборный старшина обязательно оказывается начальствомъ „во ввѣренномъ ему участкѣ“, подчиненномъ и мѣстной полиціи, а никакъ не представителемъ довѣренныхъ ему общественныхъ интересовъ.

Когда-то К. Аксаковъ писалъ по этому поводу слѣдующее: „Положеніе о крестьянахъ создало опасность для развитія общины, создавъ властное независимое сельское начальство, опасное, какъ невѣжественное и чѣмъ болѣе невѣжественное, тѣмъ болѣе (подчиненное уже по Положенію) подчиненное полиціи“.

Именно, какъ попытка къ объединенію со старостами и разрѣшенію нѣкоторыхъ вопросовъ по общественному хозяйству, и было мной „самовольно“, въ свободные дни на Пасхѣ, созвано собраніе волостного правленія. Однако даже и съ этой только цѣлью, какъ я убѣдился, это была попытка съ негодными средствами.

Первымъ, какъ всегда, на собраніе явился староста дер. Муреней Вуколъ Ловыгинъ. Вуколъ—человѣкъ старыхъ понятій и новичокъ въ должности, поэтому старателенъ и всего боится. Онъ принесъ 37 рублей съ полтиной, которыя „во исполненіе приказа“ добросовѣстно и съ огромнымъ терпѣніемъ собралъ, и сдаетъ ихъ мнѣ, старшинѣ, подъ росписку. Тутъ у него разныя суммы: волостныя, казенныя и земскія поземельныя, и страховыя для отсылки въ казначейство.

Стоитъ этотъ большой, понурый, „суглобый“ смирный мужикъ у стола и мучительно долго считаетъ. Онъ мнетъ бумажки, а маленькіе серебряные гривенники постоянно выскальзываютъ изъ его огромныхъ, тупыхъ, узловатыхъ пальцевъ. Разложивъ деньги кучками, онъ вслухъ считаетъ:

— Стало быть,—дай Богъ памяти... двѣнадцать съ полтиной волостныхъ, да семь съ гривной казенныхъ, да... десять безъ двугривеннаго страховыхъ, а ежели что останется, то—въ земскіе... Стало быть, сколько ихъ тутъ будетъ?.. Ежели семь съ гривной, да двѣнадцать съ полтиной, да эти—туда же?.. Не то. Изъ нихъ надо,—чтобы было тринадцать рублей... безпремѣнно. Ахъ ты, грѣхъ какой! — напряженно кряхтитъ Ловыгинъ. — Стало быть, ежели это—туда?.. а это сюда?.. а эти—въ волостныя сдать? А волостныхъ надо двѣнадцать съ полтиной... Какъ-же? Ихъ столько и было! Д-да, стало—опять не то,—шепчетъ Ловыгинъ.

Потомъ пріѣзжаетъ на бѣговыхъ дрожкахъ некрупный кулачокъ, староста деревни Ворожбы Василій Рязановъ, человѣкъ „новаго свѣта“.

Рязановъ небольшого роста, круглый, гладкій, какъ поросенокъ;

взойдя въ присутствіе, молится передъ иконой и улыбается, а, здороваясь, говоритъ:

— Это такъ, одна формальность, Степанъ Иванычъ,--старая привычка; у нашихъ стариковъ правило, чтобы, взойдя, помолиться передъ иконами, за этимъ они строго слѣдятъ... я и привыкъ.

Собрались всѣ старосты, но изъ судей никто не пришелъ.

Мы чинно усаживаемся и я открываю собраніе.

Первымъ на очереди старый неразрѣшимый вопросъ о мостѣ черезъ Нюжьменскую гать. Въ предѣлахъ волости, черезъ длинное и очень широкое болото, пролегаетъ весьма важная дорога, единственная въ этомъ направленіи. Уже давно бревенчатая настилка по болоту, которая и называется мостомъ, совершенно сгнила, образовались провалы, ямы и топкій, невозможный для проѣзда путь. Необходимо было положить новую настилку на протяженіи двухъ верстъ. Отъ волости требовалось только доставить матеріалъ, потому что, хотя дорога имѣла только мѣстное значеніе, земство брало на себя всю работу.

Мы вычисляемъ и находимъ, что на каждое тягло въ волости причитается по два аршина площади настилки или по десяти семиаршинныхъ въ длину бревенъ.

— Вотъ и ладно, значитъ, по два воза привезти, только и всего, не много дѣловъ... о чемъ тутъ говорить? И давно его починить надо!—простодушно говоритъ Ловыгинъ.

— Тебѣ—два, а Кирилѣ Каликину — четыре, а Колыванову, вонъ, съ трехъ тяголъ — шесть, а онъ меньше твоего ѣздитъ... Нужно равномѣрно,—вразумляетъ его Харламовъ.

— По ровнюшкѣ, други милые, надо, по ровнюшкѣ, чтобы безъ обиды. Надо со всѣхъ взыскать! У насъ есть бобыльскаго состоянія люди, торговый народъ, мельники... Со всякаго пришлаго проживающаго народа по силѣ-возможности надо взыскать! И они по дорожкамъ ѣздятъ,—совѣтуетъ старичокъ Кирила Каликинъ.

— Что жь, оно... да, это дѣйствительно,—неувѣренно говоритъ Харламовъ,—только не скоро сообразишь тутъ, съ кого что...—И, по привычкѣ, беретъ со стола счеты.

Но нашъ ивановскій юрисконсультъ, староста Колывановъ, сейчасъ же разрушаетъ эти соображенія. Улыбаясь, онъ встаетъ и говоритъ:

— Позвольте вамъ замѣтить, что это едва-ли возможно... По закону, насколько мнѣ извѣстно, мы не имѣемъ, знаете ли, права облагать лицъ, которыя не крестьянскаго сословія, и вообще чужихъ, проживающихъ въ волости; а что касается, собственно, бобылей, то является вопросъ: въ какой долѣ сравнительно съ тягломъ мы обложимъ ихъ, соблюдая уравнительность? Тутъ, знаете ли, будетъ большая переписка съ земскимъ начальникомъ и разными инстанціями, чтобы утвердили приговоръ... Вообще собственно, конца не дождешься!

— Несправедливо будетъ, православные, чтобы натурой, лѣсомъ, значитъ, и съ тягла, то-ись... Хорошо, какъ онъ, лѣсъ-отъ, свой мірской есть, а какъ его купить надо?.. У нашего общества нѣтъ, и у Фокинскихъ, вонъ, нѣтъ, да и у другихъ кое у кого нѣтъ. Намъ вдвое противъ другихъ и встанетъ, ежели его купить... Неровно, молъ, будетъ, я говорю,—заявляетъ хвалынскій Княжевъ.

— Ничего изъ этого не выйдетъ! – Чего зря говорить, пустые орѣхи грызть... время вести,—раздается тяжелый голосъ Власова, скептика и вообще „несогласнаго" человѣка.

— Почему вы такъ думаете, извините, пожалуйста, Егоръ Иванычъ?—шутливо спрашиваетъ его Рязановъ, по привычкѣ близко придвигаясь и трепля по плечу.

— А потому что не привезутъ! Какая-нибудь часть мужиковъ лѣсъ доставитъ, а другихъ—и черезъ пять лѣтъ не соберешь!

— У насъ привезутъ... У насъ, извольте видѣть, дѣдъ Романъ гаркнетъ: на мостъ, міряне, православные христіане! И всѣ поѣдутъ, ха, ха!

Послѣ обмѣна мнѣній мы всѣ соглашаемся, что, можетъ быть, третья часть тягольныхъ крестьянъ привезетъ свою долю матеріала, а остальныхъ не соберешь и кромѣ того, тутъ—„грѣха куча".

Тогда Харламовъ предлагаетъ, разложивъ „по справедливости", сбирать деньги и потомъ матеріалъ купить, а вывезти „помочью".

Всѣ соглашаются, что помочью вывезти можно, только надо купить бочку водки.

— Все равно ничего не выйдетъ! Немыслимо собрать деньги... Чай, не по гривеннику надо... не станешь описи или оборку имущества тутъ дѣлать? А такъ много ли соберешь! Чего зря болтать!—опять встаетъ поперекъ дороги Власовъ, этотъ досадливый, несогласный мужикъ.

Конечно, мы молча соглашаемся съ нимъ. Нельзя не согласиться, ибо, не смотря на описи и оборки, у насъ не только не собрано недоимокъ, но и опять большой недоборъ текущихъ платежей.

— Прошу слова!--встаетъ Колывановъ и говоритъ:—Нельзя не согласиться, господа, что и тотъ, и другой путь къ изысканію средствъ для постройки моста очень трудны, но, мнѣ кажется, знаете ли, возможенъ третій путь: вѣдь у насъ есть старинный волостной капиталъ... вотъ бы его и употребить тутъ? Именно объ этомъ я и счелъ долгомъ напомнить собранію. — Колывановъ кланяется и садится.

Такъ какъ взоры почетнаго собранія обращены ко мнѣ, то я подтверждаю, говорю, что, дѣйствительно, есть, но нужно, конечно, ходатайствовать передъ начальствомъ о разрѣшеніи израсходовать его на постройку моста.

— Пу-устяки!.. Чай, деньги наши, мы и расходовать ихъ куда угодно можемъ. Какое начальству до этого дѣло? Пустяки... не-

чего тутъ ходатайствовать! — горячо споритъ Власовъ, искренне изумленный моимъ разъясненіемъ.

— Вѣрно, вѣрно! — поддерживаютъ его старосты. — Что еще тутъ... такъ и сдѣлать надо! Вотъ и вся недолга...

Но Колывановъ сдержанно улыбается наивности этихъ людей и наставительно говоритъ:

— Дѣло дѣлается законнымъ порядкомъ и по дистанціи... Мы должны собрать сходъ, написать соотвѣтствующій приговоръ, потомъ выбрать уполномоченныхъ, послать въ надлежащее мѣсто ходатайство и оно пойдетъ по дистанціи, и — зря дѣло не дѣлается—можетъ не ранѣе года разрѣшеніе выйдетъ; но могутъ и не разрѣшить...

— Не можетъ быть!—спорятъ старосты, которымъ, въ сущности, очень хочется мостъ починить.

— Я говорилъ, что ничего изъ этого не выйдетъ... Такъ и есть!—сейчасъ же и съ удовольствіемъ противорѣчитъ Власовъ.

— Ладно, увидимъ тамъ, что будетъ! Пиши, Степанъ Иванычъ что мы, значитъ, постановили на мостъ употребить нашъ капиталъ, и—больше ничего!—бунтуютъ старосты.

— Я однако не могу подписаться подъ постановленіемъ... Вообще, подъ нашими постановленіями, — заявляетъ, немного смущаясь, Колывановъ.

И, въ отвѣтъ на наши вопросительные взгляды, поясняетъ:

— Знаете, не считаю возможнымъ... Мнѣ стало извѣстно, что собраніе наше безъ разрѣшенія земскаго начальника... собственно, нѣтъ офиціальной бумаги... совсѣмъ незаконное, и... я затрудняюсь: кабы... по шапкѣ не попало!..

Воцаряется общее изумленіе, и старосты вполголоса допрашиваютъ Колыванова.

Я возражаю, разъясняю и читаю о собраніяхъ волостного правленія изъ Общаго положенія. Но тѣмъ не менѣе, въ концѣ концовъ, соглашаются подписать записанное въ книгѣ постановленіе только Харламовъ и Власовъ.

— Я говорилъ, что ничего изъ этого не выйдетъ... Гдѣ намъ!— заключаетъ вполнѣ довольный Власовъ.

Кое-кто изъ старостъ берется за шапки съ явнымъ намѣреніемъ удрать, но я строго, начальнически приказываю остаться.

И, когда мы опять всѣ садимся, я говорю, успокаивая, что теперь ужь у насъ будетъ не собраніе. Теперь мы никакихъ постановленій не будемъ записывать въ книгу, а такъ—поговоримъ о дѣлахъ.

Послѣ этого читаю старостамъ полученную (еще въ прошломъ году) отъ земскаго бумагу, въ которой требовалось, чтобы сельскими старостами „принимались самыя строгія мѣры къ пополненію общественныхъ хлѣбозапасныхъ магазиновъ“, а старшиной— „строжайшія“ къ понужденію старостъ.—А между тѣмъ—говорю

я послѣ этого—изъ присланныхъ вами въ правленіе вѣдомостей о состояніи магазиновъ видно, что они пусты вездѣ, кромѣ общества дер. Ворожбы и, отчасти, Малиновой. — Надо собирать, господа, и чтобы въ сентябрѣ запасы были пополнены!

Всѣ молчатъ. Кто-то громко зѣвнулъ и быстро проговорилъ: „Охо-хо, Господи помилуй, да...“ Только старичокъ Кирила Каликинъ ласково и убѣжденно заговорилъ:

— Силушки нѣту сбирать, Степанъ Иванычъ, никакой возможности! Отощалъ народушко; голоденъ сталъ, маломощенъ... Зернышки давно растащили и пріѣли, собрать ничего нельзя. Хлѣбушко какъ обмолотятъ и съѣдятъ, ничего не оставятъ.

— Было объ этомъ,—обрываетъ его скучающимъ голосомъ Власовъ.

Совершенно вѣрно, магазины пусты, а... собственно потому, что дѣло испорчено было въ самомъ началѣ; наша извѣстная халатность: принимали безъ всякаго понятія и многіе возвращали ссуду всякимъ мусоромъ и хорошимъ хозяевамъ доставались для посѣва никуда негодныя сѣмяна, и они первые не повозили, а за ними и другіе...

— Однако въ Ворожбѣ вонъ магазины переполнены,—Василій Иванычъ вамъ скажетъ,—не угодно-ли?—намекаю я, пытаясь навести мысль собранія на общественныя запашки, которыя для этой цѣли существуютъ въ Ворожбѣ и которыя меня интересуютъ.

— Ахъ, милый человѣкъ, тамъ народъ сильный, въ Ворожбѣ; мужички хлѣбные, заправные; у нихъ и такъ, и этакъ—все хорошо выходитъ.

— Не въ томъ дѣло, позвольте вамъ замѣтить, дядя Кирила,—сейчасъ же вступается Василій Рязановъ.—У насъ вовсе не собираютъ. У насъ, изволите видѣть, очень просто... У насъ отведена земля,—такъ и называется магазейная; она дальняя, подъ Боромъ, навозъ на нее нѣтъ разсчету возить... И значитъ—помочью! Купятъ ведерко вина, объѣздъ сдѣлаютъ и,—разъ-два... въ двадцать четыре часа все сдѣлаютъ! И спашутъ, и засѣютъ... Конечно, все дѣдъ Романъ командуетъ.

— Н-да, слыхали объ этомъ...

— Этакъ хорошо, что и говорить,—скучно тянутъ мужики.

— Вотъ бы и въ другомъ обществѣ такъ попробовать, — говоритъ Харламовъ.

— Гдѣ тутъ... нешто нынче согласишь...

— Куда тутъ!.. нынче народушко весь врозь лѣзетъ... все на выдѣлъ хотятъ мужички,—вздыхаетъ Каликинъ.

— Что зря говорить? Ничего не выйдетъ... Гдѣ намъ!

Бесѣда тягуча, скучна и совершенно не интересна. Дѣло не клеится и вопросы общественнаго хозяйства не вносятъ въ нашу

среду объединенія. Старосты однако не торопятся домой, и всѣ уходятъ за перегородку, въ совѣщательную.

Оказывается, за перегородкой водка и пиво; ихъ привезъ съ собой Рязановъ. Ужь такое обыкновеніе у Рязанова, хотя онъ самъ и не пьетъ.

IV.

Между дѣлъ.

Лѣтомъ въ правленіи дѣлъ значительно меньше. Мужики въ полѣ, а начальство на дачѣ, а около Казанской въ присутствіи и совсѣмъ тихо. Притомъ начальство лѣтомъ не предпріимчиво и снисходительно, а когда оно пріѣзжаетъ сердитое, то, значитъ, торопится поскорѣе уѣхать. Но большею частію бываетъ легкомысленно и благодушно. Въ правленіи ему скоро становится скучно и, сдѣлавъ какое-нибудь порученіе, оно уѣзжаетъ, снисходительно пожелавъ мужикамъ дождя, если сухо, или ясныхъ дней въ дождливое время.

Только у писарей нашихъ дѣла всегда больше того, что они могутъ сдѣлать; это понятно, такъ какъ волостныя канцеляріи есть источникъ, питающій всѣ уѣздныя и губернскія учрежденія этого рода. А лѣтомъ, кромѣ того, писаря сочиняютъ различную статистику по порученію губернскаго правленія. Случается то неурожай, то градобитіе и тогда писаря обязываются доставлять свѣдѣнія: о количествѣ неудовлетворительныхъ, погибшихъ и удовлетворительныхъ десятинъ и посылать свои сочиненія два раза въ мѣсяцъ.

Главнѣйшая же и мучительная обязанность старшины—сборы затяжныхъ, какъ неизлечимая болѣзнь, текущихъ платежей, недоборовъ и недоимокъ, лѣтомъ прекращается въ виду полной безплодности этого занятія, ибо мужика въ это время хоть выжми, хоть выверни — ничего не нажмешь. Дѣятельность старшины лѣтомъ преимущественно проявляется внѣ стѣнъ правленія, въ разъѣздахъ по деревнямъ волости. Лѣтомъ у старшинъ на первомъ мѣстѣ дѣла землеустроительныя: старшины, нещадно палимые солнцемъ, шагаютъ по полямъ и обмѣриваютъ полосы, загоны, клинья и косяки укрѣпляющихся въ личную собственность. У насъ, слава Богу, пока дѣлъ въ полѣ мало, но спорныя усадебныя дѣла занимаютъ среди другихъ видное мѣсто. Съ объявленіемъ усадебныхъ земель не подлежащими общественному передѣлу, съ тѣхъ поръ, какъ онѣ стали, такимъ образомъ, личной собственностью, объявилось множество спорныхъ границъ и стоящихъ на чужихъ мѣстахъ построекъ и волостные суды оказались заваленными спорными дѣлами объ усадьбахъ, а старшины лѣтомъ то и дѣло,—„во исполненіе постановленія“, — ломаютъ какой-нибудь садишко, амбаръ или другую хозяйственную постройку, оказавшуюся не на своемъ мѣстѣ, и нарушаютъ лѣтнюю „тишину и спокойствіе“. А

міряне при этомъ оскорбляютъ другъ друга и словами, и дѣйствіемъ, ибо тутъ сплошь и рядомъ проявляется явное торжество грамотнаго плута „съ документомъ“ въ рукахъ.

Но. если мы лѣтомъ не собираемъ подати и недоимки, то преимущественнымъ занятіемъ въ это „свободное время“ являются выѣзды по взысканіямъ съ должниковъ-крестьянъ по требованію учрежденій и частныхъ лицъ. Производятся безчисленныя описи имущества и безплодныя попытки продать его съ торговъ. Въ волости мало домохозяевъ, у которыхъ теперь земельныя границы не были бы спорными, и, кажется, совсѣмъ нѣтъ таковыхъ, надъ которыми не тяготѣли бы самыя различныя долговыя обязательства, имущество которыхъ не было бы описано, или, по крайней мѣрѣ, не было бы попытокъ описать и продать его съ торговъ. Право, нашъ домохозяинъ мнѣ кажется похожимъ на барана, котораго подкармливали ссудами въ надеждѣ, что онъ отроститъ хорошую длинную шерсть, но онъ уже настолько захудалъ, что только подкормился, а шерсти не отростилъ; и вотъ теперь мы пробуемъ съ него содрать шкуру. За весьма малыми исключеніями, всякій порядочный домохозяинъ у насъ есть должникъ безнадежный и, какъ и полагается таковому, прекрасно знающій, что именно изъ крестьянскаго имущества по закону можетъ быть описано и продано съ торговъ. Поэтому попытки накрыть и описать подходящее для продажи съ торговъ его имущество большей частью бываютъ безплодными. Съ торговъ обыкновенно продается какая-нибудь хозяйственная постройка, которую никто не покупаетъ, потому что... „Купи-ка ее, да стань ломать?.. Тутъ на всю деревню крику надѣлаешь, пыль подымешь, да себѣ первому глаза и напылишь!“.

Первое мѣсто среди кредиторовъ въ настоящее время принадлежитъ кредитному товариществу. Почти каждый мѣсяцъ въ волостное правленіе поступаетъ длинный списокъ должниковъ товарищества, просрочившихъ свои ссуды, съ указаніемъ заложеннаго имущества (если ссуда была выдана подъ залогъ) и размѣровъ ссудъ, и я, старшина, сопровождаемый членами правленія, „банковыми“, ѣзжу изъ деревни въ деревню. Согласно циркулярамъ, неоднократно подтверждавшимся и крайне строгимъ, старшина по взысканіямъ кредитнаго товарищества долженъ оказывать содѣйствіе немедленное. А среди всякаго другого начальства новое землеустроительное и кооперативное начальство для сельскихъ властей самое опасное.

Вообще эта наша особаго рода кооперація на особомъ попеченіи у начальства и мнѣ хочется сказать о ней пару словъ,—„критику навести“,—какъ говорятъ у насъ,—потому что ея учрежденія играютъ большую роль въ жизни деревни, и не только въ ея экономической жизни. Прежде всего эта наша кооперація весьма самобытна: такъ, напримѣръ, извѣстно, что для всякой коопераціи

обязательны начала самодѣятельности и самоуправленія, этимъ кооперативныя учрежденія и отличаются, ну, а наши кредитныя товарищества въ своей внутренней жизни даже менѣе самостоятельны, чѣмъ волостныя правленія, и дѣятельность ихъ всецѣло опредѣляются циркулярами инспекціи, на каждый шагъ нужно получить разрѣшеніе, а предположеніе и циркуляръ къ свѣдѣнію имѣетъ значеніе приказанія. Извѣстно, что общее собраніе членовъ можетъ быть собрано только съ разрѣшенія инспекціи, вопросы на этихъ собраніяхъ разрѣшаются только опредѣленные инспекціей и въ направленіи, желательномъ инспекціи; разрѣшенные, въ противоположномъ направленіи не будутъ утверждены. Члены правленія, инспекціи не желательные, отстраняются по „неблагонадежности", вновь избранные, нежелательные, не утверждаются. При такихъ условіяхъ инспекція, органъ надзора, стала органомъ распорядительнымъ. Инспекторъ для членовъ правленія то же, что земскій начальникъ для сельскихъ властей. На общія собранія едва одна десятая часть членовъ товарищества ходитъ „послушать".

Судя по отчетамъ, дѣла нашего товарищества блестящи, да и вообще эта казенная кооперація вездѣ быстро прививалась и пышно развивалась и развивается. Это неудивительно, потому что почва для денежнаго посѣва была хороша. Истощенная земля— жадно воспріимчива. Но на первыхъ порахъ денежный дождь, пролитый на эту истощенную землю, весь ушелъ въ нее, даже не напоивъ ея; онъ не возбудилъ ея естественныхъ силъ и отъ него не потекло дѣятельныхъ ручейковъ по лицу земли. Теперь болѣе половины домохозяевъ нашей волости состоятъ членами товарищества, а все годное для залога имущество ихъ заложено и мнѣ хорошо извѣстно, что большая часть ихъ брала деньги совсѣмъ не для „развитія производительныхъ силъ хозяйства" и не потому, что серьезно задумывались ими планы хозяйственныхъ улучшеній, да для этого и не годились 30—50 р. краткосрочной ссуды изъ товарищества (изъ отчетовъ видно, что средній размѣръ ссудъ около 40 р.). Нѣтъ, деньги брали только потому, что ихъ давали и трудно было устоять передъ искушеніемъ заткнуть одну изъ нѣсколькихъ зіяющихъ дыръ въ хозяйствѣ: „ну, а тамъ, авось, какъ-нибудь перевернемся". А народъ у насъ хитроумный по части вывертокъ („изъ кулька въ рогожку") и уже успѣлъ освоиться съ оборотами уплаты ссудъ въ срокъ, да и правленіе, чтобы не портить отчетовъ крупной цифрой просроченныхъ ссудъ, охотно устраиваетъ переписки ссудъ и дѣлаетъ это, при сотрудничествѣ членовъ, весьма просто, такъ что инспектора не въ состояніи бываютъ прослѣдить эти операціи. Только меньшинство, или по простотѣ и неловкости, или по небрежности не заплативъ даже процентовъ въ срокъ, допускаютъ до взысканія своихъ ссудъ исполнительнымъ порядкомъ, доводятъ до описей и торговъ. Такое положеніе создалось потому, что товарищества выдаютъ маленькія денежныя ссуды на короткій срокъ

и подъ большіе проценты. Извѣстно, что въ оборотахъ товариществъ преобладаютъ ссуды до 9 мѣсяцевъ, а долгосрочныя чрезвычайно рѣдки. Сельскому хозяину для его хозяйственныхъ улучшеній, какъ торговцу, имѣющему быстрый оборотъ, выдается нѣсколько десятковъ рублей на нѣсколько мѣсяцевъ! Какъ будто крестьянинъ, купившій, напримѣръ, на ссудныя деньги корову, можетъ возвратить черезъ шесть мѣсяцевъ свой долгъ какъ-нибудь иначе какъ только продавъ эту же корову или что-нибудь другое изъ звеньевъ своей жидкой хозяйственной цѣпи и тѣмъ самымъ разорвавъ эту цѣпь. Для порядочнаго же кредитоспособнаго хозяина занимающаго деньги для своихъ хозяйственныхъ оборотовъ, товарищество пока не замѣнило прежняго его кредитора кулака такъ какъ разница между ними для такого хозяина, въ сущности, не велика. Такіе хозяева разсуждаютъ такъ: „прежде Ногтевъ отсчитаетъ на Пасхѣ сто рублей и скажетъ: въ будущемъ году, объ это же время, принеси сто пятнадцать; нынче —дадутъ въ товариществѣ восемьдесятъ восемь и запишутъ—сто, ежели берешь тоже на годъ". И по ихъ разсчетамъ выходитъ, что товарищество, берущее якобы 12%, беретъ около 14, а кулаки 15%, т. е. разница не велика. А пока большинство товариществъ съ небольшими оборотами не можетъ брать меньше 12%, потому что, конкурируя съ сберегательными кассами, само платитъ по вкладамъ отъ 8 до 9% или пользуется кредитомъ въ Государственномъ банкѣ, связывающемъ ему руки и совершенно исключающемъ возможность для него выдачи долгосрочныхъ ссудъ.

V.

Деревня Ворожба.

Какъ-то, около Казанской, въ правленіе явился староста деревни Ворожбы—Рязаново-тожъ, Василій Рязановъ. Онъ одинъ изъ членовъ всѣмъ извѣстной у насъ огромной семьи Рязановыхъ изъ Ворожбы, которая именно потому чаще зовется Рязановой. Василій торгуетъ скоромнымъ масломъ, яйцами, шерстью, солеными и сушеными грибами и пріѣхалъ, какъ всегда, на бѣговыхъ дрожкахъ. Когда я пришелъ въ правленіе, онъ, по своему обыкновенію, угощалъ писарей пивомъ, озорнымъ разговоромъ и закатистымъ смѣхомъ, какой писаря въ правленьи слышатъ только, когда пріѣзжаетъ Рязановъ. Рязановъ всегда расшевелитъ очумѣлыхъ отъ сидѣнья за полночь и закоптѣлыхъ въ табачномъ дыму писарей. Отъ него такъ и брызжетъ озорство.

— Мое почтеніе, Степанъ Иванычъ! Имѣю честь кланяться! Съ добрымъ утромъ! Какъ ваше здоровье, Степанъ Иванычъ?—засыпалъ Рязановъ, заходя и справа, и слѣва.

Пиво было уже спрятано.

А, когда мы сѣли, Рязановъ, прищуривъ глаза и почтительно перекосивъ свою веселую рожу, зашепталъ:

— Къ вашей милости, Степанъ Иванычъ... по тому же самому дѣлу, но, между прочимъ, — вотъ... — шепталъ онъ, подавая мнѣ бумагу и въ то же время искусно пряча оставленную на столѣ пивную пробку.

Бумага была отъ земскаго; въ ней предписывалось:

„Вслѣдствіе донесенія старосты дер. Ворожбы Василія Рязанова о томъ, что крестьяне его общества на сельскомъ сходѣ самовольно избрали себѣ новаго старосту, крестьянина Шпынева, самовольно же отстранивъ его, Рязанова, при этомъ отобрали у Рязанова сборныя книги и должностной знакъ, передавъ ихъ незаконно избранному новому старостѣ“... и т. д.; мнѣ, старшинѣ, на сходѣ разъяснить крестьянамъ: „1) что староста можетъ быть уволенъ ранѣе срока, на который онъ избранъ, только по его ходатайству, по законно уважительнымъ причинамъ подлежащей властью или, этой же властью, за преступленіе, и 2) для избранія новаго старосты нужно испросить разрѣшенія господина земскаго начальника и, получивъ оное, произвести это избраніе на сходѣ подъ предсѣдательствомъ старшины“... Затѣмъ предписывалось отобрать книги и должностной знакъ и возвратить ихъ старостѣ Рязанову. „Рязанова же, собравшаго сходъ безъ разрѣшенія и допустившаго обсужденіе на немъ вопросовъ не разрѣшенныхъ, а также не воспротивившагося передачѣ его должностного знака и книгъ частному лицу, препроводить подъ арестъ на 5 сутокъ при полицейскомъ правленіи“... „Объ исполненіи немедленно донести“...

— Приходится васъ поздравить, Василій Иванычъ... Однако какъ же вы все это допустили,—удивляюсь я, — и даже книги и знакъ отдали; вѣдь вы же знали, что нынче такъ нельзя? Не угодно ли—пятеро сутокъ!

— Ха, ха, ха...—залился Рязановъ.—Господа писаря меня ужъ и такъ поздравляли, Степанъ Иванычъ. — И, придвинувшись поближе и видимо испытывая желаніе потрепать меня по плечу, онъ замѣтилъ:

— По справедливости сказать, Степанъ Иванычъ, пятеро сутокъ это мнѣ наплевать; а что касается, что я допустилъ, такъ это вѣрно, что допустилъ, хотя порядокъ и зналъ... Извольте видѣть, Степанъ Иванычъ,—промежъ насъ говоря: вы знаете дѣда, то есть, дѣда Романа!.. Ну, вотъ, въ этомъ все дѣло. Когда меня выбрали въ старосты, онъ разрѣшилъ... Я говорю: благослови, дѣдушка, міру послужить?—а онъ, — даже съ полнымъ удовольствіемъ тогда,— ладно, говоритъ, Васютка, послужить міру надо; служи—Богъ тебя благословитъ! — И я служилъ по-хорошему,—не хуже людей. Потомъ, вдругъ... что — отчего, и понять даже невозможно, — призываетъ меня и приказываетъ: собирай сходъ, благодари міръ и

вели выбирать другого старосту! — И даже довольно строго говоритъ. Значитъ, разговаривать нечего — надо слушаться... ха, ха, ха!—Вы сами знаете, какъ у насъ... А на улицѣ уже и сходъ собирается; мужики галдятъ:—дѣдъ Романъ велѣлъ Шпынева въ старосты выбирать!..—Выбираютъ. Я пошевелилъ малость мозгами и помалкиваю, ха, ха, ха!—Думаю—ладно, вамъ скажутъ, ха, ха, разъяснятъ... въ лучшемъ видѣ! — И знакъ отдалъ и книги.— Пусть отсижу пятеро сутокъ, за то въ сторонѣ буду... а имъ разъяснятъ!

Разсказывая, Рязановъ, по живости своего характера, возится, налѣзаетъ на меня и шепчетъ въ ухо. У него привычка во время разговора хлопнуть собесѣдника по колѣнкѣ, по спинѣ, или надвинуть фуражку на глаза.

— Извольте видѣть, Степанъ Иванычъ, — шепчетъ онъ,— мнѣ нѣтъ никакого разсчета высаживаться изъ старостъ, потому, всякую идею насчетъ народнаго блага я понимать могу, да и по торговлѣ мнѣ сподручнѣе...

Я слушаю Рязанова и начинаю понимать, въ чемъ дѣло.

Василію Рязанову очень хотѣлось быть старостой въ Ворожбѣ. Въ виду особыхъ условій—о чемъ будетъ рѣчь ниже—тамъ быть старостой очень удобно. Но Рязанова соблазняли еще удобства, которыя онъ надѣялся создать въ этомъ положеніи для своихъ торговыхъ дѣлъ. Съ благословенія дѣда Романа, онъ и сталъ старостой, но сталъ и злоупотреблять этими удобствами своего положенія. Дѣдъ же Романъ, человѣкъ зоркій, скоро замѣтилъ эту „коммерцію“ и приказалъ ему сдать должность, а мужикамъ выбрать Шпынева. Василій еще не могъ ослушаться дѣда и, пряча отъ глазъ міра свое нежеланіе разстаться съ должностью, подчинился, но самъ немедленно тихонько донесъ о всемъ земскому. Пять сутокъ его ареста было взяткой міру; за то теперь онъ ставилъ міръ лицомъ къ лицу съ начальствомъ, самъ оставаясь въ сторонѣ.

Я подписалъ нѣсколько паспортовъ, удостовѣреній и почту, въ томъ числѣ вѣдомость, въ которой значилось, что къ такому-то числу въ волости оказывается 652 дес. яровыхъ „удовлетворительныхъ“, 1.249 неудовлетворительныхъ и 346 погибшихъ—всѣ цифры „съ потолка“, ибо мы не имѣли никакой возможности высчитать въ десятинахъ (а такъ требовалось) и число десятинъ неудовлетворительныхъ было показано больше хорошихъ только въ силу убѣжденія писаря Календарева, что плохого всегда больше хорошаго, и поѣхалъ въ Ворожбу.

Деревни Ворожба и Перелазъ, расположенныя среди лиственныхъ лѣсовъ и заливныхъ луговъ, отдѣленныя отъ волости длиннымъ, верстъ на 30, топкимъ лѣсистымъ болотомъ и отрѣзанныя съ другой стороны большой рѣкой, составляютъ мѣстность, которая зовется у насъ „Графчиной“ (это бывшая вотчина какого-то графа). Здѣсь особый старый міръ, и по укладу жизни, и даже по внѣш-

нему облику мужиковъ отличный отъ остальной волости. Надъ „графскими“ у насъ смѣются.

Мы шагомъ ѣдемъ песками подъ гору и шагомъ кувыляемъ по бревенчатой настилкѣ на топкихъ торфяникахъ болота. Знойно, и сухо даже въ болотѣ. Только по краямъ дороги буйныя, свѣжія заросли и лѣниво склонили головки пышные болотные цвѣты шапками. Въ природѣ усталость, старческая истома. Теперь ужь не только птицы спѣли свои пѣсни, но и комары въ болотѣ пропали.

Зной нисколько не дѣйствуетъ на Рязанова, онъ очень безпокойный человѣкъ. На свои дрожки посадилъ перелазскаго мужика Якова Еголева, а самъ сѣлъ со мной и всю дорогу говоритъ безъ умолку, хохочетъ, беретъ за талію, заглядываетъ въ глаза и тѣснитъ въ тарантасѣ. Онъ похожъ на толстаго, ласковаго и озорного щенка. Иногда онъ вдругъ вскакиваетъ въ тарантасѣ и безъ всякой причины не своимъ голосомъ оретъ на ямщика:

— Эй ты, какъ тебя, посылай! Шевели возжами! Трогай! Лупи! Жги! Э-эй! Что ты, шутъ, какъ съ кислымъ молокомъ ѣдешь!.. Дѣлай!—И хватается за возжи.

Гаврила лѣниво отстраняетъ его плечомъ и, скосивъ глаза, говоритъ невозмутимо:

— Ишь ты, какой горячій... въ пристяжку бы тебя къ намъ припрячь.

— Попа тебѣ возить, а не старшину!

Тарантасъ вязнетъ, качается, спотыкается, а Рязановъ говоритъ:

— За моремъ телушка—полушка, Степанъ Иванычъ, да рубль перевозу; эту пословицу русскіе мужики выдумали, я такъ полагаю... По справедливости возможно сказать—Россія самая необразованная часть свѣта во всей Европѣ... А по этой дорогѣ, примѣрно говоря, весной или осенью провезти телушку стоитъ даже дороже рубля!.. Извольте видѣть, на базарѣ въ Маржевѣ послѣ Покрова пудъ хлѣба стоитъ шестьдесятъ копѣекъ, а у насъ въ Погостѣ девять гривенъ въ одинъ и тотъ же день! Потому, значитъ, за моремъ телушка—полушка, да рубль перевозу... Конешно, это нашему брату-торговцу лучше быть не надо.

Рязановъ ловко щелкаетъ крышкой портсигара и предлагаетъ мнѣ папиросу.

— Темнота — много значитъ, Степанъ Иванычъ, я торгую масломъ скоромнымъ, яйцами, цыплятъ беру и телятъ забираю, и, нечего зря говорить, у насъ въ Графчинѣ эти дѣла еще можно вести... потому что народъ у насъ темный, леригіозный, посты соблюдаетъ и по средамъ и пятницамъ скоромное не ѣстъ, а есть и такіе суевѣры, что и понедѣльничаютъ! Ха, ха, ха! А въ другихъ прочихъ мѣстахъ ужь совсѣмъ другой народъ сталъ. У васъ, въ Ивановскомъ, пройди вдоль и поперекъ, фунта масла и десятка

яицъ не купишь, потому что у васъ ужь постовъ не соблюдаютъ, можно сказать, всѣ...

— Постовъ-то не соблюдаютъ, а яйцы, можетъ, одинъ урядникъ да учитель ѣстъ, а крестьяны не охочи до яйцовъ; еще брюхо съ яйцовъ-то заболитъ,—откликается Гаврила съ козелъ.

— Вотъ, ежели, Степанъ Иванычъ, по мясному дѣлу кто, то у васъ много привольнѣе нашего... Главное дѣло, извольте видѣть, у васъ народъ слабый, скотину продаетъ не во время, а когда его нужда прижметъ, что, значитъ, ему ни взадъ, ни впередъ... Тутъ его, прижатаго-то, легко взять: онъ смирный бываетъ, податливый—куда хошь... ха, ха, ха! А наши Графскіе—крѣпкіе мужики: что поплоше, они для себя рѣжутъ а получше что,—во время—выждутъ цѣнъ и въ городъ свезутъ.

— У насъ сѣрый народъ, Степанъ Иванычъ,—говоритъ опять Рязановъ, тѣсня меня въ тарантасѣ, — живутъ по старинѣ, какъ, значитъ, отъ первобытныхъ временъ... Тутъ весной, какъ раздолье-ется... такъ ни пройти, ни проѣхать, сидимъ, какъ зайцы на острову: ни мы—въ люди, ни къ намъ—люди! А у васъ народъ—не клади пальца въ ротъ... фа-армальный!—Шибко въ образованіе идетъ... Я человѣкъ понимающій, могу всякій разговоръ вести, знаю съ кѣмъ—какъ надо говорить, а и то не знаю—ты, по знаю—вы, говорить иному субъекту! Ха, ха!

— Извольте видѣть, Степанъ Иванычъ, женскій полъ—тоже... У насъ баба толстокожая, широкая въ кости, мясистая — баба рабочая, вродѣ какъ на манеръ коровы, ха, ха, ха! Лѣтомъ она въ полѣ, а зимой въ лѣсу и за пряжей также, за станомъ... Вѣдь, слава Богу, по старинкѣ: кромѣ всего прочаго, баба должна мужику рубашку и штаны выткать, и мыло на ея счетъ; само собой, себѣ одежу и дочерямъ,—ежели есть онѣ, — наряды: все добудь баба! Все, кромѣ зимней одежи, то—изъ семьи. И у бабъ нашихъ своя коммерція: первое—отъ коровъ,—кромѣ того, что на столъ подать,—остальное въ ихъ пользу; второе—отъ льна: ленъ въ ихъ пользу. Ну, и прочее, разное... А у васъ, конешно, другіе порядки. Мужики у васъ въ промыслѣ, хозяйство легонькое, пустяковое, и бабы занимаются только что въ избѣ, на счетъ чистоты и все такое... И бабеночки у васъ, Степанъ Иванычъ, акуратненькія, мяконькія, фасонистыя; очень приличный у васъ женскій полъ, Степанъ Иванычъ! Ха, ха, ха!—заливается Рязановъ.

И вдругъ выхватываетъ изъ-подъ сидѣнья кнутъ, вытягиваетъ по лошадямъ и невѣроятно дико рявкаетъ. Лошади дергаютъ, Гаврила спотыкается на козлахъ, но удерживается и ужасно ругается, а Рязановъ задыхается отъ смѣха.

— Пожалуйте папиросочку, Степанъ Иванычъ,—говоритъ онъ, отдышавшись, звонко щелкаетъ портсигаромъ и упрашиваетъ взять, закурить, хотя знаетъ, что я не курю.

— Я тоже такъ... балуюсь, больше для фасона и для пріятности

съ хорошимъ человѣкомъ. Дѣдъ Романъ не знаетъ про порцыгаръ; при немъ я ни-ни... Боже сохрани!

— Удивительное дѣло, Степанъ Иванычъ! Что значитъ мнѣ дѣдъ Романъ? По настоящему—ничего... Онъ—самъ по себѣ, я—самъ по себѣ! Слава Богу, дѣло свое веду, свой капиталъ имѣю и понимать могу, что къ чему и какъ. А вотъ, поди-жь ты, не могу супротивъ его встать. Примѣрно говоря, я теперь староста, какъ ни какъ, начальникъ въ опчествѣ, и по правилу закона за дерзость, супротивство и прочіе поступки могу на двое сутокъ подъ арестъ посадить кого угодно? То-ись, даже очень скоро!.. А, ну-ка, посади-ка дѣда Романа?—Ха, ха, ха...— запыхтѣлъ Рязановъ, задыхаясь отъ смѣха.—Онъ первый бунтовщикъ и супротивникъ... Ну-ка, Василій Ивановъ, въ кутузку его на двое сутокъ! ха, ха, ха... Ба-атюшки мои!.. До чего это ни съ чѣмъ несообразно, Степанъ Иванычъ! А? А вѣдь очень даже просто? Прикажу десятскимъ: эй, вы! отведите Романа Рязанова въ волость! Въ холодную его на двое сутокъ за супротивство! Ей-Богу?..—Рязановъ сдѣлалъ удивленные большіе глаза, хлопнулъ себя по колѣнямъ и захохоталъ, какъ сумасшедшій. — Ба-атюшки свѣты! Ни за что не скажу, и десятскіе не пойдутъ! Ни за что не пойдутъ. Скорѣе сами отсидятъ по недѣлѣ!.. Вѣдь это все равно, что вонъ этотъ крестъ у раздорожицы уронить и свалить въ болото,—молъ, онъ на дорогѣ стоялъ, ѣздѣ мѣшалъ...

Тарантасъ дребезжитъ по ровной плотной настилкѣ черезъ гать, и мы въѣзжаемъ въ „выгородь“; ѣдемъ межъ двухъ пряселъ и останавливаемся у полевыхъ воротъ. Здѣсь великолѣпныя изгороди въ семь-восемь трехзвенныхъ тесаныхъ жердей съ дубовыми кольями и тяжелыя, скрипучія полевыя ворота. Кстати сказать, степень исправности полевыхъ изгородей даетъ довольно вѣрное представленіе о силѣ земледѣльческаго хозяйства у крестьянъ.

Въ Ворожбѣ широкія усадьбы: отъ огородовъ до овиновъ цѣлое поле; мѣсто низкое и поперекъ, посрединѣ, рядъ мочажинъ, лѣтомъ, видимо, пересыхающихъ. Проѣзжая, я вижу цѣлый рой мужиковъ, которые тутъ что-то копаютъ. Такъ какъ сегодня день праздничный, то это меня удивляетъ и я спрашиваю Рязанова, что они дѣлаютъ.

— Это все дѣда Романа затѣи, Степанъ Иванычъ. Изволите видѣть, березки посажены по долинѣ въ полъаршина ростомъ,—это тоже онъ посадилъ. Спрашивается, когда онѣ вырастутъ? Словъ нѣтъ, оно хорошо; рощица, духъ хорошій и... все такое; да что въ ней толку, ежели ему, старику, ужь не гулять по этой рощѣ, не пользоваться? И канаву теперь роютъ... такъ,—зря, потому у насъ съ той стороны деревни цѣлое озеро. Хотя оно, конечно, не безъ пользы, но ежели бы тутъ, примѣрно, льну посѣять, то можно бы получить хорошій доходъ. Но у нашего дѣда свое заключеніе на счетъ этого. Ежели, говоритъ, тутъ по бережку ивнячку посадить,

чтобы онъ, ивнячокъ, въ воду глядѣлся, да карасиковъ въ канавку напускать, да по лугу березокъ посадить, то тутъ, на лужку, можно уху варить, винца малость выпить, пѣсенокъ въ рощицѣ попѣть, и очень, дескать, воопче, пріятно будетъ время провести! Хмъ... Все этакія, можно сказать, фантазіи. Опять же съ народомъ любитъ поваландаться старикъ. Бо-ольшое для него удовольствіе!.. Роютъ они эту канаву помочью, по праздникамъ. Знаете, хотя на помочахъ за работу денегъ и не платятъ, только эта забава стоитъ дороже, какъ ежели бы заплатить, да и съ народомъ канителиться — ничего не возьмешь. У нихъ такое обыкновеніе: значитъ, съ утра, какъ только солнышко взойдетъ, собираются мужики какъ есть со всей деревни. Дѣдушка на манеръ генерала тутъ: разставитъ рядами, и—„Господи благослови"... начнутъ разъ въ разъ, лопата въ лопату, а дѣдъ въ зачинѣ.—„Залога!"—скомандуетъ дѣдъ,—тогда всѣ въ разъ тычутъ лопаты, дѣлаютъ передышку и опять... Черезъ извѣстное время дѣдъ подноситъ по большому стакану водки, а бабы закуску. Работаютъ только до полдня. Дѣдъ закричитъ: бросай, ребятушки, молимся Богу! И отправляются первымъ долгомъ на озеро купаться; потомъ надѣваютъ новыя рубахи и начинается обѣдъ. Варятъ, какъ на свадьбу; цѣлаго барана съѣдаютъ—ей-Богу! А ужь потомъ, на лугу—пиръ до ночи. Поютъ, значитъ, старинныя пѣсни и очень порядочно, можно сказать, поютъ, хотя пѣсни у нихъ и старинныя. Дѣдъ, конешно, запѣваетъ. Потомъ ужь, обыкновенно, на палкахъ тянутся, борются — силу пробуютъ; понятно, народъ у насъ, Степанъ Иванычъ, сѣрый, не развитой... Да, вонъ, и дѣдъ Романъ.

У канавы Рязановъ останавливаетъ лошадь. Мужики снимаютъ шапки и я сразу отличаю въ толпѣ дѣда Романа. Онъ осанистый, широкогрудый, невысокій старикъ; кланяется по-старинному, упирая руки въ бедра, всѣмъ станомъ, а ходитъ, запрокинувъ голову.

— Вотъ, дѣдинька, старшина къ намъ, съ бумагой отъ барина... и по прочимъ дѣламъ. Сходъ надо будетъ собрать, — доложилъ Рязановъ.

— Милости просимъ, милости просимъ, — закрякалъ дѣдъ.— Родителя твоего зналъ. Зналъ, зналъ... Да, такъ, такъ. Ко мнѣ, твое степенство, милости просимъ... Начальство не проѣзжало мимо. Не забывало... Михайла тамъ самоваръ поставитъ. А мы вотъ кончимъ... кончимъ и придемъ. Да, да!

Покрякивая, дѣдъ обошелъ экипажъ, критически осматривая упряжь, потрогалъ сѣделку и подъ хомутомъ.

— Эй ты, молодецъ, какъ тебя... Ямщичокъ, ямщичокъ, молодой мужичокъ, — такъ, такъ... Криво впрягъ, да и ѣдетъ такъ! Слѣзь, парень, съ козелъ, зря ты тамъ сидишь, безъ толку. Лошадка скотинка безсловесная, а то она бы тебя поругать должна. Да, да, поругать!

Гаврила сконфуженно перебиралъ вожжи, а дѣдъ выравнялъ гужи,—а то у насъ лошадь терлась бокомъ объ оглоблю,—подтянулъ на сѣделкѣ, и любо было смотрѣть, какъ грубые, толстые ремни и веревки упряжи захлестывались въ рукахъ дѣда, точно тесемки, и какъ пошатывался большой конь, когда онъ подергивалъ упряжь. Покачавши тарантасъ и даже приподнявъ его вмѣстѣ съ нами съ одного колеса, дѣдъ хлопнулъ лошадь по спинѣ и сказалъ:

— Ну, съ Богомъ, поѣзжайте теперь!

— Это все Рязановы, —указываетъ мнѣ Василій на порядокъ большихъ избъ на красной сторонѣ.—Вонъ—Егоровы, Фомичевы, Митричевы, Романовы, то-исъ, дѣда Романа. Вонъ, три избы подрядъ это—наши Романовы; крайняя—моя.

Въ Ворожбѣ широкія избы, широкіе карнизы и глубокіе навѣсы. Тѣнистые глубокіе навѣсы крышъ, у воротъ двора и надъ крыльцами. Старыя тѣнистыя березы осыпали старыя кровли и улицу сережками и длинныя плакучія вѣтви виснутъ съ крышъ. Улица вытоптана скотомъ, она темная, жирная, навозная, похожая на большой дворъ; и подъ навѣсами у дворовъ, у избъ, держится глубокая, густая, пахучая тѣнь: тепло и густо пахнетъ парнымъ навозомъ и парнымъ молокомъ.

Вездѣ березы. Мнѣ уже сказали, что березки любитъ дѣдъ Романъ, и я понялъ, что широкіе карнизы, глубокіе навѣсы у дворовъ и крылецъ, тоже, такъ сказать, стиль дѣда Романа.

Спереди, черезъ улицу, по озеру — баньки; онѣ опять въ тѣни старыхъ березъ, и тутъ—трава по поясъ и звенятъ сверчки...

С. Матвѣевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Изъ цикла «Городъ».

Три камня.

Три камня въ городѣ угрюмомъ
Мнѣ странно близки и милы.
Они моимъ подобны думамъ,
Они какъ думы тяжелы.
Названья ихъ звучатъ сурово:
Кирпичъ, булыжникъ, известнякъ...
Но каждый камень—это слово,
Таинственный волшебный знакъ.
Ихъ покорили люди—дѣти,
Теперь владыка ихъ ужъ сѣдъ,
И ихъ языкъ тысячелѣтій
Подобенъ языку планетъ.
Кирпичъ сухой, прямоугольный,
Сковалъ людей, закрылъ поля,
Закрылъ навѣки безглагольный,
Какъ мачеха его—земля.
Онъ лицемѣренъ, ложно кротокъ,
Онъ воплотилъ тюрьму и храмъ,
Вобралъ въ себя чугунъ рѣшетокъ
И переплетъ тяжелыхъ рамъ.
И чуждъ ему булыжникъ звонкій,
Насмѣшливый живой болтунъ,
Гудящій подъ вагономъ конки,
Открывшій въ рельсахъ тайну струнъ.
Онъ возлюбилъ свою свободу
И свой истрепанный нарядъ,
Онъ—вѣрный поставщикъ народу
Несокрушимыхъ баррикадъ.
Но третій камень мертвъ и скованъ,
Какъ ледъ, невозмутимо строгъ,
Какъ зеркало, отполированъ
Милльономъ равнодушныхъ ногъ.
Глядитъ, морщинками изрытый,
Тихонько корчась подъ ногой,
Всегда, какъ гробовыя плиты,
Покорный, тихій и нѣмой...

На улицѣ.

Моросить. Сѣдое небо хмуро.
Дождь стекаетъ съ гладкихъ черепицъ.
По панелямъ тянутся понуро
Тонкія фигуры продавщицъ.
Вотъ проходятъ, полныя смиренья,
Подъ холодной тяжестью корзинъ,
И за ними гаснутъ отраженья
Въ темныхъ стеклахъ оконъ и витринъ.
Въ ихъ рукахъ безвкусные букеты,
Отблескъ непонятной красоты.
Но дрожатъ, закутавшись въ газеты,
Грустные увядшіе цвѣты
И подъ мѣрные назойливые крики,
Подъ жужжанье тысячи колесъ,
Выцвѣтаютъ алыя гвоздики,
Вянутъ стебли утомленныхъ розъ.
Вотъ прошли. И снова скучно, сѣро...
Вслѣдъ за ними замираетъ брань,
И изъ оконъ грязнаго трактира
Верещитъ желѣзная гортань...

Вечеромъ.

Городъ чуждый и далекій, въ дымкѣ призрачныхъ фантазій
Я любилъ твои изломы, сѣрый камень твой любилъ,
Но въ томительныхъ оковахъ роковыхъ однообразій
Я забылъ слова восторга и слова любви забылъ.
Ты на скользкія панели выгналъ дѣвушекъ незрѣлыхъ,
Ихъ дешевымъ сладострастьемъ ты разсѣялъ мой угаръ
И дыханьемъ ихъ улыбокъ, безразличныхъ и умѣлыхъ,
Отравилъ, какъ знойнымъ вѣтромъ, вѣчно праздничный бульваръ.
Вкругъ меня онѣ смѣются и снуютъ толпою зыбкой,
И кидаютъ въ желтый сумракъ ярко алые цвѣты,
И зовутъ меня такой же, да, такою же улыбкой,
Какъ звала меня когда-то, какъ звала меня и ты.
И кидаютъ мнѣ признанья изъ газетнаго романа
Но такія же признанья я влагалъ въ мою любовь.
Я хотѣлъ бы спрятать счастье за завѣсою тумана...
Стыдно вспомнить, что любилъ я, что любить я буду вновь.

Тоска.

Я усталъ отъ пестроты созвучій,
Смѣны лицъ и грохота колесъ.
Въ этотъ городъ, шумный и могучій,
Я святыни счастья не принесъ.
Я его оставилъ на равнинѣ
И тоску о немъ унесъ взамѣнъ,
Чтобы молча плакать о святынѣ
Взаперти среди кирпичныхъ стѣнъ.
Я привыкъ, не помня ихъ примѣты,
Города мѣнять на города.
Жизнь безъ зла, какъ утро безъ газеты,
Стала мнѣ загадочно чужда.
Стали чужды люди безъ сомнѣній,
Стали странны лица безъ румянъ.
И въ тревожной смѣнѣ сновидѣній
Я живу, ихъ ароматомъ пьянъ.
Но порой, когда, тосквливъ и звонокъ
Паровозъ зоветъ меня вдали,
Я хочу приникнуть, какъ ребенокъ,
Къ тишинѣ измученной земли.
Слышать лѣса шелестъ—плескъ могучій,
Ощущать, но не въ обманѣ сновъ,
Въ каждомъ цвѣтѣ радугу созвучій,
Въ каждомъ звукѣ радугу цвѣтовъ.
Но, не въ силахъ возсоздать фантазій,
Дни идутъ. Ихъ тишина мертва,
Словно въ чьемъ-то медленномъ разсказѣ
Безконечно нудныя слова...

Бредъ.

Мѣрныя, четкія линіи сонныхъ бульваровъ,
Сѣрыя, скучныя, грязныя, мертвыя стѣны...
Съ башенъ звучатъ равнодушные ритмы ударовъ.
Смѣна часовъ не рождаетъ внизу перемѣны.
Только афиши алѣютъ цвѣтами въ пустынѣ,
Словно румянецъ на сѣромъ безмолвіи масокъ,
Смѣло вонзая въ холодную сумрачность линій
Яркое пламя своихъ торжествующихъ красокъ.

Желтое солнце заходитъ въ пурпуровой пѣнѣ
Дремлющихъ тучъ, окаймленныхъ не тающимъ дымомъ.
Черныя толпы проходятъ, какъ длинныя тѣни,
Солнцемъ забытыя въ городѣ, скорбью томимомъ.
Въ сонномъ безмолвьи дрожатъ равнодушно-устало
Томные звуки вечернихъ глухихъ перезвоновъ.
Въ вялыя зыби сверкающей ленты канала
Молча глядятся узоры гранитныхъ фронтоновъ.
Тамъ, подъ мостами, надъ грязной и сѣрой водою,
Тихо мелькаютъ печальныя тѣни русалокъ.
Синія дѣвичьи очи съ тоскою слѣдятъ за зарею,
Блѣдныя руки сжимаютъ букеты фіалокъ.
Долгія думы мерцаютъ въ ихъ призрачныхъ взглядахъ,
Бѣлая пѣна покрыла зеленыя косы.
Ночь наступаетъ. На бѣлыхъ вѣнчальныхъ нарядахъ
Жемчугомъ тяжкимъ застыли вечернія росы...

Александръ Рубакинъ.

КУМИРЫ.

Романъ Уильяма Локка.

Пер. съ англійскаго З. Н. Журавской.

(Окончаніе).

XXI.

На время солнце счастья закатилось и тѣнь нависшей опасности омрачила жизнь Гью. Но вслѣдъ за отливомъ бываетъ приливъ и, подобно большинству людей, Гью скоро забылъ объ опасности. Проходили мѣсяцы, изъ нихъ слагались годы; новое солнце дивной радости озарило горизонтъ Ирены и сдѣлало ея любовь къ Гью еще болѣе глубокой и святой. А жизнь Минны по прежнему оставалась разбитой и мрачной.

* * *

Прошло три года.

Высокіе каблучки ея съ звонкимъ стукомъ ударялись о каменныя плиты лоджіи каждый разъ, какъ ея кресло-качалка наклонялось впередъ. М-рсъ Деламеръ каждый разъ при этомъ морщилась, наконецъ, не выдержала, такъ какъ нервамъ ея въ послѣднее время приходилось выносить слишкомъ многое, и хотѣла перейти въ гостиную. Три года шапронированія такой дѣвицы, какъ Минна, могли измучить и утомить хоть кого, да и характеръ Минны съ годами не улучшался. Тѣмъ не менѣе онѣ остались большими друзьями и каждая изъ нихъ по своему, холодно и цинически, привязалась къ другой. Стукъ колесъ во дворѣ внизу заставилъ м-рсъ Деламеръ перемѣнить свое намѣреніе и выйти на балконъ.

— Если вы, дѣйствительно, хотите ѣхать въ Монте-Карло, вамъ надо торопиться, а не то вы пропустите поѣздъ 10.55. Экипажъ уже поданъ.

Минна перестала раскачиваться и лѣниво откинулась на спинку кресла.

— Напрасно я обѣщала Буасси пріѣхать. Я уже жалѣю объ этомъ.

— И я тоже. Вообще вы напрасно показываетесь съ нимъ такъ часто въ обществѣ. Пользы вамъ отъ этого не будетъ.

— Почему? Потому, что онъ разсказываетъ неприличные анекдоты?

— Послѣ двухнедѣльнаго знакомства.

— Ну, что-жь. По крайней мѣрѣ, онъ—едиственный мужчина изъ всѣхъ, кого я до сихъ поръ встрѣчала, который умѣетъ разсказывать ихъ такъ, что вы не обязаны краснѣть. Краснѣть такъ скучно. Да, въ сущности, и все на свѣтѣ скучно. Надоѣло мнѣ жить на этомъ свѣтѣ!

— Врядъ-ли вы съумѣли бы найти дорогу въ лучшій міръ,—мягко замѣтила старшая дама.

— Кто знаетъ? Хуже этого врядъ-ли будетъ. Всѣ добродѣтельные люди здѣсь смертельно скучны и презираютъ меня. Всѣ же тѣ, кто ищетъ моего общества и забавляетъ меня, порочны и вульгарны. Напримѣръ, Буасси. Я его видѣть не могу.

— А вы не думаете, что лучше было бы, для разнообразія, отдохнуть денекъ дома? Буасси можно было бы послать телеграмму.

— О Боже! Я съ ума сойду, если просижу здѣсь цѣлый день, сложа руки. Это, было бы наказаніе мнѣ за мои грѣхи.

— Какъ знаете, душечка. Только, если поѣдете, смотрите, будьте насторожѣ.

— Ну, ужь если мнѣ захочется скомпрометтировать себя, я могу найти какое-нибудь животное покрасивѣй Буасси. У него видъ такой, какъ будто онъ одѣвается въ Бонъ-Марше. Но завтракать съ нимъ хорошо—онъ умѣетъ придумывать вкусные завтраки.

На лоджіи появилась Жюстина съ озабоченнымъ лицомъ: —Опоздаете, барышня, пора одѣваться.—Минна со вздохомъ поднялась и пошла вслѣдъ за горничной. Немного погодя, она появилась снова передъ м-рсъ Деламеръ въ платьѣ цвѣта желтаго нарцисса и кричащей соломенной шляпѣ съ цѣлымъ лѣсомъ вѣтокъ и цвѣтовъ, застегивая на ходу длинныя перчатки.

— Она слишкомъ пересаливаетъ,—подумала про себя м-рсъ Деламеръ, посылая кончиками пальцевъ воздушный поцѣлуй своей воспитанницѣ.—Скоро она среди бѣлаго дня будетъ носить брильянты. Слава Богу, что я—не разочарованная въ жизни еврейка.

Виконтъ де-Буасси, невысокаго роста молодой человѣкъ,

съ вьющимися черными усиками, непріятнымъ ртомъ и развратными глазами, въ полосатомъ фланелевомъ костюмѣ, держа въ рукахъ трость съ золотымъ набалдашникомъ, встрѣтилъ Минну на перронѣ небольшого изящнаго вокзала въ Монте-Карло. И тотчасъ же разсыпался въ комплиментахъ. Она восхитительна. Онъ едва смѣлъ надѣяться, что она окажетъ ему честь—даже послѣ ея записки. Когда она вышла изъ вагона, онъ былъ ослѣпленъ... Минна смотрѣла на него, презрительно кривя губы. М-рсъ Деламеръ была права. Онъ—пошлякъ и ничего больше. И ея участь—никого не видѣть, кромѣ такихъ пошляковъ. Высокій, гладко выбритый, аристократическаго вида англичанинъ прошелъ мимо. И напомнилъ ей Гью.

— Какъ глупы женщины! Не правда ли, мосье де-Буасси? —говорила она, когда они, поднявшись на лифтѣ, пошли черезъ площадь со множествомъ нарядныхъ магазиновъ и кафе къ большому бѣлому зданію казино.—Впрочемъ, этотъ вопросъ, навѣрное, рѣшенъ для васъ уже съ десяти лѣтъ.

— Ma foi, мадемуазель, я не вижу ничего глупаго въ томъ, что вы милостивы къ смиреннѣйшему изъ вашихъ обожателей.

— О, я говорила вовсе не о нашемъ завтракѣ. Вы слишкомъ много о себѣ воображаете.

Онъ разсыпался въ извиненіяхъ, ловко перевелъ разговоръ на другую тему, сообщилъ ей нѣсколько пикантныхъ новостей изъ мѣстной скандальной хроники и разсмѣшилъ ее. Они прошли насквозь зданіе казино и вышли въ садъ. Погода была дивная, какая только можетъ быть въ мартѣ на Ривьерѣ; на дорожкахъ всюду мелькали нарядныя свѣтлыя платья. Отъ времени до времени встрѣчались знакомые, по большей части мужчины и иностранцы, и низко кланялись Миннѣ. Въ такихъ случаяхъ ея спутникъ гордо выпрямлялся и фатовски крутилъ усы, что не ускользало отъ зоркихъ, хоть и полузакрытыхъ опущенными рѣсницами, глазъ Минны. Наконецъ, она устала гулять и рѣзко спросила его, гдѣ же они будутъ завтракать. Онъ опять разсыпался въ извиненіяхъ и повелъ ее обратно черезъ казино и площадь, въ Hotel de Paris, гдѣ онъ въ нарядной, яркой залѣ велѣлъ оставить столикъ. Здѣсь, среди хлопанья пробокъ отъ шампанскаго, международной болтовни, захваченная гривуазнымъ остроуміемъ своего кавалера, Минна и сама разошлась и сбросила съ себя саркастическое настроеніе. Теперь она способна была веселиться не иначе, какъ предварительно выпивъ хоть немного шампанскаго. Буасси, разумѣется, ухаживалъ за нею со всей вульгарностью человѣка, привыкшаго къ дешевымъ побѣдамъ, но это было въ порядкѣ ве-

щей. Къ этому она давно привыкла. Ей нравилось кокетничать для практики. Она знала, что ласкающая томность ея голоса опьяняетъ мужчинъ. Поклонниковъ у нея было безъ счета, и всѣмъ она протягивала манящую чашу съ этимъ волшебнымъ напиткомъ. Буасси былъ послѣднимъ по счету и то, что она презирала его, придавало только лишній циническій привкусъ ихъ флирту. Притомъ же и въ ней самой кровь подчасъ закипала. Развратная женщина не превращаетъ мужчинъ въ свиней исключительно ради забавы. Буасси плавалъ въ блаженствѣ. Его скверно ухмылявшееся маленькое личико какъ-то все напряглось, губы выпятились, щеки надулись; онъ напоминалъ сатира, опошленнаго рядомъ цивилизованныхъ предковъ. Мысленно онъ уже хвасталъ пріятелямъ своей побѣдой.

— Какая жалость, что я не посмѣлъ предложить вамъ завтракать въ отдѣльномъ кабинетѣ!—говорилъ онъ, перегибаясь черезъ столъ къ своей дамѣ.

— Для васъ пропала бы тогда половина удовольствія.

— Какъ такъ? Мы были бы одни.

— Да, но это не удовлетворяло бы вашего тщеславія. Вы сами это отлично знаете.

Онъ протестовалъ. Онъ такъ пламенно обожаетъ ее! А она жестока, какъ всѣ ея соотечественницы.

— Развѣ? Я нахожу, что на сегодняшній день вы пожаловаться не можете.

— Такъ, значитъ, я могу надѣяться?

— Это никому не воспрещается,—отвѣтила она, бросивъ ему кокетливый взглядъ изъ-подъ полуопущенныхъ рѣсницъ.

Они долго сидѣли за столомъ. Потомъ Минна выразила желаніе подышать свѣжимъ воздухомъ и они опять пошли бродить по аллеямъ дивныхъ садовъ. Позади нихъ высился большой бѣлый дворецъ—казино, съ его мраморными баллюстрадами, звѣздами и куполами, такъ красиво выдѣлявшимися на фонѣ пышной растительности. Впереди ярко-синее Средиземное море сливалось вдали съ фіолетовымъ небомъ. Слѣва тянулся живописный итальянскій берегъ. Справа высился черный утесъ Монако съ его дворцомъ, какъ бы стоящимъ на стражѣ маленькаго стариннаго городка. Внизу, спускаясь уступами, тянулись террассы пышной зелени, съ роскошными клумбами цвѣтовъ, прерываемыя бѣлыми парапетами и лѣстницами. Теплый воздухъ былъ напоенъ чувственнымъ ароматомъ экзотическихъ цвѣтовъ.

— Это опьяняетъ, какъ вино—и ваша красота,—сказалъ Буасси.

Минна пожала плечами и лѣниво оглядѣлась вокругъ.

— Да, красивое мѣстечко. Но и оно надоѣдаетъ, какъ все на свѣтѣ. Который часъ?

— Половина третьяго,—отвѣтилъ онъ, взглянувъ на часы.

М-рсъ Деламеръ пріѣдетъ въ половинѣ четвертаго. Тогда можно будетъ отпустить Буасси, который уже началъ надоѣдать ей.

— Присядемте. Такъ удобнѣе разговаривать.

Онъ указалъ на укромное мѣстечко за купой огромныхъ алоэ, увлекая туда свою даму. Минна велѣла ему разсказать что-нибудь забавное.

— Не могу. Я слишкомъ влюбленъ.

— Ну, такъ разскажите мнѣ о вашей послѣдней passion.

— У меня за всю мою жизнь была только одна.

Онъ молилъ. И теперь ей уже не хотѣлось кокетничать съ нимъ—онъ былъ такой маленькій, вульгарный и убогій. Все, что онъ говорилъ, она слышала уже сотни и тысячи разъ. Ее могла плѣнить только оригинальность. Самомнѣніе мужчины, начинающаго серьезно влюбляться, вызывало въ ней только презрѣніе. Отнюдь не щепетильная и сознающая свое униженіе, она тѣмъ не менѣе высоко цѣнила себя. И потому, забавы ради, принялась вышучивать его. Онъ, наконецъ, вышелъ изъ терпѣнія, грубо схватилъ ее въ объятія и началъ цѣловать. Она возмутилась, начала вырываться и изо всей силы ударила его по лицу. Въ обиженномъ галлѣ пробудилась его врожденная грубость. Пощечина яркимъ пятномъ горѣла на блѣдной щекѣ. Обезумѣвъ отъ злости, онъ сжалъ ей кисти рукъ.

— Алло!—неожиданно сказалъ чей-то голосъ.—Это вы оставьте!

Передъ ними стоялъ высокій, грузный англичанинъ въ свободномъ полотняномъ костюмѣ и выцвѣтшей соломенной шляпѣ. Буасси вскочилъ со скамьи и принялъ полную достоинства позу.

— Monsieur—началъ онъ.

Но англичанинъ не обратилъ на него вниманія. Онъ съ изумленіемъ смотрѣлъ на Минну, какъ будто что-то припоминая, и затѣмъ приподнялъ шляпу.

— Если не ошибаюсь, миссъ Гартъ?

Съ минуту Минна смотрѣла на него растерянно, какъ будто онъ свалился съ неба.

— М-ръ Мерріамъ?

Потомъ быстро овладѣла собой, встала, протянула руку.

— Я такъ рада, что мы съ вами встрѣтились!—сказала она, съ видомъ искренности, достаточно оправдывавшейся положеніемъ.

— Могу я чѣмъ-нибудь служить вамъ?

— О, нѣтъ, благодарю васъ,—отвѣтила она безпечно. И, повернувшись къ Буасси, который стоялъ рядомъ и курилъ, бросила ему:—Очень вамъ благодарна за пріятную прогулку.

И кивкомъ головы отпустила его. Онъ поклонился, какъ умѣлъ любезнѣе, направивъ поклонъ и по адресу Джерарда. Но Джерардъ не отвѣтилъ на его поклонъ, не вынулъ руки изъ кармана и молча дождался, пока онъ отошелъ.

— Какого чорта ему было нужно?

— Должно быть, объясниться мнѣ въ любви.

— Очень ужь у него африканскія страсти.

— Я только что передъ тѣмъ дала ему пощечину.

— Что жь, это здѣсь обычаи такіе?

— О нѣтъ! Въ общемъ, здѣсь народъ все кроткій. Мы только что передъ этимъ завтракали съ нимъ, какъ цивилизованные люди, не какъ дикари.

— Можетъ быть, я помѣшалъ вамъ?

— Ничуть. Вы явились какъ разъ во время, какъ герой въ мелодрамѣ, чтобы спасти невинную дѣву изъ когтей негодяя.

— Можетъ быть, мнѣ разрѣшено будетъ воспользоваться привилегіей героя и утѣшить невинную дѣву?

— Въ умѣренныхъ предѣлахъ.

— Я не отрываю васъ отъ вашихъ друзей?

— О, нѣтъ! Моя пріятельница, м-рсъ Деламеръ, которая живетъ со мной, пріѣдетъ только въ половинѣ пятаго. До тѣхъ поръ я сирота. Хотите присѣсть? Или лучше, нѣтъ. Пройдемте куда-нибудь въ другое мѣсто.

Они опустились на нижнюю террассу и сѣли такъ, чтобъ видно было море, голубое, искрящееся. По дорогѣ Минна объяснила, какимъ манеромъ она очутилась въ Монте-Карло. Вотъ уже три года, какъ она зимой всегда живетъ въ Ниццѣ. У нея здѣсь очаровательная маленькая вилла. Если м-ру Мерріаму случится быть въ Ниццѣ и онъ заглянетъ въ Каза Бенедетта, онѣ съ м-рсъ Деламеръ будутъ страшно рады ему. Минна черезъ два слова въ третье выдвигала впередъ свою dame-chaperon, чтобы придать себѣ больше респектабельности.

— Я съ удовольствіемъ пріѣду, — сказалъ Джерардъ, взглядомъ знатока окинувъ свою спутницу.—Я вчера только вернулся въ Европу послѣ долгаго отсутствія и еще не устроился.

— Гдѣ же вы были?

— Въ Южной Африкѣ. Охотился, добывалъ золото. Потомъ поѣхалъ на Мадагаскаръ—я еще въ дѣтствѣ, школьникомъ мечталъ попасть туда. Но ужь во второй разъ меня туда, конечно, не заманишь. Почти все время тамъ я провалялся

въ лихорадкѣ и съ первымъ пароходомъ уѣхалъ въ Марсель. И тамъ рѣшилъ, что не худо бы прожить здѣсь недѣльку-другую, прежде чѣмъ извѣдать всѣ прелести англійской весны.

— Такъ, вы, значитъ, были золотоискателемъ?

— Да. И не безъ успѣха.

— Нажили состояніе?

— Кое-что очистилось. Довольно много.

— И пріѣхали сюда, чтобы немного облегчить свои карманы?

— За игорнымъ столомъ? Ну, нѣтъ. Я не таковскій.

— А я, увы, люблю играть!—со вздохомъ сказала Минна.

— И что же? Больше выигрываете? или проигрываете?

— Въ прошломъ году проиграла 6,000 фунтовъ. А въ этомъ пока въ выигрышѣ. Отчасти я изъ-за этого и живу здѣсь. Я жить не могу безъ игры. Монте-Карло, Эксъ-ле-Бенъ, Остендэ—такъ и ѣзжу изъ одного мѣста въ другое.

— И не надоѣстъ вамъ?

Минна грустно посмотрѣла на море и заломила руки, лежавшія на колѣняхъ—патетическая поза, довольно плохо гармонировавшая съ ея нияряднымъ туалетомъ и сногсшибательной шляпой.

— Удовольствія были бы сносны, еслибъ не надо было жить такъ, чтобъ наслаждаться ими,—сказала она, помолчавъ.

— Однако вы рано стали пессимисткой.

— Вы сами знаете, м-ръ Мерріамъ, у меня въ жизни было не много такого, что могло бы сдѣлать меня оптимисткой.

— Да, конечно, у васъ были тяжелыя переживанія. Какъ и у всѣхъ насъ. Но съ тѣхъ поръ времени прошло достаточно, чтобы оправиться.

— Что вы намѣрены дѣлать съ вашими деньгами?

— О,—не знаю. Куплю имѣніе гдѣ-нибудь въ своихъ краяхъ—въ Норфолькѣ—и буду хозяйничать. Заниматься скотоводствомъ, разведеніемъ фазановъ и такъ далѣе.

— И будете рады, что вернулись на родину?

— По всей вѣроятности. Всякій по своему любитъ родину. А вы—развѣ нѣтъ?

— Я слишкомъ ненавижу Англію и все, что съ нею связано,—съ горечью отвѣтила она.—И ваше желаніе вернуться туда, на родину, для меня непостижимо.

За этимъ первымъ намекомъ на прошлое послѣдовала краткая пауза, втеченіе которой оба приглядывались другъ къ другу. Обстоятельства, при которыхъ они встрѣтились, естественно, настроили ихъ взаимно дружелюбно. Теперь же оба вспомнили и о томъ, что они, въ сущности, едва знакомы, и о той странной роли, которую каж-

дый сыгралъ въ жизни другого. Минна была искренно признательна Джерарду за то, что онъ избавилъ ее отъ Буасси; ей давно не доводилось бесѣдовать съ настоящимъ англичаниномъ и она развеселилась, разболталась. Но, вспомнивъ, кто онъ, она сразу съежилась и ушла въ себя. Словно чья-то холодная рука коснулась ея сердца. Странное ощущеніе,—уже испытанное ею однажды, три года тому назадъ, когда она увидала Гью съ Иреной вмѣстѣ въ театрѣ Гаймаркетъ. Ей вдругъ стало непріятно присутствіе Джерарда и она тихонько отодвинулась отъ него. А между тѣмъ его грубоватая, равнодушная манера говорить подстрекала ея тщеславіе. До сихъ поръ онъ не удостоилъ ни единымъ восхищеннымъ взглядомъ ни ея самой, ни ея костюма. Нравится онъ ей или не нравится, все же она-то должна нравиться ему.

— Какъ это все-таки курьезно, что я такъ столкнулся съ вами,—сказалъ онъ, наконецъ.

— Мы съ вами вообще выбираемъ драматическіе моменты для нашихъ встрѣчъ,—была циническая реплика.

— А вѣдь правда, ей богу! Давненько мы таки съ вами не видались.

— Я не нахожу. Впрочемъ, я вѣдь не рыскала по свѣту въ поискахъ золота. Я жила за игорнымъ столомъ... Вѣроятно, вамъ извѣстно, что тайна смерти моего бѣднаго отца разъяснилась, наконецъ.

— Да, я прочелъ объ этомъ въ капскихъ газетахъ. Я очень радъ.

Снова наступила пауза. Молчаніе становилось тягостнымъ. Чтобы прервать его, Минна заговорила о красотахъ Монте-Карло.

— Ничего подобнаго у васъ, въ Южной Африкѣ, нѣтъ.

— И очень жаль, что нѣтъ. Еслибъ было, никогда бы меня не потянуло въ Европу.

Онъ расположился поудобнѣе, вытянулъ ноги и не безъ удовольствія посмотрѣлъ на свою даму. Разговоръ вертѣлся на общихъ мѣстахъ. Минна острила, довольно ядовито, и это забавляло Джерарда. Дочь еврея-ростовщика, которую онъ зналъ когда-то глупой дѣвчонкой и презиралъ вдвойнѣ, представилась ему теперь совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ. Она выросла, развилась въ красавицу, знающую людей и свѣтъ, съ цинической и забавной безцеремонностью сужденій и рѣчи. Она держалась, какъ окружающая себя наглой роскошью демимонденка, но ея огромное богатство ставило ее выше дамъ полу-свѣта и дѣлало неуязвимой. Во всякомъ случаѣ это была женщина, которой стоило заняться отъ нечего дѣлать. Пріятное разнообразіе послѣ красавицъ Южной Африки. Ленты, банты, оборочки, фалбалы, черезчуръ нарядное

платье цвѣта желтаго нарцисса ясно говорили, что эта женщина очень дорожитъ своею внѣшностью. Джерардъ начиналъ забывать, какую идіотскую истерику она закатила ему при послѣдней ихъ встрѣчѣ. Она была для него просто новая знакомая. И онъ невольно измѣнилъ свой первоначальный грубоватый тонъ на почтительно-любезный, какого, повидимому, требовала ея томная красота. Когда Минна поднялась, чтобы идти встрѣчать м-рсъ Деламеръ и протянула ему руку на прощанье, онъ предложилъ проводить ее на вокзалъ, съ видомъ человѣка, который проситъ этого, какъ милости. Минна была польщена, нѣсколько заинтересована; оригинальность положенія щекотала ей нервы. Она милостиво согласилась и они вмѣстѣ пошли къ казино.

На вокзалъ они пришли минуты за двѣ до прихода поѣзда. М-рсъ Деламеръ вышла на платформу. Увидѣть Минну въ обществѣ незнакомаго мужчины ей было не въ диковинку. Но, когда Минна представила его, какъ стараго знакомаго и друга, назвавъ его имя: „м-ръ Мерріамъ", она невольно изумленно подняла брови и посмотрѣла на свою питомицу, глаза которой насмѣшливо блеснули въ отвѣтъ.

— А куда же дѣвался мсье Буасси? — спросила она по дорогѣ къ казино.

— М-ръ Мерріамъ послалъ его поиграть, — засмѣялась Минна.

XXII.

Заурядный чувственный мужчина, безъ опредѣленныхъ занятій, и такая же праздная женщина, отъ которой такъ и вѣетъ похотливостью, не могутъ встрѣчаться ежедневно втеченіе нѣсколькихъ недѣль безъ того, чтобъ интимность ихъ не возросла. Тѣло начинаетъ говорить въ обоихъ; свѣтъ потакаетъ этому, а дьяволу того и надо. Въ первую же встрѣчу бывшая дочь ростовщика показалась Джерарду привлекательной и это влеченіе быстро перешло въ болѣе яркое чувство. Помимо старыхъ клубныхъ знакомыхъ, съ которыми онъ столкнулся въ игорномъ залѣ, у Джерарда не было иныхъ знакомыхъ въ Монте-Карло, кромѣ Минны. Все свое время онъ посвящалъ ей. Кругъ ея знакомыхъ, въ который она ввела его, претилъ ему, какъ истому британцу, и вызывалъ въ немъ лишь презрѣніе. Какъ съ расфранченными космополитками, такъ и съ преувеличенно любезными космополитами у него не было ничего общаго. При встрѣчахъ съ ними у Минны онъ былъ учтивъ, но съ оттѣнкомъ довольно непріятнаго равнодушія; когда же сталкивался съ ними безъ нея, старался избѣгать ихъ.

По вторникамъ у Минны бывали вечерніе пріемы въ

Каза Бенедетта. Вначалѣ м-рсъ Деламеръ прилагала немало стараній и всячески интриговала, чтобы ввести свою питомицу въ хорошее общество. И въ извѣстной степени это ей удалось. Но, видя, что Минна безпечно играетъ со всѣми видами огня, они оставили ее, боясь за собственные пальцы. Минна называла ихъ Тартюфами и Пексниффами, презрительно вздергивая губки и высказывая сомнѣнія относительно порядочности мужчинъ и нравственности женщинъ. М-рсъ Деламеръ въ отвѣтъ только пожимала плечами и перенесла свои эксперименты на ближайшіе къ утраченному слои общества. Но и эти одинъ за другимъ отшатывались отъ ея питомицы и волей-неволей приходилось довольствоваться всякимъ сбродомъ. А всякій сбродъ въ Монте-Карло представляетъ собой очень курьезное и разношерстное общество. Прошлое и будущее его покрыты тайной. У всѣхъ мужчинъ безукоризненныя манеры. У всѣхъ женщинъ безукоризненный цвѣтъ лица. Однѣ стоятъ другихъ.

Пріемы у Минны были довольно блестящіе—оживленный разговоръ, отличная музыка, безупречное шампанское. Но на взглядъ тупого филистера, какъ Джерардъ Мерріамъ, въ нихъ было что-то не такъ, что-то неуловимое, что однакоже непремѣнно бросится въ глаза посѣтителю хотя бы и образцовой вечеринки въ превосходно содержимомъ домѣ сумасшедшихъ. Когда хозяйки, занятыя другими гостями, не смотрѣли на него, онъ стоялъ, заложивъ руки въ карманы, въ дверяхъ лоджіи, свысока разглядывая всю эту, какъ онъ мысленно выражался, „сволочь", опредѣляя самыми грубыми словами категоріи, по которымъ онъ распредѣлялъ мужчинъ и женщинъ. Истый бриттъ, хотя бы самъ и не очень нравственный, глубоко презираетъ всякую подмоченную репутацію.

Такъ онъ стоялъ и однажды вечеромъ во вторникъ, недѣли черезъ три послѣ его знакомства съ Минной. Гостиная была блистательно освѣщена. Большинство гостей сидѣло въ углу, за маленькой рулеткой. Остальные, развалясь на креслахъ и диванахъ, оживленно болтали и смѣялись. Минна была окружена небольшой группой мужчинъ, изъ которыхъ двое были лысые, безукоризненно одѣтые, съ ленточками въ петлицахъ. Одинъ разсказывалъ какой-то анекдотъ. По смѣху слушателей и по тому, какъ Минна закрывалась вѣеромъ, нетрудно было угадать, что анекдотъ былъ изъ рискованныхъ. И Джерардъ злился на нее за это. Вдобавокъ, всѣ здѣсь говорили по-французски,—языкъ, который онъ понималъ лишь черезъ пятое въ десятое, и отъ этого все казалось еще обиднѣе.

Грузная дама въ платьѣ цвѣта mauve, съ рубинами въ ушахъ встала изъ-за рулетки и подошла къ Миннѣ.

— Познакомьте меня съ вашимъ ручнымъ медвѣдемъ, дорогая,—сказала она рѣзкимъ, высокимъ фальцетомъ.—Онъ хандритъ, потому что никто не заставитъ его поплясать.

Минна засмѣялась, посмотрѣла на Джерарда и встрѣтила его угрюмый взглядъ. И прикусила губы. Смѣшно, когда мужчина такъ нелѣпо ведетъ себя. Она встала, усадивъ на свое мѣсто грузную даму и своей обычной медлительной, томной поступью подошла къ Джерарду.

— Мадамъ Раборская умираетъ отъ желанія познакомиться съ вами.

— Ну, и пусть умираетъ. Туда ей и дорога.

— Да она и такъ скоро умретъ. Окажите ей эту послѣднюю милость.

Джерардъ недовольно скривилъ губы.—Я не умѣю болтать пустяки съ навязчивыми бабами.

— Со мной же вы болтаете.

— Вы не такая. Еслибъ вы были такая, не сталъ бы.

— Вамъ не слѣдуетъ такъ говорить со мною о моихъ друзьяхъ.

— Да, я былъ грубъ и прошу извиненія. Но это не друзья ваши. Это труппа скомороховъ, нанятая вами, чтобы забавлять васъ. Выйдемте на лоджію.

— Чтобы простудиться на смерть? Нѣтъ, благодарю васъ.

— Вы за весь вечеръ ни слова не сказали со мной.

— Я говорю съ тѣми, кто забавляетъ меня.

— Дурацкими французскими анекдотами?

— Это мое дѣло.

— Я не люблю, когда эти субъекты дѣлаютъ вамъ глазки,—хмуро выговорилъ онъ.

Вотъ насколько за эти три недѣли подвинулись впередъ ихъ отношенія. Минна разсмѣялась своимъ груднымъ воркующимъ смѣхомъ.

— Почему же нѣтъ? Имъ это нравится, а я не обижаюсь и vice versa. Притомъ же, какъ вамъ извѣстно, я не изъ тѣхъ женщинъ, которыхъ можно монополизировать. Если вы подойдете къ мадамъ Раборской и будете милы съ ней, я потомъ пойду съ вами ужинать.

— Ну, ладно! Гдѣ эта сирена?

Она подвела его къ группѣ у дивана и представила. Онъ поклонился съ чопорностью англичанина. Другіе мужчины учтиво подвинулись, чтобы дать ему мѣсто. Онъ сѣлъ и мучился съ четверть часа: Минна присоединилась къ играющимъ въ рулетку, среди которыхъ м-рсъ Деламеръ отъ времени до времени ставила небольшія ставки по не об-

манывающей системѣ, требующей, чтобы игрокъ ставилъ только черезъ каждыя десять-пятнадцать игръ. Это было выгодно для кармана и длило удовольствіе. Выигравъ нѣсколько сотенъ франковъ, Минна выручила Джерарда, уведя его отъ мадамъ Раборской, которая силилась „произвести на него впечатлѣніе". Но столовая, гдѣ ужинали, была уже полна. Хозяйку осыпали градомъ цвѣтистыхъ комплиментовъ, сопровождаемыхъ движеніями обнаженныхъ плечъ и тонкихъ рукъ, усыпанныхъ брильянтами. Джерардъ злился; у него чесались руки разогнать „всю эту сволочь". Онъ вообще былъ не любитель общества и свѣтскихъ сборищъ. Въ дни своей семейной жизни онъ выѣзжалъ съ Иреной въ очень рѣдкихъ случаяхъ, и то, когда она очень ужь настаивала. Съ женщинами ему было скучно, кромѣ тѣхъ, которыхъ онъ присваивалъ себѣ. Но въ такихъ случаяхъ онъ предпочиталъ уединеніе вдвоемъ. Среди этихъ авантюристовъ съ развязными манерами и сатирически настроенныхъ, остроумныхъ дамъ, онъ казался, дѣйствительно, медвѣдемъ въ пустынѣ, населенной обезьянами. Такъ назвала его сама Минна, обсуждая этотъ вечеръ, когда гости разъѣхались, съ м-рсъ Деламеръ. Сознаніе, что онъ здѣсь не у мѣста и не умѣетъ приспособиться, не улучшало его настроенія. Онъ досадовалъ самъ на себя, зачѣмъ пришелъ.

— Да не будьте же такъ мрачны!—шепнула ему Минна.— Положите мнѣ немного этого паштета и посмотрите, нѣтъ ли трюфелей.

Онъ торжественно положилъ ей на тарелку паштета и поставилъ тарелку на край стола, у того мѣста, гдѣ она сидѣла. И самъ сталъ возлѣ, въ ожиданіи дальнѣйшихъ приказаній, между тѣмъ какъ она перебрасывалась шутками съ ближайшими сосѣдями. Когда же Минна кончила ѣсть, онъ проводилъ ее въ салонъ, гдѣ она снова покинула его, подойдя къ красивой дамѣ въ платьѣ съ очень глубокимъ вырѣзомъ, сидѣвшей за роялемъ. М-рсъ Деламеръ, успѣвшая тѣмъ временемъ отойти отъ рулетки, сжалилась надъ нимъ и увлекла его на диванъ у стѣны. Такъ какъ сама она была англичанка и одного съ нимъ круга, разговаривать съ нимъ ей было не трудно, и она скоро сумѣла найти тему, заинтересовавшую его: его нежданное обогащеніе и охота на крупнаго звѣря. М-рсъ Деламеръ была знакома съ Фріуинтлемъ, прославленнымъ охотникомъ, спутникомъ Джерарда, и дала нѣсколько ироническихъ характеристикъ членовъ его семьи. Она великолѣпно знала генеалогію, которой, съ своей стороны, интересовался и Джерердъ, какъ это свойственно людямъ его умственнаго склада. Курьезный, но подлинный фактъ—любители генеалогіи всегда оказываются

въ родствѣ другъ съ другомъ. Въ концѣ концовъ выяснилось, что и м-рсъ Деламеръ въ родствѣ съ норфолькскими Мерріамами, черезъ Фріуинтлей.

— Какъ мнѣ отрадно было побесѣдовать съ вами, м-ръ Мерріамъ!—говорила она.—Я уже почти забыла, что на свѣтѣ есть усадьбы и англійскія семьи, живущія въ провинціи. Вы только посмотрите на всю эту публику—навѣрное, и у нихъ есть семьи, но какія?

— Матери-то ужъ, навѣрно, были,—смѣясь, отвѣтилъ Джерардъ. М-рсъ Деламеръ вернула ему хорошее расположеніе духа. Вскорѣ послѣ того онъ сталъ прощаться.

— Завтра увидимся?—спросилъ онъ на прощаніе Минну.

— Можетъ быть—не знаю. Если я поѣду въ Монте-Карло, можетъ быть, мы тамъ встрѣтимся. Въ жизни и такъ слишкомъ много тягостнаго, чтобъ еще добровольно накладывать на себя обязательства, условливаясь на завтра.

— У васъ усталый видъ,—сказалъ Джерардъ.—Изо дня въ день сидѣть вечерами въ душной комнатѣ и ложиться поздно—въ концѣ концовъ нездорово. Поѣдемте хоть покататься завтра.

— Съ м-рсъ Деламеръ?

— Нѣтъ. Вдвоемъ. Я думаю, въ Ниццѣ можно достать приличный выѣздъ. Я заѣду за вами въ два часа.

— Гдѣ вы остановились?

— Въ отелѣ „Великобританія".

— Я завтра утромъ дамъ вамъ знать. Это будетъ зависѣть отъ моего завтрашняго настроенія.

— Я буду жестоко огорченъ, если вы не захотите ѣхать.

— Въ самомъ дѣлѣ?—томно протянула она.

Когда гости разъѣхались, м-ръ Деламеръ начала пѣть хвалы Джерарду. Вотъ это настоящій англичанинъ, настоящій мужчина, сильный, умный. Не то, что здѣшніе изнѣженные франтики, которые во всю свою жизнь не видали, какъ стрѣляютъ изъ ружья, и не ѣздили ни на чемъ иномъ, кромѣ мирныхъ осликовъ въ горахъ. Среди всѣхъ этихъ мелкихъ людишекъ онъ кажется колоссомъ между пигмеями. Тутъ-то Минна и сравнила его съ медвѣдемъ между обезьянъ. Страшно утомленная, она безсильно опустилась въ кресло, глядя на свою сожительницу съ видомъ усталой покорности. Въ гостиной было жарко и душно отъ дыханій столькихъ людей; непріятно пахло смѣсью разныхъ духовъ.

— Медвѣдь или нѣтъ,—возразила м-рсъ Деламеръ, вытаскивая изъ кармана своего чернаго шелковаго платья нѣсколько смятыхъ и засаленныхъ ассигнацій и осторожно ихъ разглаживая,—все же пріятно встрѣтить здѣсь честнаго, здороваго англійскаго джентльмена. И, знаете, мнѣ жалко

его. Я всегда жалѣю мужчинъ, жены которыхъ сбились съ пути.

— Жемчугъ, брошенный свиньямъ,—разсѣянно уронила Минна, почти не слушавшая.

— Ну, я не такъ строга къ женщинамъ.

— Вы не такъ истолковали мои слова. Подъ свиньей я подразумѣвала его.

М-рсъ Деламеръ изумленно воззрилась на нее.

— Мнѣ казалось, что вы терпѣть ея не можете. А его вы, несомнѣнно, поощряли.

Минна вздрогнула всѣмъ тѣломъ и отмахнулась рукой,—жестомъ, выражавшимъ отвращеніе.

— Онъ мнѣ противенъ.

М-рсъ Деламеръ не отвѣтила. Она встала, взяла со стола свой вѣеръ и перчатки и, не спѣша, подошла къ креслу Минны.

— Вы страшно утомлены. Идите спать.

М-рсъ Деламеръ была не злая женщина. Мягко и спокойно, безъ излишней услужливости, она нагнулась, обняла рукой станъ Минны и помогла ей встать. И съ минуту стояла такъ, не отнимая руки.

— Вы ведете утомительную жизнь, бѣдное дитя мое.

Минна подняла на нее глаза. Губы ея дрогнули.

— Адскую жизнь!—прошептала она.

И, къ полному недоумѣнію м-рсъ Деламеръ, припала головой къ ея плечу и горько разрыдалась.

— Лучше бы я умерла! Нигдѣ я не могу найти ни счастья, ни покоя. Это адская мука, а не жизнь!

М-рсъ Деламеръ утѣшала ее, какъ могла. Наконецъ, Минна вытерла глаза, поцѣловала въ первый разъ за всю ихъ совмѣстную жизнь увядшую щеку своей пріятельницы и ушла въ свою комнату.

— Почему это,—думала про себя м-рсъ Деламеръ, укладываясь спать—когда женщина намѣрена пуститься во всѣ тяжкія и броситься въ когти къ дьяволу, она ни за что не пойдетъ къ нему сухимъ путемъ?

На другое утро Джерардъ поднялся чуть свѣтъ и отправился разыскивать подходящій экипажъ. Онъ нашелъ высокій американскій фаэтонъ и пару ирландскихъ пони, недавно купленныхъ содержателемъ конюшни у раззорившагося англичанина, который проигрался въ рулетку и поспѣшилъ на родину, чтобъ записаться волонтеромъ въ пѣхотный полкъ. Въ кафе Побѣды онъ столкнулся съ клубнымъ знакомымъ, сидѣвшимъ за „*апперитивомъ*", подсѣлъ къ нему

и разсказалъ о своей находкѣ. Пріятель снисходительно усмѣхнулся.

— Это все для Царицы Савской?

Джерардъ изумленно нахмурился.

— О комъ вы говорите?

— О дѣвушкѣ, съ которой я нѣсколько разъ видѣлъ васъ. Такъ ее зовутъ здѣсь, должно быть, потому, что она смугла, богата и не скромна.

— Это моя старая знакомая. Мы встрѣчались въ Лондонѣ, —чопорно сказалъ Джерардъ.

Пріятель неожиданно припомнилъ что-то, покраснѣлъ и началъ извиняться.

— Мнѣ страшно жаль. Тысячу извиненій. Но какъ-то невольно привыкаешь говорить, не стѣсняясь, о личностяхъ, о которыхъ идетъ много толковъ въ обществѣ,—а о вашей знакомой, къ несчастью, говорятъ всѣ.

Джерардъ спокойно прихлебывалъ вермутъ.

— Что вы о ней знаете?

— О! ничего особеннаго. Право же, я...

— Мнѣ интересно было бы узнать,—настаивалъ Джерардъ.

— Да вотъ, играетъ она постоянно, страшно швыряетъ деньгами. И вѣчно съ ней все новые и новые мужчины. Словомъ, нѣсколько, такъ сказать, подмоченная репутація. Чтобъ познакомиться, не обязательно имѣть, кому представить. Ну, и все такое. Понимаете? Можетъ быть, это и неправда. Я надѣюсь, что неправда.

— Нѣтъ, я думаю: правда,—сказалъ Джерардъ.—Женщины обыкновенно оказываются въ дѣйствительности даже ниже своей репутаціи.

— Очень радъ, что особой нескромности я не совершилъ, —сказалъ пріятель.

— О, конечно, нѣтъ,—засмѣялся Джерардъ и перешелъ на другую тему:—Если у васъ нѣтъ ничего лучшаго въ виду, можетъ быть, придете ко мнѣ на *ленчъ* въ отелѣ „Великобританія“?

Пріятель обѣщалъ. Они вмѣстѣ вышли изъ кафе. Въ отелѣ портье вручилъ Джерарду записку, только что полученную. Минна обѣщала быть готовой къ двумъ часамъ. Джерардъ отнюдь не сердился на нескромную болтовню пріятеля. Наоборотъ, она скорѣе успокоила его. Къ красивой и окруженной поклонниками женщинѣ съ нѣсколькими тысячами годового дохода надо относиться уважительно. Съ другой стороны, Царица Савская, героиня монте-карловской скандальной хроники—лакомый кусочекъ, завидная дичь. И въ Джерардѣ, слишкомъ мужественномъ въ своихъ вкусахъ,

чтобы тратить время на прелиминаріи, на деликатное ухаживанье, проснулась охотничья жестокость. Онъ грубо смялъ записку и сунулъ ее въ карманъ.

— Отказъ?—спросилъ пріятель.

— Ну, нѣтъ!—фатовски усмѣхнулся Джерардъ.

XXIII.

Почему Минна написала, что она поѣдетъ, она сама бы не могла сказать. Иной разъ она сама не могла объяснить себѣ своихъ капризовъ. Нѣкоторую роль сыграло здѣсь тщеславіе. Человѣкъ, котораго она до сихъ поръ считала самымъ далекимъ и чужимъ изъ далекаго и чуждаго ей, чваннаго аристократическаго общества, былъ теперь у ея ногъ. И хотѣлось отомстить ему за всѣ накопившіяся съ давнихъ поръ обиды, хотѣлось, чтобъ онъ пресмыкался передъ ней, а она бы топтала его ногами. Пресыщенность толкала къ новымъ ощущеніямъ. Наконецъ, реакція послѣ вчерашняго порыва экспансивности заставила пойти наперекоръ довольно неблагоразумному совѣту м-рсъ Деламеръ никуда не выходить и просидѣть этотъ день дома.

Она заставила Джерарда съ полчаса прождать ее на *лоджіи*, передъ которой пони нетерпѣливо топали ногами и не стояли на мѣстѣ. И появилась, наконецъ, въ своемъ ослѣпительномъ платьѣ цвѣта желтаго нарцисса, котораго она не надѣвала съ памятнаго дня первой встрѣчи съ Джерардомъ. И съ вызывающимъ видомъ поздоровалась съ нимъ, не извинившись за опозданіе.

— У меня достаточно приличный видъ?—небрежно спросила она у м-рсъ Деламеръ, которая въ ожиданіи ея занимала разговоромъ Джерарда.

— Удивительный!—отвѣтилъ Джерардъ.

Она знакомъ дала ему понять, что готова. Онъ взялъ съ баллюстрады свою шляпу и перчатки и пошелъ за нею внизъ; помогъ ей сѣсть въ высокій фаэтонъ, взялъ возжи изъ рукъ грума и выѣхалъ за ограду. Затѣмъ хлестнулъ пони бичемъ и они помчались стрѣлой по Симіезской дорогѣ, черезъ городъ, по направленію къ морю.

— Мы поѣдемъ берегомъ, по дорогѣ въ Антибъ,—сказалъ Джерардъ.

— Куда хотите, только не въ Корнишъ. Онъ мнѣ до смерти надоѣлъ.

— Вамъ, повидимому, почти все надоѣло. Почему это такъ? Вы богаты, красивы, независимы. Чего вамъ еще нужно?

— Предположимъ, что мнѣ хотѣлось бы имѣть возлѣ себя человѣка, который бы понималъ меня - душу мою пони-

малъ,—насмѣшливо отвѣтила она.—Съ вами этого никогда не бываетъ?

Онъ засмѣялся и хлестнулъ бичемъ пони, зазѣвавшихся было на компанію велосипедистовъ.

— Достаточно я на своемъ вѣку наслушался этихъ разговоровъ. Я когда-то тоже вѣрилъ въ душу, но теперь не вѣрю...

— А если она и существуетъ, люди говорятъ о ней такъ же, какъ они говорятъ о своей печени—только когда она больна.

— Вы-то почему заговорили о своей? Развѣ она у васъ не въ порядкѣ? Вы, должно быть, слишкомъ много опытовъ продѣлывали съ ней—такъ, что ли?

Минна многое могла стерпѣть и, вѣроятно, только разсмѣялась бы въ отвѣтъ на такую фразу изъ устъ другого человѣка, но въ сердцѣ ея было много горечи, и присутствіе Джерарда такъ обостряло ее, что слова его, словно ножомъ, кольнули ее въ сердце.

— Достаточно того, что я сама издѣваюсь надъ собой,—холодно отвѣтила она.

— Ну, полноте!—со смѣхомъ вскричалъ онъ.—Чего ради намъ выворачиваться на изнанку, словно на анатомическомъ сеансѣ? Это нехорошо по отношенію къ лошадкамъ. Вы даже не похвалили ихъ.

Они теперь свернули на гладкую бѣлую дорогу между садами Казино и моремъ и мчались по длинной Promenade des Anglais; пони мотали головами, стучали копытами и Джерардъ испытывалъ невольное чувство гордости мужчины, который правитъ парою отличныхъ лошадей. Ему повезло. Такой выѣздъ найдешь не въ каждой конюшнѣ на Ривьерѣ. Къ этому присоединялось элементарнѣйшее чувство гордости отъ временнаго обладанія красивой женщиной. И однакожь мысль, что его спутница—всѣмъ извѣстная Царица Савская, вызывала насмѣшливую улыбку на его устахъ.

— Сколько скандальныхъ толковъ это вызвало бы, еслибъ кто-нибудь изъ насъ былъ не свободенъ, — сказалъ Джерардъ. — Гораздо удобнѣе не чувствовать себя ничьей собственностью.

— Я не думала, что вы придаете такое значеніе условностямъ,—возразила Минна.—Если въ вашихъ глазахъ и это катанье — авантюра, интересно знать, что вы сказали бы о какой-нибудь дѣйствительно безумной выходкѣ?

— Я готовъ на всякія безумства. Приказывайте.

Она откинулась на спинку сидѣнья, лѣниво расправляя

кисти зонтика. Чтобы заглянуть ей въ лицо, ему пришлось повернуть голову.

— Хотите, поцѣлую васъ сейчасъ—coram publico. Вы достаточно соблазнительны для этого.

— Не могу себѣ представить этого—и эта мысль нимало мнѣ не улыбается,— сказала Минна. И начала смотрѣть на море.

Оно было очаровательное, переливавшееся всѣми оттѣнками тоновъ отъ кобальта до блѣдной бирюзы, съ красивыми теплыми пятнами парусовъ, красно-коричневыхъ, какъ всегда на Средиземномъ морѣ; вдали, въ сапфировой дымкѣ, туманно вырисовывались очертанія мыса Антибъ. Но мысли Минны были далеки отъ его пьянящей красоты. Она раскаивалась, что поѣхала кататься. Близость этого человѣка дѣйствовала ей на нервы. Она намѣревалась вышутить его и прогнать. Но на это не хватало храбрости. Въ его послѣднемъ восхищенномъ взорѣ она прочла нѣчто такое, отъ чего ей стало страшно. Ея обычная нервозность приняла истерическій характеръ, въ особенности послѣ того, какъ онъ втеченіе нѣсколькихъ минутъ не сказалъ ни слова.

— Что же вы ничего не говорите?—раздражительно бросила она.

— Я думалъ, что вы погружены въ созерцаніе красотъ природы.

— Вы, англичане, такіе тяжеловѣсные. Вотъ вы вчера были скандализованы присутствіемъ въ моемъ домѣ сомнительныхъ иностранцевъ. Они, по крайней мѣрѣ, умѣютъ забавно болтать. Оттого я и принимаю ихъ.

— Англичанинъ не болтаетъ, а дѣйствуетъ. Это лучше.

Втеченіе нѣкотораго времени разговоръ шелъ на эту тему; затѣмъ, задѣтый ея невыгоднымъ для него сравненіемъ, Джерардъ началъ открыто объясняться ей въ любви. Чѣмъ дальше, тѣмъ онъ становился ей противнѣе и въ то же время тѣмъ ощутительнѣе она чувствовала свое безсиліе. Она почти не подавала репликъ. Джерардъ принялъ ея молчаніе за напускную скромность и насмѣшливая улыбка явственнѣе проступала на его губахъ.

Пони неслись по бѣлой пыльной дорогѣ. Теперь они выѣхали уже за городъ; здѣсь движенія было мало. Дорога извивалась между насыпями, благоухавшими запахами тмина и розмарина; порою открывался широкій видъ на море и берегъ; порою они огибали виллы, гнѣздившіяся въ крутыхъ отрогахъ холодныхъ, сѣрыхъ морскихъ Альпъ, красиво выдѣлявшихся на фіолетовомъ фонѣ неба. Смуглые, босоногіе ребятишки выскакивали изъ придорожныхъ домиковъ поглядѣть на колеса, мелькавшія въ густомъ облакѣ пыли;

отъ времени до времени священникъ въ огромной лопатообразной шляпѣ поднималъ глаза съ засаленнаго молитвенника на англійскую парочку, катившую въ такомъ шикарномъ экипажѣ. Неожиданно на верху крутого откоса откуда-то вынырнувшій велосипедистъ промчался мимо нихъ и стремглавъ понесся внизъ. Испуганныя пони рванулись въ сторону и понесли. Джерардъ, поглощенный своей любовью, проворонилъ это, не во-время хлестнулъ лошадей, потомъ пытался удержать ихъ, но уже не могъ. Онѣ, что было духу, мчались подъ гору.

Минна, отъ природы трусиха, взвизгнула и уцѣпилась за Джерарда.

— All right. Держитесь крѣпко. Только не за руку. Не бойтесь. Ничего страшнаго нѣтъ,—успокаивалъ онъ ее. Велосипедистъ, слыша за собой лошадиный топотъ, опустилъ ноги на педали, взялъ въ сторону, затормозилъ и свалился у забора. Легкій экипажъ несся вскачь съ горы, подпрыгивая на каждомъ толчкѣ. Перепуганная Минна бросила свой зонтикъ и обѣими руками уцѣпилась за Джерарда. Она была такъ близко, что онъ не выдержалъ, на мигъ оторвалъ свой взглядъ отъ лошадей и поцѣловалъ ее прямо въ губы. Она тихонько вскрикнула и отвернула голову.

Но отъ всѣхъ этихъ волненій въ Джерардѣ закипѣла кровь. Она снова поцѣловалъ ее, а она не могла оторваться отъ него изъ страха вылетѣть изъ экипажа и была совершенно въ его власти. И онъ воспользовался этимъ. Убѣдившись, что лошади теперь уже покорны ему, онъ на время отпустилъ возжи и покрылъ страстными поцѣлуями все лицо и плечи дѣвушки, не обращая вниманія на то, что она кричала и отбивалась отъ него.

Наконецъ, крутой спускъ смѣнился легкимъ подъемомъ и сильная рука Джерарда сразу придержала пони. Они пошли умѣренной рысью; опасность миновала; Минна вырвала руки и отодвинулась отъ Джерарда, насколько могла.

— Скотина!—гнѣвно крикнула она.—Подлое животное!

Мощнымъ движеніемъ онъ натянулъ возжи на самой вершинѣ откоса и пони, тяжело дыша, всѣ въ пѣнѣ, стали. Джерардъ повернулся, чтобы отвѣтить Миннѣ, но она неожиданно встала и выскочила изъ высокаго фаэтона, со словами:

— Ни минуты дольше не останусь съ вами. Умру, а не останусь! Пѣшкомъ пойду домой.

Впопыхахъ она оступилась, не попала ногой на подножку и тяжело упала на землю. Крестьянинъ въ синей блузѣ, работавшій на огородѣ у дороги, бросился поднимать ее. Потомъ, на зовъ Джерарда, подошелъ и согласился подержать

лошадей, а Джерардъ выскочилъ изъ экипажа, чтобы помочь Миннѣ.

— Вы не ушиблись?

— Я вывихнула ногу,—угрюмо выговорила она, держась за экипажъ, вся блѣдная отъ испуга и боли. Шляпа ея съѣхала на бокъ, одна изъ перчатокъ лопнула. Платье цвѣта желтаго нарцисса было все бѣлое отъ пыли. Сознаніе непривлекательности своей внѣшности еще больше злило ее.

— Однако! Здорово вы перепачкались, — сказалъ Джерардъ, неуклюже отряхивая съ ея платья пыль. Но она свободной рукой оттолкнула его.

— Не трогайте меня. Не смѣйте трогать!

Онъ стоялъ, заложивъ руки въ карманы, и съ усмѣшкой глядѣлъ на нее.

— Я очень извиняюсь. Но долженъ же я что-нибудь предпринять, если вы вывихнули ногу. Не можете же вы сидѣть здѣсь до вечера.

— Мнѣ уже лучше. Оставьте меня — уходите — я пойду домой одна.

Съ этими словами она выпустила ручку экипажа и попробовала ступить на ушибленную ногу. Но невольно вскрикнула отъ боли, пошатнулась и упала бы, еслибъ Джерардъ не поддержалъ ее.

— Боюсь, что вамъ придется все-таки позволить мнѣ доставить васъ домой.

Вмѣсто отвѣта она по-французски спросила человѣка, державшаго лошадей:

— Есть здѣсь по близости какая-нибудь гостинница или кафе?

Крестьянинъ, любезно улыбаясь и показывая бѣлые зубы, отвѣтилъ, что гостинница есть, сейчасъ за поворотомъ. Изъ Ниццы часто заѣзжаютъ туда господа попить кофейку и покушать фруктовъ. Барыня, навѣрное, ушиблась — ей надо отдохнуть. Тамъ, въ гостинницѣ, всѣ удобства...

— Такъ я пойду въ гостинницу,—сказала Минна, повернувшись къ Джерарду.—Можетъ быть, вы заѣдете ко мнѣ домой сказать, чтобы за мной прислали удобную коляску. Но только вы, пожалуйста, не возвращайтесь съ нею.

— Ну, что за вздоръ! Я могу на рукахъ посадить васъ въ фаэтонъ и вынести оттуда. Это идіотство — поднимать столько шуму изъ-за пустяковъ.

—Я лучше ползкомъ поползу домой, чѣмъ съ вами!—былъ злобный отвѣтъ.

Тѣмъ временемъ къ группѣ присоединилось еще двое неуклюжихъ, загорѣлыхъ крестьянъ и первый подошедшій

подробно разсказывалъ имъ, какъ было дѣло. Джерардъ пожалъ плечами.

— Какъ же вы думаете добраться до гостинницы?

— Эти люди донесутъ меня.

— Но вѣдь вы же дѣлаете себя посмѣшищемъ.

— Я привыкла поступать такъ, какъ мнѣ заблагоразсудится. Dites donc, vous?—обратилась она къ блузникамъ.

Они поспѣшили на зовъ. Джерардъ отошелъ въ сторонку и закурилъ сигару. Минна объяснила, что ей нужно. Врожденная любезность дѣтей юга откликнулась восторженными восклицаніями. Мгновенно двое блузниковъ устроили нѣчто вродѣ походнаго стула изъ сложенныхъ крестъ-на-крестъ рукъ, посадили на него Минну и быстро зашагали со своей ношей. Джерардъ, насмѣшливо пожавъ плечами и поручивъ третьему блузнику присмотрѣть за лошадьми и экипажемъ, пошелъ за ними вслѣдъ, втихомолку ругаясь себѣ подъ носъ. Это было курьезное шествіе. За поворотомъ показалась въ виду маленькая гостинница. Это было приземистое бѣлое зданіе, съ надписью „Au Séjour du Soleil“ огромными бѣлыми буквами на фасадѣ. Передъ нимъ—большая рѣшетчатая бесѣдка, обвитая ползучимъ виноградомъ, и въ ней грубо сколоченные столики и скамьи, блестѣвшія на солнцѣ. Оставивъ экипажъ на дорогѣ внизу, Джерардъ вслѣдъ за носильщиками поднялся по крутой тропинкѣ, ведшей къ гостинницѣ. Кругомъ ни души, кромѣ куръ, козы, привязанной къ столбу, и дородной хозяйки, моловшей кофе въ бесѣдкѣ.

Носильщики поставили на землю Минну и она стояла на одной ногѣ, опираясь руками на ихъ плечи. Хозяйка поставила мельницу на столъ и подбѣжала къ нимъ.

— Мнѣ нужна комната, на часъ, на два, гдѣ бы полежать, пока за мной пришлютъ экипажъ изъ Ниццы. Вотъ этотъ господинъ съѣздитъ за нимъ,—пояснила Минна.

Начались разспросы, объясненія. Затѣмъ хозяйка пошла въ комнаты, приготовить все къ пріему гостьи.

— Вамъ незачѣмъ дожидаться,—холодно сказала Минна Джерарду.

— Я долженъ удостовѣриться, что васъ устроили удобно,—отвѣтилъ онъ, усаживаясь на скамью.

Захлопотавшаяся хозяйка, улыбаясь, выскочила на крыльцо.—Комната готова—пожалуйте, сударыня.—Двое мужиковъ снова подхватили свою прекрасную ношу и исчезли съ ней въ сѣняхъ, откуда минуты черезъ двѣ вынырнули съ пылающими лицами. Джерардъ нетерпѣливымъ кивкомъ головы отвѣтилъ на ихъ низкіе поклоны и благодарности за щедрость мосье и мадамъ и продолжалъ курить и бра-

ниться безъ словъ. Потомъ всталъ и зашагалъ по площадкѣ, злясь на Минну за нелѣпое и унизительное положеніе, въ которое она его поставила. Подобно большинству людей, немного вялыхъ и не особенно находчивыхъ, онъ только теперь, когда было уже слишкомъ поздно, сообразилъ, что нелѣпо было уступить ея капризу. И еще больше разозлился на себя и на нее. Еслибъ онъ тогда, не обращая вниманія на ея протесты, схватилъ ее въ охапку и посадилъ въ экипажъ, всей этой сутолоки не было бы. О томъ, чтобы послушаться ея и ѣхать за коляской, не могло быть и рѣчи. Во всякомъ случаѣ прежде, чѣмъ ѣхать, онъ долженъ увидать ее и попытаться образумить. Онъ не какой-нибудь французскій фертикъ, чтобы, получивъ пощечину, смиренно отойти, поджавши хвостъ. Чего это она вздумала напускать на себя скромность? Царица Савская и туда же—разыгрываетъ изъ себя недотрогу! Джерардъ досадливо разсмѣялся. Но въ то же время ему было немножко жаль ея—вѣдь всетаки она ушибла ногу. Онъ не имѣлъ намѣренія быть съ ней грубымъ и однакожъ не очень-то нѣжно проявилъ свою заботливость.

— Но, чортъ побери! вѣдь она же сама виновата, — воскликнулъ онъ, топнувъ ногой.

Прошло десять минутъ. Онъ поглядывалъ, не выйдетъ ли хозяйка. Наконецъ, увидалъ ее въ буфетѣ. Онъ окликнулъ ее—она вышла за двери. На ужасающемъ французскомъ языкѣ Джерардъ выразилъ ей свое желаніе—повидать больную. Нимало не усумнившись въ его правахъ на это, женщина прошла впередъ, знакомъ пригласивъ его слѣдовать за собой, и распахнула двери. Нимало не задумываясь, онъ вошелъ. Ставни были закрыты и въ комнатѣ было почти темно. Деревянный столъ, тяжелый прессъ для винограда и огромная на четырехъ столбахъ кровать подъ балдахиномъ съ бѣлыми занавѣсками, занимавшая полкомнаты, составляли всю ея меблировку. На кровати лежала Минна, растрепанная съ распущенными волосами; ноги ея были укутаны теплымъ платкомъ. На стулѣ около, рядомъ со шляпой, лежалъ чулокъ и туфля. При видѣ Джерарда больная негодующе приподнялась и сѣла на кровати.

— Зачѣмъ вы пришли? Почему не поѣхали за экипажемъ? Не могу же я оставаться здѣсь до завтра.

— Прежде чѣмъ уѣхать, я хотѣлъ помириться съ вами. Ну, полно, забудемъ эту маленькую размолвку. Вы разсердились на меня за то, что я поцѣловалъ васъ. Но вѣдь вы же сами понимаете, Минна, я не сталъ бы васъ цѣловать, еслибы вы не нравились мнѣ, еслибы вы не были такая хорошенькая и такъ близко ко мнѣ.

— Ахъ, уходите вы отсюда, ради Бога! — выговорила она, нервно хрустнувъ пальцами. Его близость точно камнемъ давила ей грудь.

— Нѣтъ, я не уйду, — вдругъ разсердился онъ. — Я не изъ тѣхъ, кого можно выгнать. Я съ мѣста не сойду, пока мы не поцѣлуемся и не помиримся. Вы отлично знаете, что я влюбился въ васъ. Я затѣмъ и просилъ васъ поѣхать со мной кататься вдвоемъ, чтобы сказать вамъ это. Ну, вотъ и сказалъ. Я васъ люблю, и хочу, чтобъ вы меня выслушали.

— Вы меня любите! — презрительно повторила она. — Какъ это на васъ похоже!

Она откинулась назадъ, на подушки и, непріятно искрививъ губы, спросила:

— Что же вы намѣрены дѣлать?

Въ сущности, у Джерарда не было никакихъ опредѣленныхъ плановъ; роль театральнаго волокиты была совсѣмъ не по немъ. Но вопросъ задѣлъ его и разбудилъ въ немъ звѣря, который дремлетъ почти въ каждомъ мужчинѣ.

— Буду сидѣть здѣсь всю ночь, пока вы не поцѣлуете меня добровольно.

— Я всегда знала, что вы низкій человѣкъ. Очевидно, это угроза скомпрометтировать меня. Смѣю васъ увѣрить, это мнѣ особенно не повредитъ.

Онъ швырнулъ на столъ шляпу и перчатки и подошелъ къ кровати. Звѣрь уже верховодилъ имъ. Ея красота будила въ немъ страсть; ея презрѣніе бѣсило его. Его косящіе голубые глаза сверкнули угрозой.

— Если вы не сдѣлаете того, о чемъ я прошу васъ — это сущій пустякъ — я, все равно, возьму это силой и останусь здѣсь всю ночь, и не отойду отъ васъ ни на шагъ, пока вы не образумитесь. Я васъ люблю и не позволю играть собой. И будь я проклятъ, если вы посмѣете сказать, что вы не поощряли меня.

Онъ нагнулся къ ней, какъ будто намѣреваясь схватить ее въ свои объятія. Вся ея злоба и ненависть къ нему все, бродившее въ ея душѣ презрѣніе къ себѣ, угрызеніе и раскаяніе, и мучительное возрожденіе безнадежной и страстной любви къ человѣку, который былъ и не былъ ея мужемъ, вырвалось въ хрипломъ, испуганномъ крикѣ. Послѣ этого она совершенно перестала владѣть собой и негодованіе ея вылилось гнѣвнымъ и страстнымъ потокомъ рѣчей.

— Вы меня любите! Вы! Вы думаете, что женщина, которая знаетъ, кто вы и что вы, захочетъ имѣть съ вами дѣло? Да она только вышутитъ васъ и прогонитъ. Вы, прогнавшій отъ себя жену, которая въ десять милліоновъ разъ лучше меня, и друга, который въ двадцать милліоновъ разъ лучше

васъ. Я ненавижу васъ. Я презираю васъ. Презираю васъ больше, чѣмъ презираю себя, а это уже очень много.—Она точно выплевывала въ лицо ему злыя слова.—Когда вы жили чисто и мирно, съ своею женой, вы смотрѣли на меня сверху внизъ, брезгали мной. Теперь, когда вы избавились отъ нея, вы идете ко мнѣ—какъ скотина, какъ низкій негодяй.

— Не будете ли вы такъ любезны оставить въ покоѣ м-рсъ Меріамъ,—насмѣшливо сказалъ Джерардъ.

— Да вѣдь въ ней же все дѣло!—воскликнула Минна.—Въ ней и только въ ней. Она—моя мука, мой жгучій стыдъ—всѣ эти четыре года. Вы думаете, если я живу, ни съ чѣмъ не считаясь, какъ распутная женщина, то ужь я и не чувствую своего униженія. Нѣтъ, очень даже чувствую. И вы должны почувствовать свое! Глупецъ вы! Хуже, чѣмъ глупецъ. Она была чиста, какъ святая — какъ ваши христіанскія святыя, которымъ вы молитесь—и я ревновала къ ней. Я тогда не знала, какая она, но вы... вы-то должны были знать...—Вы знаете, гдѣ провелъ Гью Кольманъ ту ночь, когда былъ убитъ мой отецъ? У меня—со мной—всю ночь. Воры влѣзли черезъ окно, которое я оставила открытымъ, чтобы онъ могъ войти. Мы были повѣнчаны съ нимъ—уже около года. Мы поссорились. По моей винѣ. Мнѣ казалось, что я его ненавижу. О Боже! еслибъ вы знали, какъ я теперь люблю его! Тогда вы знали бы, что такое любовь...

Обезсиленная, она остановилась, чтобы перевести духъ. Джерардъ стоялъ, не двигаясь, не сводя съ нее глазъ, словно окаменѣвшій. Чудовищность его ослѣпленія парализовала его. Наконецъ, онъ провелъ языкомъ по запекшимся губамъ и выговорилъ съ трудомъ:

— Почему же онъ молчалъ на судѣ?

— Развѣ вы это способны понять!—гнѣвно воскликнула она.—Вѣдь онъ честнѣйшій, благороднѣйшій человѣкъ. Въ ту ночь онъ видѣлъ завѣщаніе моего отца: еслибъ я вышла за христіанина, всѣ отцовскія деньги пошли бы на еврейскую общину, и мы дали другъ другу клятву разстаться навсегда и сохранить въ тайнѣ нашъ бракъ. Я требовала, чтобъ онъ сдержалъ слово. Я дала ему пройти сквозь весь этотъ ужасъ... Въ тотъ ужасный вечеръ, когда я пріѣхала къ вамъ, я пріѣхала, чтобъ сказать, но заболѣла... Не его жена, ваша жена спасла ему жизнь. И съ того дня я не живу, а мучаюсь,—я живу, какъ въ аду.

— Надѣюсь, Богъ дастъ, вы тамъ и останетесь,—глухо выговорилъ Джерардъ.

— Отвѣдаете и вы этихъ мукъ. Ступайте къ ней теперь—попросите ее простить васъ.

— Я велю прислать вамъ экипажъ,—сказалъ Джерардъ.

И, не вымолвивъ больше ни слова, повернулся и вышелъ изъ комнаты.

— Онъ велитъ прислать мнѣ экипажъ! Ха-ха-ха!—истерически захохотала Минна.

Румяная хозяйка, заслышавъ этотъ смѣхъ, навострила уши и помчалась на помощь красавицѣ-гостьѣ.

XXIV.

Джерардъ сунулъ пять франковъ мужику, который держалъ лошадей, и, сломя голову, помчался домой. Признаніе Минны, ея язвительные укоры взбудоражили всю его душу. Онъ былъ близокъ къ безумію. Онъ не останавливался надъ вопросомъ, правду ли она сказала. Ея признаніе бросало слишкомъ яркій свѣтъ на загадочныя детали загадочной исторіи, разыгравшейся четыре года тому назадъ. Какъ же онъ былъ безуменъ, что не вѣрилъ имъ! Его жена—героиня; его другъ—безукоризненно порядочный человѣкъ,—и вотъ онъ навсегда утратилъ ихъ обоихъ. Никакіе софизмы не помогали, да онъ и не пытался оправдать себя софизмами. Въ сущности, онъ былъ не злой человѣкъ и не могъ равнодушно думать о послѣдствіяхъ своего поступка. Глубоко на днѣ его души дремало нравственное чувство, присущее всякому истому британцу. Непоправимость зла, причиненнаго имъ, терзала и жгла его совѣсть. Минна сразу превратилась для него изъ красивой женщины, дразнившей его чувственность, въ омерзительную гадину. Ирена же сіяла новымъ свѣтомъ въ ореолѣ мученичества. При свѣтѣ прожектора, внезапно озарившаго его горизонтъ, онъ видѣлъ ея глубокую идеалистическую вѣру въ величіе его души, равное величію ея души,—видѣлъ и собственную душу, тупую, узкую, не способную понять. Онъ велъ себя, какъ послѣдній болванъ и скотъ... Джерардъ немилосердно хлесталъ бичемъ пони. Такіе люди, какъ онъ, всегда вымещаютъ свою досаду на себя—на другихъ.

И въ то же время то, что повѣдала ему Минна, было изумительно, невѣроятно—quia impossibile,—почти невозможно, какъ выражался Тертулліанъ. То, что онъ принялъ за вульгарнѣйшій адюльтеръ, на самомъ дѣлѣ было драмой пламенныхъ страстей и благороднѣйшаго героизма, и въ этой драмѣ онъ одинъ сыгралъ низкую, пошлую роль. Ему было тошно при мысли о томъ, какой жалкой фигурой онъ долженъ представляться всѣмъ прочимъ участникамъ этой драмы.

Лошади, всѣ въ мылѣ и пыли, примчались, наконецъ, къ Каза Бенедетта, прежде чѣмъ Джерардъ сообразилъ, что онъ уже у цѣли. М-рсъ Деламеръ, вызванная лакеемъ, по-

спѣшила ему навстрѣчу. Увидавъ его въ одиночествѣ и такимъ взволнованнымъ и загнанныхъ, взмыленныхъ пони, она поблѣднѣла.

— Гдѣ же Минна?

— Она вывихнула себѣ ногу. Не хотѣла ѣхать со мною. Пошлите за ней сейчасъ же крытое ландо. Вы найдете ее въ гостинницѣ Au Séjour du Soleil, по дорогѣ къ Вару.

— А вы развѣ не поѣдете за нею?

— Нѣтъ!—рѣзко бросилъ онъ.—Пошлите вы коляску. Не тревожьтесь—ничего ужаснаго съ ней не случилось.

— Въ такомъ случаѣ я думаю, что могу угадать причину...

— Думайте, что вамъ угодно, м-рсъ Деламеръ,—сказалъ Джерардъ.—Добрый вечеръ.

И онъ снова хлестнулъ пони.

Полчаса спустя онъ уже былъ дома, въ своемъ номерѣ и весь вечеръ посвятилъ обдумыванію создавшагося положенія. Для него былъ открытъ одинъ только путь. Смиренно кинуться къ ногамъ Ирены. Это значило только отдать ей должное. А затѣмъ? Онъ недоумѣвалъ. Предложить ей снова обвѣнчаться. Можетъ быть, она и согласится. Въ концѣ концовъ, вѣдь все же онъ былъ ей мужемъ, а она ему женой. Для его обывательскаго этическаго міровоззрѣнія это уже само по себѣ много значило. Но Ирена не такая, какъ другія женщины. Она смутно представлялась ему какимъ-то неземнымъ существомъ, одареннымъ необычайной силой духа. Будь она болѣе обыкновенной женщиной, онъ, можетъ быть, и не сталъ бы сѣтовать на цѣпи супружества. Но онъ-то, онъ-то выказалъ себя какою гадиной, какимъ ползучимъ червемъ! Какъ онъ могъ такъ легко увѣровать въ ея измѣну? Въ его теперешнемъ покаянномъ настроеніи онъ тяжко болѣлъ душой за свою низость. Все время по отношенію къ Иренѣ онъ велъ себя, какъ негодяй. Часы бѣжали, и чѣмъ дальше, тѣмъ мучительнѣй становились угрызенія, а на горизонтѣ памяти вновь сіяло давно закатившееся солнце любви...

Въ погонѣ за женщинами онъ, по какой-то странной координаціи идей, сталъ стремиться къ женственному. Переворотъ, происшедшій въ его душѣ, заставлялъ его искать опоры, и онъ хватался за воображаемыя. Проснувшаяся совѣсть требовала искупленія вины. Все то необычайное, изъ чего создалось теперешнее его унизительное положеніе, вызывало въ немъ приливъ странной, несвойственной ему сантиментальности. Безъ освѣжающей росы женской ласки жизнь представлялась безплодной пустыней. Всю эту ночь онъ провелъ безъ сна, убѣждая себя, будто онъ жаждетъ возвращенія потеряннаго рая. Въ душѣ его создавались

великодушныя рѣшенія. Онъ вымолитъ прощеніе у Ирены, унизится передъ Гью. На другое же утро онъ ѣхалъ въ Лондонъ съ головою, полной болѣзненныхъ фантазій, порожденныхъ досадой на самого себя.

А тѣмъ временемъ въ Ниццѣ, въ комнатѣ со спущенными шторами, Минна, лежа въ постели, съ ужасомъ и безумнымъ отчаяніемъ думала о своемъ безумномъ поступкѣ—о томъ, что она выдала врагу свою тайну.

Два дня спустя Джерардъ стоялъ у подножія знакомой лѣстницы, гдѣ у Гью прежде была пріемная для кліентовъ, просматривая списокъ именъ адвокатовъ. Имя, котораго онъ искалъ, еще стояло въ этомъ спискѣ. Съ минуту онъ стоялъ въ нерѣшимости, покусывая кончики усовъ. Его послѣдняя встрѣча съ Гью была не изъ пріятныхъ. Уязвленная гордость давала себя чувствовать. Можетъ быть, лучше сперва побывать у Ирены, узнавъ, гдѣ она, отъ Гарроуэя или у ея тетки, миссъ Бичкрофтъ. Ему жутко было встрѣтить холодный взоръ стальныхъ глазъ Гью и услыхать надменныя нотки въ его голосѣ. Но вдругъ ему стало совѣстно за свое малодушіе; онъ досадливо швырнулъ прочь окурокъ сигары, который держалъ въ пальцахъ, и поднялся по лѣстницѣ, Постучался. Голосъ изъ-за двери пригласилъ его войти. Письмоводитель Гью поднялся изъ-за стола, заваленнаго бумагами, и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ на встрѣчу посѣтителю.

— Можно видѣть м-ра Кольмана?

— Нѣтъ, сэръ. Онъ уже ушелъ, съ полчаса тому назадъ.

— Когда же его можно застать?

— Въ понедѣльникъ утромъ, сэръ. Нынче суббота. По вечерамъ въ субботу онъ рѣдко бываетъ здѣсь.

— Можете вы мнѣ сказать, гдѣ я могу найти его?—уже нетерпѣливо допытывался Джерардъ.

Это было извѣстно клерку. Письмоводителю адвоката многое извѣстно.

— М-ръ Кольманъ дома, у себя на квартирѣ.

— А гдѣ его квартира?

— Вы кліентъ, сэръ?—съ важнымъ видомъ освѣдомился клеркъ.

— Да не кліентъ я, чортъ бы васъ побралъ!—обозлился Джерардъ.—Моя фамилія Мерріамъ. Можетъ быть, вы слыхали. Какъ адресъ вашего патрона?

— 52, Виндзорская Терраса, Гайдъ-Паркъ, сэръ,—торопливо сообщилъ клеркъ.

Джерардъ кивнулъ головой и вышелъ. Еслибъ раньше онъ не колебался, онъ бы теперь пошелъ къ Гарроуэю. Но

его самолюбіе было задѣто и потому онъ нанялъ кэбъ и отправился разыскивать Гью по указанному адресу. Онъ ѣхалъ, высунувшись изъ окна, держа въ загорѣлыхъ рукахъ перчатки и пытаясь развлечь себя разглядываньемъ уличной суеты. И, подобно многимъ путникамъ, вернувшимся домой, нелогично дивился, какъ это въ Лондонѣ ничто не измѣнилось. Словно онъ вчера только уѣхалъ,—а между тѣмъ сколько онъ пережилъ за эти годы. А въ Лондонѣ жизнь ни на іоту не подвинулась впередъ. Ему даже жалко было, что здѣсь, на родинѣ, такой застой. Для него эти четыре года пролетѣли незамѣтно. Онъ нажилъ состояніе, испыталъ сотни приключеній. Не было за это время дня, похожаго на предыдущій. Онъ жилъ, а здѣсь каждый новый день занимался все надъ той же не мѣняющейся декораціей, словно для какого-нибудь гигантскаго спектакля. Стрэндъ, Гай-Маркетъ, циркъ Пикадилли отвлекли его вниманіе; но, когда экипажъ свернулъ на скучныя аристократическія улицы между Ридженъ-стритъ и Оксфордъ-стритъ, Джерардъ откинулся на спинку сидѣнья и снова ушелъ въ свои невеселыя тревожныя мысли. Онъ опять начиналъ нервничать при мысли о предстоящей встрѣчѣ съ Гью и силился придумать формулу объясненія и извиненія — ради чего онъ, главнымъ образомъ, и ѣхалъ къ нему. Джерардъ нерѣдко, хвастаясь, говорилъ про себя, что онъ человѣкъ обыкновенный, дюжинный. Но въ томъ-то и бѣда, что заурядный человѣкъ, какъ заурядная кухарка, не умѣетъ и въ экстренномъ случаѣ придумать ничего, кромѣ самыхъ ординарныхъ блюдъ. А случай былъ совершенно экстраординарный. Сумѣетъ ли онъ найти нужныя слова? А тутъ еще надо считаться съ вспыльчивостью Гью и съ тѣмъ, что онъ-то, несомнѣнно, мастеръ говорить: Джерардъ и въ старыя времена всегда побаивался Гью и эта робость передъ нимъ, въ которой онъ наполовину сознавался, пережила все прочее.

Кэбъ проѣхалъ по Оксфордской улицѣ мимо Мраморной арки и свернулъ на одну изъ поперечныхъ улицъ, ведущихъ въ сѣверную часть города. Слѣдующая тихая улица налѣво вела къ Виндзорской Террассѣ. Джерардъ остановилъ извозчика передъ № 52-мъ, вышелъ, расплатился и постучалъ въ дверь. Отворила горничная. При видѣ его она испуганно вздрогнула и отшатнулась.

— М ръ Кольманъ дома?

— Нѣтъ, сэръ.

— Когда вы его ждете?

— Съ минуты на минуту, сэръ.

— Могу я войти и подождать его?

— М-рсъ Кольманъ наверху, въ гостиной, сэръ, озабоченно предупредила горничная.

— М-рсъ Кольманъ?—удивленно повторилъ Джерардъ.

Это сообщеніе смутило его. Онъ думалъ, что Гью по прежнему живетъ на положеніи холостяка. Вѣдь м-рсъ Кольманъ осталась тамъ, въ Ниццѣ. Насмѣшливая улыбка искривила его губы. Впрочемъ, мало ли было у Гью романовъ. Очевидно, на этой его квартирѣ не бываетъ гостей. Онъ посмотрѣлъ на горничную; она не умѣла скрыть смущенія. И вынулъ маленькій портфель съ визитными карточками.

— Скажите, пожалуйста, вашей барынѣ, что старый другъ м-ра Кольмана желаетъ видѣть его по очень важному дѣлу и проситъ разрѣшенія подождать, пока онъ вернется.

Дженъ взяла карточку и убѣжала вверхъ по лѣстницѣ. Джерардъ остался ждать внизу, въ *холлѣ*. Онъ былъ нѣсколько удивленъ. Кого ему напоминаетъ эта дѣвушка? Ея лицо и голосъ такъ знакомы... Онъ нетерпѣливо топнулъ ногой, не находя отвѣта. Въ это время Дженъ вернулась, вся красная.

— Пожалуйте въ гостиную, сэръ.

Она прошла впередъ, распахнула дверь гостиной и отошла, чтобъ дать ему пройти. Джерардъ еще разъ зорко посмотрѣлъ на нее. Онъ, несомнѣнно, видѣлъ ее раньше. Но разспросить ее онъ не успѣлъ, такъ какъ она поспѣшно затворила дверь и убѣжала. Гостиная была красивая и убрана со вкусомъ; во всемъ сказывалась рука воспитанной, изящной женщины. Онъ обвелъ взглядомъ стѣны и неожиданно увидалъ портретъ Ирены въ серебряной рамкѣ на письменномъ столѣ. И подошелъ, чтобъ лучше разглядѣть его. Портретъ былъ, очевидно, снятъ недавно. Джерардъ нашелъ, что она постарѣла, похудѣла; въ лицѣ было еще больше одухотворенности. Это слегка разочаровало его. Это не было выраженіе лица женщины, убитой незаслуженнымъ позоромъ; это лицо не просіяетъ отъ новости, имъ принесенной. А между тѣмъ за эти дни онъ уже привыкъ смотрѣть на себя въ нѣкоторомъ родѣ, какъ на избавителя. Слишкомъ много спокойствія, ясности въ этомъ лицѣ. Это его смущало, тревожило. На томъ же столѣ, рядомъ, стояла фотографія Гью— гордая голова, закинутая назадъ, презрительно глядѣвшая на любопытнаго. Посрединѣ, полузакрытая вазочкой съ цвѣтами, стояла третья фотографія—хорошенькаго двухгодовалаго мальчика. Съ каждой минутой Джерарду становилось все болѣе неловко, хотя ощущеніе неловкости было такое смутное, что еще не выливалось въ подозрѣніе. Онъ отвернулся отъ стола—и увидалъ на каминѣ пару серебряныхъ канделябровъ съ богатой рѣзьбой, страшно знакомыхъ ему.

Это были любимые подсвѣчники Ирены, переходившіе по наслѣдству въ ея родѣ. Неужели она ихъ подарила Гью? Онъ торопливо озирался. Эта картина на стѣнѣ, подписанная *Сеймуръ Гэденъ*, тоже принадлежала его женѣ. Что все это значитъ? Подъ картиной, на столикѣ стояла небольшая плетеная рабочая корзиночка. Самъ не зная, зачѣмъ, Джерардъ опрокинулъ ее; шелкъ и катушка вывалились на полъ. На клочкѣ бумаги были написаны карандашемъ указанія, какъ выпивать какой-то фантастическій узоръ. Почеркъ былъ Ирены. Джерардъ провелъ рукой по лбу — лобъ его былъ весь въ поту. На столѣ лежало нѣсколько книгъ. Онъ бросился къ нимъ. Заглавіе верхней было: „Новая Атлантида", Гью Кольмана. Джерардъ открылъ ее. На заглавномъ листкѣ было написано: „*Иренѣ отъ Гью*". Ирена—всюду Ирена...

По ассоціаціи идей онъ неожиданно вспомнилъ, почему лицо горничной показалось ему знакомымъ. Да вѣдь это одна изъ горничныхъ, жившихъ у нихъ въ Сеннингтонѣ. Онъ даже имя припомнилъ — Дженъ, любимица Ирены. Вскрикнувъ отъ изумленія, досады и тревожнаго предчувствія, онъ бросился къ письменному столу, схватилъ карточку ребенка и началъ пристально вглядываться въ его лицо.

Въ эту минуту дверь отворилась и вошла Ирена. Она была очень спокойна, хоть и блѣдна, и встрѣтила взглядъ гостя прямымъ открытымъ взглядомъ. Съ минуту оба смотрѣли молча другъ на друга—Джерардъ, стоя спиною къ свѣту и все еще разглядывая фотографію.

— Какимъ образомъ вы очутились въ этомъ домѣ? — хрипло вырвалось у него.

— Это мой домъ. Мой и моего мужа.

— А это кто?

— Это нашъ сынъ,—отвѣтила Ирена.

Джерардъ смотрѣлъ на нее, остолбенѣвъ отъ злобы и оскорбленнаго тщеславія. Карточка ребенка выпала изъ его пальцевъ на коверъ.

— Вы хотите сказать, что онъ—вашъ покровитель?

Въ глазахъ Ирены вспыхнулъ опасный огонекъ.

— Я не знаю, зачѣмъ вы пришли сюда. Вы сказали: по важному дѣлу. Я вышла къ вамъ, чтобы избавить моего мужа отъ тягостной встрѣчи. Повидимому, вы пришли съ намѣреніемъ оскорбить меня. Гью—мой законный мужъ. Мы женаты уже три года. Если вы хотѣли знать это, теперь вы знаете.

Она говорила надменно, съ достоинствомъ выпрямившись. Присутствіе Джерарда въ этомъ домѣ оскорбляло ее. Все

ея существо возмущалось противъ этого. И однакоже она не могла сдержать волненія при видѣ разительнаго контраста между этимъ человѣкомъ, который нѣкогда былъ ея мужемъ, и тѣмъ, который теперь былъ имъ. Какъ она могла вообразить себѣ, что любитъ его? Какой онъ грубый, вульгарный! Онъ повернулъ голову, какъ будто воротникъ сталъ ему тѣсенъ, и на шеѣ обнаружилась родинка, такъ хорошо знакомая. Ирена вся содрогнулась при видѣ ея. Но все же храбро смотрѣла ему въ глаза.

— Если это все, мы можемъ избавить другъ друга отъ дальнѣйшихъ непріятныхъ разговоровъ.

— Но это же не все, Ирена!—вырвалось у него искреннимъ звукомъ. — Клянусь, у меня и въ мысли не было оскорбить тебя. Я ничего не зналъ. Пришелъ, чтобъ узнать у Кольмана твой адресъ—чтобы просить прощенія у тебя. Но я не понимаю. Скажи мнѣ, неужто ты вправду жена Кольмана?

— Я уже сказала вамъ. Если вы пришли просить прощенія за то, какъ вы поступили со мной—я готова простить васъ. Но я—жена Гью.

— Вотъ этого-то я и не могу понять. Если только я во второй разъ не одураченъ женщиной...

Злобная усмѣшка скользнула по его губамъ. Ирена была такъ спокойна, такъ владѣла собой, ея поза была такъ горделива. Джерардъ снова, какъ въ былыя времена, испытывалъ ощущеніе неловкости въ ея присутствіи, еще усугублявшееся унизительнымъ и непріятнымъ положеніемъ, въ которое онъ былъ поставленъ. Онъ проклиналъ тотъ день, когда встрѣтилъ Минну Гартъ. Неужто это ея месть — это возмутительное издѣвательство надъ нимъ?

— Я долженъ извиниться передъ вами,—угрюмо выговорилъ онъ.—Я оставилъ въ Ниццѣ женщину, именовавшую себя м-рсъ Кольманъ — Минну Гартъ. Она мнѣ сообщила, что она тайно повѣнчана съ Кольманомъ. И что ту ночь, когда былъ убитъ ея отецъ, Гью провелъ у нея. Я прямо изъ Ниццы помчался сюда, чтобы излить передъ вами свои угрызенія, свое раскаяніе и предложить загладить свою вину. Повидимому, она лгала. Смиренно прошу извиненія.

Онъ засмѣялся отрывистымъ, ироническимъ и досадливымъ смѣхомъ и зашагалъ по комнатѣ. Глаза Ирены сверкнули.

— Васъ одурачили. Она не можетъ быть его женой, разъ я—его жена.

Джерардъ неожиданно повернулся къ ней лицомъ.

— А, можетъ быть, это *васъ* одурачили?

— Что вы хотите сказать этимъ?

— Можетъ быть, она сказала правду и я еще могу имѣть удовольствіе просить у васъ прощенія. Я наведу справки въ Сомерсетъ-гоузѣ и узнаю навѣрное. Тамъ ведутся списки всѣмъ брачущимся.

— Да вы что же это — обвиняете моего мужа въ томъ, что онъ женился на мнѣ при жизни своей первой жены? Этого быть не можетъ. Не повѣрю я никакимъ вашимъ спискамъ.

— Кто-нибудь изъ нихъ да лжетъ: или она, или онъ.

— Конечно, она! — воскликнула Ирена, вся дрожа отъ волненія, но нимало не усомнившись въ Гью.—По всей вѣроятности, она сказала вамъ это въ такомъ же спокойномъ и разумномъ состояніи, въ какомъ я ее видѣла послѣдній разъ.

Это было уже не великодушно со стороны Ирены. Но женщина не выбираетъ оружія, когда на человѣка, котораго она любитъ, предъявляетъ права другая женщина. Стихійные инстинкты не поддаются контролю. Ея слова словно озарили Джерарда.

— Въ тотъ вечеръ она затѣмъ и пріѣхала къ намъ, чтобы посвятить насъ въ свою тайну.

— Не вѣрю! И никогда не повѣрю. И скорѣй умру, чѣмъ оскорблю его вопросомъ. Намъ не о чемъ больше съ вами разговаривать. Я цѣню по достоинству ваши побужденія — разговоръ нашъ оконченъ.

Джерарду оставалось только уйти. Ирена потянулась къ звонку. Но въ это время на лѣстницѣ раздались быстрые шаги и мигъ спустя въ гостиной появился Гью. При видѣ Джерарда онъ въ первый моментъ оцѣпенѣлъ отъ изумленія. Однакожъ быстро овладѣлъ собой.

— Что вы здѣсь дѣлаете?—спросилъ онъ надменно.

И, перейдя черезъ комнату, сталъ рядомъ съ Иреной, упираясь руками въ бока и гнѣвно глядя на врага. Ирена невольно взяла его подъ руку. И такъ они оба смотрѣли на Джерарда. Сердце его сжалось знакомой ревнивой завистью. Будь онъ первобытнымъ дикаремъ, онъ кинулся бы на Гью и схватилъ его за горло.

— Я пріѣхалъ отъ м-рсъ Кольманъ, которая живетъ въ Ниццѣ.

Сердце Гью рванулось въ груди. На мгновеніе ему показалось, что почва ускользаетъ изъ подъ его ногъ. Но тотчасъ же онъ овладѣлъ собой.

— Объяснитесь.

— Я недавно имѣлъ удовольствіе встрѣтиться въ Ниццѣ съ миссъ Минной Гартъ. Она призналась мнѣ, что тайно

повѣнчана съ вами и сообщила такія детали, которыя доказали мнѣ, какъ неосновательны были мои подозрѣнія относительно теперешней м-рсъ Кольманъ.

— И вы явились сюда, чтобъ отомстить? Это достойно васъ.

— М-рсъ Кольманъ можетъ подтвердить, что я явился сюда съ совершенно иными намѣреніями. Вашъ второй бракъ былъ для меня полной неожиданностью. Такой же, какъ и первый.

— Но вѣдь эта дѣвушка лгала вамъ — морочила васъ. Какъ же вы не понимаете?!—задыхаясь, вскрикнула Ирена, глядя то на одного, то на другого, въ мучительной тревогѣ ожидая разъясненія этой дикой мистификаціи и гнѣвнаго отрицанія Гью.

Гью, стиснувъ зубы, подошелъ къ Джерарду и вплотную заглянулъ ему въ глаза.

— Будьте вы прокляты! Неужели вы не могли избавить насъ отъ этого?

— Такъ, значитъ, это правда! — въ ужасѣ воскликнула Ирена.—Значитъ, эта Минна—твоя жена, а не я?

Гью отвернулся отъ Джерарда и, подойдя къ ней ближе выговорилъ печальнымъ, но твердымъ голосомъ:

— Да, милая, это правда.

Съ минуту она стояла блѣдная, дрожа всѣмъ тѣломъ, словно пораженная смертельнымъ недугомъ. Въ комнатѣ царило мертвое молчаніе. Ирена пристально смотрѣла на Гью. Потомъ медленно повернулась и направилась къ двери.

Джерардъ испугался. Совѣсть его была не спокойна. Во второй разъ онъ нанесъ ей ударъ прямо въ сердце. На минуту онъ все забылъ, кромѣ того, что она страдаетъ безвинно. И въ два прыжка нагналъ ее.

— Ради Бога, Ирена—я поступилъ, какъ послѣдній негодяй—прости меня!—Но она, не оборачиваясь, отстранила его рукой и вышла изъ комнаты.

— Ну-съ, теперь будемъ говорить на чистоту,—сказалъ Гью, выпрямляясь.—Какія ваши намѣренія?

— Какія же у меня могутъ быть намѣренія?—угрюмо откликнулся Джерардъ.—Вы слышали, что я сказалъ Иренѣ.

Гью отвернулся, безнадежно пожавъ плечами, и, замѣтивъ лежащую на коврѣ карточку своего сына, которую уронилъ Джерардъ, машинально нагнулся и поднялъ ее.

— Я думаю, вамъ лучше уйти отсюда,—устало выговорилъ онъ, вертя въ рукахъ фотографію.—Если въ васъ еще сохранилось что-нибудь человѣческое, вы оставите ее въ покоѣ и будете держать языкъ за зубами.

— Мнѣ нѣтъ надобности оглашать это.

— Тѣмъ лучше,—сказалъ Гью, глядя на портретъ ребенка.

Джерардъ поспѣшно вышелъ и вздохнулъ свободнѣе, очутившись на свѣжемъ воздухѣ. Опять онъ сваляль дурака. Его месть только унизила его же. И надо же ему было слушать эту Минну! Хотѣлъ разыграть Донъ-Кихота, а вышло чортъ знаетъ что! Положительно, ему не везетъ. Онъ прошелъ подъ Мраморной Аркой и сталъ бродить по парку. У него изъ головы не выходила эта сцена. Чрезвычайно непріятно было вспоминать поведеніе Кольмана. Онъ намѣревался разоблачить подлеца. И разоблачилъ—но передъ нимъ былъ все тотъ же гордый человѣкъ, которому онъ всегда мучительно завидовалъ. А подлецомъ оказался онъ самъ.

Въ первыя минуты онъ настраивалъ себя на сантиментальный ладъ, пытаясь предаться сокрушенію по поводу окончательной и невозвратимой утраты Ирены. Но былъ достаточно честенъ, чтобъ не обманывать себя, и сразу отказался отъ этихъ попытокъ, выругавъ себя болваномъ и утѣшая себя тѣмъ, что Ирена никогда, въ сущности, не была въ его вкусѣ. И все же у него было тошно на душѣ, противна жизнь, противенъ самъ онъ, обиженный и вѣчно попадающій впросакъ.

Онъ долго безцѣльно бродилъ по парку и, наконецъ, очутился на Широкой аллеѣ въ Кенсингтонскихъ садахъ. Небо было пасмурное; накрапывалъ дождикъ. Онъ нанялъ извозчика, сѣлъ въ экипажъ и опустилъ занавѣски.

— Куда ѣхать, баринъ?—освѣдомился извозчикъ сквозь окошечко въ крышѣ экипажа.

Джерардъ самъ не зналъ, куда. На всякій случай онъ сказалъ адресъ клуба. Кэбъ тронулся. Джерардъ думалъ о томъ, что же онъ будетъ дѣлать дальше. Англія представлялась ему скучной, холодной, непривлекательной. Мечты объ усадьбѣ въ Норфолькѣ и сельскомъ хозяйствѣ утратили прелесть. Напрасно онъ уѣхалъ изъ Африки.

— Надо поскорѣй уѣзжать изъ этой подлой страны,— ворчалъ онъ про себя.

XXV.

Гью машинально поставилъ на прежнее мѣсто карточку ребенка, отошелъ отъ стола, сѣлъ на первый попавшійся стулъ и уронилъ голову на руки. Въ первый разъ мужество измѣнило ему. Сердце его леденилъ мучительный страхъ, предвѣстники котораго и раньше посѣщали его въ эти три

года его великаго счастья—страхъ, что преступленіе, совершенное имъ, лишитъ его любви Ирены.

Онъ вошелъ въ этотъ домъ такой веселый, радостный, полный надеждъ. Сегодня утромъ ему предложили такой постъ, что съ этого дня его судебная карьера могла считаться обезпеченной. Онъ, какъ мальчикъ, перескакивая черезъ двѣ ступеньки, бѣжалъ по лѣстницѣ, чтобы сообщить эту новость Иренѣ и увидѣть, какъ она вспыхнетъ отъ радости. Онъ такъ стремительно ворвался въ домъ, что Дженъ, поджидавшая его, чтобы предупредить, не успѣла сбѣжать съ лѣстницы, какъ онъ ужь былъ въ гостинной. И тутъ сейчасъ же разразился громовой ударъ. Гью былъ слишкомъ ошеломленъ, чтобы раздумывать, что заставило Минну ни съ того, ни съ сего открыться Джерарду. Достаточно было голаго факта. Ирена знала теперь его позорную тайну. И въ глазахъ ея онъ прочелъ такую тоску, что у него, сильнаго, пылкаго человѣка, сразу опустились руки.

Онъ вздрогнулъ, вскочилъ, твердой поступью прошелъ черезъ комнату и дальше вверхъ по лѣстницѣ, въ спальню Ирены. Какъ онъ и ожидалъ, она лежала на кровати, уткнувшись лицомъ въ подушки. Въ открытое окно за туалетомъ вѣяло холодомъ и сыростью. Когда онъ подошелъ, она вскочила на ноги и протянула руку, какъ бы отстраняя его.

— Ирена!—выговорилъ онъ упавшимъ голосомъ.

— Оставь меня пока одну, Гью,—спокойно сказала она. —Мы потомъ поговоримъ. Мнѣ надо подумать.

— Сначала выслушай меня, Ирена. Это поможетъ тебѣ составить сужденіе о моихъ поступкахъ и вынести мнѣ приговоръ.

— Я не могу судить тебя. Есть чувства, не зависящія отъ интеллектуальнаго сужденія.

— Ты только выслушай меня!—молилъ онъ.

— Я и такъ угадываю, какъ это было.

— Вѣдь, все равно же, мнѣ придется разсказать. Почему же не теперь? Ты не можешь угадать всего. Каждая минута отсрочки расширяетъ пропасть между нами, милая.

— Она и такъ ужь безконечно широка. Зачѣмъ ты обманулъ меня, Гью? Я такъ вѣрила тебѣ...

— Потому что я любилъ тебя.

— Любовь прежде всего правдива.

— Любовь прежде всего щадитъ. Ради меня ты совершила преступленіе—въ глазахъ закона. Ради тебя я сдѣлалъ то же самое.

— Ты думаешь, я побоялась бы чего-нибудь—развѣ это помѣшало бы намъ соединиться?

— Я знаю, милая, что ты не побоялась бы. Но я знаю и

то, что для женщины такіе незаконные союзы очень тяжелы. Мнѣ хотѣлось облегчить твою участь, а не сдѣлать ее еще болѣе тяжелой.

Она покачала головой, не убѣжденная. Гнѣвный укоръ, злое слово вызвали бы у него потокъ страстныхъ моленій. Ея сдержанность и спокойствіе, въ которомъ чувствовалась безнадежность, заставили его съежиться, уйти въ себя.

— Хорошо. Можетъ быть, и лучше, если ты теперь разскажешь. Только не здѣсь. Здѣсь холодно.

Она вздрогнула, взглянула на окно и теперь только замѣтила, что оно открыто.

— Бѣдная моя дѣтка!

Онъ торопливо опустилъ стекло, схватилъ темный платокъ, висѣвшій на спинкѣ кушетки и хотѣлъ накинуть ей на плечи. Но она отказалась, говоря, что внизу тепло.

— Помнишь, какъ я несъ тебя на рукахъ, укутанную въ этотъ платокъ, Рени, послѣ того, какъ родился нашъ мальчикъ?

— Это было давно—въ другой стадіи существованія. О, Гью, какъ ты могъ жить все это время ложью.

— Пойдемъ и я разскажу тебѣ.

Они сошли внизъ, въ библіотеку. Дженъ дожидалась ихъ, чтобы спросить, что дѣлать съ обѣдомъ, который дожидался возвращенія Гью. Мужъ и жена переглянулись.

— Убирайте со стола, Дженъ,—сказалъ Гью.—Мы обѣдать не будемъ.

Ирена позволила ему, какъ всегда, заботливо устроить ее въ удобномъ креслѣ у огня и поблагодарила его ровнымъ голосомъ, который ему было больнѣе слышать, чѣмъ самый жестокій укоръ. Онъ стоялъ возлѣ нея, въ своей любимой позѣ, слегка упираясь руками въ бока.

— Съ чего же начать? Съ самаго начала? Ну-съ, произошло нѣчто весьма обычное. Адамъ подалъ примѣръ, онъ же указалъ и оправданіе. Женщина соблазнила меня. Мужчины на этотъ счетъ всѣ податливы; если посмотрѣть насъ на свѣтъ, всѣ мы просвѣчиваемъ. Или, говоря иначе, я любилъ звѣзду—мое лучшее *я* любило ее; а мое худшее *я* срывало цвѣты, попадавшіеся ему по пути...

Онъ нетерпѣливо сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по ковру.

— Я не могу говорить объ этомъ съ тобой. Это отвратительно. Помни, я все время любилъ тебя. По отношенію къ ней я велъ себя, какъ негодяй. Я не хочу оправдывать себя, но...

Онъ не договорилъ, повидимому, ожидая отвѣта, но Ирена смотрѣла въ огонь, и нельзя было сказать, слушаетъ она или нѣтъ. Линіи на ея лицѣ углубились, краски молодости

сбѣжали съ него. Ей было тридцать два года—она казалась на пять лѣтъ старше.

— Я слишкомъ много разглагольствую. Постараюсь изложить тебѣ просто факты.

Онъ началъ съ первой встрѣчи съ Минной, описалъ ихъ флиртъ, взаимное увлеченіе, свадьбу, ссору, всю печальную исторію ихъ неудачнаго супружества. Онъ не щадилъ себя, но и не пытался задрапироваться Мефистофелемъ. Изъ гордости онъ не искалъ для себя оправданій. Еслибъ въ голосѣ его прозвучала мольба, она, можетъ быть, и тронула бы сердце Ирены, но это спокойное, холодное изложеніе фактовъ не убѣдило ее, не согрѣло ея захолодѣвшаго, ожесточившагося сердца. Кончивъ разсказъ, онъ опустился въ кресло напротивъ нея. Наступила долгая пауза.

— Ты все еще такъ же горько коришь меня за то, что я обманулъ тебя?—спросилъ онъ, наконецъ.

Она подняла на него усталые глаза. За все это время она не выговорила ни слова.

— Я не могу корить тебя за то, что ты не такой, какимъ я тебя себѣ представляла. Разсудокъ говоритъ мнѣ, что, на твой взглядъ, ты поступалъ правильно, но—я думала, что у тебя иные взгляды. Прежде всего, я не могла понять, какъ ты могъ оставить меня въ невѣдѣніи. Мнѣ незачѣмъ добавлять, что, еслибъ ты сказалъ мнѣ, что та женщина была твоя жена, я больше ни о чемъ бы не разспрашивала.

— Я не разъ порывался сказать,—возразилъ онъ, наклоняя къ ней тревожное, печальное лицо.—Ты сама не дала мнѣ—въ тотъ вечеръ, когда ты призналась мнѣ, что любишь меня. Ты помнишь это.

— Да, я помню. И теперь я понимаю... Нѣтъ, я не корю тебя.

Въ порывѣ благодарности онъ упалъ на колѣни передъ ея кресломъ и схватилъ ея руку.

— Благослови тебя Боже, Рени! Я не утратилъ твоей любви...

Она тихонько высвободила руку.

— Этого я еще не знаю, Гью. Разлюбить тебя совсѣмъ я не могу, уже потому, что ты—отецъ моего мальчика. И не могу забыть, какъ ты былъ добръ и нѣженъ со мной. Но такъ любить тебя, какъ я любила сегодня утромъ, когда ты цѣловалъ меня и нашего мальчика передъ уходомъ—на это я, кажется, ужь не способна...

— Но, Ирена, родная моя, вѣдь я же хотѣлъ сдѣлать, какъ лучше—ради твоего счастья, ради твоей репутаціи, ради дѣтей, которыя могли у насъ родиться. Опасность казалась такой отдаленной—я думалъ, что вся тяжесть сознанія

этого преступленія падетъ на меня—я ни словомъ, ни звукомъ не выдалъ тебѣ своей любви и страсти, пока ты не показала мнѣ, что любишь меня. И тогда я рѣшился—единственный безчестный поступокъ въ моей жизни, который оправдывала моя совѣсть. Мои побужденія были чисты. Это было сдѣлано ради твоего счастья.

— Я знаю,—вздохнула она.—Я вѣдь не безразсудная. Тобой руководили не эгоистическія побужденія. Мой разумъ оправдываетъ тебя. Но что-то въ сердцѣ моемъ умерло—я не знаю, что и почему.

— Оно оживетъ.

— Не думаю. Я вѣрила въ тебя больше, чѣмъ вѣрующіе вѣрятъ въ Бога. А теперь у меня нѣтъ этой вѣры.

— Но вѣдь ты же говоришь, что твой разумъ оправдываетъ меня!—настаивалъ бѣдный Гью.

— Разумъ одно, а вѣра—другое. Я причиняю тебѣ боль. Мнѣ самой больно дѣлать это. Но я не умѣю притворяться.

Гью всталъ и, нагнувшись надъ нею, поцѣловалъ ее въ лобъ.

— Если хочешь, я теперь оставлю тебя одну.

— Да, будь добръ, оставь меня одну, Гью.

Онъ ушелъ отъ нея въ клубную библіотеку, гдѣ обложился книгами и рукописями, чтобъ оградить себя отъ непрошенныхъ разговоровъ съ знакомыми.

Ирена пошла наверхъ, въ дѣтскую, отослала няньку, взяла на руки своего мальчика и крѣпко прижала его къ себѣ. Слезы, хлынувшія изъ ея переполненнаго сердца, падали на пухленькія щечки ребенка. Онъ отодвинулся отъ нея и заглянулъ ей въ лицо; потомъ, вспомнивъ страшную сказку, которую Сюзанна разсказывала ему, участливо спросилъ:

— Развѣ папочка умеръ?

— Нѣтъ, дѣточка. Онъ...

Она не могла договорить. Комокъ застрялъ у нея въ горлѣ.

— Такъ о чемъ же ты плачешь, мамуся? Развѣ ты была гадкая?

Она засмѣялась и снова прижала сына къ груди.

— Всѣ мы гадкіе, всѣ жалкіе грѣшники, кромѣ тебя, мой маленькій Гьюги. А ты—маминъ ангельчикъ, мое золотое дитятко.

Весь день она просидѣла въ дѣтской, ища разсѣянія и утѣшенія своему разбитому сердцу въ интересахъ и нуждахъ, въ сладкой близости своего ребенка. Но и на него ей было больно смотрѣть. Вѣдь это былъ незаконный ребенокъ, дитя Агари. Уже и до того его будущее было омрачено публичнымъ позоромъ его матери. А теперь, если этотъ скан-

далъ получить огласку, на него ляжетъ, вдобавокъ, клеймо незаконнорожденности. И материнскій инстинктъ возмущался въ ней и копилъ въ душѣ новыя обиды противъ Гью.

Вечеромъ она уложила ребенка спать и сидѣла возлѣ него, пока онъ не уснулъ. Что же будетъ дальше? Какой выводъ изъ всего этого? Положивъ голову на край подушки Гьюги, она пыталась думать... Въ первый моментъ нестерпимой, мучительной боли, ей пришла дикая мысль—бросить Гью и доживать въ одиночествѣ свою разбитую жизнь. Впрочемъ, это даже трудно было назвать мыслью. Ей только смутно представлялось, что она бѣжитъ изъ дому, потихоньку, ночью, съ ребенкомъ на рукахъ,—потомъ сидитъ у окна въ коттеджѣ на берегу моря, а ребенокъ играетъ возлѣ нея. И тутъ же она сама говорила себѣ, что это—бредъ разстроеннаго воображенія. Даже еслибъ въ ея сердцѣ не было жалости къ Гью, ребенокъ былъ священной связью между ними, которую они не вправѣ были разорвать какой либо перемѣной во внѣшнемъ строѣ ихъ жизни. Что бы ни случилось, они, въ глазахъ свѣта, будутъ жить и дальше, какъ мужъ и жена, скрывая отъ всѣхъ ложь своей жизни. Ея прозрачной душѣ обманъ былъ ненавистенъ. И хорошія качества имѣютъ свою обратную сторону.

А какъ же Гью? Неужели ея любовь къ нему умерла? Напрягая свой умственный взоръ, Ирена видѣла все въ искаженномъ видѣ, внѣ перспективы. Она была уязвлена и какъ женщина. Въ той другой, женщинѣ съ змѣиными глазами, все же было какое-то величіе, была холодная, жестокая плѣнительность, и, думая о такой соперницѣ, Ирена ощущала не ревность, а чисто женскую радость побѣды. Совсѣмъ иначе она относилась къ Миннѣ. Какъ могъ джентльменъ съ высокой душой попасться въ сѣти такой вульгарной и пошлой прелестницы? Интрига съ Минной роняла Гью въ ея глазахъ, шла въ разрѣзъ съ идеализованнымъ образомъ его, который жилъ въ ея душѣ. Она сказала правду. Божество, въ которое она вѣрила, было низвергнуто; ея кумиръ разбитъ. Ея душа искала точки опоры и не находила, и тосковала во мракѣ...

Ребенокъ пошевелился во снѣ. Мать подложила одну руку подъ подушку и начала укачивать его. А другой дотронулась до маленькой, сжатой въ кулачокъ ручки, которая постепенно сомкнулась около ея пальцевъ. Это было словно символомъ. Горячая волна материнской любви прилила къ ея груди. Слезы выступили на глазахъ. И долго еще она сидѣла такъ, недвижная, словно уйдя въ созерцаніе души своего спящаго ребенка.

Что-то странное происходило съ нею. Ей сразу стало

легче; силы возвращались. Она поднялась, слегка коснулась поцѣлуемъ невинно раскрытыхъ дѣтскихъ губокъ и пошла къ себѣ. Когда Гью, часъ спустя, вернулся домой, онъ безшумно, на цыпочкахъ вошелъ къ ней въ спальню—и услыхалъ спокойное, ровное дыханіе. Ирена спала. Онъ также безшумно вышелъ и легъ у себя въ кабинетѣ.

Слѣдующій день былъ воскресенье. Мужъ и жена встрѣтились за завтракомъ. Ирена подошла къ нему и подставила щеку для поцѣлуя.

— Только такъ, Ирена?—спросилъ онъ, коснувшись ея плеча.

— Я даю тебѣ только то, что могу дать. Попытайся удовольствоваться этимъ.

Онъ печально отошелъ отъ нея и сѣлъ за столъ. И сталъ разсказывать ей, какъ онъ ночью вошелъ въ ея спальню и засталъ ее спящей. И обрадовался.

— Я весь день провела съ Гьюги.

— Тебѣ легче съ нимъ?

— Я не знала до сихъ поръ, что онъ можетъ быть такимъ утѣшеніемъ для меня,—былъ отвѣтъ.

День прошелъ сносно, и слѣдующіе были такіе же. Съ внѣшней стороны жизнь ихъ не измѣнилась. Но это была одна только видимость. Ирена встрѣчала мужа ласково, ни словомъ не напоминая ему о случившемся, заботилась о немъ, участливо интересовалась всѣмъ его касающимся. о самая сущность ихъ союза исчезла. Ирена стала сдержанной, сосредоточенной. Гью, смиренно склонивъ голову, несъ свою кару, сознавая, какъ безплодно молить о прощеніи. Любимая женщина снова ушла далеко отъ него, снова стала холодной, безнадежно недоступной звѣздой. Повидимому, отношенія ихъ вылились въ окончательную форму, которой уже нельзя было измѣнить. И онъ мучительно жаждалъ недостижимаго.

О томъ, что разъединило ихъ, они говорили рѣдко. Однажды Ирена спросила мужа, не боится ли онъ огласки. Онъ успокоилъ ее. Не можетъ быть, чтобы Джерардъ сталъ болтать объ этомъ, сознавая, какой страшной опасности онъ ее подвергаетъ. Для этого надо быть послѣднимъ негодяемъ. А та, другая, тоже будетъ молчать въ собственныхъ интересахъ. Почему она открылась Джерарду, для него было тайной.

— Она могла сдѣлать это изъ любви или изъ ненависти,—сказала Ирена.

— Въ такомъ случаѣ изъ ненависти.

— Я на твоемъ мѣстѣ не была бы такъ увѣрена. У женщинъ бываютъ странныя вспышки ревности.

— Все же тебѣ нечего бояться,—сказалъ онъ.

Но слова ея отравили его душу новой тревогой. Очевидно, онъ напрасно такъ разсчитывалъ на молчаніе Минны. Кто можетъ сказать, на что способна эта безумная, мстительная женщина.

— У меня на душѣ спокойно, Гью, — отвѣтила Ирена.—Я вѣрю въ свою судьбу.

Онъ вопросительно посмотрѣлъ на нее.—Я мать и вѣрю въ счастливую звѣзду моего ребенка,—пояснила она.

Такъ продолжалось до вечера, когда, согласно давнишнему уговору, къ нимъ пріѣхали обѣдать Гарроуэи. Старый адвокатъ передъ обѣдомъ отвелъ Гью въ сторонку. Лицо его сіяло.

— Я видѣлся съ Мерріамомъ. Онъ сказалъ мнѣ. Мнѣ хочется упасть на колѣни передъ вашей женой. Повѣрьте, у меня все время были мучительныя сомнѣнія — спросите Селину. Теперь я помолодѣлъ отъ радости.

— Что онъ сказалъ вамъ? — тревожно вскинулся Гью.

— Да просто то, что онъ убѣдился въ своей неправотѣ. И счелъ долгомъ сообщить мнѣ. Не хотѣлъ бы я быть на его мѣстѣ. Я бы застрѣлился — ей-Богу, пустилъ бы себѣ пулю въ лобъ.

— Онъ не говорилъ вамъ, какимъ образомъ онъ убѣдился въ своей ошибкѣ?

— Нѣтъ, голубчикъ. Конечно, нѣтъ. Онъ все-таки, до извѣстной степени, порядочный человѣкъ, этотъ Джерардъ. Онъ страшно убитъ этимъ открытіемъ. На слѣдующей недѣлѣ онъ уѣзжаетъ въ Калифорнію—хочетъ купить ранчо и поселиться тамъ совсѣмъ. Такъ что ваши дороги больше не встрѣтятся. Онъ просилъ меня передать это вамъ.

Гью вздохнулъ съ облегченіемъ. Присутствіе Джерарда въ Лондонѣ тяготило его нестерпимо.

— Я радъ, что мы оба, наконецъ, очистились въ вашихъ глазахъ.

— Въ сердцахъ нашихъ вы всегда были чистыми, мой милый Гью.

Но, не смотря на облегченіе, которое испытали Гью и Ирена, которая у себя наверху плакала и смѣялась на груди Селины, обѣдъ все же вышелъ не такой удачный, какъ обыкновенно, когда они сходились вмѣстѣ. Ирена казалась утомленной. Гью пытался острить и шутить, но это выходило у него какъ-то неискренно. Оба притворялись веселыми и сознавали, что только притворяются. Когда гости ушли, они посидѣли еще немного въ своей маленькой гостиной.

— М-рсъ Гарроуэй сказала тебѣ?—спросилъ Гью.

— Да,—отвѣтила она.—Это лучшее, что могло съ нами

случиться. — Онъ хмуро кивнулъ головой. Ирена грустно посмотрѣла на него. Ей было жаль, что онъ такъ измѣнился, сталъ такимъ унылымъ и печальнымъ. Она не меньше его тосковала по утраченномъ счастьѣ. Но вернуть его было нельзя: чтобы простить, надо или самому подняться ступенью выше, чѣмъ стоишь, или спуститься ниже. Кому приходится прощать, того уже нельзя боготворить. Каждый человѣкъ умѣетъ чувствовать лишь въ границахъ своего темперамента. Иренѣ не дано было любить земное, бренное и хрупкое всѣмъ пламенемъ священнаго огня, который горѣлъ въ ея душѣ. Свою мать, отца, Джерарда — она боготворила. Гью любила со всѣмъ пыломъ проснувшейся стихійной страсти, но и передъ нимъ она преклонялась. Цѣликомъ этого уже нельзя вернуть. Сердце ея надрывалось отъ жалости—но что же она могла сдѣлать? Она была глубоко признательна Гью за его деликатность, нѣжную заботливость, за пониманіе того, что творилось въ ея душѣ. Это дѣлало сносной ихъ совмѣстную жизнь, давало ей возможность передохнуть, придти въ себя и попробовать построить новую жизнь на развалинахъ старой.

Чтобы развеселить немного мужа, она стала ему разсказывать о разныхъ домашнихъ дѣлахъ, о ребенкѣ, его новыхъ словечкахъ и признакахъ развитія и разспрашивать его о новой службѣ. Ибо Гью вернулся домой поздно, только-только во-время, чтобы успѣть переодѣться къ обѣду, и они съ утра не видали другъ друга наединѣ. Потомъ встала и пожелала ему доброй ночи.

— Спи спокойно. Храни тебя Богъ!—отвѣтилъ онъ.

Гью посидѣлъ еще въ своемъ темномъ кабинетѣ, думая о томъ, какъ за нѣсколько дней перевернулась вся его жизнь и погибъ его рай. До сихъ поръ онъ всю жизнь высоко несъ голову, умѣлъ смотрѣть въ лицо своимъ поступкамъ, хорошимъ и дурнымъ, и ихъ послѣдствіямъ; теперь гордый духъ его сломленъ, подавленъ. Ирена была невыразимо дорога ему и утрата ея убивала его. Онъ былъ благодаренъ ей и за то, что она добра къ нему.

Онъ со вздохомъ всталъ, потянулся, погасилъ свѣтъ въ гостиной и сошелъ внизъ, въ библіотеку, намѣреваясь поработать еще часокъ, передъ тѣмъ, какъ лечь спать. Закурилъ папироску, присѣлъ къ столу и раскрылъ мѣшокъ для писемъ, принесенный имъ домой. Вмѣстѣ съ пачкой документовъ оттуда выпала вечерняя газета. Гью разложилъ на столѣ документы, но, прежде чѣмъ заняться ими, развернулъ вечернюю газету и, откинувшись на спинку кресла, сталъ лѣниво пробѣгать столбецъ за столбцомъ. Но внезапно поблѣднѣлъ, выронилъ газету и навалился грудью на

столъ, глядя прямо передъ собой, впившись ногтями въ щеки.

Онъ сидѣлъ спиною къ двери и не видѣлъ, какъ Ирена въ бѣломъ пеньюарѣ и съ распущенными волосами, вошла въ комнату.

— Не оставила ли я здѣсь своей книги?—спросила она, назвавъ новый романъ.

При звукѣ ея голоса Гью вздрогнулъ и растерянно обернулся. Она подошла ближе, увидала его лицо, смертельно блѣдное, налитые кровью глаза и тихонько вскрикнула. Онъ знакомъ подозвалъ ее. Она приблизилась и черезъ его плечо прочла строки, на которыя онъ указывалъ пальцемъ.

Газетная замѣтка гласила: „Изъ Ниццы сообщаютъ о трагическомъ происшествіи, имѣющемъ отношеніе къ памятному убійству въ Сеннингтонѣ. Миссъ Минна Гартъ, дочь покойнаго Израэля Гарта, эквайра, сегодня утромъ была найдена мертвой въ своей постели. На столикѣ возлѣ стояла пустая бутылочкка изъ-подъ хлорала. Есть ли это умышленное самоубійство или же результатъ случайности—пока не выяснено“.

Но для нихъ обоихъ это ясно. Гью повернулся лицомъ къ Иренѣ. Нѣкоторое время мужъ и жена смотрѣли другъ на друга. Обоимъ было жутко. Мертвая какъ будто встала между ними. И на минуту они стали чужими.

— Это я убилъ ее!

— Да, ты.

Слова эти машинально сорвались съ устъ Ирены. Но они окончательно добили несчастнаго, и безъ того уже надломленнаго и безпомощнаго, утратившаго свою былую гордость.

— Въ такомъ случаѣ мнѣ лучше всего послѣдовать за нею,—мрачно выговорилъ онъ.

Наступило долгое-долгое молчаніе. Ирена смотрѣла на мужа, прижимая руку къ груди, словно силясь утишить бурное біеніе сердца. Когда ея иллюзіи вторично были разбиты, и еще болѣе жестоко, чѣмъ въ первый разъ, она не содрогнулась отъ ужаса и отвращенія. Она только оплакивала свое солнце, погаспее на небѣ, гибель своего кумира, которому она поклонялась, какъ святынѣ, и который оказался глинянымъ идоломъ. Больше всего она жалѣла себя и не могла отъ души пожалѣть другого. Но въ этотъ моментъ полнаго обособленія отъ мужа словно молнія озарила ее и она увидала его такимъ, какимъ онъ былъ — заблуждающимся, съ благородными стремленіями, но слабымъ, перемежающимъ честные поступки съ безчестными, добивающимся благородныхъ цѣлей при помощи низкихъ средствъ,

сочетающимъ самые дикіе контрасты, „смѣсью гранита и зыбучаго песку".

— Я всегда былъ неудачникомъ,—выговорилъ онъ — но я не могу жить безъ твоей любви.

Онъ поднялъ на нее глаза. И такая безмѣрная тоска свѣтилась въ нихъ, что волна горячей жалости и любви прихлынула къ ея сердцу и сразу, словно по мановенію волшебнаго жезла, открылись въ ней всѣ источники нѣжности. Она бросилась къ мужу, упала передъ нимъ на колѣни, страстно прильнула къ нему, задыхаясь отъ рыданія:

— Прости меня, милый! Прости меня! Вся моя жизнь и любовь принадлежатъ тебѣ, если только это можетъ помочь и утѣшить тебя.

Въ этотъ грозный мигъ она поняла. Она, женщина—сильна. Онъ, мужчина—слабъ. Она должна быть его опорой и руководить имъ. Она вся дрожала отъ волненія, сжимая его въ объятіяхъ.

Это было жизненное разрѣшеніе жизненной задачи, діаметрально противоположное тому, къ которому она слѣпо стремилась. И такое счастье было для нея снова ощущать, какъ, вмѣстѣ съ кровью, горячая человѣческая любовь къ нему струится въ ея жилахъ, что она со слезами благодарила Бога за это счастье. Ея кумиръ, гордый и слабый человѣкъ, склонялся передъ нею, какъ передъ чистымъ, непогрѣшимымъ божествомъ. Ея дѣло было руководить, его—идти за нею.

Въ эту ночь они долго сидѣли обнявшись.

— Помоги Боже всѣмъ намъ, которые сбились съ пути!—сказалъ Гью.

— Любовь всегда выведетъ на дорогу, милый.

— Что руководило ею?—спросилъ онъ, указывая на газету.

— Мы ей не судьи,—отвѣтила Ирена.

Эта горестная трагедія, грозившая разбить ихъ жизнь, сблизила ихъ душевно больше, чѣмъ когда-либо. Оба чувствовали, что Минна покончила съ собою не съ отчаянія, что она случайно открыла заклятому врагу насущно важную для нея тайну, отъ которой зависѣло ея состояніе,—что причина коренилась глубже, въ тайникахъ ея души. Ибо женщина, пившая всю жизнь изъ такой отравленной чаши, изъ какой она пила,—гдѣ были и любовь, и ненависть, и усталость, и угрызенія совѣсти за зло, причиненное и испытанное, и скупость, и презрѣніе къ себѣ, и проклятіе расы и клеймо распутства, и поздно проснувшееся стремленіе къ чистой, красивой жизни—такая женщина, истерзанная до того, что смерть кажется ей избавленіемъ, способна на боль-

шія непослѣдовательности и во всякомъ случаѣ заслуживаетъ глубокаго сожалѣнія.

— Простишь ли ты мнѣ тѣ злыя слова?—говорила Ирена.—Я сама не знаю, какъ они сорвались у меня съ языка.

Гью привлекъ ее къ себѣ.

— Это я долженъ просить прощенія.

— Только одного я бы не могла простить тебѣ.

— Чего?

— Еслибъ ты разлюбилъ меня.

И такъ они, рука объ руку, вышли изъ мрака на свѣтъ. Но это былъ свѣтъ апрѣльскаго дня—Жизни, въ которой дождь и хмурость перемѣшаны съ солнечнымъ блескомъ, а не яркій солнечный свѣтъ іюня — Иллюзіи. У Ирены открылись глаза и, если жизнь казалась ей болѣе мрачной, чѣмъ прежде, за то теперь она чувствовала болѣе твердую почву подъ ногами. Она почувствовала себя одинокой, но, какъ женщина, скрыла это въ своемъ сердцѣ, а мужъ ея, не подозрѣвавшій этого, снова сталъ гордымъ и смѣлымъ, и радостнымъ. Какъ всѣ, способная ошибаться и не чуждая недостатковъ, все же болѣе сильная духомъ, чѣмъ человѣкъ, котораго она страстно любила, порою она тосковала по прежнемъ слѣпомъ обожаніи. Въ такія минуты она печально вглядывалась въ лицо своего мальчика, задавая себѣ безумный вопросъ и напрасно пытаясь прочесть отвѣтъ въ бездонныхъ глазахъ ребенка.

Очерки соціальной исторіи Малороссіи [1]).

2. Формы землевладѣнія въ лѣвобережной Малороссіи XVII—XVIII вв.

I.

Возстаніе Богдана Хмельницкаго, сломившее старый политическій и соціальный порядокъ въ Малороссіи и обратившее массы безправнаго ранѣе крестьянскаго населенія въ собственниковъ обрабатываемой ими земли, не прошло безслѣдно и для формъ землевладѣнія въ освобожденной имъ странѣ. Побѣда козацкаго оружія, конечно, не уничтожила безъ остатка существовавшихъ раньше въ странѣ формъ землевладѣнія и не создала на ихъ мѣсто другихъ, совершенно новыхъ, но все же она оказала извѣстное вліяніе и на эту область народной жизни, и вліяніе это далеко не было незначительнымъ.

Чѣмъ дальше шло время, чѣмъ больше отодвигалась эпоха возстанія, тѣмъ сильнѣе выростали въ глазахъ населенія размѣры оказаннаго ею въ этой области вліянія. И подъ конецъ XVIII вѣка жители гетманщины, оглядываясь на прошлое, подчасъ склонны были представлять себѣ время Богдана Хмельницкаго, какъ эпоху мгновеннаго и коренного переворота въ формахъ землевладѣнія. „Когда, при помощи божіей, — разсказывали въ 1773 г. козаки с. Покошицъ — малороссіяне зъ гетманомъ Богданомъ Зѣновіемъ Хмельницкимъ кровію своею освободили Малую Россію отъ ярма лядскаго и отъ державы польскихъ королей, а пришли въ подданство всероссійскаго монарха великого государя Алексѣя Михайловича, въ тую пору на обоихъ сторонахъ Днѣпра вся земля была малороссіянъ сполная и общая, потамисть, покамисть они первѣе— подъ полки, а въ полкахъ подъ сотнѣ, а въ сотняхъ подъ мѣстечка, села и деревнѣ и въ оныхъ подъ свои жилища, двори, доми и футори осягли и позаймали; и потому сталися всѣ добра (имѣнія) малороссіянамъ быть власними (собственными) чрезъ займы. Оніе жъ

1) Первый очеркъ этой серіи—„Возстаніе Богдана Хмельницкаго и его послѣдствія“ былъ напечатанъ въ „Р. Богатствѣ“. 1912 г., №№ 8, 9, 10 и 11.

займи свои малороссіяне разными означали способами: одни оборували, другіе копцами обносили и рвомъ окопували, кляками [1]) ограничали и что хотѣли въ тѣхъ займахъ строили, гаи (рощи) возращали и сади заводили, футори, слободы, деревнѣ, села на свое имя селили, къ себѣ въ користь приводили, на болотахъ, гдѣ видѣли къ устроенію мелницъ мѣста, тамъ оніе строили" [2])...

Еслибъ этотъ и подобные ему разсказы, идущіе отъ конца XVIII столѣтія, можно было признать заключающими въ себѣ вполнѣ правильныя и точныя свѣдѣнія о предъидущемъ времени, то на основаніи ихъ эволюція формъ землевладѣнія въ лѣвобережной Малороссіи за XVII—XVIII вѣка рисовалась бы въ такомъ видѣ: первоначально, въ моментъ отдѣленія Малороссіи отъ Польши, вся земля была объявлена общей, затѣмъ она была раздѣлена—сперва между полками, на которые распалась гетманщина, потомъ, внутри каждаго полка, между сотнями, послѣ того, внутри каждой сотни, между отдѣльными поселеніями и, наконецъ, путемъ индивидуальныхъ „займовъ" или заимокъ разошлась въ личную собственность. Приблизительно такое представленіе объ этой эволюціи и высказывалось нерѣдко въ исторической литературѣ. Покойный А. М. Лазаревскій, впервые опубликовавшій въ своей работѣ: „Малороссійскіе посполитые крестьяне" процитированный мною разсказъ козаковъ с. Покошицъ, съ своей стороны комментировалъ его такими словами: „въ этомъ разсказѣ — полная исторія поземельной собственности въ Малороссіи" [3]). Много позже г-жа Ефименко, хотя и съ нѣкоторыми оговорками, все же находила, что приведенный разсказъ „хорошо обрисовываетъ положеніе дѣлъ послѣ катастрофы, первый организаціонный шагъ". „Земля была «спольная и общая» всего малорусскаго народа, — говорила она, — разумѣется, это и не могло быть иначе". И болѣе или менѣе правильно обрисованными представлялись ей въ разсказѣ покошицкихъ козаковъ и дальнѣйшія стадіи эволюціи малорусскаго землевладѣнія [4]). Еще болѣе категорически высказывался въ этомъ же смыслѣ авторъ спеціальной работы о малорусскомъ землевладѣніи, г. Филимоновъ, утверждавшій, на основаніи того же самаго разсказа покошицкихъ козаковъ, что „въ періодъ освобожденія всѣ межи были уничтожены и объявлена въ Малороссіи была «спольность» и «нераздѣльность» владѣнія всей территоріи между всѣми жителями Украй-

---

[1]) Кляки—знаки, зарубки на деревьяхъ.

[2]) См. А. М. Лазаревскій, Малороссійскіе посполитые крестьяне. Записки Черниговскаго Губернскаго Статистическаго Комитета. Кн. I. Черниговъ. 1866, с. 26.

[3]) Тамже.

[4]) А. Ефименко, „Южная Русь", Спб. 1905, т. I, с. 396 (въ статьѣ: „Дворищное землевладѣніе въ южной Руси", напечатанной первоначально въ „Русской Мысли" въ 1892 г.).

ны“ [1]). И утвержденія названныхъ авторовъ слѣдомъ за ними повторялись рядомъ другихъ писателей, такъ или иначе касавшихся вопроса объ исторіи формъ землевладѣнія въ Малороссіи въ XVII—XVIII вв..

Въ дѣйствительности однако въ приведенномъ разсказѣ покошицкихъ козаковъ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ подобныхъ ему разсказахъ, идущихъ отъ того же времени, подлинный историческій процессъ отразился недостаточно полно и точно. Начать съ того, что ни во время возстанія 1648—54 гг., ни послѣ него не было такого момента, когда бы „вся земля“ по обѣ стороны Днѣпра или хотя бы по одну лѣвую сторону его была объявлена „спольной и общей землей малороссіянъ“. Права на землю, которыя застало въ Малороссіи возстаніе Богдана Хмельницкаго, далеко не всѣ были ликвидированы имъ, — наоборотъ, нѣкоторыя изъ такихъ правъ именно во время этого возстанія нашли для себя болѣе прочную санкцію. Православные монастыри Малороссіи, за немногими исключеніями, удержали за собой не только земли и угодья, находившіяся въ ихъ обладаніи во время польскаго владычества, но и цѣлый рядъ населенныхъ имѣній. Извѣстное количество имѣній сохранилось и въ рукахъ той православной шляхты, которая во время возстанія вошла въ ряды козацкаго войска. Въ свою очередь козаки и мѣщане сохранили свои земельные участки и въ то же время крестьяне стали собственниками земель, ранѣе находившихся въ ихъ пользованіи. Правда, наряду съ этимъ одновременно съ созданіемъ гетманской Малороссіи въ ней создался и громадный запасъ свободныхъ земель, которыя образовались частью изъ бывшихъ „панскихъ“ земель, частью изъ земель, никѣмъ еще не занятыхъ, и верховнымъ собственникомъ которыхъ являлось „Войско Запорожское“. Но все же возстаніемъ не были уничтожены всѣ земельныя межи въ странѣ, вся земля ея не была и не могла быть объявлена общей и нераздѣльной и позднѣйшіе разсказы объ этомъ являются не болѣе, какъ преданіемъ, въ основѣ котораго, несомнѣнно, лежитъ извѣстная доля исторической истины, но которое тѣмъ не менѣе нельзя признавать въ полномъ его объемѣ точно передающимъ дѣйствительные факты. Болѣе или менѣе то же самое надо сказать и о другой части приведеннаго выше разсказа. Процессъ размежеванія свободныхъ земель, ихъ заимки и постепеннаго перехода въ личную собственность сыгралъ громадную роль въ исторіи малорусскаго землевладѣнія за XVII—XVIII вв. Но этотъ процессъ былъ много сложнѣе, чѣмъ онъ изображается въ цитированномъ разсказѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, по крайней мѣрѣ, начальныя стадіи его были вовсе не такъ оторваны отъ существовавшихъ въ

[1]) Е. С. Филимоновъ. Матеріалы по вопросу объ эволюціи землевладѣнія. Вып. II. Краткій историческій очеркъ Малорусскаго землевладѣнія. Пермь. 1895, с. 1; ср. также с. 2.

Малороссiи раньше, до возстанiя Богдана Хмельницкаго, формъ землевладѣнiя, какъ могло бы показаться по первому впечатлѣнiю отъ этого разсказа. По отношенiю къ формамъ землевладѣнiя возстанiе 1648—54 гг. менѣе всего явилось кореннымъ переворотомъ, однимъ ударомъ уничтожившимъ все старое и позволившимъ новой жизни развиваться на совершенно расчищенномъ мѣстѣ. Буря возстанiя снесла, хотя и не вполнѣ, верхнiй этажъ существовавшаго до нея въ Малороссiи землевладѣнiя—землевладѣнiе помѣщичье,—но она не затронула непосредственно другихъ видовъ и формъ землевладѣнiя въ странѣ и лишь видоизмѣнила ихъ взаимоотношенiе, поставивъ ихъ въ новыя условiя развитiя. И поэтому для того, чтобы сколько-нибудь ясно представить себѣ исторiю землевладѣнiя въ лѣвобережной Малороссiи за вторую половину XVII-го и за XVIII-е столѣтiе, необходимо прежде всего остановиться на тѣхъ формахъ землевладѣнiя, какiя застало здѣсь возстанiе Богдана Хмельницкаго, и на тѣхъ отношенiяхъ, какiя оно установило между ними.

Одною изъ такихъ формъ, и притомъ довольно широко распространенной, являлась личная собственность на землю. Въ документахъ, сохранившихся до нашего времени отъ эпохи Богдана Хмельницкаго и непосредственно слѣдовавшихъ за нею лѣтъ, встрѣчаются неоднократныя упоминанiя о существованiи такой собственности въ различныхъ мѣстностяхъ лѣвобережной Малороссiи. На сѣверѣ ея, въ нынѣшней Черниговщинѣ, такiя упоминанiя встрѣчаются чаще, на югѣ, въ Полтавщинѣ, рѣже, но все же встрѣчаются. При этомъ они имѣютъ мѣсто по отношенiю къ представителямъ различныхъ общественныхъ слоевъ. Козаки и посполитые, мѣщане и крестьяне одинаково являются порою въ документахъ этой эпохи въ роли единоличныхъ собственниковъ земли, свободно распоряжающихся своими земельными участками, безъ какихъ бы то ни было ограниченiй пользующихся ими и безпрепятственно отчуждающихъ ихъ, цѣликомъ или частями, на сторону, въ чужiя руки. Предшествовавшее историческое развитiе успѣло выработать въ Малороссiи личную земельную собственность, нашедшую себѣ въ польскую эпоху прочное обоснованiе и защиту въ законѣ и наиболѣе ярко воплотившуюся въ привилегированномъ помѣщичьемъ землевладѣнiи. Большая часть этого послѣдняго была уничтожена возстанiемъ Богдана Хмельницкаго, но лишенная спецiальныхъ привилегiй личная земельная собственность и послѣ того осталась въ странѣ, какъ наслѣдiе предъидущей эпохи ея существованiя.

Эта личная собственность на землю не была однакоже ни единственной, ни даже господствующей въ странѣ формой землевладѣнiя. Рядомъ съ нею существовали и другiя формы, на первыхъ

порахъ рѣшительно оттѣснявшія ее на задній планъ. Наряду съ упоминаніями о землѣ, находящейся въ личной собственности, въ малорусскихъ актахъ второй половины XVII и начала XVIII вѣковъ встрѣчается гораздо большее количество упоминаній о земляхъ другого типа—земляхъ „общихъ", „гуртовыхъ", „совокупныхъ", „недѣленыхъ". Въ 1699 г., напримѣръ, козакъ с. Браницы въ бобровицкой сотнѣ Кіевскаго полка Леско Приходко продалъ „поля половину, що и за Антономъ Глѣбенкомъ по половинѣ недѣленное" [1]). Въ остерской сотнѣ того же полка въ д. Святое Ульяна Наумиха и Андрей Савущенко въ 1741 г. продаютъ свои „двѣ полянки совокупние" [2]). Въ 1740 г. козакъ той же сотни Иванъ Жгунъ, продавъ „братаничовъ (племянниковъ) своихъ Жгуновъ гуртовие гаи и поля", взамѣнъ ихъ уступаетъ свою ниву [3]). Въ 1730 г. два жителя м. Поповки Нѣжинскаго полка продали своего „гуртового огорода и з садомъ знатную часть" [4]). Подобныхъ примѣровъ можно было бы привести громадное количество, и притомъ изъ самыхъ различныхъ мѣстностей лѣвобережной Малороссіи. А наряду съ указанными опредѣленіями земель въ документахъ XVII—XVIII столѣтій очень часто встрѣчаются и другіе термины, въ свою очередь недвусмысленно говорящіе о существованіи въ странѣ—если не въ тотъ самый моментъ, къ которому относятся эти документы, то въ недалекомъ прошломъ — такихъ формъ землевладѣнія, которыя не совпадаютъ съ личной собственностью на землю. Такъ, въ документахъ, относящихся опять-таки къ самымъ различнымъ мѣстностямъ по лѣвому берегу Днѣпра, то и дѣло упоминаются „паи" или „пайки" въ землѣ и водныхъ угодьяхъ и земельные „помѣрки". Въ 1682 г. купецъ г. Полтавы продаетъ свой „пай" въ ставкѣ (прудѣ), половину его [5]). Въ 1732 г. житель м. Носовки Кіевскаго полка продалъ „пай свою, изовище старое отчизное" [6]). Два козака с. Переходовки мринской сотни Нѣжинскаго полка въ 1739 г. продаютъ „свою властную отческую пайку нивы" [7]). Козачка с. Мелни того же Нѣжинскаго полка въ 1749 г. продаетъ сѣнокосъ „въ урочищи на пайкахъ... въ смежности пайковъ Ксензовскихъ", т. е. с. Ксензовки [8]). Въ 1712 г. жительница м. Новыхъ Млиновъ въ Нѣжинскомъ полку продаетъ „сѣножатку власную свою,

---

[1]) Румянцевская Опись, хранящаяся въ библіотекѣ кіевскаго университета, Кіевскій полкъ, Документы Бобровицкой сотни, т. III, № 226.

[2]) Тамже, Документы Остерской сотни, т. VI, № 33.

[3]) Тамже, т. V, № 191.

[4]) Румянцевская Опись, хранящаяся въ библіотекѣ Академіи Наукъ, т. 53.

[5]) Протоколы Полтавскаго полкового суда XVII—XVIII вв., рукопись библіотеки А. М. Лазаревскаго, кн. I, л. 230 об.

[6]) Румянцевская Опись, хранящаяся въ библіотекѣ Академіи Наукъ, т. 30, л. 692.

[7]) Тамже, т. 36, л. 491.

[8]) Тамже, т. 57, документы с. Мелни.

прозиваемую помѣрокъ" [1]). Въ 1750 г. житель того же мѣстечка продаетъ сѣнокосъ, смежный „отъ помѣрковъ мѣскихъ (городскихъ)" [2]). Въ с. Киселевкѣ Черниговскаго полка въ 1764 г. упоминается „нива на помѣркахъ" [3]). Козакъ с. Горбова въ выбельской сотнѣ того же полка продаетъ въ 1764 г. свою „ниву отческую и дѣдовскую, прозиваемую помѣрокъ" [4]). Изъ сохранившихся купчихъ на земли с. Быстрика кролевецкой сотни Нѣжинскаго полка въ промежутокъ времени отъ 1715 г. до 1768 г. 27 купчихъ были заключены на помѣрки, причемъ въ числѣ послѣднихъ упоминаются и „помѣрки бора", и „помѣрки поля" [5]). Въ 1715 г. 12 козаковъ и посполитыхъ с. Стараго Бѣлоуса въ Черниговскомъ полку, „мѣючи по части певной (опредѣленной) кождий з нихъ на едномъ мѣстцу землѣ зъ дубровами, помѣрками себѣ опредѣленной", продали эти помѣрки, кто—по два, кто—по одному, знатному товарищу Ивану Силичу, причемъ цѣна каждаго отдѣльнаго помѣрка была назначена въ 8 золотыхъ [6]). И подобными упоминаніями о „паяхъ", „пайкахъ" и „помѣркахъ" буквально пестрятъ земельные документы XVII—XVIII вв.

Уже одна эта терминологія позволяла бы заключить, что личнымъ землевладѣніемъ и личной собственностью далеко не исчерпывались формы землевладѣнія въ лѣвобережной Малороссіи той эпохи, о которой у насъ идетъ рѣчь. Но уцѣлѣвшіе документы этого и нѣсколько болѣе поздняго времени даютъ и неизмѣримо болѣе ясныя и подробныя, хотя все же, къ сожалѣнію, не всегда достаточно полныя, свидѣтельства о существованіи и широкой распространенности въ указанную эпоху иныхъ формъ землевладѣнія, въ основѣ которыхъ лежали принципы, весьма еще далекіе отъ чистаго принципа личной собственности.

Среди этихъ формъ на сѣверѣ Малороссіи, особенно въ тѣхъ ея мѣстностяхъ, гдѣ сохранились наиболѣе древнія поселенія, въ Черниговщинѣ и Стародубщинѣ, на первое мѣсто надо поставить сябринное землевладѣніе, „сябринство" или „сяберство", какъ оно называется въ документахъ XVII—XVIII столѣтій [7]).

---

1) Тамже, т. 58.

2) Тамже.

3) Тамже, т. 25, документы с. Киселевки, л. 119.

4) Тамже, т. 4.

5) Тамже, т. 63, документы козаковъ с. Быстрика.

6) Документы монастырей, переданные изъ архива Черниг. Каз. Палаты въ библіотеку кіевскаго университета, № 1616/2845. Малорусскій „золотой" равнялся 20 копейкамъ.

7) Впервые обстоятельное описаніе и изслѣдованіе малорусскаго сябриннаго землевладѣнія дано было проф. И. В. Лучицкимъ въ его статьѣ: „Сябры и сябринное землевладѣніе въ Малороссіи" („Сѣв. Вѣстникъ", 1889. № 1). Позднѣйшая статья А. Я. Ефименко: „Дворищное землевладѣніе въ южной Руси" (напечатана въ „Р. Мысли" въ 1892 г., позднѣе перепечатана въ сборникѣ статей г-жи Ефименко п. з. „Южная Русь", т. I) мало что прибавила къ этому изслѣдованію. Цитированная мною выше книжка Е. С. Фи-

Слово „сябръ", синонимами котораго служили слова „спольникъ" и „участникъ" [1]), примѣнялось въ Малороссіи XVII—XVIII вв. не въ одной только сферѣ землевладѣнія, но и въ нѣкоторыхъ сопредѣльныхъ съ нею областяхъ, и въ общемъ своемъ значеніи обозначало дольщика въ совмѣстномъ владѣніи тѣмъ или инымъ имуществомъ. Такъ, въ это время въ Малороссіи было очень сильно распространено сябринное владѣніе водяными мельницами или „млинами". Постройка такой мельницы для одного человѣка, не обладавшаго большими средствами, была слишкомъ крупнымъ предпріятіемъ и потому для него, особенно въ XVII и въ началѣ XVIII столѣтія, часто соединялось нѣсколько человѣкъ. И вотъ, если нѣсколько человѣкъ сообща строили мельницу, участвуя ли всѣ въ ея постройкѣ своими средствами и трудомъ на равныхъ началахъ или давая одни—тѣ или иныя средства, а другіе—средства и трудъ, либо только трудъ, то выстроенная мельница поступала въ общую собственность строителей и послѣдніе являлись по отношенію другъ къ другу „сябрами", причемъ каждый изъ нихъ былъ собственникомъ той или иной опредѣленной, въ зависимости отъ его участія въ расходахъ, доли въ общей мельницѣ и пользовался соотвѣтственнымъ доходомъ съ нея. „Половинщикъ и сябръ" называли иногда другъ друга владѣльцы такой мельницы, если ихъ было только двое [2]). Но ихъ могло быть, и часто бывало въ дѣйствительности, и много больше. Въ 1737 г. „козаки сотнѣ березанской села Лукашовъ Миронъ, Лукянъ да Семенъ Яценки, брати родніе, по согласію своемъ упросили (мѣстнаго же козака) Гарбузу при врядѣ сѣлскомъ Лукашовскомъ, чтобъ имъ позволилъ на (своей) гребелцѣ млинъ всѣмъ ихъ коштомъ построить, а з оного б приходи били во время млива имъ и ему, Гарбузѣ, пополамъ и гребелку б подгачувать тожъ пополамъ, и в ставку рибу волно б имъ Яценкамъ, сябрамъ его Гарбузи, ловити, потоль, поколь вновь построенна ими клѣтка можетъ продолжитись, а какъ розвалится, то б другой уже имъ на Гарбузиной гребелцѣ ни под какимъ видомъ не строить и какъ до гребелки, такъ и до ставка никакова

лимонова („Краткій историческій очеркъ малорусскаго землевладѣнія". Пермь. 1895) заключаетъ въ себѣ подчасъ очень цѣнные матеріалы, но ихъ въ ней все-таки не очень много, а собственныя построенія автора черезчуръ смѣлы и порой даже фантастичны.

[1]) См. хотя бы документъ 1700 г. въ Румянц. Описи, хранящейся въ библіотекѣ кіевскаго университета, Кіевскій полкъ, Документы Остерской сотни, т. V, № 158; документъ 1755 г.—тамже, Переяславскій полкъ, Документы Березанской сотни, т. II, № 120; документъ 1757 г. въ документахъ монастырей, переданныхъ изъ архива Черниг. Каз. Палаты въ б-ку кіевск. ун—та, № 1616/1409.

[2]) Румянцевская Опись, хранящаяся въ библіотекѣ кіевскаго университета, Переяславскій полкъ, Документы Песчанской сотни, т. Ш, № 51—документъ 1765 г

дѣла впредь не имѣть“ [1]). Въ данномъ случаѣ одинъ изъ четырехъ сябровъ долженъ былъ получать половину дохода, а трое остальныхъ—другую половину, но самый сябринный договоръ носилъ лишь временный характеръ. Въ большинствѣ случаевъ сябринное владѣніе мельницами было болѣе устойчивымъ, его участники являлись не временными, а постоянными совладѣльцами, но и это не мѣшало подчасъ числу ихъ быть довольно большимъ, а ихъ долямъ въ общей собственности являться не одинаковыми. Въ 1714 г. нѣсколько мельниковъ построили въ с. Хвесковкѣ Черниговскаго полка водяную мельницу, истративъ на ея постройку 100 золотыхъ. Макошинскій монастырь, владѣнія котораго лежали по сосѣдству, вернулъ строителямъ половину произведенныхъ ими расходовъ, съ тѣмъ, чтобы въ свою очередь стать участникомъ во владѣніи этой мельницей. И по договору, заключенному послѣ того между первоначальными строителями мельницы и монастыремъ, она была объявлена общей собственностью и половина доходовъ отъ помола („млива“) должна была идти въ пользу монастыря, а другая половина въ пользу всѣхъ остальныхъ участниковъ или сябровъ [2]). Но и тогда, когда мельницею владѣли сообща только два сябра, они не обязательно были „половинщиками“ и ихъ доли не всегда бывали одинаковы. Въ 1669 г. нѣкій Тимошъ, Туболчишинъ зять, ставши предъ полтавскимъ полковымъ урядомъ, заявилъ, что „принялъ собѣ за товариша Михаила мелника Опошнянского на стародавную гать на рѣцѣ Ворсклу в луцѣ Булановой названой, такъ межъ собою постановивши: Михаило повиненъ працею (работой) и дозоромъ своимъ при приданной ему отъ мене челяди на той гати млыни ставити на шесть ставидлъ (поставовъ), а якъ дасть Богъ соорудити все якъ треба, то мнѣ, Тимошу, каменей (поставовъ) чотири мѣетъ быти, а Михаилу каменей два с третею частю гати, женѣ и потомкомъ его“ [3]). Наконецъ, и тогда, когда первоначальныя доли сябровъ были одинаковы, съ теченіемъ времени легко могло получиться—и на практикѣ, дѣйствительно, въ большинствѣ случаевъ получалось — неравенство владѣнія. Каждый сябръ, если только сябринный договоръ съ самаго начала не былъ временнымъ, передавалъ свою долю собственности въ общей мельницѣ, какъ и всякую другую собственность, по наслѣдству, могъ завѣщать ее одному или нѣсколькимъ лицамъ, могъ отчудить, полностью или

[1]) Рум. Опись, въ библіотекѣ кіевскаго университета, Переяславскій полкъ. Документы Березанской сотни, т. II, № 120. Приведенная въ текстѣ цитата взята изъ жалобы, поданной въ 1749 г. Гарбузою въ сотенное правленіе по другому дѣлу; точность передачи въ этой цитатѣ контракта Гарбузы съ Яценками вполнѣ подтверждается изложеніемъ текста этого контракта, сдѣланнымъ въ декретѣ полкового суда 1755 г., см. тамже.

[2]) Документы монастырей, переданные изъ архива Черн. Каз. Палаты въ б-ку кіев. ун-та, № 1616/1391.

[3]) Протоколы Полтавскаго полкового суда, рукопись библіотеки А. М Лазаревскаго, л. 29 об.

частью, и въ постороннія руки. Такимъ путемъ доли отдѣльныхъ сябровъ очень скоро становились неравномѣрными даже въ томъ случаѣ, если доли первоначальныхъ владѣльцевъ были совершенно одинаковы, такъ какъ эти первоначальныя доли съ теченіемъ времени въ свою очередь дѣлились на болѣе мелкія части, неодинаково распредѣлявшіяся между позднѣйшими совладѣльцами. Въ 1758 г. козаки м. Носовки Кіевскаго полка Назаръ, Климъ, Прокопъ и Николай Самокиши продали бунчуковому товарищу Якову Шаулѣ съ согласія своихъ братьевъ и племянниковъ, Якова, Игната, Кирила, Никиты и Романа Самокишъ, часть мельницы на р. Острѣ близъ м. Носовки, „а именно", говорится въ купчей, продали „с насъ Назаръ полную часть третую, Климъ третой части половину часть, Прокопъ да Николай с третой части по пятой части жъ" [1]). Какъ видно, эта мельница сперва принадлежала на равныхъ правахъ тремъ владѣльцамъ, имѣвшимъ поэтому въ ней одинаковыя доли. Одна такая третья доля до 1758 г. сохранилась полностью въ однихъ рукахъ, другая къ этому времени составляла уже собственность двухъ лицъ, владѣвшихъ ею пополамъ, третья успѣла раздѣлиться на еще болѣе мелкія части—пятыя, каждая изъ которыхъ имѣла своего владѣльца. Послѣ продажи 1758 г. $^1/_3+^1/_6+^2/_{15}$ мельницы перешли въ руки одного владѣльца, б. т. Шаулы, а остальная ея часть осталась собственностью нѣсколькихъ другихъ владѣльцевъ. Среди малорусскихъ актовъ XVII—XVIII столѣтій нерѣдко можно встрѣтить акты купли и продажи еще болѣе дробныхъ частей мельницъ. Это были, конечно, не реальныя части „млиновъ", а своего рода идеальныя доли, дававшія лишь право на опредѣленное, пропорціональное данной долѣ участіе въ доходахъ съ общаго имущества [2]). Но это не мѣшало владѣльцамъ такихъ долей передавать ихъ по наслѣдству, завѣщать, закладывать и продавать и путемъ всѣхъ этихъ операцій подвергать дальнѣйшему дробленію.

Исходя даже изъ приведенныхъ мною немногихъ конкретныхъ примѣровъ, не трудно уже видѣть, что представляло собою

---

[1]) Рум. Опись, въ библіотекѣ Академіи Наукъ, т. 29, л. 587.

[2]) Реально доля участія каждаго сябра въ доходѣ съ мельницы выражалась обычно правомъ взимать въ свою пользу плату за помолъ втеченіе опредѣленнаго срока. Поэтому и въ актахъ продажи частей мельницъ такія части иногда обозначались сутками. Въ 1747 г., напр., козакъ с. Воробейны почеповской сотни Стародубовскаго полка продаетъ „двое сутокъ" въ мельницѣ—см. Обозрѣніе Румянцевской Описи, т. III, с. 591—2; ср. тамже, с. 593. Ср. также чрезвычайно обстоятельный договоръ, заключенный въ 1759 г. между четырьмя сябрами—в. т. Мих. Трусевичемъ, зн. т. Гр. Базилевичемъ, Черниговскимъ Катедральнымъ и Глуховскимъ Петропавловскимъ монастырями—о возобновленіи и эксплуатаціи мельницы въ с. Богдановкѣ воронежской сотни Нѣжинскаго полка—см. Документы монастырей, переданные изъ архива Черниг. Каз. Палаты въ библіотеку кіевскаго университета, № 1616/3122.

сябринное владѣніе мельницами въ Малороссіи. Это было совмѣстное, паевое или долевое владѣніе общей собственностью, владѣніе, въ основѣ котораго лежалъ товарищескій договоръ. Если отъ порядковъ сябриннаго владѣнія мельницами обратиться къ порядкамъ сябриннаго землевладѣнія, то въ послѣднихъ можно найти очень много сходнаго съ первыми. Но аналогія въ данномъ случаѣ не обозначаетъ собою тожества явленій. Сябринное владѣніе мельницами—явленіе, несравненно болѣе позднее, чѣмъ сябринное землевладѣніе, и для того, чтобы наглядно представить себѣ происхожденіе этого послѣдняго, его сущность и постепенное развитіе, необходимо обратиться къ такимъ фактамъ, которые въ сябринномъ владѣніи мельницами уже не играли особенно существенной роли.

Перебирая имена тѣхъ поселеній, которыя существовали на лѣвомъ берегу Днѣпра въ XVIII столѣтіи, легко замѣтить, что очень большое количество селъ, деревень и хуторовъ, расположенныхъ здѣсь, носили патронимическія названія. И нужно сказать, что даже и въ XVIII столѣтіи эти названія нерѣдко еще не утратили своего смысла и вполнѣ отвѣчали существу дѣла. Не только въ первой, но даже и во второй половинѣ этого вѣка на территоріи лѣвобережной Малороссіи встрѣчается цѣлый рядъ поселеній, населенныхъ исключительно или почти исключительно родственниками, носящими одну и ту же фамилію, которая перешла и въ названіе поселенія. Такъ, въ Черниговскомъ полку въ д. Семендеяхъ еще во второй половинѣ XVIII вѣка жительствовали Семендеи, въ с. Семакахъ жили козаки Семаки, въ д. Величкахъ—козаки Велички, въ с. Вертѣевкѣ—козаки Вертѣйки. Въ Стародубовскомъ полку д. Колюды была заселена Колюдами, д. Кузнецы — Кузнецами. Въ Кіевскомъ полку х. Бабарики заселяли козаки Бабарики, с. Сараи—козаки Сараи, с. Манки—козаки Манки, с. Шуманы—козаки Шуманы, д. Пузики — козаки Пузики. Въ Полтавскомъ полку въ с. Яковцахъ жили козаки Яковченки [1]). Подобныхъ примѣровъ можно было бы привести еще цѣлый рядъ. И къ нимъ надо прибавить еще слѣдующее. Иногда даже въ тѣхъ случаяхъ, когда въ XVIII в. мы встрѣчаемъ въ одномъ поселеніи нѣсколько семей, носящихъ разныя фамиліи, документальными свидѣтельствами можно установить, что всѣ эти семьи произошли отъ одной, первоначально жившей въ данномъ поселеніи, давшей ему свое имя и затѣмъ распавшейся на нѣсколько семей съ разными фамильными прозвищами [2]).

---

[1]) См. соотвѣтствующіе томы Рум. Описи; см. также И. В. Лучицкій Сябры и сябринное землевладѣніе въ Малороссіи, „Сѣв. Вѣстникъ", 1889 № 1, отд. оттискъ, с. 11.

[2]) См. такіе случаи у И. В. Лучицкаго, назв. ст., с. 11—12.

Этотъ фактъ или, точнѣе говоря, этотъ рядъ фактовъ самъ по себѣ уже бросаетъ яркій лучъ свѣта на тотъ путь, какимъ совершалось заселеніе лѣвобережной Малороссіи. Во многихъ ея мѣстностяхъ—и, повидимому, въ особенности на сѣверѣ, гдѣ патрономическія названія селъ встрѣчаются наиболѣе часто,—такое заселеніе шло путемъ основанія поселковъ отдѣльными семьями. Съ разростаніемъ такихъ семей разростались и поселки, болѣе или менѣе долго не утрачивая своего первоначальнаго характера поселенія лицъ, связанныхъ между собою родственными узами. И это обстоятельство стояло въ тѣсной связи съ устанавливавшимися въ странѣ въ періодъ ея заселенія формами и порядками землевладѣнія, явственные слѣды которыхъ въ свою очередь сохранялись довольно долго.

Еще во второй половинѣ XVIII столѣтія въ селахъ лѣвобережной Малороссіи встрѣчалось немало дворовъ, населенныхъ нѣсколькими родственными семьями, которыя сообща владѣли принадлежавшей къ данному двору землей и вели на ней общее хозяйство или, говоря языкомъ актовъ того времени, „на совокупныхъ земляхъ сидѣли“ и „на едномъ хлѣбѣ жили“. Такое общее хозяйство на нераздѣльно владѣемыхъ, „совокупныхъ“ земляхъ нерѣдко вели не только родители съ женатыми сыновьями, отчимы съ пасынками, тести съ зятьями, но и семьи нѣсколькихъ родныхъ и двоюродныхъ братьевъ, дяди съ племянниками и т. д. Встрѣчались въ эту пору и такіе случаи, когда нѣсколько родственныхъ семей, живя даже въ отдѣльныхъ дворахъ, все же владѣли землею сообща и вели на ней хозяйство общими силами. Но случаи этого послѣдняго рода были уже сравнительно рѣдки и, видимо, представляли собою лишь остатокъ быстро исчезавшаго изъ жизни прежняго порядка. Соединеніе же въ одномъ дворѣ нѣсколькихъ родственныхъ семей, сообща владѣющихъ землею, было очень распространеннымъ явленіемъ еще въ 60-хъ годахъ XVIII вѣка, когда производилась знаменитая Румянцевская Опись, и засвидѣтельствовано этой послѣдней во многихъ мѣстностяхъ лѣвобережной Малороссіи. „На совокупныхъ земляхъ сидѣли“, „на едномъ хлѣбѣ жили“ подчасъ 6—7 семей, а то и больше—цѣлые семейные союзы.

Съ другой стороны—даже тѣ родственники, которые, живя въ одномъ ли дворѣ или въ различныхъ, владѣли землею раздѣльно и владѣли, повидимому, на началахъ полной собственности, все же сохраняли въ эту эпоху извѣстныя права на земли другъ друга. Продажа земли въ постороннія руки обычно совершалась въ XVIII вѣкѣ „за порадою кревныхъ“ (по совѣту съ родными), „съ согласія кревныхъ“. И такое согласіе требовалось со стороны не только тѣхъ родственниковъ, которые непосредственно участвовали во владѣніи этою землей, но и тѣхъ, которые не были такими непосредственными участниками,—продажа земли въ чужія руки являлась какъ бы общимъ отказомъ всѣхъ родственниковъ отъ правъ на

данную землю. Въ 1732 г. козачка м. Поповки Нѣжинскаго полка Василиса Тихая съ сыновьями, продавъ мѣстному священнику „окопъ“, въ купчей записи оговариваетъ: „и неповинни нинѣ сини мои и всякіе покревніе въ тую продажу интересоватись, ибо всѣ обще продавалисмо“ [1]). Въ 1749 г. козакъ с. Обмочева продалъ сѣножать, какъ пишетъ онъ въ купчей—„по совѣту жены моей и дѣтей и сродственниковъ моихъ, якъ близкихъ, и далекихъ“. Въ 1750 г. сынъ сотника Якимъ Демидовскій продаетъ „плецъ запустѣлій зъ садомъ и берегомъ“ „за порадою кревнихъ своихъ близкихъ и далекихъ и протчіихъ наслѣдниковъ“. Козакъ с. Обмочева въ 1767 г. продаетъ ниву „за совѣтомъ жены и дѣтей своихъ, такожъ и сродниковъ ближнихъ и далекихъ“ [2]). Въ 1751 г. житель с. Мачухъ въ Полтавскомъ полку продаетъ мѣстному козаку ниву и въ купчемъ записѣ отмѣчаетъ, что продаетъ ее „с общого моего родства согласия“ [3]). Въ м. Олишевкѣ Нѣжинскаго полка въ 1766 г. мѣстный козакъ продаетъ двѣ нивы „за вѣдомомъ и дозволеніемъ всѣхъ свойственниковъ“ [4]). Въ томъ же 1766 г. козакъ с. Обмочева продаетъ ниву „за совѣтомъ жены и дѣтей своихъ и за объявленіемъ братовъ своихъ“ [5]). Иногда эта краткая формула замѣнялась въ документахъ болѣе подробнымъ изложеніемъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ продажу земли. Въ 1731 г. козакъ Павло Дейнека продалъ олишевскому сотнику Ив. Шрамченку свое поле, унаслѣдованное отъ покойнаго тестя, Полюляха. „Хочай—объяснялъ Дейнека въ купчей эту продажу—оповѣщалемъ Матвѣю да Петру, шваграмъ своимъ, Полюляхамъ при Игнату Зубцу, абы они мнѣ тое поле заплатили, якъ то будучи близшими, однакъ, же (такъ какъ) такъ отказали, что намъ, мовить, и своего доволствуеть поля, не потреба его“, то Дейнека и продалъ поле въ чужія руки [6]). Въ другомъ случаѣ, относящемся къ 1729 г., продавецъ—разсказывается въ купчей—„дядкамъ своимъ ознаймовалъ, ежели обще хочете, то заплатите... а ежели непроможность (невозможность) ваша, то продамъ кому колвекъ (кому-нибудь). Теди они отказали... и велѣли купить Туриленку, понеже онъ зять“ [7]).

Если „объявленія“ роднымъ не было сдѣлано, если продажа земли происходила безъ „порады и согласія кревныхъ“, то послѣдніе имѣли право выкупить проданную землю у купившаго ее, вернувъ ему уплаченныя за нее деньги. Такое право они однако утрачивали, если отказывались помочь продавцу въ моментъ продажи

[1]) Рум. Опись, въ библіотекѣ Академіи Наукъ, т. 53.
[2]) Рум. Опись, въ библіотекѣ Академіи Наукъ, т. 57.
[3]) Харьковскій Историческій Архивъ, Архивъ Малор. Коллегіи, Полтавскій отдѣлъ, Рум. Опись, связка № 50, документы с. Мачухъ.
[4]) Рум. Опись, въ библіотекѣ Академіи Наукъ, т. 36.
[5]) Тамже, т. 57.
[6]) Тамже, т. 37, л. 395.
[7]) И. В. Лучицкій, назв. ст., с. 10, прим. 2.

и были во-время освѣдомлены о ней. Въ 1718 г. писарь батуринской сотни Нѣжинскаго полка Іосифъ Ивановичъ купилъ у нѣкоего Романа Микитченка и замужней сестры его Ганны Процихи Микитовны двѣ части сѣножати, которой они владѣли нераздѣльно съ своимъ братомъ Грицкомъ. При заключеніи купчей Романъ Микитченко заявилъ передъ урядомъ: „поневажъ (такъ какъ) я, Романъ, посилалемъ до сина своего, в Коропѣ служачого, жеби (чтобы) спомоглъ чимъ колвекъ до новини на хлѣбъ, аби для его ж не збути (лишиться) чего, а же (такъ какъ) оний, мнѣ ничого не давши, дядкови своему, а моему брату Грицку далъ шостакъ грошей, того ради синъ мой Иванъ, хочай и не бувъ при сей продажи, не повиненъ нѣкогда жадною мѣрою (никакимъ способомъ) за оную сѣножать его писара, турбовать (безпокоить)“. Съ своей стороны покупатель также сдѣлалъ уряду заявленіе, которое просилъ внести въ купчую. „Еще толко сторговавъ, не платячи тие двѣ части сѣножати,—заявилъ онъ—в торгу у Батуринѣ обачивши (увидавши) Грицка Микитченка, презентовалъ ему, яко ближайшему посесоровѣ, что сторговалемъ двѣ части той отчизной сѣножати, чи самъ заплатитъ ли или мнѣ позволитъ заплатити, которій, свою часть варуючи (оговаривая, исключая), позволялъ платить“. Послѣ того—продолжалъ покупатель—„вже и заплативши оние двѣ части сѣножатѣ, на мѣстѣ при многолюдствѣ говорилемъ ему Грицку Микитченку, жеби любо ехалъ дѣлити, албо (или) гроши мнѣ возвратилъ“; когда же при дѣлежѣ сѣнокоса вышли пререканія, опять „говорилемъ ему, жеби без турбаціи, не дѣлячи, гроши мои мнѣ... отдавъ, и выговаривалемъ, если вичищу своею працею (работой) тую сѣножать, яко отнюдъ не возможно за розмножиемъ давнолѣтно рокити косить, тогда не можно будетъ откупити“. Все это покупатель „для своего впредъ тоей сѣножати покойного уживания“ (пользованія) просилъ „при купчомъ записи приложити“ и сотенный урядъ, „чуючи (выслушавъ) слушний Юска писара до Грицка Микитченка отзовъ, велѣли оное записати“ [1]).

Въ приведенномъ эпизодѣ рѣчь шла объ отказѣ отъ выкупа со стороны родственника, владѣвшаго совмѣстно съ продавцомъ нераздѣленной до момента продажи землей. Грицко Микитченко могъ выкупить („заплатить“) сторгованную уже другимъ лицомъ землю своего брата и послѣ заключенія торга, и даже послѣ уплаты денегъ, и лишился этого права только потому, что самъ отказался отъ него. Но точно также обстояло дѣло и тогда, когда продавались земли, находившіяся въ раздѣльномъ владѣніи. Родичи, и притомъ родичи „якъ близкіе, такъ и далекіе“, обладали правомъ преимущественной покупки и должны были быть освѣдомлены о продажѣ земли. Если они отказывались отъ ея покупки, она могла быть продана въ постороннія руки. Въ

[1]) Рум. Опись, въ библіотекѣ Академіи Наукъ, т. 55.

противномъ же случаѣ родичамъ принадлежало право выкупа и лишь постепенно это право начало обставляться различными ограниченіями. Въ 1734 г. одинъ изъ жителей с. Плешкановъ гельмязовской сотни Переяславскаго полка продалъ нѣкоему Ивану Дѣденку свой лѣсокъ на р. Супои за 9 копъ. При этомъ въ купчей было оговорено, что, если современемъ продавецъ или его братъ вздумаютъ выкупить проданный лѣсъ, то они должны будутъ, сверхъ возврата полученныхъ за него денегъ, уплатить Дѣденку за каждый годъ, втеченіе котораго лѣсъ будетъ оставаться у него, по копѣ; „а моглъ би—продолжалъ продавецъ—хто из чужихъ или из кревнихъ моихъ откупить, кромѣ мене и брата моего, оній лѣсъ у Ивана Дѣденка, то таковій повиненъ оному Ивану и з нагорожою (наградой, прибавкой) дать, в чомъ онъ похочетъ“ [1]). Право выкупа и за далекими „кревными“ такимъ образомъ признавалось и только обставлялось нѣсколько болѣе стѣснительными условіями. И это право являлось настолько обычнымъ и распространеннымъ, что въ тѣхъ случаяхъ, когда оно отрицалось, объ этомъ помѣщалось спеціальное упоминаніе въ актахъ продажи. „Я, Яковъ Матвѣенко, и з своимъ братомъ Иваномъ, по благословеніи своей матки Ганни,—писалъ, напримѣръ, въ купчей 1711 г. одинъ изъ козаковъ Нѣжинскаго полка — продалисмо ниву с подгоремъ и з гаемъ, не токмо свое, але батковщину или дѣдовщину, и отдаляю самъ себе и дѣтей своихъ, не токмо дѣтей, але ближнихъ своихъ, ижъби (чтобы) не могли ни отняти, ни отпозивати, ни откупити“ [2]).

Такая же практика существовала въ XVIII столѣтіи и по отношенію къ широко распространенному въ то время залогу или, какъ его именовали въ Малороссіи, „заставѣ“ земель. Заложенная или „заставленная“ земля могла быть выкуплена не только лицомъ, заложившимъ ее, но и его родичами. Иногда это прямо оговаривалось и въ актахъ, сопровождавшихъ „заставу“. Въ 1749 г. козакъ с. Мелни въ Нѣжинскомъ полку, задолжавъ приказчику гр. Разумовскаго Короткову 12 руб. и не отдавъ ихъ „по многимъ срокамъ“, уступилъ кредитору до уплаты долга свой дворъ. „А ежели—прибавлялъ онъ въ актѣ этой уступки—хто з сродственниковъ моихъ пожелаетъ тотъ дворъ откупить, то онъ, Коротковъ, долженъ таковие деньги принять и тотъ дворъ с под своего владѣнія уступить“ [3]). Подобнымъ же образомъ въ 1758 г. житель с. Рождествена, не отдавъ въ срокъ священнику занятые у него 6 руб., уступилъ ему „подъ арестъ“ свою ниву „до отдачи мною тѣхъ забранныхъ денегъ или (кѣмъ) с покревнихъ моихъ“ [4]). Но и

---

[1]) Рум. Опись, въ библіотекѣ кіевскаго университета. Переяславскій полкъ, Документы Гельмязовской сотни, т. I, № 135. Тогдашняя малорусская „копа“ равнялась 50 копейкамъ.

[2]) Рум. Опись, въ библіотекѣ Академіи Наукъ, т. 63, документы козаковъ с. Быстрика, л. 48.

[3]) Рум. Опись, въ библіотекѣ Академіи Наукъ, т. 57, документы с. Мелни.

[4]) Тамже, документы с. Атюши.

тогда, когда въ соотвѣтствующихъ документахъ не дѣлалось прямой оговорки о такомъ правѣ родичей, оно все же существовало и примѣнялось на практикѣ. Въ началѣ XVIII столѣтія козакъ м. Березного Остапъ Михненко занялъ у черниговскаго полкового обознаго В. Скоропадскаго 100 копъ до Пасхи 1715 года подъ заставу двора съ пахатной землей. Въ срокъ онъ денегъ отдать не могъ и заставленные дворъ и пахатная земля были выкуплены его братомъ, Артемомъ Михномъ. Въ дальнѣйшемъ ни самъ Остапъ, ни его дѣти не только не смогли вернуть Артему затраченныя имъ деньги, но заключили у него еще новые долги, и, наконецъ, въ 1755 г. дѣти Остапа за всѣ эти долги уступили своему дядѣ въ полную собственность выкупленные имъ дворъ и землю [1]). Изъ актовъ XVIII вѣка можно было бы привести сотни случаевъ подобнаго выкупа земли родственниками лицъ, ее заложившихъ. И такой выкупъ въ свою очередь производился не только ближайшими родственниками. Эти послѣдніе, конечно, имѣли право выкупа въ первую очередь, но, если они не могли воспользоваться имъ, оно переходило къ болѣе далекимъ родичамъ. Такая послѣдовательность иногда опредѣленно указывалась и въ документахъ, выдававшихся при „заставѣ" земли. Въ 1746 г. священникъ с. Келебердѣевки отобралъ за долгъ поле у мѣстнаго козака, а послѣдній съ своей стороны выдалъ священнику документъ, разрѣшая владѣть этимъ полемъ до отдачи долга. „А ежели — писалъ онъ въ этомъ документѣ—я не могу отдати, то дѣти мои отдадутъ ему, а сродникомъ моимъ возбраняю отдавать и втручатся (вступаться) въ оное поле, а ежели дѣти мои не мѣтимутъ (не будутъ имѣть) чимъ уплатить, то въ ту пору позволяю ближнимъ сродникомъ моимъ за оное поле уплатить честному отцу Михайлу любо дѣтямъ его" [2]). Но отказъ родичей купить землю могъ лишить ихъ права выкупить эту землю и изъ заставы. Въ 1766 г., напримѣръ, владѣльческій посполитый с. Коробовки, „подданный" Золотоношскаго Благовѣщенскаго монастыря, отдавая въ заставу мѣстнымъ козакамъ свою ниву, оговаривалъ, что выкупить ее могутъ только его дѣти, но не сродники, такъ какъ послѣдніе отказались купить у него эту ниву [3]). Съ теченіемъ времени право родичей на выкупъ заложенныхъ земель подверглось и другимъ, несравненно болѣе широкимъ и существеннымъ ограниченіямъ. Но такія ограниченія создавались лишь постепенно втеченіе XVIII вѣка и являлись уже рядомъ отступленій отъ имѣвшаго раньше полную силу правила, согласно которому земля даже путемъ залога и продажи могла перейти въ чужія руки лишь послѣ отказа отъ нея не только

---

[1]) Тамже, т. 18, документы, лл. 615—617.

[2]) Рум. Опись, въ библіотекѣ кіевскаго университета, Переяславскій полкъ, Документы Пещанской сотни, т. II, № 38.

[3]) Тамже, Документы Золотоношской сотни, т. IX, № 15.

ея владѣльца, но и его родичей—членовъ того родственнаго союза, къ которому онъ принадлежалъ.

Всѣ отмѣченные факты, порою заходящіе далеко вглубь XVIII столѣтія, въ своей совокупности бросаютъ достаточно яркій свѣтъ на предшествовавшій имъ періодъ и позволяютъ, по крайней мѣрѣ, въ общихъ чертахъ обрисовать тотъ порядокъ землевладѣнія, который существовалъ въ лѣвобережной Малороссіи въ эпоху первоначальнаго ея заселенія. Въ основѣ этого порядка, очевидно, лежалъ фактъ принадлежности земли большимъ семейнымъ союзамъ, состоявшимъ изъ нѣсколькихъ сводныхъ семей, союзамъ, каждый изъ которыхъ велъ свое происхожденіе отъ одного, общаго всѣмъ его членамъ родоначальника. Цѣлымъ „родомъ", цѣлымъ „племенемъ" садился такой союзъ на землю, сообща владѣлъ ею, сообща ее обрабатывалъ. Занятая имъ земля, ставшая „со всѣмъ, что къ ней потягло", „вотчиною" его членовъ, составляла общую его собственность, находилась въ нераздѣльномъ владѣніи всѣхъ его членовъ и могла быть полностью или частью отчуждена на сторону лишь въ силу общаго и согласнаго ихъ рѣшенія. Первоначально и хозяйство на такой землѣ велось общее для всѣхъ входившихъ въ составъ союза семей. Съ теченіемъ времени однако общее хозяйство въ силу разростанія семейнаго союза становилось неудобнымъ и тогда наступалъ моментъ распаденія его на хозяйства отдѣльныхъ семей, сопровождавшагося раздѣломъ между ними земли и различныхъ угодій, благодаря которому въ „вотчинѣ", остававшейся раньше „неподѣленной", появлялись „части", „жребіи" или „пайки". Этотъ моментъ раздѣла вмѣстѣ съ тѣмъ являлся и моментомъ возникновенія сябриннаго владѣнія — „сябровства" или „сяберства", какъ оно называется въ актахъ XVII—XVIII столѣтій, — владѣнія, самымъ тѣснымъ образомъ связаннаго съ тѣмъ первоначальнымъ порядкомъ, изъ котораго оно родилось.

Съ внѣшней стороны такой раздѣлъ земель семейнаго союза между отдѣльными семьями, входившими въ составъ послѣдняго, представлялъ собою какъ бы обычный раздѣлъ родового имущества, совершавшійся на началахъ равенства. Каждая семья изъ числа тѣхъ, на которыя распадался при этомъ раздѣлѣ ведшій раньше общее хозяйство семейный союзъ, получала на свою долю изъ общей земли равный съ другими „жребій", равную „часть" или „пайку". И сходство такого раздѣла съ обычнымъ раздѣломъ родового имущества въ полную собственность еще усугублялось тѣмъ, что полученныя отдѣльными семьями части, съ одной стороны, подвергались дальнѣйшему дробленію путемъ наслѣдованія и завѣщанія, съ другой — могли быть при извѣстныхъ условіяхъ отчуждаемы и на сторону. Вотъ одинъ изъ многочисленныхъ примѣровъ такого отчужденія въ XVII столѣтіи. Въ 1733 г. жители д. Грабова, „подданные" черниговскаго Троицкаго монастыря, заявляли передъ черниговскимъ урядомъ: „в прошлихъ старѣхъ го-

дѣхъ, чему будетъ лѣтъ болше пятидесяти, продки ихъ, обще з ними имѣючи грунта, в околичности Грабовской найдуючіесь, з угодіями, з дворами, пляцами, полями пахатними и непахатними, з борами, лѣсами, дубровами, сѣножатми, зарослями, з деревомъ бортнимъ и до бортя згоднимъ, а именно часть полную Купрѣя прозиваемую Бруевскую, часть полную ж Чирка, Титовскую часть Ходаренкову, часть Абакуменкову, часть Иваскову Кузмпнову. часть Захарія Понурки,... продки ихъ обще з ними въ обитель Свято-Троецкую Чернѣговскую покойному архимандриту Лаврентію Крщеновичу за двѣстѣ рублевъ денегъ во вѣчное владѣніе продали" [1]). Подобные случаи отчужденія „частей" земли, получившихся отъ раздѣла земель семейнаго союза, въ XVII вѣкѣ, не говоря уже о XVIII столѣтіи, составляли заурядное явленіе. И однакоже стоитъ немного ближе присмотрѣться къ актамъ, трактующимъ объ отчужденіи такихъ „частей", чтобы увидѣть, что если здѣсь и шла рѣчь объ отчужденіи собственности, то во всякомъ случаѣ собственность эта была далеко не обычнаго типа.

Начать съ того, что въ купчихъ на такія „части" земель обыкновенно не указывались границы продаваемой земли и это указаніе замѣнялось иного рода опредѣленіями. Въ 1677 г., напр., козакъ с. Петрушина въ ройской сотнѣ Черниговскаго полка продаетъ другому козаку „часть свою виделенную и на его часть правомъ прирожонимъ належачую в грунтѣ, прозиваемомъ Стѣшицахъ, за селомъ Великою Весю, з деревомъ бортнимъ и до бортя згожимъ, дубровами, полями, лесами, ролями, займищами, сѣножатми, що иле колвекъ (что бы то ни было) пожитковъ до тое его части належними, не віймуючи на себе самого, малжонку (жену) и потомки свои жадное части, опроча части братней, въ томъ же грунтѣ помѣжное" [2]). Въ 1762 г. козакъ с. Рѣпокъ той же сотни Григорій Отрошенко, онъ же Сергѣенко Пероцкій, продаетъ доставшіеся ему по наслѣдству отъ отца три лѣсныхъ „острова" „со всѣми принадлежащими къ нимъ угодіями, яко то деревомъ бортнимъ, озерами и сѣнокосами, кромѣ частей сябровъ моихъ Омелка и Григорія Отрошенковъ, они жь и Сергѣенки Пероцкіе" [3]). Въ 1694 г. житель с. Алтыновки въ Нѣжинскомъ полку „свою часть отцевскаго грунта, которая на мене принадлежитъ, четвертую часть продалъ... иле (сколько) где есть во всѣхъ рукахъ поля пахотного, яко тежъ и цѣлини". Другіе два жителя того же села въ 1699 г. „купили грунтъ увесь, где лишо есть найменшая рѣчь у Пилипа Скибенка". Въ 1700 г. житель того же села продалъ „дворъ и з огородомъ и с полемъ у трохъ рукахъ и з засѣвкомъ, гдѣ есть на его спадаючая часть, дѣдовщина и отчизна". Козакъ г. Конотопа въ 1749 г. продалъ „отческій грунтъ, яко двора, имѣючогося въ Алтиновкѣ, свою

---

[1]) Рум. Опись, въ библіотекѣ Академіи Наукъ, т. 6.

[2]) Тамже, т. 9, л. 337.

[3]) Тамже, л. 314.

часть, тако и к оному двору прилежащие грунта, яко поле пахотное, тако и гаи и сѣнокоси, где имѣются“ [1]). Въ 1699 г. Ницко Степановичъ Пузикъ, житель с. Величекъ, „мѣючи грунтъ свой власный (собственный)... от родичовъ моихъ близкихъ и далекихъ, лежачій в селѣ Величкахъ, из селищемъ ниве пахатное, облоги, сѣножати, вутчина из деревомъ бортнимъ и яловымъ, также в озерахъ и криницахъ часть из сябрами, которая на мене приходитъ, сего грунту моего Величковского продалемъ половину“ [2]). Въ 1737 г. козакъ с. Суличовки въ Черниговскомъ полку, продавая землю, „частку свою власную отцевскую“, указывалъ лишь мѣстность, гдѣ она лежала, и затѣмъ повторялъ: „свою частку отъ братовъ и сябровъ своихъ продалемъ на вѣчность“ [3]). Иногда, правда, при продажѣ „частей“ земли, получавшихся въ результатѣ сябриннаго раздѣла, въ купчихъ обозначались границы, но въ такомъ случаѣ это были обыкновенно границы не продаваемой „части“, а всей сябринной „вотчины“, почему онѣ и обозначались совершенно одинаково, о какой бы „части“ ни шла рѣчь. Ограничусь однимъ примѣромъ. Въ 1730 г. войсковой товарищъ Андрей Стаховичъ получилъ двѣ купчія отъ стрѣльцовъ с. Мощонки городищенской сотни Черниговскаго полка на лѣсъ Малчу, одну—отъ Сидора и Игната Корнѣенковъ, другую—отъ Федора и Евтуха Михѣенковъ. Въ обѣихъ купчихъ границы продаваемаго лѣса были означены продавцами совершенно одинаково и въ обѣихъ лѣсъ продавался „кроме барзо малой сярбской части, тамъ теперъ оставшойся“ [4]).

Въ соотвѣтствующихъ документахъ нѣтъ недостатка и въ болѣе отчетливыхъ формулахъ, позволяющихъ составить ясное представленіе о томъ, почему при отчужденіи частей сябринной „вотчины“ не обозначались границы этихъ частей. Въ 1699 г. нѣкая Алена Семендеиха, жившая въ д. Семендеяхъ, продала свою землю. „Мѣючи я—писала она при этомъ въ выданной ею купчей—часть грунту своего власного, въ Семендеяхъ лежачого, Семендеювского з селидбою поле из зарослями из инними селищами, от сябровъ отдѣленное и не подѣленное, мое власное, которой то я своей всей части, якъ сама въ себѣ мѣеть, зреклася, уступила и продала на вѣчность“ [5]). Въ 1705 г. житель с. Веребьевъ въ томъ же полку, „мѣючи частку грунту своего власного отчизного, з вѣку природного“ въ с. Сенюкахъ, продалъ четыремъ жителямъ послѣдняго, своимъ сябрамъ, „такъ дерево бортное и яловци, и угляди, и у сеножатей

[1]) Тамже, т. 62, лл. 481, 343, 224, 45.

[2]) Документы монастырей, переданные изъ архива Черниг. Каз. Палаты въ библіотеку кіевскаго университета, № 1616/3425.

[3]) Рум. Опись, въ библіотекѣ Академіи Наукъ, т. 2.

[4]) Тамже, т. 13.

[5]) Рукопись библіотеки А. М. Лазаревскаго, связка документовъ п. з.: „Разныя старинныя крѣпости, отобранныя у подданныхъ“.

луговихъ, и у полѣ, и ув облогахъ и дубровѣ, где есть частки мои у Сенюковъ" [1]). Козакъ д. Семендеевъ въ 1708 г. продалъ землю— „поле пахотное и до роспаши згодное, синожати на маломъ болотѣ и на великомъ Симполскомъ и з великого лѣса на великомъ болотѣ синожать, от всѣхъ сябровъ половина" [2]). Козакъ с. Неданчицъ въ 1707 г. заявлялъ на урядѣ, что „онъ, мѣючи въ уездѣ Любецкомъ въ селѣ Неданчичахъ дворъ, якъ ся въ себѣ маетъ, зо всею належистостю, поля пахотніе и непахотніе во всѣхъ трохъ змѣнахъ, на разнихъ мѣстцяхъ положенемъ зостаючіе, а ему належачіе, сѣножатѣ въ лукѣ по надъ Днѣпромъ лежачихъ пять, дерева бортного чотиридесять, а небортного килко (сколько) обыщется за его клеймомъ, и въ дубы теперъ зъ пчолами стоячимъ отъ сябровъ ему належную часть четвертую, и въ озерахъ Селищы, Присланѣ, Орлемъ и въ криницахъ, где бы колвекъ (гдѣ только) въ томъ ихъ окажутся грунтѣ, и въ котцахъ, на рѣчцѣ Тоснѣ застановляемихъ отъ сябровъ..., належную часть четвертую, и въ инныхъ угодіяхъ зъ тими жъ сябрами своими, где колвекъ мѣють що своего совокупного грунту, всюду часть четвертую свою власную, по отцеви спалую", продалъ эту часть за 45 золотыхъ [3]). Въ любецкой сотнѣ Черниговскаго полка въ 1721 г. нѣкій Антипъ Павленко продалъ своему сябру Ивану Филоненку „у лузѣ частку свою вучицкую (отчинную), що на мене спадало отъ сябровъ". Въ той же мѣстности Татьяна Левонова, „мѣючи себѣ часть вотчини въ грунтѣ Сенюковскомъ з деревомъ бортнимъ, з сѣножатми островскими, якъ есть всѣмъ моимъ сябрамъ, Сенюкамъ, з отчинѣ часть, такъ и мнѣ", въ 1736 г. продала „опрочъ Прокопа Гавриленка и Тимоха Ярмоленка Пріймака часть свою третюю". Въ тѣхъ же мѣстахъ въ 1728 г. житель д. Лопатни продалъ „свою усю учину (вотчину), усю, що припадаетъ на мене отъ сябровъ" [4]).

Та или иная часть, „належная отъ сябровъ", приходящаяся одному сябру отъ остальныхъ во всѣхъ мѣстахъ и урочищахъ, гдѣ имѣются земли и угодья этихъ сябровъ; „все, что припадаетъ отъ сябровъ"; такая же часть „вотчины", какъ и у всѣхъ сябровъ,—таковы наиболѣе частыя и наиболѣе простыя опредѣленія „частей" отдѣльныхъ сябровъ, встрѣчающіяся въ купчихъ на сябринныя земли. И эти опредѣленія достаточно ясно вскрываютъ тотъ фактъ, что подъ сябринными „частями" разумѣлись не реальныя части земли, не опредѣленные и отграниченные земельные участки, а своего рода идеальныя доли бывшаго хозяйственнаго цѣлаго, „вотчины". Именно такими идеальными долями владѣли и распоряжались отдѣльные сябры. Иначе говоря, распаденіе единаго нѣкогда хозяйства семей-

[1]) Тамже.
[2]) Тамже.
[3]) Рум. Опись, въ библіотекѣ Академіи Наукъ, т. 6.
[4]) Рукопись библіотеки А. М. Лазаревскаго, связка документовъ п. з.: „Разныя старинныя крѣпости, отобранныя у подданныхъ"

наго союза на рядъ хозяйствъ отдѣльныхъ семей передавало въ руки этихъ послѣднихъ не право собственности на строго опредѣленные земельные участки, а лишь право пользованія и—при извѣстныхъ условіяхъ — распоряженія той или иной долей земель и угодій, въ своей совокупности продолжавшихъ оставаться общей собственностью всего союза, перерождавшагося теперь въ союзъ связанныхъ между собою узами кровнаго родства дольщиковъ-сябровъ. Самыя эти доли единой раньше „вотчины" семейнаго союза, доли, опредѣлявшіяся въ зависимости отъ числа расходившихся на обособленныя хозяйства семей, въ свою очередь становившіяся „вотчинами" для своихъ владѣльцевъ и ихъ потомковъ, передававшіяся по наслѣдству и завѣщанію, а то и отчуждавшіяся въ постороннія руки, при всемъ томъ не были разъ навсегда отведены въ натурѣ. Онѣ были лишь идеальными долями и знаменовали собою только размѣръ „участія" или „уступа" въ „совокупныхъ" земляхъ и угодіяхъ, являвшихся общей собственностью всѣхъ сябровъ, сидѣвшихъ на томъ или иномъ участкѣ или „грунтѣ".

Эту стадію развитія формъ землевладѣнія и застало въ значительной части лѣвобережной Малороссіи—главнымъ образомъ, на сѣверѣ ея — возстаніе Богдана Хмельницкаго. Въ южной части страны, на территоріи нынѣшней Полтавской и части Екатеринославской губерній, гдѣ послѣ возстанія Хмельницкаго образовались Прилуцкій, Лубенскій, Переяславскій, Миргородскій, Гадяцкій и Полтавскій полки, сябринное землевладѣніе было, повидимому, слабо развито и самое слово „сябръ" въ документахъ XVII—XVIII вв., относящихся къ этой территоріи, въ примѣненіи къ области земельныхъ отношеній встрѣчается довольно рѣдко. Можно думать, что эта форма землевладѣнія не успѣла широко развиться здѣсь благодаря болѣе позднему и вмѣстѣ съ тѣмъ очень быстрому заселенію данной мѣстности, при которомъ не могла долго удержаться обособленность отдѣльныхъ семейныхъ союзовъ. Иначе обстояло дѣло на территоріи сѣверныхъ полковъ—Стародубовскаго, Черниговскаго, Кіевскаго и отчасти Нѣжинскаго. Эта часть лѣвобережной Малороссіи была сравнительно плотно заселена задолго до возстанія Богдана Хмельницкаго, причемъ заселеніе ея, какъ показываютъ встрѣчающіяся здѣсь въ особенномъ изобиліи патронимическія названія селъ, совершалось по преимуществу путемъ образованія поселковъ отдѣльными семьями, либо семейными союзами. Задолго до возстанія Богдана Хмельницкаго, еще въ XVI столѣтіи, сложилась здѣсь и сябринная форма землевладѣнія. Къ эпохѣ возстанія здѣсь существовало большое количество мѣстныхъ землевладѣльческихъ родовъ, „бояръ" и „землянъ", владѣвшихъ своими

землями на началахъ сябринства. Большинство этихъ мелкихъ землевладѣльцевъ, принадлежавшихъ къ стариннымъ родамъ мѣстныхъ „бояръ“ и „земянъ“, примкнуло къ поднятому Хмельницкимъ возстанію. Такъ поступили Пироцкіе, Жлобы-Вербицкіе, Велички, Тарасевичи, Унучки-Посудевскіе, Красковскіе-Богуши, Семаки, Пузики, Бѣлики, такъ же поступили и многіе другіе изъ мѣстныхъ землевладѣльческихъ родовъ. Войдя въ ряды козацкаго войска, они сохранили свои прежнія земли, а вмѣстѣ съ тѣмъ сохранили и порядокъ владѣнія ими на началахъ сябринства. Съ другой стороны, возстаніе Богдана Хмельницкаго, уничтоживъ большинство шляхетскихъ имѣній, освободивъ населявшихъ ихъ крестьянъ и сдѣлавъ этихъ послѣднихъ собственниками земель, на которыхъ они сидѣли, дало возможность и крестьянской массѣ, какъ перешедшей въ козачество, такъ и оставшейся въ рядахъ посполитыхъ, безпрепятственно воплотить въ жизни выработанныя народнымъ правосознаніемъ представленія о правѣ собственности на землю. И въ результатѣ послѣ возстанія 1648—54 гг. весьма значительная часть земли на территоріи сѣверныхъ полковъ лѣвобережной Малороссіи оказалась въ рукахъ сябринныхъ союзовъ.

Въ основѣ такого рода союзовъ первоначально, какъ мы видѣли, лежало исключительно начало кровнаго родства, связывавшее между собою отдѣльныхъ сябровъ, которые всѣ являлись членами одной разросшейся семьи. Но съ теченіемъ времени наряду съ естественнымъ, создававшимся на почвѣ кровнаго родства сябринствомъ стало возникать по его образцу и сябринство искусственное. Надо думать, что такое искусственное сябринство въ свою очередь стало создаваться задолго до эпохи Богдана Хмельницкаго. Во всякомъ случаѣ послѣ этой эпохи, во второй половинѣ XVII и въ XVIII вв., оно было широко распространеннымъ явленіемъ.

Однимъ изъ способовъ возникновенія искусственнаго сябринства было названное родство или „названное братерство“—установленіе фиктивныхъ родственныхъ отношеній, складывавшихся по типу отношеній подлиннаго родства. Человѣкъ, почему-либо нуждавшійся въ помощникѣ въ своемъ хозяйствѣ и не находившій такого помощника среди ближайшихъ родственниковъ, искалъ его въ кругу болѣе отдаленныхъ родичей, а то и на сторонѣ и, найдя, связывалъ его съ собою фикціей близкаго родства, „названнымъ братерствомъ“, уступая вмѣстѣ съ тѣмъ найденному помощнику ту или иную часть въ своемъ хозяйствѣ. „Вѣдомо чиню,—заявлялъ въ 1706 г. нѣкій Лукашъ Дмитренко, „обыватель села Козицъ“,—ижъ, усмотрѣвши по собѣ человѣка, а звлаща (въ особенности) сродка своего, а бивши одинокимъ человѣкомъ въ господарству, пріймую до третей части во всякомъ въ грунтѣ, въ полѣ, въ сѣножатяхъ, въ горожахъ, въ дворѣ, въ товарѣ (скотѣ) и во всякомъ набытку, на имя Никиту Головенка, обивателя козловскаго, а по-

томъ во всемъ нашомъ набитку, въ товарѣ рогатомъ, яко тожъ въ коняхъ и дробинѣ, а въ хлѣби совокупно жити... не токмо намъ... але и дѣтемъ нашимъ" [1]). Новое по существу своему содержаніе въ данномъ случаѣ при помощи фикціи умѣщалось въ старую, привычную форму и товарищеская ассоціація складывалась подъ именемъ и по типу родственныхъ отношеній, создавая между своими членами искусственное сябринство, которое въ дальнѣйшемъ развивалось тѣмъ же путемъ, какъ и сябринство естественное.

Былъ и другой способъ возникновенія искусственнаго сябринства, способъ, при которомъ товарищеская ассоціація, по крайней мѣрѣ, въ первый моментъ своего существованія, выступала въ болѣе откровенномъ, менѣе замаскированномъ видѣ. Такимъ способомъ являлась совмѣстная заимка земли нѣсколькими лицами, устанавливавшими при этомъ между собой тѣ же отношенія, какія существовали между родственными семьями, владѣвшими на началахъ сябринства „совокупными" землями. Въ 1684 г. Ефросинія Гоготовна Корнѣиха, жившая въ д. Маломъ Устьи въ Черниговскомъ полку, разсказывала предъ сосницкимъ урядомъ: „с початку въ Маломъ Устечку засѣвши дѣдъ мой Никита Гоготъ Москаль зъ Юркомъ тожъ москалемъ в килкудесять лѣтъ зачимъ Сосница садилась, зъ отчиною рѣчокъ, прозиваемыхъ една Чепелиха... другая Вѣжовка, третія Жураховка... къ тому поимъ три... по половинѣ заживали, по дѣду зась (же) моимъ отецъ мой Сава Микитенко Гоготенко з Иваномъ Юрченкомъ Носомъ такъ же по половинѣ держали, а по отцу моемъ братъ мой рожоній старшій Федоръ Савченко зъ Сергіемъ Ивановичемъ Носенкомъ также килка лѣтъ держали, а идучи братъ мой з Устечка до Церковищъ мнѣ сестрѣ своей меншой навѣки даровалъ тую свою половину, которую я южъ килканадцять лѣтъ зъ Сергіемъ Носенкомъ тимже держали и заживалы". Такое владѣніе названными рѣчками и поймами „по половинѣ" продолжалось до 1684 г., когда Ефросинія Гоготовна и Сергѣй Носенко, каждый въ отдѣльности, продали свои „половины" сосницкому сотнику Крачевскому [2]). Или вотъ другой аналогичный примѣръ: въ 1685 г. два лица, Иванъ Шаула и Василій Грузинскій, „маючи гай (лѣсъ) на пѣскахъ под Кобижчу зобополне занятий", сообща („зобополне") продали его, половину въ однѣ руки, половину въ другія [3]).

Къ такимъ же послѣдствіямъ, какъ совмѣстная заимка земли, могла вести и совмѣстная ея покупка, участники которой также становились по отношенію другъ къ другу въ положеніе сябровъ, владѣльцевъ невыдѣленныхъ долей въ общемъ имуществѣ. Въ 1727 г.,

1) См. И. В. Лучицкій, назв. ст., сс. 19—20.

2) Рум. Опись, въ библіотекѣ Академіи Наукъ, т. 26, владѣльческія вѣдомости м. Сосницы, л. 603.

3) Рум. Опись, въ библіотекѣ кіевскаго университета, Кіевскій полкъ, Документы Кобижской сотни, т. IV, № 60.

напримѣръ, козакъ с. Звиничева ройской сотни Черниговскаго полка Василій Кужилный „з согласіемъ козака сотнѣ ройской жителя голубицкого Петра Кулчейки“ купилъ у козака Василія Шляхтуна „половинную часть пущи его Шляхтуновой вѣкуистой“ съ сѣножатями, криницами и рыбными ловлями. „И по той куплѣ— разсказывалъ Кужилный въ 1757 г. — я с помянутимъ сябромъ своимъ Кулчейкою во всемъ прописанномъ половинною частю донинѣ владѣю“, а въ этомъ году продалъ свою половину [1]). Въ 1724 г. жители с. Мутина въ Нѣжинскомъ полку Михайло, Гаврило, Иванъ и Ѳедоръ Приходки и Никифоръ Горбачъ „продалы чтири части озера, зовомого Чертомля, зо всякими пригодми, и еще к тому двѣ озерцѣ, а к тому которая тамъ есть лоза, осока і дубровка една Горбачева... которое то озеро отци тихъ продавцовъ за гроши купили“. „Ми--заявляли при этомъ продавцы—свою часть половину вишше именованыи Приходки і Ныкифоръ Горбачъ из дубровкою третую часть, которую імѣлъ съ своими братами у ихъ половинѣ, продали доброволне інокамъ святой обителы Петропавловской Глуховской во вѣчное владѣные“ [2]). При совмѣстной покупкѣ земли части отдѣльныхъ владѣльцевъ, конечно, могли быть съ самаго начала не равны между собою. Въ 1749 г., напр., козаки с. Свидовца Леско и Григорій Матвѣенки покупаютъ на 12 дней пахотнаго поля, „токмо Григорія третая часть, а Леску Матвѣенку двѣ части“ [3]).

Наконецъ, искусственное сябринство образовывалось также путемъ продажи и покупки земель, находившихся уже въ сябринномъ владѣніи. Покупатель той или иной части сябринной земли самымъ фактомъ такой покупки вступалъ въ сябринный союзъ, устанавливалъ „сяберство“ между собою и лицами, владѣвшими другими частями этой земли. „Я, Максимъ Васковъ сынъ з Любеча, по прозвиску Нѣжинецъ,--говорится въ одномъ документѣ 1679 г.—продалъ половину грунту всего, отъ мала до велика, и поле, и сѣножати, криници и що належитъ, що ми з братомъ моимъ Процикомъ били купили у Семена Чорного за копъ шесть без пулзолотого, я тежъ Максимъ продалемъ Гурину Зубашенку за суму грошей золотихъ девять свою половицю всю вечними часи, же (такъ что) я, Максимъ, не маю части жадной (никакой), а нѣ дѣти мои, тилко Гурину волно буде продатъ, даровать и самому будовать (строить), яко на своемъ добромъ купленномъ грунтѣ, я тежъ, Максимъ Васченко, вимовляю собѣ двѣ соснѣ бортнихъ у Конскомъ, а мой братъ Процикъ сяберство маетъ из Гуриномъ Зубашенкомъ, поки Богъ

1) Рум. Опись, въ библіотекѣ Академіи Наукъ, т. 9, л. 474.

2) Документы монастырей, переданные изъ архива Черниг. Каз. Палаты въ библіотеку кіевскаго университета, № 1616/964.

3) Рум. Опись, въ библіотекѣ кіевскаго университета, Кіевскій полкъ, Документы Кобижской сотни, т. I, № 77.

позволить“ [1]). Въ другомъ случаѣ нѣкая Настя Архипиха, жившая въ с. Петрушахъ въ любецкой сотнѣ Черниговскаго полка, продала въ 1714 г. „часть отчины“, купленную ея покойнымъ мужемъ и „в сябровствѣ мѣючую з людми“, двоимъ изъ своихъ сябровъ, „имъ двомъ по половини“ [2]). Но и въ тѣхъ случаяхъ, когда „сяберство“ покупателя части сябринной земли съ владѣльцами другихъ частей ея не оговаривалось прямо въ купчей, оно вытекало изъ всего содержанія послѣдней. Вотъ одинъ изъ типичныхъ случаевъ такого рода. Въ 1737 г. „обиватель кисловскій и козакъ сотнѣ любецкой“ Федоръ Моцикъ, „имѣючи в Кисловскомъ грунтѣ частку свою власную“, продалъ „с оной своей частки половину бору Гаврилѣ Быховцу с углядомъ и з деревомъ бортнимъ и з землею... и где имѣется минѣ якая частка въ бору, то такая и ему, Гаврилу Быховцу“ [3]). Покупатель перенималъ въ этомъ послѣднемъ случаѣ отъ продавца право на половинную долю его „частки“ въ сябринномъ „грунтѣ“, тѣмъ самымъ становясь и самъ участникомъ сябриннаго владѣнія, такимъ же сябромъ, какъ и всѣ остальные, имѣвшіе свои „частки“ въ этомъ владѣніи. Иначе и быть не могло, такъ какъ сябринная „частка“ знаменовала собою не отведенный въ натурѣ, строго отграниченный участокъ земли, а лишь право на полученіе опредѣленной доли въ „общей“, „совокупной“ землѣ и потому неизбѣжно вовлекала своего владѣльца въ сябринный союзъ.

Возникалъ ли такой союзъ естественнымъ путемъ изъ разросшагося и затѣмъ распавшагося на отдѣльныя семьи рода, создавался ли онъ искусственно, соединялъ ли онъ въ себѣ сябровъ-родичей съ сябрами, вошедшими въ союзъ искусственными путями, — во всѣхъ этихъ случаяхъ одинаково онъ являлся настоящимъ собственникомъ „совокупныхъ“ земель и угодій и соотвѣтственно ограничивалъ права отдѣльныхъ своихъ членовъ. Отдѣльные сябры, правда, передавали свои „части“ по наслѣдству, могли завѣщать ихъ, могли продавать и дарить ихъ, и въ полномъ объемѣ, и по частямъ. Но это право отдѣльныхъ сябровъ на распоряженіе своими „частями“ подвергалось и ряду существенныхъ ограниченій, вытекавшихъ изъ правъ всего сябриннаго союза въ его цѣломъ, правъ, которыя были тѣсно связаны съ первоначальной природой этого союза, какъ союза лицъ, соединенныхъ между собою кровнымъ родствомъ и на такомъ родствѣ основывавшихъ свои права на владѣемую ими землю.

Пока доля отдѣльнаго сябра переходила по наслѣдству или завѣщанію къ его дѣтямъ и вообще къ прямымъ его потомкамъ и наслѣдникамъ, такой переходъ не встрѣчалъ для себя никакихъ пре-

---

[1]) Рукопись библіотеки А. М. Лазаревскаго; связка документовъ п. з.: „Разныя старинныя крѣпости, отобранныя у подданныхъ“.

[2]) Рум. Опись, въ библіотекѣ Академіи Наукъ, т. 8, л. 224

[3]) Тамже, т. 3.

пятствій. Сябринныя доли, какъ и всякое семейное имущество, свободно передавались отъ отцовъ къ дѣтямъ, естественно подвергаясь при этомъ съ теченіемъ времени все большему и большему дробленію. Но какъ только тотъ или иной сябръ рѣшалъ разстаться съ своей долей, продать ее, подарить или вообще отчудить какимъ-либо способомъ, такъ немедленно на сцену выступали права сябриннаго союза. Доля отдѣльнаго сябра, заключавшая въ себѣ право пользованія опредѣленною частью „сококупныхъ“ земель и угодій, являвшихся общей собственностью всего союза, могла быть отчуждаема лишь съ согласія всѣхъ членовъ послѣдняго, причемъ по возможности должна была оставаться въ ихъ же владѣніи и лишь въ крайности могла быть передана въ руки человѣка, бывшаго раньше для даннаго союза сябровъ постороннимъ, „чужимъ“ человѣкомъ. Въ этомъ случаѣ какъ нельзя болѣе ярко сказывалось происхожденіе сябринныхъ отношеній изъ стараго родового союза, родового владѣнія землею. Сябръ, желавшій продать свою долю, долженъ былъ „объявить“ объ этомъ остальнымъ своимъ сябрамъ и прежде всего среди нихъ искать себѣ покупщика. Но и тогда, когда покупщикъ находился именно въ этой средѣ, лишь согласіе остальныхъ сябровъ могло придать заключаемой сдѣлкѣ полную силу. Въ 1726 г. Романъ Тарасевичъ, „имѣючи грунтъ свой власній, прозиваемій Мешелѣвскій, въ грунтѣ Величковскомъ обрѣтающійся“, продалъ его, „яко ближайшему в помянутомъ Величковскомъ грунтѣ сябру и помѣжнику“, епископу Иродіону Жураковскому „в домъ архіерейскій Катедри Чернѣговской“, но продалъ, какъ заявлялъ онъ въ выданной имъ купчей, „обвѣстившись сродникомъ своимъ, Николаю Тарасевичу дядку і протчіимъ, і сябрамъ“ [1]). Въ 1734 г. козаки с. Кротина любецкой сотни Черниговскаго полка Іосифъ и Семенъ Кононенки продали Пантелеймону Мокріевичу „частки свои власние отцевские... в лѣсѣ Мокрецѣ в низкомъ бору“. „Продалисмо—писали они при этомъ въ купчей—свои частки з землею и дубровою, вутчиною, з углядами, до того способное дерево на угляди, з сѣножатми, з рудою и со всякими угодии, до тихъ частей належачими, за согласиемъ братовъ и сябровъ нашихъ, где иле колвекъ (сколько бы то ни было) въ тихъ означенихъ урочищахъ знайдуется братомъ и сябромъ нашимъ“ [2]). Съ теченіемъ времени, впрочемъ, установился, повидимому, такой порядокъ, что при продажѣ земли внутри сябриннаго союза, отъ сябра къ сябру, не требовалось обязательно согласіе остальныхъ сябровъ, не участвовавшихъ непосредственно въ данной сдѣлкѣ. По крайней мѣрѣ, отъ XVIII вѣка сохранилось большое количество и такихъ купчихъ на сябринныя земли и угодья, въ которыхъ упоминается, что данныя земли и угодья поступаютъ отъ продавцовъ къ покупателямъ,

---

[1]) Рум. Опись, въ библіотекѣ Академіи Наукъ, т. 7.
[2]) Тамже, т. 2.

какъ къ „ближайшимъ“ или „помежнымъ“ сябрамъ, но нѣтъ упоминанія о согласіи на эту сдѣлку со стороны остальныхъ сябровъ. Въ 1731 г., напр., посполитый черниговскаго женскаго Пятницкаго монастыря продаетъ купленную раньше имъ самимъ часть Величковскаго грунта черниговскому епископу Иродіону Жураковскому, какъ „ближайшему сябру“, ничего не говоря о согласіи на это другихъ своихъ сябровъ въ Величковскомъ грунтѣ [1]). Подобнымъ же образомъ въ 1743 г. жители м. Любеча Радко, Иванъ и Аврамъ Усенки продаютъ ниву „пану Константиновичу, яко помѣжному нашему сяброви“ [2]). Въ 1745 г. попадья Анастасія Красковсковна (Красковская по отцу) съ братомъ и сыновьями продала ниву съ лѣсомъ козаку любецкой сотни Василію Савичу, „яко близшему своему сяброви“. Четыре года спустя она же за неуплаченный долгъ отдала въ залогъ на два года вдовѣ Савича „д. Семендеи з пляцами и со всѣми к ней принадлежащими угодиями, лесами, дубровами, такожъ и пахотними полями и на великомъ болотѣ отъ всѣхъ сябровъ половина сѣнокосу“, а въ 1751 г. и окончательно уступила ей эти владѣнія [3]). И такихъ случаевъ уступки сябринныхъ земель сябрамъ же, безъ упоминанія о согласіи на эту уступку остальныхъ сябровъ можно было бы привести изъ актовъ XVIII вѣка еще очень много.

Но продажа и всякаго рода уступка сябринныхъ земель въ постороннія руки, въ руки лица, не принадлежавшаго къ данному сябринному союзу, всегда требовала согласія всѣхъ сябровъ. Необходимость этого согласія въ случаяхъ такой уступки чувствовалась и сознавалась особенно остро благодаря самому характеру сябриннаго союза. Въ 1799 г. сябры с. Переписи, говоря о купчихъ, на основаніи которыхъ они владѣли расположенными при ихъ селѣ лѣсами, заявляли, что эти купчія суть „доброволніе зделки между родоправнаго состоянія людей, а не на сторону и не въ сторонніе руки и какой-либо другой родъ“ [4]). Являясь прямымъ наслѣдникомъ родового союза, союзъ сябринный, подобно своему предшественнику, выпускалъ землю изъ своего владѣнія, изъ рукъ своихъ членовъ лишь съ общаго ихъ согласія и налагалъ соотвѣтственныя обязательства на каждаго изъ нихъ. Когда въ 1736 г один изъ сябровъ с. Переписи, „будучи мертво пяній“, продалъ свой „уступъ“ постороннему „мимо вѣдома жителей перепискихъ, а сябровъ своихъ“, онъ, придя въ сознаніе, немедленно уничтожилъ выданную купчую и въ новой купчей, данной уже одному изъ сябровъ, наложилъ на себя зарокъ, что, если онъ еще продастъ кому постороннему свои „сябрскіе вотчицкіе части“, то „за тако-

[1]) Документы монастырей, переданные изъ архива Черн. Каз. Палаты въ б-ку Кіев. ун-та, № 1616/2742, л. 8.
[2]) Рум. Опись, въ библіотекѣ Академіи Наукъ, т. 8, л. 765.
[3]) Тамже, т. 6.
[4]) См. у И. В. Лучицкаго, назв. ст., с. 18.

вую продерзость, легкомислность и самоволство до скарбу войскового штрафа двѣстѣ рублей положить и публѣчно въ градахъ Глуховѣ или Чернѣговѣ безъ пощадѣнія на тѣлѣ киями наказаніе принять имѣетъ" [1]). Продажа въ постороннія руки, совершенная безъ вѣдома и согласія сябровъ, считалась такимъ образомъ недѣйствительной и могла быть уничтожена. И это представленіе о сябринной землѣ, какъ о землѣ, преимущественное право покупки которой принадлежитъ сябрамъ и которая не можетъ быть продана на сторону безъ ихъ согласія, было настолько распространено въ мѣстностяхъ сябриннаго землевладѣнія и такъ прочно держалось въ умахъ населенія, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ мѣстная администрація находила возможнымъ даже совершенно запретить продажу сябринныхъ земель и угодій постороннимъ лицамъ. Такъ, въ 1723 г. нѣжинская полковая старшина по просьбѣ Омбышскаго монастыря особымъ универсаломъ воспретила козакамъ с. Омбыша продавать свои земли кому-либо, кромѣ монастырскихъ посполитыхъ, во избѣжаніе возможныхъ обидъ монастырю въ его земляхъ отъ постороннихъ сябровъ [2]). Съ другой стороны, сябры въ силу того же самаго представленія обладали и правомъ выкупа проданныхъ и заложенныхъ сябринныхъ земель. Такой выкупъ прямо и аргументировался ссылкою на „сябровство" выкупающаго. Въ 1692 г., напр., „товаришъ и житель петрушинскій" Стефанъ Шихуцкій выкупилъ съ своимъ сыномъ отъ Мелешка Алексѣенка, жителя постовбицкаго, грунтъ Стѣгинскій, „яко ему призвоито (пристойно) в кревности найдуючомуся, такъ же и въ сябровствѣ по своихъ ему грунтахъ ближшому до грунту Стѣгинского" [3]).

Если каждый отдѣльный членъ сябриннаго союза былъ такимъ образомъ до извѣстной степени стѣсненъ въ своемъ распоряженіи сябринными землями и угодьями, то весь союзъ въ цѣломъ, какъ настоящій собственникъ этихъ земель и угодій, могъ свободно распоряжаться ими, продавать ихъ, дарить, отдавать подъ тѣми или иными условіями на сторону. „Я, Сидоръ Кузменко, житель кротинский тракту любецкого,—говорится въ одномъ документѣ 1708 г.—зо всими сябрами своими кротинскими и покревними своими далними и ближними чинимъ вѣдомо симъ нашимъ доброволнимъ записомъ... ижъ ми продали ниву... Василю Кудлаченку, жителю сенюковскому" [4]). Сябры с. Стараго Бѣлоуса въ Черниговскомъ полку въ началѣ XVIII вѣка обмѣнялись частью своихъ земель съ черниговскимъ архіепископомъ. Сябры с. Орловки въ

---

[1]) См. тамже, сс. 24—5.

[2]) См. мою книгу „Къ исторіи Нѣжинскаго полка", СПБ. 1896, приложенія, № 3.

[3]) Рум. Опись, въ библіотекѣ Академіи Наукъ, т. 9, л. 339.

[4]) Рукопись библіотеки А. М. Лазаревскаго; связка документовъ п. з: „Разныя старинныя крѣпости, отобранныя у подданныхъ".

Нѣжинскомъ полку, какъ показывали нѣкоторые изъ нихъ въ 1768 г., разрѣшили генеральному подскарбію Михаилу Скоропадскому сдѣлать „окопъ" въ ихъ общей пущѣ, и онъ такой окопъ „з вѣдома, прошения и дозволения всего села Орловки козаковъ и посполства к гаченю греблѣ з свободной къ селу Орловки принадлежащей пущи закопалъ" [1]). Въ 1691 г. въ с. Жукоткахъ любецкой сотни Черниговскаго полка Юско, Андрей, Лесь, Иванъ, Федоръ и Михайло Злобы и Иванъ Молявка отвели сообща землю мѣстному священнику вмѣсто сбора „осенщины". „Мы всѣ единостайне братерство,— писали они въ актѣ этого отвода—такую взявши здавна пораду и внутрную любовь, завели на церковь господину отцу Карпу Рогачевскому, священнику жукоцкому парафиялному, дуброву под селомъ Жукотками... межею і копцами положилисмо, тактежъ і сѣножатокъ двѣ при той же дубровѣ умѣжки подаемо вѣчными часы... власные наши грунта отчизные і дѣдизные, якъ наши отцѣ и дѣди надавали грунта обрубомъ на церковь священникамъ любецкимъ, такъ и мы тымъ же способомъ подаемо тотъ грунтикъ вѣчными часы на церковь святителя Христова Николая въ селѣ Жукоткахъ, і господину отцу Карпу волно будетъ розробляти і пожитокъ собѣ привлащати, а в насъ, вышпомененныхъ особъ, не вспоминатсе осенсчины за лѣта идучие, якъ наши предки не давали священникамъ осенщины, такъ и мы тое стверҗаемъ господинамъ, зостаючимъ при церкви въ селѣ Жукоткахъ" [2]). Подобнымъ же образомъ сябры с. Мокрыхъ Величокъ, вмѣсты платы „роковщины" причту, состоявшему при церкви Рождества Богородицы въ Любечѣ, отвели этому причту землю—„Кленовскій островъ" [3]). И такой же порядокъ совмѣстнаго отвода сябрами земли для причтовъ мѣстныхъ храмовъ существовалъ и во многихъ другихъ селахъ.

Какъ собственники общихъ земель, сябры сообща вели и судебные процессы, касавшіеся этихъ земель [4]). И, если даже споръ шелъ о части одного какого-либо сябра, на судъ вызывались и другіе сябры, участвовавшіе во владѣніи общей землей [5]). Если же

---

[1]) См. мою рецензію на второй томъ „Описанія старой Малороссіи" Лазаревскаго („Отчетъ о тридцать седьмомъ присужденіи наградъ гр. Уварова" и отдѣльно „Къ исторіи Нѣжинскаго полка", Спб. 1896, с. 58).

[2]) Документы монастырей, переданные изъ архива Черниг. Каз. Палаты въ библіотеку кіевскаго университета, № 1616/2886.

[3]) Тамже 1616/2804.

[4]) Рукопись библіотеки А. М. Лазаревскаго; связка документовъ п. з.: „Разныя старинныя крѣпости, отобранныя у подданныхъ", документъ 17 іюня 1677 года.

[5]) Въ 1705 г. козакъ с. Сибережа Федоръ Пузикъ, „мѣючи, какъ писалъ онъ въ своей купчей, въ грунтѣ Антоновскомъ, Шибириновскомъ и Гирманскомъ судомъ полковимъ таковую жъ часть, якая и Кудрамъ Стефану и Павлу, подчасъ зебрания всѣхъ сябровъ присуженую", продалъ эту часть, „во всѣхъ трехъ грунтахъ половину отъ Кудровъ... во всемъ, въ по-

этотъ порядокъ не соблюдался и судъ, не вызывая всѣхъ сябровъ, привлекалъ къ дѣлу лишь часть ихъ, наиболѣе непосредственно въ немъ заинтересованную, они усматривали въ этомъ существенную неправильность, которая должна была повести къ отмѣнѣ судебнаго приговора [1]).

Ограничивая права отдѣльныхъ своихъ членовъ на распоряженіе сябринными землями и угодьями, сябринный союзъ не оставлялъ безусловно свободнымъ и право пользованія этими землями. Сидя на „общихъ", „совокупныхъ грунтахъ" большого сябриннаго союза, отдѣльныя семейныя группы и выдѣлившіяся семьи вели, правда, обособленное хозяйство. Каждая изъ нихъ самостоятельно „разробляла дубровы" подъ поля, „расчищала сѣножати", выглядывала въ лѣсахъ „дерево, до борти зго̂жое", и устраивала себѣ борти, ловила рыбу въ рѣчкахъ, озерахъ и „калюгахъ", но все это она могла дѣлать лишь въ части, выпадавшей въ общемъ владѣніи на ея долю, сообразуясь съ „частями", „жребіями" и „паями" другихъ семейныхъ группъ и отдѣльныхъ семей, входившихъ въ составъ сябриннаго союза. Для опредѣленія этихъ „частей", „жребіевъ" и „паевъ" въ натурѣ сябрами время отъ времени производились „подѣлы", свѣдѣнія о которыхъ сохранили намъ нѣкоторые документы XVIII вѣка. Такъ, напримѣръ, въ одной купчей 1711 г. продавецъ, житель с. Бохановъ, заявляетъ, что онъ продаетъ „частку дуброви, у подѣлѣ зосталую отъ сябровъ у Копачевѣ" [2]). Или вотъ другой, еще болѣе характерный случай. Въ 1735 г. козакъ с. Кислыхъ Иванъ Мануйленко заявилъ передъ черниговскимъ магистратомъ, что, „имѣючи онъ въ пущи Кисловской въ шестой части, которая значковому товарищу Елисѣю Рященку и козаку любецкой сотнѣ жителю кисловскому Якиму Щуковскому належить по три долѣ, то есть имъ двомъ шесть частей, а семая часть отцу его, продавци, Артему Манойленку, козаку кисловскому, зъ его трома братами Семеномъ, Герасимомъ и Сергѣемъ Манойленками, од семой части своей зъ братами своими отческой четвертую часть, ему по отцу, кромѣ братовъ, надлежащую во всемъ, якъ она в себя имѣется и по отцу ему надлежитъ, з доброй своей волѣ продалъ

ляхъ, сѣножатяхъ и дубровахъ", Сем. Еф. Лизогубу — Рум. Опись, въ библіотекѣ Академіи Наукъ, т. 8, л. 490 — об. И. В. Лучицкимъ (назв. ст., с. 26) по ошибкѣ содержаніе этого документа передано такъ, какъ будто часть Пузика была присуждена ему собраніемъ сябровъ.

[1]) Такъ, въ 1768 г. козаки с. Орловки, ведя процессъ съ Як. Мих. Скоропадскимъ за принадлежавшую къ этому селу пущу, просили отмѣнить постановленный въ пользу Скоропадскаго приговоръ земскаго суда, какъ неправильный, такъ какъ судъ не вызвалъ всѣхъ участниковъ владѣнія, хотя козаки и заявляли, что они „не едни въ той пущи,... но суть многіе владѣлци и сябри, яко то посполитие въ с. Орловкѣ жителствующие... Ив. Ив. Неплюева и прочіе".—Архивъ Черниг. Окружн. Суда, Дѣла Гражданскія, № 143.

[2]) Рукопись библіотеки А. М. Лазаревскаго; связка документовъ п. з.: „Разныя старинныя крѣпости, отобранныя у подданныхъ".

онъ Иванъ Манойленко черниговскому судовому писаровѣ пану Григорию Максимовичевѣ за сумму готовихъ денегъ копъ двадцять монети россійской (кромѣ грунту пахотного, которимъ онъ, продавца, нинѣ владѣетъ)... а онъ, продавца, самъ себе с потомками и рода своего з поссессіи той проданной части пущи Кисловской видѣдичилъ и цѣле отдалилъ". Такимъ образомъ Иванъ Мануйленко продалъ Максимовичу четвертую часть седьмой части въ шестой части Кисловской пущи. И, совершая эту продажу, онъ въ купчей прибавлялъ: „и ежели бъ де имѣлъ быти подѣлъ всѣмъ сябрамъ, то и ему, пану Максимовичу, видѣленна быть имѣетъ часть тая, которая по отцевѣ его (Мануйленка) ему надлежала" [1]). Въ с. Переписи въ 1716 г. сябры произвели „подѣлъ" одного изъ своихъ угодій, „сѣножати Ястребницы". Они подѣлили этотъ сѣнокосъ на 17 „частей" или паевъ между 17 сябрами, а оставшуюся его часть дали семейной группѣ, состоявшей изъ четырехъ семей,— „имъ отрубомъ дали, гдѣ они сами схотели" [2]). Какъ видно изъ этого случая, отдѣльныя сябринныя угодія раздѣлялись на паи, которые затѣмъ и отводились сябрамъ, каждому въ мѣру его участія въ общемъ владѣніи. Для обозначенія этой мѣры существовалъ еще особый терминъ — „грошъ". Въ 1704 году козакъ с. Сибережа Семенъ Лепеха, „мѣючи въ Любетщинѣ и Кротинщинѣ и во всякихъ надлежитостяхъ грунтовихъ, з которихъ то я своихъ добръ власнихъ купчихъ выймуючи часть во всѣхъ озерахъ полтора гроша мнѣ надлежачихъ, именно в езерѣ Болгачѣ и в озерѣ Домашнемъ, Избищѣ и Колизни и Полчищи", продалъ любецкому священнику Артемію [3]). Въ 1729 г. козачка с. Кротина съ зятемъ „при сябрахъ своихъ продала и уступила на вѣчность" своему сябру, любецкому сотнику Ивану Савичу „часть свою власную... въ островѣ, на Днѣпрѣ будучомъ, прозиваемомъ Завихвостѣ, противъ озера, зовемого Бѣловода, найдуючомся, въ сѣножатехъ, въ зарослехъ, въ деревѣ бортномъ и до бортей згодномъ, в криницахъ и во всякихъ угодияхъ, а именно грошъ оденъ Иноразовскій, да полгроша без третей части, мнѣ от Мини Мороза, жителя и козака кротинского, належного, и у полъгроши часть четверту отъ Сидоренковъ, жителей и козаковъ же кротинскихъ" [4]).

Находящіеся въ нашемъ распоряженіи источники не позволяютъ, къ сожалѣнію, отвѣтить на вопросъ, какъ часто производи-

[1]) Архивъ Черниговской Казенной Палаты, по описи, № 1735, л. 11—об. Ср. замѣтку, найденную И. В. Лучицкимъ въ бумагахъ Константиновича: „когда будутъ дѣлить лугъ Козловскій, то намъ слѣдуетъ получить на Евтуховой части половину, а потомъ съ остальной Евтуховой части третую часть; на Федьковой части — третую часть, т. е. часть намъ, часть священнику, часть всѣмъ козакамъ Федькамъ" (И. В. Лучицкій, назв. ст., с. 26).

[2]) См. у И. В. Лучицкаго, назв. ст., с. 26.

[3]) Рум. Опись, въ библіотекѣ Академіи Наукъ, т. 6.

[4]) Тамже, т. 8, л. 755 об.

лись сябрами такіе „подѣлы". На основаніи существующаго матеріала можно лишь сказать, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сябрами практиковались въ XVIII вѣкѣ ежегодные передѣлы земель. Къ такому заключенію, по крайней мѣрѣ, приводитъ случай, указанный проф. Лучицкимъ для д. Козловъ любецкой сотни. Одинъ изъ сябровъ этой деревни заложилъ свой пай, три сѣнокоса по 12 возовъ каждый, „кои сѣнокосы,—говорится въ актѣ залога — каждый годъ ходя между сябрами порознь, когда который между сябрами доведется къ скосу, долженъ быть (кредиторомъ) скошенъ на 12 возъ" [1]). Въ данномъ случаѣ сябръ передалъ своему кредитору не опредѣленную часть земли, а лишь право пользованія въ опредѣленныхъ размѣрахъ, и только его и могъ передать, такъ какъ самые сѣнокосные паи ежегодно передѣлялись, „ходили между сябрами порознь", изъ рукъ въ руки. Иногда же, въ особенности по отношенію къ такимъ угодьямъ, какъ озера, сябрами примѣнялся другой порядокъ пользованія, сводившійся къ установленію очередного пользованія, къ смѣнѣ его по годамъ, причемъ такая смѣна опредѣлялась опять-таки въ зависимости отъ размѣровъ частей, принадлежавшихъ каждой семьѣ или каждой семейной группѣ сябровъ въ общемъ владѣніи. Такъ, напр., въ эпоху Румянцевской Описи у Анастасіи Полуботковой въ Черниговскомъ полку было, — по ея показанію, — „обще владеемихъ погодно озеръ: Домашнее, Кузобъ съ Любецкимъ монастыремъ и сотникомъ любецкимъ Посудевскимъ; Круговатъ зъ сотникомъ любецкимъ Посудевскимъ и козаками деревнѣ Мисовъ Теремецкими и Красковскими; Речище съ козаками деревнѣ Козловъ; Ориловъ съ монастыремъ Катедралнимъ Чернѣговскимъ и козаками села Неданчичъ" [2]). Часть этихъ озеръ была продана Посудевскому въ 1750 г. Именно Өеодосія Красковская съ сыномъ продали въ этомъ году Посудевскому,—какъ писали они въ своей купчей, — „надлежащую от сябровъ нашихъ всего села Красковскихъ жителей на нихъ четвертую часть в озерахъ мисовскихъ: Домашнемъ, Козубѣ, да в Кукарскыхъ Тіоснахъ, сколко ихъ тамъ тоней имѣется, и в протчіихъ в дачахъ мисовскихъ криницяхъ, нѣчего на себе не виймуя,... позволившы ему, пану сотнику, вишеписанными проданними рибними ловлями въ уроченние на всѣхъ Красковскихъ сябровъ нашыхъ года четвертую часть владѣть" [3]). И это не было только узко мѣстное явленіе. Такой порядокъ пользованія озерами практиковался сябрами и въ другихъ мѣстностяхъ. Въ 1752 г. козаки с. Мелни въ Нѣжинскомъ полку Андрей Книшъ съ четырьмя своими сыновьями и Артемъ Дюрдикъ въ выданной ими бунчуковому товарищу Ивану Костенецкому купчей заявляли: „мѣючи власное наше отцевское... озеро

---

[1]) И. В. Лучицкій, назв, ст., с. 27.

[2]) Рум. Опись, въ библіотекѣ Академіи Наукъ, т. 7.

[3]) Тамже.

Великую Гороховку, обрѣтаючееся за тѣмъ же селомъ Мелнею, зо всѣми до него будучими калюгами, въ якомъ озерѣ и калюгахъ братовъ нашихъ Дмитра Книша и Якова Дюрдика, да племѣнника Ѳедора Книшенка двѣ части, а намъ третая часть, полѣтне отдѣленна, теди оную нашу третую часть озера Великой Гороховки зъ прилеглими калюгами за вѣдомомъ и дозволениемъ мененнихъ (названныхъ) братовъ и племѣнниковъ нашихъ... продали во вѣчность" [1]. Временами же этотъ порядокъ пользованія примѣнялся и къ другимъ угодіямъ, чаще всего, повидимому, къ сѣнокосамъ. Въ 1689 г. козакъ с. Бабы въ Черниговскомъ полку продалъ сосницкому священнику Даніилу за 150 золотыхъ „грунтъ" съ садомъ, огородомъ, съ полемъ во всѣхъ трехъ рукахъ и, кромѣ того, „синожать третюю часть и в гаи третую часть: или тежъ третого року косити из Аѳанасіемъ Волошиномъ, на тотъ часъ атаманомъ бувшимъ сосницкимъ, два роки (года) Аѳанасію косить, а третего року отцу Данілию" [2]. Подобнымъ же образомъ козакъ с. Горбова въ Черниговскомъ полку, Трофимъ Филипповъ Горбель, получивъ по смерти своего двоюроднаго племеянника Калениченка „сѣнокоса частку, коя на его спадала, противъ другихъ братовъ моихъ Горбеловъ двухъ Трохима Иванова сина да Ивана Иванова сина спадаючую", и продавая въ 1757 г. эту „часть его, Калениченка, третую" козаку Костяну, въ выданной послѣднему купчей прибавлялъ: „а косить позволяю я оную сѣножать з нами, Горбелями, противъ прежнего погодочного, якъ оная и нами косилась, годъ — тотъ, а на другой—другимъ" [3]. По мѣрѣ дробленія сябринныхъ угодій и соотвѣтственнаго мельчанія паевъ случаи такого очередного пользованія, естественно, должны были становиться болѣе частыми и, насколько можно судить по сохранившимся источникамъ, въ XVIII столѣтіи этихъ случаевъ, дѣйствительно, встрѣчалось уже значительно больше, чѣмъ въ предыдущемъ вѣкѣ.

Въ той или иной степени измельчаніе сябринныхъ паевъ съ теченіемъ времени являлось во всякомъ случаѣ почти неизбѣжнымъ. Съ разростаніемъ сябриннаго союза, совершавшимся частью въ силу естественнаго роста семей отдѣльныхъ сябровъ, частью вслѣдствіе вступленія въ составъ союза постороннихъ. первоначальные „жребіи" и „части", установленные въ земельныхъ владѣніяхъ союза, подвергались дальнѣйшему дробленію, дѣлились въ свою очередь на все болѣе мелкія „частки" и „пайки". Вотъ нѣсколько

---

[1]) Тамже, т. 55. Въ 1753 г. тому же Костенецкому продали свою третью часть въ этомъ же озерѣ Федоръ Книшъ и Потапъ Дюрдикъ, а въ 1763 г.— свою часть (какую именно, въ купчей не указано) — Яковъ Дюрдикъ; въ томъ же 1763 г. Федоръ, Мелентій и Артемъ Книши продали свою часть генеральному подскарбію Вас. Гудовичу,—тамже.

[2]) Документы монастырей, переданные изъ архива Черниг. Каз. Палаты въ библіотеку кіевскаго университета, № 1616/189.

[3]) Рум. Опись, въ библіотекѣ Академіи Наукъ, т. 4.

примѣровъ, способныхъ наглядно показать, какъ шелъ этотъ процессъ и къ какимъ результатамъ онъ приводилъ.

Въ самомъ концѣ XVIII вѣка владѣлецъ селъ Сенюковъ и Кротина писалъ о двухъ принадлежавшихъ этимъ селамъ „островахъ“ (лѣсныхъ урочищахъ), „въ которыхъ сѣнокосы, болота и боръ“: „съ оныхъ островов половина принадлежить мужикамъ господскимъ, сенюковскимъ пять долей, а кротинскимъ одна доля, то есть половина; а другіе шесть долей, то есть половина, принадлежить козакамъ кротинскимъ и бохановскимъ Тищенкамъ, да владѣлцамъ, кои вкупилися въ козачіе части, Савичу, Комаровскому, Силичу, Добронизкому, князю Кекуатову, маіору Мелникову, Левандовской и Григоровичу, да козакамъ хмельницкому Симоненку, сибережскому Сапѣги и пушкарю сибережскому Тетерѣ; на оныхъ островахъ сѣнокосами, которые ежегодно скошиваются, раздѣльно владѣютъ, а болота, которые скошиваются въ сухіе года, и боры нераздѣльные“ [1]). Не менѣе характерно относящееся къ тому же времени показаніе владѣльца о земляхъ д. Веребьева. „Островъ, называемый Новая Зимница, онъ же и Веребіовщина,—писалъ онъ въ этомъ показаніи — издревле принадлежалъ и нынѣ принадлежитъ до деревни моей Веребіова, жителямъ веребіовскимъ, подданнымъ моимъ и козакамъ; часть котораго острова когда въ 1698 г. Варвара Орловская, обывателька веребіовская, продала Троецкому монастырю, то тогда же жители веребіовскіе, участники въ немъ, отдѣля часть онаго монастырю, имъ въ Орловской купленную, сами остались владѣлцами другой части острова, имъ оставшагось, владѣли онымъ донынѣ между собою и владѣютъ безъ раздѣлу; съ сей же части нынѣ въ общемъ владѣніи состоящей онаго острова по участію моему въ ономъ принадлежитъ мнѣ по пожалованію на подданныхъ моихъ веребіовскихъ, прозиваемихъ Боршовъ, Лушней и Томилокъ, четырѣ части, а пять частей принадлежали козакамъ веребіовскимъ Пиликамъ и Пилипенкамъ, съ коими и со вкупщиками въ двѣ части Пиличиныхъ и въ три Пилипенковы владѣю я совмѣстно безъ раздѣлу“. „Въ д. Веребіовкѣ— говорится еще въ „выписи изъ экономическихъ книгъ“ этого имѣнія, относящейся къ 1792 г.,—грунтъ по леву сторону ровчака, которой через деревню идетъ, принадлежитъ мужикамъ веребіовскимъ Томилкамъ и Матвѣю Кириленку половина, а другая половина козакамъ Ивану Корнѣенку и Яцка Томилка наслѣдникамъ. Въ ономъ грунтѣ полемъ владѣютъ роздѣлно, а въ пущу въезжаютъ нероздѣлно“ [2]).

Въ параллель съ этими примѣрами можно привести рядъ другихъ, еще болѣе конкретными чертами обрисовывающихъ процессъ

[1]) Рукопись библіотеки А. М. Лазаревскаго; связка документовъ п. з.: „Разныя старинныя крѣпости, отобранныя у подданныхъ“.

[2]) Такжe.

постепеннаго дробленія сябринныхъ паевъ. Въ 1700 г. житель д. Антоновичъ Михаилъ Клименко съ женой своей Пелагеей Юрковной Жлобиной продаетъ свою „в грунте Антоновихъ в части Жлобинской Юрковой часть четвертую з дворомъ, огородами и з гумномъ, в деревѣ бортномъ и до бортя згожимъ, у яловцахъ, дубровахъ, лѣсахъ и борахъ, в сеножатехъ, и поляхъ, и роляхъ“ [1]). Въ 1719 г. одинъ изъ жителей с. Шибириновки продаетъ доставшуюся ему по отцу „в половици грунта Антоновского и Шибириновскаго“ [2]). Въ 1730 г. козакъ с. Кислыхъ, „имѣючи у пущи Кисловской от части Максимовской шестую часть“, продалъ „отъ той части моей шестой третюю часть“ [3]). Въ 1736 г. два козака того же села продали „дѣдизного нашего грунту часть бору въ островѣ, прозиваемомъ Щуковѣ, то есть в сугодной частѣ шестой во всего бору осмую часть в самомъ толко томъ островѣ Щуковѣ и в Засѣцкомъ лѣсу боръ и з землею и со всѣми угодиямы такъ, якъ и протчимъ сябрамъ, надлежащимы“ [4]). Въ 1755 г. другіе два козака того же села, имѣя „по куплѣ набитую отцемъ нашимъ... от бабки нашей... съ половини острова Злого з шестой чащи пущи двѣ части, а третую часть в той же пущи от... зятя означенной бабки нашей, кромѣ сябровыхъ частей, по куплѣ жъ доставшуюсь“, продали половину своей части, а половину оставили себѣ [5]).

Первоначальныя равныя доли, которыя получались отдѣльными сябрами въ моментъ перваго раздѣла, въ дальнѣйшемъ, какъ видно изъ приведенныхъ примѣровъ, дробились на новыя, все болѣе мелкія доли, причемъ такое дробленіе происходило частью вслѣдствіе передачи сябрами своихъ долей по наслѣдству, частью въ силу купли и продажи долей, совершавшейся между сябрами, частью, наконецъ, въ результатѣ „вкупли“ въ отдѣльныя доли лицъ, ранѣе бывшихъ посторонними для сябриннаго союза. При этомъ, въ зависимости отъ быстроты и характера дробленія той или иной первоначальной доли, доли отдѣльныхъ сябровъ уже очень скоро становились неравными, но вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ при всѣхъ своихъ переходахъ изъ рукъ въ руки неизмѣнно оставались лишь идеальными долями, предоставляя своимъ владѣльцамъ лишь право участія въ томъ или иномъ, опредѣлявшемся объемомъ его доли, размѣрѣ въ пользованіи землями и угодьями сябриннаго союза. Это право пользованія каждымъ отдѣльнымъ сябромъ могло не только передаваться по наслѣдству, но и быть отчуждаемо, съ со-

[1]) Рум. Опись, въ библіотекѣ Академіи Наукъ, т. 8, л. 546.
[2]) Документы монастырей, переданные изъ архива Черниг. Каз. Палаты въ библіотеку кіевскаго университета, № 1616/2766.
[3]) Рум. Опись, въ библіотекѣ Академіи Наукъ, т. 6.
[4]) Тамже.
[5]) Тамже, т. 9, л. 911.

гласія другихъ сябровъ, на сторону, и тѣмъ не менѣе оно не являлось правомъ собственности на сябринныя земли и угодья, которое, пока существовалъ сябринный союзъ, принадлежало лишь этому послѣднему во всей его совокупности.

По самому существу своему однако сябринный союзъ являлся не особенно крѣпкимъ владѣльцемъ земли и сябринная форма землевладѣнія не могла быть очень устойчива. Быстро развивавшееся дробленіе сябринныхъ паевъ, сопровождавшееся сложной и съ теченіемъ времени все болѣе усложнявшейся и пріобрѣтавшей все болѣе запутанный характеръ системой ихъ счета и опредѣленія, порождало большую путаницу во взаимныхъ отношеніяхъ отдѣльныхъ сябровъ и вмѣстѣ съ тѣмъ создавало крайнюю черезполосицу въ ихъ земельныхъ владѣніяхъ. А это, въ свою очередь вело къ возникновенію между сябрами частыхъ и до крайности запутанныхъ споровъ, распрей и тяжебъ, нерѣдко разрѣшавшихся рѣзкими столкновеніями. И въ результатѣ, чѣмъ быстрѣе развивался сябринный союзъ, тѣмъ скорѣе онъ подвигался къ моменту своего упадка.

Въ исторіи сябриннаго землевладѣнія въ лѣвобережной Малороссіи за XVII—XVIII столѣтія, поскольку эта исторія отразилась въ сохранившихся до насъ документахъ названной эпохи, явственно сказываются двѣ тенденціи, рѣзко противоположныя по своему характеру, но тѣмъ не менѣе одинаково ведшія къ разложенію сябриннаго союза и къ водворенію на его развалинахъ новыхъ формъ землевладѣнія. Съ одной стороны, по мѣрѣ того, какъ сябринный союзъ развивался все шире и все въ большемъ количествѣ вбиралъ въ себя элементы, первоначально чуждые лежавшему въ основѣ его роду, по мѣрѣ того, какъ съ этимъ разростаніемъ союза стиралось и слабѣло непосредственное чувство кровной близости, раньше связывавшее отдѣльныхъ его членовъ, онъ обнаруживалъ явное стремленіе освободиться отъ унаслѣдованныхъ имъ родовыхъ традицій и перейти въ сосѣдскую общину. Въ актахъ продажи земли, относящихся къ XVIII столѣтію, наряду съ упоминаніями о согласіи на такую продажу со стороны не только родныхъ, но и сябровъ, встрѣчаются и упоминанія о согласіи „помежниковъ". Иногда же эта послѣдняя формула совершенно вытѣсняетъ собою первую и мѣсто сябровъ, дающихъ свое согласіе на продажу земли, въ актѣ продажи рѣшительно заступаютъ сосѣди продавца, его „помежники". Въ 1761 г. козачка с. Безпалчого въ гелмязовской сотнѣ Переяславскаго полка продаетъ своему зятю лозу „за согласіемъ свойственниковъ и помѣжниковъ своихъ" [1]). Другая козачка этого села въ томъ же году продаетъ двѣ нивы „за согласіемъ

---

[1]) Рум. Опись, въ библіотекѣ кіевскаго университета, Переяславскій полкъ, Документы Гельмязовской сотни, т. III, № 154.

дѣтей и свойственыковъ своихъ, такожъ и помѣжниковъ" [1]). И это согласіе помежниковъ, по свидѣтельству актовъ, получалось путемъ такого же предварительнаго оповѣщенія ихъ о продажѣ, какое практиковалось по отношенію къ сябрамъ. Козакъ того же села Безпалчого, продавая въ 1761 г. свою ниву съ согласія родственниковъ, въ купчей прибавляетъ: „от мене о той продажи всѣмъ свойственникамъ и помѣжникамъ обявлыванно" [2]). Подобнымъ же образомъ козакъ д. Баклановой Муравейки въ Черниговскомъ полку, продавая въ 1737 г. свою ниву, въ купчей писалъ, что онъ совершилъ эту продажу, „облвившись такъ кревнимъ моимъ, близкимъ и далекимъ, яко тежъ и... помѣжникамъ освидѣтелствовалъся" [3]). Объявленіе о продажѣ земли помежникамъ требовалось потому, что за ними, опять-таки подобно тому, какъ это имѣло мѣсто по отношенію къ сябрамъ, признавалось преимущественное право на покупку. Соотвѣтственно этому въ актахъ XVIII вѣка нерѣдки указанія на то, что земля продается тому или иному лицу по праву его сосѣдства—„какъ ближайшему помежнику". Такъ, въ 1738 г. въ носовской сотнѣ Кіевскаго полка нѣкій Чайка продаетъ свои загоны, смежные съ загонами кіевскаго полкового обозного Андрея Шаулы, этому послѣднему, „яко ближайшому помѣжчиковѣ" [4]). Въ 1740 г. двое мѣщанъ продали свои дворы въ м. Березномъ Черниговскаго полка нѣкоему Григорію Сачевицѣ, „яко ближайшему помѣжнику". Въ 1758 г. вдова сотенного березинскаго хорунжаго продала сѣнокосъ значковому товарищу Карандѣ, „яко помѣжнику" [5]). Иногда эта краткая формула замѣнялась и болѣе пространной и точной формулировкой сосѣдскаго права. Такъ, въ 1736 г. козакъ с. Тиницы, продавая „ради нужди невносной" свой пляцъ и огородъ Крупицкому Батуринскому монастырю, мотивировалъ свою продажу „великой близкостью келіи монастирской, которой ради и право посполитое не токмо не возбраняетъ, лечъ и повелѣваетъ куповати всякому помѣщикови (помежнику) у помѣщика грунтъ праведною цѣною" [6]). Преимущественное право сосѣда на покупку продаваемой земли, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ приравнивалось такимъ образомъ въ сознаніи населенія къ обязательному правовому обычаю, представлялось вошедшимъ въ „право посполитое". Въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ такой обычай устанавливался путемъ специіальнаго договора, возникавшаго на почвѣ, уже подготовленной первоначаль-

---

[1]) Тамже, № 158.
[2]) Тамже, № 157.
[3]) Рум. Опись, въ библіотекѣ Академіи Наукъ, т. 4.
[4]) Тамже, т. 29, л. 581-об.
[5]) Тамже, т. 19.
[6]) См. мою книгу, „Къ исторіи Нѣжинскаго полка", СПБ. 1896, с. 61—2.

ными чисто сябринными отношеніями. Такъ, въ 1741 г. сябры с. Переписи въ Черниговскомъ полку заключили соглашеніе съ жителями с. Ваганичъ на счетъ размежеванія принадлежавшихъ имъ угодій и при этомъ постановили: „ежели бы кому зъ нихъ (жителей с. Ваганичъ) случилось отчину свою пустить въ продажу, то безъ вѣдома и согласія переписцовъ того учинить не имѣютъ; ежели хто похочетъ зъ насъ, переписцовъ, такую отчину заплатить, то (продавецъ) не постороннему кому, по намъ, переписцамъ, долженъ будетъ продать; такимъ же образомъ и мы, переписцы, мимо ваганцовъ постороннимъ людямъ впредь продавать не имѣемъ“ [1]).

Такъ въ нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, мѣстностяхъ сябринный союзъ постепенно перерождался въ сосѣдскую общину. Но рядомъ съ этой формой его перерожденія въ XVII - XVIII столѣтіяхъ развивалась и другая форма, и притомъ развивалась съ гораздо большей силой и быстротой. Эта другая форма сводилась къ установленію личной собственности на землю и подворнаго владѣнія ею.

По мѣрѣ того, какъ съ разростаніемъ сябриннаго союза неудобства сябриннаго землевладѣнія болѣе ощутительно давали себя знать отдѣльнымъ его участникамъ, часть послѣднихъ начинала стремиться къ окончательному раздѣлу земель союза, къ „правной роздѣлкѣ“ ихъ и передачѣ въ полную собственность отдѣльныхъ семей. И такое стремленіе находило для себя какъ нельзя болѣе благопріятную почву въ одной особенности сябриннаго землевладѣнія—въ возможности купли и продажи сябринныхъ паевъ. До той поры, пока составъ сябриннаго союза былъ болѣе или менѣе однороденъ, такая возможность еще не представляла собою черезчуръ серьезной угрозы для устойчивости союза, не колебала самаго его существованія. Но первоначальная однородность малорусскаго общества, установившаяся было въ эпоху возстанія Богдана Хмельницкаго, уже очень скоро замѣнилась раздѣленіемъ этого общества на различныя группы, рѣзко противоположныя по своимъ интересамъ. Это раздѣленіе не замедлило отразиться и на судьбѣ сябринныхъ союзовъ. Внутри послѣднихъ рядомъ съ посполитыми, вынужденными вести отчаянную и очень скоро ставшую безнадежной борьбу за свои права на землю, рядомъ съ козаками, обремененными тяжестью военной службы и походовъ и имѣвшими возможность лишь цѣною большаго или меньшаго напряженія силъ поддерживать свое хозяйство на должной высотѣ, оказывались, въ качествѣ равноправныхъ членовъ, „державцы“, владѣльцы болѣе или менѣе крупныхъ имѣній, въ лицѣ монастырей и членовъ козацкой старшины. Являлись ли такіе „державцы“ исконными членами сябриннаго союза, получали ли они свои права въ немъ че-

---

[1]) И. В. Лучицкій, назв. ст., с. 25.

резъ отданныхъ въ ихъ владѣніе посполитыхъ, бывшихъ такими членами, „вкупались“ ли они въ сябринный союзъ со стороны, — ихъ наличность въ рядахъ послѣдняго во всякомъ случаѣ представляла собою серьезную опасность не только для отдѣльныхъ ихъ сочленовъ, но и для всего союза въ цѣломъ. Стремясь расширить свои земельныя владѣнія и обладая болѣе или менѣе значительными средствами, они предпринимали энергичную и упорную скуплю сябринныхъ паевъ. И актами такой скупли, можно безъ преувеличенія сказать, полонъ весь XVIII вѣкъ.

Подвести хотя бы приблизительные итоги этой скупли нѣтъ никакой возможности благодаря характерной особенности купчихъ на сябринную землю—отсутствію въ нихъ указаній на размѣры продаваемой земли. Съ другой стороны, нѣтъ, конечно, возможности воспроизвести здѣсь сколько-нибудь значительную долю хотя бы наиболѣе характерныхъ эпизодовъ этой скупли. Но даже два-три наудачу взятыхъ примѣра могутъ показать, съ какой энергіей она производилась и какихъ результатовъ достигала въ сравнительно короткое время.

Вотъ нѣсколько эпизодовъ изъ скупли, производившейся Полуботками. Въ 1693 г. черниговскій полковникъ Леонтій Полуботокъ купилъ у жителя с. Семаковъ Прокопа Ефимовича „три части“ въ сябринной землѣ, общей у него съ панами Вертѣйками, за 100 золотыхъ. Въ 1701 г. сыну Леонтія, Павлу Полуботку продаетъ свою „двѣнадцатую часть“ въ сябринной землѣ при с. Вертѣевкѣ Иванъ Вертѣйко за 100 золотыхъ. Въ 1710 г. ему же продаетъ за 300 золотыхъ „частку“ при с. Вертѣевкѣ и „часть Федковскую въ грунтѣ Величковскомъ“ козакъ с. Шибириновки Артемъ Жлоба Вербицкій. Въ 1713 г. ему же продаетъ за 30 копъ свою часть подъ с. Антоновичами Янушъ Бовда съ братьями, въ томъ же году—за 9 копъ часть въ грунтѣ Величковскомъ Евсѣй Сыропара и Юско Сердюкъ, въ 1715 г.—часть въ грунтѣ Величковскомъ за 78 копъ трое Бовдъ, Юско Сердюкъ, Евсѣй Сыропара и Евсѣй Мищенко [1]). Втеченіе недолгаго ряда лѣтъ Полуботки стали такимъ образомъ „участниками“ въ нѣсколькихъ сябринныхъ грунтахъ и затѣмъ энергично продолжали свою скуплю въ каждомъ изъ нихъ.

Въ д. Скугаряхъ того же Черниговскаго полка Демьянъ Посудевскій въ 1693 г. купилъ отъ козачки Анны Скугаревны „половицю отъ братовъ“ ея, „часть осмую“ во всемъ Скугаревскомъ грунтѣ за 60 копъ, въ 1705 г. доплатилъ ея сыну 12 копъ, въ 1712 г. купилъ за 10 талеровъ отъ Петра Скугаря выдѣленную ему отъ его сябровъ Скугарей частку, въ 1715 г. купилъ за 50 талеровъ отъ козаковъ Шумановъ и ихъ зятя ихъ „часть осмую от ихъ кревнихъ, отъ всѣхъ Скугаровъ“, въ 1719 и 1727 гг. принялъ

[1]) Рум. Опись, въ библіотекѣ Академіи Наукъ, т. 7. Тогдашній малорусскій золотой равнялся 20 копейкамъ, копа—50 копейкамъ, талеръ—60 копейкамъ.

въ „заставу“ отъ козаковъ Микитенка и Максимовича ихъ „частки“. Послѣ того и въ дальнѣйшемъ покупателями сябринныхъ паевъ въ д. Скугаряхъ часто являлись Посудевскіе и значительная часть здѣшней земли собралась въ ихъ рукахъ [1]).

Или вотъ еще примѣръ скупли, производившейся Черниговскимъ Каѳедральнымъ монастыремъ. Въ 1713 г. онъ купилъ за 350 золотыхъ „часть“ сябринной земли при с. Величкахъ у козака Тишевича, въ свою очередь купившаго ее передъ тѣмъ у Пузика; въ 1725 г.—у козака Николая Величка „въ третой службѣ половину“ за 855 зол.; въ 1726 г.—часть въ той же землѣ у Романа Тарасевича за 60 копъ и часть („в едной службѣ четвертую часть“) у Тимоха Величка за 300 золотыхъ; въ 1727 г.—за 100 р. у Ивана Лаща „отъ всѣхъ сябровъ осмую или тежъ отъ всѣхъ Пузиковъ половинную часть“ [2]). Въ короткое время монастырь затратилъ такимъ образомъ на покупку земли только около с. Величекъ 450 р.—сумму, при дешевизнѣ земли и дороговизнѣ денегъ въ началѣ XVIII вѣка очень большую,—и за то скупилъ значительную часть сябринныхъ паевъ этого села.

То же самое, что происходило въ Семакахъ, Вертѣевкѣ, Антоновичахъ, Скугаряхъ и Величкахъ, повторялось и въ десяткахъ другихъ селъ и деревень лѣвобережной Малороссіи, населенныхъ сябрами. И по мѣрѣ того, какъ значительная часть сябринныхъ паевъ сосредоточивалась въ рукахъ крупныхъ владѣльцевъ, сябринный союзъ радикально измѣнялъ свой первоначальный характеръ и вступалъ въ эпоху своего разложенія. Индивидуалистическія тенденціи рѣшительно брали верхъ и сябринное землевладѣніе съ его отличительными особенностями уступало свое мѣсто личной собственности на землю и подворному владѣнію. При этомъ иногда сябры сразу переводили всѣ свои земли путемъ ихъ „правной роздѣлки“ въ собственность отдѣльныхъ семей, но въ большинствѣ случаевъ такой процессъ затягивался. Въ личную собственность переходили сперва пашни, затѣмъ сѣнокосы и, наконецъ, остававшіяся еще „неразробленными“ и дольше всего сохранявшіяся въ общемъ владѣніи дубровы, пущи и болота. Находящіеся въ нашемъ распоряженіи источники не даютъ возможности возстановить этотъ процессъ во всѣхъ его деталяхъ, но результаты его они обрисовываютъ съ полною ясностью: къ концу XVIII столѣтія на территоріи даже сѣверныхъ полковъ лѣвобережной Малороссіи, территоріи, еще въ концѣ XVII вѣка покрытой многочисленными союзами сябровъ, оставались лишь жалкіе обломки сябриннаго землевладѣнія. **В. Мякотинъ.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Тамже.

[2]) Документы монастырей, переданные изъ архива Черниг. Каз. Палаты въ библіотеку кіевскаго университета, №№ 1616/3425, 1616/2743, 1616/2748 л. 2-об., 1616/2747, 1616/2748, л. 4, 1616/2746, лл. 1, 3, 2.

ИЗЪ АНГЛІИ.

I.

Не такъ давно скончался герцогъ Сетерлэндскій, являвшійся самымъ богатымъ землевладѣльцемъ въ Англіи. Ему принадлежала въ разныхъ графствахъ площадь въ 1.358.425 акровъ. Шотландскія владѣнія герцога представляютъ собою шестую часть всего королевства. Рента, приносимая землей, достигаетъ 140.928 ф. ст. въ годъ. И вотъ, когда обсуждался бюджетъ 1909 года, герцогъ Сетерлэндъ разослалъ своимъ батракамъ, садовникамъ, лѣснымъ сторожамъ и объѣздчикамъ циркулярное письмо съ сообщеніемъ, что, въ виду „разбойническаго нападенія" со стороны правительства на незаработанное приращеніе, онъ вынужденъ будетъ понизить заработную плату. Если рабочіе недовольны, они должны на выборахъ голосовать противъ правительства, вводящаго бюджеты, построенные на „ограбленіи крупныхъ помѣщиковъ". Тогда это циркулярное письмо герцога, имѣющаго въ общемъ болѣе 5 милліоновъ руб. годового дохода и сокращающаго заработную плату у садовниковъ, получающихъ 16 шил. въ недѣлю, вызвало много толковъ. Кто-то иронически посовѣтовалъ герцогу прибѣгнуть къ болѣе рѣшительнымъ мѣрамъ, чтобы заставить работниковъ голосовать за консерваторовъ. „Почему вамъ, mylord, не устроить и теперь такую же *сетерлэндскую чистку,* какъ вашъ предокъ въ 1814 году"—допытывался этотъ совѣтчикъ. „Сетерлэндская чистка", или Sutherland clearance, была произведена по приказу помѣщика, желавшаго превратить фермы въ луга для разведенія на нихъ овецъ. Фермерамъ велѣно было убраться на всѣ четыре стороны. Пятнадцатаго мая 1814 года по распоряженію помѣщика коттеджи фермеровъ были сожжены. *Пятнадцать тысячъ* человѣкъ, такимъ образомъ вынуждены были эмигрировать, главнымъ образомъ въ Канаду.

Сравнительно еще недавно въ Англіи всѣ консерваторы и очень многіе либералы, исходя изъ положенія, что принципъ собственности священенъ, считали вполнѣ нормальнымъ и правильнымъ подобные поступки. Въ настоящій моментъ мы наблюдаемъ очень интересное явленіе. Всѣ политическія партіи въ Англіи, отъ ра-

бочей до консервативной, выставили въ программѣ реформы, имѣющія цѣлью, такъ или иначе, сокращеніе крупнаго землевладѣнія. Черезъ четыре недѣли всѣ партіи начнутъ всюду въ Англіи и въ Шотландіи разъяснять избирателямъ намѣченныя реформы. Въ этомъ письмѣ я хочу показать читателямъ, какъ обстоитъ въ Англіи въ настоящій моментъ земельный вопросъ. Основные факты были не разъ приведены въ *Русскомъ Богатствѣ*. Я напомню только, что съ 1811 года процентъ населенія, занимающагося земледѣліемъ, постепенно падаетъ. Въ 1811 году отъ земли жило 35% населенія Англіи, а въ 1901 году только 9,5%. Всѣ изслѣдователи констатируютъ все усиливающійся отливъ изъ англійскихъ деревень въ города или въ колоніи (преимущественно въ Канаду). Въ деревняхъ остаются только старики или же калѣки да слабоумные. „Центральнымъ фактомъ является то, что земледѣліе — больная промышленность" — говоритъ авторъ ряда интересныхъ очерковъ „The Land and the People", напечатанныхъ въ Times'ѣ. Съ другой стороны, тотъ же авторъ напоминаетъ, что „земля—національный капиталъ, оживающій, когда ее обрабатываютъ. Значеніе ея для націи находится въ прямой зависимости отъ степени обрабатыванія. Земля, кромѣ того, самый главный національный капиталъ, потому что онъ неистощимъ и производительность его возрастаетъ. Другія же отрасли промышленности, „извлекающія" что-нибудь, быстро исчерпываются. Земледѣліе важно еще и потому, что въ деревнѣ мы находимъ наиболѣе здоровую часть населенія".

Почему Англія, бывшая когда-то земледѣльческой страной по преимуществу, представляетъ теперь картину гибели деревни? Я не стану повторять здѣсь теорій, высказанныхъ экономистами и приведенныхъ мною, когда мнѣ приходилось писать въ *Русскомъ Богатствѣ* объ англійской деревнѣ, о земельной реформѣ 1907 года, о бюджетѣ 1909 года или о палатѣ лордовъ. Приведу здѣсь только новѣйшее объясненіе, предложенное профессоромъ Aschley на послѣднемъ международномъ историческомъ конгрессѣ и напечатанное въ іюльской книжкѣ Economic Journal[1]).

Въ значительной части Германіи и Франціи, выясняетъ проф. Эшли, на смѣну средневѣковымъ крѣпостнымъ явились крестьяне собственники. Мы видимъ здѣсь также и крупныхъ помѣщиковъ; но они или сами, или черезъ посредство управляющаго занимаются земледѣліемъ. Въ Англіи же большая часть всей земельной площади принадлежитъ крупнымъ лэндлордамъ, сдающимъ ее фермерамъ, которые въ свою очередь, обрабатываютъ землю при помощи наемныхъ батраковъ. Почему цивилизація, имѣвшая въ среднихъ вѣкахъ одинаковый характеръ въ Англіи и на континентѣ, дала теперь разные результаты тутъ и тамъ? Одно время

---

[1]) „Comparative Economic History and the English Landlord".

полагали, — говоритъ проф. Эшли—что крестьяне собственники явились во Франціи послѣдствіемъ великой революціи, а въ Пруссіи—результатомъ государственной дѣятельности Штейна и Гарденберга. Французская революція, дѣйствительно, сдѣлала очень много для крестьянъ, потому что избавила ихъ отъ тѣхъ условій, на основаніи которыхъ они пользовались землей. До революціи крестьяне были постоянными фермерами. Революція помогла имъ двояко. Съ одной стороны, исчезли ограниченія и обязательства, такъ что крестьяне стали абсолютными собственниками, съ другой, часть земли (меньшая), конфискованной у церкви и эмигрировавшихъ аристократовъ, досталась крестьянамъ. Но возникаетъ вопросъ: почему выжили эти крестьяне собственники или постоянные фермеры? Экономическія условія во Франціи были такъ же неблагопріятны для крестьянъ, какъ и въ Англіи. Кэнэ въ такой же степени отрицательно относился къ мелкому фермерству, какъ это дѣлалъ Артуръ Юнгъ до 1801 года. Тюрго въ такой же мѣрѣ отстаивалъ крупное землевладѣніе, какъ Макъ-Куллокъ. Собственно говоря, французскіе экономисты раньше англійскихъ начали доказывать, что крестьянинъ-собственникъ, не могущій вложить капиталъ и пользующійся, вслѣдствіе своего невѣжества, примитивными способами, далеко не такъ цѣненъ для земли, для народа и для государства, какъ помѣщикъ.

Разница между Англіей и Франціей — говоритъ профессоръ Эшли — заключалась въ томъ, что во второй странѣ аристократія представляла собою классъ привиллегированныхъ лѣнтяевъ, тогда какъ въ первой—аристократія управляла всѣмъ государствомъ. Версаль, превратившій всѣхъ французскихъ помѣщиковъ въ придворныхъ, имѣвшихъ въ своихъ вотчинахъ управляющихъ,—спасъ французскихъ крестьянъ. Съ другой стороны, въ Англіи, гдѣ вся власть находилась въ рукахъ крупныхъ помѣщиковъ, господствующій классъ издавалъ законы только въ собственныхъ интересахъ. Англійскіе крупные помѣщики, для прикрытія своихъ вожделѣній, находили благовидныя теоріи, выставленныя старыми экономистами. Кончись великая революція побѣдой дворянъ, французскій крестьянинъ очутился бы въ положеніи англійскаго „коттэджера“. Революція потому важна была для французскаго крестьянина,—говоритъ проф. Эшли—что измѣнила характеръ центральнаго правительства. Такимъ образомъ крестьянинъ удержалъ землю. Еслибы революція послѣдовала по направленію, намѣченному Бёркомъ, Франція получила бы правящій классъ, какъ въ Англіи, и тогда крестьянамъ собственникамъ угрожала бы серьезная опасность. Изслѣдованія Кнаппа представляютъ намъ въ новомъ свѣтѣ законы, проведенные Штейномъ и Гарденбергомъ. Мы видимъ, что прусскіе крестьяне дорого заплатили за реформы. Во-первыхъ, крестьяне, ставшіе собственниками, должны были отдать отъ $1/3$ до $1/2$ своихъ участковъ, чтобы

вознаградить помѣщиковъ за потерю крѣпостного труда. Во-вторыхъ, собственниками стали крестьяне, имѣвшіе уже значительные участки. Бѣдняки и постоянные фермеры очутились послѣ реформы въ худшемъ положеніи, чѣмъ раньше и,—какъ соотвѣтствующій классъ въ Англіи,—выродились и стали безземельными батраками. Такимъ образомъ,—говоритъ проф. Эшли—законодательство Штейна и Гарденберга отражаетъ интересы класса помѣщиковъ, который, хотя не въ такой степени, какъ въ Англіи, добился того, что ему было выгодно: крестьяне-собственники выжили въ Пруссіи до настоящаго времени, потому что сохраненіе класса было въ интересахъ королей. Отъ 1749 до 1808 года прусскіе короли издаютъ даже законы, имѣвшіе цѣлью остановить продажу крестьянами своихъ участковъ. Въ началѣ XIX вѣка прусскій король выставилъ тезисъ: „Pauvres paysans, pauvre royaume, pauvre royaume, pauvre roi“.

Тотъ же принципъ мы находимъ въ XVIII вѣкѣ всюду на континентѣ. Марія Тереза и Фридрихъ Вильгельмъ III прусскій примѣнили его въ собственныхъ владѣніяхъ. Марія Тереза освободила удѣльныхъ крестьянъ въ Богеміи и въ Моравіи и разбила громадныя вотчины на множество мелкихъ фермъ. Фридрихъ Вильгельмъ III превратилъ фермеровъ своихъ помѣстій въ крестьянъ-собственниковъ. Такая же реформа проведена была въ 1846 году въ Мекленбургѣ на земляхъ, принадлежавшихъ коронѣ. Брентано разсказываетъ намъ, какъ сохранены былъ крестьяне въ Баваріи. Въ 1803 году половина земель находилась въ рукахъ духовенства. Церковь вознаграждала порою землею правителей и такимъ образомъ дѣлала ихъ независимыми отъ дворянства. Такимъ образомъ, въ Баваріи помѣщики не успѣли превратиться во всесильный классъ, рѣшающій всѣ дѣла въ собственныхъ интересахъ. Въ 1848 году всѣ баварскіе крестьяне были превращены въ собственниковъ, и такъ какъ классъ помѣщиковъ здѣсь былъ слабъ и могъ настоять на такомъ вознагражденіи для себя за утрату не помѣщичьихъ правъ, какъ прусскіе дворяне, то освобожденіе крестьянъ произошло на крайне льготныхъ условіяхъ для послѣднихъ.

Вообще,—продолжаетъ проф. Эшли—въ государственныхъ интересахъ важно, чтобы крестьяне-собственники существовали, тогда какъ въ интересахъ классовыхъ, т. е. помѣщичьихъ, важно, чтобы эти крестьяне превратились въ безземельныхъ батраковъ. На континентѣ королевская власть, которой крестьяне были необходимы, какъ сырой матеріалъ для арміи и какъ наиболѣе удобные и подходящіе плательщики налоговъ, была сильнѣе крупныхъ помѣщиковъ, смотрѣвшихъ на крестьянъ, какъ на сырой матеріалъ для промышленности. Въ Англіи было наоборотъ.

Въ Баваріи церковь дарила государямъ землю и дѣлала ихъ независимыми отъ дворянства. Въ Англіи церковныя и монастыр-

скія земли обогатили дворянство [1]), вслѣдствіе чего оно стало сильнѣе короны. Конечно, это только одна сторона земельнаго вопроса. Проф. Эшли не говоритъ совершенно про рядъ другихъ причинъ, обусловливающихъ характеръ земельныхъ отношеній, напр., про спеціальныя мѣстныя условія: условія политическія, положеніе промышленности и т. д. Основное заключеніе проф. Эшли таково. Земельныя отношенія, наблюдаемыя теперь въ Англіи, обусловливаются тѣмъ, что высшій классъ, въ рукахъ котораго была вся власть, руководился „обыкновенными соображеніями личнаго интереса". Высшій классъ крѣпъ по мѣрѣ того, какъ развивалась и крѣпла промышленность въ Англіи. За то время, покуда парламентъ всецѣло находился въ рукахъ высшаго класса, этотъ классъ успѣлъ провести по вопросу о землѣ законы исключительно въ свою пользу. Теперь время измѣнилось. Массы еще не занимаютъ въ парламентѣ такого положенія, что бы могли диктовать высшему классу свои условія; но крупные лэндлорды сознаютъ уже, что прежнія земельныя отношенія не могутъ больше продолжаться. И вотъ мы видимъ, что даже вождь консервативной партіи въ верхней палатѣ (лордъ Лэнсдоунъ) намѣчаетъ планъ выкупа земли.

II.

Въ 1907 году нынѣшнее министерство провело законъ о мелкихъ надѣлахъ (Small Holdings), на который тогда возлагались большія надежды; во всякомъ случаѣ, ожидали, что законъ сильнѣе отразится на жизни Англіи, чѣмъ въ дѣйствительности оказалось.

Посмотримъ, какъ дѣйствуетъ теперь законъ 1907 года. Предположимъ, Джонъ Смитъ желаетъ пріобрѣсти мелкій надѣлъ (Small Holding). Онъ долженъ заполнить печатную форму, получаемую отъ секретаря совѣта того графства, въ которомъ Смитъ живетъ. Смитъ можетъ быть чернорабочимъ, лавочникомъ, купцомъ, адвокатомъ; словомъ, законъ не требуетъ, чтобы обращающійся за мелкимъ надѣломъ принадлежалъ непремѣнно къ опредѣленному классу. Единственное условіе, которое законъ ставитъ, это то, чтобы Джонъ Смитъ, кто бы онъ ни былъ, самъ обрабатывалъ свой участокъ. Законъ не указываетъ также Смиту, что именно сѣять: Смитъ можетъ сѣять пшеницу, воленъ превратить свой участокъ

---

[1]) Крайне интересный эпизодъ произошелъ въ парламентѣ при обсужденіи билля объ отдѣленіи церкви отъ государства въ Уэльсѣ. Лордъ Гью Сесиль яростно обличалъ правительство, желающее ограбить церковь и отнять у нея земли. Тогда Ллойдъ-Джорджъ указалъ, что кому-кому, а лорду Гью не слѣдуетъ говорить о „грабежѣ" церковныхъ земель: колоссальныя богатства Сесилей явились вслѣдствіе того, что имъ отданы были церковныя земли, отнятыя Генрихомъ VIII у монастырей. Этими землями Сесили владѣютъ и понынѣ.

въ огородъ, въ малинникъ, въ фруктовый садъ или въ птичій дворъ. Не требуется также, чтобы Джонъ Смитъ продавалъ свои продукты. Графскій совѣтъ, можетъ однако потребовать отъ Смита доказательствъ, что онъ умѣетъ обращаться съ землей.

Согласно закону 1907 года, „мелкій надѣлъ“ это—„участокъ пригодной для обработки земли, не меньше одного акра и не больше пятидесяти акровъ“. Но если годичная рента участка не выше 50 ф. ст., то въ немъ можетъ быть и больше пятидесяти акровъ. Совѣты графствъ и городскіе совѣты покупаютъ или арендуютъ ту землю, которую сдаютъ желающимъ въ видѣ мелкихъ надѣловъ. Если есть желающіе взять надѣлъ, а помѣщики отказываются продавать землю или сдавать ее въ аренду, то графскіе и городскіе совѣты могутъ, съ извѣстными ограниченіями, принудительно отчуждать ее. Нельзя, напр., заставить владѣльца, у котораго меньше пятнадцати акровъ, чтобы онъ продалъ землю графскому совѣту. Стоимость отчуждаемой земли опредѣляется третейскимъ судомъ, а министерство земледѣлія должно утвердить намѣченную цѣну. Графскій совѣтъ можетъ выстроить на пріобрѣтенныхъ участкахъ дома, чтобы такимъ образомъ дать лучшую возможность будущимъ фермерамъ использовать надѣлъ. Принудительно отчужденную землю графскій совѣтъ можетъ сдавать только въ долгосрочную аренду. Что же касается земли, купленной графскимъ совѣтомъ у помѣщика по добровольному соглашенію, то она можетъ быть или сдана въ аренду, или продана. Графскій совѣтъ обязанъ назначить такую ренту, которая покрывала бы всѣ расходы.

Джонъ Смитъ заполнилъ печатную форму, а его объясненія, почему онъ желаетъ имѣть надѣлъ, удовлетворили графскій совѣтъ, который къ тому же имѣетъ свободную землю. Джонъ Смитъ получаетъ увѣдомленіе, что участокъ ему будетъ проданъ. Будущій фермеръ долженъ внести *пятую часть* стоимости земли, да, кромѣ того, имѣть еще небольшой капиталъ на оборудованіе. Остальная сумма можетъ быть разсрочена на пятьдесятъ лѣтъ и выплачиваема взносами каждые шесть мѣсяцевъ. Если участокъ пріобрѣтается въ собственность, то Джонъ Смитъ даетъ обязательство, что втеченіе первыхъ двадцати лѣтъ онъ будетъ заниматься земледѣліемъ. Возможно также, что Джонъ Смитъ знаетъ помѣщика, согласнаго продать ему землю. Въ такомъ случаѣ графскій совѣтъ можетъ придти на помощь Смиту и дать ему ссуду въ размѣрѣ $^4/_5$ стоимости земли. Этотъ долгъ погашается тоже полугодовыми взносами и можетъ быть разсроченъ на пятьдесятъ лѣтъ. По закону 1907 года могутъ возникать спеціальныя общества (Registered Associations) съ цѣлью помочь отдѣльнымъ лицамъ сѣсть на землю. Ассоціаціи эти пріобрѣтаютъ у графскихъ совѣ-

товъ землю на извѣстныхъ условіяхъ и продаютъ ее потомъ желающимъ [1]).

Если Джонъ Смитъ живетъ въ деревнѣ, то за надѣломъ обращается къ приходскому совѣту (Parish Council), который можетъ, если имѣетъ свободную землю, отвести участокъ не больше, чѣмъ въ пять акровъ. Это будетъ, собственно говоря, уже не надѣлъ (Small Holding), а усадебная земля (Allotment). Ее нельзя купить въ собственность, какъ Small Holding, а можно лишь арендовать. Взявшій allotment и улучшившій его пользуется правомъ на вознагражденіе за всѣ улучшенія, когда арендный срокъ истекаетъ. За надѣломъ можетъ обратиться всякій, но усадебная земля назначается только для рабочихъ. Министерство земледѣлія разъяснило, что „рабочее населеніе", labouring population, это всѣ тѣ, которые живутъ трудами своихъ рукъ. Собственно говоря, пять акровъ для усадебной земли предѣлъ. Деревенскіе и графскіе совѣты не обязаны доставлять Allotments больше, чѣмъ въ одинъ акръ. Если графскій совѣтъ почему-либо отказывается удовлетворить просьбу Джона Смита, послѣдній, по закону 1907 года, можетъ обратиться съ жалобой въ министерство земледѣлія [2]).

Въ 1911 году по закону 1907 года въ руки мелкихъ фермеровъ перешло 292.488 акровъ [3]). Это, конечно, показываетъ большій прогрессъ, чѣмъ по закону 1902 года, не признававшему принудительнаго отчужденія; но результаты все-таки очень не велики. Многіе графскіе совѣты, находящіеся въ рукахъ богатыхъ классовъ, очень неохотно приводятъ въ исполненіе законъ 1907 года. Бывали даже случаи, когда лицо, желавшее воспользоваться закономъ о надѣлахъ, подвергалось преслѣдованіямъ со стороны помѣщика. Полученіе земли во многихъ графствахъ сопряжено съ трудностями, не предусмотрѣнными авторами закона 1907 года. Въ нумерѣ еженедѣльнаго журнала „Everyman" за 8 августа 1913 года Ф. Е. Гринъ сообщаетъ такой любопытный фактъ. Знаменитый ученый Уоллэсъ, желая убѣдиться, насколько легко получить надѣлъ, обратился за нимъ къ графскому совѣту, состоящему главнымъ образомъ изъ консерваторовъ. Естествоиспытателю дали печатный бланкъ, который онъ заполнилъ. „Лѣта",—90; „предварительный опытъ",—„шестьдесятъ лѣтъ занимался садоводствомъ и, кромѣ того, наукой". „Кто можетъ дать вамъ рекомендацію?"—„нашъ деревенскій почтмейстеръ". Великій ученый просилъ, чтобы ему отвели опредѣленный участокъ, поросшій верескомъ и не представлявшій, собственно говоря, никакой экономической цѣнности. Уоллэсъ написалъ въ своемъ заявленіи, что разведетъ на этой землѣ огородъ. Не смотря на то, что земля поросла дро-

---

1) Самая крупная изъ этихъ организацій—„Agricultural Organisation Society", центральная квартира которой находится въ Лондонѣ.

2) См. James Long, „Small Holdings" London, 1931.

3) The Britannica Year Book, 1913, стр. 415.

комъ и верескомъ, и что къ ней, собственно говоря, не было дороги, естествоиспытатель предлагалъ по 10 шиллинговъ за акръ въ годъ. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Наконецъ, графскій совѣтъ увѣдомилъ Уоллэса, что земля ему будетъ сдана, если онъ готовъ, во-первыхъ, платить по 2 ф. ст. въ годъ за акръ, а, во-вторыхъ, дать вознагражденіе фермеру, который теперь выгоняетъ на это поле своихъ ословъ. Это было нелѣпое по своей чрезмѣрности требованіе, поставленное исключительно для того, чтобы Уоллэсъ отказался.

Тамъ, гдѣ желающіе достаютъ землю, они дѣлаютъ настоящія чудеса. „Нѣсколько недѣль тому назадъ — разсказываетъ Ф. Е. Гринъ — я посѣтилъ ферму близъ Чешёнта, въ Гертфордширѣ. Я нашелъ тамъ шесть человѣкъ, обработавшихъ огородъ такъ, что въ горохѣ, капустѣ, картофелѣ и въ бобахъ нельзя было найти ни одной былинки сорной травы... „Вы должны были бы видѣть эту землю раньше,—сказалъ мнѣ членъ Чешёнтскаго земельнаго клуба. — Тутъ былъ пустырь, заросшій крапивой, терновникомъ и лиціями. Намъ пришлось расчищать землю такимъ же образомъ, какъ новоселамъ въ Америкѣ. Земля не представляла рѣшительно никакой цѣнности, а между тѣмъ помѣщикъ упорно отказывался продать ее, такъ что пришлось прибѣгнуть къ принудительному отчужденію. Мы всѣ помогали другъ другу. Теперь земля тутъ какъ макъ. Вмѣсто терновника и лиціи растетъ всякая огородина". „Не смотря на то, что мой собесѣдникъ, — продолжаетъ Гринъ,—имѣлъ только одну руку, а вмѣсто другой—желѣзный крюкъ, онъ считался лучшимъ огородникамъ земельнаго клуба" [1]).

Мы видимъ, что земельный законъ 1907 года не можетъ быть приведенъ въ исполненіе, вслѣдствіе той антипатіи, которую англійскіе помѣщики питаютъ къ каждой реформѣ, проведенной радикалами. Въ провинціальныхъ газетахъ мы постоянно наталкиваемся на факты, свидѣтельствующіе, что помѣщики часто отказываются продавать землю совершенно имъ не нужную, какъ тотъ пустырь, о которомъ говоритъ Гринъ. Тутъ мы видимъ ужь не отстаиваніе личной выгоды, что было бы хоть понятно, а упрямство и озлобленіе. „Вамъ надобна земля? — разсуждаютъ помѣщики.—Правда, она намъ безполезна, но именно потому, что пріобрѣтеніе ея доставило бы вамъ удовольствіе, мы вамъ и не продадимъ. Пусть поростетъ лиціей!" Факты, приводимые провинціальными англійскими газетами, доказываютъ, что въ земледѣльческихъ округахъ всѣ симпатіи графскихъ совѣтовъ всецѣло на сторонѣ помѣщиковъ.

---

1) „The Land hunger". Everyman, August 8, 1913, стр. 515.

III.

Прежде чѣмъ познакомиться съ разными проектами возрожденія земледѣлія въ Англіи, скажу еще нѣсколько словъ о томъ, насколько значителенъ кризисъ его. Въ 1911 году въ городахъ Англіи и Уэльса населенія было 28,1 милл., а въ деревняхъ—7,9 милл. Въ 1907 году все земледѣльческое производство въ Англіи оцѣнивалось въ 210 милл. ф. ст., а промышленность въ 1,240 милл. ф. ст. Въ 1851 году въ Англіи было 1.110.310 сельскихъ работниковъ и пастуховъ, а въ 1901 году—609.105. Въ Англіи акръ земли подъ пашней или подъ лугомъ приноситъ 4 ф. ст., въ Германіи—5 ф. ст. 5 ш., во Франціи — 5 ф. 9 ш., въ Даніи — 6 ф. ст., а въ Бельгіи—20 ф. ст. (Факты приведены въ „Rural Reform Supplement", только что выпущенномъ Фабіанскимъ обществомъ).

И ко всему этому надо прибавить еще бѣгство деревенскихъ жителей въ города. Тяга изъ деревень въ города наблюдается, конечно, не въ одной лишь Англіи. По словамъ французскаго изслѣдователя, напр., „щупальцы большихъ городовъ притянули во Франціи сельскихъ работниковъ почти въ такой же степени, какъ въ Англіи". Не подлежитъ сомнѣнію, что процессъ „урбанизаціи", т. е. постепеннаго превращенія деревенскихъ работниковъ въ городскихъ, намѣчается во многихъ странахъ; но слѣдующая таблица покажетъ намъ, насколько дѣло идетъ на континентѣ и въ Америкѣ медленнѣе, чѣмъ въ Англіи.

Страны.	Годъ.	% населенія, занятаго земледѣліемъ, лѣснымъ дѣломъ и рыбной ловлей.
Венгрія	1900	69,7
Австрія	1900	60,9
Италія	1901	59,4
Россія	1897	58,3
Швеція	1900	49,8
Данія	1901	48,2
Франція	1906	42,7
Норвегія	1900	41,0
Соединенные Штаты . .	1900	35,9
Германія	1907	35,2
Швейцарія	1900	30,9
Голландія	1899	30,7
Бельгія	1900	21,1
Соединенное Королевство	1901	9,2
Одна Англія и Уэльсъ .	1901	8,8 [1]

Абсолютное уменьшеніе земледѣльческаго населенія въ сравненіи съ прошлой переписью наблюдается, кромѣ Англіи, въ Австріи, Швейцаріи и въ Норвегіи. Въ Австріи за десять лѣтъ (отъ 1890 г. до 1900 г.) сельское населеніе уменьшилось на 200.000; но оно еще такъ преобладаетъ въ государствѣ (почти 61%), что умень-

[1]) „The Landand the People", статья III, „Times", July 24, 1913.

шеніе его не даетъ себя чувствовать. Въ Австріи и теперь земледѣліемъ заняты 8 милліоновъ, тогда какъ горнымъ и фабричнымъ дѣломъ—3 милліона. Въ Швейцаріи за двѣнадцать лѣтъ (1888—1900) населеніе, занятое земледѣліемъ, уменьшилось на 6—7 тысячъ. Для такой маленькой страны, какъ Швейцарія, это, конечно, представляетъ большую убыль. Въ послѣдніе годы только одна Англія быстрѣе, чѣмъ Швейцарія, превращается въ промышленное государство. Затѣмъ слѣдуетъ Норвегія, земледѣльческое населеніе которой за девять лѣтъ (1891—1900) уменьшилось на 24.660 человѣкъ, что представляетъ громадную потерю для страны съ населеніемъ въ 2,3 милл. Въ 1891 году 49,6% всего населенія Норвегіи занималось земледѣліемъ, а въ 1900 году — уже только 41%.

Переходимъ теперь къ странамъ, въ которыхъ занятіе земледѣліемъ уменьшилось относительно, но не абсолютно. Въ Германіи за 12 лѣтъ (1895—1907) наблюдается относительное пониженіе на 2,3%, хотя число лицъ, занятыхъ земледѣліемъ, увеличилось на 1,590.000. Въ Соединенныхъ Штатахъ явленіе выражается почти въ тѣхъ же цифрахъ. Въ 1890 году 38% всего населенія занималось земледѣліемъ, тогда какъ въ 1900 году только 35,9%, но абсолютно за этотъ періодъ деревенское населеніе увеличилось на 1,886.000. Въ Бельгіи въ 1900 году 21,1% всего населенія было занято земледѣліемъ (въ 1890 году — 22,9%), но вообще земледѣльческое населеніе возрасло на 48.120. Такое же явленіе наблюдается въ Голландіи, Швеціи и въ Венгріи.

Въ Россіи земледѣльческое населеніе абсолютно все еще больше, чѣмъ въ какой-либо другой странѣ Европы. Затѣмъ слѣдуетъ Австро-Венгрія съ ея 14-милліонами земледѣльцевъ и Соединенные Штаты съ 10½ милл. Что касается Франціи, то положеніе дѣла не вполнѣ выяснено. Перепись 1906 года показала, что, сравнительно съ 1901 годомъ, сельское населеніе увеличилось на 600.000. Другими словами, что въ 1906 году 42,7% всего населенія занималось земледѣліемъ, тогда какъ въ 1901 году—41,8%. Но это явленіе, по мнѣнію Times'а, обусловливается скорѣе болѣе тщательнымъ составленіемъ переписи, чѣмъ дѣйствительнымъ приростомъ. Впрочемъ, надо отмѣтить, что за приведенныя пять лѣтъ населеніе въ нѣкоторыхъ французскихъ городахъ уменьшилось, т. е. какъ-будто бы дѣйствительно наблюдается обратная тяга. Во всякомъ случаѣ, если она существуетъ, то въ очень слабой степени. Въ Италіи занятіе земледѣліемъ увеличивается относительно и абсолютно. За двадцать лѣтъ (1881—1901) земледѣльческое насесеніе увеличилось на милліонъ и въ 1901 году составляло 59,4% всего населенія королевства, тогда какъ въ 1881 году—56,7%.

Совершенно особое мѣсто занимаетъ Данія. За десять лѣтъ (1890—1901) земледѣльческое населеніе тамъ удвоилось. Въ 1890 году оно составляло 27,1% всего населенія королевства, а

въ 1901 году—48,2%. Цифры эти поразительны; но онѣ даны германскимъ статистическимъ обществомъ, а потому должны быть болѣе или менѣе точны.

Въ высшей степени важно сравнить приведенныя цифры съ другими, показывающими степень плотности населенія въ разныхъ странахъ. О благопріятномъ или неблагопріятномъ положеніи земледѣлія въ данной странѣ можно составить себѣ представленіе путемъ сравненія съ другой страной, имѣющей такое же приблизительно населеніе на квадратный километръ. Вотъ почему интересно просмотрѣть слѣдующую таблицу.

Страны.	Густота населенія на квадратный килом.		% населенія, занятаго земледѣліемъ.	
Венгрія	64	(по отчету 1910 г.).	69,7	(по статист. 1900 г.)
Австрія	95	„ 1910 „	60,9	„ 1900 „
Италія	121	„ 1911 „	59,4	„ 1901 „
Россія (Европейская)	19	„ 1897 „	58,3	„ 1897 „
Швеція	13	„ 1910 „	49,8	„ 1900 „
Данія	71	„ 1911 „	48,2	„ 1900 „
Франція	74	„ 1911 „	42,7	„ 1906 „
Норвегія	7	„ 1910 „	41,0	„ 1900 „
Соединенные Штаты	12	„ 1910 „	35,9	„ 1900 „
Германія	120	„ 1910 „	35,2	„ 1907 „
Швейцарія	91	„ 1910 „	30,9	„ 1900 „
Голландія	172	„ 1909 „	30,7	„ 1899 „
Бельгія	252	„ 1910 „	21,1	„ 1900 „
Великобританія	177	„ 1911 „	9,3	„ 1901 „
Англія и Уэльсъ	239	„ 1911 „	8,8	„ 1901 „[1])

Мы видимъ, что Бельгія имѣетъ болѣе плотное населеніе, чѣмъ Англія (252 и 239), а между тѣмъ въ первой 21,1% населенія занято земледѣліемъ, тогда какъ во второй—только 8,8%. Въ Германіи и въ Соединенныхъ Штатахъ приблизительно тотъ же процентъ населенія занятъ земледѣліемъ (35,2 и 35,9), а между тѣмъ въ одной странѣ на квадратный километръ приходится 120 человѣкъ, а въ другой—12. Такимъ образомъ, густота населенія еще не доказываетъ, что нѣтъ мѣста для нивъ.

Посмотримъ теперь на реформы, намѣченныя разными англійскими политическими партіями.

Программа консерваторовъ изложена лордомъ Лэнсдоуномъ. Для возрожденія деревни, по мнѣнію благороднаго лорда, необходимы три вещи: земельные надѣлы, удобные коттеджи для сельскихъ работниковъ и повышеніе заработной платы. „Я не собираюсь утверждать, что можно возвратить въ деревню всѣхъ тѣхъ, которые оставили ее,—сказалъ лордъ Лэнсдоунъ.—Реформы, намѣченныя нами, не могутъ также соперничать съ приманками, предлагаемыми англійскимъ работникамъ британскими колоніями; но во всякомъ случаѣ государство обязано сдѣлать усиліе, дабы удер-

²) „Money's Fiscal Dictionary“

жать въ деревнѣ хоть то населеніе, которое тамъ еще осталось. Оно должно убѣдить деревенскихъ жителей, чтобы они не отрывали дѣтей отъ земли. Надо дать имъ возможность выростить крѣпкое, здоровое, мужественное поколѣніе".

Лордъ Лэнсдоунъ не договариваетъ того, что говоритъ лордъ Робертсъ. Англіи необходима теперь большая армія, а хорошіе, здоровые, послушные и неразсуждающіе солдаты могутъ являться только изъ деревни. Лордъ Лэнсдоунъ и лордъ Робертсъ желаютъ теперь сохранить классы земледѣльцевъ съ тою же цѣлью, что континентальныя государства XVIII в. „Ни одна страна не можетъ безнаказанно пренебречь интересами земледѣльческаго населенія, — продолжаетъ лордъ Лэнсдоунъ. — Упадокъ земледѣлія въ странѣ неминуемо ведетъ за собою ея гибель". Въ послѣднее столѣтіе Англія сконцентрировала все свое вниманіе на промышленности, а это неминуемо должно отразиться на самомъ ея существованіи. Англія теперь всецѣло зависитъ отъ безпрепятственнаго подвоза предметовъ первой необходимости изъ-за границы. Для безопасности страны въ случаѣ войны необходимо, чтобы Англія производила не меньше половины потребляемой ею пшеницы, а между тѣмъ Соединенное королевство производитъ только $1/6$ необходимаго количества. Второй фактъ громадной важности,—указалъ лордъ Лэнсдоунъ,—это то, что въ то время, какъ населеніе Англіи увеличивается, запашки сокращаются. Въ этомъ году площадь вспаханной земли меньше на 3 милліона акровъ, чѣмъ тридцать лѣтъ тому назадъ. Это означаетъ, конечно, что число „рукъ", находившихъ работу въ деревнѣ, значительно уменьшилось. По мнѣнію лорда Лэнсдоуна, государство должно и можетъ сдѣлать что-нибудь, дабы остановить процессъ опустѣнія деревень.

Лордъ Лэнсдоунъ не входитъ въ обсужденіе вопроса, почему площадь запашекъ сократилась и почему нивы всюду превращаются въ луга для выпаса овецъ или, что еще хуже, въ верещаки для разведенія куропатокъ. Ораторъ оговаривается, что онъ не думаетъ подвергать критикѣ „освященную временемъ англійскую систему" земельныхъ улучшеній. „Тамъ, гдѣ эта система примѣнялась умѣло, она дала блестящіе результаты". И тѣмъ не менѣе реформа настоятельно необходима. Цѣлью ея должно быть возрожденіе класса мелкихъ собственниковъ, а не арендаторовъ. Теперь любящій землю, по закону 1907 года, — продолжаетъ лордъ Лэнсдоунъ,— „покупаетъ ферму не для себя, а для графскаго совѣта, что не одно и то же. Консерваторы, ставъ у власти, внесутъ законопроектъ, въ силу котораго фермеры станутъ „абсолютными собственниками". „Ничто не можетъ быть лучше полной собственности. Ничто не дѣлаетъ фермера столь независимымъ, столь увѣреннымъ въ своихъ силахъ, какъ сознаніе, что земля всецѣло принадлежитъ ему. Нѣсколько акровъ земли удивительно возрождаютъ гражданское самосознаніе". Лордъ Лэнсдоунъ указываетъ на Францію, Герма-

нію, Бельгію и Данію. Въ двухъ послѣднихъ странахъ 88% земли принадлежитъ крестьянамъ, обрабатывающимъ ее. 12% земледѣльцевъ — арендаторы. Въ Англіи же наблюдается обратное явленіе. Здѣсь 12% собственниковъ и 88% арендаторовъ. „Я глубоко убѣжденъ,—продолжалъ лордъ Лэнсдоунъ,—что у насъ въ Англіи мы можемъ сдѣлать то же, что сдѣлано въ Германіи и Бельгіи".

Лордъ Лэнсдоунъ спѣшитъ успокоить помѣщиковъ: принудительнаго отчужденія не будетъ. Законъ, который проведутъ консерваторы, будетъ примѣняться только тамъ, гдѣ найдутся помѣщики, желающіе продать землю, и фермеры, готовые купить ее. Въ такомъ случаѣ государство дастъ *всю* сумму, необходимую для выкупа. Покупателю будетъ предложенъ заемъ на такихъ условіяхъ, на которыхъ получаетъ деньги государство, т. е. за 3, $3^1/_3$%. Эта ссуда будетъ погашаться пятьдесятъ лѣтъ. По мнѣнію лорда Лэнсдоуна, законъ 1907 года потому не далъ ожидаемыхъ результатовъ, что пріобрѣтающій надѣлъ обязанъ самъ достать $^1/_5$ выкупной суммы. Вотъ почему теперь желающіе должны брать землю въ аренду, а не пріобрѣтать ее въ собственность. Въ 1912 году, напр., „коммиссаръ" зарегистрировалъ 4070 новыхъ надѣловъ; но покупателей было лишь 70.

Мы видѣли изъ статьи Грина, что слабые результаты, данные закономъ 1907 года, обусловлены не только тѣмъ, что у желающихъ взять надѣлы нѣтъ денегъ. По мнѣнію лорда Лэнсдоуна, желающихъ купить землю будетъ много. Явятся однако и такіе сельскіе работники, которые не воспользуются будущимъ закономъ и не станутъ крестьянами собственниками, а между тѣмъ удержать ихъ въ деревнѣ крайне важно. Въ настоящее время — говоритъ лордъ Лэнсдоунъ — сельскіе работники уходятъ въ города, между прочимъ, потому, что не всегда могутъ найти въ деревнѣ коттеджъ. Кромѣ того, оставляющій деревню разсчитываетъ найти въ городѣ болѣе высокій заработокъ. Вотъ почему—говоритъ лордъ Лэнсдоунъ — прежде всего необходимо упорядочить въ деревнѣ жилищный вопросъ. За это должны взяться какъ графскіе совѣты, такъ и частныя предпріятія, а казна тутъ явится на помощь съ предложеніемъ кредита на самыхъ выгодныхъ условіяхъ. Въ такомъ случаѣ жилищный вопросъ, разрѣшится вполнѣ удовлетворительно. Затѣмъ необходимо повысить заработную плату сельскихъ работниковъ. Лордъ Лэнсдоунъ говоритъ, что это явится само собою. Разъ въ деревнѣ будетъ молодое населеніе; разъ оно будетъ жить болѣе комфортабельно, — оно естественно выставитъ вопросъ о повышеніи заработка.

Молодые тори идутъ дальше своего вождя и смѣло намѣчаютъ законопроектъ о minimum'ѣ заработной платы. Еще недавно у консерваторовъ былъ готовъ отвѣтъ на вопросъ о недостаточной заработной платѣ. Они утверждали, что „тарифная реформа", т. е.

протекціонизмъ и, главнымъ образомъ, налогъ на хлѣбъ *удвоитъ* заработную плату. Такъ какъ самые неразвитые избиратели не повѣрили этому, то консерваторы теперь вычеркнули изъ своей программы налоги на хлѣбъ. И теперь, какъ мы видѣли, тори намѣрены фиксировать законодательнымъ путемъ наименьшій заработокъ сельскаго работника.

IV.

Часть консервативной печати радостно привѣтствовала эту программу земельной реформы. „Проектъ лорда Лэнсдоуна будетъ имѣть послѣдствіемъ то, что собственниками станутъ не только крупные фермеры,—читаемъ мы въ Pall Mall Gazette.—Рядомъ съ ними появится классъ крестьянъ, владѣющихъ небольшимъ надѣломъ или усадебной землей. Радикалы выставили девизъ: „земля для народа". Тори должны замѣнить этотъ девизъ другимъ: „деревня для деревенскаго населенія". Всѣмъ деревенскимъ жителямъ, будетъ ли то сельскій работникъ, фермеръ, лавочникъ или плотникъ, должна быть дана возможность стать собственникомъ болѣе или менѣе крупнаго земельнаго участка. Практически вопросъ разрѣшится такимъ образомъ. Предположимъ, деревенскій житель Джозефъ Пальмеръ захочетъ пріобрѣсти въ собственность участокъ земли въ 10 акровъ. Акръ, приблизительно, стоитъ 30 ф. ст. Всего, значитъ, Пальмеру необходимо 300 ф. ст. Эту сумму онъ беретъ въ будущемъ земельномъ банкѣ и даетъ помѣщику, а затѣмъ выплачиваетъ долгъ и $3^{1}/_{2}$% на него. Очень просто. Чтобы взять деньги, „кому ума не доставало".

Знаменитый карикатуристъ Гульдъ такъ графически изобразилъ земельную реформу, намѣченную консерваторами. Передъ герметически закупоренной и запечатанной бутылкой, на которой значится „земельная реформа консерваторовъ", стоятъ два пѣтуха и лисица. На одномъ пѣтухѣ значится „фермеръ", а на другомъ— „сельскій работникъ". Что же касается лисицы, то у ней голова лорда Лэнсдоуна, а на спинкѣ значится: „Торійская партія". Пѣтухи съ изумленіемъ глядятъ на надпись, которая значится на припечатанной пробкѣ: *„Если помѣщикъ захочетъ продать землю"*.. Подпись гласитъ: „обрывокъ басни".—„Теперь—сказала лисица—вы не можете уже болѣе жаловаться на то, что мы пренебрегли вашими интересами. Вы видите, какой кормъ для васъ въ бутылкѣ?

— Хорошо,—отвѣтили пѣтухи—но какъ же мы добудемъ этотъ кормъ?

— Это зависитъ отъ нѣкоторыхъ маленькихъ условій, какъ напр., отъ желанія помѣщиковъ разстаться съ землей".

Крупные помѣщики консерваторы критически отнеслись къ проекту лорда Лэнсдоуна. По словамъ лорда Граама, придется

только пожалѣть, если консервативная партія главнымъ пунктомъ своей программы выставитъ насажденіе мелкой земельной собственности. „Если только у мелкаго фермера не будетъ много свободныхъ денегъ, то онъ поступитъ крайне опрометчиво, а то даже глупо, если онъ купитъ земельный участокъ". Богатый человѣкъ, конечно, можетъ разрѣшить себѣ такое дорого стоющее удовольствіе, какъ хлѣбопашество; но бѣдный человѣкъ не можетъ и думать объ этомъ. Если онъ къ тому же еще заболѣетъ или если случится неурожай, будущій крестьянинъ собственникъ рискуетъ потерять рѣшительно все. Климатъ въ Англіи—объясняетъ лордъ Граамъ — не благопріятенъ для земледѣлія, которое, кромѣ того, даетъ только ничтожный доходъ. На какую прибыль можетъ разсчитывать мелкій фермеръ или крестьянинъ собственникъ, если привозной дешевый хлѣбъ устраняетъ всякую возможность конкуренціи? Что же касается сельскихъ работниковъ, то и для нихъ, и для помѣщика будетъ гораздо лучше, если они, попрежнему, будутъ продавать свой товаръ, т. е. „силу своихъ дюжихъ, загорѣлыхъ рукъ" [1]).

„Въ настоящее время мы слышимъ ужасно много про необходимость убѣдить нѣкоторыхъ независимыхъ городскихъ избирателей, чтобы они „возвратились въ деревню",—пишетъ другой критикъ.—Мы слышали толки про то, какъ обратить людей, никогда не видавшихъ, какъ ростетъ хлѣбъ, въ дюжихъ землепашцевъ, представляющихъ собою гордость страны. По увѣренію реформаторовъ, чудо это явится, если только дать возможность горожанамъ купить землю. Намъ говорятъ дальше, что каждый акръ, находящійся въ полномъ владѣніи у крестьянина, это лишній мушкетъ для защиты священнаго права собственности. Всѣ партіи, повидимому, сходятся въ одномъ: въ готовности обучать горожанъ на счетъ плательщиковъ налоговъ, какъ заниматься хлѣбопашествомъ. По мнѣнію автора статьи (Спайерса), все это представляется крайне опаснымъ для обывателя. „Я боюсь, что крестьянинъ, являвшійся дѣйствительно гордостью своей страны, „превращавшій песокъ въ золото" и бравшійся за мушкетъ при первой опасности, угрожавшей принципу собственности, исчезъ безслѣдно. Въ лучшемъ случаѣ явится классъ послушныхъ горожанъ, обученныхъ въ сельскохозяйственныхъ школахъ и задерганныхъ цѣлой тучей разныхъ инструкторовъ, надсмотрщиковъ, агентовъ и коммиссаровъ. Такъ какъ этотъ крестьянинъ будетъ весь въ долгу, то надзоръ за нимъ вполнѣ понятенъ". „Боюсь, что домъ этого крестьянина не будетъ его замкомъ. Врядъ ли ужъ такъ охотно новый крестьянинъ будетъ хвататься за мушкетъ, если его заложенной „собственности" станетъ угрожать опасность". По англійской поговоркѣ, нельзя сдѣлать шелковый кошелекъ изъ свиного уха (impossible to make

1) „Times", June 25.

a silk purse out of a sow's ear). Въ силу того же самаго невозможно превратить націю клерковъ и переписчиковъ въ „смѣлыхъ“ и „независимыхъ“ крестьянъ [1]).

Наиболѣе ядовитой критикѣ подвергъ проектъ лорда Лэнсдоуна Ллойдъ-Джорджъ. „Проектъ благороднаго лорда заключается въ томъ, чтобы при помощи денегъ, данныхъ государствомъ, покупать ту землю, которую помѣщикъ найдетъ выгоднымъ для себя продать. Принудительнаго отчужденія не будетъ. Право выбора будетъ предоставлено не странѣ, дающей деньги, а лэндлорду. Онъ самъ рѣшитъ, отъ какого участка ему выгодно отдѣлаться. Помѣщику предоставляется право продавать, что онъ захочетъ, когда захочетъ и кому захочетъ. Если земля будетъ хороша, помѣщикъ можетъ потребовать за нее чрезмѣрную сумму. Если земля будетъ плоха, рискъ падетъ на покупателя и государство. Отсутствіе принудительнаго принципа неминуемо поведетъ къ тому, что земля быстро поднимется въ цѣнѣ“. Канцлеръ казначейства дальше съ цифрами въ рукахъ доказываетъ, насколько не выгоденъ для населенія проектъ лорда Лэнсдоуна.

Осенью этого года Ллойдъ-Джорджъ долженъ самъ начать земельную кампанію. Проектъ его извѣстенъ только въ самыхъ общихъ чертахъ. Насажденіе класса крестьянъ-собственниковъ неудобно потому, что тогда черезъ извѣстное количество лѣтъ придется снова поднимать земельный вопросъ. Государство должно выкупить землю, чтобы имѣть ее всегда въ запасѣ для увеличивающагося населенія [2]).

Болѣе умѣренные радикалы, чѣмъ Ллойдъ-Джорджъ, тоже признаютъ абсолютную необходимость земельной реформы, хотя сомнѣваются, чтобы она могла теперь вызвать обратную колоссальную тягу изъ городовъ въ деревни. „Никакая революція въ области нашихъ земельныхъ отношеній не въ состояніи населить деревни такъ, какъ раньше,—доказываетъ Westminster Gazette.— Это не только невозможно, но даже и нежелательно въ настоящее время. Чѣмъ быстрѣе улучшается положеніе рабочаго класса; чѣмъ выше поднимается заработная плата; чѣмъ удовлетворительнѣе разрѣшается жилищный вопросъ въ городахъ, чѣмъ лучше образованіе, получаемое въ народной школѣ,—тѣмъ меньше желанія у сельскаго работника остаться на мѣстѣ. По мѣрѣ того, какъ этотъ работникъ развивается, городъ тянетъ его все сильнѣе и сильнѣе“. Газета доказываетъ дальше, что законодатели поступятъ оши-

---

[1]) „A Cockney peasantry“. Times, June 26, 1913.

[2]) „Мы намѣрены штурмовать центральную позицію, гдѣ укрѣпилась земельная монополія,—сказалъ Ллойдъ-Джорджъ на митингѣ углекоповъ въ Ноттинхэмѣ (9 августа 1913 года).—Борьба будетъ ожесточенная и упорная, но съ вашей помощью мы побѣдимъ. Тогда будетъ расчищенъ путь въ новую Британію, въ которой желающій работать будетъ имѣть гарантію, что ему не придется молить о хлѣбѣ“.

бочно, если постараются удержать въ деревнѣ больше народа, чѣмъ это совмѣстимо съ экономическими требованіями настоящаго времени. Начать съ того, что въ Англіи много земли, совершенно не пригодной для мелкаго фермерства. Нѣтъ никакой возможности для мелкаго фермера сѣять въ Англіи хлѣбъ и продавать его, такъ какъ хлѣбъ, привезенный изъ Канады, Аргентины, Соединенныхъ Штатовъ или изъ Индіи будетъ стоить гораздо дешевле. Индивидуальное фермерство должно быть замѣнено кооперативами въ широкихъ размѣрахъ. Проектъ насажденія крестьянъ собственниковъ непріемлемъ, потому что никто не можетъ предсказать теперь, какъ будетъ обстоять земельный вопросъ въ Англіи черезъ пятьдесятъ лѣтъ. Къ тому времени другіе континенты будутъ уже въ такой степени заселены, что не смогутъ посылать много хлѣба за границу. Соединенные Штаты, напр., уже почти не имѣютъ свободной дѣвственной земли. Тотъ хлѣбъ, который они производятъ, потребляется уже почти всецѣло въ Америкѣ. Черезъ пятьдесятъ лѣтъ, кромѣ того, разныя усовершенствованія дадутъ возможность земледѣлію широко развиться въ Англіи. Нельзя поэтому вводить теперь такую окостенѣлую форму, какъ мелкое землевладѣніе. Необходима эластичная система, которая могла бы развиваться въ зависимости отъ новыхъ, покуда еще не намѣтившихся условій. Вотъ почему государство обязано выкупить землю, но ни въ коемъ случаѣ не должно продавать ее отдѣльнымъ лицамъ въ полную собственность.

„Государство никому не причинитъ вреда и не проявитъ себя несправедливымъ, если оно станетъ единственнымъ собственникомъ всей земли и если землевладѣльцы превратятся въ вѣчныхъ арендаторовъ на условіяхъ, примѣняемыхъ ко всѣмъ. Каждое лицо, владѣющее землей, должно будетъ доказать государству, что съ достояніемъ, находящимся у него въ рукахъ, оно, это лицо, дѣлаетъ все возможное въ интересахъ общества. И если дознано будетъ, что землевладѣлецъ не въ состояніи или не желаетъ выполнить это основное условіе, продиктованное общественнымъ благомъ, отъ него потребуютъ, чтобы онъ возвратилъ землю за справедливое вознагражденіе“ [1]).

Большіе перевороты произошли во взглядахъ англійскихъ либераловъ, если вліятельная газета, крайне умѣренная по своимъ взглядамъ, отстаиваетъ принципъ націонализаціи земли.

V.

Перейдемъ теперь къ аграрному законодательству, намѣченному рабочей партіей. Въ началѣ августа земельная коммиссія, назначенная рабочей партіей, выпустила „меморандумъ“, въ которомъ, между прочимъ говорится. „Коммиссія въ особенности обра-

---

1) „Westminster Gazette“, July 22, 1913

тила вниманіе на такіе специфическіе вопросы, какъ: 1) установленіе minimum'а заработной платы для сельскихъ работниковъ; 2) причины возрожденія земледѣлія въ Ирландіи и 3) датскій методъ земледѣлія и кустарная промышленность". Коммиссія рекомендуетъ, чтобы какъ центральныя, такъ и мѣстныя власти пріобрѣтали необработанную землю, пригодную для хлѣбопашества, огородничества или для лѣсного промысла. Власти должны быть облечены полномочіемъ принудительно отчуждать землю на условіяхъ, которыя опредѣлитъ производящаяся теперь оцѣнка ея. Показанія, собранныя всюду въ сельскихъ округахъ, говорятъ о желательности установленія тамъ minimum'а заработной платы. Такъ какъ условія далеко не одинаковы въ разныхъ графствахъ, то коммиссія рекомендуетъ введеніе въ сельскихъ округахъ такихъ же согласительныхъ камеръ, какія введены въ другихъ отрасляхъ промышленности закономъ 1907 года.

Затѣмъ коммиссія указываетъ въ своемъ меморандумѣ, что рабочій день въ сельскихъ округахъ слишкомъ великъ. За послѣдніе годы законодательнымъ путемъ установлено, кромѣ воскресенья, еще полдня отдыха (въ четвергъ или въ субботу). Но это относится только къ городамъ. Коммиссія рекомендуетъ распространеніе дѣйствующаго закона и на деревни. Сельскій работникъ долженъ имѣть недѣлю, состоящую изъ пяти рабочихъ дней—въ 9 часовъ каждый и изъ одного дня—въ 5 рабочихъ часовъ. Соотвѣтственныя измѣненія должны быть сдѣланы для работниковъ, которымъ приходится присматривать за скотомъ по воскресеньямъ.

Слѣдующимъ по важности вопросомъ коммиссія признаетъ жилищный. Такъ какъ сельскій работникъ не въ состояніи платить высокую ренту, то почти нѣтъ частныхъ предпринимателей, сооружающихъ коттеджи. Въ то же время мѣстные санитарные инспекторы всюду признаютъ старые коттеджи, начавшіе уже разрушаться, вредными для здоровья и требуютъ, чтобы эти жилища были очищены. Такимъ образомъ въ деревняхъ становится все труднѣе и труднѣе найти помѣщеніе. Если же работникъ и находитъ жилище, то оно оказывается дорогимъ. Въ результатѣ являются скученность и эмиграція. Наиболѣе раціональнымъ, по мнѣнію коммиссіи, было бы установить справедливую заработную плату и фиксировать наименьшій размѣръ ея. Въ такомъ случаѣ сельскіе рабочіе получили бы возможность платить за квартиру столько, что частнымъ предпринимателямъ представилось бы выгоднымъ строить коттеджи. Но единовременное повышеніе заработной платы во всѣхъ сельскихъ округахъ врядъ-ли возможно въ настоящій моментъ. Вотъ почему коммиссія рекомендуетъ, какъ временную мѣру, правительственную субсидію графскимъ совѣтамъ съ цѣлью сооруженія новыхъ коттеджей.

Для поднятія благосостоянія деревни въ высшей степени важно, чтобы всѣ желающіе легко могли получить мелкіе надѣлы

или усадебную землю По мнѣнію коммиссіи, необходимо расширить дѣйствіе закона 1907 года (см. выше) и принять мѣры противъ обхода его тѣми графскими совѣтами, гдѣ помѣщики въ большинствѣ. Необходимо, чтобы каждый желающій взять надѣлъ, разъ онъ будетъ признанъ подходящимъ лицомъ, получилъ бы также и коттеджъ, выстроенный графскимъ совѣтомъ. Въ такой же степени важны сельскіе банки для мелкаго кредита.

Коммиссія дальше, разсматривая возрожденіе земледѣлія въ Ирландіи и успѣхи мелкаго фермерства въ Даніи, приходитъ къ заключенію, что эти страны могли бы служить примѣромъ для подражанія. Коопераціи въ сельскихъ округахъ могутъ сыграть важную роль. Въ концѣ меморандума коммиссія формулируетъ рекомендуемыя ею мѣры:

Законопроектъ объ установленіи въ сельскихъ округахъ minimum'а заработной платы;

Согласительныя камеры для установленія справедливой земельной ренты;

Государственная помощь графскимъ совѣтамъ для сооруженія новыхъ коттеджей для сельскихъ работниковъ, покуда ихъ заработная плата не повысится настолько, что работники смогутъ платить квартирную плату, которая соблазнитъ частныхъ предпринимателей;

Немедленная поправка къ закону 1907 года о мелкихъ надѣлахъ;

Сѣть сельскихъ банковъ, получающихъ помощь отъ государства;

Всяческая помощь со стороны министерства земледѣлія и мѣстнаго самоуправленія кооперативамъ.

„Мѣры, рекомендуемыя здѣсь, не разрѣшатъ земельнаго вопроса,—читаемъ мы въ меморандумѣ.—Мы намѣчаемъ только практическія мѣры, которыя могутъ быть немедленно примѣнены. Если сельскій работникъ будетъ имѣть заработную плату, гарантирующую ему сносное существованіе, удобное жилище и возможность получить надѣлъ или усадебную землю, — онъ, по всей вѣроятности, останется въ деревнѣ и не захочетъ переселиться въ городъ“.

Изъ всего того, что было сказано, мы видимъ, что старыя формы земельныхъ отношеній въ Англіи забракованы всѣми партіями, отъ самыхъ лѣвыхъ до самыхъ правыхъ. Всѣ признаютъ, что требуется нѣчто новое. И если не всѣ рекомендуютъ новое „вино“, то во всякомъ случаѣ онѣ, путемъ земельной реформы, хотятъ подготовить тотъ новый „мѣхъ“, въ который сама жизнь вольетъ потомъ „новое вино“, т. е. справедливыя земельныя отношенія. Всего лишь годъ тому назадъ консерваторы доказывали, что только протекціонизмъ спасетъ англійское земледѣліе и, въ частности, дастъ возможность возродиться классу мелкихъ землевладѣльцевъ. Теперь, какъ я упомянулъ уже, мы не слышимъ болѣе подобныхъ рѣчей. „Таможенныя пошлины или приносятъ

очень мало прямой пользы мелкимъ землевладѣльцамъ, или совсѣмъ не приносятъ ея,—говоритъ Чіоза Моней. — Косвенно же таможенныя пошлины значительно повышаютъ стоимость производства. При системѣ свободной торговли, при содѣйствіи коопераціи и при примѣненіи интенсивной культуры датскій мелкій фермеръ благоденствуетъ" [1]). Фритредеры указали на тотъ фактъ, что въ началѣ XIX вѣка, когда таможенныя пошлины въ Англіи были особенно высоки, фермеры жаловались на отчаянное положеніе. Въ 1821 году, напр., фермеры подали нижней палатѣ обширный меморіалъ, въ которомъ одинъ фермеръ показываетъ, что отъ 1790 до 1815 г. рента поднялась съ 680 ф. ст. до 1.000 ф. ст. въ годъ. Другой фермеръ показываетъ, что за тотъ же періодъ времени рента поднялась на 200 ф. ст. Землемѣръ констатируетъ, что въ одномъ округѣ отъ 1797 года до 1813 года рента утроилась. Всѣ лица, представившія меморіалъ, показываютъ, что протекціонизмъ довелъ фермеровъ до банкротства и значительно ухудшилъ положеніе сельскихъ работниковъ. Одинъ изъ фермеровъ брался „въ три-четыре дня представить не меньше 1.000 здоровыхъ сельскихъ рабочихъ, не имѣющихъ занятія" [2]). Коммиссія, назначенная парламентомъ въ 1821 году для изученія вопроса о сельско-хозяйственномъ кризисѣ, пришла къ заключенію, что не можетъ больше рекомендовать протекціонизмъ. Эти факты теперь хорошо извѣстны каждому.

Когда въ Англіи возродился протекціонизмъ, проповѣдники его впали въ курьезное противорѣчіе. „Тарифныя реформы необходимы для того, чтобы укрѣпить промышленность и возродить земледѣліе,—говорили протекціонисты.—Тарифныя реформы удваиваютъ заработную плату и даютъ средства для осуществленія соціальныхъ реформъ". Другими словами, таможенныя пошлины дадутъ казнѣ такъ много, что она сможетъ уменьшить налоги. Съ другой стороны, тарифы, устраняя иностранныхъ конкурентовъ, поведутъ къ расцвѣту отечественной промышленности. Но тутъ два положенія, *исключающія другъ друга*. Въ самомъ дѣлѣ:

1. Чтобы отечественная промышленность не страдала отъ конкурентовъ, необходимы запретительные тарифы; необходимо, чтобы въ страну ввозилось возможно *меньше иностранныхъ* фабрикатовъ.

2. Чтобы государство могло построить свой бюджетъ на таможенныхъ пошлинахъ; чтобы онѣ могли принести казначейству такую сумму, которая дала бы возможность уменьшить подоходный налогъ и расходовать на соціальныя реформы, необходимо, чтобы иностранныхъ фабрикатовъ ввозилось возможно *больше*. Получается такое же противорѣчіе, хотя и не въ такой грубой и урод-

---

1) „Money's Fiscal Dictionary", стр. 18.

2) Факты приведены въ книгѣ Лидхэма „What Protection dovs for the Farmer".

ливой формѣ, какъ при желаніи, съ одной стороны, основать государственный бюджетъ на винной монополіи, а, съ другой, повышать народное благосостояніе и нравственность.

Въ частности протекціонисты противорѣчили себѣ, когда доказывали фермерамъ необходимость протекціонизма. Въ самомъ дѣлѣ. Протекціонисты, обращаясь къ фермерамъ, говорили: „Васъ губитъ то, что въ Англію привозятъ дешевый хлѣбъ. Вы не можете выдерживать конкуренцію. Другое дѣло, если введена будетъ пошлина на привозный хлѣбъ“. Но тутъ же выяснилось, что налогъ будетъ введенъ *только* на хлѣбъ, привозимый изъ Аргентины, Россіи и Соединенныхъ Штатовъ, но не изъ колоній. Канадскій хлѣбъ войдетъ безпошлинно. И вотъ у фермеровъ явился вопросъ: „Не все ли равно, кто будетъ душить насъ: аргентинскій фермеръ или канадскій? Если канадскій хлѣбъ будетъ ввозиться безпошлинно, то онъ будетъ продаваться по такимъ цѣнамъ, которыя для насъ явятся раззореніемъ“. И вотъ мы видимъ, что въ настоящій моментъ проповѣдь протекціонизма не имѣетъ успѣха даже въ сельскихъ округахъ.

VI.

Мнѣ остается еще сказать нѣсколько подробнѣе о паллiативахъ, предлагаемыхъ всѣми партіями, т. е. объ улучшенныхъ жилищахъ и заработной платѣ. Въ началѣ августа этого года вышелъ въ видѣ Синей книги восьмой томъ отчета о переписи 1911 года [1]), содержащій свѣдѣнія о томъ, въ какихъ помѣщеніяхъ живутъ массы. Основные факты таковы. Больше всего такихъ семействъ, которыя занимаютъ помѣщенія о четырехъ комнатахъ. Только 17% всего населенія Соединеннаго Королевства живетъ въ домахъ, имѣющихъ болѣе шести комнатъ. Скученность населенія въ тѣсныхъ помѣщеніяхъ замѣчается больше въ деревняхъ, чѣмъ въ городахъ. Въ Дублинѣ 33% всѣхъ жилищъ—помѣщенія въ одну комнату, въ Глазго—20%, а въ Лондонѣ—13%. Въ сравненіи съ континентомъ это, конечно, еще ничего, такъ какъ здѣсь живутъ еще въ „углахъ“; но на англичанъ эти цифры произвели удручающее впечатлѣніе. Судя по переписи, въ Англіи и въ Уэльсѣ 7.443.137 семействъ (34.606.173 души). Изъ нихъ 482.722 человѣка живутъ въ квартирахъ изъ одной комнаты, 2.098.092 — изъ двухъ комнатъ, 4.429.119 — изъ трехъ комнатъ, 8.549.706 — изъ четырехъ комнатъ, 775.373—изъ пяти комнатъ, 5.120.079—изъ шести комнатъ, 2.231.247—изъ семи комнатъ, 1.372.990 — изъ восьми комнатъ, 793.575 — изъ девяти комнатъ и 1.777.270 въ помѣщеніяхъ изъ десяти комнатъ и больше. Другими словами, 14% всѣхъ жилищъ въ Англіи и въ Уэльсѣ— это квартиры въ три комнаты, 25%—коттеджи въ четыре комнаты, 21%—въ пять комнатъ и 14%—въ шесть комнатъ.

---

[1]) Registrar-General's Report on the Census of 1911. Vol. VIII.

19 % это — семейства изъ трехъ человѣкъ, 18% — изъ четырехъ, 16% — изъ двухъ, 14% изъ пяти человѣкъ и 10% — изъ шести человѣкъ. Въ общемъ, на человѣка приходится нѣсколько больше одной комнаты (60% всѣхъ помѣщеній, состоящихъ изъ 3—6 комнатъ, заняты семействами изъ 2—6 человѣкъ). Семейства съ двумя дѣтьми составляютъ наиболѣе часто встрѣчающійся типъ. Это — *постоянное* явленіе, отмѣченное вотъ уже тремя переписями. Передъ нами результаты практическаго мальтузіанства. Но обратимся къ цифрамъ, выражающимъ положеніе жилищнаго вопроса въ сельскихъ округахъ. „Хотя, въ общемъ, въ земледѣльческихъ округахъ коттеджи нѣсколько лучше, чѣмъ тѣ, въ которыхъ живутъ углекопы, — говоритъ составитель офиціальнаго отчета — но нигдѣ въ Англіи не наблюдается такая скученность, какъ въ деревняхъ. Въ деревняхъ, напр., въ Бедфордширѣ, 4,1% помѣщеній, въ которыхъ на комнату приходится больше, чѣмъ два человѣка, тогда какъ въ городахъ того же графства такія помѣщенія составляютъ 2,1%; въ Кэмбриджширѣ въ деревняхъ такія помѣщенія составляютъ 5,4%, а въ городахъ — 2,1%; въ восточномъ Сёффолькѣ — 4,4% противъ 1,9%, въ Уильтширѣ 5,8% противъ 3%, въ Монмаутширѣ 8,7% противъ 4,1%, и въ Стафордширѣ 9,7% противъ 6,1%. Такимъ образомъ, *всюду* въ деревняхъ населеніе живетъ болѣе тѣсно, чѣмъ въ городахъ. Этимъ отчасти объясняется, что молодой деревенскій парень, желающій жениться, вынужденъ переселиться въ городъ, такъ какъ въ своемъ родномъ мѣстѣ не можетъ найти коттеджа, чтобы устроить home. По словамъ отчета, со времени переписи 1901 года никакихъ улучшеній въ жилищномъ вопросѣ въ деревняхъ не произошло. Эти цифры я дополню данными изъ другого источника. По свѣдѣніямъ, собраннымъ въ 1897 году въ 78 деревняхъ, 25% всѣхъ коттеджей оказалось въ очень плохомъ состояніи; коттеджи безъ камина составляли 60%, а коттеджи безъ проведенной туда воды составляли 15%. Съ точки зрѣнія Чурисенка („Утро помѣщика"), коттеджъ, куда не проведена вода, конечно, не составляетъ большого несчастья. Гдѣ ужъ Чурисенку было думать о такой роскоши, какъ водопроводный кранъ въ домѣ, когда жилище его составлялъ „полусгнившій, подопрѣлый съ угловъ срубъ, погнувшійся на бокъ и вросшій въ землю, такъ, что надъ самою навозною завалиной виднѣлись одно разбитое, красное, волоковое оконце съ полуотворенными ставнями, и другое, волчье, закутанное хлопкомъ" [1])? Но къ изученію положенія англійскаго сельскаго работника мы должны подходить съ англійской же мѣркой.

Всѣ политическія партіи въ Англіи согласны теперь, что жилища сельскихъ работниковъ должны быть улучшены и что англійскіе графскіе совѣты могутъ послѣдовать въ этомъ отношеніи примѣру ирландскихъ органовъ самоуправленія.

---

[1]) *Л. Н. Толстой.* „Сочиненія", т. II, стр. 7.

Перейду теперь къ другому официальному отчету, выпущенному только что министерствомъ промышленности и освѣщающему вопросъ о квартирной рентѣ, заработной платѣ и о цѣнѣ на предметы первой необходимости. Изъ этого отчета мы узнаемъ, что съ 1900 года стоимость предметовъ первой необходимости въ Англіи поднялась на 14%, а заработная плата только на 3%. Съ обстоятельностью, свойственной всѣмъ англійскимъ официальнымъ отчетамъ, новый отчетъ показываетъ, насколько поднялись цѣны на каждый предметъ: говядина вздорожала на 9,5%, баранина на 6,1%, копченое сало, представляющее одинъ изъ необходимыхъ ингредіентовъ англійскаго завтрака, на 32,1%, хлѣбъ—на 15,3%, сыръ — на 18,8%, картофель — на 46,1% и т. д. Только цѣны на чай понизились на 3,8%, да на сахаръ—на 0,2%. Передъ нами явленіе, наблюдаемое не только въ Англіи, а всюду. Въ Англіи повышеніе цѣнъ на предметы первой необходимости *слабѣе*, чѣмъ въ другихъ странахъ. Судя по официальному отчету, цѣны на съѣстные припасы и вообще на предметы первой необходимости поднялись съ 1900 года.

Въ Англіи на	14%	Въ Голландіи на	23%
„ Австріи на	35%	„ Италіи на	20%
„ Венгріи на	37%	„ Норвегіи на	19%
„ Бельгіи на	32%	„ Россіи на	21%
„ Франціи на	15%	„ Соедин. Штатахъ на	39%
„ Германіи на	30%	„ Японіи на	38%

Рента за квартиры поднялась въ Англіи, въ зависимости отъ городовъ, на 4—10%.

Въ то же время, какъ я упомянулъ уже, заработная плата поднялась только на 3%. Такимъ образомъ положеніе англійскихъ рабочихъ вообще, а сельскихъ въ особенности, теперь хуже, чѣмъ въ 1900 году. Рабочимъ приходится теперь экономить на пищѣ или обходиться безъ такихъ предметовъ, къ которымъ они привыкли уже. Такъ какъ положеніе англійской промышленности въ настоящій моментъ блестяще и такъ какъ уже много лѣтъ въ Англіи не было такого ничтожнаго процента безработныхъ, какъ теперь, — то результаты явленія, отмѣченнаго официальнымъ отчетомъ, не замѣтны еще. Но какъ только надвинется промышленный кризисъ, намѣчающійся уже на континентѣ, Англію ждутъ серьезныя волненія, и никто, конечно, не долженъ думать, что англійскіе рабочіе будутъ тогда терпѣть молча. Впереди—рядъ громадныхъ стачекъ и бурныхъ движеній. „Миръ въ области промышленности невозможенъ, если цѣны на предметы первой необходимости повышаются сильнѣе, чѣмъ заработная плата“ [1]).

И такъ какъ сельскіе работники страдаютъ сильнѣе отъ явле-

[1]) „The National“, August 16, 1913, стр. 738.

нія, отмѣченнаго въ официальномъ отчетѣ, то вскорѣ въ деревняхъ можно ожидать броженія—еще болѣе сильнаго, чѣмъ въ городахъ. Это обстоятельство, несомнѣнно приводитъ теперь всѣ партіи къ заключенію, что надо спѣшить съ реформами.

Діонео.

АВГУСТЪ БЕБЕЛЬ.

I.

Бебель умеръ...

Съ трудомъ пишутся эти слова, съ трудомъ воспринимается все ихъ конкретное значеніе. Казалось бы, что особеннаго: всѣ люди смертны. И тѣмъ не менѣе вѣсть о кончинѣ стараго вождя ударила по милліонамъ сердецъ полной неожиданностью. Въ Берлинѣ въ день смерти Бебеля густыя толпы народа стояли у редакціи „Vorwärts'a" и передъ „Домомъ профессіональныхъ союзовъ" въ ожиданіи извѣстій о подробностяхъ трагическаго событія. И на мрачно-сосредоточенныхъ лицахъ тѣснившейся массы можно было прочесть одинъ и тотъ же вопросъ: „Неужели это правда? Неужели тотъ, кто втеченіе цѣлаго полустолѣтія былъ наиболѣе полнымъ и яркимъ воплощеніемъ нѣмецкаго рабочаго, ушелъ навѣки и больше не вернется?"

Германская соціалъ-демократія на протяженіи своей исторіи знала немало крупныхъ и выдающихся фигуръ. Она знала такихъ геніальныхъ мыслителей, какъ Марксъ, такихъ блестящихъ народныхъ трибуновъ, какъ Лассаль, такихъ выдающихся партійныхъ вождей, какъ Вильгельмъ Либкнехтъ. И однако какъ бы ни были велики заслуги только что перечисленныхъ людей, Бебель остается все-таки въ своемъ родѣ единственнымъ и несравненнымъ. Ибо то были благородные выходцы изъ иной, соціальной среды, пришедшіе къ народу, повинуясь голосу разума и совѣсти, боровшіеся и страдавшіе за народъ, но все-таки никогда не умѣвшіе вполнѣ слиться съ народомъ въ своихъ чувствахъ и мысляхъ. Не то Бебель. Онъ—плоть отъ плоти и кость отъ кости широкой трудящейся массы, самъ на своемъ собственномъ опытѣ познавшій всѣ горести ея существованія, органически сросшійся съ ея бытомъ и міропониманіемъ, вполнѣ свой, близкій, родной человѣкъ этой массѣ. Она видѣла въ немъ лишь идеальное воплощеніе себя самой, своей юности и энергіи, своей горячей вѣры въ грядущее освобожденіе. Она любила Бебеля, какъ она не любила ни одного изъ своихъ

вождей. Какъ осиротѣвшій германскій пролетаріатъ будетъ дальше жить, бороться и страдать?..

Но жить и бороться все-таки надо. Въ иныя, болѣе мистическія времена массы сумѣли бы легко выйти изъ создавшагося затрудненія. Народная легенда разукрасила бы цвѣтами вымысла ушедшаго героя, опровергла бы его безвременную кончину и нарисовала бы яркій образъ великаго вождя, заснувшаго, подобно Фридриху Барбароссѣ, гдѣ-нибудь въ глубокихъ таинственныхъ пещерахъ, чутко ожидающаго призывнаго клича. Въ вѣкъ аэроплановъ и безпроволочнаго телеграфа раціоналистической демократіи нашихъ дней остается только возможно глубже и ярче запечатлѣть въ своей памяти строгій и благородный образъ человѣка, втеченіе цѣлаго полустолѣтія вдохновлявшаго трудящіяся массы на борьбу за свое освобожденіе.

II.

Едва-ли найдется другой крупный политическій и общественный дѣятель, личную біографію котораго было бы такъ же трудно изложить, какъ личную біографію Августа Бебеля. И это понятно. Бебель отъ природы не представлялъ собой такой мощной, почти демонической *индивидуальности*, какой былъ, напр., Фердинандъ Лассаль. Лассаль пришелъ къ рабочей массѣ извнѣ для того, чтобы ее завоевать, и въ извѣстномъ смыслѣ онъ достигъ своей цѣли: онъ оказалъ могущественное вліяніе на идеалы и психологію нѣмецкаго пролетаріата, наложилъ отпечатокъ своей личности на физіономію соціалистическаго движенія втеченіе почти трехъ десятилѣтій. Недаромъ же вплоть до 1875 г. въ мірѣ германскаго соціализма было ярко представлено особое *лассальянское* теченіе, и недаромъ только эрфуртская программа 1891 г. окончательно ликвидировала въ рядахъ партіи нѣкоторые пункты идеологическаго наслѣдія великаго агитатора. Личная біографія Лассаля представляетъ собой нѣчто яркое и самостоятельное, въ большей или меньшей степени независимое отъ его общественно-политической дѣятельности.

Не то у Бебеля. По сравненію съ Лассалемъ его личность значительно блѣднѣе, ординарнѣе. Бебель это лишь идеальный типъ нѣмецкаго рабочаго, наиболѣе законченное олицетвореніе германскихъ трудящихся массъ. Не онъ велъ за собой, не онъ подчинялъ своему вліянію соціалистическое движеніе даже на первыхъ ступеняхъ его развитія, а, наоборотъ, движеніе вело его за собой, оно превращало его въ могучій рупоръ своихъ требованій и исканій. Бебельянцевъ никогда не было и нѣтъ, и въ физіономіи нынѣшней германской соціалъ-демократіи трудно уловить какія-либо специфическія бебелевскія черты. Лассаль по всему складу своей натуры былъ прирожденнымъ господиномъ, повелителемъ,—наоборотъ, Бебель былъ и навсегда остался геніальнымъ солдатомъ. Даже очутившись во главѣ

исполинской партіи, онъ продолжалъ чувствовать себя лишь первымъ воиномъ великой демократической арміи, главная добродѣтель котораго состоитъ въ подчиненіи волѣ большинства.

При такомъ характерѣ физіономіи Бебеля неудивительно, что у него почти не было личной біографіи. Онъ весь жилъ въ движеніи, поглощавшемъ девять десятыхъ его силъ и энергіи, его мысль работала только для социалъ-демократіи, его сердце билось только для партіи. Перечитывая два тома его воспоминаній, невольно поражаешься крайней скудостью содержащагося въ нихъ субъективнаго матеріала. Возможно, конечно, что извѣстную роль тутъ играла необыкновенная скромность самого автора, не любившаго показывать широкой публикѣ болѣе интимную сторону своей души. Однако едва-ли можно сомнѣваться, что главной причиной этого страннаго на первый взглядъ явленія служитъ просто отсутствіе у Бебеля какихъ-либо значительныхъ событій или переживаній внѣ связи съ партіей и соціалистическимъ движеніемъ. И, когда на склонѣ лѣтъ старый вождь захотѣлъ разсказать, какъ онъ прожилъ свою долгую, столь богатую опытомъ и впечатлѣніями жизнь, у него получилась исторія германской соціалъ-демократіи.

Но „каждый человѣкъ долженъ гдѣ-нибудь и когда-нибудь родиться“. Съ такимъ же правомъ можно утверждать, что каждый, даже самый общественный человѣкъ, долженъ все-таки имѣть то, что принято называть событіями личной жизни. Имѣетъ подобныя событія, конечно, и Бебель.

Отцомъ его былъ прусскій унтеръ-офицеръ Іоганнъ Готлибъ Бебель, его родиной—казарма расположеннаго въ Дейцъ-Кёльнѣ 25 пѣхотнаго полка. „Свѣтъ Божій,—пишетъ А. Бебель въ своихъ воспоминаніяхъ—на который я смотрѣлъ послѣ своего рожденія, былъ тусклый свѣтъ оловянной масляной лампы, скудно освѣщавшей сѣрыя стѣны большой казарменной комнаты, которая въ одно и то же время служила спальней и столовой, гостиной, кухней и кладовой. По словамъ моей матери, я явился на свѣтъ какъ разъ въ тотъ моментъ, когда пробилъ девятый вечерній часъ. Въ извѣстной степени — это „историческій моментъ“, такъ какъ въ это время во дворѣ передъ казармой горнистъ трубилъ вечернюю зорю, которая, какъ извѣстно, съ незапамятныхъ временъ служила для солдатъ сигналомъ, что они могутъ идти на покой. Люди, пророчески настроенные, могли бы видѣть въ этомъ фактѣ указаніе на мое будущее оппозиціонное отношеніе къ существующему государственному порядку. Ибо, строго говоря, это было вѣдь нарушеніемъ военныхъ правилъ, что я, сынъ прусскаго унтеръ-офицера, оглашалъ крикомъ стѣны королевской казармы въ ту самую минуту,—а я уже при рожденіи, говорятъ, обладалъ сильнымъ голосомъ,—когда отданъ былъ приказъ отдыхать.“ [1]).

---

[1]) А. Бебель—Изъ моей жизни. Москва, 1910, стр. 8.

Годы дѣтства и юности Бебеля прошли среди крайней нужды и тяжелыхъ лишеній. Въ 1843 г., когда будущему вождю едва исполнилось три года, умеръ отъ туберкулеза его отецъ. Годъ спустя его мать вышла вторично замужъ за брата своего перваго мужа, полнаго инвалида, занимавшаго должность назирателя въ исправительномъ домѣ въ Браувейлерѣ. Однако въ 1846 г. смерть отняла у маленькаго Бебеля и отчима, послѣ чего вся его семья переселилась на родину матери въ маленькій прирейнскій городокъ, Вецларъ. Въ матеріальномъ отошеніи эта перемѣна мѣста жительства не имѣла особаго значенія: нищета и лишенія были по прежнему постоянными гостями въ домѣ Бебелей, не смотря на отчаянныя усилія матери поддержать семью собственной работой. До какой крайности доходило дѣло, можно судить хотя бы потому, что втеченіе ряда лѣтъ слабая и уже больная туберкулезомъ женщина вынуждена была добывать средства къ жизни шитьемъ военныхъ перчатокъ по 20 пф. (около 10 коп.) за штуку и что на голодный плачъ своихъ дѣтей она неизмѣнно отвѣчала: приходится иногда закрывать мѣшокъ, хотя онъ еще и не совсѣмъ полонъ. Неудивительно при такихъ условіяхъ, что каждый кусокъ хлѣба въ домѣ былъ на счету и что втеченіе долгаго времени самой завѣтной мечтой будущаго народнаго трибуна являлось какъ-нибудь досыта наѣсться.

Въ Вецларѣ же Бебель сталъ посѣщать начальную школу. Способный и воспріимчивый мальчикъ очень быстро занялъ мѣсто одного изъ лучшихъ учениковъ въ классѣ, обнаруживъ особенную любовь къ математикѣ, географіи и исторіи. За то „поведеніе" его оставляло желать весьма многаго и за различныя юношескія шалости и продѣлки будущему вождю пролетаріата приходилось неоднократно уже тогда платиться лишеніемъ свободы. Тотъ же недостатокъ благонравія помѣшалъ Бебелю получить награду при окончаніи школы: хотя успѣхи его въ наукахъ были признаны отличными, однако ректоръ находилъ, что плохое поведеніе всетаки должно быть соотвѣтственно наказано. „Такъ я и вступилъ въ жизнь безъ всякой награды"—съ добродушнымъ юморомъ замѣчаетъ Бебель объ этомъ инцидентѣ въ своихъ воспоминаніяхъ.

Въ 1853 г. умерла мать Бебеля, унесенная неумолимымъ недугомъ, и будущій соціалистъ вмѣстѣ съ своимъ младшимъ братомъ остались круглыми сиротами. Дѣтей разобрали сердобольные родственники и, такъ какъ они уже находились въ отроческомъ возрастѣ, то вскорѣ ихъ рѣшили приставить „къ дѣлу". Августъ Бебель попалъ къ одному мѣстному токарному мастеру и по прошествіи трехъ лѣтъ покинулъ его заведеніе съ званіемъ токаря по дереву.

Въ серединѣ прошлаго столѣтія среди нѣмецкихъ ремесленниковъ былъ очень распространенъ сохранившійся отчасти еще донынѣ обычай странствованія въ молодые годы. Въ концѣ января

1858 г. 18-лѣтній Бебель надѣлъ котомку на плечи и тронулся въ путь по образу пѣшаго хожденія. Втеченіе двухъ лѣтъ онъ обошелъ рейнскія провинціи, Баденъ, Вюртембергъ, Баварію и часть Тироля, кое-гдѣ останавливаясь для работы на болѣе продолжительные сроки. Изъ событій этого періода особенно памятно осталось Бебелю пребываніе во Фрейбургѣ и Зальцбургѣ, гдѣ онъ провелъ по нѣсколько мѣсяцевъ, принимая близкое участіе въ католическихъ рабочихъ ферейнахъ,—единственныхъ рабочихъ организаціяхъ, существовавшихъ въ то глухое время въ Германіи.

Къ годамъ странствованій относится, между прочимъ, и неудачная попытка Бебеля надѣть на себя солдатскій мундиръ. Воспитанный въ атмосферѣ военной казармы, будущій смертельный врагъ милитаризма въ дѣтствѣ и юности обнаруживалъ большое увлеченіе „боевымъ" духомъ. Когда въ 1859 г. началась война между Австріей и Италіей, молодой Бебель, охваченный патріотическимъ энтузіазмомъ, рѣшилъ присоединиться въ качествѣ волонтера къ отряду тирольскихъ егерей, въ чемъ ему, впрочемъ, какъ „иностранцу" (т. е. пруссаку), было отказано. Первая неудача не охладила однако воинственнаго пыла юнаго токаря. Какъ только прошли слухи, что Пруссія также готовится къ походу, онъ тотчасъ же собрался къ себѣ на родину для того, чтобы имѣть возможность хотя бы тамъ записаться въ добровольцы. Впрочемъ, заключеніе мира при Виллафранкѣ помѣшало и на этотъ разъ осуществленію милитаристскихъ мечтаній Бебеля и обратило его мысль къ болѣе мирнымъ предметамъ.

Въ маѣ 1860 г. въ поискахъ за работой Бебель попалъ въ Лейпцигъ, считавшійся въ то время однимъ изъ наиболѣе живыхъ городовъ Германіи. И это обстоятельство въ извѣстной степени рѣшило всю его дальнѣйшую судьбу. Здѣсь, сначала въ качествѣ подмастерья, а съ 1863 г. въ качествѣ хозяина маленькой мастерской по выдѣлкѣ дверныхъ ручекъ изъ буйволоваго рога, Бебель пріобрѣлъ осѣдлость и постепенно началъ пускать глубокіе корни въ окружающей средѣ. Въ 1866 г. онъ женился на модисткѣ одного изъ лейпцигскихъ магазиновъ платья, оказавшейся вѣрной и преданной подругой, горячую любовь къ которой великій соціалистъ сохранилъ вплоть до самыхъ послѣднихъ своихъ дней. Въ 1869 г. у четы Бебелей родился ихъ единственный ребенокъ—дочь Фрида, являвшаяся, по собственному признанію стараго вождя, источникомъ счастья и утѣшенія для него и его жены во всѣ тяжелыя минуты ихъ послѣдующаго существованія.

III.

Здѣсь же въ Лейпцигѣ совершилось и политическое крещеніе Бебеля. Томимый страстной жаждой знанія, молодой талантливый рабочій принялъ дѣятельное участіе въ смѣло подымавшемъ въ то время голову культурно-просвѣтительномъ движеніи пролетаріата.

На первыхъ порахъ, какъ буржуазный демократъ, а позднѣе, въ особенности послѣ знакомства съ В. Либкнехтомъ, какъ соціалистъ, Бебель очень быстро выдвинулся изъ рядовъ посредственностей и занялъ руководящее положеніе въ тогдашнемъ рабочемъ мірѣ. Въ 1865 г. онъ былъ выбранъ президентомъ „Союза германскихъ рабочихъ обществъ“, въ 1867 г.—посланъ округомъ Глаухау-Меране депутатомъ въ сѣверо-германскій учредительный рейхстагъ, въ 1869 г. онъ вмѣстѣ съ В. Либкнехтомъ оказался въ роли лидера вновь основанной такъ называемой „эйзенахской“ соціалистической партіи, возникшей, какъ марксистскій противовѣсъ лассальянскому „Всеобщему Рабочему Союзу“.

Извѣстность и авторитетъ принесли съ собой молодому токарю однако не однѣ только розы, но и немало шиповъ. Отказъ вотировать средства на веденіе франко-прусской войны и протестъ противъ присоединенія Эльзасъ-Лотарингіи, заявленный Бебелемъ и Либкнехтомъ въ 1870—71 гг. въ рейхстагѣ, вызвали противъ нихъ во всей Германіи настоящую бурю негодованія, имѣвшую своимъ послѣдствіемъ привлеченіе къ суду обоихъ соціалистическихъ депутатовъ по обвиненію ихъ въ государственной измѣнѣ. Не смотря на полное отсутствіе какихъ бы то ни было уликъ, вожди пролетаріата были все-таки приговорены къ двухлѣтнему тюремному заключенію, отбытому ими въ саксонской крѣпости Губертусбургъ. Время, проведенное Бебелемъ за желѣзной рѣшеткой, должно быть по справедливости причислено къ наиболѣе плодотворнымъ періодамъ его жизни. За два года невольнаго покоя онъ сильно окрѣпъ физически (до того онъ отличался очень слабымъ здоровьемъ) и еще сильнѣе выросъ и развился умственно, со страстью отдавшись подъ руководствомъ Либкнехта изученію политики, экономики, исторіи и литературы. Духовное оружіе, выкованное талантливымъ самородкомъ въ четырехъ стѣнахъ тюремной кельи, оказало ему неоцѣнимыя услуги въ безчисленныхъ политическихъ битвахъ послѣдующихъ лѣтъ, и это обстоятельство заставляло соціалистическаго вождя нерѣдко вспоминать съ благодарностью и признательностью годы заключенія въ Губертусбургѣ [1]).

По выходѣ изъ тюрьмы Бебель долженъ былъ на первыхъ порахъ обратить главное вниманіе на устройство своихъ личныхъ дѣлъ. За время его долгаго отсутствія его предпріятіе пришло въ полное разстройство. Въ коммерческихъ кругахъ ему, какъ революціонеру, былъ объявленъ строгій бойкотъ и зловѣщая тѣнь финансоваго банкротства стояла уже почти у порога его жилища. Волей-неволей приходилось подумать о хлѣбѣ насущномъ и со всей энергіей и настойчивостью броситься въ тяжелую и неблагодарную

---

[1]) До и послѣ пребыванія въ Губертусбургѣ Бебелю не разъ приходилось сводить близкое знакомство съ тюремной камерой. Въ общей сложности онъ провелъ въ заключеніи 4 года и 8 мѣсяцевъ.

борьбу за существованіе. Къ счастью, усилія эти не пропали даромъ. Черезъ нѣкоторое время экономическое положеніе предпріятія начало постепенно улучшаться, а, когда съ 1876 г. Бебелю удалось найти себѣ честнаго и состоятельнаго компаньона въ лицѣ своего товарища и единомышленника Ислейба, онъ могъ вздохнуть болѣе свободно. Съ этого момента все техническое завѣдываніе мастерской перешло въ руки Ислейба, на долю же Бебеля остались лишь комми-вояжерскія функціи, позволявшія ему сравнительно легко соединять „хлѣбное" занятіе съ партійной работой. Съ 1884 г. Бебель, находя, что теперь онъ уже не можетъ, какъ слѣдуетъ, выполнять обязанности компаньона, рѣшилъ передать свою часть предпріятія Ислейбу и перейти на положеніе комми-вояжера фирмы. А съ 1889 г. онъ отказался и отъ разъѣздныхъ функцій, от давшись съ этого момента цѣликомъ своей все расширявшейся политической и литературной дѣятельности.

Послѣдующія два десятилѣтія являются временемъ наибольшаго расцвѣта славы и вліянія Бебеля. Съ паденіемъ закона противъ соціалистовъ онъ становится признаннымъ вождемъ германской соціалъ-демократіи, отодвинувъ нѣсколько на заднiй планъ даже своего стараго друга и учителя, В. Либкнехта. Въ эту эпоху онъ проявляетъ поистинѣ изумительную, разностороннюю дѣятельность: онъ говоритъ на народныхъ собраніяхъ, ведетъ блестящую парламентскую кампанію въ рейхстагѣ, работаетъ въ центральномъ правленіи партіи, участвуетъ въ многочисленныхъ с.-д. органахъ, выступаетъ съ докладами и рефератами на партійныхъ съѣздахъ и интернаціональныхъ конгрессахъ и, сверхъ того, находитъ еще достаточно времени для прилежныхъ самостоятельныхъ занятій и неутомимаго пополненія своего и безъ того богатаго запаса знаній. Въ эти годы личная жизнь Бебеля, никогда не бывшая особенно яркой, какъ-то совершенно стушевывается. Онъ весь растворяется въ быстро ростущемъ и развивающемся движеніи. Онъ больше, чѣмъ когда-либо, становится человѣкомъ партіи, человѣкомъ идеи, цѣликомъ отдающимъ всего себя „за други своя".

Снова о Бебелѣ, какъ просто о личности, какъ о человѣкѣ, которому ничто человѣческое не чуждо, мы начинаемъ слышать только въ самые послѣдніе годы. Но то уже невеселыя вѣсти. Неумолимое время не остается безвластнымъ и надъ этой благородной сѣдѣющей головой. Надвигается старость со всѣми своими недугами, и вмѣстѣ съ старостью все больше изсякаетъ жизненная сила организма, все хуже работаетъ горячее, столь полное любви къ угнетеннымъ и обездоленнымъ сердце...

Уже на нюрнбергскій партійный съѣздъ 1908 г. Бебель явился измученнымъ, полубольнымъ и подъ конецъ долженъ былъ даже совсѣмъ отказаться отъ активнаго участія въ работахъ. Два года спустя, въ Магдебургѣ, и затѣмъ позднѣе, въ 1911 г., въ Іенѣ, онъ еще выступалъ съ рефератами, полными блеска и энергіи, но то

были послѣднія яркія вспышки угасавшаго пламени. Особенно сильное вліяніе на состояніе стараго вождя оказала смерть его вѣрной подруги-жены, послѣдовавшая въ ноябрѣ 1910 г.

„Никто не зналъ ничего объ этомъ,—пишетъ о печальномъ событіи одинъ изъ швейцарскихъ друзей великаго соціалиста.—Бебель сидѣлъ у ея смертнаго одра и затаилъ всю горечь своей потери въ самомъ себѣ. Даже ближайшіе товарищи и знакомые были лишены доступа къ нему. Только дочь Бебеля и ея мужъ, въ домѣ которыхъ онъ всегда останавливался въ Цюрихѣ, узнали изъ его собственныхъ устъ о кончинѣ дорогой подруги. Узнало также управленіе кладбища, которому было заказано сожженіе. Лишь такимъ окольнымъ путемъ стало извѣстно и намъ о трагическомъ событіи. Вѣнки и выраженія сочувствія Бебель рѣшительно отклонилъ: это должно было быть тихое, скромное погребеніе... Однако онъ не могъ воспрепятствовать тому, что старый Грейлихъ произнесъ на могилѣ нѣсколько прочувствованныхъ словъ, что рабочій хоръ спѣлъ тамъ же нѣсколько пѣсенъ. „Мнѣ больно отъ этой любви"—произнесъ въ отвѣтъ Бебель. Но ни малѣйшая складка страданія не исказила его лица, онъ мужественно боролся съ своей скорбью.

„Три дня спустя онъ пригласилъ меня къ себѣ. Онъ сидѣлъ передъ цѣлой горой газетъ и писемъ, на которыя онъ долженъ былъ отвѣтить. Въ одномъ письмѣ „къ Кларѣ" въ Штуттгартъ [1]) онъ уже излилъ все то, что подсказывала ему въ тотъ моментъ его душа, и внутренняя боль слышалась лишь въ тонѣ его голоса. Черты лица были спокойны, какъ всегда. Въ разговорѣ онъ не дѣлалъ обычныхъ паузъ. Когда въ комнату съ завтракомъ на подносѣ вошла его дочь, онъ, погруженный въ скорбную задумчивость, принялъ ее невольно за свою покойную жену и въ такомъ тонѣ заговорилъ съ ней. Я едва могъ сдержать слезы. Потомъ онъ очнулся, сталъ разсказывать о прошедшемъ, мечталъ о будущемъ и, подъ конецъ, началъ давать мнѣ совѣты и наставленія касательно швейцарскихъ партійныхъ дѣлъ" [2]).

Но судьба готовила старому вождю новые тяжелые удары. Полтора года спустя умеръ отъ зараженія крови, полученнаго во время лабораторныхъ опытовъ, его зять, докторъ Б. Симонъ, а вслѣдъ затѣмъ потрясенная этой потерей его дочь заболѣла психическимъ разстройствомъ.

Надломленныя силы Бебеля не выдержали обрушившихся на него испытаній: 13 августа текущаго года, среди дѣятельныхъ приготовленій къ поѣздкѣ на предстоящей іенскій съѣздъ, онъ умеръ на 74-мъ году жизни отъ разрыва сердца...

---

[1]) Извѣстная дѣятельница с.-д. женскаго движенія, Клара Цеткинъ.

[2]) „Leipziger Volkszeitung", 1913, № 189 отъ 16 августа.

IV.

Въ исторіи человѣчества немного найдется примѣровъ столь быстрой и всесторонней эволюціи цѣлой націи, какъ та, которую пережила за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ германская нація.

Что представляла собою въ самомъ дѣлѣ эта нація всего какихъ-нибудь полстолѣтія тому назадъ? Въ то время это была нація убогой, обнищалой деревни и скучныхъ уѣздныхъ городовъ, нація туманныхъ, подчасъ, быть можетъ, геніальныхъ мечтателей и сентиментальныхъ мелкихъ буржуа. Крайняя непрактичность и полная неспособность къ какому-бы то ни было государственному или общественному строительству составляли ея наиболѣе отличительныя черты. Распыленная между безчисленнымъ множествомъ крошечныхъ политическихъ тѣлъ, нація отвыкала жить широкой общественной жизнью и съ головой уходила въ болото узенькихъ приходскихъ интересовъ. Всякая попытка какого-нибудь мощнаго общенароднаго выступленія немедленно разбивалась о политическую и культурную раздробленность страны, о сотни мѣстныхъ патріотизмовъ и тысячи междугородскихъ счетовъ и препирательствъ. Германія середины XIX в. была олицетвореніемъ внутренней слабости и внѣшней безпомощности, была постояннымъ объектомъ презрительныхъ насмѣшекъ со стороны представителей другихъ, болѣе культурныхъ государствъ.

А теперь? Полстолѣтія могущественнаго капиталистическаго и политическаго развитія прошли грозой надъ головой нѣмецкой націи и произвели полный переворотъ въ ея государственной и экономической жизни, въ ея международномъ положеніи, во всемъ ея историческомъ обликѣ и бытовомъ укладѣ. Изъ націи деревенской, націи мелкогородской по преимуществу она превратилась въ одну изъ наиболѣе индустріальныхъ, наиболѣе капиталистическихъ націй міра. Изъ сотенъ крошечныхъ княжествъ, герцогствъ и республикъ она создала единую могучую имперію, прочности которой можетъ позавидовать любое изъ европейскихъ государствъ. И изъ положенія націи - паріи она перешла [въ положеніе націи - властительницы, играющей доминирующую роль въ концертѣ міровыхъ державъ. Исчезли прежнія внутреннія раздробленность и обособленность, и блѣдная тѣнь старогерманскаго сепаратизма въ атмосферѣ всеобщихъ централизаторскихъ тенденцій современности грустно доживаетъ свои послѣдніе дни. Вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко измѣнились и психика, и характеръ нѣмецкаго народа. Сентиментальный мелкій буржуа превратился въ смѣлаго и беззастѣнчиваго капиталистическаго пирата - предпринимателя, научившагося энергично выжимать изъ рабочей массы прибавочную стоимость, а на смѣну прежнему туманному мечтателю-философу пришелъ нынѣшній практичный и разсчетливый дѣлецъ-интеллигентъ. Въ то же время

ушли въ область невозвратнаго прошлаго старо-нѣмецкая сенти ментальность, неприспособленность къ жизни, неспособность къ организаціи. Современный германскій народъ это—народъ-практикъ, народъ - строитель, народъ - организаторъ по-преимуществу. Недаромъ же популярная народная поговорка гласитъ, что, гдѣ соберутся три нѣмца, тамъ они сейчасъ же создадутъ четыре ферейна.

Эта новая милитаристская и капиталистическая Германія характеризовалась однако не только нарожденіемъ „бронированнаго кулака" и бѣшеной погоней за золотымъ тельцомъ. Вмѣстѣ съ панцырными судами и скорострѣльными пушками, вмѣстѣ съ крупповской фабрикой и „Гамбургъ-Американской Линіей" она создала и оборотную сторону всего этого капиталистическаго великолѣпія — могущественное движеніе угнетенныхъ и обездоленныхъ рабочихъ массъ. Съ каждымъ новымъ заводомъ, приносившимъ своему владѣльцу милліонныя прибыли, и съ каждой новой шахтой, оставляющей несмѣтныя богатства въ рукахъ угольныхъ королей, росли кадры борцовъ за освобожденіе пролетаріата, за лучшее будущее всего человѣчества. Втеченіе десятилѣтій рабочее движеніе превратилось въ неотдѣлимую составную часть общественно-политической и культурной жизни страны, безъ которой современную имперію Гогенцоллерновъ такъ же невозможно себѣ представить, какъ невозможно себѣ представить Россію безъ ея Горѣловокъ и Неѣловокъ или Швейцарію безъ ея блестящихъ снѣговыхъ вершинъ.

Но новая Германія не только создала широкое движеніе пролетарскихъ массъ,—она также общей суммой своихъ внутреннихъ соціально-политическихъ отношеній опредѣлила его внѣшнія формы и его характеръ. Въ странѣ, гдѣ руль государственнаго корабля находится въ рукахъ дряхлѣющихъ общественныхъ классовъ, гдѣ твердыни господства послѣднихъ уже подмыты неустаннымъ напоромъ историческаго потока,—свѣжія, нарождающіяся соціальныя силы могутъ пытаться однимъ смѣлымъ толчкомъ отправить зажившихся мертвецовъ въ загробный міръ тѣней. Въ подобныхъ историческихъ положеніяхъ въ рядахъ демократической арміи пріобрѣтаютъ обыкновенно громадную популярность идеи „революціонной" тактики, открытаго возстанія. Вспомнимъ хотя бы Великую французскую революцію. Дѣло было, однако, совсѣмъ иначе въ Германіи въ эпоху зарожденія современнаго рабочаго движенія. Здѣсь послѣднее должно было развиваться въ соціальной средѣ, еще полной жизненныхъ соковъ. Пролетаріату противостояли здѣсь не выродившіеся и разлагающіеся „аристократы" VIII в., а классы, сохранившіе еще много жизненной энергіи, частью переживавшіе еще эпоху бурнаго расцвѣта своихъ силъ. Разсчитывать низвергнуть подобные соціальные элементы при помощи одного лишь насильственнаго удара было, конечно, величайшей

утопіей. И потому германское соціалистическое движеніе должно было неизбѣжно выбрать и, дѣйствительно, выбрало совсѣмъ иную тактику, естественно диктовавшуюся ему условіями времени и мѣста. Оно отвергло методы непосредственнаго штурма вражескихъ позицій, какъ не имѣющіе никакихъ шансовъ на успѣхъ, и наоборотъ, усвоило формы дѣятельности, которыя могутъ быть уподоблены методамъ длительной систематической осады. Оно посвятило всѣ свои силы, средства и энергію тяжелой и кропотливой работѣ минера, разсчитывая такимъ образомъ втеченіе десятилѣтій глубоко взрыхлить соціальную почву и заложить въ ней достаточное количество духовнаго динамита, который въ свое время долженъ будетъ взорвать самыя основы современнаго общественнаго порядка.

Война родитъ героевъ, и великія перемѣны въ жизни націй и государствъ выдвигаютъ крупныя историческія фигуры, олицетворяющія въ себѣ, какъ въ фокусѣ, наиболѣе могущественныя тенденціи современной имъ эпохи. Новая Германія также имѣетъ своихъ яркихъ и общепризнанныхъ выразителей: на одномъ полюсѣ она создала Бисмарка и Круппа, на другомъ — Вильгельма Либкнехта и Бебеля.

V.

Родоначальники великихъ народныхъ движеній носятъ обычно на челѣ печать пророка. Да иначе и быть не можетъ. Всякая новая идея вообще, а идея, отстаивающая интересы демократическихъ массъ, въ особенности, должна пройти долгій тернистый путь прежде, чѣмъ она пріобрѣтетъ популярность и завоюетъ себѣ широкое признаніе. Ибо въ своемъ побѣдномъ шествіи ей приходится бороться съ безчисленными преградами, съ сознательнымъ противодѣйствіемъ „ликующихъ и болтающихъ“, съ вѣковой косностью и темнотой погибающихъ и угнетенныхъ. И для того, чтобы не пасть духомъ при видѣ нагроможденныхъ на пути препятствій, для того, чтобы остаться мужественными и непоколебимыми среди враждебнаго и не понимающаго ихъ окружающаго міра, носители новой идеи должны обладать такой глубокой убѣжденностью въ правотѣ своего дѣла и такой горячей вѣрой въ близость его торжества, которыя психологически роднятъ ихъ съ проповѣдниками религіозныхъ ученій.

Бебель былъ необыкновенно яркимъ образчикомъ подобнаго идейнаго пророка. Уже самая наружность его производила на слушателей необыкновенно сильное впечатлѣніе. Когда четыре года назадъ, на лейпцигскомъ съѣздѣ 1909 г., я впервые увидалъ эту маленькую подвижную фигуру, съ легкой юношеской походкой, благороднымъ оваломъ вдумчиваго лица, шапкой бѣлоснѣжныхъ волосъ на головѣ и яркими, глубокими, смотрящими куда-то вдаль глазами, я невольно подумалъ:

— Такъ должны выглядѣть пророки.

И еще больше это сходство Бебеля съ религіозными вождями Ветхаго Завѣта выступало во время его рѣчей. Мнѣ не пришлось ни разу слышать стараго вождя на большомъ народномъ собраніи (въ послѣдніе годы онъ такъ рѣдко выступалъ), гдѣ въ непосредственномъ соприкосновеніи съ массой онъ подымался обычно до вершинъ своего бурнаго вдохновенія. Но даже и на партійныхъ съѣздахъ (а я видалъ его въ Магдебургѣ и Іенѣ), гдѣ вся окружающая обстановка вообще такъ мало располагаетъ къ пафосу и ораторскому воодушевленію, отдѣльныя мѣста его рѣчей производили поистинѣ потрясающее впечатлѣніе. Особенно, когда онъ говорилъ о величіи рабочаго движенія и его будущихъ побѣдахъ или когда онъ гнѣвно бичевалъ пороки буржуазіи, его глаза загорались вдохновеннымъ огнемъ, а его голосъ гремѣлъ, точно труба, призывающая возставшихъ изъ гроба на судъ Божій. И тогда невольно казалось, что передъ вами на трибунѣ стоитъ не токарный мастеръ Августъ Бебель, а какой-то древній пламенный пророкъ, грозящій вѣчной погибелью впавшимъ въ нечестіе іудеямъ.

Эта своеобразная психологическая черта проходитъ красной нитью черезъ всю полустолѣтнюю дѣятельность великаго вождя. Его вѣра въ свои идеалы была поистинѣ безгранична, и, какія бы бѣды и несчастія ни обрушивались на партію, какія бы темныя тучи ни нависали надъ политическимъ горизонтомъ, онъ не зналъ ни нерѣшительности, ни сомнѣній и колебаній. И, что важнѣе всего, онъ умѣлъ вливать ту же горячую вѣру въ сердца окружающихъ, зажигая въ нихъ энтузіазмъ и вдохновеніе.

Быть можетъ, никогда это замѣчательное качество Бебеля не сказывалось такъ ярко, какъ въ первые годы закона противъ соціалистовъ. Въ тѣ годы рабочее движеніе переживало тяжелые дни. Политическія и экономическія организаціи были разрушены, пресса уничтожена, собранія запрещены, лучшія силы вырваны изъ рядовъ борющагося пролетаріата, брошены въ тюрьмы или обречены на голодъ и нищету. Духъ унынія и растерянности охватилъ широкіе круги партіи. Многіе, потерявъ надежду на лучшее будущее, эмигрировали за-границу, многіе, затравленные преслѣдованіями, лишились мужества и отошли въ сторону. Но Бебель ни на минуту не поколебался. Онъ не сомнѣвался, что исключительный законъ представляетъ собой лишь „скоропреходящее явленіе“ и что онъ окажется не въ силахъ не только уничтожить, но даже хоть сколько-нибудь серьезно задержать рабочее движеніе. Въ тѣ мрачные дни старый вождь, неустанно разъѣзжая по странѣ, ободрялъ слабыхъ, внушалъ вѣру сомнѣвающимся, поддерживалъ энергію въ отчаявшихся, воодушевлялъ къ борьбѣ и сопротивленію колеблющихся и малодушныхъ. Въ тѣ же дни онъ выпустилъ и свое крупнѣйшее литературное произведеніе „Женщина и соціализмъ“ — это причудливое соче-

таніе науки и пророчества, нашедшее колоссальное распространеніе въ рабочихъ массахъ. И, если партійный кризисъ, вызванный введеніемъ исключительнаго закона, не превратился на первыхъ порахъ въ настоящую катастрофу, то это обстоятельство далеко не въ послѣдней степени объясняется личнымъ примѣромъ и вліяніемъ Августа Бебеля.

Та же ярко выраженная пророческая черта въ характерѣ великаго соціалиста сказывалась нерѣдко и въ переоцѣнкѣ силы и могущества пролетарскаго движенія и въ недооцѣнкѣ силы и могущества его многочисленныхъ враговъ. Извѣстный датскій критикъ Георгъ Брандесъ въ только что опубликованныхъ въ копенгагенскомъ „Politiken" воспоминаніяхъ разсказываетъ, что въ началѣ 90-хъ гг. Бебель былъ глубоко убѣжденъ въ крайней близости паденія царства капитализма. По его мнѣнію, буржуазному обществу оставалось тогда существовать еще лишь какихъ-нибудь 5-6 лѣтъ, такъ что къ началу XX столѣтія можно было съ увѣренностью ожидать превращенія имперіи Гогенцоллерновъ въ соціалистическое „государство будущаго" [1]). Точно также на эрфуртскомъ съѣздѣ 1891 г. Бебель торжественно заявилъ, что, вѣроятно, лишь немногіе изъ присутствующихъ въ залѣ засѣданій не доживутъ до великаго дня освобожденія человѣчества. И, когда болѣе хладнокровные товарищи по партіи упрекали Бебеля за это въ безпочвенномъ фантазерствѣ, онъ имъ отвѣчалъ:

„Я всегда былъ оптимистомъ и часто говорилъ моимъ болѣе пессимистическимъ друзьямъ: „Будьте настороже, иначе въ одинъ прекрасный день съ вами произойдетъ то же самое, что произошло съ библейскими дѣвами, у которыхъ не оказалось масла въ свѣтильникахъ, когда пришелъ женихъ!" Или иными словами: „вы такъ мало понимаете всю серьезность положенія, что будете огорошены грядущими событіями и не будете тогда знать, что вамъ слѣдуетъ предпринять"....

„Въ наши дни есть немало умныхъ консерваторовъ, которые вполнѣ открыто въ книгахъ и журналахъ заявляютъ: революція идетъ, катастрофа стоитъ передъ дверями! И въ такой-то моментъ меня рѣшаются упрекать за то, что я высказываю аналогичныя сужденія, ибо я тѣмъ самымъ будто бы слишкомъ возбуждаю товарищей, дѣлаю ихъ нетерпѣливыми, пробуждаю въ нихъ несбыточныя надежды и ожиданія. Вотъ мой отвѣтъ на эти упреки: лучше

---

[1]) Приводя это замѣчаніе, Брандесъ продолжаетъ: „Я упорно оппонировалъ данной точкѣ зрѣнія и высказывалъ свои сомнѣнія. Тогда Бебель нетерпѣливо воскликнулъ:

— Но вы ни во что не вѣрите!

— О, нѣтъ,—отвѣчалъ я—я вѣрю въ человѣческую глупость, въ длительность процесса развитія и еще въ нѣкоторыя высшія силы, обозначить которыя однимъ опредѣленнымъ именемъ я затрудняюсь.

Бебель однако продолжалъ стоять насвоемъ".

немножко больше надеждъ и нетерпѣнія, чѣмъ слишкомъ много холоднаго трезваго разсчета, убивающаго въ сердцѣ всякую искру вдохновенія и энтузіазма...

„Окиньте взоромъ тѣ колоссальныя экономическія и политическія перемѣны, которыя совершились въ послѣднее время, взгляните на полное отчаяніе нашихъ враговъ, не знающихъ, что предпринять въ борьбѣ съ движеніемъ пролетаріата, учтите эволюцію отношеній, ясно свидѣтельствующихъ о томъ, что нынѣшнее положеніе à la longue нестерпимо и что, слѣдовательно, наступленіе катастрофы есть лишь вопросъ времени, и тогда вы поймете, что взгляды, высказываемые мной, не только естественны, но и прямо необходимы. Я не хочу скрывать, что былъ безконечно радъ, когда мой другъ Фридрихъ Энгельсъ въ своемъ недавнемъ письмѣ въ „Socialiste“, перепечатанномъ также и нашей прессой, предсказалъ радикальныя перемѣны около 1898 г. Фольмаръ посмѣялся надъ этимъ, я же, наоборотъ, писалъ Энгельсу: „Дружище, ты и я, мы оба единственные „молодые“ въ партіи!“ Можно сколько угодно издѣваться надъ пророчествами,—мыслящіе люди не могутъ безъ нихъ обойтись“ [1]).

Если мы примемъ во вниманіе, что эта страстная апологія соціалистическаго оптимизма принадлежитъ не какому-нибудь зеленому юношѣ, а исходитъ изъ устъ пятидесятилѣтняго умудреннаго жизнью и опытомъ вождя исполинской политической партіи, мы по достоинству оцѣнимъ всю силу пророческой вѣры и пророческаго энтузіазма, которыя жили въ душѣ этого слабаго и болѣзненнаго унтеръ-офицерскаго сына.

VI.

Впрочемъ, было бы большой ошибкой представлять себѣ Бебеля только въ видѣ пламеннаго мечтателя, мысль котораго, оторвавшись отъ земли, смѣло паритъ въ заоблачныхъ высотахъ. Сообщая въ 1867 г. женѣ о своихъ первыхъ парламентскихъ впечатлѣніяхъ, онъ, между прочимъ, писалъ, что занялъ въ рейхстагѣ крайнее мѣсто на лѣвой сторонѣ... „Сѣсть дальше налѣво—прибавлялъ онъ шутливо—мнѣ мѣшала стѣна, которую я вѣдь не могъ же прошибить собственной головой“. Въ приведенныхъ словахъ больше глубокаго смысла, чѣмъ это можетъ показаться на первый взглядъ. Дѣйствительно, въ натурѣ этого замѣчательнаго сына народа, наряду съ бурной фантазіей и неукротимымъ чувствомъ, была заложена очень крупная доза здороваго практическаго реализма, всегда служившая необходимымъ коррективомъ къ его подчасъ слишкомъ рискованнымъ „сердечнымъ“ увлеченіямъ. Плоть отъ плоти широкой трудовой массы, знакомый по собствен-

---

1) „Protokoll über die Verhandlungen des Parteitages zu Erfurt“, Berlin, 1891, стр. 281—283.

пому опыту съ суровой прозой жизни, Бебель всегда прекрасно сознавалъ, что пробиваніе стѣны лбомъ совершенно безплодное занятіе и что выступленіе противъ современной скорострѣльной винтовки съ какой-нибудь средневѣковой пищалью въ рукахъ является опасной и безсмысленной забавой. Необыкновенная чуткость къ запросамъ дѣйствительности, соединенная съ поразительной гибкостью мысли превращала этого пламеннаго пророка соціализма въ первоклассиаго практическаго политика, потрудившагося больше, чѣмъ кто бы то ни было другой, надъ созданіемъ основъ тактики и организаціи нынѣшней германской соціалъ-демократіи.

Иллюстрацій къ только что высказанной мысли можно найти сколько угодно. Уже на зарѣ своей карьеры, еще въ то время, когда онъ всецѣло находился подъ вліяніемъ В. Либкнехта, Бебель рѣзко разошелся съ своимъ учителемъ по вопросу объ оцѣнкѣ парламентаризма. Какъ извѣстно, Либкнехтъ въ концѣ 60-хъ гг. прошлаго столѣтія относился къ участію соціалистовъ въ парламентской работѣ крайне отрицательно, называя послѣднюю „забавой дураковъ". Не смотря однако на весь піэтетъ предъ своимъ старшимъ другомъ и товарищемъ, Бебель, повинуясь лишь здоровому практическому чутью, сталъ въ данномъ вопросѣ на совсѣмъ иную точку зрѣнія, воспринятую впослѣдствіи всей германской соціалъ-демократіей. Приведенный случай не единственный. Такъ, Бебель былъ однимъ изъ первыхъ, признавшихъ огромное значеніе профессіональнаго движенія, и также однимъ изъ первыхъ, провозгласившихъ политическую нейтральность экономическихъ рабочихъ организацій. Онъ же принадлежалъ къ числу тѣхъ соціалъ-демократовъ, которые высказывались за необходимость особой аграрной программы, за поддержку на перебаллотировкахъ прогрессивныхъ буржуазныхъ кандидатовъ, за вотированіе прямыхъ налоговъ въ цѣляхъ недопущенія новыхъ косвенныхъ, за участіе партіи въ выборахъ въ ландтагъ, и т. д. Особенно характерна его эволюція въ послѣднемъ вопросѣ: еще на кёльнскомъ съѣздахъ 1893 г. онъ страстно защищалъ тактику воздержанія отъ голосованія при прусскихъ выборахъ, а уже четыре года спустя онъ не менѣе страстно защищалъ какъ разъ обратную точку зрѣнія. Наоборотъ, В. Либкнехтъ, также принадлежавшій къ числу „бойкотистовъ", до конца дней своихъ такъ и остался при старомъ мнѣніи. Вообще, при всякаго рода спорахъ въ рядахъ соціалъ-демократіи Бебель-практикъ почти всегда оказывался побѣдителемъ надъ Бебелемъ-теоретикомъ, ибо ничто не было болѣе чуждо его натурѣ, чѣмъ мертвенный абстрактный догматизмъ.

Насколько реалистически представлялъ себѣ Бебель процессъ созданія партіи, показываетъ, напр., слѣдующее замѣчательное

мѣсто изъ его рѣчи на эрфуртскомъ съѣздѣ 1891 г., направленной противъ такъ называемыхъ „молодыхъ":

„Каждый, знакомый съ практической жизнью, — говорилъ Бебель—прекрасно знаетъ, что не наши конечныя цѣли завоевали намъ сотни тысячъ сторонниковъ, ибо широкая масса думаетъ: что толку намъ отъ прекрасныхъ стремленій, осуществленія которыхъ мы не увидимъ, непосредственнаго успѣха которыхъ нельзя ожидать?.. Сотни тысячъ мужчинъ и женщинъ... пришли къ намъ, потому что соціалъ-демократія является единственной партіей, которая говоритъ о страданіяхъ рабочаго класса и стремится къ улучшенію его положенія. Они видятъ дѣянія другихъ партій, видятъ, какъ поступки этихъ партій противорѣчатъ ихъ избирательнымъ рѣчамъ. И они видятъ также, что наша партія за нихъ борется, что она чувствуетъ тяготѣющій на нихъ гнетъ, что она слышитъ ихъ стоны и видитъ ихъ слезы, и всегда готова заклеймить страстнымъ протестомъ ихъ притѣснителей и эксплуататоровъ. Вотъ мотивы, привлекающіе къ намъ массы. И если эти массы къ намъ однажды пришли, то вполнѣ понятно и естественно, что въ процессѣ борьбы онѣ подвергаются глубокой внутренней переработкѣ. Становясь въ наши ряды, онѣ разсчитывали только на полученіе опредѣленныхъ непосредственныхъ выгодъ, но постепенно наши идеи проникаютъ въ нихъ, все больше и больше завоевываютъ ихъ, пока онѣ не становятся, наконецъ, полными и законченными соціалъ-демократами. Кто изъ насъ можетъ сказать: я былъ съ перваго же момента моей сознательной жизни вполнѣ сформированнымъ соціалъ-демократомъ?" [1]).

Отсюда Бебель естественно выводилъ необходимость борьбы и за требованія текущаго момента.

И тотъ же здоровый реализмъ характеризовалъ всегда отношеніе стараго вождя къ единству партійной организаціи. Самъ испытавъ въ молодые годы всѣ ужасы братоубійственной борьбы между лассальянцами и эйзенахцами, онъ больше, чѣмъ кто бы то ни было другой, сознавалъ все неизмѣримое значеніе мирнаго сожительства различныхъ теченій въ соціалистическомъ лагерѣ. И, дѣйствительно, въ рядахъ вождей не было болѣе фанатическаго, болѣе непримиримаго сторонника единства, чѣмъ старый Бебель. Онъ самъ по своимъ воззрѣніямъ и симпатіямъ всегда принадлежалъ къ радикальному крылу соціалъ-демократіи, и его знаменитая фраза, брошенная на дрезденскомъ съѣздѣ 1903 г.: „Я смертельный врагъ буржуазнаго общества!" хорошо памятна въ Германіи до сихъ поръ. Тѣмъ не менѣе онъ былъ всегда самымъ рѣшительнымъ противникомъ какихъ-либо крутыхъ мѣръ по отношенію къ ревизіонистамъ. Бебель прекрасно понималъ, что въ исполинской партіи, охватывающей сотни тысячъ и мил-

---

[1]) Protokoll über die Verhandlungen, стр. 163—164.

ліоны, неизбѣжны люди разныхъ воззрѣній и характеровъ; что полное единообразіе взглядовъ въ ея рядахъ совершенно немыслимо, да и нежелательно. И потому онъ видѣлъ въ сторонникахъ Фольмара и Бернштейна не злостныхъ измѣнниковъ пролетарскому дѣлу, а лишь инако мыслящихъ, съ его точки зрѣнія, ошибающихся товарищей, но товарищей. А въ такомъ случаѣ политика репрессій по отношенію къ нимъ являлась бы, конечно, неумѣстной. И кто можетъ по заслугамъ оцѣнить примиряющую роль Бебеля во внутри-партійныхъ осложненіяхъ послѣднихъ лѣтъ?

Мнѣ самому припоминается одна глубоко-драматическая сцена, свидѣтелемъ которой мнѣ пришлось быть на магдебургскомъ партейтагѣ 1910 г. Шли бурные дебаты, вызванные голосованіемъ баденскихъ с.-д. за бюджетъ. Въ итогѣ двухдневныхъ преній съѣздъ значительнымъ большинствомъ голосовъ принялъ резолюцію, осуждавшую ревизіонистскихъ грѣшниковъ и подтверждавшую старую точку зрѣнія партіи на спорный вопросъ. Казалось, дѣло было сдѣлано и тяжелый конфликтъ ликвидированъ съ возможнымъ минимумомъ треній и непріятностей. Но въ этотъ моментъ нѣсколькимъ пылкимъ представителямъ радикализма пришло въ голову поставить на голосованіе еще одну дополнительную резолюцію, гласившую, что всякій, кто отнынѣ нарушитъ постановленіе конгресса, касающееся бюджета, тѣмъ самымъ ставитъ себя внѣ с.-д. партіи. Юридическая цѣнность даннаго дополненія была весьма сомнительна (ибо и безъ того подразумѣвалось, что всякій нарушившій партійную дисциплину подлежитъ исключенію) и вообще непонятно было, зачѣмъ оно было въ сущности внесено. Однако въ расгоряченной атмосферѣ съѣзда, послѣ цѣлаго дня непрерывныхъ дебатовъ, радикаламъ касалось, что отъ принятія или непринятія предложенной резолюціи зависитъ все будущее германской соціалъ - демократіи. И потому они настаивали. Въ свою очередь возмутились и ревизіонисты.

Былъ уже поздній часъ вечера и всѣ чувствовали себя усталыми и раздраженными. Въ огромномъ залѣ, слабо освѣщенномъ немногими лампами, было жарко и душно. Толпа делегатовъ, вскочивши съ мѣстъ, рѣзко раздѣлилась на двѣ неравныхъ части. Въ одномъ углу сгрудилось радикальное большинство, оживленно обсуждая создавшееся положеніе, въ другомъ углу—столпилось ревизіонистское меньшинство, совѣщаясь о мѣрахъ отпора нападенію слѣва. Въ серединѣ съ понуренными головами остались сидѣть члены центральнаго правленія партіи. И между обѣими враждующими группами, какъ живое олицетвореніе широкой рабочей массы, желающей, не смотря ни на что, оставаться единой, ходилъ старый, согбенный, осунувшійся Бебель. Съ моего мѣста на журналистской трибунѣ я слышалъ, какъ онъ долго уговаривалъ радикаловъ не доводить дѣло до крайности, какъ онъ совѣтовалъ имъ взять назадъ внесенную резолюцію или, по крайней мѣрѣ, отло-

жить обсужденіе ея до завтрашняго дня. Однако радикалы не соглашались. Тогда, убѣдившись въ безплодности своихъ усилій, Бебель, сердито махнувъ рукой, одѣлъ пальто и вышелъ изъ залы. За Бебелемъ покинули залъ и ревизіонисты, и оставшіеся уже въ собственной компаніи радикалы въ двѣнадцатомъ часу ночи среди всеобщаго возбужденія вотировали дополненіе, вызвавшее столько шуму и тревогъ.

Бебель и тутъ остался вѣренъ самому себѣ, вѣренъ своему здоровому инстинкту реальнаго политика...

И вотъ въ этомъ-то умѣніи гармонически сочетать горячее сердце съ холоднымъ трезвымъ разумомъ и пламенную мечту о грядущемъ освобожденіи съ практическими потребностями текущаго дня кроется та основная причина, которая скромнаго работника токарнаго цеха превратила въ одного изъ величайшихъ вождей соціалистическаго пролетаріата.

VII.

Показывая посѣтителямъ залъ засѣданій рейхстага, сторожъ—старый солдатъ и консерваторъ по убѣжденіямъ—никогда до сихъ поръ не забывалъ указать: „вотъ здѣсь кресло г. депутата Бебеля“. Въ этомъ особомъ вниманіи къ личности соціалистическаго вождя сказывалось невольное признаніе не только его огромной европейской популярности, но также и его глубокой органической связи съ имперскимъ народнымъ представительствомъ. Бебель принадлежалъ къ составу послѣдняго втеченіе цѣлыхъ 46 лѣтъ, съ перваго же дня его возникновенія, и мало-по-малу въ глазахъ друзей и враговъ маленькая фигура геніальнаго токаря превратилась въ живое олицетвореніе имперскаго парламента, въ живое воплощеніе того историческаго пути, который за минувшія полстолѣтія прошла Германія. Теперь Бебель умеръ, и въ душѣ опять-таки невольно встаетъ вопросъ: какъ будетъ нѣмецкій рейхстагъ существовать безъ Бебеля?..

Впрочемъ, огромная роль, которую лидеръ соціалъ-демократіи игралъ въ стѣнахъ народнаго представительства, зависѣла не только отъ его депутатской „выслуги лѣтъ“. Этотъ болѣзненный унтеръ-офицерскій сынъ, прошедшій лишь провинціальную народную школу, втеченіе своей долгой политической карьеры превратился въ первокласснаго блестящаго парламентарія, умѣвшаго оказывать (поскольку это вообще доступно для отдѣльной личности) глубокое вліяніе на ходъ государственныхъ и законодательныхъ дѣлъ.

Бебель никогда не былъ особенно тонкимъ мастеромъ различныхъ внутри-парламентскихъ ходовъ и комбинацій. Въ этомъ отношеніи онъ значительно уступалъ не только такимъ людямъ, какъ Людвигъ Виндгорстъ, но даже и такимъ своимъ коллегамъ по соціалистическому интернаціоналу, какъ Жорэсъ, Викторъ Адлеръ или

Вандервельдъ. Бебель и на трибунѣ рейхстага оставался тѣмъ же, чѣмъ онъ былъ въ жизни, т. е. прежде всего пламеннымъ соціалистическимъ пророкомъ и страстнымъ обличителемъ буржуазнаго общества, которому ему на парламентской аренѣ подчасъ удавалось наносить тяжелые, долго не забывавшіеся удары. Бебель, оставаясь въ стѣнахъ народнаго представительства, никогда не терялъ изъ виду широкихъ трудящихся массъ и, въ свою очередь, трудящіяся массы никогда не теряли его самого изъ виду, внимательно слѣдя за всѣми его парламентскими дѣйствіями и выступленіями. И не подлежитъ сомнѣнію, что никто иной, какъ именно Бебель, больше всего способствовалъ созданію того типа соціалистическаго парламентарія, который въ послѣдующіе годы сдѣлался образцомъ и предметомъ подражанія для рабочаго класса многихъ странъ и народовъ.

Какъ признанному лидеру партіи, покойному вождю на протяженіи его долгой парламентской карьеры приходилось, конечно, не разъ выступать по самымъ разнообразнымъ вопросамъ политической и общественной жизни. Особенно славился онъ своими замѣчательными бюджетными рѣчами, когда во время общихъ дебатовъ онъ подвергалъ уничтожающей критикѣ самыя основы германской политики. Однако и у Бебеля съ теченіемъ лѣтъ постепенно должны были выработаться и, дѣйствительно, выработались опредѣленныя парламентскія спеціальности. И чрезвычайно характерно, что этими его спеціальностями оказались: борьба съ милитаризмомъ и борьба съ монархіей.

Есть какая-то глубокая внутренняя иронія въ томъ фактѣ, что Бебель, сынъ прусскаго унтеръ-офицера, рожденный и воспитанный въ атмосферѣ королевской казармы, въ молодые годы страстно мечтавшій о солдатскомъ мундирѣ, впослѣдствіи превратился въ непримиримѣйшаго и опаснѣйшаго врага нынѣшней военной системы, сдѣлавшаго больше, чѣмъ кто бы то ни было другой въ Германіи, для развѣнчанія ея авторитета въ глазахъ широкихъ массъ трудящагося населенія. Свою аттаку противъ милитаризма Бебель осуществлялъ двумя путями: съ одной стороны, онъ неустанно пропагандировалъ идею народнаго вооруженія, какъ замѣну постоянной арміи, для чего въ совершенствѣ изучилъ весь относящійся сюда спеціальный матеріалъ; съ другой стороны, онъ велъ энергичную и страстную борьбу съ военными властями за грубое и жестокое обращеніе съ солдатской массой въ казармѣ. Здѣсь, въ этой области, не одному министру и не одному бравому генералу на протяженіи минувшихъ 40 лѣтъ пришлось испытать на собственномъ опытѣ всю тяжесть бебелевскаго краснорѣчія и всю остроту его убійственной критики. И если методы воспитанія нѣмецкихъ солдатъ въ послѣднее время обнаруживаютъ нѣкоторые (правда, еще не очень значительные) признаки улучшенія, то это прежде всего заслуга Августа Бебеля.

Не меньшая иронія судьбы кроется также и въ фактѣ превращенія Бебеля въ рѣшительнаго сторонника республиканскаго принципа. Въ своихъ воспоминаніяхъ старый вождь разсказываетъ, что въ ранней юности онъ принадлежалъ къ числу ярыхъ монархистовъ, за что однажды—въ бурные дни 1848 г.—даже поплатился собственными боками, вызвавъ противъ себя гнѣвъ своихъ школьныхъ товарищей-республиканцевъ. И однако ни изъ чьихъ устъ за послѣднія четыре десятилѣтія нѣмецкіе монархи не слышали столько горькихъ и ядовито-саркастическихъ словъ, какъ именно изъ устъ Августа Бебеля. Онъ всегда являлся пламеннымъ защитникомъ народнаго суверенитета и всякая попытка правящихъ ограничить права рейхстага или всякое проявленіе столь хорошо извѣстнаго въ Германіи „личнаго режима“ вызывали съ его стороны гнѣвный и негодующій отпоръ, производившій нерѣдко огромное впечатлѣніе. Особенно его рѣчи, направленныя противъ столь частыхъ въ прошлые годы ораторскихъ упражненій императора, являлись часто крупными политическими и парламентскими событіями. До какого блеска и силы слова онъ при этомъ порой подымался, можетъ ярко свидѣтельствовать, напр., слѣдующій отрывокъ изъ его рѣчи, произнесенной въ засѣданіи рейхстага 22 января 1903 г. послѣ извѣстнаго выступленія наслѣднаго принца, публично обозвавшаго с.-д. именемъ „Elende“—„жалкіе“.

„И вотъ, милостивые государи,—говорилъ тогда Бебель — не достаточно того, что императоръ выступаетъ съ рѣчами противъ насъ, — является еще вдругъ его сынъ, кронпринцъ германской имперіи, и начинаетъ подражать отцу (шумный смѣхъ). Этотъ двадцатилѣтній молодой человѣкъ является и толкуетъ о насъ, какъ о „жалкихъ“ (шумный смѣхъ и „очень хорошо“! среди с.-д.). Но спрашивается, въ чемъ собственно состоятъ заслуги этого юнаго офицера, дающія ему смѣлость говорить въ такомъ тонѣ о нѣмецкой соціалъ-демократіи? (бурный смѣхъ и „очень хорошо“!— налѣво). Если насъ называютъ партіей жалкихъ, — ахъ, мы не сердимся на это; въ концѣ концовъ, это имя станетъ очень почетнымъ именемъ для насъ („очень хорошо“! среди с.-д.), совершенно такъ же, какъ имя „гёзовъ“, нищихъ, сдѣлалось почетнымъ именемъ для голландскаго дворянства и голландской буржуазіи въ эпоху ихъ борьбы съ испанскими завоевателями. Тогда презрительная кличка „гёзы“, нищіе, была признана почетнымъ именемъ. И, можетъ быть, ближайшій же с.-д. съѣздъ приметъ постановленіе: отнынѣ мы называемся „Партіей жалкихъ“ (шумное „браво“! среди с.-д.). Тѣмъ самымъ мы броснмъ перчатку въ лицо юному оратору. Но, по чистой совѣсти, я полагаю, что молодому человѣку слѣдовало бы заняться кой-чѣмъ болѣе полезнымъ, чѣмъ словоговореніе и бросаніе упрековъ по нашему адресу (шумное „браво“!— налѣво). Милостивые государи, этотъ юный офицеръ, которому, по

нормальному человѣческому разсчету, еще не такъ-то скоро придется подняться на ступени трона, долженъ былъ бы найти для себя что-нибудь болѣе подходящее, чѣмъ разыгрываніе съ раннихъ лѣтъ роли злостнаго врага соціалъ-демократіи (шумное „очень хорошо"!—налѣво). Я думаю, что данное занятіе едва-ли можетъ быть признано для него, какъ для будущаго германскаго императора, особенно полезнымъ. Ибо къ тому времени нѣмецкая соціалъ-демократія займетъ совсѣмъ иное положеніе, чѣмъ теперь, и тогда онъ едва-ли осмѣлится говорить о насъ, какъ о „жалкихъ" („очень хорошо"! среди с.-д.)".

Замѣчательную картину представлялъ парламентъ во время произнесенія этой рѣчи. Президентъ рейхстага графъ Баллестремъ напряженно стоялъ, положивъ руку на колокольчикъ, выжидая лишь перваго неловкаго выраженія для того, чтобы призвать оратора къ порядку. Однако, какъ ни велико было клокотавшее въ Бебелѣ негодованіе, онъ до конца остался въ рамкахъ парламентской формы. Правая неистовствовала, лѣвая бурно аплодировала, находившіеся въ залѣ представители правительства дрожали отъ чувства безсильной ярости и злобы, вся палата находилась подъ обаяніемъ бурнаго краснорѣчія бывшаго токаря. Въ тотъ часъ угнетенныя народныя массы разсчитывались устами Бебеля съ своими угнетателями...

VIII.

Какъ ни велики природныя дарованія и таланты Бебеля, не въ нихъ однихъ заключалась тайна его поразительнаго, ни съ чѣмъ несравнимаго вліянія на массы. Огромную роль тутъ играло и необыкновенное обаяніе самой личности великаго вождя, на лучезарный обликъ которой ни собственныя слабости и ошибки, ни клеветы и нападки враговъ не могли наложить ни одного даже самаго легкаго пятна. Бебелю выпало на долю поистинѣ рѣдкое счастье пройти долгій, полный борьбы жизненный путь, ни разу не поддавшись столь многочисленнымъ соблазнамъ окружающей среды...

Всѣхъ, приходившихъ въ непосредственное соприкосновеніе съ Бебелемъ, всегда поражала его необыкновенная, почти болѣзненная скромность. Онъ не любилъ газетнаго шума около своего имени, не любилъ всего того, что могло хотя бы въ самой отдаленной степени напоминать рекламированіе собственной личности. Получить у Бебеля разрѣшеніе на воспроизведеніе его портрета было дѣломъ далеко не легкимъ, и молодому берлинскому скульптору Юліусу Обсту стоило огромныхъ трудовъ уговорить стараго вождя позировать ему для изготовленія его бюста. Первый сеансъ былъ назначенъ на 21 августа, но девятью днями раньше Бебеля не стало...

Въ своихъ воспоминаніяхъ Бебель объясняетъ головокружительный успѣхъ своей карьеры не своими личными достоинствами и талантами, а исключительно лишь благопріятнымъ стеченіемъ обстоятельствъ. И та же скромность характеризовала Бебеля и на трибунѣ. Одинъ изъ величайшихъ ораторовъ вѣка, онъ почти никогда не выступалъ безъ предварительной подготовки. Его рѣчь обычно была заранѣе хорошо продумана и на пюпитрѣ передъ нимъ всегда лежали тщательно подобранныя цитаты, статистическія данныя и т. д. Держа въ одной рукѣ листочки съ необходимыми ему матеріалами, онъ говорилъ, движеніемъ другой руки какъ бы подчеркивая каждую болѣе важную мысль своего изложенія. И только позднѣе, захваченный потокомъ стихійнаго вдохновенія, онъ оставлялъ уже въ сторонѣ свои замѣтки и цѣликомъ отдавался на волю своего пламеннаго краснорѣчія. Пожалуй, небезъинтересно будетъ здѣсь же отмѣтить, что, не смотря на свою огромную ораторскую практику, Бебель до самыхъ послѣднихъ дней не былъ чуждъ нѣкотораго волненія предъ каждымъ своимъ болѣе крупнымъ публичнымъ выступленіемъ.

Глубокая скромность гармонически сочеталась въ ушедшемъ вождѣ съ глубокимъ самоотверженіемъ. Онъ жилъ и работалъ только для партіи, онъ думалъ только о партіи, онъ дышалъ только партіей. И мало-по-малу онъ привыкъ разсматривать партію, какъ свою страшно разросшуюся дорогую семью, а себя самого, какъ заботливаго и справедливаго патріарха-отца. Слушая, напр., его нападки на Франка и Кольба на магдебургскомъ съѣздѣ 1910 г., трудно было отрѣшиться отъ невольнаго впечатлѣнія, что здѣсь не просто одинъ политическій дѣятель выступаетъ противъ другого политическаго дѣятеля, а любящій, но строгій отецъ отчитываетъ за плохое поведеніе своихъ расшалившихся питомцевъ. И потому-то его нападки, не смотря на всю ихъ идейную рѣзкость, никого не оскорбляли, никого лично не затрагивали, оставляя полную возможность для взаимнаго пониманія и примиренія. Въ долгой партійно-политической карьерѣ Бебеля бывали, конечно, отдѣльные моменты, когда его страстная натура увлекала его за предѣлы допустимаго и заставляла разыгрывать изъ себя что-то вродѣ диктатора. Однако даже и эти отклоненія отъ обычной нормы охотно прощались ему. Ибо каждый зналъ, что и тутъ Бебелемъ руководили исключительно интересы общаго, дорогого всѣмъ дѣла и что, придя въ болѣе спокойное состояніе духа, онъ самъ съ обезоруживающей всѣхъ безпощадной искренностью сознается въ совершенной имъ ошибкѣ. Вотъ что, въ самомъ дѣлѣ, говорилъ Бебель объ этой чертѣ своего характера на дрезденскомъ съѣздѣ 1908 г.

„И вотъ я хочу повѣдать одну тайну, если только это тайна, тѣмъ, которыхъ это касается. Наши противники всегда говорятъ: „съ старикомъ Бебелемъ ничего не подѣлаешь, массы всегда идутъ

за нимъ". Да, онѣ идутъ, но почему идутъ? А потому, что всѣ говорятъ себѣ: онъ тоже имѣетъ грѣхи въ своемъ прошломъ, онъ тоже иногда дѣлалъ глупости и позволялъ увлекать себя своему темпераменту, но даже и въ своей глупости онъ оставался честнымъ человѣкомъ. Да, даже своими ошибками онъ думалъ служить партіи, и упрекать его за это не приходится. И если вы хотите имѣть такое же вліяніе на массы, какъ я, — слѣдуйте моему примѣру".

Не меньшее значеніе имѣла также кристальная, ни передъ чѣмъ не останавливающаяся честность Бебеля. И, пожалуй, нигдѣ эта черта его характера не проявлялась такъ ярко и наглядно, какъ въ области, въ которой народному трибуну труднѣе всего остаться непоколебимо честнымъ,—именно въ области отношенія къ массамъ. Бебель и по всему своему характеру, и по своимъ возрѣніямъ былъ всегда глубокимъ демократомъ и онъ не разъ говорилъ, обращаясь къ пролетаріату: „Смотрите, внимательно смотрите за вашими вождями, дабы они не принесли вамъ какого-нибудь вреда!" Но оставаясь глубокимъ демократомъ, великій соціалистъ никогда не превращался однако въ демагога. Въ 1907 г. на одномъ собраніи строительныхъ рабочихъ въ Берлинѣ, созванномъ для улаженія конфликта между членами профессіональнаго союза и ихъ руководителями, онъ такъ опредѣлилъ задачи вождей:

„Вожди должны не рабски слѣдовать желаніямъ массы, а внимательно изучать общее положеніе рынка и особыя условія его въ данной отрасли промышленности и уже затѣмъ рѣшать, слѣдуетъ ли предпринимать опредѣленные шаги или нѣтъ... Вождь, не имѣющій мужества выступить и защищать свое убѣжденіе противъ воли массы, хотя бы онъ считалъ это убѣжденіе правильнымъ и полезнымъ для дѣла, съ моей точки зрѣнія не вождь, а лишь жалкій фигляръ, не заслуживающій чести быть вождемъ" [1]).

И что эти слова были для Бебеля не простыми словами, показываетъ вся его долгая, ничѣмъ незапятнанная жизнь. Бебель всегда говорилъ только то, что думалъ, что находилъ полезнымъ въ интересахъ дѣла, совершенно не считаясь при этомъ съ благоволеніемъ или неблаговоленіемъ своихъ послѣдователей. Достаточно вспомнить хотя бы его поведеніе въ 1870—70 гг. Въ то время волна шовинистскаго возбужденія охватила не только все буржуазное общество, но распространила свое ядовитое дѣйствіе и на рабочія массы и даже на соціалистическія партіи. Лассальянцы вотировали въ парламентѣ кредиты на веденіе войны, а центральный комитетъ эйзенахской партіи въ особомъ воззваніи краснорѣчиво заявлялъ о своихъ патріотическо-нѣмецкихъ чувствахъ.

[1]) „Der Kampf um die Arbeitsbedingungen", Hamburg, 1909, изд. союза каменщиковъ, стр. 32—35.

Народъ безусловно находился въ полосѣ жестокаго націоналистическаго угара и тѣмъ не менѣе Бебель вмѣстѣ съ Либкнехтомъ отказались голосовать въ рейхстагѣ за военные расходы и въ спеціальномъ манифестѣ, вызвавшемъ противъ нихъ взрывъ всеобщаго негодованія, протестовали противъ присоединенія Эльзасъ-Лотарингіи...

Высокія моральныя качества личности Бебеля производили огромное впечатлѣніе не только на его партійныхъ товарищей, не только на пролетарскія массы, но даже и на широкіе круги буржуазнаго общества, даже на высшихъ представителей прусской бюрократіи. Въ кулуарахъ рейхстага нерѣдко можно было видѣть любопытную картинку, какъ старый вождь „революціоннаго“ пролетаріата любезно и привѣтливо бесѣдуетъ съ крупнѣйшими звѣздами правительственнаго Олимпа, обнаруживающими по отношенію къ нему признаки особаго, совершенно исключительнаго почтенія. Если Бебель говорилъ, залъ парламента бывалъ всегда биткомъ набитъ и во все время его рѣчи на скамьяхъ депутатовъ господствовала чуткая настороженная тишина. Въ широкой буржуазной публикѣ ни одно политическое имя не было такъ хорошо извѣстно и не произносилось съ такимъ глубокимъ личнымъ уваженіемъ, какъ имя Бебеля. Какихъ горячихъ поклонниковъ Бебель имѣлъ въ этой средѣ, показываетъ хотя бы фактъ отказа ему нѣсколько лѣтъ тому назадъ по завѣщанію крупной суммы денегъ. О подобномъ же отношеніи къ личности вождя пролетаріата свидѣтельствуетъ и многочисленный хоръ буржуазной прессы, такъ дружно откликнувшійся на его кончину. Какъ ни остра классовая борьба въ имперіи Гогенцоллерновъ, какъ ни велика ненависть ея правящихъ и имущихъ къ соціалъ-демократіи,—во всей странѣ не нашлось все-таки ни одной газеты, которая рѣшилась бы бросить комомъ грязи въ усопшаго вождя. Милитаристски-капиталистическая Германія, повинуясь невольному порыву чувства, обнажила голову предъ открытой могилой своего смертельнаго врага.

IX.

Въ пантеонѣ исторіи есть великіе люди разныхъ типовъ и характеровъ. Есть гиганты мысли, оказавшіе неоцѣнимыя услуги человѣчеству новыми идеями, брошенными ими въ міръ, или новыми открытіями, облегчившими тяжелую борьбу людского рода за существованіе. Есть гиганты чувства и воображенія—поэты и художники, пѣвцы и музыканты, увлекавшіе массы чарующей красотой своихъ образовъ, магической силой своихъ звуковъ, красокъ и цвѣтовъ. Есть гиганты воли, создававшіе и разрушавшіе исполинскія царства или увлекавшіе за собой народныя толпы силой проповѣдуемыхъ ими ученій.

Но есть въ пантеонѣ исторіи великіе люди и иного рода. Люди, которые дороги человѣчеству не за ихъ идеи или открытія, не за ихъ пѣсни или симфоніи, а за лучезарную красоту ихъ собственной личности и за ихъ беззавѣтную преданность стремленіямъ и идеаламъ трудящихся массъ. Эти люди—точно посланники неба на землѣ, того неба, о которомъ такъ страстно мечтаютъ всѣ угнетенные и обездоленные. Они — живое воплощеніе въ современности того свѣтлаго и красиваго будущаго, за которое съ такимъ трудомъ и съ такой энергіей борется демократія нашихъ дней. При взглядѣ на подобныхъ людей какъ-то легче становится жить и какъ-то ярче и горячѣе загорается вѣра въ то, что царство справедливости и свободы не есть лишь „плѣнной мысли раздраженье", но что это царство когда-нибудь да осуществится.

Августъ Бебель принадлежитъ именно къ этой послѣдней категоріи великихъ людей. Во всемъ современномъ соціалистическомъ движеніи едва-ли найдется другая крупная фигура, въ которой красота идеи и красота личности сливались бы въ такое цѣльное, неразрывное и лучезарное цѣлое. Оттого-то онъ являлся при жизни яркой путеводной звѣздой для соціалистической арміи, оттого онъ останется вдохновляющимъ образцомъ и для соціалистовъ грядущихъ поколѣній...

В. Майскій.

Французскій націонализмъ.

I.

Смутный политическій періодъ, переживаемый сейчасъ Франціей, порождаетъ во французской общественной жизни рядъ противорѣчивыхъ, на первый взглядъ, явленій. Къ числу такихъ явленій нужно отнести ростущую популярность націоналистическихъ идей среди буржуазной интеллигенціи и имущихъ классовъ, не смотря на несомнѣнное миролюбіе не только народныхъ массъ, но и большинства буржуазіи.

Націонализмъ, какъ настроеніе, давно существовалъ во Франціи, а послѣ несчастной франко-прусской войны, нанесшей тяжелый ударъ гордому и самолюбивому народу, національное чувство французовъ особенно обострилось. Это обстоятельство однако не создало почвы ни для агрессивной политики по отношенію къ другимъ европейскимъ странамъ, ни для образованія крупныхъ и вліятельныхъ націоналистическихъ партій. До дѣла Дрейфуса настроеніе повышенной національной чувствительности находило выходъ, главнымъ образомъ, въ чрезмѣрномъ, почти мистическомъ, культѣ арміи.

„Этотъ народъ, нѣкогда воинственный сдѣлался миролюбивымъ, ибо онъ извѣдалъ пораженіе, пишетъ Жозефъ Ренакъ, одинъ изъ столповъ нынѣшней милитаристской партіи, въ своей монументальной „Histoire de l'Affaire Dreyfus". Всеобщая воинская повинность еще болѣе усилила его миролюбіе, такъ какъ армія, которая должна будетъ идти въ бой,—это самъ народъ. Но въ то же время, втеченіе четвертьвѣкового періода вооруженнаго мира, политическія партіи не переставали проповѣдывать всѣмъ, носившимъ военную форму или сохранившимъ еще ея отпечатокъ, исключительный и нетерпимый патріотизмъ, подавляющій всякое индивидуальное право, огрубившій нравы и ослабившій жалость. Этотъ народъ любитъ свою армію, какъ онъ никогда не любилъ ея. Она даетъ ему гордость силы и гарантію права" [1]).

Какъ извѣстно, культъ арміи впервые пытались использовать въ своихъ цѣляхъ сторонники цезаризма, своей неудачной попыткой съ генераломъ Буланже. Въ бурную и трагическую эпоху Дрейфусіады культъ арміи послужилъ предлогомъ и знаменемъ для зародившагося тогда націоналистическаго *движенія*. Это движеніе фактически образовалось изъ двухъ отдѣльныхъ струй.

Первая изъ нихъ была представлена Деруләдомъ, — этимъ Донъ-Кихотомъ цезаризма и реванша. Онъ стоялъ во главѣ „Лиги патріотовъ", которая ставила себѣ цѣлью укрѣплять въ народѣ любовь къ арміи и проповѣдывать необходимость обратнаго отвоеванія Эльзаса и Лотарингіи. Лига не играла замѣтной роли и ограничивалась устройствомъ время отъ времени патріотическихъ манифестацій и банкетовъ. Дѣло Дрейфуса дало поводъ Деруләду увлечь свою организацію въ водоворотъ политической борьбы во имя его излюбленной идеи—цезаризма. Необходимость защищать армію отъ внутреннихъ враговъ, осмѣливающихся толкать ее съ пьедестала и разсѣивать окружающій ее ореолъ, — вотъ что было лейтмотивомъ его пламенной и рѣзко демагогической агитаціи. Кампанію дрейфусаровъ Деруләдъ называлъ чудовищнымъ преступленіемъ противъ Франціи, — для него она была измѣной отечеству, подготовленіемъ иностраннаго нашествія [2]). Для спасенія страны отъ неминуемой, по его словамъ, гибели онъ проповѣдывалъ необходимость сверженія парламентской республики, приводящей къ ослабленію авторитета и власти, и созданіе цезаріанскаго режима, при которомъ возможно будетъ разъ навсегда зажать ротъ глашатаямъ интернаціонализма.

Бросившись очертя голову въ борьбу противъ защитниковъ офицера-еврея, встрѣчая во враждебномъ лагерѣ евреевъ, Деруләдъ счелъ нужнымъ повернуть остріе своего націонализма противъ „внутреннихъ иностранцевъ". Однако, не смотря на свой на-

[1]) Joseph Reinach, „Histoire de l'Affaire Dreyfus", Tome III, p. p. 28.
[2]) См. Deroulède, „Notes et Discours". Paris.

ціоналистическій пылъ, бурный патріотъ ограничился въ этой области однимъ лишь требованіемъ, которое сводилось къ лишенію избирательныхъ правъ потомковъ натурализованныхъ французскихъ гражданъ.

— „Pas des fils d'efrangers dans nos assembleés éléctorales!",— требовалъ Деруладъ.

Опредѣленной націоналистической теоріи у Деруляда не было,— движеніе, созданное имъ, основывалось лишь на націоналистическомъ настроеніи. Деруляду и не удалось увлечь за собой консервативные слои французскаго общества,—рѣзко-демагогическій характеръ его агитаціи ихъ отпугивалъ. За нимъ пошла лишь шовинистическая улица.

Гораздо болѣе серьезной явилась другая націоналистическая струя, представленная „Лигою французскаго отечества", которую организовалъ талантливый и популярный романистъ и драматургъ Жюль Лемэтръ. Это движеніе носило ярко выраженный соціальный отпечатокъ.

Буря, вызванная дѣломъ Дрейфуса, разогнала апатію народныхъ массъ и глубоко всколыхнула ихъ. Борьба, начавшаяся для защиты невинно осужденнаго, разрослась въ огромное политическое столкновеніе. На арену выступили многочисленные демократическіе легіоны, добивавшіеся коренного измѣненія политики республики въ духѣ широкой послѣдовательной демократіи. Значительная часть буржуазіи и большинство интеллигенціи, захваченныя стихійной силой движенія, его заражающимъ идеализмомъ, приняли въ немъ участіе. Это обстоятельство вызвало тревогу среди консервативныхъ слоевъ и образованіе лиги „Французскаго отечества" имѣло цѣлью удержать буржуазію отъ опаснаго увлеченія демократизмомъ. Лига на первыхъ порахъ являлась выразительницей своего рода просвѣщеннаго націонализма. Она также выдвинула на первый планъ защиту арміи, но энергично отвергала обвиненія въ агрессивности какъ по отношенію къ другимъ странамъ, такъ и къ инославнымъ французскимъ гражданамъ. Основатели лиги, среди которыхъ насчитывалось тридцать два академика, увѣряли, что они желаютъ лишь успокоить добрыхъ французовъ, показавъ, что не всѣ интеллигенты стоятъ на противоположной сторонѣ. Они даже не называли себя націоналистами, а лишь патріотами, послѣдователями великихъ республиканцевъ.

„Наша лига будетъ бороться твердо, но безъ ненависти, противъ несвоевременныхъ сейчасъ интернаціоналистическихъ тенденцій,—увѣряли Лемэтръ и его сторонники.—Мы желаемъ лишь, чтобы любовь къ отечеству превратилась въ своего рода религію, и поэтому будемъ окружать почетомъ армію, защиту и силу отечества" [1]).

---

[1]) Jules Lemaitre, „La Patrie Française". Paris.

Лига осуждала антисемитизмъ. Еврейскій народъ, утверждалъ Лемэтръ, сыгралъ одну изъ самыхъ оригинальныхъ и значительныхъ ролей въ исторіи цивилизованнаго міра. Семьдесятъ тысячъ евреевъ являются французскими гражданами. По какому праву будемъ мы ихъ преслѣдовать? Соціально-консервативный характеръ лиги проступалъ особенно ясно въ ея обоснованіи своего отрицательнаго отношенія къ кампаніи дрейфусаровъ. Лемэтръ заявлялъ, что долгъ каждаго гражданина соблюдать основныя связующія начала человѣческаго общества, котораго онъ является членомъ. Но, продолжалъ онъ, когда, втеченіе долгихъ мѣсяцевъ, частныя лица возстаютъ противъ приговора военнаго суда, являющагося однимъ изъ существенныхъ органовъ общества, то это создаетъ агитацію, опасную для интересовъ страны, ведетъ къ нарушенію соціальнаго договора и къ анархіи.

У „Лиги французскаго отечества" въ свою очередь не было опредѣленной и законченной націоналистической теоріи, не смотря на то, что во главѣ ея стояли выдающіеся литераторы и даже ученые.

Программа лиги состояла изъ трехъ основныхъ пунктовъ: 1) борьба противъ вмѣшательства иностранцевъ во внутреннія дѣла Франціи; 2) укрѣпленіе любви къ отечеству и къ національной арміи; 3) требованіе свободы ассоціацій и преподаванія.

Послѣднее требованіе постоянно выдвигалось французскими клерикалами. Оно имѣло цѣлью облегчить развитіе католическихъ конгрегацій и школъ. Внесеніе его въ программу лиги отразило клерикальное вліяніе, которое съ перваго же дня оказалось въ ней очень сильнымъ. Къ лигѣ примкнуло много католиковъ, стремившихся, по обыкновенію, использовать въ интересахъ церкви поднявшуюся націоналистическую волну и прикрыть флагомъ національной защиты свои исконнія домогательства. Но лига недолго оставалась на позиціи „просвѣщеннаго" націонализма. Борьба вокругъ дѣла Дрейфуса разыгралась съ необычайной силой, возбуждая страсти до крайности. При такихъ условіяхъ, нельзя было оставаться только „теплымъ" и „Лига французскаго отечества", охваченная боевымъ угаромъ, покатилась, въ свою очередь, по наклонной плоскости уличной демагогіи.

Одно время обѣ лиги, Дерулэда и Лемэтра, пользовались большимъ вліяніемъ, выступая въ авангардѣ антидрейфусаровъ. Но когда реакція была раздавлена, то вмѣстѣ съ нею потерпѣли крушеніе и націоналистическія организаціи. Ихъ значеніе свелось на нѣтъ и онѣ остались существовать лишь на бумагѣ. Затѣмъ наступилъ расцвѣтъ демократіи и идеи интернаціонализма получили широкое развитіе въ народѣ и среди интеллигенціи, онѣ сдѣлались даже модными въ великосвѣтскихъ салонахъ. Казалось, что фран-

цузскій націонализмъ отцвѣлъ, не успѣвши расцвѣсть, и что его лебединая пѣсня спѣта.

Конечно, націонализмъ не исчезъ полностью изъ французской жизни. Всѣ правыя политическія партіи: католическая, монархистская, бонапартистская, продолжали связывать свою пропаганду съ демагогическимъ націонализмомъ. Остались и націоналистическія газеты. Но какъ *организованное движеніе*, опредѣляемое исключительно націоналистической программой и ставящее во главу угла націоналистическіе лозунги,—націонализмъ сошелъ со сцены.

Но какъ разъ въ это время нѣсколько бывшихъ лидеровъ его, изъ среды ученыхъ и литераторовъ, принялись за выработку теоріи націонализма и за систематизацію тѣхъ попытокъ въ этой области, которыя уже дѣлались ими раньше, въ разгаръ борьбы. Имъ удалось построить софистическое и парадоксальное, но по внѣшности стройное ученіе. Перемѣны, происшедшія въ послѣдніе годы во французской соціально-политической жизни, создали почву для его успѣшной пропаганды среди нѣкоторыхъ слоевъ общества. Это ученіе представляетъ нѣкоторый интересъ. Во-первыхъ, оно представляетъ опытъ теоретическаго обоснованія націоналистическаго міросозерцанія, — во-вторыхъ, въ выработкѣ его принимали участіе выдающіяся литературныя и научныя силы. Оно является для націоналистовъ какъ бы послѣднимъ словомъ науки и въ то же время доводитъ ихъ взгляды до логическаго конца. По нему можно поэтому лучше всего судить о сущности націонализма и его соціально-политическихъ выводовъ. Къ тому же французская націоналистическая теорія является отраженіемъ соціальной психологіи вліятельныхъ соціальныхъ группъ.

II.

Французская націоналистическая теорія — чисто интеллигентскаго происхожденія, хотя на ней сильно отразились опредѣленныя классовыя вліянія. Она явилась однимъ изъ результатовъ идейной эволюціи значительной части французской буржуазной интеллигенціи за послѣдніе полвѣка.

Эта интеллигенція, которая по своему соціальному положенію и условіямъ жизни близко стоитъ къ имущимъ классамъ, сильно связана съ ними культурой и идеологіей. Она является, такъ сказать, костью отъ кости буржуазіи. Во Франціи въ либеральныя профессіи идутъ, главнымъ образомъ, дѣти зажиточныхъ слоевъ, такъ какъ среднее и высшее образованіе стоитъ дорого и пробиваться уроками или побочными занятіями, какъ это дѣлается часто у насъ въ Россіи, для французской учащейся молодежи почти невозможно. Происходя изъ буржуазной среды, французская интеллигенція подвергается сильному вліянію ея морали и традицій. И это тѣмъ болѣе, что буржуазія во Франціи представляетъ собою

старый могущественный и культурный классъ, втеченіе долгаго періода являвшійся главнымъ двигателемъ національной культуры. Къ тому же интеллигенція росла и развивалась вмѣстѣ съ буржуазіей, она боролась вмѣстѣ съ нею за политическую свободу и сроднилась съ нею духовно. Когда французская интеллигенція выступила впервые на историческую арену противъ стараго режима, угнетавшаго личность, то ея идеалы совпали съ интересами буржуазнаго класса, представлявшаго вмѣстѣ съ тѣмъ самую значительную, организованную и сознательную силу, на которую ей можно было опереться. Въ то же время капиталистическое развитіе, открывъ широкое примѣненіе для интеллигентскаго труда въ промышленныхъ предпріятіяхъ, привязало интеллигенцію прочными узами матеріальнаго интереса къ буржуазному обществу.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ значительная часть французскаго интеллигентскаго слоя глубоко проникласъ тѣмъ узкимъ, ограниченнымъ индивидуализмомъ, который свойственъ буржуазіи.

Начиная съ семидесятыхъ годовъ и впродолженіе довольно долгаго періода, господствующими настроеніями въ литературныхъ интеллигентскихъ кругахъ Франціи были скептицизмъ и пессимизмъ. Буржуазія быстро теряла остатки своего былого идеализма. Она добилась прочнаго господства и осуществленія всѣхъ своихъ требованій, опредѣлявшихся ея экономическими и моральными интересами. Наслѣдіе феодализма и крѣпостничества было выметено начисто, какъ ни въ одной изъ европейскихъ странъ,—отъ сословнаго строя не осталось и слѣда, и историческая прогрессивная миссія французской буржуазіи тѣмъ самымъ подошла къ концу. Изъ недавняго борца за прогрессъ она, силою вещей, превращалась въ консерватора, въ охранителя завоеванныхъ позицій.

Правда, буржуазная личность получила полную свободу, но вмѣстѣ съ этимъ она лишилась мотивовъ для борьбы во имя передовыхъ идеаловъ. А французская научная критика, развивавшаяся подъ сильнымъ вліяніемъ позитивизма, разрушала традиціонныя идеи и вѣрованія, развѣнчивала былые кумиры, разрывала золотой покровъ легендъ, окутывающій религіозную мистику. Но, самое главное, научная критика доказывала—и доказывала, казалось, неопровержимо—полное безсиліе личности, безполезность всѣхъ ея попытокъ реагировать противъ непобѣдимаго и властнаго дѣйствія внѣшнихъ силъ.

Ренанъ и Тэнъ, бывшіе въ свое время царями французской науки и идолами буржуазіи, оказали въ этомъ отношеніи особенно сильное вліяніе своими ученіями, приводившими къ механической концепціи міра и къ детерминизму. Они и сами явились проповѣдниками скептицизма и пессимизма.

Чрезмѣрный аристократизмъ Ренана, какъ справедливо указываетъ современный французскій критикъ, въ сущности прикрывалъ

лишь его надменное отчаяніе. А Тэнъ, на закатѣ своей жизни, говорилъ о трагедіи своей души, которая являлась тогда трагедіей многихъ буржуазныхъ интеллигентовъ. „Разумъ совѣтуетъ мнѣ бездѣйствіе, а натура приказываетъ дѣйствовать“.

Безполезность дѣйствія—таково было преобладающее настроеніе интеллигенціи указанной эпохи. На этой почвѣ родилась, между прочимъ, и странно-мрачная поэзія Бодлера, давшая толчокъ декадентству.

— Міръ обезцвѣченъ учеными,—жаловался въ восьмидесятыхъ годахъ нынѣшній теоретикъ націонализма, Морисъ Баррэсъ.— Скука, смертельная скука охватила молодое поколѣніе, — писалъ онъ.

Скептицизмъ и пессимизмъ приводили къ созданію теоріи личнаго эгоизма, которая одно время была популярной среди буржуазной молодежи. Надъ обломками разушенныхъ доктринъ возвышалась одна только реальность, которая и нагромоздила эти обломки: индивидуумъ и его разумъ. Отсюда культъ своего „я“.

„Наша мораль, наша религія, наше національное чувство разрушены критикой,—писалъ Баррэсъ. — Мы не можемъ болѣе выводить изъ нихъ правилъ поведенія. Въ ожиданіи, пока наши учителя дадутъ намъ новые критеріи истины, новыя увѣренности (certitudes), намъ надо привязаться къ единственной реальности, къ своему „я“ [1]).

Журналъ „Mercure de France“ былъ тогда присяжнымъ органомъ проповѣдниковъ личнаго эгоизма и бездѣйствія. Въ спеціальномъ манифестѣ, въ которомъ излагались взгляды новаго направленія, журналъ доказывалъ, что ни одна эпоха не была такъ благопріятна для того, чтобы скрестить руки на груди и ждать. Онъ совѣтовалъ забраться снова „въ башни изъ слоновой кости“, пока онѣ еще не разрушены, и обдумывать тамъ вѣчныя проблемы... или трудности грамматики.

Самымъ талантливымъ и яркимъ идеологомъ культа своего „я“ (le culte de moi) явился Морисъ Баррэсъ, богато одаренный писатель, обладающій высокой способностью художественнаго воспріятія и поражающій классической чистотой и музыкальностью языка. Свою теорію, на которой мы не можемъ здѣсь останавливаться подробно, Баррэсъ положилъ въ основу ряда романовъ, изъ которыхъ „Le jardin de Bérénice“, по общему отзыву критики, представлялъ литературный шедевръ.

Но теорія личнаго эгоизма, le culte de moi, была безплодной теоріей,—она, въ дѣйствительности, обрекала личность на полную безпомощность и безсиліе. Самъ Баррэсъ и его послѣдователи не преминули понять эту истину. Они стали тогда искать новыхъ путей. Могучая встряска дрейфусіады ускорила эти поиски. Теорія

---

[1]) M. Barrés, „Examen de trois idéologies“, p. 21.

личнаго эгоизма быстро испарилась въ раскаленной атмосферѣ кипучей и страстной борьбы, потрясавшей страну.

Когда борьба окончилась, значительная часть интеллигенціи на нѣкоторое время увлеклась демократическими идеями, которыя съ такимъ блескомъ восторжествовали въ жизни. Демократія показалась имъ той реальностью, той „certitude“, которую не въ силахъ разрушить остріе критики. Она, слѣдовательно, могла послужить опорой для захирѣвшей въ пессимизмѣ отрицанія личности. Наиболѣе консервативные слои интеллигенціи однако не пошли по этому пути. Демократія пугала ихъ узкій индивидуализмъ, претила ихъ соціальнымъ взглядамъ. Они стали искать другихъ путей, которые уже намѣтились для нихъ только что закончившейся борьбой. Выступая противъ дрейфусаровъ, они логикой вещей вынуждены были бороться подъ стягомъ націонализма, хотя еще смутнаго, неоформленнаго, неяснаго. Это обстоятельство должно было толкать ихъ поиски въ опредѣленную сторону. Они не преминули найти „certitude“ въ націонализмѣ.

Главными творцами націоналистической теоріи явились Морисъ Баррэсъ, профессоръ Вожуа, графъ Монтескіу и блестящій, но крайне парадоксальный публицистъ, Шарль Морра.

Большую роль въ разработкѣ и обоснованіи ученія націонализма сыграла также ассоціація „Action Française“, пользующаяся сейчасъ большимъ вліяніемъ среди французскаго студенчества. „Action Ftançaise“ организовала спеціальный университетъ, гдѣ рядъ профессоровъ и писателей читаютъ лекціи по вопросамъ соціологіи, соціальной философіи и политики. Она издаетъ два литературно-политическихъ журнала — одинъ двухнедѣльный, другой ежемѣсячный, нѣсколько юмористическихъ журналовъ и одну большую ежедневную газету. Она обладаетъ также хорошо организованными и многочисленными группами молодежи въ Парижѣ и въ провинціи.

„Action Française“ пришла въ послѣднее время къ роялизму, въ которомъ она видитъ логическій выводъ изъ „интегральнаго націонализма“. Но роялизмъ раздѣляютъ далеко не всѣ націоналисты,—многіе изъ нихъ, въ силу ряда соображеній, продолжаютъ держаться республиканскихъ взглядовъ.

III.

Теоретики націонализма исходятъ изъ интересовъ развитія личности, для которой, какъ я уже говорилъ, они ищутъ увѣренности, „certitude“, критерія истины, безъ чего личность обречена на постоянныя мучительныя сомнѣнія и умственныя шатанія.

Философскія системы не могутъ помочь личности найти свою дорогу, не могутъ направить ее на путь непреложной истины, утверждаютъ націоналисты. Всѣ онѣ субъективны, ибо порождены

разумомъ и являются игрою ума. Онѣ поэтому не забронированы отъ разрушающаго дѣйствія критики. Слѣдовательно, надо отбросить системы и привязаться къ живой реальности.

Такой живой реальностью, по мнѣнію націоналистовъ, является нація. Нація—фактъ, который нельзя отрицать, она продуктъ вѣкового творчества исторіи. Мы сами порождены ею. Мы дышемъ ея атмосферой, связаны съ нею тысячью психологическихъ нитей. Избравъ націю за опору, привязавшись къ ней, можно сразу обрѣсти „certitude", увѣряютъ націоналисты.

Что такое истина? Абсолютной истины нѣтъ,—есть лишь истина относительная, доказываютъ націоналистическіе теоретики. Для того, чтобы получить ее и пріобрѣсти увѣренность, надо найти такую исходную точку, какой требуютъ наши умственные глаза, какъ ихъ создали вѣка развитія. Необходимо найти точку, исходя отъ которой можно было бы видѣть явленія расположенными въ такомъ порядкѣ, чтобы онѣ выступали въ свѣтѣ истины *для француза*. Интересъ французской націи даетъ такую точку. Истина и справедливость, по мнѣнію націоналистовъ, не только относительны, но, такъ сказать, національны. У каждой націи своя истина и своя справедливость, ибо умственный взоръ ихъ различенъ, интересы противорѣчивы, а потому и критерій неодинаковъ [1]).

Націоналисты отвергаютъ поэтому, какъ ненужный хламъ, какъ не стоющія вниманія химеры, всѣ великіе абсолютные принципы, которые пишутъ на своемъ знамени борцы за прогрессъ и человѣчество. Общечеловѣческая справедливость, свобода, равенство, братство, все это должно быть рѣшительно отброшено, если не совпадаетъ съ интересами націи. „Хорошее дѣйствіе раньше для меня называлось моральнымъ, пишетъ профессоръ Вожуа, теперь оно для меня называется только французскимъ, — ибо я французъ". Настоящій націоналистъ, читаемъ мы въ манифестѣ націоналистическихъ теоретиковъ, ставитъ во главу угла отечество,— онъ понимаетъ и обсуждаетъ всѣ вопросы общественности исключительно съ точки зрѣнія національнаго интереса. Національный интересъ—это высшая реальность нашего времени. Этимъ интересомъ, а не отвлеченными принципами необходимо руководствоваться и въ отношеніяхъ съ другими странами.

Націоналисты не находятъ достаточно сарказмовъ противъ нѣкоторыхъ профессоровъ Сорбонны, проповѣдующихъ „нездоровую" (malsain) мораль Канта и совѣтующихъ примѣнять ее въ международныхъ отношеніяхъ. Истинная мудрость, по мнѣнію націоналистовъ, гласила устами Макіавелли, рекомендовавшаго поступать съ другими такъ, какъ бы ты не хотѣлъ, чтобы поступали съ тобой. Неудивительно, поэтому, что націоналисты превозносятъ до небесъ Бисмарка и Побѣдоносцева, какъ истинныхъ патріотовъ и

---

[1]) M. Barrès, „Scenes et doctrines du nationalisme" p. 13. Paris.

противопоставляютъ ихъ безпочвеннымъ мечтателямъ Толстому и Гладстону. Правда, Бисмаркъ, напримѣръ, для французовъ—тать и разбойникъ, ибо онъ отнялъ у Франціи двѣ провинціи, связанныхъ съ нею вѣковыми узами культуры и крови. Но съ нѣмецкой національной точки зрѣнія онъ, несомнѣнно, герой и патріотъ, ибо онъ расширилъ территорію имперіи. Всѣ истинные патріоты должны подражать Бисмарку, для котораго международное право и тому подобныя идеалистическія химеры были совершенно чужды и непонятны.

Итакъ, національный интересъ является основнымъ критеріемъ истины и справедливости для націоналистовъ, дающимъ имъ „certitude", безмятежную увѣренность и успокаивающимъ всѣ ихъ философскія и моральныя сомнѣнія. Но что же такое этотъ національный интересъ, ради котораго люди должны отказаться отъ всего идейнаго наслѣдства, созданнаго вѣками исторіи, безпрестанными усиліями человѣческой мысли?

Для націоналистовъ таковымъ является *національное единеніе*. Это основной краеугольный камень ихъ міровоззрѣнія, на которомъ они строятъ всю свою систему. Національно все то, что создаетъ единеніе націи,—антинаціонально все, что ее раздѣляетъ. Въ этомъ заключается альфа и омега націонализма.

Наилучшимъ цементомъ для скрѣпленія національнаго единенія націоналисты считаютъ *традицію и классицизмъ*.

Огромную важность традицій для дѣла національнаго единенія они обосновываютъ соціологически и психологически. Личность и нація, утверждаютъ они, не могутъ преобразовывать себя согласно тому или иному идеалу, онѣ могутъ лишь сохранить себя такими, какими ихъ создало историческое развитіе. Природа создаетъ не общество черезъ посредство человѣка, а человѣка черезъ посредство общества. Напрасно однако вы станете искать у націоналистическихъ писателей научныхъ доказательствъ въ пользу этого утвержденія. Они просто декретируютъ историческій „законъ" и считаютъ это достаточнымъ. Для вящей убѣдительности они лишь ссылаются на католическаго писателя начала прошлаго вѣка, Бональда, который впервые провозгласилъ эту истину, опровергая Жанъ-Жака Руссо. Бональдъ провозгласилъ,—magister dixi. Кто этимъ не удовлетворяется, тому, понятно, нечего дѣлать въ рядахъ націоналистовъ.

Но допустимъ, что утвержденіе: природа создаетъ человѣка черезъ посредство общества, — правильно. Вѣдь это почти революціонная теорія, — это mutatis mutandis теорія марксизма. Разъ общество создаетъ человѣка, а не человѣкъ общество, то, слѣдовательно, прогрессъ въ человѣческихъ отношеніяхъ можетъ быть достигнутъ лишь измѣненіемъ общественныхъ условій, а не самоусовершенствованіемъ личностей, какъ утверждаютъ соціальные реакціонеры и католическая церковь. Но націоналисты ухит-

ряются дѣлать изъ своей теоріи другой практическій выводъ. Природа создаетъ человѣка черезъ посредство общества, слѣдовательно, только природѣ принадлежитъ дѣйствительная законодательная власть, доказываютъ они. Законодательная власть природы стихійно запечатлѣвается и кристаллизуется въ традиціяхъ. Послѣднія даютъ намъ поэтому единственно правильныя указанія цѣлесообразнаго устройства нашей общественной жизни.

Морально-общественная жизнь народовъ, по мнѣнію націоналистовъ, инстинктивна. Она основана на традиціяхъ, обычаяхъ и предразсудкахъ, которые въ своей совокупности составляютъ вѣчный, неизмѣнный базисъ общественности[1]), но если разрушить традицію, то общество лишается своего компаса, оно какъ бы превращается въ корабль „безъ руля и безъ вѣтрилъ“. Люди принимаются перестраивать общественный укладъ согласно своимъ субъективнымъ идеаламъ, не считаясь съ властными велѣніями природы, нарушенные интересы приходятъ въ столкновеніе, начинается борьба страстей,—и общество, которое произвольно тянутъ въ разныя стороны, приходитъ въ разстройство. Вмѣстѣ съ этимъ разбивается единеніе націи и усиливаются въ ней центробѣжныя стремленія. Такимъ образомъ интересы національнаго единства требуютъ раньше всего укрѣпленія традиціи...

Морисъ Баррэсъ не ограничивается такими разсужденіями. Онъ идетъ дальше или, вѣрнѣе, дѣлаетъ „подкопъ поглубже“. Но отъ его аргументовъ сильно отдаетъ запахомъ тлѣна. Послушать его,—такъ, по истинѣ, становится жутко.

Формулу „le mort saisit le vif“, мертвый хватаетъ живого, Баррэсъ принимаетъ безъ оговорокъ и отдаетъ все живое человѣчество во власть мертвецамъ.

Мертвые управляютъ живыми, утверждаетъ Баррэсъ. Нація—это общее владѣніе древнимъ кладбищемъ. Смѣняющія другъ друга поколѣнія представляютъ единое цѣлое. Мысли, чувства, образы, понятія современниковъ даны имъ длинной цѣпью ихъ предковъ. Наши идеи вовсе не интеллектуальнаго происхожденія,—онѣ являются лишь извѣстнымъ способомъ реагированія, который опредѣляется физіологическими склонностями, переданными намъ по наслѣдству. Человѣческій разумъ, по словамъ Баррэса, настолько скованъ прошлымъ, что мы неизбѣжно идемъ по дорожкѣ, проложенной нашими предшественниками. Личныхъ идей нѣтъ. Нѣтъ и дѣйствительной свободы мысли,—мы живемъ по указкѣ мертвецовъ. Вся сумма эмоціальнаго наслѣдства, переданная намъ нашими предками, составляетъ истинную сущность національной души. Это наслѣдство лежитъ, главнымъ образомъ, въ области подсознательнаго. Для того, чтобы усилить его вліяніе на лич-

---

[1]) Montesquiou „Les raisons du nationalisme“ и Ch. Maurras „Liberalisme et Liberté“.

ность, необходимо, чтобы среда, въ которой живутъ люди, сохранила какъ можно явственнѣе и крѣпче печать прошлаго, Отъ постояннаго соприкосновенія съ такой средой, соотвѣтствующей нашему неосознанному „я“, пробудятся съ особенной силой заложенные въ насъ національные инстинкты. Въ глубинѣ души каждаго изъ насъ, говоритъ Баррэсъ, имѣется одна постоянная невралгическая точка. Если она получаетъ ударъ отъ соотвѣтствующей ей внѣшней среды, то все наше существо приходитъ въ сотрясеніе, все заложенное въ насъ наслѣдіе расы пробуждается. А потому необходимо „прикрѣпить людей къ землѣ и къ мертвецамъ“, т. е. къ традиціи [1]).

Въ этомъ, по мнѣнію Баррэса, лучшее средство для возстановленія и упроченія единенія націи. Путемъ одной лишь идейной пропаганды невозможно добиться такого результата. Критическая мысль всегда можетъ вызвать сомнѣніе въ правильности идей. Чтобы спасти національное единство, надо, слѣдовательно, усилить *инстинктивную несознательную* жизнь народа и тѣмъ самымъ забронировать націю отъ разрушающаго дѣйствія критической мысли.

Попытки раціонализировать эту инстинктивную жизнь націоналисты считаютъ преступленіемъ. Инстинктъ дѣйствуетъ въ правильномъ направленіи, пока онъ слѣпъ, доказываетъ Морра. Когда инстинктъ перестаетъ быть слѣпымъ, онъ сбивается съ правильнаго пути... Итакъ, надо человѣчеству повернуть назадъ; назадъ отъ человѣческой морали къ звѣриной, отъ разума къ слѣпому инстинкту, отъ критической мысли—къ традиціи, отъ живыхъ къ мертвецамъ. Какъ видите, немало жертвъ требуется, чтобы сохранить и упрочить „высшую реальность нашего времени“, національное единство.

И все это во имя интересовъ развитія личности!

IV.

Для того, чтобы сохранить и укрѣпить традицію, прекраснымъ средствомъ, по мнѣнію націоналистовъ, является классицизмъ. Необходимо пропитать его духомъ всю общественную жизнь, опредѣлить имъ литературные и художественные вкусы, положить классическіе принципы въ основу соціально-политическаго строительства и народнаго образованія. Классицизмъ покоится на понятіяхъ долга, порядка и дисциплины, а безъ внѣдренія этихъ понятій въ народное сознаніе трудно отстоять традицію отъ разрушенія. Мало того, въ классицизмѣ даны основные и вѣчные законы цивилизаціи и общественности. „Древняя Греція, пишетъ

[1]) M. Barrés, „Scènes et doctrines du nationalisme“ и „La Terre et les morts“.

Морра, положила фундаментъ философіи и позитивной религіи, древній Римъ осуществилъ могучее твореніе реалистической политики. Духъ классицизма представляетъ самую сущность высшей человѣческой цивилизаціи" [1]).

Націоналисты, несомнѣнно, здѣсь сильно увлекаются. Понятіе долга, которое классицизмъ ставитъ во главу угла, можетъ вѣдь быть понимаемо различно. Римскій полководецъ, осуждающій на смерть родного сына за простое нарушеніе военной дисциплины, конечно, яркій и типичный представитель классическаго міра. Но Брутъ, убивающій своего друга Цезаря, тоже сынъ этого міра,—онъ также повиновался велѣнію долга, который повелѣвалъ ему избавить страну отъ тирана. Дѣятели великой революціи, которая разрушила столько традицій, дорогихъ сердцу націоналистовъ, тоже усиленно подражали классическимъ героямъ,—многіе изъ нихъ дѣйствительно дали разительные примѣры классической твердости при исполненіи долга, которому они безтрепетно приносили въ жертву свои и чужія жизни.

Націоналисты не замѣчаютъ или не хотятъ замѣчать и того противорѣчія, въ которое они впадаютъ, доказывая, что въ классицизмѣ мы находимъ основные и вѣчные законы общественности и цивилизаціи. Такая точка зрѣнія совершенно не совмѣстима съ ихъ утвержденіями о „національной истинѣ", съ ихъ отрицаніемъ абсолютныхъ принциповъ. Но классицизмъ дорогъ націоналистамъ, какъ антиподъ романтизма,—послѣдній же для нихъ злѣйшій врагъ.

Романтизмъ—это торжество чувства,—это бунтъ противъ разума, долга, дисциплины. Вліяніе его можетъ быть только разрушающимъ, ибо оно порождаетъ борьбу страстей, а тѣмъ самымъ разбиваетъ единство. Романтизмъ націоналисты называютъ культурой дикарей. Категорію романтизма они при этомъ весьма расширяютъ. Для нихъ романтиками являются ветхозавѣтные пророки и Христосъ, евреи и протестанты, радикалы и соціалисты и т. д. Примитивное христіанство имъ глубоко противно. Оно, по ихъ мнѣнію, явилось философіей варварской чувствительности (sensibilité) и по своей сущности было чисто еврейскимъ. Но за то націоналисты—горячіе сторонники католицизма. Охрану и укрѣпленіе католической церкви они считаютъ одной изъ важнѣйшихъ своихъ задачъ.

Католицизмъ, утверждаютъ они, является во Франціи единственно возможной формой христіанства. Католическая церковь втеченіе многихъ столѣтій играла огромную роль во французской національной жизни и органически связалась съ нею. Она, въ значительной степени, участвовала въ выработкѣ новыхъ національныхъ традицій и національнаго языка. Она содѣйствовала концентраціи моральныхъ силъ Франціи. Но этого мало. Честь и

---

[1]) Ch. Maurras, „Trois idées politiques", p. 54.

достоинство католицизма заключается въ томъ, что онъ „организовалъ“ идею Бога, лишивъ ее ея опаснаго жала.

Католицизмъ, пишетъ Морра, предлагаетъ единственную идею Бога, которая можетъ быть терпима въ организованномъ государствѣ. Всѣ остальныя идеи Бога рискуютъ превратиться въ общественную опасность. У древнихъ евреевъ пророки, избранники божьи, постоянно вызывали безпорядокъ и агитацію. Съ тѣхъ поръ, какъ національныя несчастія лишили еврейскій народъ отечества, евреи, воспитанные на пророкахъ, превратились въ опасныхъ революціонныхъ агентовъ. Протестантъ также ведетъ свое начало отъ еврея. Онъ также пропитанъ монотеизмомъ и профетизмомъ и въ области мысли является анархистомъ. Но католицизмъ, который вноситъ къ евангелію коррективъ разума, даетъ великолѣпную дисциплину для сдерживанія инстинктовъ разнузданнаго человѣка. Онъ является поэтому могучимъ факторомъ для сохраненія и укрѣпленія традицій, а тѣмъ самымъ и національнаго единства [1]).

Католицизмъ подавляетъ индивидуализмъ и анархію и устраняетъ шатанія въ мысляхъ и нравахъ. Католическая церковь вноситъ въ современную разруху принципъ порядка и іерархіи. Но что особенно важно, это то, что моральное ученіе католицизма, по мнѣнію націоналистовъ, вполнѣ совпадаетъ съ основными политическими принципами классицизма.

Среди націоналистовъ далеко не всѣ вѣрующіе люди. Ихъ главные теоретики, Баррэсъ и Морра, — убѣжденные атеисты. Морра къ тому же называетъ себя позитивистомъ. Но это однако не мѣшаетъ маленькимъ „великимъ инквизиторамъ“ національизма въ экстазѣ преклоняться передъ католическою церковью и ставить ее на недосягаемый пьедесталъ. Они увѣряютъ, что между догматическими императивами церкви и законами науки существуетъ полная паралель. Первые являются лишь переводомъ на языкъ мистики послѣднихъ. Можно, говорятъ они, не вѣрить въ откровеніе и сверхъеестественное, но въ то же время признавать позитивную мудрость законовъ и житейскихъ правилъ, диктуемыхъ католицизмомъ. Отъ всего ученія національизма вѣетъ нестерпимой сухостью мысли и чувства, но въ вопросѣ о католицизмѣ душевная и умственная черствость націоналистическихъ писателей производитъ по-истинѣ отталкивающее впечатлѣніе Атеисты, воскуривающіе ѳиміамъ самой нетерпимой и безпощадной религіозной организаціи, душившей вѣками всѣхъ инако мыслящихъ! Позитивисты, скрѣпляющіе своей санкціей законы и правила, основанные на откровеніи! По-истинѣ—зрѣлище, способное укрѣпить традиціонную мораль и вернуть на путь истины заблуждающіяся массы!..

---

[1]) Ch. Maurras, „Trois idées politiques“, pp. 60—61.

Жозефъ де Мэстръ и Бональдъ въ свое время также восхваляли католицизмъ, въ которомъ они видѣли единственную моральную скрѣпу общественности. Они были реакціонеры, но ихъ страстная проповѣдь была проникнута искренней вѣрой и поэтому она могла производить нѣкоторое впечатлѣніе на современниковъ и даже зажигать сердца. Рядомъ съ ними новые апологеты католической церкви кажутся жалкими и маленькими.

Націоналисты считаютъ также необходимымъ охранять и возстановлять всѣ тѣ соціальныя и политическія формы, которыя соотвѣтствуютъ духу традиціи, которыя могутъ усилить власть „мертвецовъ" надъ личностью и создавать для нея условія несознательной жизни. Они требуютъ поэтому возстановленія прежнихъ провинцій, уничтоженныхъ революціей, надѣясь, что это приведетъ къ возрожденію былого провинціальнаго патріотизма съ его патріархальностью и ограниченностью. Они требуютъ также возстановленія корпоративнаго строя, при которомъ ремесло передавалось по наслѣдству отъ отца къ сыну. Наслѣдственное ремесло крѣпче привяжетъ личность къ ея профессіи, къ узко-корпоративнымъ интересамъ и сдѣлаетъ ее менѣе доступной для общихъ идей. Очень важно также защищать отъ разрушенія традиціонную семью и проповѣдывать усиленіе родительскаго авторитета.

Самые крайніе націоналисты идутъ еще дальше и видятъ увѣнчаніе зданія въ монархической реставраціи.

Въ центрѣ положительной части ученія націоналистовъ, какъ уже навѣрное замѣтилъ читатель, кроется глубокое противорѣчіе. Они желаютъ утвердить національное единство на двухъ китахъ: на традиціи и классицизмѣ. Но традиція есть господство несознательнаго и, по мнѣнію націоналистовъ, господство инстинкта, въ то время, какъ классицизмъ провозглашаетъ суверенныя права разума. У теоретиковъ націонализма здѣсь получается нѣчто вродѣ le mariage de la carpe et du lapin, по словамъ французской поговорки.

Націоналисты видятъ это противорѣчіе и стараются разрѣшить его путемъ софистическихъ разсужденій. Инстинкты, на которыхъ покоится традиція, утверждаютъ они. дѣйствуютъ въ направленіи, которое разумъ признаетъ правильнымъ, ибо традиція обозначаетъ порядокъ и дисциплину. Но какъ же все-таки примирить примѣненіе въ жизни двухъ началъ, изъ которыхъ одно органически отрицаетъ другое? Гдѣ разумъ, тамъ можетъ быть и критика, тамъ, во всякомъ случаѣ, исчезаетъ несознательное,—а націоналисты отрицаютъ раціонализацію инстинкта, который долженъ оставаться слѣпымъ.

Для того, чтобы выйти изъ затрудненія, наши теоретики предлагаютъ своеобразное раздѣленіе труда между народомъ и интеллигенціей. Народъ долженъ быть поставленъ въ такія условія, чтобы „ассимилировать" наслѣдіе прошлаго, чтобы безпрерывно и *несо-*

знательно впитывать его въ себя. Разумъ долженъ остаться лишь орудіемъ интеллигенціи. Послѣдняя обязана подкрѣплять разумомъ то, что народъ „ассимилируетъ" инстинктомъ. Для этого права разума должны быть строго ограничены. Разумъ долженъ относиться въ высшей степени бережно къ учрежденіямъ, обычаямъ, которыя мы получили отъ прошлаго. Разумъ долженъ работать въ томъ же направленіи, въ которомъ развивается несознательно воспринимающій инстинктъ. Интеллигенціи надо разъ навсегда запретить себѣ критику извѣстныхъ принциповъ, которые раньше, быть можетъ, можно было ставить подъ вопросомъ.

Таковы вѣчные законы всякой соціальной организаціи, всякаго правительства, остающіеся неизмѣнными подъ измѣняющейся внѣшностью. Правда, иногда эти законы нарушаются, но тогда весь общественный организмъ приходитъ въ разстройство, что и происходитъ сейчасъ во Франціи, по словамъ націоналистовъ. Управленіе и критика исключаютъ другъ друга,—говорятъ они. Это должна всегда помнить интеллигенція. Она никогда не должна забывать завѣта де Мэстра: „Innover avec tremblement", обновлять нужно съ большой опаской.

Итакъ, народъ долженъ трудиться и прозябать въ невѣжествѣ, ему надо закрыть всѣ пути свободной критики, а интеллигенція возьметъ себѣ тяжелую роль управленія и будетъ укрѣплять разумомъ народное невѣжество.

Націоналисты очень гордятся этой своей теоріей. Они называютъ себя прямыми продолжателями и послѣдователями Огюста Конта и Ренана. Вѣдь эти свѣтила французской науки проповѣдывали политическій строй, основанный на господствѣ „аристократіи разума".

Однако надо полагать, что Контъ и Ренанъ не одобрили бы такихъ учениковъ. Они во всякомъ случаѣ не ограничивали правъ свободной мысли, апологетами невѣжества они, какъ извѣстно, также не были.

Теорія націоналистовъ, какъ мы видимъ, рѣзко противорѣчитъ элементарнымъ понятіямъ демократизма. Но это обстоятельство ихъ менѣе всего смущаетъ. Идеи французской революціи являются, по ихъ мнѣнію, анти-общественными, ненаучными, вредными, а, главное, вовсе не французскими. Это идеи швейцарскія, — онѣ были занесены на французскую почву романтическимъ „швейцарцемъ" Жанъ-Жакомъ Руссо. Націонализмъ есть протестъ, инстинктивный бунтъ противъ очевиднаго политическаго заблужденія, противъ революціоннаго заблужденія о правахъ человѣка, откровенно заявляютъ націоналисты [1]).

И, чтобы опровергнуть „революціонное заблужденіе", они приводятъ затасканный аргументъ объ отсутствіи естественнаго равенства

---

1) Ch. Maurras, „Enquete sur la monarchie", p. 140. Paris.

между людьми. При этомъ они стараются доказать, что неравенство въ области политической и соціальной есть результатъ неравенства естественнаго. Всеобщая война, указывая, на чьей сторонѣ находится сила, ведетъ къ созданію всеобщей іерархіи, — утверждаютъ они.

Однако все дѣло въ томъ, о какой силѣ идетъ здѣсь рѣчь. Въ данномъ случаѣ сила соціальная и экономическая играетъ, конечно, главную роль. Но эта сила передается по наслѣдству, можетъ явиться результатомъ случайности, можетъ быть завоевана хитростью и обманомъ. Люди, слабые физически и умственно, нерѣдко оказываются могущественно вооруженными въ соціальной борьбѣ, благодаря указаннымъ причинамъ.

Эта истина стара, какъ міръ. Она была извѣстна даже древнему Екклезіасту. „И обратился я, и видѣлъ подъ солнцемъ, что не проворнымъ достается успѣшный бѣгъ, не храбрымъ — побѣда, не мудрымъ — хлѣбъ и не у разумныхъ — богатство, и не искуснымъ—благорасположеніе, но время и случай для всѣхъ ихъ".

Послѣдовательная демократія, т. е. соціализмъ стремится устранить этотъ элементъ слѣпой случайности и въ то же время создать условія, при которыхъ и слабый былъ бы огражденъ отъ насилія сильнаго. Но націоналисты на все это закрываютъ глаза. Они идутъ еще дальше и провозглашаютъ соціальное неравенство вѣчнымъ и неизмѣннымъ закономъ общественности на томъ основаніи, что оно существовало раньше и существуетъ сейчасъ.

Никакія новыя явленія жизни не могутъ, по мнѣнію Поля Бурже, великосвѣтскаго теоретика націонализма, измѣнить вѣчнаго закона общественности: „humanum paucis vivit genus", который нужно понимать въ томъ смыслѣ, что человѣчество живетъ для своей аристократіи (elite) и черезъ нее [1]).

Раздѣлавшись съ демократіей, націоналисты на этомъ не останавливаются. Имъ вѣдь нужно сокрушить и истереть въ порошокъ всѣ прочіе факторы національнаго разъединенія. Здѣсь у нихъ на первомъ мѣстѣ стоятъ евреи. Противъ нихъ націоналисты выдвигаютъ по-истинѣ страшные аргументы.

Евреи, видите ли, представляютъ огромное зло для французской націи. Они, по своему духу, анти-государственники и романтики, ибо воспитаны на пророкахъ. Въ то же время евреи обладаютъ необыкновеннымъ практическимъ геніемъ, вслѣдствіе чего вѣчныя химеры ихъ расы становятся особенно опасными. Демократическій и гуманитарный идеалъ, идеалъ старыхъ республиканцевъ, ничѣмъ, въ сущности, не отличается отъ древней еврейской иллюзіи, доказываетъ націоналистическій органъ „Action

[1]) P. Bourget, „Sociologie et litérature", p. 123.

Française". Декларація правъ человѣка и гражданина—родная дочь талмуда и Агады. Государство, ставящее себѣ цѣлью національное благополучіе, а не утвержденіе царства справедливости въ человѣчествѣ, должно поэтому безжалостно устранять евреевъ отъ общественныхъ должностей. Къ тому же евреи сильно сплочены между собой и слабо ассимилируются,—они являются поэтому чужероднымъ элементомъ въ организмѣ французской націи и ихъ вліяніе можетъ быть только разрушающимъ, разлагающимъ.

Не лучше евреевъ и протестанты, которые разрушаютъ наслѣдственныя національныя традиціи и возстаютъ противъ національной религіи, католицизма. Протестанты стараются получить преобладаніе въ католическомъ государствѣ, пропитывая своимъ духомъ національныя учрежденія и важнѣйшее изъ нихъ—школу.

Не менѣе вредно участіе въ политической жизни страны натурализованныхъ иностранцевъ и ихъ ближайшихъ потомковъ, которыхъ націоналисты называютъ „метеками" (meteques). Наконецъ, самые опасные враги—это франкъ-масоны, заклятые противники католической церкви и традицій, пропагандисты неограниченной свободы мысли и критики.

Всѣ эти вредные для національнаго единства элементы: евреи, метеки, протестанты и франкъ-масоны дѣйствуютъ, по словамъ націоналистовъ, въ тѣснѣйшемъ союзѣ, благодаря чему, а также и демократическому строю, имъ удалось забрать въ свои руки политическую власть.

Выступая противъ „четырехъ объединенныхъ союзниковъ" по „принципіальнымъ" соображеніямъ, націоналисты преслѣдуютъ при этомъ и цѣли соціально-консервативнаго характера. На „союзниковъ" они сваливаютъ всѣ бѣды и дѣлаютъ ихъ отвѣтственными и за экономическую эксплуатацію, и за нужду трудящихся массъ. Буржуазія никого не эксплуатируетъ,—доказываютъ они.— Наоборотъ, она сама являются жертвой „союзниковъ", которые безвастѣнчиво грабятъ ее, пользуясь поддержкой республиканскихъ политикановъ.

Отрицательная программа націонализма сжато формулирована въ редакціонномъ заявленіи націоналистической газеты „Action Française", которое было помѣщено въ ея первомъ номерѣ.

Мы беремъ то, что является для насъ общимъ—отечество, историческую расу, читаемъ мы въ этомъ заявленіи. Мы объявляемъ войну анархіи. Да здравствуетъ національное единство и долой всѣ раздѣляющіе элементы! Мы будемъ бороться противъ парламентской анархіи, которая уничтожаетъ власть, раздѣляя ее, противъ экономической анархіи, главной жертвой которой является рабочій, противъ буржуазной анархіи, которая называетъ себя либеральной, но которая въ дѣйтельности причиняетъ гораздо больше зла, чѣмъ бомбы анархистовъ. Мы будемъ бороться противъ космополитической анархіи,

отдающей государственную власть въ руки иностранцевъ по рожденію или по чувствамъ,—противъ университетской анархіи, довѣряющей воспитаніе молодыхъ французовъ учителямъ-варварамъ — евреямъ и протестантамъ, чуждымъ французской цивилизаціи. Мы обнажимъ язвы анархіи семейной, убивающей авторитетъ родителей и разрушающей единеніе супруговъ. Наконецъ, мы особенно и изо всѣхъ силъ будемъ возставать противъ худшей изъ всѣхъ формъ анархіи, противъ анархіи религіозной, которая ожесточенно стремится разрушить католическую церковь... Пойдемъ еще дальше. Больше всего насъ разъединяетъ республиканскій режимъ, который въ то же время организуетъ, регулируетъ и увѣковѣчиваетъ эксплоатацію страны. И „Action Française" призываетъ всѣхъ добрыхъ гражданъ бороться противъ республики [1]).

Я уже говорилъ, что не всѣ націоналисты являются монархистами. Послѣдніе считаютъ себя „интегральными націоналистами" и, надо имъ отдать справедливость, они весьма послѣдовательны и дѣлаютъ правильный логическій выводъ изъ своихъ основныхъ идей. Противники монархіи, вродѣ Баррэса, выдвигаютъ рядъ соображеній въ пользу своего республиканизма. Принципіально они тоже признаютъ преимущества монархическаго строя, но они полагаютъ, что практически возстановленіе такого строя во Франціи сейчасъ невозможно. Главные ихъ аргументы сводятся къ тому, что, во-первыхъ, во Франціи нѣтъ популярной династіи, во-вторыхъ, нѣтъ сплоченной и сильной дворянской аристократіи, безъ которой традиціонная монархія не можетъ существовать, и, наконецъ, въ-третьихъ, исторія Франціи послѣдняго вѣка привела къ тому, что французы отдаютъ республиканской идеѣ ту *силу чувства*, которая въ другихъ странахъ является незыблемымъ фундаментомъ наслѣдственной монархіи. Но націоналисты-республиканцы, конечно, противъ парламентской республики. Разъ ужъ республику искоренить нельзя, то пусть она будетъ *цезаріанской*,—тогда зло, приносимое республиканскимъ строемъ дѣлу національнаго единства, будетъ не такъ велико, какъ сейчасъ.

Націоналисты не выдвигаютъ подробной соціально-политической программы и не организованы въ партію. Они ограничиваются лишь пропагандой своихъ идей.

Они не строятъ себѣ иллюзій относительно возможности привлечь на свою сторону народныя массы. Они обращаются главнымъ образомъ къ „мозгу націи", къ интеллигенціи и буржуазіи. Народъ для нихъ quantité negligeable.

Подобно революціоннымъ синдикалистамъ, они проповѣдуютъ теорію активнаго меньшинства, дѣлающаго исторію. „Хирургу, собирающемуся сдѣлать операцію, нужно получить согласіе отъ

---

[1]) „Action Française", 21 Mars 1908.

„мозга" своего паціента. То же самое имѣетъ мѣсто и въ политикѣ, говоритъ Баррэсъ. Большинство всегда переходитъ на сторону правительства, которое поддерживаетъ порядокъ. На кого сможетъ опереться такое правительство? Оно будетъ опираться на армію и этого вполнѣ достаточно"[1]).

Итакъ, и въ области соціальной и политической націоналисты зовутъ насъ назадъ,—къ цезаризму или монархіи, къ корпоративному строю, къ семейному деспотизму, чуть ли не къ религіознымъ гоненіямъ. И все это, надо помнить, во славу развитія личности!

Мы видѣли, какой глубоко-реакціонный характеръ носитъ французская націоналистическая теорія. Но эта теорія крайне поучительна,—она является лучшимъ аргументомъ противъ національзма.

Въ ея созданіи, какъ я уже говорилъ, участвовали выдающіяся литературныя и научныя силы, призвавшія на помощь старую и новую философію. Однако они не нашли элементовъ для національзма, какъ цѣлостнаго общественнаго міровоззрѣнія, въ современной жизни. Имъ пришлось обратить свои взоры назадъ, къ изжитому и позабытому прошлому. Ихъ ученіе есть безсильный призывъ повернуть вспять колесо исторіи.

Націонализмъ, какъ настроеніе, является, въ сущности, атавистическимъ пережиткомъ, который искусственно поддерживается политикой господствующихъ классовъ. Неудивительно, что французскіе націоналисты, пожелавшіе подвести научный и теоретическій фундаментъ подъ это настроеніе, оказались вынужденными объявить войну современности и сформулировать программу, возвращающую насъ къ среднимъ вѣкамъ. И однако ихъ ученіе, не смотря на его реакціонность, сухость и безжизненность, находитъ многочисленныхъ сторонниковъ, главнымъ образомъ, среди буржуазной интеллигенціи.

VII.

Послѣ ликвидаціи дѣла Дрейфуса большинство французской буржуазной интеллигенціи, какъ я уже говорилъ выше, примкнуло къ демократическому лагерю. Но развитіе демократіи выдвинуло на очередь соціальныя проблемы, началось бурное синдикальное движеніе, сильно напугавшее буржуазію, радикализмъ, къ которому тяготѣли народолюбивые буржуазные элементы, вступилъ въ полосу кризиса и имущіе классы стали быстро правѣть. Вмѣстѣ съ ними стала правѣть и буржуазная интеллигенція, у которой чувство солидарности съ современнымъ строемъ оказалось сильнѣе ея идейныхъ увлеченій.

Буржуазно-интеллигентская молодежь, воспитавшаяся въ такой

[1]) „Enquête sur la Monarchie" p. 140.

атмосферѣ, является сейчасъ особенно реакціонной. Среди нея, главнымъ образомъ, націоналисты и вербуютъ своихъ сторонниковъ. Эта молодежь, въ массѣ своей, насквозь пропитана классовымъ духомъ и чужда какой бы то ни было идейности. Обострившійся соціальный консерватизмъ французскихъ имущихъ слоевъ, ихъ крайній матеріализмъ наложилъ яркую печать на ея психологію. Характерными чертами этой психологіи являются практичность, презрительное отношеніе къ идейности, отрицаніе обобщающей мощи разума, культъ старины и культъ силы.

Во французской буржуазной прессѣ указанное явленіе вызываетъ большую радость. Въ газетахъ и журналахъ постоянно твердятъ о начавшемся національномъ возрожденіи Франціи, о возрожденіи „французской гордости" и т. п. Нѣкоторые журналы и писатели занялись спеціальными анкетами объ умонастроеніяхъ молодого буржуазно-интеллигентскаго поколѣнія. Выводы этихъ анкетъ совпадаютъ и рисуютъ, въ общемъ, одну и ту же картину.

Наиболѣе интересныя анкеты были напечатаны въ журналахъ „Revue Hebdomadaire" и „Opinion". Въ послѣднемъ журналѣ авторами анкеты являются два литературныхъ критика, занимающіе кафедры въ Сорбоннѣ, но скрывшіеся подъ псевдонимомъ „Agathon".

„Revue Hebdomadaire" обращалось къ авторитетнымъ представителямъ интеллигентской молодежи разныхъ профессій,—къ адвокатамъ, писателямъ, художникамъ, артистамъ, офицерамъ, студентамъ и т. д. Огромное большинство отвѣтовъ, полученныхъ журналомъ, носятъ реакціонный характеръ и рѣзко запечатлѣны націоналистической идеологіей. Въ нихъ говорится о крушеніи гуманитарныхъ идей, о банкротствѣ философскихъ системъ, основанныхъ на всесиліи разума, о необходимости соціальнаго консерватизма и націоналистической политики. Профессоръ Эмиль Фагэ, анализировавшій матеріалъ анкеты, пишетъ въ своемъ заключеніи, что „умственныя настроенія современной молодежи можно назвать антиинтеллектуальными. Это яркая форма реакціи противъ философскихъ системъ Конта, Ренана и Тэна, не признающая могущества разума, его познавательной способности, враждебная раціонализму... Если это такъ,—а кажется, что это именно такъ,— то приходится констатировать разногласіе, разрывъ, между интеллигентской молодежью и остальной частью нашего молодого поколѣнія" [1]).

Анкета журнала „Opinion" коснулась исключительно студенческой молодежи. Авторы этой анкеты также констатируютъ „упадокъ интеллектуализма". Современные молодые люди не увлекаются болѣе разумомъ, какъ ихъ предшественники, пишутъ они

---

[1]) Emile Faguet, „L'Enquête sur la jeunesse", „Revue Hebdomadaire" 0 juillet 1912.

Настроеніе молодежи авторы характеризуютъ слѣдующими штрихами: сильное тяготѣніе къ классицизму и традиціи, развитое чувство „національной гордости“, соціальный консерватизмъ, стремленіе къ возможно большему использованію матеріальныхъ благъ жизни.

Понятно, что національзмъ, отрицающій интеллектуализмъ, аппеллирующій къ „живой реальности“, отвергающій идеализмъ, встрѣчаетъ среди молодежи горячее сочувствіе.

Вы не найдете теперь въ университетѣ, ни въ высшихъ школахъ студентовъ, исповѣдывающихъ антимилитаризмъ, пишутъ авторы анкеты. Въ политехническомъ институтѣ, въ „Нормальной Школѣ“, гдѣ сторонники Жорэса были когда-то очень многочисленны, даже въ Сорбоннѣ, гдѣ сосредоточено столько космополитическихъ элементовъ, гуманитарныя идеи не находятъ болѣе послѣдователей. На юридическомъ факультетѣ и въ школѣ политическихъ наукъ (Ecole de sciences politiques) національное чувство обострено у студентовъ до крайней степени. Упоминаніе объ Эльзасѣ и Лотарингіи вызываетъ бурныя, нескончаемыя оваціи. Профессора, которымъ приходится касаться нѣмецкой науки, дѣлаютъ это со всей возможной осторожностью, опасаясь вызвать ропотъ и свистъ. Укажемъ еще одинъ фактъ, гораздо болѣе значительный, пишутъ авторы. Слушатели высшей реторики въ Парижѣ, т. е. цвѣтъ интеллигентской молодежи, находятъ въ войнѣ эстетическій идеалъ энергіи и силы. Авторы сообщаютъ также, что молодежь относится рѣзко отрицательно къ парламентскому режиму и что республиканская идея встрѣчаетъ въ ея рядахъ все меньше сочувствія. Бесѣдуя съ любымъ представителемъ университетской молодежи, пишутъ авторы, вы сразу замѣчаете, что его сужденія носятъ явные слѣды националистической идеологіи. Правда, авторы оговариваются, что большинство этой молодежи не идетъ за доктринерами „Action Francaise“ вплоть до монархіи, — роялистскіе аргументы слишкомъ абстрактны и сухи, чтобы увлечь ее.

Можно, конечно, сомнѣваться въ объективности авторовъ анкетъ. Однако лѣвая французская печать не опровергла ихъ. Лѣвые публицисты доказывали лишь, что республиканская идея гораздо сильнѣе среди молодежи, чѣмъ это изображается въ анкетахъ. Что касается ея націоналистическихъ увлеченій, то этотъ фактъ всѣ молчаливо потвердили, ибо онъ является секретомъ полишинеля.

Безусловно, воинствующими націоналистами, исповѣдывающими полностью „интегральный національзмъ“, является меньшинство интеллигентской молодежи, но общія идеи національзма распространены сильно и среди большинства. Что касается до студенчества, то о его настроеніяхъ достаточно краснорѣчиво свидѣтельствуютъ постоянныя студенческія манифестаціи противъ профессоровъ-пацифистовъ и демократовъ и постановленія его

съѣздовъ. Послѣдній съѣздъ представителей всего французскаго студенчества, состоявшійся въ апрѣлѣ т. г., принялъ всѣ резолюціи, которыя были предложены націоналистами. Эти резолюціи требуютъ ограниченія доступа иностранцевъ во французскіе университеты (главнымъ образомъ имѣлись въ виду русскіе, которыхъ націоналисты считаютъ поголовно революціонерами), запрещеніе иностраннымъ подданнымъ, хотя и получившимъ высшее образованіе во Франціи, заниматься либеральными професіями и т. п. Огромное большинство французскаго студенчества высказалось также, шумно и съ паѳосомъ, въ пользу возстановленія трехлѣтней службы, требуя однако для себя нѣкоторыхъ „модальностей", вродѣ отбыванія воинской повинности въ университетскихъ городахъ и права посѣщать университеты втеченіе второго и третьяго года службы. Когда группа студентовъ радикаловъ опубликовала протестъ противъ трехлѣтняго срока, то самая большая *республиканская* студенческая ассоціація обратилась съ письмомъ въ редакціи газетъ, въ которомъ она въ рѣзко-націоналистическихъ выраженіяхъ клеймила „кучку антипатріотовъ", осмѣлившуюся говорить отъ имени всѣхъ республиканскихъ студентовъ. Въ этомъ же письмѣ „республиканская ассоціація", пользуясь случаемъ, осыпала ругательствами соціалистовъ, дезорганизующихъ націю своей вредной пропагандой.

Націоналистическія увлеченія молодежи послужили поводомъ для основанія „общества защиты французской культуры", имѣющаго цѣлью поощрять націонализмъ буржуазно-интеллигентскихъ „дѣтей". Это общество группируетъ „отцовъ". Во главѣ его стоитъ Жанъ Ришпэнъ, нѣкогда бывшій яркимъ демократомъ, воспѣвавшій въ своихъ произведеніяхъ французскую бѣдноту, а теперь перешагнувшій черезъ баррикаду. Среди основателей общества числятся сто тридцать два члена института и между ними нынѣшній президентъ республики, Рэмонъ Пуанкарэ.

Въ своемъ манифестѣ общество возноситъ до небесъ классическую идеологію, „могучее выраженіе средиземной цивилизаціи", которая является прекрасной гимнастикой для ума и лучшей дисциплиной для духа. Франція объявляется законной наслѣдницей этой идеологіи, которую она должна развивать и укрѣплять.

Классицизмъ не противорѣчитъ современности, по словамъ манифеста. Современное общество нуждается въ умственной аристократіи, чтобы не подпасть подъ власть демагогіи.

Какъ видите, аргументы, весьма родственные націоналистическимъ. Но въ манифестѣ имѣются еще лучшіе перлы. Современная французская молодежь, заявляютъ его авторы, охвачена сейчасъ духомъ національнаго возрожденія, который ведетъ ее къ классицизму. Она увлекается прошлымъ Франціи, требуетъ *укрѣпленія власти* (курсивъ мой. *Е. С.*), стоящей на стражѣ національнаго достоинства, проникнута стремленіями къ героизму и славѣ.

Необходимо поэтому собрать во-едино текущія со всѣхъ сторонъ струйки національной энергіи, а для этого организовать общество защиты французской культуры. „Защита“ сводится пока къ печатнымъ выступленіямъ нѣкоторыхъ членовъ общества противъ профессорскаго преподаванія въ Сорбоннѣ, запечатлѣннаго гуманитарными идеалами и популяризирующаго методы иностранной науки. Такое преподаваніе „защитники“ французской культуры считаютъ крайне вреднымъ. Оно выдвигаетъ на первый планъ идею человѣчества, — слѣдовательно, противорѣчитъ идеѣ національной, а популяризація иностранныхъ научныхъ методовъ якобы обезцвѣчиваетъ французскую науку, лишаетъ ее оригинальности.

Вліяніе националистической идеологіи сильно чувствуется и въ новой французской литературѣ.

Бурже и Баррэсъ, корифеи національзма, никогда не пользовались такой популярностью, какъ въ настоящее время. Каждый новый романъ Баррэса,—а Баррэсъ во всѣхъ своихъ романахъ проводитъ націоналистическія идеи,—является цѣлымъ литературнымъ событіемъ. Рѣзко тенденціозныя пьесы Бурже „La Barricade“ и „Le Tribun“ были гвоздями театральнаго сезона, не смотря на ихъ очевидную художественную слабость.

Въ погонѣ за модой и высокими гонорарами и другіе писатели стараются не отстать отъ своихъ счастливыхъ собратьевъ, создающихъ себѣ успѣхъ на національзмѣ. Націоналистическая пьеса академика Лаведала „Servir“, которая смутила даже дирекцію казеннаго театра „Comedie Française“, была поставлена съ колоссальнымъ успѣхомъ у Сары Бернаръ. Пьеса шла ежедневно втеченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ и дала 900 тысячъ франковъ валового сбора. Почти съ такимъ же успѣхомъ шла націоналистическая драма Гастона Леру „Alsace“ въ театрѣ Рэнанъ. Кромѣ того, въ романахъ и пьесахъ многіе молодые и старые писатели усиленно восхваляютъ традиціи, провинціальную жизнь, традиціонную буржуазную семью, военную службу и... даже колоніальныя войны.

Молодой беллетристъ Анри Бордо, создавшій себѣ спеціальность въ идеализаціи традиціонной семьи, является сейчасъ однимъ изъ наиболѣе читаемыхъ въ буржуазно-интеллигентской и просто буржуазной средѣ. Когда-то французскіе писатели пропагандировали разводъ,—теперь его изображаютъ, какъ легальную форму разврата. Излюбленной героиней драматическихъ произведеній становится вѣрная жена, подавляющая въ своемъ сердцѣ чувство любви во имя долга. Даже такіе драматурги, какъ Бернштейнъ, Батайль, Маргеритъ, Траріе начинаютъ поддаваться общему увлеченію.

Мало того, начался походъ противъ Мольера, выражавшаго съ такой силой и яркостью самую сущность французскаго національнаго генія. Нашлись писатели, которые вдругъ обнаружили,

что Мольеръ развращалъ и развращаетъ французскую націю. Вѣдь онъ осмѣивалъ традиціонную семью, глумился надъ авторитетомъ родителей, вѣдь у него героини и герои ставятъ чувство выше долга, а излюбленнымъ его персонажемъ является плутъ и пройдоха, который всегда оказывается умнѣе почтенныхъ людей, съ которыми онъ имѣетъ дѣло. Извѣстный писатель Поль Аданъ выпустилъ на дняхъ цѣлую книгу въ 400 страницъ, направленную противъ Мольера, а большія распространенныя газеты напечатали на первой страницѣ выдержки изъ этой книги.

Однимъ словомъ, идеологія націонализма, выдвигающая на первое мѣсто національный интересъ, классицизмъ и традицію, господствуетъ сейчасъ во французскомъ образованномъ обществѣ. Эта идеологія теперь самая „модная", подобно тому, какъ десять лѣтъ тому назадъ былъ моднымъ интернаціонализмъ и демократизмъ. Но, повторяю, въ рѣзкой и активной формѣ ярко націоналистическое настроеніе проявляется, главнымъ образомъ, среди буржуазной молодежи. Націонализмъ является теоретическимъ оправданіемъ ея безыдейности, ея узкаго матеріализма. Націонализмъ „научно" отрицаетъ общечеловѣческую мораль и тѣмъ самымъ успокаиваетъ ея совѣсть. Въ то же время онъ даетъ ей иллюзію о возможности развивать личность, борясь противъ демократіи и прогресса, и освобождаетъ ее отъ „сомнѣній", объявляя полное безсиліе разума.

VIII.

Французска оуржуазія все болѣе становится націоналистичной. Націонализмомъ сильно окрашены сейчасъ почти всѣ буржуазныя партіи во Франціи.

Это націонализмъ не агрессивный, вродѣ германскаго, — съ такимъ націонализмомъ, при глубокомъ миролюбіи французскихъ народныхъ массъ, далеко не уѣдешь. Націонализмъ французской буржуазіи предназначенъ исключительно для домашняго употребленія и служитъ политическимъ орудіемъ для защиты опредѣленныхъ классовыхъ интересовъ.

Буржуазныя партіи берутъ у интегральныхъ націоналистовъ ихъ два основныхъ принципа: національный интересъ и національное единеніе и стремятся обосновать ими свою политику. Нація должна быть единой, повторяютъ вслѣдъ за націоналистами буржуазные политики и ихъ печать. Только въ этомъ залогъ ея силы, устойчивости и процвѣтанія. Политическіе выводы изъ такого утвержденія конечно ясны: необходимо бороться противъ всѣхъ разъединяющихъ факторовъ. Соціалистическая партія проповѣдуетъ классовую борьбу, — надо объявить ей войну. Конференція Труда возбуждаетъ рабочихъ противъ хозяевъ и вызываетъ экономическіе конфликты, она ведетъ антимилитаристскую пропаганду, — надо наложить на нее узду. И вотъ правительство готовитъ уже законо-

проектъ, который дастъ ему возможность распустить центральную организацію синдикатовъ и который имѣетъ цѣлью ограничить синдикальное движеніе узкими рамками чисто-корпоративнаго интереса. Далѣе, послѣдовательная антиклерикальная политика разбиваетъ единеніе французовъ, сталкивая вѣрующихъ съ невѣрующими,—надо отказаться отъ такой политики. Слабость власти благопріятствуетъ пропагандистамъ разрушительныхъ доктринъ,—надо усилить власть, укрѣпивъ авторитетъ и прерогативы президента республики и кабинета министровъ и т. д.

„Національный“ кабинетъ Пуанкарэ открыто объявилъ своей задачей сплоченіе націи, укрѣпленіе національнаго чувства и усиленіе авторитета власти. Теперь во Франціи имѣются „національный“ президентъ республики, „національное правительство“ „національное“ парламентское большинство, объединяющее роялистовъ, правыхъ, консерваторовъ и около половины радикаловъ Нынѣшняя политика парламента и правительства даетъ полное удовлетвореніе даже крайнимъ націоналистамъ, которые не стѣсняются открыто заявлять объ этомъ. Очень любопытной въ этомъ отношеніи представляется рѣчь Мориса Баррэса, произнесенная имъ недавно на націоналистическомъ банкетѣ.

„Буланжистское и націоналистическое движеніе, конечно, потерпѣли пораженіе, заявилъ Баррэсъ, но идеи, которыя они несли съ собой, пережили ихъ. Нашу терминологію отбрасываютъ, но принимаютъ нашу доктрину. Мы находимъ ее въ рѣчахъ Пуанкарэ, она опредѣляетъ благородные порывы нашихъ вчерашнихъ враговъ, которые теперь работаютъ надъ осуществленіемъ того, чего мы требовали. Какое для насъ имѣетъ значеніе, что наша партія остается на заднемъ планѣ, когда мы видимъ, что всѣ остальныя партіи, которыя раньше боролись противъ насъ, націонализируются“.

„Національная“ политика французской буржуазіи не является случайностью,—она создалась надъ вліяніемъ общихъ и глубокихъ причинъ.

„Торжество крупныхъ общественныхъ движеній, писалъ Ипполитъ Тэнъ, является временнымъ. Именно потому, что онѣ крупны, ихъ участники скоро успокаиваются, а когда они успокаиваются, то движеніе умираетъ“.

Эту истину далеко нельзя примѣнять ко всѣмъ передовымъ европейскимъ странамъ. Тэнъ, конечно, руководился, главнымъ образомъ, опытомъ Франціи и въ данномъ случаѣ онъ былъ на три четверти правъ. Въ литературѣ уже много разъ отмѣчалось особенное національное свойство французовъ, способныхъ быстро и сразу загорѣться яркимъ пламенемъ энтузіазма, совершить героическіе подвиги, но также быстро потухающихъ и проявляющихъ большую вялость въ медленной, но методической организаціонной работѣ. Это свойство французскаго народа въ огромной степени опредѣлило характеръ его исторіи, которая совершалась

преимущественно скачками. Оно сказалось и на современномъ положеніи вещей.

Во время дѣла Дрейфуса французскія народныя массы сдѣлали огромныя усилія. Демократическое движеніе, охватившее съ невѣроятной силой всю страну, побѣдоносно вытѣснило изъ всѣхъ главныхъ позицій темныя силы прошлаго. Для Франціи открылся широкій и, казалось, свободный путь прогрессивнаго соціально-политическаго развитія. Но, одержавъ побѣду, массы постепенно стали успокаиваться,—онѣ не воспользовались своей побѣдой для укрѣпленія своихъ силъ, для прочной организаціи на политической и экономической почвѣ. Вытѣсненныя съ главныхъ позицій антидемократическіе элементы начали поэтому потихоньку да полегоньку возвращаться на прежнія мѣста.

Въ моей статьѣ „Кризисъ французской демократіи" („Р. Бог.", май и іюнь 1912 г.) я показалъ, какъ, благодаря политической распыленности демократическихъ массъ, организованный финансовый и промышленный капиталъ и вообще консервативная буржуазія получили огромное вліяніе на политику парламента и правительства. Военные реакціонные элементы также получили реваншъ. Реакціонные генералы, отстраненные отъ видныхъ военныхъ постовъ, удаленные изъ главнаго генеральнаго штаба, снова сдѣлались хозяевами въ арміи. „Ils sont revenus plus nombreux et plus puissants que jamais", справедливо жаловался на дняхъ въ „Courrier Européen" республиканскій генералъ Персенъ.

То же произошло и въ области школы. Правительство сдѣлалось болѣе уступчивымъ по отношенію къ воинствующей католической церкви. Послѣдняя воспользовалась этимъ обстоятельствомъ и отъ защиты перешла къ наступленію, направивъ всѣ свои усилія противъ свѣтской государственной школы. И вотъ въ цѣломъ рядѣ департаментовъ число учениковъ въ государственной школѣ систематически уменьшается, а католическія „частныя" учебныя заведенія ростутъ, какъ грибы.

Для этой политики отступленія со всѣхъ позицій необходимо было какое-нибудь идейное прикрытіе. Національная политика и служитъ для этой цѣли.

Массы, дѣйствительно, стали увлекаться патріотизмомъ, армія снова начала завоевывать свою былую популярность. Но правящіе [illegible] слишкомъ поторопились и сильно скомпрометировали свое дѣло возстановленіемъ трехлѣтняго срока службы.

Эта мѣра также продиктована соображеніями „національной политики". Непосредственной причиной, вызвавшей ее, послужилъ, какъ извѣстно, германскій законопроектъ объ усиленіи арміи. Но почва для нея подготовлялась другими причинами.

Реформа 1905 года, сократившая срокъ военной службы до двухъ лѣтъ, была крупнымъ завоеваніемъ демократіи. Она уничтожила всѣ привилегіи, которыми пользовались молодые люди

имущихъ классовъ, ввела строгій принципъ всеобщности и имѣла цѣлью сдѣлать армію болѣе демократической, приблизивъ ее къ народу. Понятно, что реакціонеры, и въ особенности реакціонеры въ военной формѣ, пропитанные старымъ кастовымъ духомъ, не могли примириться съ этой реформой. Какъ только они снова получили вліяніе въ арміи и дирижерскую палочку въ генеральномъ штабѣ, въ военныхъ кругахъ и въ инспирируемой ими правой печати началась систематическая кампанія противъ двухлѣтней службы. Еще задолго до внесенія въ германскій рейхстагъ военнаго законопроекта во Франціи выходили въ свѣтъ написанныя генералами спеціальныя работы и популярныя брошюры, въ которыхъ доказывалась необходимость вернуться къ трехлѣтнему сроку.

На-дняхъ вышла новымъ изданіемъ книга генерала Метро „Nos frontières du Nord et de l' Est. Le service de deux ans et sa répércussion sur leur défense", направленная противъ двухлѣтней службы. Въ предисловіи къ этому изданію, извѣстный генералъ Келлэръ откровенно пишетъ слѣдующее: „Иностранныя угрозы разбудили здравый смыслъ народа и онъ обратился къ арміи, требуя отъ нея средства для устраненія опасности. Генералъ Мэтро указалъ это средство—возстановленіе трехлѣтняго срока, который въ 1905 году былъ легкомысленно принесенъ въ жертву трусливой избирательной демагогіи. Не будетъ большой смѣлостью, если мы скажемъ, что дѣятельность генерала Мэтро, которую онъ развилъ во имя творчества своихъ идей, въ значительной степени подготовила почву для благопріятнаго пріема, оказаннаго страной военному законопроекту правительства"...

Германская иниціатива дала лишь возможность правымъ и консерваторамъ опереться на сильный аргументъ и приблизиться къ цѣли.

Увеличеніе германскихъ вооруженій поставило Францію въ необходимость усилить свою армію. Для этого у нея было два пути: дальнѣйшая демократизація арміи, постепенное приближеніе ея къ милиціонной системѣ,—или же удлиненіе срока службы.

Извѣстный республиканскій генералъ Персенъ, бывшій корпусный командиръ, ясно и отчетливо показалъ на страницахъ „Courrier Europeèn" роль политическаго элемента въ рѣшеніи этого военнаго вопроса.

„Обыкновенно говорятъ, — пишетъ Персенъ — что на арміи лежитъ двойная обязанность: охранять порядокъ внутри страны и сражаться противъ непріятеля.

„Внѣшнюю войну и охрану порядка можно понимать двоякимъ образомъ. Война можетъ быть національной, какой явилась, напримѣръ, балканская, какой была бы и франко-германская война по поводу Агадирскаго инцидента, еслибы не удалось уладить дѣла миромъ. Но война можетъ быть и не національной, какъ

напримѣръ, мексиканская война, или же когда война предпринимается съ цѣлью благопріятствовать комбинаціямъ финансовыхъ группъ. То же и съ охраной порядка. Для однихъ это означаетъ не допускать превращенія народныхъ сборищъ, вызываемыхъ стачками, политическими или религіозными манифестаціями, въ побоища, препятствовать нападеніямъ на собственность. Другіе понимаютъ подъ охраной порядка ограниченіе общественвыхъ свободъ и, при случаѣ, вооруженное содѣйствіе государственному перевороту.

„Профессіональная казарменная армія, пропитанная военно-корпоративнымъ духомъ, одинаково способна исполнять всѣ четыре роли, перечисленныя выше, т. е. вести національную войну, вести не національную войну, поддерживать порядокъ, оказывать содѣйствіе государственному перевороту. Національная армія, остающаяся въ казармахъ лишь втеченіе ограниченнаго времени, строго необходимаго для ея обученія, болѣе способна, чѣмъ профессіональная, вести національную войну и поддерживать порядокъ, но она вовсе неспособна для ненаціональныхъ войнъ и для содѣйствія государственному перевороту.

„Вотъ почему одни хотятъ національной арміи, а другіе профессіональной (armée de metier). Республиканцы и реакціонеры финансисты, которымъ могутъ наносить ущербъ рабочія стачки, а нѣкоторыя войны могутъ приносить выгоды, и пролетаріи, живущіе исключительно своимъ трудомъ, не могутъ обладать одинаковыми взглядами въ военныхъ вопросахъ. Трехлѣтняя служба вернетъ насъ къ профессіональной арміи. Объясненіе столкновенія мнѣній, происходившаго по поводу военнаго законопроекта, надо искать, по моему мнѣнію, не въ разногласіяхъ относительно лучшихъ способовъ обученія войска или организаціи пограничныхъ линій прикрытія, а исключительно въ оцѣнкѣ тѣхъ результатовъ, къ которымъ приводитъ указанное мною возвращеніе къ профессіональной арміи“ [1])...

Я уже говорилъ, что возстановленіе трехлѣтняго срока скомпрометировало успѣхи „національной“ политики. Эта мѣра затрагиваетъ кровные жизненные интересы трудовыхъ классовъ, отрывая сотни тысячъ юношей отъ производительнаго труда, лишая десятки тысячъ бѣдныхъ семей здоровыхъ рабочихъ рукъ, матеріальной поддержки. Правительственный военный законопроектъ вызвалъ сильное неудовольствіе и возбужденіе въ народныхъ массахъ.

Офиціальная радикальная партія, вначалѣ колебавшаяся, подъ вліяніемъ народнаго настроенія присоединилась къ соціалистамъ въ ихъ борьбѣ противъ правительственнаго законопроекта.

Исполнительный комитетъ партіи выпустилъ афишу, расклеен-

---

[1]) „Courrieur Européen“, 28 mars 1913.

ную по всей Франціи, въ которой онъ рѣзко осуждалъ возвращеніе къ трехлѣтнему сроку, какъ мѣру реакціонную и антидемократическую. Въ палатѣ большинство радикаловъ образовало своего рода оборонительный „блокъ“ съ соціалистами, тѣмъ болѣе, что соціалисты, пропагандируя идею милиціи, для даннаго момента ограничились требованіемъ сохраненія двухлѣтней службы и мѣръ для улучшенія организаціи запасныхъ.

Особенно большое впечатлѣніе оказали солдатскіе бунты прокатившіеся волной почти по всей Франціи. Для всѣхъ, въ томъ числѣ и для правительства, стало ясно, что удержаніе на лишній годъ въ казармахъ солдатъ призыва 1910 года можетъ вызвать осенью колоссальные безпорядки въ войскахъ. Чтобы выйти изъ затрудненія и смягчить оппозицію народныхъ массъ, правительство и парламентское большинство рѣшили, какъ извѣстно, призывать на службу двадцатилѣтнихъ юношей. Такимъ образомъ осенью получится двойной наборъ, а старые солдаты смогутъ быть отпущены. Однимъ словомъ, законъ фактически вступитъ въ силу лишь въ 1915 году. Кромѣ того, законъ устанавливаетъ обязательный четырехмѣсячный отпускъ для солдатъ, благодаря чему срокъ дѣйствительной службы доведенъ лишь до 32 мѣсяцевъ, а не до трехъ лѣтъ.

Но, призывая на службу двадцатилѣтнихъ юношей, правительство и парламентское большинство обнаружили неискренность своихъ аргументовъ. Они все время доказывали, что необходимо усилить армію мирнаго времени, а для этого имѣть постоянно подъ ружьемъ обученныхъ солдатъ двухъ призывовъ. Теперь подъ ружьемъ будетъ лишь одинъ обученный призывъ, а два необученныхъ, что, несомнѣнно, ослабитъ боевую способность арміи.

Законъ, какъ извѣстно, прошелъ въ палатѣ,—противъ него высказалось 215 республиканцевъ. При голосованіи самаго принципа трехлѣтней службы 266 республиканцевъ, — 70 соціалистовъ и 196 радикаловъ, вотировали противъ.

Несомнѣнно, что и сенатъ утвердитъ законъ. Но борьба противъ трехлѣтняго срока не прекратится. Соціалисты и большинство радикаловъ считаютъ его временнымъ и требованіе объ его отмѣнѣ сдѣлаютъ центромъ своей программы на законодательныхъ выборахъ будущаго года.

Передъ окончательнымъ голосованіемъ законопроекта въ палатѣ соціалисты и радикалы прочитали отъ имени своихъ партій деклараціи, въ которыхъ они заявляютъ о своемъ намѣреніи продолжать борьбу.

Особенно любопытна декларація радикаловъ, прочитанная ихъ теперешнимъ парламентскимъ лидеромъ, бывшимъ президентомъ министровъ Кайо. Эта декларація очень рельефно выясняетъ прин

ципіальную позицію радикализма по отношенію въ возстановленію трехлѣтняго срока.

„Что особенно побуждаетъ насъ оставаться въ оппозиціи, гласила декларація, такъ это то обстоятельство, что за колебаніями и противорѣчіями правительства мы ясно замѣчаемъ волю реакціонныхъ партій, толкающихъ его къ отказу отъ идеи вооруженной націи, которая явилась результатомъ сорокалѣтней эволюціи, съ которой люди національной обороны (Гамбета и его сподвижники. Е. С.) связали свое имя и которой демократія дала реализацію закономъ 1905 года. Эти партіи желали уничтожить великій принципъ равенства всѣхъ гражданъ передъ налогомъ крови. Имъ не удалось это. Тѣмъ не менѣе новый законъ отвлекаетъ націю отъ ея традиціонной и дѣйствительной работы по усиленію своей защитительной мощи. Всѣ дѣятельныя силы нашей молодежи, всѣ наши свободные финансовые рессурсы будутъ поглощены исключительно активной арміей...

„Патріоты и республиканцы, многіе изъ насъ готовы были пойти на уступки. Мы предложили проектъ, который, основываясь на интегральномъ примѣненіи закона о двухлѣтней службѣ, обезпечивалъ постоянное присутствіе подъ знаменами двухъ обученныхъ призывовъ (декларація намекаетъ на проектъ объ удлиненіи срока службы до 28 мѣсяцевъ), и осуществленіе органическихъ и постоянныхъ мѣръ, диктуемыхъ интересами національной обороны. Правительство не пошло намъ на встрѣчу. Оно предпочло поддержку правыхъ партій и отказалось отъ сотрудничества лѣвыхъ. Впервые съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ республика, и по винѣ правительства республиканская партія оказалась раздѣленной по вопросу о національной оборонѣ...

„Вѣрные нашимъ принципамъ и традиціи, которую завѣщали намъ старые республиканцы, убѣжденные въ правильности нашихъ взглядовъ, мы будемъ подготовлять будущее, напоминая странѣ, что ограниченность прироста нашего населенія возлагаетъ на молодежь особыя обязанности, до и послѣ прохожденія службы, которую мы не желаемъ удлинять безъ пользы для улучшенія военныхъ силъ и во вредъ нашему экономическому и умственному развитію, также являющемуся однимъ изъ факторовъ обороны и условіемъ національнаго величія, во вредъ нашему бюджетному положенію, во вредъ нашему кредиту, который рискуетъ быть ослабленнымъ, въ то время, какъ національный кредитъ, покоящійся на солидныхъ финансахъ, есть второе основаніе національной обороны“.

Соціалистическая декларація въ свою очередь заканчивалась энергическимъ заявленіемъ, что соціалисты не прекратятъ борьбы до тѣхъ поръ, пока страна не добьется отмѣны „возмутительнаго закона и побѣды надъ псевдо-національной реакціей президента Пуанкарэ“.

Борьба, несомнѣнно, будетъ продолжаться, потому что недоволь-

ство народныхъ массъ далеко не улеглось. Страна все болѣе раздѣляется на два рѣзко противоположныхъ лагеря: за и противъ трехъ лѣтъ. Въ то же время въ первомъ лагерѣ группируются всѣ сторонники „національной“ политики, во второмъ — всѣ истинно-демократическіе элементы.

Наростающее политическое столкновеніе, которому новый военный законъ далъ сильный толчокъ, превращается такимъ образомъ въ столкновеніе интересовъ консервативной буржуазіи съ интересами трудящихся классовъ.

Разростется ли начинающаяся борьба до крайнихъ предѣловъ, вызоветъ ли она снова активное и могучее демократическое движеніе, какъ во время дѣла Дрейфуса? На эти вопросы сейчасъ еще трудно отвѣтить съ полной увѣренностью. Но, если принять во вниманіе, что непосредственнымъ объектомъ борьбы является законъ, затрагивающій кровный интересъ широкихъ массъ, что большинство республиканцевъ офиціально перешло въ оппозицію, а реакціонныя и консервативныя партіи составляютъ главное ядро парламентскаго большинства, то можно съ нѣкоторой вѣроятностью предвидѣть оживленіе боевого демократическаго настроенія среди широкихъ массъ населенія. Политическое положеніе становится все болѣе яснымъ и опредѣленнымъ и та путаница, при которой возможно было проводить реакціонную политику подъ демократической этикеткой, отходитъ въ область прошлаго. Правительство, связываясь по необходимости все сильнѣе съ реакціей и воюя съ демократическими элементами, силою вещей вынуждено раскрывать карты „національной“ политики и обнаруживать ея дѣйствительную сущность. Возможно, что эта политика, все болѣе обостряющаяся, окончательно расшевелитъ „успокоившуюся“ было французскую демократію и побудитъ ее сдѣлать новый „скачокъ“ впередъ.

Правда, народныя силы во Франціи сравнительно слабо организованы. Но французская исторія показываетъ намъ, что развитіе французской демократіи, втеченіе послѣдняго столѣтія, не шло по пути методической организаціи и собиранія силъ, а ускорялось внезапными и бурными стихійными взрывами. Къ тому же въ рукахъ французскаго народа имѣется такое могучее орудіе, какъ всеобщее и равное избирательное право и парламентаризмъ.

Французскому народу нѣтъ надобности завоевывать свободныя прогрессивныя формы политической организаціи,—эти формы уже завоеваны и существуютъ. Ему необходимо лишь наполнить ихъ соотвѣтствующимъ содержаніемъ.

Е. Сталинскій.

Обозрѣніе иностранной жизни.

1. Положеніе современной Европы.—2. Кровавый хаосъ на Балканскомъ полуостровѣ.

I.

Лѣтопись современной политики продолжаетъ по прежнему изобиловать мрачными и тяжелыми событіями. Настоящая эпоха характеризуется, дѣйствительно, все ростущею враждою между различными національностями, натянутыми отношеніями большихъ и малыхъ государствъ, крайнимъ развитіемъ крикливаго шовинизма внутри каждой страны и забвеніемъ внутреннихъ вопросовъ, составляющихъ, казалось бы, основную цѣль нормальнаго общежитія.

Уже давно было сказано, что человѣческую исторію можно представить въ видѣ смѣны двухъ періодовъ: періодовъ прогресса и періодовъ реакціи. Несомнѣнно, что въ послѣднее время вся Европа и весь культурный міръ переживаютъ полосу торжества противообщественныхъ и антигуманныхъ началъ, которая находится въ странномъ противорѣчіи съ внѣшнимъ развитіемъ демократическихъ учрежденій на всемъ земномъ шарѣ. Эта полоса характеризуется прежде всего тѣмъ, что привилегированное меньшинство и правящіе классы успѣваютъ проводить особенно энергично свою эгоистическую политику, не считаясь съ интересами широкихъ массъ. Снова и снова вершители судебъ прибѣгаютъ къ давно испытаннымъ пріемамъ демагогіи, имѣющей цѣлью подмѣнить задачи внутренняго развитія и народнаго благополучія такъ называемыми „міровыми вопросами“ внѣшней политики, въ рамкахъ которой есть гдѣ разгуляться на просторѣ своекорыстнымъ стремленіямъ высшихъ классовъ.

Это попятное движеніе обнаруживается въ любой странѣ,—конечно, съ разными національными особенностями, которыя опредѣляются спеціальными условіями даннаго государства. Но, говоря въ общемъ, за послѣдніе три года мало такихъ странъ, гдѣ работа соціальнаго творчества и прогрессивной мысли могла бы порадовать культурнаго историка. Такъ, Франція, несомнѣнно, переживаетъ пору такого шумнаго и назойливаго шовинизма, который отбрасываетъ насъ на 15 лѣтъ назадъ. На почвѣ третьей республики по прежнему ведется пропаганда реванша и преклоненія передъ арміей, какъ это происходило во второй половинѣ 90-хъ годовъ, пока, наконецъ, Францію не спасла отъ гибели идейная встряска, испытанная ею въ связи съ дѣломъ Дрейфуса. Снова начинается культъ грубой силы. Снова звучатъ насмѣшки по адресу „безпочвенныхъ интеллигентовъ“, проводящихъ, молъ, время въ превыспреннемъ

скептицизмѣ или же прямомъ подрывательствѣ основъ порядка. И снова во главу угла становятся типичные выразители милитаризма, представители отживающихъ партій и архаическихъ міровоззрѣній, не разъ уже составлявшихъ пагубный для цѣлости республики союзъ. И эта пропаганда—увы! — ведется нынѣ тѣми общественными слоями и органами мнѣнія, которые во время дѣла Дрейфуса сочли себя вынужденными бороться за демократическія начала и рѣзко отмежевываться отъ носителей идеаловъ прошлаго.

Особенно плачевно поведеніе умѣренно-республиканскихъ и умѣренно-радикальныхъ слоевъ, которые, какъ то опять-таки было накануиѣ дѣла Дрейфуса, снова усердно занялись подрубаніемъ сука, на которомъ сами же сидятъ. Нельзя, напр., безъ чувства отвращенія читать передовицы органа крупной буржуазіи, нѣкогда столь дрейфусистскаго „Le Temps", съ необыкновеннымъ—фальшивымъ — умиленіемъ повѣствующаго о „высоко-лирическомъ зрѣлищѣ факельныхъ военныхъ шествій" и нападающаго съ пѣной у рта на тѣхъ сторонниковъ гражданскаго развитія страны, которые хотѣли бы хоть до нѣкоторой степени противодѣйствовать шовинистскому настроенію улицы, возбуждаемой этими шумными „зорями". Писатели этого направленія въ данный моментъ торжествуютъ по всей линіи. Соціалистическія, синдикалистскія, „революціонныя" идеи дѣйствительно какъ будто отступаютъ подъ напоромъ „истинныхъ патріотовъ". „Франція обрѣла свое національное единство и свою національную гордость",—самоувѣренно восклицаютъ философы и поэты политики Пуанкарэ и его сторонниковъ.

Но это-то и печально. Подобная же пропаганда шовинизма велась и во второй половинѣ девяностыхъ годовъ, во времена Мелина (какъ она велась во второй половинѣ восьмидесятыхъ годовъ при разныхъ оппортунистскихъ министерствахъ „перваго призыва"), пока вызванный стараніями этихъ близорукихъ волхвовъ демонъ націоналистической реакціи не создалъ опаснаго движенія въ странѣ въ пользу возстановленія личнаго режима и низверженія республиканскихъ учрежденій. Въ концѣ концовъ наиболѣе сознательнымъ политическимъ дѣятелямъ Франціи, принадлежавшимъ къ правящему персоналу республики, пришлось, рука объ руку съ искренними демократами, бороться съ подготовленными ими же самими реакціонными теченіями. Во время Буланже противъ свободныхъ учрежденій страны выступали приверженцы цезаризма и католическаго міровоззрѣнія. Густые ряды враговъ республики пополнялись тогда крикливыми патріотами „національной партіи", монархистами, скрывшимися подъ маскою буланжистскихъ „ревизіонистовъ", и клерикалами, всегда чующими близость трона къ алтарю Десять лѣтъ спустя, во время кризиса, рѣзко прокинувшагося по поводу Дрейфуса, демократическая Франція натолкнулась на враждебный союзъ тѣхъ же элементовъ: патріотовъ, восторгавшихся франко-русскимъ альянсомъ, „присоединившихся" къ республикѣ реакціо-

неровъ и воинствующихъ клерикаловъ, которые, со времени провозглашенія оппортунистомъ Спюллеромъ политики „новаго духа", двинули противъ свѣтскаго государства черную армію монашескихъ орденовъ.

О, какъ, повидимому, искренно было тогда раскаяніе умѣренныхъ республиканцевъ и умѣренныхъ радикаловъ, которые вдругъ очутились передъ врагомъ, лишь сгустившимъ и огрубившимъ ихъ же патріотическія разсужденія! Я живо помню, какъ еврей Жозефъ Ренакъ въ самый горячій моментъ „дѣла" билъ себя въ перси на народныхъ собраніяхъ и каялся въ своихъ прежнихъ ошибкахъ, напр., въ вотированіи законовъ, каравшихъ анти-милитаристскую агитацію и являвшихся, въ сущности, орудіемъ подавленія свободной мысли гражданина. А теперь этотъ самый Жозефъ Ренакъ опять принялся за пропаганду французскаго шовинизма и бросаетъ обвиненіе въ „измѣнѣ отечеству" всѣмъ тѣмъ, кто не умиляется современнымъ патріотически-національнымъ направленіемъ республики и позволяетъ себѣ критиковать новоиспеченный законъ о трехлѣтней службѣ [1]).

Не надо быть пророкомъ, чтобы предвидѣть наступленіе прежней опасности для республики со стороны неизмѣнныхъ противниковъ демократическихъ учрежденій, подъ шумную мельницу которыхъ умѣренные республиканцы, радикалы и даже иные радикалы-соціалисты гонятъ столько риторической воды. Вѣдь, какой бы крикливой проповѣдью шовинизма ни занимались эти дѣятели правящаго персонала, имъ въ этой спеціальной области не выдержать конкуренціи реакціонеровъ, милитаристовъ и клерикаловъ, идеалъ которыхъ именно и лежитъ въ звѣриномъ отчужденіи Франціи отъ другихъ культурныхъ странъ и въ вѣчномъ науськиваніи своихъ соотечественниковъ на того или иного „наслѣдственнаго врага" (мѣняющагося по времени и обстоятельствамъ: такимъ, напр., врагомъ была Англія, нынѣ Германія и т. п.). Здѣсь какъ разъ имѣетъ приложеніе тотъ психологическій законъ, согласно которому наибольшимъ вліяніемъ на улицу пользуются прямолинейные элементы, далѣе другихъ заходящіе въ какомъ бы то ни было направленіи. Вообще господствующее настроеніе умовъ въ современной Франціи можетъ лишь возбуждать въ искреннихъ друзьяхъ прогресса сожалѣніе, что опять и опять великій народъ позволяетъ себя отвлекать отъ дѣла внутренняго развитія въ сторону миражей реванша и идти на поводу у демагоговъ привилегированнаго меньшинства, которое въ данный историческій моментъ не склонно не только къ

---

[1]) См. шовинистскую аргументацію этого оратора даже въ его сравнительно приличной рѣчи, только что произнесенной въ городѣ Динь, на тему о необходимости любить „отечество и армію" и напечатанной цѣликомъ въ „Le Temps" отъ 5 сентября 1913 г.,—особенно его выпадъ противъ „злодѣевъ и безумцевъ, отрицающихъ идею отечества".

широкому соціальному творчеству, но даже просто къ искреннему либерализму.

Не утѣшительнѣе складывается картина общественной жизни въ полукапиталистической, полуфеодальной Германіи, которая въ свою очередь свирѣпо смотритъ на Францію черезъ брешь въ Вогезахъ. Конечно, и въ Германской имперіи понемногу ростутъ силы прогресса, которымъ суждено торжество въ будущемъ. Но насколько близко это торжество и насколько безпрепятственно произойдетъ обновленіе милитаристскаго государства при помощи новыхъ элементовъ? Намъ, напр., указываютъ на соціалъ-демократію съ ея милліонами избирателей, сотнею депутатовъ, десятками вліятельныхъ органовъ, обширнымъ контингентомъ выдающихся партійныхъ дѣятелей, повсемѣстною сѣтью всевозможныхъ организацій. И все же до настоящаго времени элементы эти, являясь показателями крупнаго недовольства массъ политикой милитаристской имперіи, далеко не во всемъ своемъ составѣ проникнуты боевымъ настроеніемъ и духомъ активной оппозиціи противъ силъ реакціи. Нѣмецкая соціалъ-демократія переживаетъ, несомнѣнно, глубокій кризисъ, который можетъ до поры до времени маскироваться ловкой тактикой ея испытанныхъ вождей, но который рано или поздно долженъ проявиться въ формѣ серьезнаго раскола. Можно, дѣйствительно, предвидѣть съ большою степенью вѣроятности, что съ притупленіемъ наиболѣе острыхъ проявленій политическаго гнета значительная часть рабочей партіи станетъ на почву лѣвой бюргерской оппозиціи, и для рѣшительной борьбы съ современнымъ строемъ останется, можетъ быть, и внушительное, но все же меньшинство, при томъ зараженное недугомъ догматизма.

Само по себѣ стремленіе ступить на путь практической оппозиціи и практическихъ реформъ не такъ ужь плохо, лишь бы люди, поддерживающіе это направленіе, не на словахъ только, а на дѣлѣ, энергично и неустанно отвоевывали у силъ рутины и эксплуатаціи новыя лучшія условія жизни. Но бѣда въ томъ, что въ Германіи этотъ реформизмъ, усиливающійся среди соціалъ демократіи, отличается отсутствіемъ темперамента и не можетъ по энергіи идти въ сравненіе даже съ англійскими лѣвыми либералами. Что касается до собственно бюргерскихъ партій, то недавнее обсужденіе военнаго закона уже достаточно показало, до какой еще степени прочно царитъ въ умахъ нѣмецкихъ прогрессистовъ культъ грубой силы, военной дисциплины и всей совокупности политическихъ условій, превращающихъ современную Германію въ мнимо-конституціонное государство. Тутъ приходится считаться съ психологіей націи.

Меня, напр., ужасно поразилъ этимъ лѣтомъ въ Германіи тотъ особый оттѣнокъ нѣмецкаго монархическаго лойялизма, который въ состояніи покоробить какого-нибудь искренняго, но гордаго своимъ достоинствомъ монархиста Англіи. Дѣло было во время

юбилейныхъ торжествъ 25-лѣтняго царствованія Вильгельма II. Я жадно прислушивался къ тому, что говорилось на улицѣ, бесѣдовалъ съ обывателями, читалъ газеты и по-истинѣ былъ пораженъ тою неразвитостью политической мысли, какая обнаруживалась въ эти шумные дни. Тутъ даже для принципіальнаго сторонника монархическаго принципа было много такого, что всякимъ чуткимъ гражданиномъ своей родины должно было восприниматься съ недоумѣніемъ и огорченіемъ. Ни одинъ изъ органовъ бюргерскаго демократизма не могъ найти вполнѣ достойныхъ нотъ въ своей оцѣнкѣ истекшаго 25-лѣтія. И какъ я ни мало склоненъ восхищаться клише нѣмецкой соціалъ-демократіи, все же лишь на столбцахъ ея органовъ я могъ встрѣтить живое чувство гражданина и серьезную критику четверти вѣка нахожденія Вильгельма у власти. А наиболѣе крайніе дѣятели бюргерской оппозиціи не придумали для своей оцѣнки ничего лучшаго, какъ, восхваляя „рѣдкія личныя качества монарха“, обвинять въ современной политической нелѣпицѣ, характеризующей германскій государственный строй, придворные, военные и юнкерскіе круги, стоящіе, молъ, въ болѣе или менѣе близкихъ отношеніяхъ къ императору и тормозящіе правильное развитіе страны.

Что же говорить относительно выразителей консервативнаго мнѣнія, которымъ самый скромный парламентаризмъ представляется верхомъ государственной анархіи и разложенія? Не разъ и не два мнѣ приходилось встрѣчаться съ такой, напр., якобы исторической аргументаціей въ защиту чувства крайняго піэтета по отношенію къ монарху: германцы, видите ли, издавна отличались столь исключительною любовью къ своимъ владыкамъ, что измѣна отечеству считалась ими хотя и серьезнымъ, но все же простительнымъ преступленіемъ, тогда какъ измѣна вождю говорила о крайней безчестности, о дьявольской испорченности того подданнаго, который осмѣлился бы не отдать себя цѣликомъ на служеніе своимъ властителямъ. И это утверждалось разными учеными людьми, жрецами патентованной науки, словно никогда и не слышавшими о первобытныхъ обитателяхъ тевтонскихъ лѣсовъ,—обитателяхъ, которымъ былъ настолько чуждъ этотъ византійскій монархизмъ, что они, наоборотъ, съ гордостью считали себя въ сущности равными своимъ вождямъ и могли бы зарубить тутъ же на мѣстѣ предводителя, отдавшаго предпочтеніе личнымъ интересамъ передъ интересами племени...

Это печальное настроеніе умовъ современной Германіи какъ будто еще усилилось за послѣдніе годы. Изъ политической жизни исчезли какъ бы послѣдніе слѣды того фрондёрства, какое обнаружили бюргерскія партіи въ 1908 г., когда импульсивныя выступленія вѣнценоснаго оратора, завершившіяся знаменитымъ интервью съ „Daily Telegraph“, вызвали во всей странѣ сильное недовольство на личный режимъ. Смутно, полу-безсознательно, тя-

желой и нетвердой поступью идетъ Германія къ демократизаціи своихъ учрежденій. И если не произойдетъ чего-нибудь крайне серьезнаго во внѣшней или внутренней политикѣ, что можетъ поколебать величіе милитаристской имперіи, то трудно себѣ представить скорое наступленіе лучшихъ порядковъ въ этомъ наиболѣе военномъ государствѣ міра.

Изъ другихъ великихъ государствъ Европы замѣтное стремленіе къ прогрессу проявила было за послѣдніе годы Италія. И намъ еще сравнительно недавно приходилось отмѣчать тѣ серьезныя усилія, которыя эта страна дѣлала въ области политическихъ реформъ. Но увы! И здѣсь роковой ударъ прогрессивной внутренней работѣ былъ нанесенъ „внѣшней“ политикой, и прежде всего триполитанскимъ походомъ, произведшимъ крайне неблагопріятную перетасовку партій, вызвавшимъ взрывъ шовинистскаго чувства во всѣхъ слояхъ, кромѣ наиболѣе сознательныхъ элементовъ, и, повидимому, на неопредѣленное время затормозившимъ гражданское развитіе. Единственная крупная реформа, которую удалось провести правительству, а именно серьезное расширеніе числа вотирующихъ (съ 3 до 8 милліоновъ), повидимому, наводитъ страхъ на само правительство и на его друзей. Только этимъ можно объяснить, что министерство Джолитти, не смотря на то, что старая палата окончательно изжила себя, рѣшило отложить выборы до октября мѣсяца и до сихъ поръ не считаетъ возможнымъ выдвинуть свою избирательную программу, словно боясь суда впервые привлекаемыхъ къ политической жизни слоевъ. Повидимому, съ наибольшей готовностью идутъ на предстоящій серьезный экспериментъ лишь лѣвые соціалисты, да ихъ антиподы, консервативные и въ особенности клерикальные элементы, очевидно, разсчитывающіе на то, что итальянское правительство не избаловало широкимъ соціальнымъ законодательствомъ массы, и потому надѣющіеся привлечь ихъ на свою сторону путемъ искусной демагогіи и маскированія своихъ настоящихъ тенденцій [1]). Къ этому слѣдуетъ прибавить, что наиболѣе активная оппозиціонная партія Италіи, представляемая соціалистами, разбита на жестоко враждующихъ между собой реформистовъ двухъ оттѣнковъ и революціонеровъ и врядъ-ли успѣетъ послать въ новую палату количество депутатовъ, достаточное для того, чтобы заставить замѣтно уклониться налѣво ось итальянской политики.

Что касается до сосѣдки Италіи, двойственной Австро-Венгерской монархіи, то немногія прогрессивныя явленія, обнаружившіяся въ Цислейтанской части государства подъ вліяніемъ всеобщей подачи голосовъ, парализованы здѣсь борьбой національностей. Въ

---

[1]) Ср. корреспонденцію „Italien vor den Neuwahlen“ въ № 450 „Berliner Tageblatt“ отъ 5 сентября 1913 и статью „La preparazione elettorale“ въ „Il Secolo“ отъ 3-го сентября.

другой же части монархіи эта борьба привела общественную жизнь въ безвыходный тупикъ, откуда, повидимому, нельзя выбраться путемъ нормальнаго демократическаго развитія. Безплодная и шумная оппозиція въ Венгріи не въ состояніи сломить сопротивленія крупныхъ магнатовъ всякой серьезной избирательной реформѣ, ибо сама въ значительной части связана съ этимъ классомъ родственными узами, тогда какъ угнетеніе славянскихъ элементовъ въ Хорватіи-Славоніи приняло форму хроническаго насильственнаго управленія страной при помощи диктатуры чиновничества и нарушенія самыхъ элементарныхъ правъ гражданина. Испуганная балканской войной и образованіемъ болѣе крупныхъ государствъ въ этой части Европы, Австро-Венгрія готова теперь пустить въ ходъ самыя реакціонныя мѣры, чтобы только противодѣйствовать усиленію „инородныхъ“ элементовъ на своей территоріи, за предѣлами которой они могутъ находить естественные центры притяженія въ видѣ усилившихся балканскихъ народностей.

Какъ видите, полоса реакціи охватила наиболѣе значительныя государства Европы и единственнымъ исключеніемъ въ этомъ отношеніи можно было бы считать, пожалуй, Англію, еслибы и тамъ послѣдніе мѣсяцы не обнаружили симптомовъ утомленія страны реформистской политикой либеральнаго министерства. Послѣ ряда интересныхъ попытокъ политическаго и соціальнаго творчества кабинетъ стоитъ передъ ростущей усталостью своихъ сторонниковъ, между тѣмъ какъ крайніе элементы, а въ особенности пришедшія въ движеніе рабочія массы, все рѣзче отмежевываются отъ реформаторовъ у власти и жестоко критикуютъ за половинчатость тѣ реформы въ рабочей и аграрной сферѣ, которыя удалось провести либеральному министерству. Все громче раздаются голоса, которые обличаютъ какъ земельныя реформы, наталкивающіяся на сопротивленіе крупныхъ землевладѣльцевъ обязательному отчужденію собственности, такъ и рабочія реформы, напр., установленіе правительствомъ минимума заработной платы лишь въ общей абстрактной формѣ, тогда какъ рабочіе представители требовали опредѣленной цифры этого минимума. Наконецъ, и въ области внѣшней политики все крѣпчаетъ хоръ голосовъ, недовольныхъ тѣмъ, что правительство черезчуръ часто забываетъ традиціи свободолюбивой внѣшней политики и черезчуръ прислушивается къ желаніямъ своего русскаго партнера. Недаромъ крайніе элементы подняли этимъ лѣтомъ очень сильную агитацію противъ поведенія Англіи въ вопросѣ о выдачѣ египетскими властями русскому правительству писателя и публициста Адамовича путемъ невозможно широкаго и совершенно произвольнаго истолкованія такъ называемыхъ „капитуляцій“

II.

Въ этой общей реакціонной атмосферѣ самыя законныя движенія народовъ отклоняются отъ своей первоначальной цѣли и въ концѣ концовъ превращаются въ зловѣщія трагикомедіи, идущія на пользу только привилегированнымъ классамъ. Не составила, къ сожалѣнію, въ этомъ смыслѣ исключенія и балканская война. Съ самаго начала этого крупнаго историческаго движенія мы старались уяснить читателямъ нашу точку зрѣнія въ отличіе какъ отъ буржуазныхъ пацифистовъ, такъ и отъ тѣхъ чрезмѣрно прямолинейныхъ сторонниковъ міровоззрѣнія труда, которые отрицаютъ всякую войну. По отношенію къ первымъ мы тогда же выдвигали то соображеніе, что, какимъ бы варварскимъ пережиткомъ старыхъ временъ ни была война, однако и въ настоящее время могутъ возникать такія стеченія обстоятельствъ, когда рѣшеніе вопроса силою представляется единственно достойнымъ исходомъ изъ фатальнаго положенія, или когда, по выраженію одного изъ благороднѣйшихъ моралистовъ Франціи, Вовенарга, „война менѣе обременительна, чѣмъ рабство". По отношенію къ другимъ мы указывали на то обстоятельство, что, какое бы первенствующее значеніе въ жизни народовъ ни имѣлъ соціальный вопросъ, вопросъ обезпеченія насущныхъ потребностей трудящагося большинства, и какую бы роль ни играла здѣсь внутренняя борьба трудового народа противъ общественныхъ паразитовъ, исторія можетъ повертываться однако къ намъ такимъ угломъ, что задача безопасности, охраненія своего національнаго существованія выступитъ на первый планъ. Или, выражаясь грубо, бываютъ такіе моменты въ жизни людей, когда прежде, чѣмъ рѣшать „вопросы желудка", имъ нужно еще быть увѣренными въ томъ, что не распорютъ этого самаго желудка, и когда такимъ образомъ имъ приходится прежде всего отвести угрожающее жизни лезвіе врага.

Обличать при самомъ началѣ балканскую войну, какъ движеніе реакціонное, намъ казалось невозможнымъ уже потому, что населеніе Македоніи, помощь которому явилась однимъ изъ первоначальныхъ поводовъ борьбы, испытывало совершенно реальныя страданія подъ игомъ турокъ, отнимавшихъ у него возможность мало-мальски человѣческаго существованія. Нѣкоторые прямолинейные отрицатели войны и тогда утверждали, что, избавившись отъ гнета грубыхъ турокъ и попавъ подъ финансовый прессъ болѣе культурныхъ народностей, македонцы ничего не выиграютъ въ экономическомъ отношеніи, а потому и борьба противъ врага не имѣетъ, молъ, смысла. Но говорить такъ значило повторять ошибку тѣхъ русскихъ публицистовъ, которые въ порывѣ полемическаго увлеченія отрицали всякое прогрессивное значеніе за нашимъ освобожденіемъ крестьянъ на томъ основаніи, что, раскрѣ-

постигъ народъ, эта реформа не дала ему вмѣстѣ съ тѣмъ матеріальнаго обезпеченія. Достаточно представить себѣ живо картину тѣхъ страданій, которымъ подвергается человѣческая личность и которыя тѣмъ для нея невыносимѣе, чѣмъ болѣе она развивается, чтобы понять, въ какой степени въ извѣстный моментъ исторіи самымъ основнымъ вопросомъ для сознательнаго существа является задача освобожденія отъ постыднаго рабства. Угнетеніе македонцевъ, оскорбляемыхъ въ своей независимости, своемъ чувствѣ свободныхъ людей, чести своихъ женъ и дѣтей, правѣ на языкъ, школу, вѣру, стало до боли мучительнымъ вопросомъ дня, вытекавшимъ изъ самой глубины поруганной народной души, и возстаніе противъ турокъ становилось неизбѣжнымъ.

Въ статьяхъ, написанныхъ компетентнымъ анонимомъ для англійскаго „The Times“ объ исторіи возникновенія Балканской лиги, мы встрѣчаемся, между прочимъ, съ очень толковымъ изображеніемъ того состоянія умовъ, которое пережили македонцы еще въ 1910 г., когда младотурки, подавивъ первое албанское возстаніе, обратили остріе своихъ націоналистическихъ репрессій противъ злополучной Македоніи: „Подробная исторія ужасовъ, происходившихъ тогда въ этой странѣ, до сихъ поръ еще не была раскрыта. Великія державы, убравшія своихъ офицеровъ съ территоріи Македоніи, не добившись отъ Порты никакой гарантіи хорошаго управленія въ будущемъ, нарочно воздерживались отъ печатанія мрачныхъ докладовъ, посылавшихся имъ консулами. И заговоръ молчанія охватилъ большую часть европейской прессы. Ни откуда не предвидѣлось ни малѣйшей надежды на облегченіе. Тогда-то общность страданій побудила христіанскія народности Македоніи забыть свои распри. Примиреніе, которое началось снизу,—врядъ-ли будетъ преувеличеніемъ сказать, что положилъ основаніе балканскому союзу никто другой, какъ македонскій крестьянинъ,—это примиреніе пошло вверхъ и распространилось заграницу. Духовенство, сопротивлявшееся сначала этому движенію, равно какъ высшіе классы, въ концѣ концовъ уступили давленію. Дѣло дошло до обмѣна любезностей между греческимъ патріархомъ и болгарскимъ экзархомъ. Духовные владыки народа обратились къ Портѣ съ общимъ соединеннымъ протестомъ и, наконецъ, и между свѣтскими государственными дѣятелями Балканскаго полуострова завязались дружескіе переговоры“ [1]).

Такъ рисуются хорошо освѣдомленному историку Балканской лиги первые шаги отдѣльныхъ христіанскихъ государствъ по пути союзнической дѣятельности. Передавать дальнѣйшую исторію этого союза намъ незачѣмъ, потому что мы неоднократно касались его различныхъ фазисовъ, вплоть до тѣхъ военныхъ конвенцій, которыя

---

[1]) „The Balkan League“, ст. первая; „The Times Weekly Edition“, 6 іюня 1913, стр. 459—460.

были заключены между союзниками совсѣмъ накапунѣ войны съ турками. Во всякомъ случаѣ, борьба, завязавшаяся съ Портой, была въ началѣ дѣйствительно народнымъ движеніемъ, которое увлекло всѣхъ мало-мальски способныхъ носить оружіе гражданъ и сдѣлало возможнымъ такія, напр., явленія, что рядомъ съ молодыми солдатами шли дряхлые старики, чтобы „хоть глазами" участвовать въ войнѣ молодого поколѣнія противъ исконнаго врага.

Вотъ какую сцену описываетъ намъ французскій корреспондентъ, который присутствовалъ въ качествѣ репортера на всѣхъ наиболѣе крупныхъ сраженіяхъ сербовъ съ турками, а подъ конецъ уже волонтеромъ стоялъ подъ стѣнами Адріанополя въ рядахъ пріютившаго его войска:

„Послѣ битвы при Куманово начальникъ одной баттареи, проходя позади пушекъ, благодарилъ своихъ солдатъ. Внезапно онъ остановился. Возлѣ одного изъ орудій сидѣлъ старикъ. Онъ поднялся при приближеніи начальства.

— „Что ты тутъ дѣлаешь?—спросилъ офицеръ.

— „Да вотъ тутъ мой сынъ,—отвѣтилъ старый сербъ, указывая пальцемъ на канонира.—Вотъ этотъ, что заряжаетъ пушку.

— „Но вѣдь этакъ тебя могли бы убить.

— „Ну такъ чтожъ? Я такой старый... Самъ я не могу быть солдатомъ, такъ хотѣлъ хоть посмотрѣть, какъ моя родная кровь бьется... Да и очень желалось мнѣ быть около сына, когда его убьютъ.

„Этотъ старикъ слѣдовалъ за баттареей съ самой границы.

„И такихъ старыхъ сербовъ, которые были черезчуръ дряхлы, чтобы попасть въ армію, и которые тѣмъ не менѣе сопровождали ее, было великое множество" [1]).

Такихъ примѣровъ народнаго одушевленія было достаточно во всѣхъ союзныхъ арміяхъ. И нечего закрывать себѣ глаза на то, что война была очень популярна въ самомъ началѣ, пока осложнявшіе ее интересы династій, политикановъ и привилегированныхъ классовъ не нанесли рѣшительнаго удара благороднымъ народнымъ иллюзіямъ и не заставили массы, поставлявшія пушечное мясо, послѣ двухъ-трехъ мѣсяцевъ борьбы оглянуться трезвымъ взглядомъ на окружающее. О, тогда онѣ поняли, что собственно интересы освободительнаго похода уже были достигнуты и отнынѣ кампанія превращалась въ обыкновенную завоевательную кампанію, которая принесетъ славу и почесть лишь стоящимъ во главѣ ея воинскимъ и свѣтскимъ начальникамъ. Тогда-то насущные интересы трудовой жизни, пропитанія семьи, обработки заброшенныхъ полей заговорили громкимъ и властнымъ языкомъ, и эти дѣти народа стал страстно желать возвращенія на отчизну, отъ которой ихъ те пе безжалостно отдѣляли разыгравшіеся аппетитыъ, верхнихъ слоевъ

---

[1]) Henry Barby, „La guerre des Balkans. Les victoires serbes"; 1913 (іюнь), стр. 125—126.

Мы упомянули о тѣхъ осложненіяхъ, которыя современная организація общества и государства вносила въ этотъ обширный народный порывъ. Дѣйствительно, съ самаго же начала мутныя волны эгоистическихъ вожделѣній людей, стоявшихъ во главѣ союзныхъ государствъ, примѣшались къ широкому народному теченію, загрязнили его и отвели изъ прежняго благороднаго русла въ русло обычной завоевательной войны, несущей лишь смерть, гибель и раззореніе трудящемуся народу обѣихъ сторонъ. Тутъ прежде всего приходилось считаться съ маніей величія болгарскаго властелина, которому его сравнительно недавній титулъ царя вскружилъ голову и который для укрѣпленія своей династіи и приданія ей блеска мечталъ ни много ни мало, какъ о господствѣ надъ всѣмъ Балканскимъ полуостровомъ. Съ своей стороны, сербскій король, на порфирѣ котораго не успѣли еще засохнуть пятна крови Александра Обреновича и Драги, видимо старался счастливой войной заставить націю забыть о началѣ своей власти и удачной политикой создать себѣ популярность въ странѣ, которая втеченіе послѣднихъ лѣтъ считала себя обдѣленною между государствами Балканскаго полуострова—особенно по сравненію съ болѣе счастливой Болгаріей—и тщетно рвалась пробиться къ морю сквозь желѣзное кольцо политической и таможенной тюрьмы, воздвигнутой для нея Австро-Венгріей. Точно также черногорскій король, который, какъ извѣстно, первымъ бросился въ войну противъ турокъ, воспользовался этимъ народнымъ движеніемъ, чтобы ослабить злобу, накопившуюся противъ него въ населеніи со времени 1907 г., когда онъ, поигравъ въ конституцію, произвелъ насильственный переворотъ и возвратилъ себѣ почти полный абсолютизмъ цѣною гибели наиболѣе передовой интеллигенціи. Еще рѣзче, еще неумолчнѣе звучалъ голосъ династическихъ интересовъ въ Греціи, гдѣ позорная война 1897 г. съ Турціей и послѣдовавшее надменное поведеніе королевскихъ сыновей, особенно же діадоха, вызвали крайне презрительное отношеніе населенія къ будущему замѣстителю трона.

Помимо этихъ въ высшей степени прозаическихъ и тривіальныхъ разсчетовъ царствующихъ династій, надо было считаться съ тѣми могущественными групповыми интересами, которые рѣзко давали себя знать среди гражданскаго и военнаго правящаго персонала государствъ. Надо сказать, что нигдѣ, пожалуй, въ современномъ культурномъ мірѣ не расцвѣтаетъ такимъ пышнымъ цвѣтомъ та разновидность людей, которая носитъ названіе политикана, какъ на Балканскомъ полуостровѣ, гдѣ еще недавно турецкій гнетъ и патріархальный строй держали большинство народа на низшей ступени развитія. Именно потому, что въ такихъ странахъ, какъ Болгарія, Сербія, Черногорія, соціальнымъ классомъ, поддерживающимъ на своихъ плечахъ дорогое зданіе цивилизаціи и государственности, является преимущественно мужикъ, лишь исподволь

пріучающійся къ политической жизни,—въ этихъ странахъ политикъ, не имѣющій тѣсной и прямой связи съ народомъ, отрывается отъ общенія съ широкими массами и ведетъ своеобразное, шумливое, но въ сущности безполезное или прямо вредное для страны существованіе, извлекая изъ него лишь личныя выгоды. Разумѣется, въ этомъ отношеніи есть и почтенныя исключенія. Но эти исключенія лишь подтверждаютъ, согласно извѣстной поговоркѣ, правило. А такимъ правиломъ является въ Балканскихъ государствахъ шустрый, ловкій, беззастѣнчивый политиканъ, который варится съ такими же, какъ самъ онъ, политиканами въ чортовомъ котлѣ интригъ, низвергаетъ министерства, становится самъ министромъ и снова выбрасывается изъ министерства другимъ, болѣе счастливымъ конкурентомъ. Безпокойная агитація, демагогическая пропаганда, парламентарныя засады и вылазки—вотъ въ чемъ проходитъ здѣсь жизнь профессіональнаго политика, который пользуется свободными учрежденіями страны для своихъ эгоистическихъ цѣлей, пока постепенно и медленно развивающійся народъ еще не созналъ своихъ истинныхъ интересовъ и не положилъ конца хозяйничанью этихъ господъ. Для такихъ людей затянуть войну придать ей хищническій характеръ, захватить себѣ при побѣдоносномъ окончаніи дѣлъ лучшій кусокъ пирога, добиться славы, почести, популярности, исключительнаго общественнаго положенія, является, конечно, вопросомъ первой необходимости, отодвигающимъ на задній планъ освобожденіе „славянскихъ братьевъ" отъ ига младотурецкихъ шовинистовъ.

Еще прозрачнѣе и грубѣе интересы военнаго начальства, жизненный нервъ котораго составляетъ, если можно такъ выразиться, боевая индустрія. Война развертываетъ передъ этой категоріей профессіональныхъ воителей золотую перспективу удвоеннаго жалованья, усиленной пенсіи, быстрѣйшаго передвиженія по лѣстницѣ чиновъ, наконецъ, возможности непосредственнаго обогащенія путемъ прямого грабежа на войнѣ. Всѣ эти условія способствовали тому, что борьба балканскихъ союзниковъ противъ Порты скоро выродилась въ жесточайшую карательную кампанію, которая кровавымъ смерчемъ проносилась по странѣ, обрушиваясь прежде всего на мирное турецкое населеніе, подвергавшееся такимъ притѣсненіямъ и насиліямъ, передъ которыми стали быстро блѣднѣть прежнія „турецкія звѣрства". Наконецъ, въ то время, какъ весь Балканскій полуостровъ превратился въ арену свирѣпой свалки, вокругъ борющихся образовался, словно въ циркѣ, кругъ изъ великихъ державъ Европы, которыя при томъ реакціонномъ, глубоко-безъидейномъ настроеніи своихъ правящихъ классовъ, что было отмѣчено нами въ началѣ статьи, смотрѣли съ поразительнымъ равнодушіемъ на эту кровавую баню, заботясь лишь объ одномъ: какъ бы урвать себѣ въ этой звѣрской грызнѣ побольше экономи-

ческихъ и политическихъ выгодъ, и сдерживаясь лишь опасеніемъ прямого столкновенія съ такой же другой великой державой. Ибо единственнымъ отрезвляющимъ элементомъ въ этой борьбѣ свирѣпыхъ политическихъ честолюбій и аппетитовъ державъ тройственнаго союза и тройственнаго согласія былъ страхъ каждаго изъ участниковъ этой корыстной дипломатической игры, какъ бы не встрѣтиться на полѣ битвы съ другимъ могущественнымъ соперникомъ и, въ случаѣ пораженія, не вызвать жестокаго внутренняго мятежа, на который могло подвинуть широкія массы неудачное окончаніе распри.

Нечего удивляться поэтому, что въ душной, проникнутой кровавыми испареніями атмосферѣ балканской войны союзники скоро потеряли окончательно изъ виду ту цѣль, благородство которой первоначально подкупало участвовавшія въ войнѣ народныя массы, и превратились въ самыхъ подлинныхъ хищниковъ, которые, едва побѣдивъ общими силами стариннаго врага, немедленно же вцѣпились другъ другу въ шерсть, какъ только судьба бросила передъ ними такую добычу, на каковую они не могли разсчитывать. Любопытно, напр., что въ секретномъ договорѣ Сербіи и Болгаріи, гдѣ говорилось для очистки совѣсти объ автономіи Македоніи, эта автономія обусловливалась возможностью для участвующихъ въ войнѣ противъ Турціи государствъ извлечь себѣ изъ комбинаціи достаточную выгоду. И тутъ же проектировалось, въ случаѣ „неудобства“ устроенія самостоятельности Македоніи, раздѣленіе ея на части и сферы политическаго вліянія между союзниками.

Прошлый разъ (въ іюньскомъ обозрѣніи) мы остановились на томъ критическомъ моментѣ, когда дѣлежъ громадныхъ трофеевъ войны вызвалъ между союзниками крайне натянутыя отношенія на только что отвоеванныхъ ими отъ Турціи территоріяхъ. Суть этой свирѣпой вражды заключалась въ желаніи Болгаріи захватить себѣ львиную часть отобранныхъ у общаго врага земель, между тѣмъ какъ Сербія, Греція и Черногорія старались съ своей стороны расширить доставшіяся имъ пріобрѣтенія, а Румынія начинала въ свою очередь приходить въ аппетитъ при видѣ великолѣпной добычи, которую рвали на части члены Балканской лиги. Разумѣется, нападать исключительно на Болгарію за такое поведеніе намъ нечего. Всѣ эти якобы родственныя христіанскія государства ничѣмъ не уступали одно другому въ алчности и взаимной злобѣ. Имъ хотѣлось захватить все больше и больше кусковъ при начавшемся дѣлежѣ, между тѣмъ какъ народъ уже давно вздыхалъ о мирѣ, покоѣ и возможности заниматься земледѣліемъ или ремесломъ, съ неудовольствіемъ и порою ненавистью подчиняясь своимъ правителямъ, т. е. въ сущности военнымъ партіямъ каждой изъ странъ, продолжавшимъ держать его подъ знаменами и все болѣе и болѣе втравлявшимся въ междоусобную войну.

Пусть читатель припомнитъ хотя бы письмо изъ Болгаріи

г. Е. В—ва, который въ іюльской книжкѣ „Русскаго Богатства" изображалъ „изнанку войны" и показывалъ, до какой степени продолженіе военныхъ дѣйствій становилось невыносимымъ для тѣхъ самыхъ широкихъ массъ, которыя въ началѣ войны были увлечены желаніемъ освободить своихъ находившихся подъ игомъ Турціи братьевъ. На поляхъ Македоніи стояли другъ противъ друга враждебныя арміи, рядовой элементъ которыхъ только и мечталъ о томъ, какъ бы поскорѣе вернуться домой, а начальство сгорало лютымъ желаніемъ насильно вырвать у недавнихъ друзей тѣ пріобрѣтенія, обширность которыхъ застилала теперь имъ глаза туманомъ корыстныхъ вожделѣній. И кризисъ разразился. Втеченіе какихъ-нибудь двухъ-трехъ недѣль, съ конца іюня и до половины іюля н. с., Болгарія, и слышать не хотѣвшая о какихъ бы то ни было уступкахъ, была разгромлена Сербіей и Греціей, не смотря на отчаянное сопротивленіе, между тѣмъ какъ съ сѣвера давно выжидавшая этого момента Румынія безъ боя захватывала болгарскіе города и села, а съ юговостока оправившаяся Турція бросала свои войска на западъ отъ Марицы, чтобы отхватить присужденныя Болгаріи лондонскимъ договоромъ территоріи и снова возвратить себѣ свой священный городъ Адріанополь. Кто собственно больше виноватъ въ этой братоубійственной распрѣ, разобрать очень трудно. Въ эти роковыя три недѣли міру былъ данъ примѣръ одной изъ самыхъ безобразныхъ, жестокихъ, звѣрскихъ войнъ между народами, родственными или по происхожденію, или по культурѣ, которыя когда-либо только знали лѣтописи человѣческаго безумія. Между 25 іюня и 15 іюля на громадномъ пространствѣ, начиная отъ Зайчара на сѣверѣ и кончая Солунью на югѣ, т. е. на пространствѣ около 400 километровъ по прямой линіи, и 700, если считать изгибы диспозиціи войскъ, пылалъ рядъ отчаянныхъ битвъ, по своему ожесточенію и безчеловѣчію переносившихъ насъ во времена свирѣпыхъ рейтаровъ Тридцатилѣтней войны, Въ особенности ужасенъ былъ пятидневный бой въ юго-восточной части вилайета Коссово, тамъ, гдѣ сходятся границы Сербіи, Болгаріи и Македоніи и гдѣ Овче Поле было завалено трупами, а рѣки Брегальница и Злетовска катили буквально волны крови.

При этомъ до и послѣ каждой битвы происходили такія звѣрскія избіенія мирнаго населенія, которымъ трудно найти подобіе въ исторіи даже варварскихъ племенъ. Наибольшія обвиненія сыпались на болгаръ со стороны ихъ противниковъ, увѣрявшихъ, что „пруссаки Балканскаго полуострова" превзошли въ варварствѣ все, что человѣческое воображеніе можетъ только придумать гнуснаго и отвратительнаго. Такъ, сербы увѣряли, что у тысячъ военноплѣнныхъ болгаръ, захваченныхъ ими во время боевъ въ началѣ іюля, карманы были наполнены женскими ушами съ серьгами и пальцами съ кольцами. Греки въ свою очередь клялись и

божились, что у болгаръ развился особый спортъ, состоявшiй въ томъ, что они занимались перебрасыванiемъ младенцевъ на подобiе волана со штыка на штыкъ, пока нѣжное дѣтское тѣло не разрывалось на части. Но на эти обвиненiя болгары отвѣчали встрѣчными обвиненiями, указывая на сплошныя злодѣйства сербовъ, безчеловѣчное избiенiе своихъ соотчичей во взятой греками приступомъ Солуни и горячо настаивая на томъ, что дьявольская злоба противъ болгаръ внушила грекамъ мысль снимать фотографiи съ избиваемыхъ ими же болгаръ и выдавать ихъ довѣрчивымъ корреспондентамъ за сербовъ и грековъ, истязуемыхъ жестокими болгарами. Звѣрски истребляя другъ друга, не щадя женъ, дѣтей и стариковъ, каждая изъ сторонъ поднимала однако протестъ противъ жестокостей другой стороны во имя священныхъ принциповъ человѣчности и цивилизацiи и неизмѣнно представляла себя жертвою своего благородства, нещадно терзаемою свирѣпыми противниками. Почти нѣтъ сомнѣнiя, что турки, перебросившись въ моментъ пораженiя болгаръ ихъ недавними союзниками на западный берегъ Марицы, не превзошли звѣрствъ, взаимно совершаемыхъ другъ надъ другомъ христiанскими народами.

Горькой ироніей поэтому звучатъ настойчивыя приглашенiя каждаго изъ воюющихъ, адресованныя европейскимъ державамъ и представителямъ культурныхъ странъ, организовать правильныя анкеты при помощи лицъ, заслуживающихъ довѣрiя, съ цѣлью узнать, въ какой степени тотъ или другой оказался виновнымъ въ этихъ преступленiяхъ не только противъ международнаго права, но противъ самыхъ основныхъ чувствъ человѣчности. И, напр., тѣ придирки, которыя сербы и греки противоставили такъ называемой коммисiи Карнеги, отправившейся было на Балканскiй полуостровъ, чтобы хоть нѣсколько разобраться въ ужасныхъ взаимныхъ обвиненiяхъ,—эти придирки показываютъ, что, по всей вѣроятности, побѣдители далеко не были безгрѣшны въ тѣхъ самыхъ страшныхъ жестокостяхъ, которыя они бросаютъ въ лицо болгарамъ. Отводъ русскаго и англiйскаго „болгарофиловъ" въ сущности является очень подозрительнымъ симптомомъ того, что эти ужасныя обвиненiя одинаково справедливы для всѣхъ сражавшихся...

И какъ ничтожны въ сравненiи съ этими ужасами кажутся жалобы и взаимныя пререканiя недавнихъ союзниковъ по поводу того, что ихъ товарищами якобы не были удовлетворены въ свое время ихъ законныя требованiя при дѣлежѣ добычи. Въ данный моментъ оставшiеся побѣжденными болгары получили, напр., по Бухарестскому договору 10 августа, навязанному Болгарiи побѣдителями, лишь часть тѣхъ территорiальныхъ завоеванiй, которыя они разсчитывали присоединить къ своимъ владѣнiямъ. Но историка, присматривающагося къ смыслу происходящихъ событiй, интересуютъ не эти взаимныя ламентацiи, а тотъ фактъ, что война

начатая прежде всего во имя освобожденія Македоніи, и потому не могшая не возбуждать симпатій людей прогресса, повернулась теперь противъ своей цѣли. Именно тѣ самые македонцы, автономія которыхъ считалась офиціально, въ ультиматумѣ союзниковъ, ближайшею задачею борьбы противъ Порты, оказались разодранными на части между болгарами, сербами и греками, причемъ наиболѣе значительная часть ихъ страны переходитъ въ руки двухъ послѣднихъ національностей, во всякомъ случаѣ, болѣе далекихъ отъ большинства македонцевъ, чѣмъ болгары. И однако нѣтъ никакого сомнѣнія, что протесты, обращаемые жителями Македоніи къ великимъ культурнымъ державамъ, и попытки македонской делегаціи заручиться симпатіями у великихъ европейскихъ народовъ окончатся ничѣмъ. Македонія и раньше, кромѣ притѣсненій со стороны турокъ, страдала отъ взаимныхъ столкновеній на ея территоріи между болгарами, сербами и греками за языкъ, школу и вѣру. И можно только иронически качать головой, когда побѣдители болгаръ силятся увѣрить общественное мнѣніе Европы, будто ихъ конституціи настолько либеральны, что македонцы получатъ все нужное въ смыслѣ полнѣйшей свободы внутренняго развитія, но не составляя государства въ государствѣ.

Во всякомъ случаѣ перетасовка границъ на Балканскомъ полуостровѣ произошла колоссальная и Турція, не смотря на то, что подъ вліяніемъ междоусобной войны союзниковъ ей удастся, повидимому, оставить за собой Адріанополь, Киркилиссе и часть Адріанопольскаго вилайета (такъ складываются, повидимому, непосредственные переговоры Болгаріи съ Турціей),—Турція, говоримъ мы, потеряла громадныя пространства и огромную часть своего населенія въ Европѣ. Сопоставляя данныя послѣднихъ переписей съ очень пока приблизительными вычисленіями новыхъ пріобрѣтеній союзниковъ [1]), я нахожу, что Румынія, отнявшая, по Бухарестскому миру [2]) у Болгаріи южную часть Добруджи болѣе, чѣмъ съ 500.000 душъ, увеличила свое населеніе съ 7.086.796 до 7.600.000 жит.; Болгарія—съ 4.337.513 до 5.000.000; Греція съ 2.631.952 до 4.500.000; Сербія—съ 2.957.207 до 4.000.000; Черногорія—съ 285.000 до 500.000 жит. Наконецъ, Албанія, отдѣлившаяся отъ Турціи и ставшая самостоятельнымъ государствомъ, будетъ заключать, по всей вѣроятности, 2.000.000 жит. Такимъ образомъ, если считать, что изъ 26.000.000 подданныхъ прежней Порты на европейскія владѣнія приходится $7^1/_2$ милліоновъ, то совокупность населенія, оторваннаго у Турціи во время послѣдней войны, составляетъ около 6.000.000 и въ Европѣ у оттомановъ осталось лишь милліона полтора. Что касается до союзниковъ, то наиболѣе значи-

---

[1]) Для этихъ данныхъ см. „The Times Weekly Edition“ отъ 8 августа 1913 и „Almanach de Gotha“ на 1912.

[2]) Его подлинный французскій текстъ напечатанъ, между прочимъ, въ „Le Temps“ отъ 12 августа 1913.

тельныя пріобрѣтенія сдѣлала Греція, которой досталась южная часть Албаніи и югозападная Македоніи. За этимъ слѣдуетъ Сербія, пріобрѣтшая большія пространства въ Старой Сербіи, сѣверо-западной Македоніи и если не успѣвшая пробраться къ морю, то разсчитывающая на великолѣпный Солунскій портъ, который перешелъ въ руки Греціи,—равно какъ и Кавала. Болгаріи достались части Македоніи, Румеліи и Ѳракіи съ второстепеннымъ портомъ Деде-Агачъ. Черногорія сильно распространилась на счетъ Новипасарскаго санджака и сѣверной Албаніи и до сихъ поръ тягается за рядъ пограничныхъ городовъ съ родственной Сербіей, которая въ свою очередь тягается въ окрестностяхъ Гевгели съ Греціей. Наконецъ, Румынія, какъ мы уже видѣли, отхватила у Болгаріи плодородныя равнины южной (болгарской) Добруджи съ городомъ Добричъ [1]).

Теперь главнымъ вопросомъ является, что же выиграютъ отъ всего этого гигантскаго передвиженія границъ тѣ народы, которые были втянуты въ кровавую войну. Вѣдь теперь дѣло идетъ о томъ, чтобы воспользоваться по-человѣчески плодами побѣды, залечить раны, нанесенныя взаимно другъ другу, забыть кошмарное прошлое, развить производительныя силы, обезпечить благосостояніе расширяющихся и вновь организующихся общежитій и дать возможность населенію, живущему въ рамкахъ новыхъ границъ, воспользоваться и матеріально, и духовно результатами ожесточенной борьбы. Увы! пока что, приходится подводить лишь итоги страшнымъ потерямъ, испытаннымъ народами Балканскаго полуострова въ результатѣ двухъ кровопролитнѣйшихъ столкновеній: союзниковъ противъ Турціи и между самими союзниками. По самымъ умѣреннымъ вычисленіямъ, количество взрослыхъ мужчинъ, выбывшихъ изъ строя въ разныхъ государствахъ и потерянныхъ навсегда для этихъ странъ, насчитывается въ полмилліона убитыхъ, тяжело раненыхъ и пропавшихъ безъ вѣсти на поляхъ сраженій. Не менѣе тяжелы матеріальныя жертвы. Общія потери, уже понесенныя Болгаріей, вмѣстѣ съ необходимыми затратами, которыя ей еще придется сдѣлать на платежъ пенсій увѣчнымъ, ликвидацію платежей по реквизиціи, возстановленіе военнаго матеріала, путей сообщенія, процентовъ по предстоящимъ займамъ и т. п. исчисляются въ $1^1/_2$, а, можетъ быть, 2 милліарда левъ. Расходы, или уже сдѣланные Сербіей, или требующіе настоятельнаго исполненія, должны равняться приблизительно 1 милліарду динаровъ. Столько же драхмъ расходовъ приходится на долю Греціи. И даже маленькой Черногоріи участіе въ войнѣ обошлось въ десятки милліоновъ перперовъ. Мобилизація и безкровный походъ румынской арміи стоили нѣсколько сотъ милліоновъ леевъ. Болѣе милліарда франковъ истра-

---

1) См. подробную карту новыхъ границъ въ „Le Temps" отъ 17 августа 1913.

гила Турція [1]). Подведите общій итогъ и вы увидите, какимъ тяжелымъ бременемъ легла война на широкія массы населенія Балканскаго полуострова, гдѣ производительныя силы еще такъ мало развиты и гдѣ естественныя богатства странъ только что начинаютъ оплодотворяться разумнымъ трудомъ человѣка. Пока эти отрицательныя стороны войны будутъ сглажены, пройдетъ не мало лѣтъ, втеченіе которыхъ балканскимъ народамъ придется нести очень тяжелое бремя налоговъ.

Намъ остается сказать лишь нѣсколько словъ относительно поведенія старой культурной Европы, претендующей на идиллическое названіе „концерта державъ". Эта кичащаяся своей цивилизаціей Европа вела себя впродолженіе десяти мѣсяцевъ кровавой борьбы такъ постыдно, какъ нельзя было ожидать даже отъ этой ублюдочной комбинаціи державъ „союза" и „согласія", проникнутыхъ враждой другъ къ другу. Мы раньше уже указывали на отсутствіе гуманныхъ идеаловъ и высокихъ задачъ у европейскихъ государствъ, снѣдаемыхъ жаждою хищничества, которая умѣряется лишь боязнью встрѣтиться съ одинаково сильнымъ врагомъ. Это ярко проявилось и въ данномъ случаѣ. Вначалѣ, когда союзники только приготовлялись вступить въ бой съ Турціей, Европа сдѣлала все отъ себя зависящее, чтобы остаться индифферентной къ надвигавшемуся великому столкновенію. Ироніи судьбы угодно было, чтобы въ этотъ начальный періодъ балканскихъ осложненій два заклятыхъ врага, Франція и Германія, съ умилительнымъ единодушіемъ старались не допустить другія державы до давленія на Турцію, такъ какъ Оттоманская имперія, не смотря на чисто политическій переворотъ, произведенный младотурками, осталась по прежнему великолѣпной дойной коровой для французскихъ ростовщиковъ и германскихъ фабрикантовъ. Затѣмъ, когда союзники, не обращая вниманія на вето Европы, вступили въ рѣшительный бой съ врагомъ, и побѣда стала быстро склоняться на ихъ сторону, капиталистическая Европа сообразила, что и такая „конъюнктура" пойдетъ ей на пользу. Финансовые и военные круги сейчасъ же прикинули, что вновь образующіяся государства на Балканскомъ полуостровѣ будутъ нуждаться въ значительномъ количествѣ денегъ и техническаго боевого матеріала для покрытія расходовъ на войну и послѣдующую колоссальную милитаризацію, которая понадобится имъ для того, чтобы поддержать на надлежащей высотѣ свою роль побѣдителей.

Новое замѣшательство въ пресловутый концертъ было внесено

---

[1]) Левы, леи, динары, драхмы—различныя національныя названія одной и той же монетной единицы, равной франку = 37 коп.; перперы нѣсколько больше и приравниваются австрійской кронѣ=около 40 коп.

Австро-Венгріей, которая отчасти искренно испугалась побѣдъ союзниковъ, грозившихъ ей перспективою образованія сравнительно сильныхъ славянскихъ государствъ какъ разъ подъ бокомъ, а отчасти наигрывала на страхѣ передъ Россіей, тогда какъ послѣдняя въ сущности все время колебалась между лицемѣрнымъ желаніемъ сыграть традиціонную роль славянской покровительницы и страхомъ новой Цусимы, въ случаѣ столкновенія съ крупной европейской державой. Тутъ государства тройственнаго союза демонстративно заявили передъ лицомъ всей Европы свою солидарность и сейчасъ же пустили ее въ ходъ, поставивши себѣ практическую цѣль воспрепятствовать прежде всего расширенію Сербіи, а отчасти и усиленію Греціи и въ этихъ видахъ помогая созданію независимости Албанскаго государства. Что касается до державъ такъ называемаго тройственнаго согласія, то Англія съ свойственной ей практичностью не старалась особенно поддерживать ни союзниковъ, ни громимую ими Турцію, разсчитывая на возможность заработать въ коммерческомъ и промышленномъ смыслѣ и на той, и на другой сторонѣ. Франція же, тяготѣя къ Турціи, которая являлась выгодной должницей для французскаго ростовщическаго капитализма, отражала вмѣстѣ съ тѣмъ на себѣ всю безпомощность и половинчатость политики Россіи и колебалась между поползновеніемъ покровительствовать показнымъ образомъ устраивающимся славянскимъ государствамъ, стремленіемъ помочь Греціи противъ Италіи (въ интересахъ своей средиземной политики), страхомъ вызвать сопротивленіе тройственнаго союза и, наконецъ, сильнымъ желаніемъ продолжать выгодную коммерческую аферу съ Турціей.

Въ свою очередь и борьба союзниковъ произвела довольно курьезную перетасовку симпатій въ Европѣ, такъ какъ здѣсь Австрія, Германія и Италія потянули въ сторону побѣждаемой Болгаріи съ цѣлью создать противовѣсъ чрезмѣрно усиливающимся Сербіи и Греціи, ибо первая оказывалась неудобной сосѣдкой для Австріи, а послѣдняя могла помѣшать расширенію итальянскаго вліянія въ Средиземномъ морѣ и на захваченныхъ Италіею со времени триполитанскаго похода турецкихъ островахъ. Наконецъ, новое усложненіе событій на Балканскомъ полуостровѣ, созданное „политическимъ шантажемъ“ Румыніи, которая двинулась на Болгарію, равно какъ вполнѣ понятная тактика Турціи, направившей свои удары все на ту же злополучную Болгарію, произвели сравнительно мало впечатлѣнія на Европу и, въ частности, на Россію, все время опасающуюся новой неудачной войны. Турція, конечно, прекрасно понимаетъ, что Европы, какъ единаго моральнаго цѣлаго, какъ носительницы извѣстныхъ идеаловъ цивилизаціи и гуманности, уже не существуетъ, и поэтому она вполнѣ логично и съ своей точки зрѣнія справедливо стремится накренить хоть нѣсколько въ свою сторону чашку историческихъ вѣсовъ и хоть отчасти нарушить черезчуръ тяжелыя для нея условія лондонскаго договора.

Вдумываясь въ смыслъ совершающихся событій, современный историкъ не можетъ не придти къ заключенію, что въ отравленной атмосферѣ взаимной вражды государствъ, управляемыхъ финансистами, военными кругами и политиками привилегированныхъ сословій, самыя законныя, самыя благородныя стремленія народовъ, добивающихся свободы и независимости, сводятся на нѣтъ и зачастую превращаются въ свою прямую противоположность. Пока фатально втянутыя нынѣ въ водоворотъ политической жизни широкія массы населенія не пріобрѣтутъ достаточной сознательности и не сумѣютъ отличать своихъ существенныхъ интересовъ отъ узко-эгоистическихъ интересовъ правящихъ классовъ, до тѣхъ поръ внѣшнія столкновенія будутъ являться необходимою принадлежностью мірового историческаго процесса. И ни одно изъ истинныхъ народныхъ стремленій не будетъ удовлетворено надлежащимъ образомъ, такъ какъ имъ воспользуются корыстные демагоги, наигрывающіе на звѣриныхъ чувствахъ толпы.

Н. С. Русановъ.

Въ моей статейкѣ о Бебелѣ, помѣщенной въ августовской книжкѣ „Русскаго Богатства", слѣдуетъ исправить слѣдующую погрѣшность: на страницѣ 385, строка 16 сверху напечатано „среди друзей, а въ нѣдрахъ"; должно читать „а среди друзей, въ нѣдрахъ".

Н. Р.

На очередныя темы.

Продолженіе „революціи наоборотъ".

I.

На заключеніе губернскихъ землеустроительныхъ коммиссій разосланъ „проектъ правилъ о предупрежденіи дробленія мелкой земельной собственности". Какъ видно изъ объяснительной записки, приложенной къ проекту, главное управленіе землеустройства и земледѣлія очень торопится съ проведеніемъ новаго закона. Законъ—въ высшей степени важный: онъ долженъ существеннымъ образомъ измѣнить семейныя и хозяйственныя, а вмѣстѣ съ тѣмъ и соціальныя отношенія значительной части крестьянства и произвести въ его быту коренную ломку. Уже съ принципіальной своей стороны онъ вызываетъ цѣлый рядъ сомнѣній, — и нѣкоторыя изъ нихъ не чужды главному управленію землеустройства. Но... „ясно

сознавая все значеніе возникающихъ по поводу этой мѣры сомнѣній, главноуправляющій землеустройствомъ и земледѣліемъ не считалъ тѣмъ не менѣе возможнымъ признать противодѣйствіе неограниченному раздробленію земельныхъ участковъ несвоевременнымъ и отказаться отъ всякихъ попытокъ достигнуть въ этомъ отношеніи желаемыхъ результатовъ" (стр. 8). Помимо принципіальныхъ сомнѣній, какія вызываетъ проектируемый законъ, устанавливая недробимость крестьянскихъ владѣній, нужно разрѣшить рядъ практическихъ вопросовъ первостепенной важности. Само главное управленіе землеустройства признаетъ свою „неполную освѣдомленность относительно всѣхъ сторонъ этого предмета". При такихъ условіяхъ, казалось бы, обязательно, прежде чѣмъ вырабатывать правила, нужно собрать недостающія свѣдѣнія, произвести даже спеціальныя изслѣдованія. Но... некогда. „Подобныя изысканія,—читаемъ мы въ объяснительной запискѣ—требуя значительнаго времени и силъ, отсрочатъ разрѣшеніе вопроса на неопредѣленное время". Между тѣмъ „мѣры противъ чрезмѣрнаго дробленія владѣній должны быть приняты, по возможности, безотлагательно, ибо устраивать хуторскія и отрубныя владѣнія и оставлять ихъ подъ дѣйствіемъ узаконеній, открывающихъ въ существующихъ порядкахъ наслѣдованія широкую возможность къ безграничному дробленію земли, значитъ совершенно сознательно идти на то, что втеченіе одного-двухъ поколѣній эти владѣнія могутъ быть распылены и обращены въ чрезполосные обрывки прежнихъ отрубовъ и хуторовъ".

Конечно, эту опасность нетрудно было предвидѣть съ самаго начала. Но теперь она, нужно думать, предстала уже воочію. Во всякомъ случаѣ нѣтъ ничего легче, какъ представить ее себѣ въ совершенно конкретныхъ формахъ. Въ самомъ дѣлѣ: подѣлили землю на отруба, убѣдили мужика, что „подъ древомъ-то хуже"...

Онъ не перечилъ—пошелъ,
Сѣлъ подъ рогожей на кочку...

Ну, а дальше? Вѣдь у этого мужика подросли уже дѣти и послѣ его смерти, если не раньше, они непремѣнно надумаютъ дѣлиться. Отцовское достояніе они раздѣлятъ, конечно, поровну, какъ это дѣдами и прадѣдами заведено. Каждый сынъ получитъ клочокъ усадьбы, клинышекъ сѣнокоса, уголокъ лѣса (если есть) и нѣсколько полосокъ пашни,—съ овсомъ и рожью, удобренной и неудобренной, на пригоркѣ и въ низинкѣ. И вотъ, не успѣютъ землеустроители вдосталь налюбоваться новенькимъ хуторомъ, какъ на его мѣстѣ окажется совсѣмъ какъ старая, опостылѣвшая уже, деревенька,—съ прежней чрезполосицей, какъ будто никакого землеустройства и не было. А тутъ еще нѣкоторые начнутъ продавать свою „личную собственность",—продавать враздробь и на сторону: одинъ продастъ полоску Ивану изъ села Великаго, другой—Еремѣю съ хутора Маленькаго... Плохо было при прежнемъ порядкѣ,

когда съ сохой приходилось переѣзжать съ полосы на полосу; но еще хуже, пожалуй, будетъ при новомъ, если съ сохой начнутъ странствовать не только съ полосы на полосу, но и съ хутора на хуторъ, изъ деревни въ деревню. Крестьянское хозяйство завязнетъ вѣдь въ трясинѣ, еще болѣе глубокой, чѣмъ изъ какой взялись его вытащить землеустроители.

На эту опасность все время указывали слѣва. Вотъ что, напримѣръ, еще въ 1908 году писалъ я въ популярной брошюркѣ, удостоившейся особаго вниманія предержащихъ властей и давно уже изъятой ими изъ обращенія (съ назначеніемъ мнѣ шести мѣсяцевъ тюрьмы):

Для того, чтобы земля, подѣленная на отрубные участки, не оказалась опять въ черезполосномъ владѣніи, при личной собственности есть только одно средство: нужно воспретить продавать, завѣщать и дарить эти участки частями и даже воспретить дѣлить ихъ между дѣтьми. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ заграницей такое правило и существуетъ: вся земля переходитъ къ одному сыну,—или къ самому старшему (это называется: майоратъ), или къ самому младшему (миноратъ). Остальныя же дѣти обрекаются быть батраками и со всѣмъ своимъ потомствомъ становятся безземельными. Едва-ли русскій народъ дойдетъ до такой несправедливости. Но ему могутъ навязать такой законъ и противъ его воли [1]...

Это именно и хотятъ теперь сдѣлать. „Революціонеры наоборотъ“ замѣтили, наконецъ, трясину и спѣшатъ, какъ можно скорѣе, продвинуться дальше. Этотъ новый шагъ, какъ и всю свою „великую реформу“, они намѣрены осуществить, не считаясь ни съ какими сомнѣніями и даже не очень стараясь, чтобы, хотя въ данномъ направленіи, осмотрѣться получше и выбрать мѣстечко потверже. Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго, если они завязятъ крестьянскій возъ еще глубже. Это и заставляетъ насъ поближе присмотрѣться къ ихъ плану, хотя мы и имѣемъ его пока только въ видѣ „первоначальнаго очерка“.

II.

Недробимыми по проекту предполагается объявить лишь хуторскія и отрубныя владѣнія; что касается черезполосныхъ владѣній, какъ общинной, такъ и личной собственности, то на нихъ законъ о недробимости не долженъ будетъ распространяться. Интересно сопоставить эти предѣлы дѣйствія проектируемаго закона съ тѣми цѣлями, которыя онъ имѣетъ и которыя, несомнѣнно, гораздо шире.

Желая предотвратить возникновеніе „измельченной собственности, не способной ни занять всю рабочую силу семьи владѣльца, ни прокормить ее втеченіе года“, правительство задается цѣлями двоякаго рода: соціально-экономическими и культурно-хозяйствен-

[1] „Старый и новый порядокъ владѣнія надѣльной землей“. Стр. 13.

ными. Оно находитъ, что „связь съ землею, неспособною по своимъ ничтожнымъ размѣрамъ даже прокормить семью владѣльца, является для него скорѣе вредной“, такъ какъ, „удерживая его призракомъ собственности и матеріальной опоры и мѣшая ему рѣшительно перейти къ другимъ промысламъ, такое землевладѣніе неизбѣжно приводитъ къ совершенному хозяйственному упадку и нищетѣ, плодя и размножая настоящій деревенскій пролетаріатъ“ (3). Не допустить въ дальнѣйшемъ установленіе такой „вредной“ связи между землею и населеніемъ—такова одна задача закона о недробимости. Съ другой стороны, дробленіе земельной собственности дальше извѣстныхъ предѣловъ „влечетъ за собою распаденіе владѣній на нежизнеспособныя единицы, на которыхъ веденіе хозяйства становится уже невозможнымъ“,—точнѣе сказать, недостаточно производительнымъ, такъ какъ „въ результатѣ чрезмѣрнаго дробленія всегда и вездѣ наступаетъ такой моментъ, когда самый упорный трудъ въ собственномъ хозяйствѣ не даетъ владѣльцу необходимыхъ средствъ для существованія“ и, „какъ слѣдствіе этого, не только пріостанавливается улучшеніе пріемовъ хозяйства, но, наоборотъ, способъ его веденія ухудшается и происходитъ общій упадокъ сельскохозяйственнаго промысла“. Въ результатѣ „доходность земли въ измельченномъ участкѣ падаетъ настолько, что доходность нѣсколькихъ такихъ участковъ не достигаетъ доходности одного, равнаго имъ по площади, но правильно поставленнаго владѣнія“ (4). Предупредить паденіе сельскохозяйственной производительности и устранить возможный тормазъ для ея повышенія—такова вторая задача проектируемаго закона.

Если задаваться такими цѣлями, то законъ о недробимости, казалось бы, долженъ быть распространенъ на все мелкое землевладѣніе,—не только на хуторское или отрубное, но и на чрезполосное. Однако послѣднее, какъ уже сказано, предполагается изъять изъ дѣйствія этого закона. Сколько-нибудь убѣдительныхъ соображеній въ пользу такого изъятія въ министерской запискѣ мы не находимъ. Распространеніе правилъ о недробимости на чрезполосное землевладѣніе ея авторами изображается, съ одной стороны, какъ бы невозможнымъ, а съ другой,—какъ бы и неважнымъ. Въ общемъ же получается такое впечатлѣніе, что на это землевладѣніе правительство просто-на-просто рѣшило махнуть рукой,—такъ же, какъ оно махнуло на деревню рукой и въ отношеніи агрономической помощи, оказывая послѣднюю исключительно хуторянамъ и отрубникамъ.

Между тѣмъ площадь подъ хуторами и отрубами не достигаетъ еще и 12 милліоновъ десятинъ. Правда, для правительства эта земля особенно дорога, такъ какъ на устройство ея втеченіе шести лѣтъ (1907—1912 гг.) оно затратило изъ средствъ государственнаго казначейства около 80 милл. руб., т. е. почти по 7 руб. на десятину; но по отношенію къ общей площади мелкаго земле-

владѣнія она составляетъ всего лишь около 8% и, стало быть, въ этой только части послѣднее будетъ защищено проектируемымъ закономъ отъ „распыленія“. Авторы объяснительной записки указываютъ, что „при поступательномъ движеніи землеустройства подъ дѣйствіе проектируемыхъ мѣръ силою вещей будутъ вовлекаться земли, нынѣ состоящія въ черезполосномъ подворномъ владѣніи, равно какъ и земли общиннаго владѣнія — послѣ ихъ разверстанія“ (30). При этомъ они разсчитываютъ, что процессъ такого вовлеченія будетъ идти быстро. Но быть увѣреннымъ въ этомъ, конечно, нельзя,—тѣмъ болѣе, что законъ о недробимости можетъ какъ разъ замедлить поступательный ходъ землеустройства, такъ какъ далеко не всѣ крестьяне, какъ можно думать, пожелаютъ воспользоваться „благами“ новаго закона. Считаясь съ возможностью этого, авторы объяснительной записки утѣшаютъ себя тѣмъ, что „еслибы устанавливаемыя ограниченія и остановили нерѣшительныхъ крестьянъ, то тѣмъ большую цѣнность пріобрѣтетъ землеустройство тѣхъ, которые, уясняя себѣ весь его смыслъ, приступятъ къ нему, не взирая на эти ограниченія“. Словъ нѣтъ, что съ точки зрѣнія „правильнаго землеустройства“, которое „должно основываться исключительно на сознанной самимъ населеніемъ пользѣ его“, это, дѣйствительно, можетъ служить утѣшеніемъ, но чрезмѣрнаго дробленія неустроенныхъ земель это вѣдь не остановитъ.

Какъ бы то ни было, грань, которая уже проведена среди земледѣльческаго населенія и которую правительство все время углубляетъ своими мѣрами, съ изданіемъ новаго закона сдѣлается еще рѣзче. По одну сторону ея находятся и останутся хуторяне и отрубники, пользующіеся особымъ попеченіемъ и покровительствомъ государственной власти: оно открыло имъ самый льготный кредитъ, предоставляетъ въ ихъ распоряженіе банковскую и казенную землю, выдаетъ безвозвратныя пособія, оказываетъ не въ примѣръ другимъ агрономическую помощь и теперь будетъ — желаютъ ли они или не желаютъ—охранять цѣлостность ихъ владѣній даже отъ нихъ самихъ. По другую сторону той же грани остается и останется предоставленная почти всецѣло своимъ силамъ и игрѣ стихій вся остальная деревенская масса, — въ томъ числѣ и тѣ крестьяне, которые, хотя укрѣпили надѣльную землю въ личную собственность, но не выдѣлили ее къ одному мѣсту. Другими словами: по одну сторону въ сравнительно просторныхъ, хотя и искусственно поддерживаемыхъ владѣніяхъ будутъ содержаться „сильные“ крестьяне; а по другую сторону, на землѣ, все болѣе и болѣе отъ чрезмѣрнаго дробленія превращающейся въ пыль, будетъ безпорядочно тѣсниться „настоящій деревенскій пролетаріатъ“.

Такъ, по крайней мѣрѣ, выходитъ по плану, который составило главное управленіе землеустройства.

III.

Законъ о недробимости предполагается распространить однако не на всѣ хуторскія и отрубныя владѣнія. Обязательному дѣйствію его будутъ подлежать лишь тѣ хуторскіе и отрубные участки, которые „образовались при участіи правительственной власти“. Къ таковымъ по проекту отнесены: „хуторскія и отрубныя владѣнія... образованныя при содѣйствіи землеустроительныхъ учрежденій изъ надѣльныхъ и внѣнадѣльныхъ земель, а также купленныя отъ крестьянскаго банка, либо съ его содѣйствіемъ, или отъ казны на основаніи Высочайшаго указа 27 августа 1906 г.“. Всѣ другія мелкія владѣнія, въ образованіи которыхъ правительственная власть не участвовала, хотя бы эти владѣнія и представляли изъ себя нѣчто вполнѣ „цѣлостное“, предполагается освободить отъ дѣйствія закона о недробимости. Этотъ законъ можетъ быть распространенъ на нихъ лишь по желанію самихъ владѣльцевъ, о чемъ они могутъ заявлять въ землеустроительныя комиссіи.

„Участіе правительственной власти въ образованіи владѣній“— такова новая грань, которая будетъ отдѣлять земли владѣльцевъ, ограниченныхъ въ своихъ правахъ, отъ земель, владѣльцы которыхъ совершенно свободны въ распоряженіи ими и пользуются всѣми, соединенными съ земельной собственностью, преимуществами. Когда-то къ первой категоріи относились лишь надѣльныя земли; потомъ, при помощи сепаратныхъ узаконеній и распоряженій, а также сенатскихъ разъясненій, къ той же категоріи были причислены земли, пріобрѣтенныя крестьянскими обществами, товариществами и отдѣльными крестьянами при содѣйствіи крестьянскаго банка, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и всѣ вообще земли, пріобрѣтенныя какимъ бы то ни было путемъ крестьянами, входящими въ составъ сельскихъ обществъ. Теперь грань пройдетъ еще дальше. Если мелкіе землевладѣльцы воспользовались помощью землеустроительныхъ коммиссій для устройства своихъ участковъ, то они должны будутъ подчиниться дѣйствію закона о недробимости, а затѣмъ, вѣроятно, и другимъ ограниченіямъ.

Не лишне будетъ напомнить, что законъ 29 мая 1911 года о землеустройствѣ сразу же былъ распространенъ не только на крестьянъ, но и на „лицъ всѣхъ сословій, земельныя владѣнія коихъ въ одномъ уѣздѣ не превышаютъ опредѣленныхъ предѣльныхъ размѣровъ“. Такимъ образомъ среди владѣльцевъ, воспользовавшихся содѣйствіемъ землеустроительныхъ коммиссій для образованія хуторовъ и отрубовъ, могутъ оказаться не только крестьяне, но и лица всѣхъ другихъ сословій и, стало быть, новая грань будетъ имѣть не столько сословный, сколько классовый характеръ. Распространить законъ о недробимости на всѣ мелкія хуторскія и отрубныя владѣнія, кому бы они ни принадлежали и какимъ бы путемъ они ни образовались, какъ видно изъ объяснительной за-

писки, правительство не рѣшается не изъ-за сословныхъ соображеній, а изъ опасенія, какъ бы невзначай не стѣснить и не ограничить въ правахъ представителей другихъ общественныхъ классовъ, напримѣръ, промышленниковъ, дачевладѣльцевъ, помѣщиковъ,—словомъ, лицъ, владѣнія которыхъ „не являются землями, обезпечивающими бытъ земледѣльцевъ". Чтобы придать новому закону опредѣленно классовый характеръ, слѣдовало бы, конечно, взять вмѣсто „участія правительственной власти въ образованіи владѣній" другой разграничивающій признакъ, но до этого главное управленіе землеустройства, повидимому, не додумалось, а, можетъ быть, и не рѣшилось на это по какимъ-либо мотивамъ. Нѣтъ ничего невѣроятнаго, что и сословныя соображенія въ данномъ случаѣ сыграли все-таки нѣкоторую роль.

Кромѣ участковъ, образовавшихся безъ содѣйствія правительственной власти, изъ дѣйствія проектируемаго закона предполагается изъять также тѣ хуторскія и отрубныя владѣнія, которыя не достигаютъ опредѣленной величины. „Охранять недробимость такихъ владѣній, которыя уже распались на дробныя части—читаемъ мы въ объяснительной запискѣ,—было бы не цѣлесообразно", и поэтому главное управленіе землеустройства ничего не имѣетъ противъ ихъ дальнѣйшаго раздробленія и распыленія. Больше того: оно надѣется, что „при свободной мобилизаціи этихъ мелкихъ участковъ скорѣе можно ожидать объединенія ихъ въ болѣе крупныя и жизнеспособныя единицы" (34). Съ указанной выше точки зрѣнія это, конечно, вполнѣ логично: очень мелкіе владѣльцы не могутъ быть сильными хозяевами и, стало быть, ихъ нужно предоставить ихъ собственной судьбѣ. Враздробь же ихъ земли, дѣйствительно, удастся, быть можетъ, скорѣе прибрать къ болѣе сильнымъ рукамъ.

Не менѣе логичнымъ представляется и другое предположеніе законопроекта: разрѣшить раздѣлъ наиболѣе крупныхъ хуторскихъ и отрубныхъ владѣній, но при томъ непремѣнномъ условіи, что ни одно изъ вновь образуемыхъ владѣній не будетъ меньше опредѣленной величины. „Опытъ странъ, въ которыхъ сельскохозяйственная культура сравнительно высока,—говорится въ объяснительной запискѣ—показываетъ, что дробленіе владѣній вызываетъ первоначально даже повышеніе обработки земли" и лишь за извѣстными предѣлами, въ результатѣ чрезмѣрнаго дробленія, начинаютъ появляться нежизнеспособныя владѣнія. „Поэтому только на такія послѣдствія дробленія и должны быть направлены запретительныя правила, и, слѣдовательно, въ нихъ не можетъ быть выставлено начало полной недробимости мелкаго владѣнія. Исходной точкой, наоборотъ, должно являться допущеніе дробленія, но въ извѣстныхъ разумныхъ предѣлахъ, или другими словами — запрещеніе раздѣловъ владѣній на части ниже необходимаго для веденія хозяйства размѣра" (16).

Найти эти „разумные предѣлы", за которыми получаются уже „нежизнеспособныя" хозяйственныя единицы, составляетъ, конечно, одну изъ важнѣйшихъ практическихъ задачъ, какую приходится разрѣшить, устанавливая недробимость землевладѣнія. Вмѣстѣ съ тѣмъ эта задача представляется крайне сложной и трудной. Легко понять, что при крайнемъ разнообразіи хозяйственныхъ условій разумные предѣлы дробимости не могутъ быть одинаковыми для всѣхъ мѣстностей. А такъ какъ хозяйственныя условія мѣняются, то разъ установленные предѣлы дробимости нельзя считать постоянными. Цѣлесообразнѣе всего, можетъ быть, было бы предоставить установленіе нормъ дробимости мѣстнымъ, достаточно компетентнымъ и авторитетнымъ для этого, учрежденіямъ, обусловивъ вмѣстѣ съ тѣмъ періодическій пересмотръ этихъ нормъ.

Но главное управленіе землеустройства, которому не безызвѣстно, что „установленіе подобныхъ нормъ представляетъ чрезвычайную трудность", предпочитаетъ идти инымъ путемъ. Оно считаетъ необходимымъ установить предѣлы дробимости, хотя и разные для отдѣльныхъ мѣстностей, но разъ навсегда въ законодательномъ порядкѣ. Пересмотра установленныхъ такимъ образомъ нормъ оно въ своемъ проектѣ не предусматриваетъ, да, очевидно, и не считаетъ его нужнымъ.

Разрѣшая такъ „чрезвычайно трудную" задачу, оно, казалось бы, должно было отнестись къ ней съ особымъ вниманіемъ и подвергнуть тщательному изученію всѣ необходимые для правильнаго рѣшенія ея элементы. Для этого понадобились бы, конечно, мѣстныя изслѣдованія. Но и въ данномъ случаѣ мы встрѣчаемъ все ту же ламентацію: „изслѣдованія эти затянулись бы на долгій срокъ" (32). Да въ такихъ изслѣдованіяхъ, какъ оказывается, нѣтъ и надобности: имѣется другой, несравненно болѣе достовѣрный, источникъ свѣдѣній и нужныя нормы можно найти въ немъ въ готовомъ уже видѣ. „Такимъ источникомъ являются положенія 19 февраля 1861 г." „Установленныя въ этихъ положеніяхъ нормы—говорится въ объяснительной запискѣ — были приняты въ свое время въ виду единодушнаго, основаннаго на близкомъ знаніи мѣстныхъ хозяйственныхъ условій, заключенія составителей положеній 1861 года, что фактически существовавшій въ этомъ году въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи крестьянскій надѣлъ наиболѣе соотвѣтствуетъ дѣйствительнымъ потребностямъ крестьянскаго хозяйства" (32).

Итакъ, нормы, установленныя болѣе 50 лѣтъ тому назадъ, при совершенно иныхъ хозяйственныхъ условіяхъ, по даннымъ о крѣпостномъ хозяйствѣ и при томъ установленныя совсѣмъ для другой надобности, признаются вполнѣ подходящими для установленія предѣловъ дробимости мелкаго землевладѣнія на всѣ предбудущія времена. Нужно только перенести ихъ изъ стараго закона въ новый, изъ отжившаго уже въ имѣющій еще появиться на

свѣтъ. Такъ легко бюрократія рѣшаетъ „чрезвычайно трудныя" задачи.

Но это не значитъ, что указанныя въ положеніяхъ 1861 г. нормы высшаго и указного надѣловъ прямо приняты въ данномъ случаѣ за „низшій предѣлъ мелкаго владѣнія, уже не подлежащій дальнѣйшему дробленію". Предварительно эти нормы подвергнуты нѣкой бюрократической операціи. „Такимъ предѣломъ — читаемъ мы въ объяснительной запискѣ—позволительно признать количество земли, сотвѣтствующее *двумъ* высшимъ или указнымъ надѣламъ" (33). Почему это „позволительно" и почему норма дробимости должна равняться именно двумъ, а не одному и не тремъ надѣламъ—не извѣстно. Основаніе указано одно: три года тому назадъ (при изданіи закона 14 іюня 1910 г.) по точно такимъ же основаніямъ (т. е. безъ всякихъ основаній) за высшій предѣлъ сосредоточенія надѣльной земли въ однихъ рукахъ было принято шесть надѣловъ. Ну, а теперь—два. Тогда устанавливали высшій предѣлъ, а теперь низшій,—нужна же разница...

Для того, чтобы послѣ раздѣла въ каждомъ изъ вновь образованныхъ владѣній было не меньше двухъ душевыхъ надѣловъ, необходимо, конечно, чтобы дѣлимый участокъ былъ не меньше четырехъ надѣловъ, — иначе его нельзя раздѣлить даже на двѣ части. Такихъ хуторскихъ и отрубныхъ владѣній среди образованныхъ при участіи правительственной власти найдется, конечно, очень немного. Больше четырехъ душевыхъ надѣловъ имѣютъ развѣ тѣ хуторяне и отрубники, которые успѣли скупить и выдѣлить къ одному мѣсту вмѣстѣ со своими и чужіе надѣлы. Вѣроятно, скупщики только и получатъ право раздѣлить, хотя бы на двѣ части, хотя бы между двумя только дѣтьми, „собранныя" ими земли. Всѣ остальныя хуторскія и отрубныя владѣнія съ изданіемъ проектируемаго закона будутъ признаны недробимыми. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ недробимыми окажутся владѣнія, начиная съ 48 десятинъ. 50 лѣтъ тому назадъ на этой землѣ велось, конечно, переложное хозяйство, а теперь или впослѣдствіи можетъ быть заведено плодоперемѣнное, даже съ орошеніемъ и грядковой культурой;—все равно, владѣніе должно сохраняться въ установленномъ однажды размѣрѣ.

Безъ разрѣшенія центральнаго землеустроительнаго учрежденія владѣлецъ, имѣющій менѣе четырехъ душевыхъ надѣловъ, не будетъ имѣть права отдѣлить отъ своего участка даже часть земли, хотя бы послѣ этого у него осталось не менѣе двухъ надѣловъ и хотя бы отдѣленная земля составила не новое владѣніе, а была присоединена къ существовавшему уже раньше. Такимъ образомъ законъ, „исходной точкой котораго должно являться допущеніе дробленія", въ дѣйствительности не будетъ допускать его даже въ предѣлахъ нормъ, имъ же установленныхъ.

Между тѣмъ легко понять, что эти нормы далеки отъ совершенства и что устанавливаемые ими предѣлы отнюдь нельзя считать „разумными“. Можно ли, въ самомъ дѣлѣ, утверждать, что на участкѣ менѣе двухъ надѣловъ вести хозяйство невозможно, что такія владѣнія должны считаться явно нежизнеспособными? Конечно, нельзя. Сами авторы законопроекта, ссылаясь все на тотъ же „опытъ составителей положенія 1861 г.“, признаютъ жизнеспособными владѣнія, начиная съ одного душевого надѣла. И ими предполагается установить, въ сущности, двѣ нормы, два предѣла дробимости: дѣлить владѣнія нельзя будетъ меньше, какъ на два надѣла, а охраняться закономъ о недробимости будутъ владѣнія, начиная съ одного надѣла.

Установленіе двухъ низшихъ предѣловъ для одного и того же явленія, на первый взглядъ, можетъ показаться просто нелѣпостью. Но у этой нелѣпицы, несомнѣнно, имѣется своя цѣль. Благодаря двумъ нормамъ, сразу же будутъ признаны недробимыми всѣ хуторскія и отрубныя владѣнія, заключающія въ себѣ отъ одного до четырехъ душевыхъ надѣловъ, а таковыя среди „образованныхъ при участіи правительственной власти“ составляютъ, конечно, подавляющее большинство. Владѣнія большаго и меньшаго размѣра встрѣчаются, вѣроятно, какъ исключенія.

Повидимому, землеустроителямъ очень хочется консервировать плоды трудовъ своихъ и сохранить созданную ими хуторскую Россію, хотя бы въ замороженномъ видѣ.

IV.

Владѣнія, которыя подпадутъ подъ дѣйствіе проектируемаго закона, нельзя будетъ дробить ни путемъ продажи, ни путемъ даренія или завѣщанія, ни въ порядкѣ наслѣдованія по обычаю или закону.

Особенно безпокоитъ авторовъ проекта наслѣдованіе. „Опытъ законодательства всѣхъ странъ, не исключая и нашего, — пишутъ они — достаточно убѣдительно указываетъ, что труднѣе всего преодолѣваются силою закона именно эти глубоко заложенныя въ привычкахъ и нравственныхъ понятіяхъ народа основы его внутренняго семейнаго и хозяйственнаго быта“. Примѣровъ этому въ исторіи нашего законодательства, дѣйствительно, можно найти нѣсколько. Напр., Петръ I издалъ указъ о единонаслѣдіи, но этотъ законъ оказался мертворожденнымъ и, „не достигнувъ предположенныхъ цѣлей, только внесъ въ землевладѣльческую среду путаницу отношеній и хозяйственное разстройство“ (Ключевскій). Слово „кадетъ“ (что значило: обдѣленный дворянинъ), заимствованное изъ этого указа, сохранилось и до сихъ поръ въ русскомъ языкѣ, но давнымъ давно уже утратило свой первоначальный смыслъ. Въ пореформенное время была сдѣлана попытка регулировать законо-

дательнымъ путемъ крестьянскіе семейные раздѣлы, но изданный съ этою цѣлью законъ 18 марта 1886 года упорно обходился населеніемъ, такъ что число неформальныхъ раздѣловъ „возросло до крайности“, и въ обновленномъ строѣ отъ этого закона сразу же пришлось отказаться. Что касается дробленія земли, то ограничивающія его правила имѣются уже въ дѣйствующемъ законодательствѣ. Но соотвѣтствующія статьи закона, воспрещающія раздѣлъ надѣльной земли на части ниже указаннаго размѣра, „примѣненія въ жизни не получили, и дробленіе земли происходитъ безъ ихъ соблюденія“ (21).

Вполнѣ понятно поэтому, если авторовъ новаго законопроекта тревожитъ вопросъ: „какая участь постигнетъ законъ объ ограниченіи дробимости мелкаго земельнаго имущества, если законъ этотъ будетъ изданъ?“ (8). Главныя свои усилія и почти всю свою изобрѣтательность они и направили на то, чтобы сдѣлать проектируемый ими законъ „жизнеспособнымъ“ и обходъ его со стороны населенія невозможнымъ.

Главнымъ образомъ въ этихъ, какъ можно думать, видахъ они постарались сформулировать законъ о недробимости „независимо отъ измѣненія, по крайней мѣрѣ, въ главныхъ его основаніяхъ дѣйствующаго законодательства о наслѣдованіи“ [1]). И имъ кажется, что они удовлетворительно справились съ этой задачей. Правила недробимости ими спроектированы „внѣ зависимости отъ наслѣдственныхъ правъ и круга лицъ, призываемыхъ къ наслѣдованію“ (17). Это значитъ, что, если имѣется обычай (да и по закону такъ слѣдуетъ) дѣлить наслѣдство между всѣми дѣтьми,—пусть дѣлятъ: законъ о недробимости никого отъ наслѣдства не устранитъ и ничьей доли не уменьшитъ. Онъ измѣнитъ лишь форму, въ какой каждый получитъ наслѣдство: недробимый участокъ въ натурѣ долженъ будетъ достаться цѣликомъ одному наслѣднику, а всѣ прочіе сонаслѣдники, имѣющіе права на него, должны будутъ получить выдѣлъ другимъ имуществомъ или деньгами.

Но дѣлежъ наслѣдства въ этой формѣ можетъ встрѣтить серьезное затрудненіе въ недостаточности другого имущества и въ отсутствіи наличныхъ денегъ, необходимыхъ для выдѣла. Очень быстро хуторяне и отрубники богатѣютъ вѣдь только въ произведеніяхъ казенныхъ публицистовъ, вродѣ г. Юрьевскаго, и милліонеровъ,

[1]) Къ слову сказать, какъ видно изъ объяснительной записки, приложенной къ проекту, министерство внутреннихъ дѣлъ какъ разъ озабочено въ настоящее время реформой крестьянскаго наслѣдственнаго права. Оно проектируетъ между прочимъ отмѣнить дѣйствіе обычая въ этой сферѣ, распространить на мелкое землевладѣніе нѣкоторыя ограниченія, установленныя для родовыхъ имуществъ, существенно ограничить право завѣщательныхъ распоряженій и т. д. Соотвѣтствующій законопроектъ „уже почти заканчивается разработкой и, нужно полагать, поступитъ на законодательное разсмотрѣніе одновременно съ настоящими правилами (о недробимости)“.

вродѣ кн. Абамелекъ-Лазарева. Въ серьезъ на это авторы законопроекта не разсчитываютъ. Въ „недостаткѣ наличныхъ средствъ у мелкихъ владѣльцевъ“ они предвидятъ одно изъ главныхъ препятствій для проведенія въ жизнь закона о недробимости. Поэтому они считаютъ необходимымъ не только уменьшить выплаты, которыя должны будутъ дѣлать наслѣдники, получающіе недробимые участки, не только предоставить имъ трехлѣтній срокъ для такихъ выплатъ, но и „открыть для нихъ прямую возможность полученія необходимыхъ для этого суммъ“. Эту возможность по проекту долженъ будетъ предоставить крестьянскій банкъ. Онъ будетъ выдавать для производства наслѣдственныхъ выплатъ ссуды подъ обезпеченіе доставшейся наслѣднику земли въ размѣрѣ до 90% спеціальной ея оцѣнки.

„Не только опытъ нашего поземельнаго кредита, но и опытъ повсемѣстный—какъ не безъизвѣстно главному управленію землеустройства — непреложно доказали, что производительнымъ для земли и хозяина можетъ быть лишь кредитъ, не превышающій 60% стоимости земли. Кредитъ же, превышающій этотъ процентъ, ведетъ къ неустойчивости хозяйства и въ результатѣ къ обезземеленію хозяевъ“. Понимаетъ главное управленіе и то, „что предоставить льготы въ указанномъ размѣрѣ значитъ исчерпать весь кредитъ, всю залоговую стоимость земли“, при чемъ „долгъ банка будетъ тяготѣть надъ владѣніемъ 55½ лѣтъ, т. е. въ продолженіе почти двухъ поколѣній“, изъ коихъ не только первое, но и второе обязано будетъ выплатами по недробимымъ участкамъ, источника для чего у него уже не будетъ.

Не смотря на все это, главное управленіе проектируетъ все-таки ссуды до 90%. Если отбросить канцелярскія фіоритуры, то мотивы его таковы. На путь непроизводительнаго и даже раззорительнаго поземельнаго кредита правительство, все равно, уже вступило: въ нѣкоторыхъ случаяхъ оно выдаетъ ссуды даже въ 100%, лишь бы крестьянинъ согласился пріобрѣсти землю въ единоличную собственность и переселиться на хуторъ. Не во всѣхъ, далѣе, случаяхъ ссуда для выплатъ понадобится именно въ 90%, — это вѣдь зависитъ отъ числа сонаслѣдниковъ и, кромѣ того, у отдѣльныхъ крестьянъ могутъ даже оказаться наличныя средства и ссуда банка будетъ необходима только въ нѣкоторой части. Главное же, „стоимость земли значительно ростетъ“,—и, стало быть, можно на это спекулировать (а вмѣстѣ съ тѣмъ облегчить и другимъ подобную спекуляцію). Если земля не подорожаетъ, то, авось, сами хуторяне разбогатѣютъ, — и никакого кредита имъ для выплатъ въ дальнѣйшемъ не понадобится. Наконецъ, если ни того, ни другого не произойдетъ,—если наличныхъ средствъ у принявшаго хуторъ не окажется и выдать дополнительную ссуду ему будетъ нельзя,— то и то не бѣда: „не слѣдуетъ забывать, что и самая цѣнность обремененнаго долгомъ владѣнія, подлежащая раздѣлу между на-

слѣдникамъ, будетъ также незначительна", а разъ недробимый участокъ будетъ обезцѣненъ лежащими на немъ долгами, то и выплатъ за него при новомъ его переходѣ придется вѣдь дѣлать совсѣмъ немного.

Кому же достанется такой обремененный выплатами и, быть можетъ, въ конецъ обезцѣненный недробимый участокъ? Проектъ предоставляетъ сонаслѣдникамъ втеченіе шести мѣсяцевъ, по полюбовному соглашенію между собою, опредѣлить изъ своей среды лицо, которое вступитъ въ наслѣдованіе земельнымъ имуществомъ. Но увѣренности, что такое полюбовное соглашеніе непремѣнно состоится—т. е. что одинъ изъ сонаслѣдниковъ охотно возьметъ недробимый участокъ, обремененный выплатами, а другіе столь же охотно откажутся отъ участія въ земельномъ владѣніи и отправятся бродить по свѣту,—у авторовъ законопроекта совсѣмъ нѣтъ. Напротивъ, они очень опасаются, что сонаслѣдники, особенно если между ними царитъ согласіе, предпочтутъ обойтись безъ формальнаго раздѣла и „либо фактически будутъ пользоваться землею совмѣстно, либо раздѣлятъ ее между собою, вопреки правиламъ". Чтобы такой обходъ закона не могъ состояться, нужно, во что бы то ни стало, наслѣдниковъ между собою перессорить.

На случай, если полюбовное соглашеніе, кому принять недробимый участокъ, между сонаслѣдниками втеченіе шести мѣсяцевъ не состоится, проектируемый законъ самъ предусматриваетъ для этого изъ ихъ среды „преимущественнаго наслѣдника". Таковымъ долженъ быть старшій по возрасту изъ наслѣдниковъ сначала мужского, а затѣмъ женскаго пола. Останавливая свой выборъ на старшемъ, авторы законопроекта, какъ можно думать, руководились между прочимъ тѣмъ соображеніемъ, что чаще всего это будетъ наиболѣе „сильный" изъ сонаслѣдниковъ, а, стало быть, и наиболѣе способный отстоять права, какія ему будутъ предоставлены.

Для чего нуженъ институтъ преимущественныхъ наслѣдниковъ—этого авторы законопроекта не скрываютъ. Чтобы законъ о недробимости не остался мертвой буквой, необходимы люди, „которые были бы заинтересованы въ томъ, чтобы не допустить раздѣла", а для этого нужно „создать для нѣкоторыхъ изъ наслѣдниковъ частный интересъ, который и явится могучимъ проводникомъ закона въ жизни" (25—26). „Осуществленіе мѣръ, направленныхъ къ предупрежденію чрезмѣрнаго дробленія мелкой земельной собственности и примѣненіе ихъ въ жизни—разсуждаютъ авторы объяснительной записки—зависитъ не столько отъ стройности и юридической обоснованности правилъ, сколько отъ тѣхъ, предоставляемыхъ получающимъ недробимые участки наслѣдникамъ преимуществъ, которыя побуждали бы ихъ пользоваться этими правилами". Изъ всего этого ясно, что при проведеніи закона о недробимости въ жизнь правительство, не разсчитывая на то, что этотъ законъ будетъ встрѣ-

чень населеніемъ сочувственно, разсчитываетъ идти тѣмъ же путемъ, какимъ оно шло, осуществляя задачи, поставленныя указу 9 ноября: частный и при томъ искусственно созданный и завѣдомо неправый интересъ отдѣльныхъ лицъ оно намѣрено противопоставить интересамъ и воззрѣніямъ большинства, чтобы опираясь на первыхъ, ему легче было сломить сопротивленіе деревенской массы.

Какія же преимущества авторы законопроекта намѣрены предоставить преимущественному наслѣднику?

Право получить землю въ то время, какъ всѣ другіе наслѣдники должны лишиться ея, само по себѣ является уже значительнымъ преимуществомъ и авторы законопроекта на него прежде всего и разсчитываютъ. „Было бы противно исконному стремленію земледѣльца къ землѣ, — пишутъ они — еслибы онъ сознательно отказался отъ ея полученія". Но это преимущество можетъ все-таки оказаться не больше, какъ „чечевичной похлебкой". Полученіе недробимаго участка, какъ мы видѣли, будетъ связано съ обязанностью произвести за него выплаты другимъ наслѣдникамъ и чаще всего съ необходимостью надѣть на себя долговой хомутъ, если не долговую петлю. Нѣтъ поэтому ничего невѣроятнаго, что одною землею преимущественный наслѣдникъ не соблазнится,—не соблазнится настолько, чтобы энергично взяться за проведеніе въ жизнь закона о недробимости и вступить изъ-за него въ конфликтъ съ общей и своей личной совѣстью.

Въ канцелярскомъ увлеченіи авторы законопроекта склонны относить къ преимуществамъ и выплаты, которыя долженъ произвести получающій недробимый участокъ. „Для преимущественныхъ наслѣдниковъ – пишутъ они — крайне выгодно извлекать изъ хозяйства наибольшій доходъ, дабы имѣть возможность въ кратчайшій срокъ получить средства для выкупа долей прочихъ сонаслѣдниковъ" (26),—какъ будто кому можетъ быть не выгодно извлекать изъ хозяйства наибольшій доходъ. Такой выгодой преимущественнаго наслѣдника на свою сторону не переманишь. Это не больше, конечно, какъ увлеченіе, свидѣтельствующее развѣ о томъ только, что въ дѣлѣ поднятія сельскаго хозяйства русское правительство разсчитываетъ не только на „овесъ" (въ видѣ льготъ и пособій), которымъ оно раскармливаетъ теперь сильныхъ крестьянъ на хуторахъ и отрубахъ, но и на „кнутъ" (въ видѣ обязательныхъ платежей), которымъ оно будетъ ихъ подстегивать.

Чтобы привести преимущественныхъ наслѣдниковъ въ активное состояніе, авторы законопроекта должны были, конечно, придумать для нихъ болѣе существенную „очевидную выгоду". И они придумали. По ихъ проекту, жилыя и хозяйственныя постройки, а также живой и мертвый инвентарь—т. е. главное богатство мелкаго хозяйства, если не все его достояніе—„предоставляются наслѣдникамъ, получающимъ земельные участи, безвозмездно". „Ни обзаведеніе,

ни постройки—съ наивнымъ видомъ поясняютъ прожектеры—безъ земли не имѣютъ самостоятельной цѣнности",—и, стало быть, другіе наслѣдники отъ этой льготы ничего не потеряютъ. А для преимущественнаго наслѣдника „цѣнность усадьбы и хозяйственнаго обзаведенія, конечно, будетъ велика, ибо онъ получитъ, такъ сказать, все хозяйство въ полномъ ходу" (45). Вотъ какъ хорошо придумали: никого не обидѣли, а кого нужно—наградили... Впрочемъ, чтобы эта награда не показалась чрезмѣрной и, главное, совершенно незаслуженной, авторы законопроекта — все съ тѣмъ же наивнымъ видомъ—поясняютъ: „намѣченная льгота имѣетъ значеніе не столько въ самомъ фактѣ безвозмезднаго полученія преимущественными наслѣдниками извѣстнаго имущества, сколько въ достигаемомъ этимъ путемъ пониженіи для нихъ общей суммы причитающихся съ нихъ выплатъ".

Какъ бы то ни было, эта льгота такова, что охотники за нее ухватиться найдутся. За такую взятку можно отступить отъ вѣковыхъ традицій, вступить въ борьбу съ братьями и сестрами, заглушить голосъ собственной совѣсти,—словомъ, взяться за проведеніе въ жизнь закона о недробимости. Однако авторовъ законопроекта все-таки беретъ сомнѣніе. Въ самомъ дѣлѣ: а вдругъ старшій изъ наслѣдниковъ окажется достаточно совѣстливымъ или слишкомъ робкимъ человѣкомъ и не рѣшится вмѣстѣ съ недробимымъ участкомъ взять себѣ грѣхъ на душу и бремя долговъ на шею, а то и просто спасуетъ предъ „непримиримой непріязнью", какую онъ можетъ возбудить къ себѣ среди членовъ семьи въ качествѣ преимущественнаго наслѣдника. Въ законопроектѣ предусмотрѣнъ поэтому случай отказа старшаго изъ наслѣдниковъ отъ предоставляемыхъ ему преимуществъ; его права переходятъ къ слѣдующимъ наслѣдникамъ въ порядкѣ постепенности,—пока не дойдутъ до такого, который, не смотря ни на что, согласится взять недробимый участокъ.

Не исключена однако возможность, что такого смѣлаго и завистливаго человѣка среди наслѣдниковъ такъ и не найдется: никто изъ нихъ не пожелаетъ быть преимущественнымъ наслѣдникомъ. Это очень безпокоитъ авторовъ законопроекта, такъ какъ наслѣдники могутъ въ этомъ случаѣ обойти законъ и, пожалуй, станутъ пользоваться недробимымъ участкомъ совмѣстно или же раздѣлятъ его между собою вопреки правиламъ. Остается однако надежда, что „въ средѣ наслѣдниковъ могутъ быть недовольные такимъ порядкомъ пользованія наслѣдственнымъ участкомъ". За это и можно ухватиться: „этимъ недовольнымъ необходимо дать возможность выйти изъ общаго владѣнія". „Такая постановка—читаемъ мы въ объяснительной запискѣ—будетъ не только справедливою, но въ то же время она явится и весьма дѣйствительнымъ средствомъ противъ обхода правилъ о недѣлимости, такъ какъ общее владѣніе можетъ быть нарушено во всякое время несогласіемъ хотя бы одного изъ

участниковъ" (53). Съ этою цѣлью въ законопроектѣ и „предоставлено каждому изъ наслѣдниковъ во всякое время требовать продажи наслѣдственнаго участка съ публичныхъ торговъ". А чтобы торги непремѣнно состоялись и земля, за ихъ безуспѣшностью, не осталась въ общемъ совладѣніи наслѣдниковъ, аукціонъ проектируется начинать „съ цѣны, предложенной тѣмъ изъ наслѣдниковъ, по требованію котораго торги назначены"; при такомъ порядкѣ „въ случаѣ безуспѣшности торговъ участокъ остается за эту цѣну за предложившимъ ее наслѣдникомъ". „Возможно, конечно,—говорится въ объяснительной запискѣ,—что при такомъ порядкѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ всѣ остальные наслѣдники оказались бы обездоленными, ибо получили бы вмѣсто своихъ наслѣдственныхъ долей чрезвычайно ничтожную выплату"... Но что за бѣда! — законъ о недробимости будетъ все-таки выполненъ.

Ну, а если недовольныхъ общимъ владѣніемъ среди наслѣдниковъ не окажется? Что если „наслѣдники согласятся и останутся вести хозяйство совмѣстно"? Въ главномъ управленіи землеустройства обсуждался и этотъ случай, была даже мысль о „принудительномъ прекращеніи такого совмѣстнаго проживанія". Но, подумавши, и тамъ пришли къ выводу, что „предусматривать особые способы къ прекращенію такого положенія, которое можетъ длиться лишь пока согласіе наслѣдниковъ не нарушится—очевидно, невозможно" (57). Да и не стоитъ: такіе случаи, если будутъ встрѣчаться, то такъ рѣдко, и будутъ продолжаться такъ недолго, что на нихъ смѣло можно махнуть рукой.

V.

Таковъ—въ основныхъ его чертахъ—выработанный главнымъ управленіемъ землеустройства законопроектъ о недробимости мелкой земельной собственности [1]). Попытаемся теперь представить

---

[1]) На менѣе важныхъ частяхъ законопроекта и, въ частности, на технической его сторонѣ я останавливаться не буду, хотя и тутъ можно было бы отмѣтить не мало любопытнаго и характернаго. Укажу, напр., ту роль, какая отведена въ законопроектѣ „землеустроительнымъ учрежденіямъ". Послѣднія будутъ выполнять по отношенію къ хуторскимъ и отрубнымъ владѣніямъ самыя разнообразныя функціи, въ томъ числѣ нотаріальныя и судебныя, не говоря уже объ агрономическихъ, оцѣночныхъ, землемѣрныхъ и т. д. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда дробленіе участка будетъ допускаться закономъ, раздѣлъ его будетъ производиться при обязательномъ содѣйствіи землеустроительныхъ коммиссій. „Въ виду того, что въ большинствѣ случаевъ эти владѣнія будутъ подлежать раздѣлу не болѣе одного раза (послѣ чего участки окажутся, согласно правиламъ, вовсе не раздробляемыми), весьма важно,—говорится въ объяснительной запискѣ—чтобы недробимые участки создавались въ формахъ, отвѣчающихъ требованіямъ землеустройства. Иначе всѣ труды по улучшенію условій землепользованія будутъ уничтожены въ порядкѣ раздѣла". Вообще въ наслѣдственныхъ раздѣлахъ и въ жизни хуторскихъ и отрубныхъ владѣній землеустроительныя учрежденія будутъ иг-

себѣ, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, картину, какая получится въ случаѣ осуществленія его въ жизни.

„Образованныя при участіи правительственной власти" хуторскія и отрубныя владѣнія сохранятъ навсегда (такъ, по крайней мѣрѣ, предполагается) свой нынѣшній размѣръ и свои теперешнія границы. Исключенія составятъ лишь наиболѣе мелкія владѣнія, которыя будутъ оставлены на произволъ судьбы, и наиболѣе крупныя, которыя будетъ позволено раздѣлить, но не болѣе, вѣроятно, какъ одинъ разъ, послѣ чего они тоже будутъ признаны „вовсе нераздробляемыми". Земледѣльческое населеніе въ недробимыхъ владѣніяхъ должно будетъ навсегда сохранить свою теперешнюю численность. Весь приростъ его будетъ изгоняться съ недробимыхъ участковъ и, вѣроятно, навсегда отрываться отъ земли.

Этому удаленію изъ-подъ родного крова въ громадномъ большинствѣ случаевъ будутъ предшествовать, конечно, семейныя ссоры, и изгоняемые будутъ уходить, чувствуя себя обиженными и до извѣстной степени, если не вполнѣ, ограбленными, унося въ сердцѣ своемъ зависть и злобу къ „преимущественнымъ наслѣдникамъ". Даже нравственной связи между ними и остающимися на участкахъ не сохранится, даже кровныя узы потеряютъ свою силу. И вернуться „на родину", еслибы въ этомъ встрѣтилась даже крайняя надобность, для изгнанныхъ чаще всего будетъ совершенно немыслимо.

Куда же дѣнется это принудительно отчужденное отъ земли и насильственно удаленное изъ-подъ родного крова населеніе? Главное управленіе землеустройства полагаетъ, что „далеко не во всѣхъ случаяхъ эти лица окажутся въ дѣйствительности обезземеленными". Они могутъ вѣдь купить землю у крестьянскаго банка или частныхъ владѣльцевъ; они могутъ переселиться на казенныя земли въ Сибирь. Будутъ у нихъ и средства, чтобы обзавестись хозяйствомъ на новыхъ мѣстахъ,—вѣдь они получатъ свои наслѣдственныя доли деньгами... Но никакой планомѣрной организаціи, которая подготовляла бы и облегчала возможность для обезземеливаемаго населенія немедленно обзавестись земледѣльческимъ хозяйствомъ на новомъ мѣстѣ, главное управленіе землеустройства не предусматриваетъ; и очевидно, что пока само населеніе не создастъ такой организаціи, все будетъ предоставлено случаю. А при такихъ условіяхъ сразу же устроиться на землѣ удастся, конечно, немногимъ,—тѣмъ болѣе, что денежныя средства для обзаведенія хозяйствомъ у изгоняемыхъ съ недроби-

рать такую роль, какую въ самую глухую пору реакціи не играли въ крестьянской жизни земскіе начальники. За то объ органахъ мѣстнаго самоуправленія, не только земскихъ, но и крестьянскихъ, въ законопроектѣ даже не упоминается, какъ будто ихъ и нѣтъ на свѣтѣ.

мыхъ участковъ, если и будутъ, то совершенно ничтожныя. Желая предоставить преимущественнымъ наслѣдникамъ возможно большія „очевидныя выгоды", законъ о недробимости въ громадномъ большинствѣ случаевъ сведетъ почти на нѣтъ доли прочихъ наслѣдниковъ. Нельзя забывать при этомъ, что причитающіяся имъ средства они получатъ не сразу: законъ о недробимости, не желая чрезмѣрно затруднить преимущественныхъ наслѣдниковъ, предоставляетъ послѣднимъ произвести падающія на недробимый участокъ выплаты втеченіе трехъ лѣтъ. При такихъ условіяхъ очень немногіе изъ обезземеливаемыхъ—повторяю—смогутъ сразу же обзавестись новымъ земледѣльческимъ хозяйствомъ.

Громадное же большинство ихъ вынуждено будетъ „рѣшительно перейти къ другимъ промысламъ"... Главное управленіе землеустройства, съ своей стороны, находитъ это совершенно нормальнымъ и не предвидитъ на этомъ пути никакихъ затрудненій. „Если установленіе ограниченій дробленія мелкихъ владѣній, проведенное въ разумныхъ предѣлахъ,—говорится въ объяснительной запискѣ,—нѣсколько ускоритъ естественный процессъ разслоенія сельскаго населенія и наростанія числа безземельныхъ, то съ точки зрѣнія общей экономіи страны такое послѣдствіе обсуждаемой мѣры не можетъ быть признано невыгоднымъ". Быстрое увеличеніе безземельнаго населенія, по мнѣнію авторовъ записки, могло бы вызывать опасеніе, еслибы „это населеніе оказывалось въ положеніи пролетаріата, т. е. совершенно необезпеченнымъ и не располагающимъ никакими средствами и возможностью для устройства своей жизни на новыхъ для него основаніяхъ". Но „разъ эти средства у такого населенія окажутся, то тѣмъ самымъ оно получитъ извѣстную устойчивость и возможность использовать ихъ для улучшенія своего быта" (12). Мнѣ нечего повторять, что эти средства въ большинствѣ случаевъ будутъ очень небольшія, нерѣдко совершенно ничтожныя. Стало быть, они легко могутъ растаять, прежде чѣмъ обезземеленное населеніе приспособится къ новымъ условіямъ. И не на нихъ, конечно, нужно разсчитывать, а на возможность для этого населенія быстро найти себѣ новый промыселъ и тѣмъ обезпечить себѣ заработокъ. Къ сожалѣнію, эту возможность никакъ нельзя считать хотя сколько-нибудь обезпеченной,—тѣмъ болѣе, что отходъ отъ земли, обусловленный закономъ о недробимости, будетъ протекать внѣ всякой связи съ экономическою жизнью и всецѣло будетъ опредѣляться формальнымъ, юридическимъ моментомъ. Не потому населеніе будетъ уходить отъ земли, что открылись новые промыслы или въ прежнихъ усилился спросъ на рабочія руки, а потому только, что умеръ наслѣдодатель и его мѣсто занялъ преимущественный наслѣдникъ.

Главное управленіе землеустройства усматриваетъ особую выгоду закона о недробимости въ томъ, что онъ „введетъ процессъ

отхода отъ земли въ опредѣленное русло и, пріурочивъ его къ смѣнамъ поколѣній, сдѣлаетъ постепеннымъ". Едва-ли однако въ этомъ можно видѣть какое-либо преимущество „естественнаго процесса наростанія безземельныхъ" въ его новой формѣ. Съ канцелярской точки зрѣнія равномѣрный отходъ отъ земли можетъ, конечно, показаться идеальнымъ. Но промышленная жизнь, къ сожалѣнію, до сихъ поръ не пріобрѣла равномѣрнаго поступательнаго хода: она то быстро усиливаетъ и доводитъ до максимума свой спросъ на рабочія руки, то столь же быстро уменьшаетъ его и доводитъ до минимума. Отходъ отъ земли, обусловленный не этими приливами и отливами экономической жизни, а „смѣною поколѣній" неизбѣжно во многихъ случаяхъ будетъ приводить къ безработицѣ.

Главное же, чего нельзя забывать, это то, что законъ о недробимости ускоритъ процессъ обезземеленія, нисколько не усиливъ темпъ промышленной жизни. Предложеніе рабочихъ рукъ онъ увеличитъ, а на спросъ—повліять не можетъ. Правда, авторы законопроекта разсчитываютъ, что онъ „несомнѣнно явится залогомъ поднятія благосостоянія земледѣльческаго населенія, а это, въ свою очередь, дастъ могучій толчокъ къ развитію всѣхъ видовъ промышленной дѣятельности въ странѣ и, слѣдовательно, увеличитъ спросъ на рабочія руки". Но благосостояніе земледѣльческаго населенія еще вилами на водѣ писано,—и неизвѣстно, когда-то оно будетъ. Пока же предложеніе рабочихъ рукъ на промысловомъ рынкѣ превышаетъ ихъ спросъ, и это неблагопріятное для труда соотношеніе законъ о недробимости въ данной его формѣ,—проводимый при томъ внѣ связи съ экономическими мѣрами, которыя могли бы ослабить отрицательныя его стороны,—только ухудшитъ. Тѣмъ болѣе, стало быть, нельзя считать возможность перехода къ инымъ промысламъ для тѣхъ, кого онъ обезземелитъ, обезпеченною.

Многимъ и многимъ изъ нихъ придется не мало поскитаться по свѣту, прежде чѣмъ они найдутъ себѣ прочный заработокъ на промысловомъ рынкѣ. Положеніе ихъ будетъ тѣмъ хуже, что отходъ отъ земли они не могутъ отсрочить, равно какъ и возвратиться на родину, въ случаѣ затрудненій въ промышленной сферѣ, для нихъ въ большинствѣ случаевъ будетъ невозможно. Конечно, всѣ понемногу гдѣ-нибудь да найдутъ себѣ мѣсто,—одни въ рядахъ мелкой буржуазіи, другіе въ рядахъ городского пролетаріата, третьи на самомъ днѣ городской жизни. Какъ бы то ни было, въ массѣ своей они немало должны будутъ претерпѣть горя и лишеній и немало они пошлютъ проклятій по адресу закона о недробимости, прежде чѣмъ окончательно примирятся со своей участью.

Между тѣмъ на недробимыхъ участкахъ, въ просторѣ и холѣ, будутъ проживать ихъ родичи, имѣвшіе счастье оказаться преимущественными наслѣдниками. Облагодѣтельствованные всякими льготами и поддерживаемые разными пособіями, они—дастъ Богъ

-превратятся въ сильныхъ и крѣпкихъ крестьянъ, коорые такъ нужны правительству, чтобы поднять сельскохозяйственную производительность Россіи. Число хуторскихъ и отрубныхъ владѣній будетъ постепенно увеличиваться при помощи выдѣловъ изъ земель общаго и общиннаго владѣній, а вмѣстѣ съ тѣмъ и количество сильныхъ крестьянъ, хотя не очень быстро, будетъ рости. Но темпъ этого наростанія, вѣроятно, будетъ становиться все медленнѣе и надолго еще, если не на „всегда", значительная часть Россіи останется въ черезполосномъ владѣніи.

Здѣсь будетъ безпомощно толочься „настоящій деревенскій пролетаріатъ", пока онъ самъ какъ-нибудь не съорганизуется. Земля здѣсь по прежнему будетъ продолжать распыляться и земледѣльческое населеніе, вѣроятно, по прежнему здѣсь будетъ рости. Конечно, и отсюда нужда многихъ будетъ гнать на сторону, но нужда не такъ все-таки будетъ категорична въ своихъ требованіяхъ, какъ суровый законъ, изобрѣтенный землеустроителями. Во всякомъ случаѣ, пролетаріата въ деревнѣ останется достаточно, чтобы не только поливать потомъ сохранившіеся у него клочки земли, но и въ изобиліи снабжать рабочими руками хозяйства сильныхъ крестьянъ и помѣщиковъ.

Такова, вѣроятно, будетъ общая картина. Въ ней будетъ только одно свѣтлое пятно: это—сытое и сильное крестьянство на недробимыхъ участкахъ. Присмотримся однако къ этому пятну внимательнѣе.

Его окружитъ кольцо зависти и ненависти. Сильнымъ крестьянамъ позволили разграбить общину—такова была первая „льгота", какую имъ предоставили. Законъ о недробимости предоставитъ имъ другую такую же „льготу"—ограбить своихъ кровныхъ родственниковъ. Достаточно этого, чтобы атмосфера вокругъ нихъ надолго, если не навсегда, сдѣлалась удушливой. Можетъ быть, это входитъ даже въ разсчеты правительства, желающаго возможно рѣзче отдѣлить новый классъ отъ среды, изъ которой онъ выходитъ. Но жизнь на хуторахъ и отрубахъ едва-ли отъ этого станетъ пріятнѣй.

Между тѣмъ эта удушливая атмосфера не только окружитъ сильныхъ крестьянъ, но и проникнетъ внутрь круга, очерченнаго „землеустройствомъ". Чувства злобы и зависти законъ о недробимости будетъ культивировать въ ихъ собственной средѣ, въ ихъ семьяхъ: младшія дѣти съ малыхъ лѣтъ будутъ завидовать старшимъ, которымъ должно будетъ достаться почти все семейное достояніе, и съ первыхъ же шаговъ своей трудовой жизни начнутъ тянуть въ разныя стороны. Само собой понятно, что это не только жизни новаго класса не скраситъ, но и силы его все время будетъ подтачивать.

Свѣтлое пятно, какъ видятъ читатели, въ дѣйствительности будетъ довольно туманнымъ. Но оно продолжаетъ привлекать глазъ

сытостью и довольствомъ, которыя будутъ царить на недробимыхъ участкахъ и которыхъ не знала привыкшая дѣлить землю деревня. Можно ли однако быть увѣреннымъ въ этомъ довольствѣ? Многіе вѣдь начали хуторскую жизнь тѣмъ, что надѣли себѣ долговой хомутъ на шею. Законъ о недробимости сдѣлаетъ этотъ хомутъ неизбѣжнымъ почти для всѣхъ хуторянъ второго поколѣнія, которое уже начало вступать на арену жизни. Для многихъ и многихъ этотъ хомутъ можетъ оказаться петлей и они вынуждены будутъ напрягать всѣ силы, чтобы она совсѣмъ не захлестнулась.

Возможно, конечно, что стоимость земли, какъ разсчитываетъ правительство, все будетъ рости и владѣльцы недробимыхъ участковъ въ случаѣ надобности будутъ имѣть возможность получать дополнительныя суды. Но въ результатѣ этого долговой хомутъ будетъ давить ихъ все сильнѣе и сильнѣе. Жить такъ, какъ жилъ и живетъ помѣщичій классъ, т. е. перезакладывая свои земли, владѣльцы недробимыхъ участковъ, конечно, будутъ не въ состояніи, — для этого ихъ владѣнія слишкомъ незначительны. Платежи по долговымъ обязательствамъ имъ придется покрывать изъ своего трудового дохода и эти платежи очень скоро могутъ оказаться для нихъ непосильными. Вѣдь „производительнымъ для земли и хозяина можетъ быть лишь кредитъ, не превышающій 60%“, а тутъ онъ будетъ достигать иногда 100% и, конечно, „поведетъ къ неустойчивости хозяйства и въ результатѣ къ обезземеленію хозяевъ“...

Во всякомъ случаѣ, влѣзши въ долговой хомутъ, хуторяне и отрубники все время должны будутъ работать не только на себя, но и на банкъ, т. е. на держателей его закладныхъ листовъ, на классъ денежныхъ капиталистовъ. А при такихъ условіяхъ даже послѣдняя надежда на довольство можетъ исчезнуть: улучшать хозяйство, быть можетъ, будетъ не на что. Да и вообще разсчеты на этотъ счетъ представляются вѣдь очень проблематичными: общая экономическая политика слишкомъ неблагопріятна для сельскаго хозяйства вообще и для трудового въ особенности,—и нѣтъ никакихъ основаній разсчитывать, что она радикально измѣнится. Прибавьте къ этому произволъ, который гнететъ страну и который для владѣльцевъ недробимыхъ участковъ будетъ не менѣе ощутителенъ, чѣмъ для всего остального населенія, если не больше. Усиленное попеченіе о нихъ правительственной власти мало обѣщаетъ имъ въ этомъ отношеніи хорошаго.

Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго, что свѣтлое пятно, которое привлекло нашъ глазъ, очень быстро начнетъ тускнѣть и сольется съ общимъ фономъ русской земледѣльческой жизни, который, какъ мы видѣли, представляется довольно мрачнымъ. Сыграетъ въ этомъ свою роль и законъ о недробимости, который, подобно неудачному закону Петра I, почти навѣрное, „не достиг-

нувъ предположенныхъ цѣлей, только внесетъ въ земледѣльческую среду путаницу отношеній и хозяйственное разстройство".

VI.

Дѣятельность русскаго правительства въ аграрной сферѣ я назвалъ какъ-то „революціей наоборотъ". Это—не контръ-революція, не реакція, не реставрація... Идти назадъ въ этой сферѣ не мыслимо, и реакціонеры могутъ лишь съ сожалѣніемъ вздыхать о крѣпостномъ правѣ; но и идти дальше по тому пути, который былъ избранъ въ 1861 г., невозможно: топтаніе на этомъ пути сдѣлалось уже для народа невыносимымъ. Правительство изо всѣхъ силъ спѣшитъ теперь проложить для сельско-хозяйственной жизни новое русло, а для этого нужно коренным образомъ измѣнить аграрныя отношенія, произвести въ нихъ революцію, не меньшую той, какая намѣчалась въ 1905 году.

Правительственная революція отличается отъ народной лишь направленіемъ: вмѣсто обращенія всей земли въ общенародное достояніе, чего требовала жизнь, правительство вознамѣрилось, во что бы то ни стало, распространить на всю землю начала личной собственности, надѣясь, что такимъ путемъ удастся сохранить значительную часть земли въ рукахъ помѣщиковъ.

Но, осуществляя свой планъ, правительство волей-неволей вынуждено все время считаться съ потребностями, которыя сдѣлались уже неотложными. Такъ, оно оказалось вынужденнымъ передвинуть часть земли въ сторону крестьянства,—и при томъ земли не только казенной и удѣльной, но и помѣщичьей. Волей-неволей оно должно было взяться за созданіе крѣпкаго и сильнаго крестьянства, безъ чего никакой прогрессъ въ сельско-хозяйственной сферѣ не возможенъ. Вынуждено оно было, далѣе, взяться за „землеустройство",—за упорядоченіе крестьянскаго землепользованія, въ чемъ нужда давно уже назрѣла. Даже нормы, которыя народной революціей были намѣчены для этого землепользованія, оно усвоило. Въ самомъ дѣлѣ: что такое высшій предѣлъ сосредоточенія надѣльной земли въ однихъ рукахъ, который оно установило въ 1910 году, и низшій предѣлъ дробимости мелкаго землевладѣнія, который оно намѣрено установить теперь, — какъ не „трудовая" и „потребительная" нормы, которыя были выдвинуты въ 1905 году революціонными партіями и надъ которыми правящіе круги склонны были тогда издѣваться. А теперь они сами считаютъ нужнымъ руководиться этими нормами, — устанавливаютъ, хотя и на глазъ, предѣлы, въ которыхъ земля, съ одной стороны, можетъ „занять всю рабочую силу семьи", а съ другой — можетъ „прокормить ее втеченіе года".

Но удовлетворить полностью назрѣвшія потребности правительство, преслѣдующее свои цѣли, завѣдомо не хочетъ, да при

тѣхъ началахъ, которыми оно руководится, и не можетъ. Хотя оно и передвинуло землю къ крестьянству, но въ количествѣ, явно недостаточномъ, чтобы устранить и даже замѣтно только смягчить его малоземелье. Вмѣсто заботы о томъ, чтобы все крестьянство сдѣлать сильнымъ и крѣпкимъ, оно вознамѣрилось выдѣлить изъ него особый классъ, который обладалъ бы этими свойствами, въ надеждѣ, что онъ выдержитъ на своихъ плечахъ всю тяжесть сельско-хозяйственнаго производства. И предѣлы землепользованія оно желаетъ установить не для всей земли и не для всѣхъ владѣльцевъ, а только для этого класса.

Удовлетворяя назрѣвшія потребности не полностью, правительство удовлетворяетъ ихъ кромѣ того въ совершенно уродливой формѣ. Да иначе оно и не можетъ дѣлать при тѣхъ цѣляхъ, которыя преслѣдуетъ, и на тѣхъ основаніяхъ, которыя имъ положены въ основу своей дѣятельности. Хотя оно и передвинуло часть земли къ трудящимся, но не безвозмездно и не по „справедливой оцѣнкѣ“, а по завѣдомо преувеличеннымъ, если не преднамѣренно вздутымъ, цѣнамъ. Вмѣсто облегченія на крестьянскія плечи имъ взвалена такимъ образомъ новая тяжесть—обуза долгосрочныхъ, если не безсрочныхъ, платежей денежному капиталу. Сильное и крѣпкое крестьянство оно создаетъ не путемъ освобожденія его отъ эксплуатаціи правящими классами и государствомъ, а при помощи обездоленія всей остальной деревенской массы. Мелкое землепользованіе оно вынуждено упорядочивать на казенный счетъ и чиновничьими руками, такъ какъ не рѣшается предоставить это дѣло самому населенію, опасаясь, что оно привнесетъ въ него совершенно иныя начала.

Но, вынужденное уступать требованіямъ жизни, правительство не можетъ осуществить и свои цѣли, хотя преслѣдуетъ ихъ съ азартомъ и не останавливается, кажется, ни передъ чѣмъ, лишь бы ихъ достигнуть. Оно задалось мыслью перестроить аграрныя отношенія на началахъ личной собственности на землю, но мы уже видѣли, что получается въ дѣйствительности. Все большую и большую часть земель приходится относить къ категоріи тѣхъ, владѣльцы которыхъ ограничены въ распоряженіи ею. И едва-ли не больше всѣхъ будутъ ограничены въ этомъ правѣ какъ разъ тѣ владѣльцы, которые вышли на хутора и отруба, прельстившись обѣщанной имъ свободой въ распоряженіи ихъ землей. Даже для нихъ правительство не рѣшилось отмѣнить сословную „неотчуждаемость“, а теперь спеціально для нихъ намѣрено еще установить классовую „недробимость“. Прибавьте къ этому опеку, въ какой ихъ владѣнія будутъ находиться у землеустроительныхъ учрежденій,—и для васъ ясно станетъ, что это за „собственность“.

Между тѣмъ, кромѣ юридическихъ ограниченій, которыя все больше и больше опутываютъ право распоряженія землей, еще быстрѣе личная поземельная собственность ограничивается съ эконо-

мической стороны. На помѣщичьихъ земляхъ уже лежитъ громадный долгъ, и эти земли въ дѣйствительности принадлежатъ не столько ихъ „собственнымъ“, сколько ипотечнымъ учрежденіямъ. Еслибы теперешнія, непомѣрно высокія цѣны на землю—обусловленныя не столько ея доходностью, сколько крестьянскимъ малоземельемъ и земельной спекуляціей—упали, то для помѣщиковъ отъ ихъ собственности, пожалуй, ничего бы не очистилось. Не избѣгнетъ той же участи, какъ мы видѣли, и образуемое нынѣ при участіи правительственной власти мелкое землевладѣніе. Фактическимъ собственникомъ этой земли отчасти уже является, а въ остальной части, вѣроятно, довольно скоро явится крестьянскій банкъ. Возможно и даже вѣроятно, что владѣльцы недробимыхъ владѣній еще долго будутъ судорожно хвататься за „личную собственность“, въ надеждѣ обосновать на ней своей благополучіе: но и они, конечно, когда-нибудь убѣдятся, что это только призракъ, что подлинная собственность давно уже ускользнула у нихъ изъ-подъ ногъ, что право распоряженія этой собственностью и право получать доходы съ нея принадлежатъ государству и стоящимъ за нимъ правящимъ классамъ. Но этимъ окольнымъ путемъ тѣ же права могутъ перейти и къ народу: вѣдь наступитъ же рано или поздно время, когда государство сдѣлается представителемъ всего населенія и будетъ служить общенароднымъ интересамъ.

Какъ бы то ни было, фактъ остается фактомъ: правительство, не успѣвъ распространить и укрѣпить личную собственность, уже ограничиваетъ ее и расшатываетъ. Желая идти въ одну сторону, силою вещей оно вынуждено идти въ противоположную. И придетъ, повидимому, совсѣмъ не туда, куда разсчитывало.

„Начало собственности — увѣряло оно—оплодотворяетъ трудъ земледѣльца и только въ сочетаніи съ этимъ началомъ трудъ земледѣльца получаетъ ту чудодѣйственную силу, которая способна превратить сыпучіе пески въ золото и голую скалу въ цвѣтущій садъ“ [1]).

Вмѣсто цвѣтущаго сада, какъ по всему видно, правительство заведетъ земледѣльца еще дальше въ трясину. Вытащить тяжелый возъ земледѣльческаго производства изъ этой трясины будетъ не легко. Но нѣтъ ничего невѣроятнаго, что, вопреки желаніямъ управителей, онъ окажется все-таки не такъ ужь далеко отъ того берега, на который его нужно будетъ вытащить.

А. Пѣшехоновъ.

---

[1]) Изъ рѣчи главноуправляющаго землеустройствомъ въ засѣданіи II Государственной Думы 19 марта 1907 г.

Письмо Петра Филипповича Якубовича.

Передо мной письмо Петра Филипповича, адресованное незнакомой ему молодой дѣвушкѣ, обратившейся къ нему въ мрачную пору своего существованія, когда ей казалось, что самый вопросъ о необходимости жить рѣшается для нея отрицательно.

Мнѣ кажется, что письмо это имѣетъ общій интересъ, и съ разрѣшенія лица, которому оно было адресовано, я печатаю его въ „Русскомъ Богатствѣ".

А. Прибылева.

Милостивая государыня!

Простите, что не отвѣтилъ немедленно: мнѣ только-что передали ваше письмо. И еще простите, что отвѣчу очень коротко, за неимѣніемъ свободнаго времени. Мнѣ кажется, мы имѣемъ право уничтожить только то, что создано *нашими* руками; жизнь же человѣческая, въ томъ числѣ и наша собственная,—эта величайшая въ мірѣ тайна—ни въ какомъ смыслѣ не можетъ быть признана нашимъ созданіемъ. Невѣдомой силой и властью вызваны мы на свѣтъ, не намъ и опредѣлять срокъ своему существованію.

Тѣмъ болѣе слѣдуетъ это сказать о существованіи, которое насчитываетъ себѣ всего лишь 17 лѣтъ. Какъ можете вы знать, что ни къ чему не способны, что никакой цѣли у васъ уже нѣтъ впереди? Какъ бы ни было вамъ тяжело въ настоящую минуту (пусть даже минута эта тянется нѣсколько мѣсяцевъ, годъ, два, три), — вѣдь все же это лишь часть, ничтожная часть всей жизни, не больше, какъ *полоса*, которая можетъ и должна пройти и замѣниться другой полосой, навѣрное—лучшей.

Тяжесть вашего настроенія можетъ имѣть два источника: какое-нибудь житейское несчастіе, утрату, вообще страданіе, или же—безцѣльность, безсодержательность жизни. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ можно и должно бороться съ уныніемъ. Противъ несчастій нужно вооружиться терпѣніемъ и гордостью, противъ пустоты жизни—работой и ученьемъ. Вы такъ еще молоды: учитесь, читайте, думайте, наблюдайте (жизнь теперь такъ интересна, такъ богата содержаніемъ!)—и, я увѣренъ, цѣль и смыслъ жизни откроются вамъ. Отъ души желаю вамъ бодрости, терпѣнія и надежды.

Искренно уважающій васъ
Мельшинъ.

11 апрѣля 1905 года.

P. S. Напомню вамъ, что большинство *лучшихъ людей* всего міра переживало и переживаетъ подобное же настроеніе. Я, по необходимости, ограничиваюсь въ своемъ отвѣтѣ общими фразами, такъ какъ совершенно не знаю реальныхъ условій, въ которыхъ вы живете.

НОВЫЯ КНИГИ.

А. Черемновъ. Стихотворенія. Т. I. Кн-во писателей. М. Ц. 1 р.

Г-нъ Черемновъ — поэтъ сборниковъ „Знанія“, и между его поэзіей и этими сборниками есть несомнѣнное сходство: та же неопредѣленность литературной позиціи, съ уклономъ то къ „традиціямъ“ и реализму, то къ „модерну“ и символизму, та же неровность уровня достиженій: есть хорошее, но немало изъ рукъ вонъ плохого... Главный недостатокъ содержанія поэзіи г. Черемнова— отсутствіе стихійности: онъ *подбираетъ* мотивы, выдумываетъ, „сочиняетъ“ и рѣдко встрѣчаются у него стихи, вылившіеся изъ души, большинство—разсудочно и сѣро. Это особенно бросается въ глаза въ тѣхъ случаяхъ (а они часты), когда г. Черемновъ „придумываетъ“ грандіозную тему и съ явнымъ напряженіемъ ее обрабатываетъ: несоотвѣтствіе между замысломъ и выполненіемъ оказывается слишкомъ велико. Когда онъ пишетъ:

Мы, отъ плача истомленные,
Предаемъ землѣ Твоей
Трупы, кровью обагренные,
Жаломъ смерти уязвленные,
Падшихъ братій и друзей,

то это не захватываетъ, *не смотря* на сюжетъ, ибо средніе, почти ученическіе стихи здѣсь только портятъ. Духовные стихи, которымъ въ этомъ случаѣ, повидимому, авторъ подражаетъ — много проще и въ то же время интимнѣе, трогательнѣе... Столь же мало удачны опыты въ античномъ родѣ; такіе стихи, какъ:

Пусть вѣнчанные Палладой
Примутъ нашу жизнь и кровь!
Пусть достойнѣйшимъ наградой
Будетъ дѣвичья любовь,—

просто плохая проза, а никакъ не античная поэзія („*Пѣснь Аѳинскихъ дѣвушекъ*“).

Къ неудачнымъ опытамъ г. Черемнова приходится равнымъ образомъ отнести почти всѣ его изображенія природы. Онъ видитъ въ природѣ то, что уже видѣли до него, и выражаетъ свои чувства и впечатлѣнія въ стихахъ, уже побывавшихъ въ употребленіи...

Вся трепещетъ свѣтомъ голубая даль,
Вѣетъ надъ душою тихая печаль,
И о чемъ-то грустно и чего-то жаль. („*Горный лѣсъ*").
. . . .
Бѣлоснѣжныя чаши магнолій
Заалѣли въ сіяньи заката,
Теплый сумракъ воздушныхъ раздолій
Напояя волной аромата. (*Вечеръ въ Мисхорѣ*).

Безнадежная банальность такихъ стиховъ слишкомъ очевидна. Если же попадутся болѣе свѣжіе и яркіе мотивы, то... чувствуется ихъ „незаконное" происхожденіе...

Тихо въ чащѣ. Ласковая осень
Золотитъ березъ поблекшій листъ.
Даль прозрачна. Воздухъ свѣжъ и чистъ,
Но блѣдна задумчивая просинь.
От болота соннаго кругомъ
Вѣетъ хвоей, сыростью и гнилью.
Дождевикъ, задѣтый сапогомъ,
Обдаетъ сухой, зеленой пылью. („*Бабье лѣто*").

Мило и тонко, но вѣдь это не Черемновъ, а Бунинъ; прямое подражаніе или безсознательное усвоеніе — безразлично, но выборъ красокъ, построеніе стиха (съ этой характерной у Бунина точкой въ серединѣ строки), подборъ признаковъ—все это типично-бунинское...

Гораздо сильнѣе и интереснѣе г. Черемновъ въ мотивахъ некрупнаго масштаба или субъективной окраски. Среди такихъ попадаются стихи весьма недурные, порой положительно хорошіе, какъ „*Жемчуга*", „*Ракета*". Здѣсь даже избитость мотива искупается часто искренностью выраженія („*Одиночество*"). Иные стихи такъ выдержанны и ритмичны, что запоминаются почти невольно.

Въ хранилищѣ стариннаго собора
Сырая тьма печальна и строга.
Въ нѣмыхъ ларцахъ укрытые отъ взора,
Тускнѣя, умираютъ жемчуга.

Удался г. Черемнову почти весь циклъ стихотвореній, гдѣ воплощены отвлеченныя понятія (Обманъ", „Терпѣніе", „Ревность", „Экстазъ", слабо лишь стихотвореніе „Страсть"). Здѣсь стихъ г. Черемнова пріобрѣтаетъ порой звучность и выразительность, которыя, повидимому, вообще мало ему даются. Женщина бросаетъ возгласъ бѣгущимъ съ баррикады: „Оробѣли, трусливые гады"!?

И никто не узналъ дорогого лица...
Но, сплотившись подъ звуки напѣва,
Мы отхлынули прочь,—умирать до конца...
Грознымъ крикомъ великаго гнѣва
Въ пасть орудій ты бросила наши сердца,
О, Валькирія, страшная Дѣва! („*Экстазъ*").

Послѣдніе три стиха ярки, энергичны и прекрасно замыкаютъ все стихотвореніе.

Словарь эпитетовъ и метафоръ у г. Черемнова довольно скуденъ; такіе образы, какъ „плыветъ *незримыми кругами* степного жаворонка трель"—являются счастливыми исключеніями. Попадаются и эпитеты „по недоразумѣнію", вродѣ: „едва мерцалъ *зловѣщій* свѣтъ Венеры". Надъ обогащеніемъ своего языка автору придется еще много поработать. Но главное—ему необходимо „опредѣлить" себя, укрѣпиться на мотивахъ, наиболѣе свойственныхъ его настроенію, и не пускаться въ плаваніе по чужимъ морямъ...

З. Гиппіусъ. Романъ-царевичъ. Исторія одного начинанія. „Московское книгоиздательство". М. 1913. Стр. 279. Ц. 1 р. 25 к.

Странная мысль мелькаетъ у читателя по ознакомленіи съ новымъ романомъ г-жи З. Гиппіусъ: начинаетъ казаться, что на сей разъ ея литературнымъ именемъ прикрылся П. Д. Боборыкинъ. Не хотѣлось бы въ этой связи говорить о почтенномъ старомъ писателѣ; но что дѣлать, когда каждая строка „Романа-царевича" настойчиво ведетъ къ мысли о творчествѣ П. Д. Боборыкина и о тѣхъ его чертахъ, которыя неизмѣнно заставляютъ читателя улыбнуться при мысли о маститомъ беллетристѣ. „Романъ-царевичъ" прежде всего—скажемъ по-боборыкински—въ высшей степени актуаленъ. Исполнилось тургеневское пророчество, что „ловецъ момента" въ своей неизмѣнной торопливости дойдетъ до изображенія общественныхъ явленій чуть не до момента ихъ наступленія. Эта быстрота осуществлена въ „Романѣ-царевичѣ"; все здѣсь по-боборыкински современно, по-боборыкински достовѣрно и по-боборыкински портретно. Угодно — вотъ каша новыхъ настроеній изъ сумбура революціоннаго и сумбура религіознаго: есть; угодно—петербургскій салонъ очень высокопоставленной графини, гдѣ въ наши дни—такъ говорятъ—дѣлается высшая церковная политика: извольте. Угодно: парижская эмиграція съ разговорами вожаковъ изъ Це-Ка; угодно: распропагандированная деревня съ идейной молодежью и мудрыми стариками. Угодно—Иллiодоръ, угодно—Скворцовъ, угодно—Ѳедя Распутинъ: все есть. И изображено это такъ, какъ будто авторъ все видѣлъ, все знаетъ, вездѣ свой человѣкъ, между тѣмъ, какъ у читателя остается впечатлѣніе, что авторъ и тамъ, и сямъ хотѣлъ бы быть своимъ человѣкомъ, но изъ этого ничего не вышло; и онъ описываетъ все по-боборыкински, извнѣ, съ улицы, съ внѣшними примѣтами, по которымъ легко угадать то или иное выводимое лицо, но безъ всякой убѣдительности. И нѣтъ живыхъ людей, никого не видишь. И имена герои носятъ — какъ бывало у Боборыкина — небывалыя, рѣдкостныя: Флоризель и Дидимъ, Варсисъ и Юсъ, Литта и Мета. Не то, что они сочинены, эти имена, а сочинено то, что

ихъ кто-то носилъ. И та же особая боборыкинская тенденціозность въ языкѣ: словечки и обороты употребляются (вродѣ „связа во мнѣ самомъ“) не такіе, какіе представляются употребительными, а такіе, какіе автору хотѣлось бы, чтобы употребляли. Въ сюжетѣ романа уже не одинъ Боборыкинъ—тутъ уже и Достоевскаго припущено: вѣдь „Романъ-царевичъ“ основанъ цѣликомъ на той мысли, которую младшій Верховенскій (въ „Бѣсахъ“) хотѣлъ видѣть воплощенной въ Ставрогинѣ: мысли о самозванцѣ Иванѣ-Царевичѣ, героѣ легенды, которая должна стать источникомъ и двигателемъ русской революціи; только Романъ Смѣнцевъ, по благородству близкій къ Верховенскому, а по фантастической царственности и внѣшнимъ даннымъ къ Ставрогину, — самъ беретъ на себя эту роль—и проигрываетъ. Можно себѣ представить, что сдѣлалось съ глубиной Достоевскаго, выраженной въ формахъ типичной боборыкинской поверхностности. Надо удивляться, какъ г-жа З. Гиппіусъ не замѣтила въ своемъ романѣ той самой бѣдненькой, плоской, програмной, нехудожественной беллетристики, которую такъ бойко и подчасъ такъ основательно обличаетъ Антонъ Крайній. Судьба Романа Смѣнцева постигла умную г-жу З. Гиппіусъ. „Такое у него правило,—разсказываетъ она о своемъ героѣ:—безъ мудраго, постояннаго обмана всѣхъ, съ кѣмъ соприкасаешься, нельзя жить, нельзя сдѣлать съ людьми ничего“. Но „мудрый“ обманъ обманулъ Смѣнцева: простые, не мудрящіе, никакъ не обманывающіе, оказались мудрѣе—и въ сѣти своихъ „мудрыхъ“ обмановъ погибъ Романъ-царевичъ. Не въ той же ли сѣти погибъ и романъ г-жи З. Гиппіусъ?

Альманахи изд-ва „Шиповникъ“. Книги 20 и 21. СПБ. Ц. по 1 р. 25 к.

Значительную (бо́льшую) часть обоихъ сборниковъ занимаетъ романъ Бориса Зайцева „Дальній Край“, фрагменты котораго появлялись въ печати втеченіе 1912 г. Цѣлое оказалось менѣе удачнымъ, чѣмъ отдѣльныя части, ибо все оно состоитъ изъ ряда такихъ частей, соединенныхъ то искусственно и внѣшне (напр., хронологически), то слабо, то, наконецъ, совсѣмъ не соединенныхъ, или соединенныхъ типографскимъ методомъ...

„Дальній Край“—это исторія жизни Пети Лапина, молодого человѣка неопредѣленнаго типа и характера, и романъ сводится къ процессу самоопредѣленія Пети. Авторъ проводитъ своего героя сквозь два горнила: любви и революціи. Оба испытанія кончаются для Пети благополучно, но печальнѣе обстоитъ дѣло съ самими „горнилами“: любовь отъ Пети не видитъ худого, но революція жестоко отъ него потерпѣла, несравненно больше, чѣмъ онъ отъ революціи...

Любовь Пети (и другихъ персонажей романа) изображена авторомъ тепло, убѣдительно, порой тонко и глубоко. Правда, и эта любовь, и самая возлюбленная Пети, живая и яркая Лизавета, не слишкомъ новы для читателей прежнихъ вещей Зайцева, но все-таки здѣсь есть много новыхъ деталей и черточекъ, вполнѣ узаконивающихъ возвращеніе автора къ прежнимъ мотивамъ. Во всякомъ случаѣ чувствуется, что въ картинахъ любви Зайцевъ, какъ говорится, точно у себя дома: его кисть свободна, увѣренна и самобытна. И потому испытанія любви, которымъ подвергается герой, становятся интересны и сами по себѣ, безотносительно къ тому, что въ нихъ вырисовывается образъ Пети Лапина.

Совсѣмъ иное случилось съ изображеніемъ революціи. Служебное значеніе революціонныхъ событій въ романѣ такъ очевидно, написаны соотвѣтственныя страницы такъ неудачно, что у читателя невольно возникаетъ вопросъ: неужто ради маленькаго Пети Лапина стоило пускать въ ходъ сложную и громоздкую машину русской революціи?..

Запутавшійся молодой человѣкъ, съ разсужденіями наивными, сбивчивыми, порой смѣшными и въ то же время претенціозными,— таковъ этотъ Петя, мало пригодный для роли центральнаго лица въ романѣ. Вотъ два-три его разсужденія, бросающихъ свѣтъ на эту безпомощную фигурку. „Онъ занимался политикой и философіей. Въ то лѣто онъ много читалъ, но и тутъ, и тамъ его смущало многое. Камнемъ преткновенія въ политикѣ была такая мысль: самые честные, добрые и нужные люди — это демократы. Все, что отзываетъ буржуазіей, — ничтожно. Но тогда выходило что ничтожны Пушкинъ, Толстой, Тургеневъ, не говоря уже о Тютчевѣ и Фетѣ. Далѣе: не нужна буржуазная живопись, музыка, философія“.

Не надо быть героемъ большого романа, чтобы стать выше такихъ благоглупостей! Какъ-то совѣстно опровергать эту ерунду, доказывать, что и Пушкинъ, и Тургеневъ, и Толстой были враждебны родившей ихъ средѣ (спросилъ бы Петя у самихъ буржуа, своимъ ли человѣкомъ они считаютъ Толстого или „демократомъ“), и среда была враждебна имъ. И почему онъ философію, музыку, живопись называетъ буржуазными: потому ли, что этимъ пользуются буржуа? Но тогда, напримѣръ, природа буржуазна, математика буржуазна. Потому ли, что авторы происходятъ изъ буржуазнаго класса? Но развѣ они *ему* служатъ? Можно ли въ центрѣ грандіозныхъ событій поставить юношу съ вялымъ чувствомъ и безпомощной мыслью и пріурочивать революцію къ его сбивчивому лепету?

Повидимому, можно. Даже болѣе того: можно его сдѣлать судьей этихъ событій, можно ему позволить относиться къ нимъ то снисходительно, то свысока, иронически. Пренія при защитѣ диссертаціи между марксистами и народниками онъ относитъ къ

спорамъ terre à terre, къ чему-то низшему. „Прислушиваясь къ ихъ книжнымъ выраженіямъ, Петя лишь сильнѣе ощущалъ, что правда—та, безъ которой человѣкъ не можетъ жить,—не у нихъ и не у Бемъ-Баверковъ".

Въ другомъ мѣстѣ Петя оказывается милостивѣе и даже пріемлетъ какъ будто дѣло и правду „ихъ" и „Бемъ-Баверковъ": „Силы революціонныхъ кружковъ росли. Готовился электрическій ударъ, молніей освѣтившій Россію, показавшій все величіе братскихъ чувствъ и всю бездну незрѣлости, въ которой находилась страна—и, что бы потомъ ни говорили, начавшій въ исторіи родины новую эпоху".

Правда, эти слова принадлежатъ не Петѣ, а самому автору, но вѣдь въ своемъ отношеніи къ „нимъ", къ „Бемъ-Боверкамъ" и вообще „ко всему этому"—они солидарны: не прочь поиронизировать, но не прочь и похвалить; не это ихъ стихія, ихъ правда. Авторъ постоянно противопоставляетъ правду природы—спокойной и торжественной, — правдѣ людской, неразлучной съ напряженной и столь часто кровавой борьбой, и эта людская правда-борьба всегда представляется ему, какъ и его герою, чѣмъ-то докучнымъ, суетнымъ, порой оскорбительнымъ или смѣшнымъ. Выше было указано отношеніе Пети къ „Бемъ-Баверкамъ", а вотъ въ какомъ видѣ „все это" рисуется самому автору. На защиту марксистской диссертаціи явились народники: „Въ первыхъ рядахъ, среди дамъ, посѣщающихъ премьеры, громкіе процессы и диссертаціи, виднѣлось нѣсколько бородачей. Казалось, волосы росли у нихъ изъ глазъ. Большинство было въ провинціальныхъ сюртукахъ, у нѣкоторыхъ изъ-подъ брюкъ рыжѣли голенища сапогъ. Это и были народники". Въ другомъ мѣстѣ описываются предреволюціонные споры: „Публика раздѣлялась на лагери. Благородные зубные врачи и статистики призывали къ завѣтамъ, Некрасову, шестидесятыхъ годамъ. Юноши въ красныхъ галстукахъ — къ Уайльду".

Эти групповые портреты въ высшей степени характерны для автора, для его воспріятія, для его интересовъ. Эти народники въ бородахъ и рыжихъ сапогахъ живо напоминаютъ стилъ иностранныхъ писателей, знакомящихъ (точнѣе, знакомившихъ раньше: теперь это мѣняется) зарубежную публику съ Россіей... Это—хорошо извѣстное: Moujik, pourquoi ti укралъ samovar? Козакъ, бей его avec le knoute. Вотъ, когда Борисъ Зайцевъ описываетъ перипетіи любви Пети къ Лизаветѣ, то онъ на детали не скупится: тутъ и цвѣтъ волосъ Лизаветы, и какъ она цѣловала („острымъ, слегка кусающимъ поцѣлуемъ"), и какъ она у себя за ухомъ ногой чесала и много другого: это его занимаетъ само по себѣ, здѣсь онъ мастеръ. А эти народники, революція, рыжія голенища и прочее—все это вѣдь Бемъ-Баверки и если можно отъ нихъ отдѣлаться вумя-тремя ироническими словечками, то и ладно. Конечно, все-

го бы лучше и вовсе ихъ не касаться, но тогда фигура Пети останется безъ фона. А фонъ ему нуженъ и именно демократическій фонъ, потому хоть Петя и тихонькій, но демократъ: „Лизавета подарила ему даже Карла Маркса „Капиталъ"; на книгѣ была сдѣлана ея небрежнымъ почеркомъ надпись, блиставшая любовью, зажигавшая безпросвѣтную книгу. Петя началъ читать, но скоро отложилъ. Мысли же демократическаго характера скорѣе даже укрѣплялись въ немъ. Онѣ не были рѣзки и страстны, какъ у Лизаветы, но нерѣдко теперь, размышляя о будущемъ, Петя рисовалъ себѣ его такъ, что, запасшись знаніями въ университетѣ, онъ войдетъ въ жизнь борцомъ за слабыхъ и притѣсняемыхъ. Ему казалось, что онъ можетъ быть полезнымъ, какъ адвокатъ въ рабочихъ процессахъ. И иногда, въ соотвѣтствіи этому настроенію, онъ ходилъ на лекціи въ косовороткѣ и тужуркѣ нараспашку". По-истинѣ—то кровь кипитъ, то силъ избытокъ!.. Того и гляди, что у Пети начнутъ изъ глазъ волосы рости и голенища порыжѣютъ...

Ради чего, въ концѣ концовъ, остановился Зайцевъ на этомъ чуждомъ ему мірѣ—невозможно понять. Революцію онъ видитъ то внѣшне, съ точки зрѣнія голенищъ и косоворотокъ, то чужими глазами (не то Ропшина, не то Толстого: помѣсью Андрея Болотова и Нехлюдова является въ романѣ сдѣлавшiися уже банальнымъ образъ раскаявшагося революціонера Степана, перешагнувшаго изъ террористовъ въ толстовцы). И въ главномъ, и въ деталяхъ онъ здѣсь неинтересенъ, тусклъ и баналенъ, и порой эта отчужденность автора отъ темы проглядываетъ въ мелочахъ еще ярче, чѣмъ въ крупномъ. Вотъ одна изъ нихъ—описаніе событій, происшедшихъ 17 октября 1905 года: „Въ одно октябрьское утро Петя проснулся часовъ въ десять, потянулся и подумалъ, что хорошо бы посмотрѣть въ газетѣ, какъ дѣла забастовщиковъ. Вдругъ въ комнату влетѣла Лизавета, размахивая газетнымъ листомъ.—Петя,—закричала она,—ну это что-то удивительное! Ты слышишь, конституцію дали! Нѣтъ, ты вставай, ты понимаешь, забастовка кончена, правительство уступило. — Она откинула портьеру, чтобы было свѣтлѣй, и, пока Петя одѣвался, смущенный, обрадованный, возбужденный, она читала вслухъ извѣстныя слова манифеста. Петя былъ пораженъ. Парламентъ, свобода печати, амнистія! Странныя для русскаго слова".

И даже очень странныя, ибо тутъ—сколько словъ, столько недоразумѣній. Во-первыхъ, Лизавета не могла размахивать газетнымъ листомъ, потому что 17-го октября въ 10 часовъ въ Москвѣ (гдѣ это „происходило") газеты не вышли. Далѣе: ни одного изъ „странныхъ для русскаго" словъ Петя не могъ услышать, потому что ни одно изъ приведенныхъ: „парламентъ, свобода печати, амнистія" въ манифестѣ не значится. Наконецъ, если, съ грѣхомъ пополамъ, замѣнить нѣкоторыя части манифеста равнозначущими словами, то о парламентѣ и свободѣ печати можно еще говорить,

что же касается амнистіи, то она въ манифестѣ не упомянута и пришла она, какъ извѣстно, нѣсколькими днями позднѣе, въ формѣ отдѣльнаго указа сенату, и этому предшествовала недолгая, но страстная, яркая и всѣмъ памятная борьба общества съ властью именно за амнистію... Однако Петѣ достаточно было въ 10 часовъ утра „потянуться и подумать", что дескать „хорошо бы посмотрѣть въ газетѣ", которая не выходитъ, „какъ дѣла забастовщиковъ", какъ уже тутъ, словно въ сказкѣ, и Лизавета съ газетнымъ листомъ, и парламентъ, и амнистія, и все, что угодно. Но важно ли сіе? Недѣлей раньше или позже амнистировали Бемъ-Баверковъ,—вѣдь правда, безъ которой жить нельзя,—не у нихъ, такъ необходимо ли входить во все „это"? А въ душѣ-то оно и не запечатлѣлось: оно чуждо автору, изображено имъ по недоразумѣнію и представляетъ изъ себя тоже недоразумѣніе...

Въ 20-мъ же альманахѣ напечатанъ разсказъ Пьера Милля, читая который (непосредственно послѣ романа Зайцева) невольно изумляешься: какое безукоризненное *знаніе* изображаемой среды, какая точность рисунка, какая увѣренность въ выборѣ красокъ, въ тонкой нюансировкѣ.

Н. Ф. Олигеръ. Собраніе сочиненій. Т. III. СПБ. Изд. „Просвѣщеніе". Ц. 1 р. 25 к.

Нынѣшнюю беллетристику невольно хочется дѣлить не столько на талантливую и бездарную, сколько на честную и нечестную. Ибо, съ одной стороны, высоко развитая техника даетъ возможность писателю съ самымъ ничтожнымъ дарованіемъ сообщить разсказу или повѣсти вполнѣ „приличную" литературную форму, что до нѣкоторой степени суживаетъ пропасть между большимъ и малымъ талантомъ (точнѣе—переноситъ ее въ другую плоскость), а, съ другой стороны—никогда еще не было на пути беллетриста стольκихъ соблазновъ, какъ въ наше время: ломка литературныхъ формъ, борьба „традицій" съ „новыми направленіями", повальный снобизмъ въ искусствѣ и въ его воспріятіи, громадное броженіе въ сферѣ пріемовъ творчества, стиля—все это создало писательскую разновидность, главной чертой которой является напряженная и фальшивая подражательность. Въ литературѣ „модернъ" есть, разумѣется, и „соловьи", но еще больше — скворцовъ, подражающихъ соловьямъ... И, когда писатель пишетъ собственнымъ своимъ языкомъ, въ тонѣ и въ мѣру своихъ склонностей, своего умѣнія, какъ бы оно ни было велико или мало, то именно это прежде всего и останавливаетъ вниманіе читателя.

Г. Олигеръ и есть такой писатель. Онъ искрененъ въ выборѣ и трактовкѣ темъ, какъ и въ формѣ, какую придаетъ своимъ писаніямъ. Ясно намѣчается главная линія его писательскаго интереса и ея развѣтвленія. Это—любовь къ человѣку. Отсюда уже вытекаетъ и любовь къ свободѣ, и ненависть къ несвободнымъ формамъ жизни, и особенная симпатія къ дѣтямъ, человѣческимъ

существамъ стихійно-свободнымъ и наименѣе изуродованнымъ отрицательными сторонами жизни. Лучшими въ книжкѣ являются разсказы изъ дѣтской жизни („Лѣтній папа“, „Подарокъ“), безхитростные, полные задушевной симпатіи къ изображаемому міру, которая проявляется въ незаурядной наблюдательности, въ хорошемъ знаніи дѣтской психологіи и дѣтскаго языка.

Слабыя мѣста въ разсказахъ г. Олигера столь же честнаго происхожденія, какъ и сильныя. Это не промахи скворца, поющаго по-соловьиному, а просто срывы съ собственнаго голоса, небольшого, но симпатичнаго. Такіе срывы не часты, но все-таки встрѣчаются, а особенно въ неудачномъ, явно тенденціозномъ разсказѣ „При казенной бумагѣ“. Конвойный солдатъ, сопровождающій политическаго арестанта, разражается, напримѣръ, тенденціей слишкомъ философической и отдѣланной для простого солдата: „Нашего солдата возьми: не человѣкъ, а насквозь бумага! А не бумага, такъ винтовка. Сейчасъ идемъ и бумажку съ собой несемъ въ обшлагѣ, а къ бумажкѣ живой человѣкъ припечатанъ. И выходитъ: несутъ двѣ винтовки бумажку, для чего—про то одинъ бѣсъ знаетъ... Двѣ винтовки и бумажка... А—попробуй живъ человѣкъ вонъ въ тѣ кустики побѣжать — пристрѣлимъ... Такъ и вынемъ живую душу. Развѣ мы убьемъ? Винтовки убьютъ, къ которымъ мы придѣланы“.— Это, конечно, не живая рѣчь...

Изъ отдѣльныхъ разсказовъ слѣдуетъ упомянуть „Рабочаго“,— не удавшуюся автору попытку представить въ нарочито-упрощенной схемѣ (приблизительно въ духѣ андреевской „Жизни человѣка“) жизнь и смерть рабочаго. Написанная безъ подъема и силы, спасающихъ и освящающихъ схему, она производитъ очень сѣрое впечатлѣніе... Оригиналенъ и удаченъ по замыслу (и неровенъ по исполненію) разсказъ „Даръ Мессіи“, въ которомъ сдѣлано сопоставленіе теоретической и практической христіанской морали: ту и другую воспринимаетъ китайскій мальчикъ Цинъ, купленный христіанскими миссіонерами. Они на словахъ просвѣщаютъ его душу свѣтомъ христіанскаго ученія, непрерывно и безпощадно подавляя въ то же время истинно-христіанскія движенія его сердца. Нельзя не признать счастливой мысль продемонстрировать съ такой простотой и наглядной убѣдительностью несоотвѣтствіе между ученіемъ христіанства и формами его практическаго воплощенія. Никакія разсужденія въ этомъ отношеніи не скажутъ больше, чѣмъ болѣзненное изумленіе ребенка, надъ которымъ экспериментируютъ офиціальные служители Христа...

Евгеній Чириковъ. Поѣздка на Балканы. Замѣтки военнаго корреспондента. „Московское кн—во“. 1913. Стр. 146. Ц. 75 к.

Книжка г. Чирикова даетъ меньше того, чего читатель въ правѣ отъ нея ждать. Это, дѣйствительно, *поѣздка* на Балканы, какъ гласитъ

заглавіе, но собственно отъ *военнаго* корреспондента, какъ гласитъ подзаголовокъ, здѣсь очень мало... Большая часть книги посвящена описанію передвиженій г. Чирикова по Балканамъ и даже не по однимъ Балканамъ: описаны сборы до отправленія, дорога до Болгаріи и т. д. Все это изображено не попутно, а самымъ подробнымъ образомъ: тѣснота въ вагонахъ, отсутствіе буфетовъ, неудобство повозокъ, грязь на дорогахъ и то, какъ это было непріятно и неудобно для автора, — вотъ что проходитъ красной нитью черезъ всю книгу... Надо ли доказывать, что все это въ весьма малой степени интересуетъ читателя, обращающагося къ книгѣ военнаго корреспондента. Онъ ждетъ отъ автора того, что освѣтитъ происходившія и происходящія на Балканахъ событія, ждетъ оригинальныхъ наблюденій, значительныхъ фактовъ и болѣе или менѣе широкихъ обобщеній, а личныя мелкія злоключенія автора нимало не интересуютъ его, особенно рядомъ съ грандіозными и трагическими событіями, наблюдать которыя г. Чириковъ отправился на Балканы...

Войны, какъ таковой, въ книгѣ нѣтъ почти совсѣмъ и ужь абсолютно нѣтъ ничего новаго, чего читатель не зналъ бы изъ любой газеты. Если исключить отмѣченныя выше описанія передвиженій г. Чирикова, то останется главнымъ образомъ слѣдующее: картинки домашней, такъ сказать, жизни болгаръ въ періодъ войны, описаніе мѣстъ, отвоеванныхъ болгарами у турокъ, и, наконецъ, разсужденія автора о смыслѣ и характерѣ войны, частью основанныя на его разговорахъ съ лицами изъ арміи.

Во всѣхъ этихъ описаніяхъ и разсужденіяхъ, какъ уже сказано, мало новаго и оригинальнаго. Г. Чириковъ, по большей части, не считается съ тѣмъ, что читатель уже знаетъ кое-что о Балканахъ и балканскихъ народахъ, и потому часто открываетъ давно открытыя Америки. Нѣкоторый интересъ представляютъ, правда, иныя параллели русскаго и болгарскаго быта. Такъ, званіе „литератора“ открыло въ Болгаріи г. Чирикову очень плотно закрытыя для многихъ двери и даже двери русскаго посланника, а въ Россіи, когда г. Чириковъ выправлялъ заграничный паспортъ, онъ долженъ былъ назваться отставнымъ таксаторомъ лѣсного департамента, ибо званія „литератора“ даже не оказалось среди званій, присвоенныхъ русскому человѣку. Или вотъ г. Чириковъ рисуетъ такую сцену: „Стоитъ солдатъ и куритъ, проходитъ офицеръ, солдатъ не пугается, а, вынувъ папиросу, обмѣнивается съ офицеромъ отданіемъ чести, затѣмъ снова куритъ... Къ моему удивленію, офицеръ подходитъ къ солдату и они здороваются за руки и говорятъ“. Для русскаго наблюдателя это, разумѣется, диковина, особенно послѣ трагедій, возникшихъ на почвѣ отдаванія чести студентами военно-медицинской академіи... И такія выразительныя параллели—не рѣдки.

Однако это все не „война“, а „миръ“, читатель же обращаетс

къ книгѣ г. Чирикова именно за „войной“. То, что онъ здѣсь находитъ изъ области описаній—ему извѣстно, изъ области разсужденій—неинтересно. А между тѣмъ какъ много темныхъ, нуждающихся въ объясненіи и освѣщеніи сторонъ имѣетъ балканская трагедія. Взять хотя бы пресловутый вопросъ о „турецкихъ звѣрствахъ“ и отвѣтныхъ славянскихъ,—какую банальную трактовку даетъ ему г. Чириковъ! „Объясненіе этой обоюдной жестокости въ глубинѣ историческаго процесса, въ дикости, жестокости и религіозномъ фанатизмѣ недавняго господина, съ одной стороны, и въ долго скапливавшейся и прорвавшейся, наконецъ, мстительной энергіи бывшаго раба, который самъ захотѣлъ быть господиномъ и склоненъ проявлять это тою же монетой... Турку мало убить врага, ему надо еще надругаться надъ трупомъ, обрѣзать носъ и уши, отдѣлить ноги и руки. Говорятъ, это имѣетъ свое спеціальное объясненіе: человѣкъ, тѣло котораго расчленено, теряетъ и душу—таково будто бы религіозное вѣрованіе турка“... Въ качествѣ предпосылки взято то самое, что надо объяснить (и что весьма спорно): „дикость, жестокость и религіозный фанатизмъ“, вторая посылка—то, что „говорятъ“, легенда, которую авторъ не находитъ нужнымъ провѣрить, и готово объясненіе громаднаго и остраго вопроса о звѣрствахъ, въ которыхъ обвиняютъ цѣлую націю, объясненіе столько же легкомысленное, сколько банальное...

Пытается ли авторъ освѣтить сущность процесса, именуемаго войной, онъ и тутъ не идетъ дальше общихъ и избитыхъ фразъ, вродѣ: „одни изобрѣтаютъ все новыя совершеннѣйшія орудія взаимнаго истребленія, другія—средства противодѣйствовать этимъ изобрѣтеніямъ, третьи, при помощи той же науки, стараются бороться съ результатами усовершенствованныхъ въ области взаимоистребленія машинъ—исправляютъ калѣченныхъ людей и стараются вернуть имъ готовую улетѣть жизнь“ — и т. д.; а чтобы у читателя не оставалось ни малѣйшаго сомнѣнія въ шаблонности рисунка, авторъ приклеиваетъ къ нему ярлыкъ: „рисуется сцена театра, Шаляпинъ въ Мефистофелѣ изъ „Фауста“ и дьявольская пѣсенка:

„Въ угожденье Богу злата
Край на край встаетъ войной
И людская кровь рѣкой
По клинку течетъ булата“.

Ни одной черты, ни одного слова, которыхъ не знали бы всѣ, безъ исключенія!

Нѣкоторый интересъ представляютъ отзывы о войнѣ, о переживаніяхъ во время сраженій участниковъ послѣднихъ. Они подтверждаютъ мнѣнія и разсужденія Толстого объ этихъ предметахъ, порой добавляя къ нимъ новыя черточки: „Сперва страшно, боишься, потомъ притупляется страхъ, пропадаетъ чувство самосохраненія, дѣлаешься какимъ-то манекеномъ, теряешь волю и,

видя вокругъ смерть, начинаешь думать: все равно, поскорѣе бы ужь рѣшилось такъ или иначе"...

Еще опредѣленнѣе и безнадежнѣе отзывъ одного болгарина, самобытнаго философа: „Хочется кричать о глупости и безумiи убиваемыхъ и убивающихъ людей, которые кажутся удивительно жалкими и ничтожными автоматами. Никакой поэзiи въ бояхъ нѣтъ. Кругозоръ каждаго сражающагося такъ малъ и ничтоженъ, что ничего величественнаго, приподнимающаго духъ, рождающаго жажду самопожертвованiя, не является. Я даже не стрѣлялъ. Было противно и казалось безсмысленнымъ. Видѣлъ самыя прозаическiя картины кругомъ себя: разстройство желудковъ, собачью робость, движенiе впередъ только потому, что назадъ идти нельзя... Одно непреложно: дѣлаешься глубокимъ философомъ и притомъ пессимистомъ... И жизнь человѣческая получаетъ вдругъ совершенно новое освѣщенiе: между трупами и живыми людьми сглаживается разница... И собственная жизнь становится совсѣмъ недорогой, бездѣлицей какой-то!"...

Свою книгу авторъ заканчиваетъ возгласомъ по адресу тѣхъ, кто кричитъ о чьихъ-то звѣрствахъ, но освящаетъ самую войну: „Не кричите о „звѣрствахъ" такъ громко, какъ это вы дѣлаете. Все звѣриное въ человѣкѣ на войнѣ пробуждается въ неприкрашенномъ видѣ и потому не бываетъ войны безъ звѣрствъ!.. И пусть печать Каина лежитъ на всѣхъ „культурныхъ и гуманныхъ" людяхъ, которые толкаютъ страну къ пролитiю человѣческой крови и къ звѣрствамъ"!..

Моральный эффектъ, къ которому стремился авторъ и который сказался въ его резюме, былъ бы гораздо сильнѣе, еслибы не вышеуказанные дефекты, а также и тотъ, по большей части внѣшнiй, комизмъ, который такъ знакомъ читателю произведенiй г. Чирикова, но является неумѣстнымъ въ этой книгѣ о войнѣ...

Смутное время въ Московскомъ государствѣ. Сборникъ статей съ иллюстрацiями. Историческая Коммиссiя Учебнаго Отдѣла О. Р. Т. Зн. Редакцiя В. Н. Бочкарева, Ю. В. Готье и В. И. Пичета. М. 1913. Стр. 284. Ц. 1 р. 50 к.

„Популяризацiя добытыхъ исторической наукой результатовъ и строгое соблюденiе исторической истины при отсутствiи какой-либо тенденцiозности" — такъ опредѣляетъ редакцiя настоящаго сборника тѣ цѣли, которыя она ставила себѣ при его изданiи. И нужно сказать, что эти цѣли въ весьма значительной мѣрѣ достигнуты редакцiей сборника. Послѣднiй состоитъ изъ пятнадцати статей, принадлежащихъ разнымъ авторамъ и охватывающихъ собою различныя стороны положенiя Московскаго государства въ эпоху Смутнаго времени и различные моменты самой Смуты. Не всѣ эти статьи, конечно, равноцѣнны по своимъ научнымъ и литератур-

нымъ достоинствамъ, но всѣ онѣ написаны со знаніемъ дѣла, всѣ одинаково чужды какой-либо предвзятой тенденціи и, взятыя всѣ вмѣстѣ, онѣ даютъ читателю богатую содержаніемъ картину „великой розрухи“ Московскаго государства. Въ эту картину, въ качествѣ отдѣльныхъ ея составныхъ частей, вошли и изложеніе соціальныхъ, экономическихъ и политическихъ условій, предшествовавшихъ Смутѣ и подготовившихъ ея появленіе, и характеристики единичныхъ дѣятелей и отдѣльныхъ моментовъ Смуты, и описаніе роли, сыгранной въ ней различными общественными классами, и изложеніе тѣхъ основныхъ результатовъ, къ какимъ привела Смута, и, наконецъ, выясненіе психологическихъ процессовъ, пережитыхъ за ея время народною массою. Само собой разумѣется, что воспроизведеніе этихъ отдѣльныхъ частей картины Смутнаго времени разными лицами до нѣкоторой степени лишаетъ цѣльности самую картину, но это ужь неизбѣжный недостатокъ всѣхъ коллективныхъ трудовъ и въ данномъ случаѣ онъ, по крайней мѣрѣ, не сопровождается ощутительными противорѣчіями различныхъ авторовъ. Въ общемъ настоящій сборникъ является цѣннымъ пріобрѣтеніемъ для нашей популярной исторической литературы, хотя и сильно разросшейся въ послѣдніе годы, но все еще остающейся не особенно богатой хорошими работами. Помимо текста, въ настоящемъ сборникѣ имѣется еще немало иллюстрацій, частью воспроизводящихъ старинные рисунки и портреты, частью представляющихъ собою современные рисунки. Эти послѣдніе, впрочемъ, могли бы, намъ кажется, безъ вреда для сборника и отсутствовать въ немъ, такъ какъ и вообще помѣщеніе въ исторической книгѣ, предназначенной для взрослаго читателя, современныхъ рисунковъ, на нашъ взглядъ, умѣстно только въ такомъ случаѣ, когда эти рисунки представляютъ выдающійся интересъ, чего далеко нельзя сказать про всѣ подобныя иллюстраціи въ настоящей книгѣ.

Ипполитъ Тэнъ. Наполеонъ Бонапартъ. Съ воспроизведеніемъ портрета генерала Бонапарта, писаннаго Гереномъ въ 1798 г. Переводъ Ѳ. К. Синцовой. Издательство „Мусагетъ“. Москва. MCMXII. Стр. 107. Ц. 80 коп.

Необыкновенно яркая и своеобразная личность потомка корсиканскихъ патриціевъ, ставшаго уже въ срединѣ своей головокружительной карьеры императоромъ Наполеономъ I-мъ, вызвала къ жизни цѣлую огромную литературу. О Бонапартѣ приходилось говорить не только историкамъ современной Европы вообще и военнымъ историкамъ въ частности,—ему посвящены многочисленныя біографіи; издана, хотя съ многозначительными выпусками и искаженіями, его гигантская переписка; опубликованы вскорѣ послѣ его смерти его „мемуары“ и „меморіалъ“ его пребы-

ванія на островѣ св. Елены; написаны цѣлыя монографіи какъ самомъ Наполеонѣ, такъ и объ его семьѣ.

Но въ этой литературѣ прежде всего приходится строго различать поэзію и дѣйствительность, легенду и исторію. Геніальная способность къ саморекламѣ составляетъ одну изъ характерныхъ особенностей подлинной фигуры Наполеона. И еще при его жизни, благодаря его собственнымъ усиліямъ и усиліямъ его сторонниковъ, легенда совершенно обволокла своими радужными туманами реальный обликъ человѣка, представлявшагося и друзьямъ, и врагамъ совершенно исключительнымъ существомъ, полубогомъ, а, пожалуй, и совсѣмъ божествомъ. Именно этотъ культъ Наполеона далъ почву возникновенію серьезной политической партіи во Франціи и способствовалъ, путемъ чудовищнаго сочетанія цезаристскихъ и республиканскихъ идей, торжеству бонапартизма чрезъ какіе-нибудь три десятка лѣтъ послѣ первой имперіи. Съ другой стороны, этотъ же культъ доставлялъ богатую пищу воображенію художниковъ и превращалъ нѣкоторыхъ изъ первостепенныхъ поэтовъ — Беранже, Гейне, Пушкина, Лермонтова — въ страстныхъ поклонниковъ легендарнаго Наполеона.

Отрезвленіе пришло вмѣстѣ съ гнетомъ второй имперіи, и писатели въ родѣ Мишле, Ланфрэ, нѣсколько позже Юнга, и т. п., нанесли жестокій ударъ политическому и художественному вымыслу. Предъ Тэномъ, который писалъ своего Наполеона въ самыя оппортунистскія времена третьей республики, когда имъ былъ уже изданъ его страстный многотомный памфлетъ противъ Великой революціи, и онъ приступалъ къ изслѣдованію собственно основъ современной Франціи,—предъ Тэномъ, говоримъ мы, лежалъ уже цѣлый рядъ матеріаловъ, документовъ и трудовъ, относившихся къ Бонапарту съ двухъ точекъ зрѣнія, положительной и отрицательной. Стремясь быть объективнымъ, французскій историкъ спаялъ въ сущности эти двѣ точки зрѣнія, и въ результатѣ получился Наполеонъ, опять-таки въ значительной степени условный и легендарный.

Такъ, Тэнъ хорошо рисуетъ чудовищный эгоизмъ Наполеона, его „невѣжество“ въ области вопросовъ, живо интересовавшихъ образованныхъ людей той эпохи, его склонность къ нелѣпымъ политическимъ фантазіямъ (напр., его мечты о „новой великой имперіи на Востокѣ“, о роли основателя „новаго Корана... который я составилъ бы по своему“, стр. 44 — 45). Но и въ отрицательныхъ свойствахъ Тэнъ дѣлаетъ Наполеона черезчуръ высоко стоящимъ надъ людьми существомъ, теперь бы сказали—сверхчеловѣкомъ, чѣмъ-то вродѣ тѣхъ великихъ классическихъ злодѣевъ, которые были созданы творческимъ геніемъ такихъ типичныхъ французскихъ трагиковъ, какъ Расинъ и особенно Корнель. Что касается до положительныхъ качествъ Бонапарта, то тутъ на Тэна, несомнѣнно, дѣйствовала его ненависть къ

революціи. Наполеонъ являлся въ его глазахъ человѣкомъ, который изъ революціоннаго хаоса, изъ революціонной „анархіи“ выдѣлилъ тѣ элементы, которые можно положить въ основу современнаго строя,—извѣстно, что самый этюдъ Тэна о Наполеонѣ составляетъ первую книгу тома, посвященнаго этому строю,—и дурно или хорошо, но сдѣлалъ новое французское общество жизнеспособнымъ, не смотря на фатальные изъяны созданнаго имъ зданія: страшную централизацію, бюрократическій произволъ, и т. п.

Если, во мнѣніи Тэна, революція была порожденіемъ чудовищной абстракціи, философствованія въ пустомъ пространствѣ, то Наполеонъ рисовался ему какъ бы прямою противоположностью этого направленія, этой ненавистной Бонапарту „идеологіи“, практическимъ геніемъ, голова котораго вмѣщала въ себѣ необъятный міръ точныхъ, яркихъ, конкретныхъ представленій, адэкватныхъ (sic!) внѣшнему міру дѣйствительности. Тутъ опять съ самимъ Тэномъ происходитъ умственный процессъ, характерный для французовъ, хотя и служащій, по ироніи психологіи, предметомъ жаркой ненависти автора: онъ здѣсь не столько излагаетъ и анализируетъ, сколько доказываетъ, ораторствуетъ, риторствуетъ для того, чтобы сдѣлать изъ Наполеона существо, которое, молъ, своимъ колоссальнымъ жизненнымъ, глубоко реальнымъ умомъ исправляетъ всѣ ошибки своихъ современниковъ и сподвижниковъ.

Возьмите хотя бы тѣ страницы (34—35), гдѣ Тэнъ съ восхищеніемъ останавливается на роли Наполеона въ Государственномъ Совѣтѣ при выработкѣ новаго кодекса. Можно подумать, что только онъ, одинъ онъ видитъ „живую человѣческую душу“ тамъ, гдѣ трудящіеся въ потѣ лица и страхѣ сердца подъ его руководствомъ „администраторы и законовѣды“ видятъ лишь „мертвыя статьи закона и прецеденты“. Такимъ образомъ выходитъ, что гражданскій кодексъ Франціи, опубликованный въ 1804 г., дѣйствительно, является дѣтищемъ Наполеона и, значитъ, послѣдній имѣлъ право назвать его, какъ онъ это и сдѣлалъ въ 1807 г., кодексомъ Наполеона.

Между тѣмъ и это одна изъ тѣхъ гигантскихъ саморекламъ Бонапарта, которыя вводятъ въ заблужденіе многихъ историковъ. Любопытно, что Тэнъ, если мы не ошибаемся, нигдѣ не цитируетъ знаменитой фразы, произнесенной Наполеономъ на островѣ Св. Елены по поводу его законодательной дѣятельности: „Моя слава не въ томъ, что я выигралъ сорокъ великихъ сраженій... но что̀ будетъ жить вѣчно, такъ это мой гражданскій кодексъ“. Современный историкъ-юристъ, конечно, только плечами пожимаетъ, когда встрѣчается съ этой легендой. Онъ знаетъ, что, не смотря на отдѣльныя, порою любопытныя замѣчанія Бонапарта, его роль при выработкѣ кодекса была очень второстепенная. Онъ знаетъ, что надъ кодификаціей французскаго писаннаго и обычнаго правъ трудились Конституанта, Конвентъ, Совѣтъ пятисотъ; что она служила предметомъ четырехъ большихъ и нѣсколькихъ малыхъ проек-

товъ; что въ ней принимали крайне значительное участiе Камбасересъ, Тронше, Жакмино; что выдающiеся законовѣды, собранные для этой цѣли въ эпоху консульства, считались съ протестами, петицiями, пожеланiями разныхъ концовъ Францiи; что, напр., законы о наслѣдованiи прошли послѣ всевозможныхъ попытокъ примиренiя римскаго права южной Францiи и кутюмовъ сѣверной; и что если почему гражданскiй кодексъ былъ „адэкватенъ" требованiямъ современной жизни, такъ потому, что въ немъ ставшее могущественнымъ третье сословiе дѣйствительно окристаллизовало свои требованiя, чаянiя и все свое гражданское правосознанiе...

Конечно, эта основная ошибка въ перспективѣ работы Тэна о Наполеонѣ,—гипертрофiя фигуры Бонапарта,—не помѣшаетъ читателямъ съ увлеченiемъ пробѣгать страницы блестящей характеристики, поучительной даже въ своихъ недостаткахъ. Русскiй переводъ, насколько намъ удалось замѣтить при сопоставленiи его съ оригиналомъ, отличается гладкостью и добросовѣстностью Можно, пожалуй, пожалѣть, что переводчикъ порою считалъ нужнымъ распространять и округлять, очевидно, въ интересахъ удобочитаемости, рѣзкiя, короткiя,—правда, трудныя для перевода,—фразы оригинала.

Остановили на себѣ наше вниманiе, между прочимъ, слѣдующiя наиболѣе крупныя неточности: larges arcades sourcilières значитъ „широкiя надбровныя дуги", а не „густыя изогнутыя брови" (стр. 19); signes des objets — *знаки* предметовъ (типичная терминологiя Тэна), а не „представленiе о вещахъ" (стр. 27); fonctionne à vide—„работаетъ въ пустомъ пространствѣ, попусту", а не „непроизводительно" (ibid.); фразу „то, что называется *теперь* идеологiей" (стр. 28), надо было бы перевести „то, что въ *это время* (т. е. во время Наполеона) называется идеологiей". Далѣе, зачѣмъ говорить „творить не на бумагѣ, а на человѣческой кожѣ" (стр. 28) вмѣсто болѣе буквальнаго и выразительнаго „обработывать не бумагу, а человѣческую кожу"? Почему „каменистый утесъ" (стр. 29), а не „твердая скала" подлинника? Или почему „обмѣнъ душъ и проникновенiй" (стр. 35), когда Наполеонъ умышленно грубо, но картинно говоритъ объ „обмѣнѣ душъ и пота" (transpiration) въ супружествѣ? Или тамъ же: почему не перевести „не слышно звона монетъ, падающихъ въ казну", вмѣсто того, чтобы говорить въ ослабленной формѣ: „не слышно притока монетъ"? На стр. 39 попадается не существующiй на русскомъ языкѣ географическiй терминъ „Юлiерсъ". Надо было „Юлихъ" (городъ въ Рейнской пров.), или, въ крайнемъ случаѣ, чисто по-французски Жюлье (Jülich и Juliers). Не смотря на приложенный въ началѣ книги портретъ Наполеона, цѣна ея могла бы быть дешевле.

Н. А. Вигдорчикъ. Опасность промышленнаго труда. Спб. 1913. Изд. кн. склада „Право“.

Книжка д-ра Вигдорчика вышла вполнѣ своевременно—ко времени введенія у насъ обязательнаго страхованія рабочихъ. Всякое страхованіе нуждается въ статистическихъ данныхъ, устанавливающихъ степень вѣроятности наступленія тѣхъ моментовъ, при которыхъ имѣетъ мѣсто уплата страховой суммы, а тѣмъ болѣе страхованіе рабочихъ — наиболѣе молодая отрасль страхованія. Русскихъ данныхъ, касающихся статистики несчастныхъ случаевъ, весьма немного и онѣ точностью и полнотой далеко не отличаются. Единственной пригодной для выясненія опасности промышленнаго труда является статистика несчастныхъ случаевъ въ предпріятіяхъ, подчиненныхъ надзору фабричной инспекціи, тогда какъ въ области горной и горнозаводской промышленности матеріалы касаются лишь нѣкоторыхъ районовъ, относительно водныхъ путей они ограничиваются однимъ Казанскимъ округомъ путей сообщенія, а для шоссейныхъ и грунтовыхъ дорогъ свѣдѣнія вовсе отсутствуютъ. Приходится вслѣдствіе этого пользоваться иностранной статистикой, среди которой на первомъ планѣ стоитъ нѣмецкая. Авторъ и положилъ въ основу своей работы главнымъ образомъ официальныя изданія имперскаго страхового бюро. Конечно, выводы германской статистики несчастныхъ случаевъ не вполнѣ примѣнимы къ Россіи: условія въ отношеніи какъ организаціи производства, такъ и состава рабочихъ весьма различны; но все же нѣкоторыя общія положенія, выведенныя на основаніи иностранной статистики, представляютъ интересъ и для насъ.

Судя по германскимъ даннымъ, опасность промышленнаго труда съ теченіемъ времени падаетъ. Правда, коэффиціентъ травматизма увеличивается: количество несчастныхъ случаевъ, вызываемыхъ профессіональной дѣятельностью, на каждую 1000 застрахованныхъ рабочихъ увеличилось съ 2,95 въ 1890 г. до 5,85 въ 1909 г., т. е. почти вдвое, а съ 1886 г. до 1909 г. даже втрое. Однако это возростаніе коэффиціента,—говоритъ Н. А. Вигдорчикъ,—падаетъ преимущественно на первые годы по введеніи страхованія отъ несчастныхъ случаевъ, и причины его лежатъ главнымъ образомъ въ техникѣ регистраціи и вознагражденія несчастныхъ случаевъ—въ усиленіи надзора за регистраціей несчастныхъ случаевъ, въ увеличеніи знакомства рабочихъ съ страховымъ законодательствомъ и въ болѣе настойчивомъ осуществленіи ими своихъ правъ. Расширяется и понятіе „несчастнаго случая“, что ведетъ къ вознагражденію такихъ случаевъ, которые не относились ранѣе къ профессіональнымъ несчастнымъ случаямъ и поэтому не вознаграждались.

Это подтверждается и рѣзкой перегруппировкой несчастныхъ случаевъ: въ 1886 г. смертельные случаи составляли болѣе четверти всей массы несчастныхъ случаевъ, а въ 1909 г. эта группа даетъ

лишь 8 проц. всѣхъ случаевъ. Еще болѣе (въ $5^{1/2}$ разъ) сократилось число случаевъ полной инвалидности. Напротивъ, группа легкихъ поврежденій, на которую усовершенствованіе регистраціи оказываетъ наибольшее вліяніе, сильно увеличилась: въ 1886 г. она заключала въ себѣ менѣе $^{1}/_{3}$ всѣхъ случаевъ, въ 1909 г.—болѣе половины. Точно также, если мы установимъ отношеніе числа случаевъ каждой группы къ общему числу застрахованныхъ, то получимъ сокращеніе какъ смертельныхъ несчастныхъ случаевъ, такъ и случаевъ полной инвалидности и, напротивъ, сильное увеличеніе числа случаевъ временной неработоспособности. Наконецъ, авторъ беретъ за единицу не физическаго рабочаго, а введенное въ Германіи съ 1897 г. опредѣленіе „полнаго рабочаго", равнаго 300 рабочихъ дней (тогда устраняются случайные моменты, вызванные тѣмъ, что часть застрахованныхъ работаетъ всего часть года); за періодъ 1897 — 1907 гг. находимъ сокращеніе числа смертельныхъ случаевъ на $6^{1}/_{2}$ проц., случаевъ полной инвалидности на 43 проц., случаевъ частичной инвалидности на 7 проц. и возростаніе случаевъ временной неработоспособности на 61 проц. Если же случаи частичной инвалидности (пониженіе работоспособности можетъ составлять и 15 проц. и 80 проц.) свести къ общей единицѣ (къ полной инвалидности въ 100 проц.), то количество единицъ рабочей силы, потерянныхъ общественнымъ производствомъ вслѣдствіе профессіональнаго травматизма, выразится на 1 милл. рабочихъ въ 1897 г. въ 2088, а въ 1907 г. въ 1889 единицъ; уменьшеніе опасности производства обнаруживается въ сохраненіи около 1000 единицъ рабочей силы ежегодно (стр. 28).

Чѣмъ же вызвано это уменьшеніе потерь въ рабочей силѣ? Помимо общихъ условій производства, въ данномъ случаѣ играютъ роль, съ одной стороны, моменты предупредительнаго свойства (лучшій надзора за безопасностью работъ, усовершенствованіе различныхъ загражденій и покрытій машинъ, установленіе контрольныхъ аппаратовъ и т. д.), а, съ другой стороны, улучшеніе въ постановкѣ леченія—раціональное леченіе пострадавшихъ съ перваго момента, благодаря чему предупреждается смерть или инвалидность. Какъ въ предупрежденіи несчастныхъ случаевъ, такъ и въ лучшей организаціи медицинской помощи заинтересованы сами предприниматели,—и то, и другое вызываетъ сокращеніе расходовъ страховыхъ товариществъ.

Можно думать, что введеніе обязательнаго страхованія рабочихъ должно и у насъ вызвать со стороны предпринимателей въ ихъ собственныхъ же выгодахъ различныя мѣры къ сокращенію несчастныхъ случаевъ и тѣмъ самымъ къ уменьшенію выплачиваемыхъ пострадавшимъ суммъ. Даже изъ тѣхъ немногихъ данныхъ, которыя приводятся авторомъ относительно Россіи, можно усмотрѣть, что размѣры промышленнаго травматизма у насъ го-

раздо больше, чѣмъ въ Германіи. Между тѣмъ Н. А. Вигдорчикъ не использовалъ еще различныхъ матеріаловъ, относительно нашихъ каменноугольныхъ копей, гдѣ число несчастныхъ случаевъ и, въ частности, со смертельнымъ исходомъ особенно велико по сравненію съ другими странами. Съ другой стороны, относительно Германіи авторъ игнорировалъ любопытныя данныя, опубликованныя профессіональными союзами (напр., рабочихъ по дереву), изъ которыхъ видно сильное пониженіе числа несчастныхъ случаевъ.

Какъ бы то ни было, книжка д-ра Вигдорчика представляетъ значительный интересъ и было бы желательно, чтобы полученные имъ выводы относительно вліянія на несчастные случаи условій производства, отдѣльныхъ производственныхъ моментовъ (нагрузки, механическихъ приспособленій, ядовитыхъ и взрывчатыхъ веществъ и т. д.), дней и часовъ и т. д. были провѣрены на основаніи новыхъ и болѣе обширныхъ матеріаловъ. Относительно степени утомленія и характера труда въ различные дни недѣли и въ отдѣльные часы дня дѣлались, напр., союзомъ соціальной политики въ Германіи весьма любопытные опыты и наблюденія.

Кн. Евгеній Трубецкой. Міросозерцаніе Вл. С. Соловьева. М. 1913. Т. I. Стр. XVI+631. Т. II. Стр. 415. Ц. за оба тома 4 р.

Хотя кн. Трубецкой, бросая ретроспективный взглядъ на свою работу, и говоритъ: „та критика, которой подверглись здѣсь воззрѣнія Соловьева, можетъ съ перваго взгляда казаться весьма разрушительною“ (томъ II, стр. 387), однако при обзорѣ его труда все-таки придется говорить о Соловьевѣ, а не о кн. Трубецкомъ.

Среди правовѣрныхъ учениковъ Соловьева, быть можетъ, книга кн. Трубецкого и вызоветъ ту бурю негодованія, которой онъ опасается, но для того, кто стоитъ внѣ этой маленькой кучки философствующихъ богослововъ, кто считаетъ всю философію Соловьева запоздалой и неудачной попыткой приноровить свободную человѣческую мысль къ принятымъ на вѣру преданіямъ, для того вся эта „сокрушительная критика“ покажется просто бурей въ стаканѣ воды. Такъ, еслибы теперь появился въ Индіи философъ-браминъ, который началъ бы доказывать, что, положимъ, брамины произошли не изъ устъ Брамы, а изъ его печени, то подобное ученіе, быть можетъ, и взволновало бы всѣхъ правовѣрныхъ браминовъ, но, навѣрное, не взволновало бы никого во всемъ остальномъ мірѣ.

Кн. Трубецкой замѣтилъ различныя противорѣчія и несообразности въ сочиненіяхъ Соловьева; онъ отмѣтилъ и то обстоятельство, что въ первыхъ работахъ Соловьева были безнадежно спутаны точки зрѣнія и Шеллинга, и Гегеля, и Шопенгауэра, и Канта; онъ, такъ сказать, починилъ и вычистилъ нѣкоторые винтики въ гро-

мозгкой машинѣ соловьевскаго ученія, но чего онъ совершенно не замѣтилъ, это того, что весь строй мышленія Соловьева былъ антифилософскимъ, что Соловьевъ былъ богословомъ и схоластикомъ, а не философомъ.

Философія всегда требовала полной свободы мышленія. Въ древней Греціи мы потому и наблюдаемъ такой блестящій расцвѣтъ философіи, что тамъ надъ философской мыслью не тяготѣлъ никакой „авторитетъ". И новая философія начала свое существованіе лишь съ того момента, когда сбросила съ себя иго теологическихъ преданій. Въ настоящее же время философія „безъ всякихъ предпосылокъ" есть требованіе всѣхъ выдающихся философовъ.

А что мы видимъ у Соловьева? Его писанія напоминаютъ тѣ старыя времена, когда издавались книги вродѣ „Cur Deus homo?" Благочестивые авторы подобныхъ работъ не спрашивали, дѣйствительно-ли Deus—homo, а отвѣчали только на вопросъ, почему (cur) это такъ: они направляли всю свою ученость и все свое остроуміе на доказательство положеній, заранѣе признанныхъ истинными. Никто не считаетъ теперь этихъ авторовъ философами: ихъ называютъ схоластиками и философствующими богословами.

Таковъ же былъ и Соловьевъ. Возьмемъ, напримѣръ, основную идею Соловьева, ту идею, осуществленіе которой онъ почти до конца своей жизни считалъ главною цѣлью своей дѣятельности: мы говоримъ о „свободной теократіи". Дѣтски-нелѣпая идея Соловьева заключалась въ томъ, что эта „свободная теократія", которая, по его мнѣнію, должна была преобразовать не только все существо человѣка, но и всю природу, что эта благодѣтельная мистическая сила должна возникнуть отъ союза... русскаго самодержавія съ римскимъ католицизмомъ! т.-е., отъ союза жандармовъ съ іезуитами. И Соловьевъ много писалъ объ этомъ, хлопоталъ, ѣздилъ цѣловать папскую туфлю и лишь подъ конецъ жизни началъ понимать, что тутъ что-то неладно.

Кн. Трубецкой очень гордится тѣмъ, что онъ не вѣритъ въ возможность свободной теократіи, но, расходясь со своимъ учителемъ въ этомъ частномъ вопросѣ (относительно котораго и самъ Соловьевъ, какъ мы уже сказали, поколебался), онъ все-таки не замѣчаетъ, что основной грѣхъ Соловьева и здѣсь въ совершенно ненаучномъ методѣ мышленія.

Когда заходитъ рѣчь о роли „духовной власти" въ обществѣ и объ отношеніи ея къ власти свѣтской, то ученые и философы, достойные этого имени, прежде всего изучаютъ соціальную функцію духовенства: они тщательно изслѣдуютъ роль духовенства въ жизни всѣхъ обществъ, начиная отъ того момента, когда эта „духовная власть" впервые появилась; они на основѣ этихъ многочисленныхъ данныхъ и на основаніи общихъ соціологическихъ законовъ опредѣляютъ роль духовенства въ обществѣ и общую тенденцію „духовной власти"; они при этомъ принимаютъ во вниманіе не только

соціологическія данныя, но и данныя психологическія и т. п. Однимъ словомъ, прежде чѣмъ отвѣтить на вопросъ, можетъ ли существовать „свободная теократія“ и какова будетъ ея роль въ обществѣ, эти ученые, отказавшись отъ всякой предвзятой точки зрѣнія, предприняли бы глубокія изслѣдованія. Но, видите-ли, тогда они были бы „плоскими позитивистами“, столь презираемыми и Соловьевымъ, и его вѣрнымъ ученикомъ кн. Трубецкимъ, а сторонники глубокаго „цѣльнаго знанія“ поступаютъ проще... „Въ основу всего своего ученія о свободной теократіи Соловьевъ кладетъ... нравственное и религіозное требованіе. — Христіанскій идеалъ *долженъ* (курсивъ нашъ) осуществляться въ человѣческомъ обществѣ *во всѣхъ отношеніяхъ и смыслахъ;* потому нѣтъ той сферы личной и общественной жизни, которая могла бы оставаться посторонней и чуждой церкви: ибо ей *долженъ* (курсивъ нашъ) принадлежать *весь* человѣкъ“ (т. I, стр. 531). Вотъ методъ мышленія, вполнѣ тожественный съ методомъ мышленія автора изслѣдованія „Cur Deus Homo?“ Соловьевъ начинаетъ не со свободнаго изслѣдованія того, что есть, нѣтъ,—онъ въ основу своего ученія кладетъ догматъ о томъ, что христіанское ученіе *должно* осуществиться во всѣхъ отношеніяхъ, и всѣ его дальнѣйшія разсужденія направлены лишь къ тому, чтобы найти оправданіе для этого заранѣе принятаго догмата. Кн. Трубецкой же не понимаетъ, что этотъ методъ мышленія и называется схоластикой.

Вся такъ называемая „философія Соловьева“ есть не что иное какъ *приспособленіе* человѣческой мысли къ традиціи христіанства. Христіанское ученіе признаетъ Бога тріединымъ и вотъ Соловьевъ „находитъ“, что всякое живое существо тріедино, ибо, „когда мы утверждаемъ существованіе какого-либо живого существа, мы необходимо приписываемъ ему *единство*, ибо рѣчь идетъ о *единомъ существѣ*; далѣе, мы приписываемъ ему *двойственность*: ибо мы не можемъ утверждать, что данное существо есть, не утверждая въ то же время, что оно есть *нѣчто*... Наконецъ, въ живомъ существѣ есть *тройственность*. Существо, какъ субъектъ, тремя различными способами связывается со своимъ объективнымъ содержаніемъ или сущностью: во-первыхъ, оно обладаетъ этимъ содержаніемъ въ силу самаго факта своего существованія, какъ реальностью въ себѣ, во внутренней своей сущности; во-вторыхъ, этотъ субъектъ обладаетъ имъ въ своемъ собственномъ *дѣйствіи*, которое есть необходимое проявленіе этой сущности; въ-третьихъ, онъ обладаетъ этой сущностью въ чувствѣ или *наслажденіи* своимъ бытіемъ и своимъ дѣйствіемъ“ (т. I, стр. 310). Христіанская традиція говоритъ также о Матери Божіей, а смутное преданіе Востока знаетъ еще и „Софію Премудрость Божію“. И вотъ Соловьевъ опять „находитъ“, что „центральное и совершенное личное проявленіе Софіи есть Іисусъ Христосъ; ея женственное восполненіе есть Пресвятая Дѣва, и ея универсальное

распространеніе есть церковь“ (т. I, стр. 353). Всякій, знакомый съ теоріей познанія и логикой, знаетъ, что подобныя истины не могутъ быть найдены путемъ свободнаго изслѣдованія. Онѣ могутъ быть даны лишь путемъ Откровенія, но никоимъ образомъ не путемъ философскаго изысканія, а, слѣдовательно, человѣкъ, написавшій подобныя строки, не философъ, а богословъ, если же онъ всетаки воображаетъ себя философомъ, то, значитъ, онъ схоластикъ, считающій, что философія должна быть „служанкой богословія“ (ancilla theologiae).

Что философскія изысканія Соловьева не могли быть успѣшными, это заранѣе можно было бы предсказать, между прочимъ, и потому, что у Соловьева не было выработанной теоріи познанія Кн. Трубецкой дѣлитъ дѣятельность Соловьева на три части: 1) періодъ подготовительный; 2) періодъ утопическій; 3) періодъ окончательный. Во время „періода утопическаго“ Соловьевъ отошелъ отъ философіи и занимался больше вопросами о соединеніи церквей и о вселенской теократіи. Слѣдовательно, теорію познанія можно искать только въ двухъ другихъ періодахъ. Но въ „періодъ подготовительный“ философія Соловьева состояла, какъ это отчасти признаетъ и самъ кн. Трубецкой, изъ смѣси различныхъ, плохо усвоенныхъ и совершенно не приспособленныхъ другъ къ другу отрывковъ изъ различныхъ философскихъ системъ. Правда, тогда Соловьевъ далъ нѣчто вродѣ теоріи познанія. Но какъ онъ это сдѣлалъ! Замѣтивши, что въ философіи идетъ вѣковѣчная борьба между „эмпиризмомъ“, кладущимъ въ основу познанія опытъ, и „раціонализмомъ“, исходящимъ изъ понятій, Соловьевъ рѣшилъ, что къ этимъ двумъ источникамъ познанія нужно прибавить еще третій —„вѣру“. Но какимъ образомъ вѣра выполняетъ функцію *объективнаго* познанія и какъ объединить познавательную роль опыта, разума и вѣры—надо всѣмъ этимъ Соловьевъ не задумывался, вѣроятно, потому, что онъ не нашелъ руководящаго указанія въ текстахъ св. писанія. Что касается періода „окончательнаго“, на который кн. Трубецкой отводитъ 2—3 послѣдніе года жизни Соловьева (ибо даже трудъ Соловьева „Оправданіе Добра“, вышедшій въ 1897 г., кн. Трубецкой считаетъ „переходнымъ“, а Соловьевъ умеръ въ 1900 г.), то въ этотъ періодъ Соловьевъ написалъ только нѣсколько отрывковъ философскаго содержанія, да разныя философско-беллетристическія произведенія и, во всякомъ случаѣ, онъ въ этотъ періодъ не далъ ничего философски-цѣльнаго.

Что въ послѣдній періодъ своей дѣятельности Соловьевъ былъ занятъ не выработкой теоріи познанія, а чѣмъ-то совершенно инымъ, объ этомъ косвенно сообщаетъ и кн. Трубецкой, когда говоритъ: „Для этой метафизики (т. е. метафизики перваго періода Соловьева) въ высшей степени характерно признаніе двадцатилѣтняго Соловьева, что онъ—„не вѣритъ въ чорта“. Быть можетъ, именно въ этой чертѣ всего рельефнѣе выражается разница между

ранними воззрѣніями Соловьева и метафизикой его „Трехъ разгоровъ“ (одно изъ послѣднихъ произведеній Соловьева), которая, наоборотъ, исходитъ изъ углубленнаго пониманія зла и отводитъ „чорту“ весьма видное мѣсто въ міровомъ процессѣ“ (т. I, стр. 89). Такимъ образомъ, по признанію самого кн. Трубецкого, основная черта философской эволюціи Соловьева состояла въ позднѣйшей реабилитаціи чорта. Тутъ, конечно, не до теоріи познанія!

Мы видѣли, что вся дѣятельность Соловьева сводится къ приспособленію человѣческаго разума къ даннымъ Традиціи. Теперь спрашивается, какъ это онъ дѣлалъ? Вотъ характерный примѣръ этого. „Основное понятіе всей философіи Соловьева есть понятіе *Безусловнаго*“ (т. I, стр. 98). Этому Безусловному, или „Абсолютному Соловьевъ даетъ двоякое опредѣленіе—отрѣшеннаго и всецѣлаго“ (т. I, стр. 238). И вотъ какъ онъ при этомъ поступаетъ. Существованіе Абсолютнаго онъ доказываетъ такими соображеніями: „разъ дано бытіе, необходимо есть сущее, разъ дано явленіе, необходимо есть являющееся, разъ дано относительное и производное, необходимо абсолютное и первоначальное“ (т. I, стр. 98—9). Мы не будемъ останавливаться на слабости этого разсужденія, не будемъ напоминать Соловьеву и кн. Трубецкому, что „явленіе“ и „являющееся“ есть одно и то же; мы отмѣтимъ другое обстоятельство. Всѣми этими разсужденіями Соловьевъ стремится доказать, что существуетъ Абсолютное, какъ Безотносительное или Отрѣшенное. И затѣмъ, рѣшивши, что онъ доказалъ существованіе Абсолютнаго, онъ утверждаетъ, что такимъ образомъ доказано существованіе того, „черезъ котораго есть все то, что есть“ (т. I, стр. 99). Такимъ образомъ, употребивши усиліе, чтобы доказать, что существуетъ нѣчто *Безотносительное*, Соловьевъ въ дальнѣйшихъ своихъ разсужденіяхъ счелъ доказаннымъ, что существуетъ нѣчто *Всеединое*, и это потому, что онъ и Безотносительное, и Всеединое назвалъ Абсолютнымъ. Въ логикѣ подобный методъ доказательства называется ошибкой quaternio terminorum, но ни Соловьевъ, ни кн. Трубецкой не замѣчаютъ этой ошибки, не замѣчаютъ даже и тогда, когда, чтобы избѣжать пантеизма, Соловьевъ оказывается вынужденнымъ признать существованіе „второго Абсолютнаго!“ И кн. Трубецкой со рвеніемъ, достойнымъ лучшей доли, стремится доказать (т. I, стр. 304 и др.), что существованіе двухъ „Всеединыхъ“, только „звучитъ парадоксально“, а на самомъ дѣлѣ вполнѣ допустимо.

Еслибы мѣсто намъ позволяло, мы могли бы привести примѣры многочисленныхъ случаевъ разсужденій Соловьева при содѣйствіи ошибки quaternio terminorum, ибо это — его излюбленный пріемъ доказательства...

Кто основательно познакомится съ жизнью и твореніями Соловьева, тотъ не будетъ удивленъ нелогичностью его писаній. Рыцарь „Софіи“ работалъ не даромъ: „Женственность Божія

иногда являлась философу и бесѣдовала съ нимъ, помимо всякаго женскаго существа земной природы" (т. I, стр. 614). Тутъ, конечно, не до логики и теоріи познанія!

И тогда не удивительно, что „съ юныхъ лѣтъ и почти до конца своихъ дней Соловьевъ провелъ большую часть своей жизни въ состояніи эротическаго подъема" (т. I, стр. 611).

Люди, болѣе кн. Трубецкого свѣдущіе въ медицинѣ, конечно, дадутъ этому „Эросу" Соловьева иное объясненіе, но вѣдь это будутъ грубые позитивисты...

Русскіе учителя за-границей. Годъ четвертый. М. 1913. Стр. 252. Ц. 50 к.

За послѣдніе три года намъ приходилось уже говорить на страницахъ „Русскаго Богатства" о предыдущихъ выпускахъ настоящаго сборника и о томъ культурномъ предпріятіи, которое въ немъ описывается, — объ устройствѣ Учебнымъ Отдѣломъ московскаго Общества Распространенія Техническихъ Знаній заграничныхъ образовательныхъ экскурсій. Въ прошломъ году это предпріятіе едва было не потерпѣло полнаго краха. Въ самый разгаръ подготовительной работы по организаціи экскурсій совѣтъ Учебнаго Отдѣла получилъ предложеніе московскаго градоначальника прекратить эту дѣятельность, какъ не предусмотрѣнную уставомъ Общества. Руководителямъ дѣла пришлось въ виду этого прервать дальнѣйшую запись на экскурсіи, а на счетъ записавшихся уже лицъ войти въ особое соглашеніе съ московскимъ отдѣленіемъ Россійскаго Общества Туристовъ. Одновременно начаты были хлопоты передъ министерствомъ о дополненіи устава спеціальнымъ пунктомъ, разрѣшающимъ устройство образовательныхъ экскурсій. Черезъ три недѣли хлопоты эти увѣнчались успѣхомъ, и совѣтъ Учебнаго Отдѣла вновь получилъ возможность взять организацію экскурсій въ свои руки. И, не смотря на всю сумятицу, внесенную въ его дѣятельность распоряженіями администраціи, онъ успѣлъ въ 1912 г. отправить за-границу 1452 чел. экскурсантовъ. Это обстоятельство само по себѣ уже достаточно говоритъ о томъ, насколько глубокіе корни пустило въ нашемъ быту это новое дѣло. Но, оказавшись достаточно прочнымъ для того, чтобы выжить даже при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, оно все же подъ давленіемъ этихъ условій довольно далеко отошло отъ того пути, какой первоначально намѣчался для него его иниціаторами. Въ самомъ началѣ ихъ планъ заключался въ томъ, чтобы организовать заграничныя экскурсіи для учителей начальной школы и лишь въ видѣ болѣе или менѣе рѣдкаго исключенія принимать въ число экскурсантовъ преподавателей среднихъ учебныхъ заведеній. И въ 1909 г., первомъ году существованія экскурсій, дѣйствительно, 93% всего состава экскурсантовъ выпало на долю учительскаго

персонала, а среди послѣдняго преобладали учителя начальной школы. Но затѣмъ инициаторы дѣла, встрѣтивши со стороны отечественной администраціи не готовность придти ему на помощь, а разнообразныя стѣсненія, признали необходимымъ расширить кругъ участниковъ экскурсій и вмѣстѣ удорожить ихъ стоимость и это немедленно повело къ рѣзкому и все прогрессирующему паденію участія въ нихъ учительскаго персонала. Въ 1910 г. на его долю изъ всего состава экскурсантовъ приходилось 66%, въ 1911 г.—55%, въ 1912 г. — уже 53%. Учителей же начальной школы въ 1912 г. участвовало въ экскурсіяхъ всего 352 чел., а лицъ фельдшерскаго персонала 46 чел., такъ что тѣ и другіе вмѣстѣ составляли лишь 29% общаго числа экскурсантовъ. Въ остальномъ же, какъ отмѣчаетъ отчетъ, „составъ экскурсантовъ былъ крайне разнообразенъ. Кромѣ 767 лицъ учительскаго и фельдшерскаго персонала, было много учащейся молодежи, 3 профессора, 3 инспектора народныхъ училищъ, 19 лицъ изъ судебнаго вѣдомства, 4 офицера, 7 священниковъ, 71 врачъ, 6 журналистовъ, художники, артисты, рабочіе, приказчики, чиновники и др.“ (119). Такое измѣненіе состава экскурсантовъ повлекло уже за собою и нѣкоторыя послѣдствія для дѣла экскурсій. Такъ, въ Италіи въ прошломъ году экскурсантамъ было отказано въ безплатныхъ посѣщеніяхъ государственныхъ музеевъ и галлерей и основаніемъ отказа послужило то обстоятельство, что въ экскурсіяхъ принимаютъ участіе не одни только учителя (20). И это, конечно, не пустая придирка. Разъ учителя составляютъ едва половину всего числа экскурсантовъ, а учителя начальной школы едва только четверть этого числа, руководителямъ дѣла, думается намъ, пора измѣнить его названіе, равно какъ и заглавіе посвященнаго ему сборника. Иначе между названіемъ дѣла и существомъ его будетъ рѣзкое несоотвѣтствіе, способное плодить большія недоразумѣнія.

Настоящій выпускъ сборника, подобно предыдущимъ, помимо отчетовъ объ экскурсіяхъ прошлаго года и ряда выдержекъ изъ воспоминаній ихъ участниковъ, содержитъ въ себѣ еще маршруты поѣздокъ, проектированныхъ на текущій годъ, правила записи на эти поѣздки и списки книгъ, полезныхъ для подготовки къ нимъ.

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

(Значащіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала не продаются. Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя коммиссіи по пріобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ).

Кн-во К. И. Тихоміровъ. М. 913. — Фр. Фрёбель. Педагогическія сочиненія. Т. II. Дѣтскій садъ. Ц. 3 р. — Ал. Дистервегъ. Руководство для нѣмецкихъ учителей. Ц. 1 р. 50 к. — M. Blumenau. Grammatik d. deutschen Sprache. Ц. 1 р. 10 к.—А. Шубертъ. Краткое описаніе и характеристика методовъ опредѣленія умственной отсталости дѣтей. Ц. 30 к.—К. Э. Линдеманъ. Простѣйшія животныя. Ц. 25 к. — Я. Ясинъ-Антиповъ. Техническое черченіе. Ц. 50 к.

Библіотека изд-ва „Дружба". М. 913.—№ 1. Пѣсни-стихи „Молодые побѣги". Ц. 30 к.—№ 2. Н. Покровскій. Разсказы. Ц. 7 к. — № 3. Вл. Лазаревъ. Безъ дороги. Ц. 3 к. — № 4. Г. Дѣевъ-Хомяковскій. Разсказы. Ц. 7 к.

Дешевая еврейская библіотека. СПБ. 913.—№ 1. Теодоръ Герцль. Еврейское государство. Ц. 15 к. — № 2. Національный вопросъ. Ц. 15 к.—№ 3. Поляки и евреи. Ст. А. Гартглясса, А. Давидсона, В. Жаботинскаго и др. Ц. 15 к.—№ 4. Новоеврейская поэзія. Ст. Х. Н. Бяликъ, Баалъ-Махгновеса и др.

Изд. „Фаросъ". М. 913.—Ф. Ауэрбахъ. Основныя понятія современ. естествознанія. Пер. съ нѣм. Ц. 80 к.— Гуго Винклеръ. Вавилонская культура. Пер. съ нѣм. Ц. 80 к.

Изд. „Прибой". СПБ. 913.—Богдановъ, А. Между человѣкомъ и машиною. Ц. 5 к.—Отто Рюле. Основные вопросы воспитанія. Пер. съ нѣм. Ц. 60 к. — Страхованіе рабочихъ въ Россіи и на Западѣ. Т. I. В. II. П. ред. Б. Данскаго. Ц. 1 р. 75 к.

Изд. Т-ва И. Д. Сытина. М. 913.—Дѣтская энциклопедія. П. ред. проф. Ю. Н. Вагнера, С. А. Князькова, проф. И. П. Козловскаго, Н. А. Морозова, проф. С. И. Метальникова, М. В. Новорусскаго. Т. I. — З. Гогунцева-Лягардель. Шагъ за шагомъ. Синтаксисъ для дѣтей младшаго возраста. Ц. 35 к.

Кн-во „Прометей". СПБ. 913.—С. А. Венгеровъ. Собраніе сочиненій. Т II. Ц. 1 р. 25 к. — Джекъ Лондонъ. Собраніе сочиненій. Тт. 15 и 16. Ц. по 1 р. – Уптонъ Синклеръ. Собраніе сочиненій. Т. IV. Ц. 1 р. 25 к. — Б. Келлерманъ. Собраніе сочиненій. Т. I. Идіотъ. Ц. 1 р. 50 к.—Авторы всѣхъ странъ. №№ 1 и 2. Ц. по 50 к.—Анри Бергсонъ. Собраніе сочиненій. Т. I. Творческая эволюція. Ц. 2 р.

Изд. „Т-ва Міръ". М. 913. — Итоги науки въ теоріи и практикѣ. П. ред. проф. М. М. Ковалевскаго, проф. Н. Н. Ланге, Н. Морозова и проф. О. М. Шимкевича. В. XXII. – Исторія Западной литературы (1800—1910). П. ред. проф. Ѳ. Д. Батюшкова. Кн. 4.

Изд. Т-ва Бр. А. и И. Гранатъ и К°. М. 913. — Исторія нашего времени. П. ред. М. М. Ковалевскаго и К. А. Тимирязева. В. XIX.

Кн-во Л. А. Столяръ. М. 913.—Ал. Амфитеатровъ. Разбитая армія. Романъ. Ц. 1 р. 75 к. — Шоломъ, Яковъ Абрамовичъ. Избранныя сочиненія. Т. I. Кляча. Ц. 1 р.

Изд. В. М. Саблина. М. 913. — М. Нордау. Собраніе сочиненій, 8 и 9 тт. Ц. по 1 р.—Отто Фрейбе. Практическое ученіе о погодѣ. Пер. Ѳ. Волошина. Ц. 1 р. 50 к.

Юрій Скорбный. Стихи. Одесса. 913. Ц. 25 к.

Сборникъ стихотвореній А. Микуль-

чикъ, Д. Бутяевъ, Г. Кореневскій. Кіевъ. 913. Ц. 15 к.

Вл. Гущинъ. Стихотворенія. СПБ. 913. Ц. 50 к.

В. С. Терновскій. Лѣсныя пѣсни. Ц. 50 к. — Его же. У стѣнъ Акатуя. Бузулукъ. 912. Ц. 1 р. 50 к.

Вани-Вятчанэ. Разсказы бабушки. Веснина 1835. Редакція Н. Н. Блинова. М. 913. Ц. 20 к.

Мельниковъ, Θ. Е. Въ тенетахъ ересей и проклятій. М. 913. Ц. 15 к.

Л. Д. Теплицкій. Ненужныя. Драма въ 5 д. М. 913.

И. Г. Буханцевъ. Разсказы. СПБ. 913. Ц. 1 р.

И. Харламовъ. Грѣхопаденіе. Романъ. СПБ. 913. Ц. 1 р.

А. Б. Записки помощника присяжнаго повѣреннаго. СПБ. 913. Ц. 1 р.

Вл. Семеновъ. Адмиралъ Степанъ Осиповичъ Макаровъ. Изд. т-ва М. О. Вольфъ. 913. Ц. 75 к.

Henry Barby. Les victoires serbes. Paris. 913. Prix 3 fr. 50 c.

Оправданія поливательнаго крещенія. Сочиненіе Θеофана Прокоповича. Изд. Правит. Синода. М. 913. Ц. 1 р.

I. Клаузнеръ, д-ръ. Великій моментъ еврейской исторіи. Одесса. Ц. 15 к.

R. Kobetsch. La politique économique internationale. Paris. Prix. 12 fr.

Гастонъ Буасье. Картины римской жизни временъ цезарей. М. 913. Ц. 1 р. 25 к.

Fritz Brupbacher. Marx und Bakunin. Ein Beitrag zur Geschichte der Internationalen Arbeiter Assoziation. München. 913.

Теодоръ Гомперцъ. Греческіе мыслители. Пер. съ нѣм. Т. II. СПБ. 913. Ц. 1 р. 50 к.

Шиловъ, А. Преступность въ арміи и алкоголь. М. 913.

В. Дадоновъ. Соціализмъ безъ политики: города-сады будущаго въ настоящемъ. М. 913. Ц. 1 р.

М. Островская. Земельный бытъ сельскаго населенія русскаго сѣвера въ XVI—XVIII вв. Ц. 3 р.

Жиркевичъ, А. В. Архимандритъ Зосима (въ мірѣ Дмитрій Рашинъ) былъ невиновенъ... Вильно. 913. Ц. 1 р. 50 к. — Его же. Жизнь во Христѣ старца Зосимы, въ мірѣ Дм. Рашина. Ц. 1 р. 25 к.

Морисъ Берингъ. Вѣхи русской литературы. Пер. В. Базилевской. М. 913. Ц. 1 р. 25 к. — А. Кронфельдъ. Психологическая механика. Пер. съ нѣмец. М. 913. Ц. 85 к.

Пл. И. Тиховъ. Медицина въ Россіи въ эпоху Наполеоновскихъ войнъ. СПБ. 913.

Авг. Адлеръ. Новая теорія земледѣлія. М. 913. Ц. 10 к.

Бремъ. Жизнь животныхъ. Восьмой томъ. Птицы. 3-й т. Изд. Русскаго книжнаго Т-ва „Дѣятель". СПБ. 913.

А. С. Шоломовичъ. Наслѣдственность и физическіе признаки вырожденія у душевно-больныхъ и здоровыхъ. Казань. 913.

В. А. Мелиховъ. Очеркъ воспитанія и обученія въ древнемъ Римѣ. Ч. I. Харьковъ. 913. Ц. 75 к.

Б. Д. Бѣликовъ. Охрана дѣтскаго труда въ Германіи. СПБ. 913. Ц. 2 р.

Александръ Бенуа. Исторія живописи всѣхъ временъ и народовъ. В. 8-й. СПБ. 913.

Рихардъ Вагнеръ. О музыкѣ. М. 913. Ц. 25 к.

Н. М. Соколовъ и Г. Г. Тумимъ. Кабинетъ родного языка. М. 913. Ц. 50 к.

Несчастные случаи въ Бакинской нефтяной промышленности 1907—1910. Баку. Ц. 3 р.

Современное хозяйство г. Москвы. Изд. Гор. Управы. М. 913.

Н. К. Могилянскій. Матеріалы для географіи и статистики Бессарабіи. 913. Ц. 1 р.

П. Петровичъ. Состояніе хлопковыхъ плантацій въ Закавказьи во второй половинѣ іюня 1913. Тифлисъ.

Труды съѣзда фельдшеровъ, фельдшерицъ и акушерокъ въ 1912 г. въ СПБ. М. 913. Ц. 1 р. 50 к.

Экономическо-статистическій сборникъ. В. VII. Изд. Моск. У. З. Управы. 913. Ц. 1 р.

Молодыя думы. Литературный альманахъ. Кременчугъ. 913.

Летучіе альманахи. 5 выпусковъ. М. 913. Ц. 3 р.

Извѣстія Московскаго Коммерческаго Института. Кн. 1-я. М. 913.

ОТЧЕТЪ

конторы редакціи журнала «Русское Богатство».

ПОСТУПИЛО:

Въ фондъ имени Н. Ѳ. Анненскаго отъ трехъ земскихъ статистиковъ—22 руб. 50 коп.

Въ распоряженіе В. Г. Короленко: отъ группы лицъ, чтущихъ въ немъ человѣка—25 руб.

Для передачи въ редакціи газ. „Рабочая Правда“ и „Трудовой Голосъ“ отъ служащихъ Черниг. Губ. Зем. Управы—24 руб.

Отъ комитета юбилейнаго чествованія „Русскихъ Вѣдомостей“.

Группа представителей московскихъ литературныхъ, просвѣтительныхъ, ученыхъ и другихъ общественныхъ организацій, объединенная въ комитетъ юбилейнаго чествованія „Русскихъ Вѣдомостей“, рѣшила ознаменовать это общественное торжество учрежденіемъ вспомогательнаго фонда для литераторовъ и журналистовъ, присвоивъ ему наименованіе „Капитала имени „Русскихъ Вѣдомостей“. Доходъ съ этого капитала будетъ обращенъ на выдачу ссудъ и пособій литераторамъ и журналистамъ, нуждающимся въ леченіи, отдыхѣ и въ расширеніи своихъ общихъ и спеціальныхъ знаній. Одинъ изъ лучшихъ способовъ удовлетворенія этихъ потребностей—поѣздки и путешествія—недоступенъ для громаднаго большинства русскихъ работниковъ печати. При существованіи ряда спеціальныхъ капиталовъ и организацій общественной и взаимной помощи нуждающимся литераторамъ и журналистамъ, этотъ видъ матеріальнаго содѣйствія въ Россіи еще не примѣнялся. Полагая поэтому, что созданіе такого рода помощи литераторамъ и журналистамъ являлось бы достойной формой ознаменованія юбилея „Русскихъ Вѣдомостей“, Комитетъ приступилъ къ сбору средствъ. Управленіе этимъ капиталомъ предполагается предоставить одному изъ литературныхъ обществъ. Считая необходимымъ одновременно отмѣтить въ благодарной памяти русскаго общества полустолѣтній трудъ типографскихъ рабочихъ „Русскихъ Вѣдомостей“, Комитетъ рѣшилъ часть собранныхъ средствъ употребить на учрежденіе одной или нѣсколькихъ стипендій, въ зависимости отъ суммы сбора, для дѣтей типографскихъ рабочихъ газетнаго дѣла, учащихся въ средней или высшей школѣ, присвоивъ этому капиталу наименованіе стипендіи имени „Русскихъ Вѣдомостей“.

Лица, желающіе принять участіе въ этомъ дѣлѣ, благоволятъ вносить свои пожертвованія: въ Москвѣ: 1) въ кассу Литературно-Художественнаго кружка (Б. Дмитровка, д. Востряковыхъ), 2) въ контору журнала „Вѣстникъ Воспитанія“ (Староконюшенный пер., д. 32), 3) въ московское отдѣленіе конторы журнала „Русская Мысль“ (Староконюшенный пер.); въ Петербургѣ: 1) въ контору журнала „Русская Мысль“, 2) въ контору журнала „Вѣстникъ Европы“, 3) въ контору газетъ „Рѣчь“ и „Современное Слово“.

ОТЪ КОМИТЕТА ЮБИЛЕЙНАГО ЧЕСТВОВАНІЯ

Иногороднихъ просятъ направлять пожертвованія простыми почтовыми переводами на имя присяжнаго повѣреннаго Бориса Семеновича Шполянскаго (Москва, Кудринская площадь, д. 1, кв. 22).

В. А. Александровъ, А. П. Алексѣевскій, В. Я. Брюсовъ, И. А. Бунинъ, Ю. А. Бунинъ, И. А. Бѣлоусовъ, А. М. Васнецовъ, В. В. Вересаевъ-Смидовичъ, Л. И. Гальберштадтъ, князь В. М. Голицынъ, Д. Я. Голубевъ, А. Е. Грузинскій, А. А. Губаревъ, Н. В. Давыдовъ, И. А. Данилинъ, Ф. А. Даниловъ, Д. Н. Доброхотовъ, князь П. Д. Долгоруковъ, Д. А. Жариновъ, А. А. Карзинкинъ, Н. В. Касаткинъ, Н. П. Кашинъ, Н. М. Кишкинъ, А. М. Кожебаткинъ, М. Г. Коммиссаровъ, Н. М. Кулагинъ, А. П. Левицкій, А. Р. Ледницкій, С. К. Винцеръ, Л. М. Лопатинъ, К. К. Мазингъ, С. С. Мамонтовъ. С. Д. Махаловъ-Разумовскій, С. П. Мельгуновъ, А. П. Мертваго, Н. Ф. Михайловъ, Н. В. Обнинскій, В. В. Переплетчиковъ, И. И. Поповъ, П. П. Рабушинскій. В. Д. Соколовъ, С. А. Соколовъ-Кречетовъ, князь А. И. Сумбатовъ, Б. И. Сыромятниковъ, Н. Д. Телешевъ, Н. М. Тесленко, Д. И. Тихомировъ, И. С. Урысонъ, А. І. Цатуріанъ, А. В. Цингеръ, К. И. Шидловскій, Б. С. Шполянскій, П. П. Юреневъ, С. В. Яблоновскій, Вл. И. Немировичъ-Данченко.

Пожертвованія въ капиталъ имени „Русскихъ Вѣдомостей“ принимаются также въ конторѣ „Русскаго Богатства“.

ПОПРАВКА.

Въ статьи Е. В-ва „Изнанка войны" и Е. Волкова „Письмо изъ Варны", помѣщенныя въ іюльской и августовской книжкахъ „Р. Богатства", вкралось, къ сожалѣнію, нѣсколько грубыхъ опечатокъ.

Въ первой изъ этихъ статей на с. 25, строкѣ 6 напечатано „орелъ" вмѣсто „ореолъ"; на с. 247, стр. 1—„въ Сиресѣ" вмѣсто „въ Сересѣ"; на с. 247, стр. 2—„въ Ковалѣ" вмѣсто „въ Кавалѣ"; на с. 258, стр. 44 и 45—„руслакъ" вмѣсто „руснакъ"; на с. 259, стр. 32—„бойло" вмѣсто „бойно".

Во второй статьѣ на с. 260, строкѣ 5 напечатано „варшавскаго" вмѣсто „варненскаго"; на с. 269, стр. 15 и 44—„хачоузскимъ" вмѣсто „хагоузскимъ" и „хачоузы" вмѣсто „хагоузы"; на с. 277, стр. 13—„Карачанову" вмѣсто „Караганову".

Редакторъ **Л. И. Бородзичъ**. Издатель **В. Г. Короленко**.

Универсальная Библіотека

Цѣна каждаго номера 10 коп.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

823-824. **Шатобріанъ**. Атала. Ренэ.
826-828. **Мопассанъ**. Наше сердце.
829. **Уэллсъ**. Страна слѣпыхъ.
830. **Янъ Порукъ**. Бѣлая одежда.
831-833. **Р. Киплингъ**. Свѣтъ погасъ.
834. **Мольеръ**. Мнимый больной.
835-836. **Франсъ**. Ивовый манекенъ.
837. **Г. Андерсенъ**. Ледяница.
844. **Уайльдъ**. Преступленіе лорда Артура Сэвиля и др. разсказы.
845-848. **Ирасекъ**. Псоглавцы.
849. **Бирбаумъ**. Странныя исторіи.
856. **Стриндбергъ**. Дѣтская сказка.
857-858. **Мопассанъ**. Разсказы бекаса.
859. **Ан. А. Церетели**. Баши-Ачукъ.
860-862. **Сроковскій**. Анахронисты.
863. **Сюлли-Прюдомъ**. Избранныя стихотворенія.
864-866. **Жюль Вернъ**. Вокругъ луны.
867. **Макушинскій**. Мефистофель.
868-870. **Франсъ**. Аметистовый перстень.
871-872. **Бернарденъ де Сенъ-Пьеръ**. Поль и Виргинія.
873. **Гейне**. Флорентійскія ночи.
878. **Мопассанъ**. Мадмуазель Фифи.
879-882. **Жюль Вернъ**. Вокругъ свѣта въ восемьдесятъ дней.
887. **Бирбаумъ**. Студенты.

Произведенія **Дж. Лондона**:
431. Мюбимцы Мидаса.
786. Лунный ликъ.
790. Богъ его отцовъ.
806. Любовь къ жизни.
812. Мужская вѣрность.
816. Когда боги смѣются.
822. Сила женщины.
825. Послѣдняя борьба.
840-3, Морской волкъ.
850-5. Мартинъ Иденъ.
895. Путь ложныхъ солнцъ.

Русская литература.

575-577. **Нарѣжный**. Бурсакъ.
578. **Богдановичъ**. Душенька.
579. **Ленскій**. Левъ Гурычъ Синичкинъ.
580. **Мей**. Царская невѣста.
581, **Мей**. Псковитянка.
584. **Гусевъ-Оренбургскій**. Капитанъ Кукъ и др. разсказы.
585. **Ковальскій**. Жизнь — мгновенье и др. разсказы.
586. **Сологубъ**. Опечаленная невѣста и др.
587. **Толстой**. Отецъ Сергій.
588-589. **Комическая опера XVIII вѣка**.
590. **Андреевъ**. Разсказъ о семи повѣшенныхъ.

Научно-популярная литература.

651. **Э. Пименова**. Наполеонъ I.
652. **Т. Богдановичъ**. Александръ 1.
659, 660, 663, 664, 667. **И. Тэнъ**. Лекціи объ искусствѣ. Ч. I—V.
661. **Т. Сократова (Алабина)**. Наполеонъ въ Россіи.
662. **Г. Швабъ**. Миѳы классической древности. Походъ аргонавтовъ.
665-666. **Л. Гартманъ**. Паденіе античнаго міра.
668. **Платонъ**. Апологія Сократа. Критонъ.
669. **Дж. Уотсонъ**. Наслѣдственность.
676-677. **Перцевъ**. Девятнадцатый вѣкъ.
681-2. **Т. Биртъ**. Исторія римской литературы.

СПРАВОЧНЫЙ ОТДѢЛЪ.

Карманные словари:
601-604. Французско-русскій. Состав. **Н. Бронштейнъ и О. Румеръ**.
605-608. Русско-французскій. Составилъ **Н. Бронштейнъ**.
613-616. Нѣмецко-русскій. Составилъ **Н. Бронштейнъ**.

Цѣна каждаго словаря въ переп. 50 коп.

Справочники-путеводители.
609-610. Берлинъ и его окрестности. (Съ картой). Сост. **Я. Сегалъ**.
611-612. Вѣна и ея окрестности. (Съ картой). Сост. **Я. Сегалъ**.
Печатаются: Римъ, Парижъ и др.

Цѣна каждаго путеводителя въ перепл. 30 коп.

К. Гамсунъ. Послѣдняя Отрада. 2 изд. Ц. 1 руб.
К. Михаэлисъ. Книга о любви. Ц. 75 коп.

Подробные каталоги высылаются безплатно.

Продажа во всѣхъ книжн. маг., въ желѣзнодорожн. кіоскахъ и у газетчиковъ.

Заказы не менѣе, чѣмъ на 1 руб. 50 коп., исполняются Главной Конторой наложен. платеж.

Главная контора К-ва „ПОЛЬЗА“, В. Антикъ и К°.

Москва, Козицкій пер., д. № 10б, отдѣленіе въ СПБ., Поварской 8.

Типографія Акц. Общ. „СЛОВО“, ул. Жуковскаго, 21.

